СБОРНИКЪ

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

СБОРНИКЪ

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

Лица, желающія войти въ сношеніе съ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, могутъ обращаться къ секретарю **Александру Александровичу Половцову**, жительствующему въ С.-Петербургѣ, на Большой Морской, № 54.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ СНОШЕНІЯ МЕЖДУ РОССІЕЮ И ШВЕЦІЕЮ

ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО

ДО ПРИСОЕДИНЕНІЯ ФИНЛЯНДІИ КЪ РОССІИ*.

(К. К. Злобина.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сношенія между Россіею и Швеціею были въ прежнее столѣтіе предметомъ особеннаго вниманія нашего правительства. Тому причиною было не могущество Швеціи, не обширность торговыхъ оборотовъ между двумя государствами, весьма небогатыми, но то обстоятельство, что новая столица имперіи была только въ нѣсколькихъ верстахъ отъ границъ государства, которое пострадало болѣе всѣхъ отъ быстраго возрастанія нашего отечества и слѣдовательно не могло имѣть къ намъ пріязненныхъ чувствъ. Въ самое короткое время послѣ Полтавской битвы Швеція уступила Россіи навсегда первенство на сѣверѣ и потеряла значеніе, которое даровали ей воинскія способности цѣлаго ряда государей—это народное несчастіе не легко было забыть.

Едва ли какой народъ имѣлъ прежде столь громкую воинскую славу какъ Шведы. Густавъ Ваза (1523 — 1560 года) освободитель своего

* Эта статья составлена на основаніи дипломатической переписки, хранящейся въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Историческія данныя, служащія для объясненія дипломатическихъ сношеній, заимствованы изъ нижеслѣдующихъ сочиненій:

Alison: History of Europe from the commencement of the French revolution in 1789 to the restoration of the Bourbons in 1815 by Archibald Alison. Paris 1841, 12 vol.

Roeder: Danmarks Krigs og Politiske historie af J. v. Roeder. Kjöbenhavn 1845, 3 vol.

Fryxell: Berättelser ur Svenska historien af And. Fryxell, Stockholm 1835, 36 v. Fältmarskalsken grefve Johann Christopher Toll, biografisk teckning. Stockholm 1849, 2 vol.

Hoepfner: Der Krieg von 1806 und 1807, von Ed. Hoepfner. Berlin 1850. 4 vol.

народа, заслужилъ своими подвигами и своею преданностію къ отечеству неизмѣрную любовь своихъ подданныхъ. Карлъ IX, искусный правитель, завоевалъ значительную часть восточнаго прибрежья Балтійскаго моря. Сынъ его, Густавъ Адольфъ, преобразователь военной науки, упрочилъ за собою пріобрѣтенія своего предшественника, прославилъ свое отечество и спасъ протестантовъ Германіи, изнемогавшихъ въ борьбѣ съ католическою лигою. Одушевленіе произведенное его доблестями было такъ сильно, что даже геройская смерть его при Люценѣ (16 Ноября 1632 г.) не остановила успѣховъ его полководцевъ, и малолюдная Швеція играла въ переговорахъ окончившихся Вестфальскимъ миромъ первокласную роль, наравнѣ съ Германскою имперіею и съ Франціею. Пріобрѣтеніе богатыхъ областей въ сѣверной Германіи было послѣдствіемъ заслугъ Шведскихъ генераловъ и канцлера Оксеншерны, мудраго совѣтника Густава Адольфа и его дочери королевы Христины. Карлъ X (1654 — 1672) полководецъ смѣлый и неутомимый, далъ своему королевству наибольшій объемъ который она когда либо имѣло, и если ему не удалось обезпечить за собою всѣхъ своихъ завоеваній, онъ успѣлъ по крайней мѣрѣ завладѣть южною полосою Скандинавскаго полуострова, въ которой находятся плодородныя и наиболѣе населенныя области нынѣшней Швеціи: Мальме, Блекингенъ, Богусъ и Галландъ. Сынъ его Карлъ XI долженъ былъ уступить Великому Курфирсту часть Помераніи, но сохранилъ остальныя завоеванія своихъ предковъ. Побѣды при Гальмстадѣ, Лундѣ и Ландскронѣ надъ Датскими войсками, одержанныя подъ его личнымъ предводительствомъ, прославили его какъ полководца, но не одними воинскими подвигами ограничиваются его права на признательность народа. Онъ привелъ въ порядокъ всѣ государственныя дѣла, возстановилъ финансы, истощенныя продолжительными войнами прежняго времени, утвердилъ королевскую власть на прочномъ основаніи и возвратилъ шведской казнѣ помѣстья расточенныя въ предыдущія правленія, особенно при тщеславной королевѣ Христинѣ. Ему обязана Швеція устройствомъ военныхъ силъ своихъ (indelningsverket). Шведскій историкъ Гейеръ справедливо замѣчаетъ, что никогда Швеція не была такъ сильна, такъ уважаема какъ при Карлѣ XI. Когда онъ умеръ, государство не имѣло никакого долга; въ казначействѣ было наличными деньгами 7 милліоновъ далеровъ, сумма огромная для того времени.

Преемнику его Карлу XII было только пятнадцать лѣтъ отъ роду когда онъ вступилъ на престолъ. Его молодость не обѣщала блестящаго царствованія и государи трехъ сосѣднихъ монархій хотѣли воспользоваться его неопытностью, чтобы вознаградить себя за прежнія свои неудачи въ войнахъ противу Шведовъ. Неожиданно для всѣхъ юный король оказалъ воин-

скія способности поставившія его въ главѣ всѣхъ полководцевъ XVIII столѣтія. Еслибъ онъ не имѣлъ противникомъ Петра Великаго, Швеція сохранила бы на долго свое первенство на сѣверѣ — но Петръ былъ геній всеобъемлющій, а Карлъ былъ великъ только на полѣ сраженія. Борьба кончилась уничтоженіемъ могущества Швеціи и совершеннымъ истощеніемъ ея силъ.

Своими успѣхами Швеція была обязана не только воинскимъ дарованіямъ своихъ королей-полководцевъ, но и доблестямъ народа. Неустрашимые въ бою, Шведы въ то же время выгодно отличались передъ всѣми современниками глубоко религіознымъ настроеніемъ, любовью къ родинѣ, чувствомъ долга и преданностію своимъ государямъ. Густавъ Адольфъ, Карлъ X и Карлъ XII только немногіе годы провели въ Стокгольмѣ, тѣмъ не менѣе народъ безропотно приносилъ всѣ жертвы которыхъ ихъ короли издалека отъ него требовали. Только по поверхности народа скользило вредное вліяніе роскоши, занесенной на сѣверъ вождями тридцатилѣтней войны, которые не съ одною лишь славою возвратились на родину изъ опустошенной Германіи—народъ сохранялъ древнюю простоту нравовъ. Причина быстраго паденія Шведскаго могущества объясняется несоразмѣрностію матеріальныхъ средствъ страны съ тѣми задачами, которыя предлагали себѣ ея государи. Самое географическое положеніе Швеціи было до крайности невыгодно; она состояла изъ прибрежныхъ областей, безъ прочной связи одна съ другой, расположенныхъ кольцемъ около Балтійскаго моря, на которомъ Данія благодаря своему превосходному флоту съ успѣхомъ оспаривала у ней первенство. Наконецъ прибалтійское прибрежье королевства оттѣсняло отъ моря Россію и Пруссію, а для нихъ завладѣть этими землями было дѣломъ существеннымъ, необходимымъ. Онѣ были поэтому естественными врагами Швеціи, и усвоивъ наконецъ себѣ усовершенствованія въ военной наукѣ, бывшія до сихъ поръ исключительнымъ достояніемъ Шведовъ, при первой возможности присвоили себѣ провинціи, столько имъ нужныя.

Мы приведемъ нѣкоторыя подробности о томъ положеніи, въ которомъ находилась эта страна въ послѣдніе годы царствованія Карла XII.

Въ 1718 году фунтъ (skålpund) * сахара стоилъ отъ 5 до 6 шведскихъ серебряныхъ далеровъ; тонна (tunna) ** соли 106 далеровъ и во всемъ королевствѣ одно время было на лицо не болѣе 200 тоннъ соли. Сала было такъ мало что стокгольмскіе мастеровые осенью 1718 года отказывались отъ ра-

* Шведскій фунтъ skålpund равенъ одному нашему фунту и тремъ золотникамъ.

** Шведская тунна равняется 5.58591 четверикамъ. Тунна хлѣба 6.28417 четверикамъ.

боты по недостатку средствъ для освѣщенія мастерскихъ. Люди сравнительно достаточные оставались зимою по той же причинѣ въ потемкахъ 18 часовъ въ сутки. Чиновники и дѣловые люди часто сидѣли безъ дѣла, потому что не могли достать ни перьевъ ни бумаги. Торговый и нѣкогда богатый городъ Гефле въ 1719 г. имѣлъ только одно небольшое купеческое судно и пай въ другомъ суднѣ; въ портъ города Мальме въ теченіе трехъ лѣтъ не зашелъ ни одинъ корабль.

Непомѣрные налоги угнетали народонаселеніе — за право носить платье изъ иностранныхъ шелковыхъ матерій, кружева, галуны, дорогіе мѣха, взыскивалась значительная пошлина; кто хотѣлъ пить кофе и чай, долженъ былъ платить казнѣ ежегодно два серебряныхъ далера, и столько же за дозволеніе курить табакъ. Въ послѣдній годъ правленія Карла XI государственные расходы Швеціи простирались до 6 милліоновъ съ небольшимъ далеровъ; въ 1715 году, когда она потеряла половину своихъ владѣній и когда край былъ совершенно истощенъ, издержано было 15,253,942 далера.

Земледѣліе было въ совершенномъ упадкѣ. Тунна ячменю стоила въ 1717 году 30 далеровъ, ржи 32 далера. Бѣдные питались древесною корою и скоро дѣлались жертвами болѣзней. Въ Стокгольмѣ находили на улицахъ людей умершихъ отъ голода. Въ 1717 г. въ одной Швеціи умерло 60,000 дѣтей; изъ 1,200 гвардейскихъ солдатъ было 500 больныхъ. Число городскихъ обывателей уменьшилось въ 1719 году на двѣ трети противъ 1700 года. Даже при дворѣ серебряная посуда была большею частію продана или перечеканена въ монету и если вѣрить изустному преданію гости, приглашенные во дворецъ, должны были приносить съ собою свои собственныя ложки. Узнавъ объ этомъ Карлъ XII сталъ употреблять жестяную посуду *.

Когда кончилась эта губительная война, Швеція потеряла Бременъ, Верденъ, Померанію къ югу отъ рѣки Пены, Лифляндію, Эстляндію, Карелію, Ингерманландію, право безпошлиннаго плаванія черезъ Зундъ. Отъ прежняго Шведскаго флота оставалась только четвертая часть, государственный долгъ возросъ до 60 милліоновъ серебряныхъ далеровъ, звонкая монета исчезла. Торговля, промышленность, горное дѣло были почти уничтожены.

Вотъ во что обошлись Швеціи геройство Карла XII и неровная борьба его съ Петромъ Великимъ.

Вспомнимъ, какою основатель С.-Петербурга нашелъ Россію и какою онъ ее оставилъ.

---

* Fryxell, т. 28, стр. 138.

Прошло двадцать лѣтъ послѣ заключенія Ништадскаго мира и Швеція, отдохнувъ нѣсколько, стала мечтать о возвращеніи хотя части потерянныхъ ею областей. Увлекаемый воспоминаніями о прежней славѣ своего оружія и французскими субсидіями Стокгольмскій дворъ объявилъ войну Россіи. Господствовавшая тогда въ сеймѣ партія шляпъ, т. е. приверженцевъ Франціи, расчитывала на неустройства въ С.-Петербургѣ послѣ кончины Императрицы Анны, на непрочность новаго порядка вещей, установленнаго въ Россіи Петромъ Великимъ и дорого поплатилась за свое заблужденіе. Армія, созданная великимъ преобразователемъ, нанесла Шведамъ цѣлый рядъ пораженій—изъ 25,000 человѣкъ войска, отправившихся изъ Швеціи въ походъ противъ Россіи, едва осталось 3,000 человѣкъ подъ ружьемъ; Финляндія, вся покоренная нами, возвращена была Швеціи лишь съ условіемъ, чтобъ въ преемники бездѣтнаго Короля Фридриха былъ избранъ Голштейнъ-Готторпскій принцъ Адольфъ Фридрихъ. Его соперникомъ былъ Датскій наслѣдный принцъ. Такимъ образомъ, въ слѣдствіе нашихъ побѣдъ, не состоялось соединеніе трехъ Скандинавскихъ королевствъ, которое казалось готово было совершиться ко вреду Россіи.

Миръ, заключенный въ Або въ 1743 году, обезпечилъ за Россіею три крѣпости, считавшіяся оплотомъ Финляндіи, а именно Вильманстрандъ, Фридрихсгамъ и Нислотъ. Шведамъ пришлось строить новую крѣпость для защиты Финляндіи, и съ этою цѣлію былъ основанъ въ послѣдствіи Свеаборгъ.

Миръ нами предписанный обезоруженной Швеціи могъ бы быть выгоднѣе для Россіи; вся Финляндія была занята Русскими войсками и никто не помѣшалъ бы намъ еще въ то время обратить ее въ Русскую область. Императрица Елисавета, согласившись оставить ее во владѣніи побѣжденнаго врага, руководствовалась вопреки мнѣнію Бестужева совѣтами иностранцевъ и завистниковъ ея министра, а именно: Шведа Седеркрейца, Любераса, Лестока и Брюммера. На подарки, полученные отъ великодушной Императрицы Седеркрейцъ купилъ на родинѣ большое помѣстье и зажилъ богачемъ*.

Попытка противъ Россіи не удалась: Стокгольмскій дворъ возобновилъ свои военныя покушенія, но ужъ не противъ насъ.

Снова убѣжденное субсидіями Франціи, Шведское правительство рѣшилось принять участіе въ семилѣтней войнѣ, въ надеждѣ отнять у Пруссіи потерянную прежде того Померанію, но и этотъ разъ жестоко ошиблось въ своихъ расчетахъ. Слабому государству пришлось воевать съ Фридрихомъ Великимъ и въ этой борьбѣ Швеція не пріобрѣла ни чести ни выгоды, только финансы ея пришли въ совершенное разстройство.

---

* Fryxell, т. 36, стр. 164.

Густавъ Третій, славолюбивый но опрометчивый, рѣшился воспользоваться войною Россіи съ Турціей, чтобъ загладить прежнія неудачи Шведскаго оружія. Онъ могъ бы съ своею тридцатитысячною арміею привести въ затрудненіе наше правительство, которое не ждало войны съ этой стороны — въ Петербургѣ начинали сильно тревожиться, но министръ Морковъ, бывшій прежде въ Стокгольмѣ, предсказалъ что внутреннія неустройства не позволятъ Густаву осуществить свои честолюбивые замыслы. Дѣйствительно, скоро потомъ Финляндскія войска отказались, почти въ виду Петербурга, участвовать въ войнѣ предпринятой безъ согласія представителей народа и Густавъ долженъ былъ отступить. Разрывъ съ Россіей кончился миромъ въ Вереле — Швеція не пріобрѣла ничего, и скоро послѣ того преступленіе, совершенное Анкарстремомъ, положило конецъ безпокойной дѣятельности Густава.

Когда Императоръ Александръ вступилъ на престолъ, въ Швеціи царствовалъ Густавъ IV *. Королю было только тринадцать лѣтъ, когда прекратилась жизнь его отца. Разные неблагопріятные слухи распространены были немедленно послѣ его рожденія — воспитаніе его было неразумное, а природа не была къ нему щедрою. Въ немъ не было ни мягкости характера, ни такту, ни снисходительности; его правдивость при совершенномъ отсутствіи соображенія обращалась въ жесткость. Онъ считалъ себя призваннымъ свыше для того чтобы карать пороки и во все свое царствованіе думалъ только о своихъ правахъ, нисколько не заботясь о чувствахъ другихъ. Блестящій Густавъ Третій очаровывалъ своимъ краснорѣчіемъ даже своихъ враговъ—угрюмый его преемникъ умѣлъ только объявлять самымъ преданнымъ изъ своихъ министровъ «я такъ хочу — этого достаточно». Никакія дарованія не выкупали его недостатковъ. Его набожность не была основана на любви къ человѣчеству. Его сухое обращеніе съ приближенными, его постоянная подозрительность отталкивали отъ него всѣхъ. Судьба дала ему въ супруги сестру Императрицы Елисаветы Алексѣевны — она была одарена прекраснѣйшими качествами души, но всѣ ея достоинства не могли предохранить ее отъ самыхъ оскорбительныхъ выходокъ со стороны супруга. Въ первый разъ Швеціею правилъ король, который не только не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о войнѣ, но даже не обнаружилъ личнаго мужества, а между тѣмъ онъ непремѣнно хотѣлъ командовать и распоряжаться военными дѣйствіями. Онъ ненавидѣлъ Францію и весь порядокъ вещей бывшій слѣдствіемъ ея революціи, но въ то же время перессорился со всѣми своими сосѣдями. Въ бурную эпоху Наполеона несчастная Швеція не имѣла ни одного

* Густавъ Адольфъ.

надежнаго союзника, и король ея, который вмѣшивался во всѣ дѣла, не умѣлъ самъ ничего устроить, и въ то же время не слушалъ ничьихъ совѣтовъ.

Чтобъ постигнуть неизмѣримую разницу между Императоромъ Александромъ и Густавомъ Четвертымъ, стоитъ только сравнить ихъ кабинетныя письма. Все что выходило изъ пера Густава несвязно, безпорядочно, худо написано—на каждой строчкѣ проявляется отсутствіе соображенія и какая то мелочная придирчивость. Каждое письмо Императора Александра изящно и по чувствамъ и по слогу, вездѣ проявляется теплота души и превосходное образованіе.

Все XVIII столѣтіе было для Швеціи періодомъ финансоваго разстройства. Борьба партій оспаривавшихъ одна у другой вліяніе отразилась на внутреннемъ управленіи, и привела къ запутанности во всѣхъ разсчетахъ. Субсидіи отъ Франціи отпускаемыя далеко не покрывали тѣхъ расходовъ, въ которые государство было вовлечено несчастными войнами этого періода. Необходимость прибѣгать къ чужой помощи каждый разъ, какъ приходилось воевать, заставляла Шведское правительство быть орудіемъ другихъ болѣе богатыхъ державъ. Въ первые годы правленія Густава III финансы его нѣсколько поправились, но это улучшеніе было кратковременно; необдуманная расточительность короля, а болѣе всего неудачная война съ Россіею привели государственную казну въ прежнее разстройство. Всякій кредитъ былъ потерянъ—королевство, котораго промышленность стояла на самой низкой степени между всѣми Европейскими государствами, и имѣвшее не болѣе трехъ милліоновъ подданныхъ, было обременено государственнымъ долгомъ въ 30 милліоновъ риксдалеровъ, и сверхъ того имѣло бумажныхъ денегъ на 15 милліоновъ риксдалеровъ. Эти ассигнаціи теряли пятдесятъ процентовъ. Чтобы сколько нибудь поправить государственное хозяйство, сеймъ, собранный въ Норкёнингѣ (Norköping) 10 Марта 1800 г. принялъ крайнія мѣры: между прочимъ запрещено было употребленіе серебряныхъ вещей, которыхъ вѣсъ превышалъ десять унцій. Торговля страдала отъ стѣснительныхъ дѣйствій Англичанъ на морѣ, война Англіи съ Франціей имѣла при тогдашнихъ понятіяхъ о международномъ правѣ самыя стѣснительныя послѣдствія для нейтральныхъ державъ, а запретительная система, посредствомъ которой хотѣли удержать въ каждомъ государствѣ металлическія деньги, только поощряла контрабанду. Шведское правительство даже запретило употреблять кофе, который считался предметомъ вредной роскоши, между тѣмъ это произведеніе ввозилось въ значительномъ количествѣ въ Швецію, гдѣ мѣстныя обстоятельства больше чѣмъ гдѣ либо способствуютъ контрабандѣ. Наконецъ дошло до того, что королевская фамилія почти одна въ государствѣ отказывала себѣ въ этомъ напиткѣ. Когда въ послѣдствіи было

объявлено въ церквахъ, что подданнымъ короля Густава дозволяется употреблять кофе, оказалось, что въ каждомъ семействѣ были достаточные запасы запрещеннаго колоніальнаго продукта и всѣ тотчасъ же принялись пить кофе, не имѣя нужды ожидать подвоза.

Невозможность достигнуть какихъ либо выгодныхъ послѣдствій посредствомъ запретительной системы оказалась и при другомъ случаѣ. Густавъ III постоянно нуждался въ деньгахъ; чтобъ извернуться какъ нибудь онъ объявилъ винокуреніе казенною монополіею. Онъ гордился своими рыцарскими качествами, любилъ щеголять своимъ краснорѣчіемъ, писалъ стихи, говорилъ изящныя рѣчи, но весь этотъ блескъ не помѣшалъ ему употреблять всѣ свои старанія для того, чтобы увеличить между своимъ народомъ употребленіе крѣпкихъ напитковъ, отъ котораго онъ ждалъ поправленія своихъ финансовъ; въ этомъ одномъ онъ имѣлъ совершенный успѣхъ—пагубная страсть къ водкѣ распространилась какъ зараза по всему краю. Зло было очевидно; къ тому же наступили неурожайные годы—и Шведское правительство принуждено было чтобъ предотвратить истощеніе хлѣбныхъ запасовъ сперва сократить, потомъ совершенно стѣснить продажу крѣпкихъ напитковъ. Вино перестали выкуривать въ Швеціи, но контрабанда постоянно снабжала жителей гибельнымъ напиткомъ, безъ котораго уже не могли обойтись въ народѣ развращенномъ мѣрами своего же правительства. Король понапрасну только пожертвовалъ значительною приходною статьею своего скуднаго бюджета.

Безденежье, удручавшее королевство было до того тяжело, что не было для Стокгольмскаго двора возможности исполнить обязанности, возложенныя на него договорами. Онъ приступилъ вмѣстѣ съ Даніею къ системѣ принятой противъ Великобританіи въ послѣднее время царствованія Императора Павла. Когда Шведскому флоту слѣдовало выйти въ море для совокупнаго дѣйствія противъ Англичанъ, обнаружилось что не было въ запасѣ пороха; наличныхъ денегъ въ казначействѣ тоже не оказалось, а вексельный курсъ упалъ до того, что безъ огромныхъ потерь Шведское правительство не могло пріобрѣсть за границею то, чего недоставало для вооруженія флота. Шведскіе корабли оставались праздными въ Карлскронѣ въ самое рѣшительное время и было очевидно что при такомъ управленіи Швеція даже въ союзѣ съ другими державами ни могла имѣть никакого значенія.

Не безполезно разсмотрѣть съ нѣкоторою подробностію этотъ политическій вопросъ—первый, который разрѣшить Императору Александру надлежало немедленно по вступленіи своемъ на престолъ.

Великобританія, благодаря превосходству своихъ морскихъ силъ, господствовала надъ морями. Она старалась воспользоваться своимъ преобладаніемъ чтобы упрочить за собою для исключительныхъ выгодъ своихъ подданныхъ

право надзора надъ всѣми судами и во всѣхъ мѣстностяхъ, такъ какъ она считала всѣ моря своимъ исключительнымъ достояніемъ. Не имѣя на морѣ соперниковъ, она присвоила себѣ право не допускать взаимства, т. е. она не дозволяла иностраннымъ кораблямъ поступать съ Англійскими кораблями такъ точно, какъ она сама поступала со всѣми чужими судами. Однимъ словомъ, на морѣ она признавала одно право сильнаго, потому что сила была на ея сторонѣ. Понятно, что другія слабѣйшія на морѣ государства противились сколько могли этимъ притязаніямъ и старались выйти изъ этой зависимости, столько же оскорбительной для ихъ достоинства, сколько вредной для ихъ торговыхъ интересовъ.

Въ 1780 году Великобританія была въ войнѣ съ своими Сѣверо-Американскими колоніями, на сторонѣ которыхъ были Франція, Испанія и Голландія. Императрица Екатерина рѣшилась воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Великобританіи чтобы положить конецъ Англійскимъ притязаніямъ на господство во всѣхъ моряхъ. Знаменитый союзъ извѣстный подъ названіемъ вооруженнаго нейтралитета (1780 года) былъ первымъ протестомъ противу тѣхъ стѣснительныхъ правъ, которыя до тѣхъ поръ были предоставлены Англичанамъ на морѣ. Сѣверныя морскія державы объявили что онѣ считаютъ неприкосновенными права мореходства и торговли нейтральныхъ державъ, т. е. тѣ самыя права, которыми Англія не дозволяла никому пользоваться на морѣ какъ только своимъ подданнымъ и которыя впрочемъ были окончательно признаны всѣми державами только въ общей декларацiи въ Парижѣ 16 Апрѣля 1856 года. Первая декларація Императрицы Екатерины объ этомъ ея рѣшеніи послѣдовала 26 Февраля 1780 г. и была сообщена правительствамъ Великобританскому, Французскому и Испанскому. Въ томъ же 1780 году Россія, Швеція и Данія согласились чтобы Балтійское море считалось закрытымъ для прочихъ государствъ находящихся въ войнѣ между собою.

Эти правила впрочемъ не долго были соблюдаемы даже тѣми державами, которыя обязались принять ихъ въ руководство. Во время войны съ Россіею 1788 года, Швеція дѣйствовала какъ будто бы она никогда не приступала къ вооруженному нейтралитету. Россія послѣдовала этому примѣру и въ свою очередь во время послѣдней войны Екатерины II съ Турціею отступила отъ правилъ изложенныхъ въ ея декларацiи 26 Февраля 1780 года. Наконецъ наше правительство желая обезпечить успѣхъ мѣръ, принятыхъ противъ Франціи по соглашенію съ Великобританіей, въ 1793 году отказалось отъ этихъ правилъ и изъявило готовность содѣйствовать къ тому чтобы нейтральныя державы не охраняли своимъ покровительствомъ торговли Франціи ни на морѣ, ни въ портахъ.

Морскія силы Франціи были уничтожены Нельсономъ при Абукирѣ. Для нее было необходимо чтобы мореходство нейтральныхъ державъ было изъято отъ надзора постояннаго ея врага, Великобританіи. На свои купеческія суда она не могла уже болѣе расчитывать; чего не было во Франціи могло быть туда доставлено только посредствомъ нейтральныхъ кораблей. Первый консулъ Бонапарте поспѣшилъ открыть Французскіе порты для купеческихъ судовъ нейтральныхъ державъ; государства, которыхъ подданные занимались мореходствомъ, столько выгоднымъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ, чрезъ это самое были привлечены къ Франціи и дѣлались противниками Англіи, препятствовавшей сношеніямъ съ ея непріятелемъ. Съ огромными издержками Англичане усиленною блокадою преграждали путь къ Французскимъ портамъ, брали корабли нарушавшіе блокаду—шкиперы захваченныхъ судовъ, купцы, которымъ принадлежалъ конфискованный грузъ жаловались своимъ правительствамъ, и морскія государства видя раззореніе своихъ подданныхъ, въ свою очередь становились въ болѣе и болѣе непріязненныя отношенія къ Англіи.

Когда Императоръ Павелъ сталъ склоняться на сторону Франціи, Русское правительство приступило къ возобновленію вооруженнаго нейтралитета, какъ къ мѣрѣ наиболѣе вредной для Англіи. Немедленно вслѣдъ за тѣмъ Англійскій флотъ явился въ Датскихъ водахъ. Копенгагенскій дворъ долженъ былъ уступить и заключить съ Англійскимъ посланникомъ лордомъ Витвортомъ 29 Августа 1800 года договоръ, по которому дозволялось Англійскимъ крейсерамъ осматривать Датскія суда. Россія должна была готовиться къ подобному посѣщенію и къ одинаковымъ же требованіямъ. Въ негодованіи своемъ Императоръ Павелъ принялъ внезапно рѣшительныя мѣры. Въ Ноябрѣ 1800 года въ Русскихъ портахъ наложено было амбарго на всѣ Англійскія суда, изъ которыхъ многія успѣли уже принять богатый грузъ. Экипажи арестованныхъ судовъ были отправлены внутрь государства; на все что принадлежало Англійскимъ подданнымъ въ Россійской имперіи наложено было запрещеніе.

Подданные Густава IV, находившіе столько выгодъ въ торговлѣ съ Франціею, раззорялись отъ стѣснительныхъ мѣръ принятыхъ Англичанами противъ каждаго кто только покушался имѣть сношенія съ Французскими берегами. Король Шведскій, оскорбленный въ своемъ самолюбіи, зналъ, что своими средствами онъ не могъ защитить своихъ подданныхъ и готовъ былъ помогать своему могущественному сосѣду въ дѣйствіяхъ противу утѣснителей торговли нейтральныхъ государствъ съ Франціею. Слѣдующее обстоятельство положило конецъ его нерѣшительности.

Испанское правительство распорядилось построить два фрегата для Ба-

тавской республики, союзной съ Франціею и слѣдовательно враждебной Англіи. Оба судна стояли на якорѣ въ Барселонской гавани. Англичане захватили нейтральный Шведскій брикъ, подъ прикрытіемъ его флага вошли въ гавань и овладѣли обоими фрегатами. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Густавъ рѣшился стать на сторонѣ противниковъ Англіи.

Для осуществленія новой политики Императора Павла составилась въ С.-Петербургѣ конференція, подъ предсѣдательствомъ графа Ростопчина. Главнымъ предметомъ ея занятій было приведеніе въ дѣйствіе союза трехъ сѣверныхъ морскихъ державъ, съ цѣлію положить конецъ своеволію Англійскихъ крейсеровъ. Шведскій посолъ, генералъ баронъ Стедингъ, еще 1 Февраля ст. стиля 1801 г. увѣдомилъ наше правительство, что король Густавъ, не смотря на раззорительныя послѣдствія для торговли его подданныхъ отъ амбарго наложеннаго уже въ Англіи на Шведскія суда, намѣренъ содѣйствовать всѣми своими средствами видамъ С.-Петербургскаго кабинета; что адмиралъ Кронстетъ отправится въ Копенгагенъ и условится тамъ съ Датскимъ правительствомъ о мѣрахъ для преграждепія непріятелю прохода черезъ Зундъ. Баронъ Стедингъ былъ увѣренъ что обнародованіе союзнаго договора произведетъ выгодное для нашихъ цѣлей впечатлѣніе въ Англіи. Съ своей стороны графъ Ростопчинъ объявилъ Шведскому дипломату, что Императоръ будетъ неизмѣнно слѣдовать вновь принятому имъ направленію и употребитъ всѣ свои силы для защиты правъ какъ своихъ подданныхъ такъ и своихъ союзниковъ, что наконецъ по предположеніямъ Государя совершенное согласіе между союзниками вразумитъ Англію, вопреки стараніямъ тогдашнихъ ея министровъ.

На конференціи 2 Марта ст. стиля было положено чтобъ городъ Любекъ былъ предоставленъ Швеціи въ воздаяніе за ея содѣйствіе и въ вознагражденіе за ея потери.

Отъ Даніи ожидали что она наложитъ запрещеніе на Англійскіе капиталы и на все что могло принадлежать Англичанамъ въ Гамбургѣ, что вмѣстѣ съ Пруссіей она запретъ устья Эльбы и воспрепятствуетъ вывозу этимъ путемъ англійской собственности. Отъ Копенгагенскаго двора требовали также, чтобы по примѣру Россіи и Швеціи наложено было амбарго на Англійскія суда въ Датскихъ портахъ. Въ Копенгагенѣ колебались приступить къ этой крайней мѣрѣ — неудовольствіе Императора Павла обратилось на Данію, и графъ Ростопчинъ усугубилъ свои настоянія въ Копенгагенѣ. Наконецъ 8 Марта ст. стиля 1801 г. графъ Ростопчинъ объявилъ Датскому дипломату графу Левендалю, что Государь Императоръ соизволилъ отозвать своего министра при Копенгагенскомъ дворѣ, и что другаго Русскаго министра не будетъ туда назначено, пока Данія не исполнитъ въ точности обя-

занностей, принятыхъ ею на себя и не наложить амбарго на Англійскіе корабли.

Желая нетерпѣливо нанести рѣшительный ударъ своимъ противникамъ, Императоръ Павелъ въ послѣдній день своего царствованія отправилъ съ курьеромъ два Высочайшіе рескрипта. Первымъ было предписано барону Крюденеру, нашему министру въ Берлинѣ, потребовать отъ короля Фридриха Вильгельма чтобы въ теченіи двадцати четырехъ часовъ онъ приказалъ занять Прусскими войсками Ганноверское Курфиршество, а въ случаѣ его отказа, барону Крюденеру было предписано выѣхать изъ Берлина.

Вторымъ рескриптомъ поручалось агенту нашему во Франціи Колычеву изъявить первому консулу желаніе Государя, чтобъ Французскія войска вступили въ Ганноверское Курфирство. такъ какъ Прусское правительство медлило послать туда свои войска.

Морскія силы, которыя Сѣверный союзъ хотѣлъ направить противу Великобританіи были дѣйствительно велики. Россія имѣла въ то время всего 82 линейныхъ корабля и 40 фрегатовъ; впрочемъ изъ 47 кораблей, составлявшихъ Балтійскій флотъ, только 15 могли считаться боевыми. Швеція имѣла 18 линейныхъ кораблей и 14 фрегатовъ, и сверхъ того много канонерскихъ шлюпокъ. Данія могла располагать всего 23 линейными кораблями и 14 большими фрегатами; личный составъ ея флота былъ превосходенъ. Вообще говоря, три союзныя державы, соединивъ свои морскія силы, могли выставить немедленно 24 линейныхъ корабля а черезъ нѣсколько времени 50 другихъ кораблей съ 25 фрегатами и этотъ флотъ, соединившись съ кораблями Батавской республики, могъ бы при своемъ числительномъ превосходствѣ очистить Французскія воды отъ Англійскаго блокаднаго флота.

Съ своей стороны первый консулъ старался соединить въ одно флоты Испаніи, Обѣихъ Сицилій и Португаліи; онъ надѣялся сверхъ того на содѣйствіе Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, которыхъ морская торговля, уже развившаяся, страдала отъ стѣснительныхъ пріемовъ Англійскихъ крейсеровъ.

Такимъ образомъ кромѣ Турціи всѣ морскія державы Европы были въ союзѣ противу Великобританіи. Она приняла вызовъ. Англійскіе министры объявили, что отступить отъ началъ морскаго права, которыми они до тѣхъ поръ руководствовались, невозможно безъ нарушенія существенныхъ выгодъ государства. Парламентъ далъ согласіе на всѣ финансовыя мѣры, которыя были ему предложены министерствомъ. Онъ отдалъ въ распоряженіе правительства 139,000 матросовъ и морскихъ солдатъ; для дѣйствительной службы назначено 120 линейныхъ кораблей. Числительная сила всего Англійскаго флота достигла до баснословной цифры 205 линейныхъ кораблей

и 284 фрегатовъ; число сухопутныхъ регулярныхъ войскъ простиралось до 197,000 человѣкъ, и сверхъ того Англія имѣла для своей обороны болѣе 100,000 человѣкъ милиціи.

Великобританское правительство вполнѣ постигало необходимость не дать времени союзникамъ привести въ дѣйствіе ихъ предположенія. Семнадцать линейныхъ кораблей подъ командою Паркера и Нельсона вошли 30 Марта н. ст. 1801 года въ Зундъ. Три крѣпости, расположенныя на берегу пролива, Кроненбургъ, Ельсенеръ и Гельсингборгъ могли бы перекрестными выстрѣлами загородить дорогу Англичанамъ въ этомъ узкомъ проходѣ, который не шире 2,700 туазовъ ($4^3/_4$ версты), но Шведскій флотъ стоялъ на якорѣ въ портахъ за неимѣніемъ пороха, какъ было сказано выше; Шведскій берегъ былъ оставленъ безъ всякой обороны и Англійскій флотъ видя что Шведскія батареи безмолвствовали, прошелъ спокойно вдоль тѣхъ самыхъ береговъ, которые король Густавъ обязался защищать. Это обстоятельство было тѣмъ болѣе важно, что у Шведскихъ береговъ проливъ глубже. Датчане не хотѣли начинать военныхъ дѣйствій и сдѣлали только нѣсколько не важныхъ демонстрацій. Англійскіе адмиралы, пользуясь нерѣшительностью своихъ непріятелей, приняли на досугѣ и безъ всякихъ препятствій всѣ нужныя мѣры для нападенія на Копенгагенъ. Защита была геройская, но сраженіе кончилось тѣмъ что весь Датскій флотъ былъ истребленъ или достался въ руки Англичанъ. Копенгагенскій дворъ долженъ былъ согласиться на перемиріе, срокомъ на четырнадцать недѣль;—въ этотъ промежутокъ времени самоувѣренный и пылкій Нельсонъ надѣялся покончить дѣло съ Русскимъ флотомъ, задержанномъ льдами въ нашихъ моряхъ. Сверхъ того Данія согласилась отказаться въ отношеніи купеческихъ судовъ отъ началъ принятыхъ ею на основаніи нашей системы вооруженнаго нейтралитета.

Шведскій флотъ выступилъ наконецъ въ море, но Англійскимъ адмираламъ уже нечего было дѣлать въ Даніи, и по заключеніи перемирія они немедленно отплыли отъ разгромленной Датской столицы, чтобъ помѣряться съ новымъ своимъ противникомъ. Адмиралъ Кронстетъ, тотъ самый, который въ послѣдствіи сдалъ намъ Свеаборгъ, не показывалъ охоты вступить въ бой съ Нельсономъ и счелъ за лучшее удалиться подъ защиту батарей Карлскроны. Главнокомандующій Паркеръ отправилъ къ нему парламентера съ требованіемъ отвѣта на слѣдующіе два вопроса:

Согласна ли Швеція приступить къ перемирію, заключенному въ Копенгагенѣ?

Намѣренъ ли король Густавъ отказаться отъ непріязненныхъ мѣръ имъ принятыхъ противъ правъ и интересовъ Великобританіи?

Шведскій король въ то время былъ въ Карлскронѣ. По его приказанію

Англійскому адмиралу отвѣчали что Его Величество будетъ добросовѣстно и искренне исполнять обязанности имъ принятыя въ отношеніи своихъ союзниковъ, но что онъ не откажется принять во вниманіе справедливыя предложенія, которыя могли бы быть сдѣланы Его Великобританскимъ Величествомъ тремъ сѣвернымъ дворамъ.

Послѣ такого уклончиваго отвѣта нельзя было ожидать отъ Швеціи дѣятельнаго участія въ морской войнѣ и не того надѣялся отъ нея Императоръ Павелъ. Такимъ образомъ изъ трехъ сѣверныхъ союзниковъ одинъ былъ совершенно обезоруженъ, другой въ рѣшительную минуту оказался безсильнымъ и ненадежнымъ; Англія могла теперь безпрепятственно обратить всѣ свои силы противъ третьяго, а именно противъ Россіи.

Увѣрившись, что со стороны Швеціи нечего опасаться, Англійскіе адмиралы направили путь къ Финскому заливу, но скоро получили извѣстіе, что Императоръ Павелъ скончался.

Въ первые дни послѣ этого неожиданнаго событія Императору Александру предстояла необходимость или принять немедленно новыя основанія для своей политики или продолжать враждебныя дѣйствія противъ Великобританіи.

Изъ державъ, приступившихъ къ морскому союзу при началѣ войны, Данія менѣе всѣхъ показывала готовность къ рѣшительнымъ мѣрамъ противу общаго непріятеля; умѣренностію своихъ дѣйствій она навлекла на себя негодованіе Императора Павла; тѣмъ не менѣе она выдержала со славою если не съ успѣхомъ упорную битву противу превосходныхъ силъ и уступила тогда только когда были истощены всѣ ея средства. Король Густавъ говорилъ много о своей твердости, о своей рѣшимости — отъ него ожидали нѣкоторыхъ проблесковъ старинной славы Шведскихъ полководцевъ, но наступилъ кризисъ и со стороны Шведской не было сдѣлано ни одного выстрѣла въ пользу общаго дѣла. Жалкое состояніе морскихъ силъ королевства обнаружилось во время суда надъ адмираломъ Вахтмейстеромъ, главнымъ начальникомъ флота. Ошибкамъ Вахтмейстера хотѣли приписать плачевную роль, которую играла Швеція въ эту рѣшительную эпоху — его приговорили къ выговору, но это не послужило ни къ чему; подробности суда доказали что вся морская администрація Швеціи находилась въ совершенномъ безпорядкѣ, и что флотъ ея ни въ какомъ случаѣ не могъ быть принятъ въ расчетъ, хотя Швеція имѣла у себя въ изобиліи все что составляетъ основаніе и силу флота: лѣсъ, желѣзо, а главное—людей привыкшихъ къ морю и не разъ доказавшихъ свою природную неустрашимость.

Первыя отношенія Императора Александра къ своему сѣверному сосѣду обнаружили своенравный характеръ сего послѣдняго и впечатлѣніе,

которое произвелъ на Государя образъ дѣйствій короля Густава было весьма неблагопріятно. Если Англійскій флотъ шелъ безпрепятственно къ Кронштадту кто былъ въ этомъ виноватъ какъ не Густавъ, который не подалъ во время никакой помощи Даніи, не принялъ никакихъ мѣръ въ пользу союза, при первой встрѣчѣ съ Англичанами съ такою поспѣшностію уклонился отъ борьбы и такъ легко выдалъ своихъ союзниковъ?

Въ первыя недѣли своего царствованія, при разнородныхъ заботахъ такъ внезапно на него обрушившихся, Императоръ Александръ не могъ круто перемѣнить направленіе, которому слѣдовалъ его предшественникъ, но мѣры имъ принятыя относительно Англичанъ и ихъ кораблей задержанныхъ въ Россіи свидѣтельствовали о его миролюбіи. Этого было достаточно чтобы остановить непріязненныя дѣйствія Англичанъ противу Россіи. Вскорѣ открылись мирные переговоры. Со стороны нашей былъ уполномоченъ графъ Панинъ, со стороны Великобританіи лордъ Сентъ Еленсъ; ихъ совѣщанія не подлежатъ нашему разсмотрѣнію; предметомъ этой статьи будутъ только дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею.

Безъ сомнѣнія поступки Шведскаго короля лишили его всякаго права на заступленіе Россіи. Императоръ Александръ, обладая громадными средствами, обожаемый народомъ который съ восторгомъ встрѣчалъ воцареніе новаго своего повелителя, былъ увѣренъ что Великобританія со всею предупредительностію приметъ изъявленіе миролюбивыхъ его чувствъ. Онъ не имѣлъ никакихъ причинъ желать войны съ Англіей; всякая морская война самымъ вреднымъ образомъ отзывалась на нашей отпускной торговлѣ и на всемъ государственномъ хозяйствѣ. Гросмейстерство Мальтійскаго ордена и обладаніе Мальтою не могло льстить самолюбію владѣтеля неизмѣримой Россіи; неудачи нашего корпуса въ Голландіи онъ не приписывалъ, какъ его предшественникъ, умыслу Англійскихъ министровъ. При такомъ настроеніи рѣшительно не представлялось повода вести раззорительную войну за права нейтральнаго мореходства, въ которомъ его подданные почти вовсе не участвовали. Разгромленная Данія нуждалась въ мирѣ, Шведскій король на словахъ порывавшійся на войну съ Англіей при появленіи непріятеля уклонился отъ борьбы — для чего же было при такихъ обстоятельствахъ воевать съ Великобританіей и помогать Франціи, которой быстро возрастающее могущество начинало уже дѣлаться грознымъ для ближайшихъ сосѣдей Россіи, нашихъ естественныхъ союзниковъ.

Не дешево обошлись бы Швеціи ея попытки, хотя и тщетныя, противу морскаго преобладанія Англіи, если бы великодушный Александръ, забывъ вредъ нанесенный сѣверному союзу бездѣйствіемъ Швеціи, не подалъ ей руку помощи.

Баронъ Армфельтъ, который былъ присланъ отъ Шведскаго короля поздравить Императора Александра со вступленіемъ на престолъ, возвращался въ Стокгольмъ. Императоръ поручилъ ему передать Густаву IV изустное выраженіе его мыслей. Намъ неизвѣстно въ точности въ чемъ состояло это порученіе; о сущности его мы можемъ догадываться по содержанію кабинетнаго письма къ королю Густаву, которое Государь вручилъ Армфельту. Въ этомъ письмѣ Императоръ называлъ гибельнымъ раздоръ, волновавшій сѣверъ Европы, говорилъ что съ живымъ удовольствіемъ увидѣлъ бы окончаніе посредствомъ переговоровъ «нашихъ дѣлъ съ Великобританскимъ «дворомъ, но съ тѣмъ однако, чтобы съ требованіями человѣколюбія и съ «благомъ нашихъ подданныхъ было соглашено и наше достоинство, а также «и неизмѣнныя начала независимости торгующихъ націй. Твердость и миро«любіе могутъ существовать совмѣстно»* говорилъ Императоръ; впрочемъ, изъявляя намѣренія, такъ миролюбивыя, онъ въ то же время былъ намѣренъ «не приступать ни къ какой мѣрѣ этого рода безъ предварительной увѣрен«ности въ согласіи Шведскаго короля». (*Кабинетное письмо отъ 26 Марта ст. стиля 1801 года*).

Въ то же время послу нашему въ Стокгольмѣ генералу барону Будбергу было поручено обратить вниманіе Шведскаго правительства на опасности неравной борьбы Швеціи съ Англіей и склонить его къ примиренію, котораго Государь желалъ для сѣвера. Всѣ подробности Копенгагенскихъ событій сдѣлались въ то время извѣстными въ С.-Петербургѣ, тѣмъ не менѣе Государь не хотѣлъ отказаться отъ миролюбивой политики бывшей его цѣлію. (*Рескриптъ генералу Будбергу отъ 9 Апрѣля 1801 года*). Онъ понималъ, что Великобританское правительство при тогдашнихъ обстоятельствахъ должно было для своей защиты дѣйствовать смѣло и рѣшительно, что не было причины для Россіи быть союзницей Франціи и облегчать ея преобладаніе въ Европѣ.

Въ отвѣтѣ своемъ на это письмо король Густавъ съ своей стороны изъявлялъ намѣреніе не продолжать безъ нужды борьбу съ Великобританіей. Король сочувствовалъ миролюбивому расположенію Императорскаго двора, разсчитывалъ на старанія своего союзника въ пользу участниковъ сѣвернаго союза и «на постоянство его въ обязанностяхъ, принятыхъ въ отношеніи къ «нимъ его предшественникомъ». Сверхъ того онъ поручалъ интересы Швеціи его попеченію. (*Кабинетное письмо отъ 15 Мая 1801 г. н. ст.*).

Судя по этому письму въ изустномъ порученіи, данномъ Императоромъ Александромъ генералу Армфельту, была рѣчь и о посѣщеніи Государемъ

* On peut allier la fermeté avec l'amour de la paix.

короля Густава въ его столицѣ. Шведскій король отклонилъ это свиданіе подъ предлогомъ тогдашнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и отсрочивалъ его до того времени «когда внутреннія наши дѣла предоставятъ намъ «обоимъ досугъ необходимый для того, чтобъ мы могли заниматься этими «пріятными предположеніями» (*письмо короля отъ 29 Мая н. ст. 1801 года*).

Таковъ былъ отвѣтъ короля безсильной Швеціи на радушное предложеніе Императора Александра, который въ своей неизмѣнной кротости не только не хотѣлъ требовать отъ своего сосѣда отчета въ его пагубной небрежности, открывшей непріятелю пути въ Копенгагенъ и въ С.-Петербургъ, но даже не упоминалъ о ней.

Мысли Императора объ условіяхъ предполагаемаго мира съ Англіей изложены въ инструкціяхъ, данныхъ графу Панину, нашему уполномоченному при переговорахъ съ лордомъ Сентъ Эленсомъ. Императоръ находилъ, что Россія не имѣетъ прямаго и существеннаго интереса въ поддержаніи началъ вооруженнаго нейтралитета, но что было бы неполитично въ томъ сознаться. Графу Панину поручено было избѣгать всего, что могло бы дать поводъ сомнѣваться въ искреннемъ расположеніи Государя къ его союзникамъ «но», прибавлялъ Государь, «наше сближеніе съ Лондонскимъ дворомъ не можетъ «быть поставлено въ зависимость отъ нихъ».

Договоръ 5 (17) Іюня 1801 года подписанный въ С.-Петербургѣ уполномоченными Россіи и Англіи, положилъ конецъ несогласіямъ, которыя едва не вовлекли сѣверъ Европы въ жестокую войну изъ за причинъ второстепенной важности. Россія, правда, сдѣлала нѣкоторыя уступки Великобританіи, но онѣ не были предосудительны ни для достоинства государства, ни для существенныхъ его интересовъ. Бонапарте былъ недоволенъ этимъ соглашеніемъ и онъ имѣлъ на то основательныя побужденія; Сѣверный союзъ противъ Англіи, располагавшій такими огромными средствами, распадался послѣ первой неудачи. Франція могла теперь расчитывать только на южную Европу.

Въ своемъ письмѣ къ королю Шведскому объ этомъ мирѣ Императоръ выражался слѣдующимъ образомъ: «Если я согласился на нѣкоторыя измѣ«ненія въ правѣ, бывшемъ предметомъ спора, то сдѣлалъ это не прежде, «какъ по истощеніи всѣхъ средствъ въ моихъ силахъ и при убѣжденіи, что «дальнѣйшее сопротивленіе было бы только предосудительно для выгодъ «Швеціи». (*Кабинетное письмо отъ 3 Іюля ст. стиля 1801 г.*).

Не сдѣлавъ ровно ничего для пользы союза или для устройства дѣлъ сѣвера, Шведское правительство сочло себя въ правѣ обратиться къ С.-Петербургскому двору съ ходатайствомъ о вознагражденіи за свои убытки отъ этой войны. Оно увѣряло, что оно приступило къ своимъ вооруженіямъ только въ слѣдствіе обѣщаній данныхъ покойнымъ Императоромъ.

Подлинный актъ, въ которомъ было выражено это обѣщаніе, находился въ Стокгольмѣ. Онъ былъ изготовленъ 5 (17) Декабря 1800 года. Имъ обѣщалось Швеціи вознагражденіе за чрезвычайныя издержки для защиты Зундскаго пролива, лежавшей на отвѣтственности короля Густава, но какъ говорилъ Императоръ, «извѣстно, что Англійскій флотъ не встрѣтилъ «въ проливѣ никакого сопротивленія со стороны Швеціи, и вооруженія ея «послужили только къ защитѣ ея собственныхъ береговъ». (*Письмо Императора къ королю Шведскому отъ 5 Августа ст. стиля 1801 г.*). Притязанія Шведскаго правительства на денежное вознагражденіе были отклонены.

Благодаря уваженію, которое Великобританія оказывала С.-Петербургскому двору, Императоръ Александръ имѣлъ возможность устроить и дѣла Швеціи. «Все, чего могли ожидать союзники Его Императорскаго Величе-«ства отъ его заступленія для сохраненія ихъ достоинства, для защиты ихъ «выгодъ, для возстановленія свободы ихъ торговли и обезпеченія ихъ спо-«койствія было сдѣлано Государемъ, и собственныя его выгоды не были «предметомъ бóльшаго попеченія или вниманія». (*Депеша къ барону Будбергу отъ 16 Іюня 1801 года*).

Переговоры съ Великобританіею, кончившіеся этимъ трактатомъ, представляютъ ту странность, что въ продолженіи ихъ Россія ходатайствовала за Швецію безъ всякаго письменнаго полномочія отъ сей послѣдней. Прошло четыре недѣли послѣ прибытія лорда Сентъ Эленса въ С.-Петербургъ, но Шведскій посолъ не получалъ инструкцій отъ своего двора и не могъ приступить отъ себя ни къ какимъ переговорамъ съ Англійскимъ уполномоченнымъ. Только наканунѣ дня, когда былъ подписанъ трактатъ съ Великобританіею, баронъ Стедингъ былъ поставленъ въ возможность оффиціально сообщить нашему правительству, что король Густавъ «не могъ для общихъ «интересовъ какъ своихъ собственныхъ, такъ и своего народа сдѣлать лучше «какъ ввѣрить ихъ государю, котораго дѣло было такъ тѣсно связано съ его «дѣломъ и который имѣлъ столько правъ на его дружбу и на его до-«вѣріе».

Обстоятельства не дозволяли Императору медлить заключеніемъ мира съ Англіей, въ ожиданіи болѣе положительнаго сообщенія со стороны Швеціи. Онъ поручилъ своему министерству въ переговорахъ съ Англійскимъ уполномоченнымъ говорить объ интересахъ не только Россіи, но и двухъ другихъ сѣверныхъ морскихъ державъ. Графъ Панинъ конфиденціальною нотою отъ 10 Іюня ст. стиля 1801 года сообщилъ барону Стедингу копію съ текста IX статьи договора, касавшейся до Швеціи и Даніи. Въ ней сказано между прочимъ, что Великобританія по воспослѣдованіи актовъ, доказывающихъ согласіе короля Шведскаго приступить къ этой конвенціи и подтвердить

взаимные ихъ по торговлѣ договоры съ «королемъ Британскимъ», обязуется возвратить Швеціи всѣ взятые у нея призы.

Такимъ образомъ, благодаря предстательству Императора, Швеція могла воспользоваться благодѣтельнымъ для нея постановленіемъ IX статьи трактата, не заплативъ такъ дорого какъ Данія за вражду свою противу Великобританіи. Не участвовавъ въ переговорахъ, она усвоила себѣ выгодныя послѣдствія нашего трактата.

Швеція приступила къ конвенціи 5 (17) Іюня, но необходимыя ратификаціи были обмѣнены только 2 (14) Іюля 1802 года. Не излишне замѣтить, что въ Русскомъ титулѣ, которымъ по обыкновенію начинается ратификація, Высочайше подписанная, Государь именуется покровителемъ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, тогда какъ этого званія не значилось въ подлинномъ актѣ, подписанномъ полномочными. Особою нотою было объявлено, что эта приписка будетъ считаться несуществующею. Эта ратификація есть послѣдній государственный Русскій актъ, въ которомъ дается нашему Государю титулъ покровителя Мальтійскаго ордена.

Съ прекращеніемъ сѣвернаго союза сношенія между Россіею и Швеціею стали менѣе частыми. Король Густавъ видѣлъ съ сокрушеніемъ, что не ему суждено быть краеугольнымъ камнемъ политическихъ соображеній, касавшихся сѣверной Европы, а между тѣмъ это было затаеннымъ его желаніемъ. Воспоминанія о значеніи прежнихъ королей Швеціи тревожили его болѣзненное воображеніе, самолюбіе его страдало при мысли, что онъ былъ только прилагательнымъ въ политическихъ дѣлахъ этого времени, обильнаго великими событіями. Онъ досадовалъ на Данію за то, что она не спросившись его заключила перемиріе съ Англіею, но онъ забывалъ, что одна нераспорядительность Шведскаго правительства была причиною побѣды Нельсона и гибели Датскаго флота. Данія одна своими средствами, благодаря самоотверженію своихъ моряковъ, едва не отразила Англичанъ; и по всей вѣроятности послѣдствія нападенія Англичанъ были бы другія, если бы въ этой борьбѣ ей оказана была во время хотя малѣйшая помощь со стороны ея союзника и сосѣда.

Еще болѣе гнѣвался онъ на Россію, не смотря на услугу, оказанную ему Императоромъ. Особенно огорчалъ его отказъ нашего правительства въ денежномъ вознагражденіи, которое онъ считалъ ему слѣдующимъ. Деньги были ему нужны, чтобы сколько нибудь устроить свои военныя силы и хотя отчасти вознаградить своихъ подданныхъ за потери нанесенныя имъ Англичанами, въ то время когда до двухъ сотъ Шведскихъ кораблей были разомъ задержаны по распоряженію Англійскаго правительства. Случай играть важную роль былъ тогда подъ рукою, но онъ не умѣлъ имъ воспользоваться —

теперь не представлялось возможности стать снова на первомъ планѣ. Его досада выражалась повелѣніями столько же мелочными, сколько стѣснительными. Такъ, напримѣръ, онъ запретилъ дипломатическому корпусу и дворянству имѣть факелы, которые они употребляли проѣзжая ночью по темнымъ улицамъ Стокгольма.

Онъ думалъ смѣнить своего министра иностранныхъ дѣлъ. Для этой должности онъ имѣлъ въ виду генерала графа Акселя Ферзена, который нѣкогда игралъ такую блестящую роль въ счастливые дни Версальскаго двора; впрочемъ онъ скоро перемѣнилъ намѣреніе и объявилъ графу, что при теперешнихъ обстоятельствахъ онъ считалъ необходимымъ сблизиться съ Франціею и что назначеніе графа Ферзена, котораго глубокая преданность королевской фамиліи Бурбоновъ была всѣмъ извѣстна, могла бы не понравиться тогдашнему повелителю Франціи. «Я ненавижу теперешнее правительство «Франціи», отвѣчалъ графъ Ферзенъ, «я не могъ бы скрыть своего нерас-«положенія къ нему, и радуюсь что мнѣ не придется имѣть съ нимъ оффи-«ціальныхъ сношеній». Его назначили оберъ-гофмаршаломъ.

Лучше бы было для него, если бы онъ отказался и отъ этой должности. Десять лѣтъ потомъ, будучи обязанъ по своему званію распоряжаться погребеніемъ наслѣднаго принца Шведскаго, умершаго скоропостижно, онъ былъ умерщвленъ въ Стокгольмѣ народомъ, который считалъ его виновникомъ преждевременной кончины принца, столь любимаго въ Швеціи.

Баронъ Будбергъ получилъ разрѣшеніе отправиться въ безсрочный отпускъ. Въ его отсутствіе дѣла были поручены совѣтнику посольства, Алопеусу. Положеніе нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Стокгольмѣ было не весьма пріятно; съ самыхъ первыхъ поръ ему пришлось переносить жесткія выходки короля. Когда онъ желалъ представиться его величеству, король отвѣчалъ, что нечего спѣшить. На аудіенціяхъ дипломатическаго корпуса, король не удостоивалъ обращать рѣчь къ Датскому повѣренному въ дѣлахъ—всѣ любезности шли къ Французскому министру Бургоену. Король даже не отвѣчалъ на поклонъ Великобританскаго представителя.

Это направленіе Густава налагало на наше министерство обязанность неослабно слѣдить за дѣйствіями правительства, столь перемѣнчиваго. Миссіи нашей въ Стокгольмѣ было поручено доставлять въ С.-Петербургъ самыя подробныя извѣстія о вооруженіи Шведскихъ морскихъ силъ, о настоящемъ положеніи вещественнаго состава Шведскихъ флотовъ и о постройкахъ, которыя могли производиться въ портахъ Швеціи.

При такомъ настроеніи самыя ничтожныя обстоятельства принимали значительные размѣры и возбуждали непріятную дипломатическую переписку. Густавъ Адольфъ намѣренъ былъ посѣтить Финляндію. Императоръ Але-

ксандръ, всегда привѣтливый, желалъ дать случай Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ имѣть свиданіе съ ея сестрою, супругою Густава. Для встрѣчи избрано было мѣсто близъ Абборфорскаго моста, на рѣкѣ Кюмени, раздѣлявшей въ то время оба государства. Густавъ не пропустилъ этого случая излить свою досаду. Предлогомъ къ тому послужили самыя пустыя недоразумѣнія касательно пограничной черты по мосту и князь Куракинъ, управлявшій тогда нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, былъ поставленъ въ необходимость послать къ барону Стедингу ноту, въ которой встрѣчается слѣдующее мѣсто: «Императоръ не могъ не удивиться, что въ «то самое время, когда онъ оказалъ готовность приступить къ соглашенію «о границахъ, Шведскіе офицеры позволили себѣ ввести на мосту между «большимъ Абборфорсомъ и островомъ Гермасъ совершенно новый порядокъ. Вы можете быть увѣрены г. посолъ, что Его Императорское Величество никогда не допуститъ никакого нововведенія, пока не послѣдуетъ «обоюднаго согласія». Послѣ переписки, довольно колкой, было объявлено наконецъ Швеціи что все должно оставаться какъ было до послѣдняго лѣта и на точномъ основаніи предшествовавшихъ трактатовъ. Наша твердость заставила Шведское правительство уступить — правда, послѣ нѣкоторыхъ вооруженій, которыя возбудили неудовольствіе въ Финляндіи и вовлекли насъ въ издержки хотя незначительныя, но безполезныя.

Король Густавъ, угрюмый и недовѣрчивый, всегда готовъ былъ думать, что хотѣли унизить высокое его достоинство если не исполняли немедленно его требованій. Черезъ это всѣ дипломатическія сношенія съ Швеціею были весьма затруднительны; король безпрестанно оскорблялъ всѣ дворы своими неумѣстными выходками и хотя Швеція постоянно страдала безденежьемъ, хотя военныя силы ея были совершенно ничтожны въ сравненіи съ арміями ея сосѣдей, тѣмъ не менѣе король безпрестанно угрожалъ принять крайнія мѣры, и, такъ сказать, вызывалъ на войну самыя могущественныя державы. Даже въ письмахъ къ Императору Александру онъ не удерживался отъ угрозъ; Государь не обращалъ на нихъ вниманія. Королю необходимы были субсидіи, отъ кого бы то ни было, но въ помощи его никто не нуждался и никто не обращался къ нему съ какимъ либо финансовымъ предложеніемъ. Онъ расчитывалъ въ этомъ отношеніи на Францію, но первый консулъ оставался совершенно равнодушнымъ къ его готовности принять французскія субсидіи. Тогда уже король обратился къ Англіи, и тѣмъ вооружилъ противу себя перваго консула.

Въ С.-Петербургѣ знали, что король скорбѣлъ о роли, которую онъ игралъ въ 1801 году. Забывъ что одно только предстательство Россіи спасло Швецію отъ мщенія Англичанъ, Густавъ полагалъ, что договоръ 5 (17) Іюня

1801 г. лишилъ его случая показать во всемъ блескѣ силы своего государства и свои воинскія дарованія. Неосторожные поступки его въ Финляндіи и споръ некстати затѣянный имъ объ Абборфорскомъ мостѣ возбудили всеобщее опасеніе въ Швеціи. Уже въ то время Алопеусъ писалъ, что все что бы ни предпринялъ король противъ Россіи, обратится окончательно противъ него самаго. (*Депеша отъ 24 Октября ст. стиля 1802 года*).

Намъ нужно было имѣть извѣстія не столько о настроеніи Шведскаго короля, на которое Алопеусъ, по даннымъ ему инструкціямъ, не долженъ былъ обращать слишкомъ много вниманія, сколько о средствахъ его вредить намъ, а особенно объ отношеніяхъ его къ правителю Франціи, котораго честолюбіе въ то время все болѣе и болѣе обнаруживалось. Эти два предмета были поручены особенной заботливости Алопеуса; отъ него ожидали въ С.-Петербургѣ подробныхъ извѣстій о положеніи Финляндскихъ крѣпостей и о всѣхъ распоряженіяхъ Шведскаго правительства въ этой области. Въ то время одна Выборгская губернія отдѣляла С.-Петербургскій уѣздъ отъ Швеціи и всѣ помнили опасность, которою угрожало столицѣ неожиданное вторженіе Густава Третьяго.

Распоряженія эти дѣлались очевидно съ непріязненною цѣлію, хотя прямымъ ихъ послѣдствіемъ было только уменьшеніе сочувствія Финляндіи къ Швеціи. Великое Княжество Финляндское не было исключительно населено Шведами; условія его существованія были не тѣ какъ въ Швеціи, и тамошніе жители знали, что въ случаѣ разрыва съ Россіею имъ первымъ придется испытать всю тяжесть войны.

Многочисленность Шведскаго гарнизона была отяготительна для жителей Стокгольма. Чтобы облегчить повинности, которыя они должны были нести и чтобы усилить войска уже расположенныя въ Финляндіи, король послалъ туда финскую гвардію и двѣ роты артиллеріи, сверхъ того онъ обнаружилъ намѣреніе увеличить число земскаго ополченія въ Финляндіи. Въ Вазѣ собралась коммиссія для устройства этого дѣла. Слухи о предметѣ ихъ совѣщаній распространились между народомъ, началось волненіе и крестьяне грозили убить членовъ коммиссіи. Въ исполненіе воли Густава члены коммиссіи хотѣли внести въ списки этого ополченія владѣльцевъ недавно разработанныхъ земель, а также жителей Саволакса и Кареліи, черезъ что ополченіе было бы увеличено шестью тысячами человѣкъ. Это значило поступать вопреки обѣщанію Густава Третьяго, который, принявъ отъ этихъ областей предложеніе содержать на ихъ счетъ отрядъ егерей и драгуновъ, торжественно обѣщалъ не распространять на этотъ край системы земскаго ополченія. Густавъ хотѣлъ имѣть въ Финляндіи армію въ 24 тысячи человѣкъ, но Великое Княжество, скудное средствами къ жизни, имѣло въ то время

только семьсотъ тысячъ жителей и было рѣшительно не въ состояніи содержать столько войска.

Вся переписка о ничтожномъ обстоятельствѣ Абборфорскаго моста и неумѣстныя вооруженія въ Финляндіи были слѣдствіемъ дурнаго расположенія духа, въ которомъ находился Густавъ. Алопеусъ содѣйствовалъ успѣшно къ прекращенію этой досадной корреспонденціи — въ награду за свои труды онъ получилъ званіе посланника 23 Августа 1803 года. Шведское правительство желало чтобы дипломатическія сношенія между нимъ и Россіею производились посланниками, а не послами, какъ это было прежде; наше правительство согласилось и такимъ образомъ баронъ Будбергъ былъ послѣднимъ Россійскимъ посломъ въ Стокгольмѣ.

Между тѣмъ финансы Швеціи не приходили въ порядокъ. Звонкой монеты было мало, бумажныхъ денегъ черезъ мѣру много и чтобъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія, Шведское правительство рѣшилось продать герцогу Мекленбургскому городъ Висмаръ съ округами Пельскимъ и Нейклостерскимъ, отторгнутыми отъ герцогства во время тридцатилѣтней войны. Въ то же время оно возобновило старинныя притязанія свои на Варнемюндскую таможню, въ надеждѣ перепродать герцогу эти права, которыя оно только съ этою цѣлію предъявляло. Нѣкоторыя распоряженія Шведскихъ начальствъ давали поводъ думать, что король Густавъ намѣренъ употребить силу противъ герцога Мекленбургскаго, который отстаивалъ свои права на эту таможню. Отъ Густава можно было ожидать, что онъ будетъ стараться вымѣстить на слабѣйшемъ изъ сосѣдовъ Швеціи неудачи своей политики. Императоръ Александръ вступился за герцога, и нашъ посланникъ въ Стокгольмѣ получилъ приказаніе объявить Шведскому правительству, что Россія не дозволитъ притѣснять герцога Мекленбургскаго и что Берлинскій дворъ раздѣляетъ совершенно мнѣніе Россіи по этому дѣлу. Тогда Шведское министерство рѣшилось оставить герцога въ покоѣ.

Недолго продолжался миръ между Франціею и Великобританіею, война снова возгорѣлась и послѣдствія ея распространились на всю Европу. Во всѣхъ предыдущихъ войнахъ Балтійское море всегда считалось закрытымъ для каперовъ и корсаровъ тѣхъ державъ, которыхъ владѣнія не прилегали къ этому морю. Это правило было принято Россіею, Даніею и Швеціею и такимъ образомъ торговля по Балтійскому морю предохранялась отъ всякой опасности. Во время войны за Австрійское наслѣдство одинъ Французскій корсаръ вошелъ въ Балтійское море. Получивъ о томъ извѣстіе, правительства прибалтійскихъ морскихъ державъ приказали своимъ адмиралтействамъ распорядиться о задержаніи этого корабля, что было исполнено и съ тѣхъ поръ на Балтійскихъ водахъ не показывалось ни одного чужаго корсара.

Однимъ словомъ прибрежныя Балтійскія державы считали Балтійское море своею исключительною собственностью, а прочія государства не дѣлали возраженія. Во время первой войны между Франціей и Великобританіей — за независимость Америки и второй,—послѣ Французской революціи,—военный флагъ воюющихъ морскихъ державъ показывался въ этихъ водахъ только для того, чтобы провожать купеческія суда, которыя проходили черезъ Зундъ на пути въ Балтійское море.

Съ цѣлію предохранить на этихъ моряхъ спокойствіе, такъ необходимое для развитія нашей торговли, С.-Петербургскій дворъ поручилъ г. Алопеусу объясниться съ Шведскимъ министерствомъ о мѣрахъ, которыя въ Швеціи имѣли въ виду принять для закрытія Балтійскаго моря. Въ томъ же смыслѣ было писано и къ посланнику нашему въ Копенгагенѣ.

Шведское министерство дало довольно уклончивый отвѣтъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Эренгеймъ, увѣдомилъ нашего посланника, что по видимому эскадры воюющихъ державъ не войдутъ въ Балтійское море, что порты какъ Даніи, такъ и Швеціи будутъ закрыты для всѣхъ крейсеровъ и корсаровъ, что въ случаѣ крайности имъ будетъ оказываема помощь, но что имъ не будетъ дозволено ни продавать сдѣланные ими призы, ни покупать что либо кромѣ необходимой провизіи. Король Шведскій предоставлялъ себѣ приступить въ случаѣ нужды къ дальнѣйшимъ мѣрамъ, между тѣмъ онъ принималъ съ удовольствіемъ и довѣренностію предложенія Императора. (*Депеша Алопеуса отъ 9 Октября ст. стиля 1803 г.*).

Г. Алопеусу поручено было объявить г. Эренгейму, что мы вовсе не имѣли въ виду объявлять торжественно о мѣрахъ, которыя были бы приняты для закрытія Балтійскаго моря. Для насъ было пока достаточно если всѣ три прибалтійскія морскія державы были одинаково убѣждены въ необходимости предохранить это море отъ всякаго посторонняго покушенія. (*Депеша 30 Ноября ст. стиля 1803 г.*).

Во время войны нейтральныя державы всегда богатѣютъ на счетъ воюющихъ странъ—и Шведскому правительству было бы не трудно обезпечить за своими подданными всѣ выгоды нейтралитета, но для этого необходимо было благоразуміе. По несчастію для Швеціи, не этимъ качествомъ отличались дѣйствія ея правительства. Король Густавъ скоро потомъ разсорился съ Франціею; правда ему удалось тогда получить отъ Англіи нѣкоторое вознагражденіе для своихъ подданныхъ за убытки, ими понесенные во время разрыва между Швеціею и Англіею въ 1798 г., но съ другой стороны онъ далъ Англійскому правительству весьма невыгодное мнѣніе о себѣ своими неумѣстными выходками, которыя заставили герцога Глостерскаго, бывшаго въ то время въ Стокгольмѣ, возвратиться въ Англію. Даже въ своемъ

семействѣ король не умѣлъ сохранить согласія. Издавна существовала для всѣхъ замѣтная холодность между нимъ и герцогомъ Зюдерманландскимъ, который былъ регентомъ Швеціи во время несовершеннолѣтія Густава Четвертаго. Обстоятельство, довольно неважное, обратило эту холодность въ открытую ссору между дядею и племянникомъ.

Шведскіе короли не только не препятствовали развитію фран-масонства въ ихъ владѣніяхъ, но напротивъ того были самыми ревностными покровителями этого учрежденія. Въ слѣдъ за фран-масонствомъ образовались въ Швеціи другія тайныя общества, всѣ стали слѣдовать этому направленію, вошедшему въ моду въ концѣ прошедшаго столѣтія; даже дамы хотѣли принимать участіе въ общихъ стремленіяхъ преобразовать вселенную таинственными путями. Уставы фран-масонства допускали въ это общество только мущинъ — чтобъ доставить дамамъ возможность быть членами какого либо тайнаго общества, придумали новое учрежденіе, въ которое намѣревались принимать избранныхъ лицъ, но безъ различія половъ.

Въ это время явился въ Стокгольмѣ нѣкто Богеманъ. Онъ былъ родомъ изъ Іенкепинга въ Смоландіи, занималъ на родинѣ незначительную должность по почтовому вѣдомству, потомъ отправился за границу и возвратился членомъ высшихъ степеней разныхъ таинственныхъ орденовъ. Въ Швеціи короли принимали непосредственное участіе въ фран-масонствѣ, Густавъ Четвертый былъ гросмейстеромъ, дядя его, герцогъ Зюдерманландскій, протекторомъ фран-масоновъ. Герцогъ желалъ всѣми средствами достигнуть высшихъ степеней; Богеманъ, знавшій эту слабость, съумѣлъ овладѣть его умомъ, герцогиня Зюдерманландская въ свою очередь захотѣла непремѣнно быть членомъ какого либо новаго таинственнаго ордена и подверглась вліянію Богемана. Этотъ адептъ, сверхъ другихъ своихъ связей, былъ членомъ такъ называемаго Азіатскаго братства, котораго направленіе было то же, какъ и Розенкрейцеровъ *. Сношенія его съ герцогомъ и съ многими высшими сановниками Швеціи возбудили наконецъ подозрѣніе короля. Богеманъ былъ арестованъ 18 Февраля н. ст. 1803 года. Въ слѣдъ за тѣмъ герцогъ подвергся всему гнѣву своего племянника. Король объявилъ своего дядю недостойнымъ когда либо принимать участіе въ регентствѣ, и громко жаловался на происки герцога и супруги сего послѣдняго. Наконецъ онъ отправился къ нему лично съ главнымъ судьею и графомъ Уггла для осмотра его бумагъ.

* О дѣйствіяхъ Богемана напечатана въ Гамбургской газетѣ 12 Апрѣля 1803 г. № 12 статья, очевидно сообщенная изъ Стокгольма. Въ ней любимецъ герцога Зюдерманландскаго представленъ своекорыстнымъ искателемъ приключеній, но не приведено никакихъ уликъ въ серьезномъ преступленіи.

Герцогъ оказался совершенно невиннымъ — ему можно было поставить въ вину только непомѣрную наклонность къ тайнымъ обществамъ. Король, убѣдившись въ своей опрометчивости, извинялся передъ своимъ дядею. «Я «прощаю васъ» отвѣчалъ герцогъ, «но никогда мнѣ не будетъ возможно «забыть оскорбленіе, мнѣ нанесенное». Онъ дѣйствительно вспомнилъ объ этой обидѣ въ роковые дни переворота, который въ 1809 г. положилъ конецъ царствованію Густава Четвертаго.

Королева скучала однообразною жизнію въ Стокгольмѣ, на которую осуждалъ ее своенравный характеръ Густава. Она убѣдила короля отправиться съ нею въ Германію. Ихъ Шведскія Величества посѣтили сперва Карлсруэ, потомъ Мюнхенъ. Это путешествіе произвело довольно дурное впечатлѣніе въ Швеціи. Правда король имѣлъ достаточно средствъ для путевыхъ своихъ издержекъ и не имѣлъ нужды обращаться къ государственной казнѣ, но на внутреннемъ управленіи отразились всѣ невыгодныя послѣдствія его отсутствія. Для текущихъ дѣлъ было учреждено регентство; недовѣрчивый король до того ограничилъ кругъ его занятій, что при каждомъ сколько нибудь важномъ дѣлѣ, его дѣятельность останавливалась. Лица его составлявшія рѣдко въ чемъ либо соглашались между собою и безпрестанно надобно было обращаться къ королю за границу, для полученія разрѣшенія. Въ то время не было ни пароходовъ, ни телеграфовъ — легко себѣ представить, сколько времени нужно было для полученія отвѣта отъ Густава изъ Мюнхена или Карлсруэ.

Министръ финансовъ не былъ членомъ этого регентства и лишь только слѣдовало произвесть какой либо платежъ, онъ ссылался на королевское приказаніе отнюдь ничего и никому не выдавать сверхъ бюджета, за исключеніемъ 4000 риксдалеровъ оберъ-гофмаршалу на починки во дворцѣ.

Начальникомъ канцеляріи былъ баронъ Эренгеймъ, товарищемъ его по управленію министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Зибетъ, носившій званіе придворнаго канцлера. Ни тотъ ни другой не считалъ себя въ правѣ распечатывать полученныя въ Стокгольмѣ депеши и письма отъ Шведскаго посла въ С.-Петербургѣ, если только на конвертѣ не было поставлено условленной отмѣтки, означавшей что въ этихъ бумагахъ рѣчь шла только объ обыкновенныхъ текущихъ дѣлахъ. О политическихъ событіяхъ они узнавали изъ иностранныхъ газетъ или изъ депешъ, когда королю угодно было возвратить ихъ въ Стокгольмъ. Донесенія дипломатическихъ агентовъ шли прямо къ королю въ Германію, а потомъ уже отъ него къ его министрамъ. По этому сношенія дипломатическаго корпуса въ Стокгольмѣ съ г. Эренгеймомъ касались только предметовъ второстепенной важности, и если посланникъ рѣшался обратиться къ министру съ нотою по обстоятельству, сколько ни-

будь серьезному, то получалъ постоянно въ отвѣтъ увѣреніе, что по содержанію ноты будетъ сдѣланъ докладъ королю.

Между тѣмъ честолюбіе Наполеона возрастало по мѣрѣ того, какъ развивались подъ его правленіемъ силы Франціи. Войска его мало по малу приближались къ Мекленбургу, и король Густавъ начиналъ опасаться за свои владѣнія въ Германіи. Шведскій посолъ сообщилъ объ этихъ опасеніяхъ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, онъ въ то же время увѣдомилъ, что Шведское правительство желало бы условиться съ нами о принятіи совокупныхъ мѣръ для огражденія отъ опасности этого края сѣверной Германіи. При тогдашнемъ направленіи нашей политики это предложеніе не могло не быть принято съ готовностію. Баронъ Стедингъ получилъ въ отвѣтъ увѣреніе, что съ нашей стороны вполнѣ оцѣнивали эти виды Шведскаго короля, что на случайности, которыя предвидѣлъ король, было уже обращено вниманіе нашего правительства, и что лишь только представится необходимость приступить къ дѣйствительнымъ мѣрамъ для защиты сѣверной Германіи, мы съ удовольствіемъ войдемъ въ сношеніе съ Стокгольмскимъ дворомъ и условимся съ нимъ на счетъ совокупныхъ мѣръ, которыя оказались бы нужными. (*Депеша къ Алопеусу отъ 30 Ноября ст. стиля 1803 г.*). Таково было начало новаго союза противу Франціи; первое предложеніе было сдѣлано Швеціею; можно было расчитывать, что этотъ разъ она лучше исполнитъ свои обязанности по союзу съ нами, чѣмъ во время войны съ Великобританіею, въ предшествовавшее царствованіе. Ожиданія Императора Александра не исполнились, Швеція на сухомъ пути оказалась столь же безполезною союзницею, какъ и на морѣ.

Около года король Густавъ оставался въ Карлсруэ. Онъ находился вблизи Эттенгейма въ Баденскихъ владѣніяхъ, въ то самое время, когда Французскій отрядъ захватилъ въ этомъ мѣстечкѣ герцога Ангіенскаго. Это насильственное вторженіе въ чужія владѣнія и умерщвленіе герцога въ Венсеннѣ произвели всеобщій взрывъ негодованія. Исторія не представляетъ примѣра столь явнаго презрѣнія къ основаніямъ международнаго права и король Шведскій, правдивый, хотя всегда неосторожный, поспѣшилъ изъявить свои непріязненныя чувства къ тогдашнему властелину Франціи. Не задолго до этого событія между нимъ и Бонапартомъ послѣдовало сближеніе; до нашего правительства дошли слухи, что между Швеціею и Франціей происходили переговоры объ обмѣнѣ Шведскихъ владѣній въ Германіи на Норвегію. За этими сношеніями, по порученію нашего двора, тщательно слѣдила миссія наша въ Мюнхенѣ. Скоро узнали, что первый консулъ дѣйствительно тайнымъ образомъ предлагалъ этотъ обмѣнъ королю Густаву и назначалъ Его Величеству свиданіе въ одномъ изъ Рейнскихъ департамен-

товъ. Король не согласился ни на то, ни на другое предложеніе, нашелъ обмѣнъ предлагаемый Бонапартомъ — конечно, безъ согласія Даніи — несправедливымъ, однако не сообщилъ объ этомъ обстоятельствѣ Императору Александру и сдержалъ данное имъ Бонапарту слово, хранить дѣло въ тайнѣ. Не такъ добросовѣстно поступилъ Бонапарте; онъ огласилъ эти переговоры, лишь только нашелъ выгоднымъ скомпрометировать короля Густава и починъ этого щекотливаго дѣла приписалъ Шведскому королю.

Захватъ герцога Ангіенскаго положилъ конецъ сношеніямъ Франціи и Швеціи. Король въ первомъ порывѣ гнѣва обратился къ Великобританскому посланнику Дреку (Drake), изъявилъ готовность защищать съ оружіемъ въ рукахъ правое дѣло, предложилъ войско и корабли, но потребовалъ за то субсидій. Въ то же время онъ объявилъ барону Бюлеру, нашему посланнику въ Мюнхенѣ, что онъ не намѣренъ признавать тогдашній порядокъ вещей во Франціи, что получивъ извѣстіе о новомъ опредѣленіи Французскаго сената (объ императорствѣ Наполеона) онъ приказалъ своему министерству въ Стокгольмѣ и Шведской миссіи въ Парижѣ прекратить всѣ дипломатическія сношенія съ представителями Бонапарта. Было очевидно, что при такомъ настроеніи короля намъ не было нужды опасаться невыгоднаго для насъ сближенія Швеціи съ Франціей, (*Депеша барона Бюлера изъ Мюнхена 7 (19) Августа 1804 года*), что напротивъ того, можно было твердо расчитывать на союзъ съ Швеціей въ случаѣ открытія войны между Россіей и Франціей.

Эта война казалась неизбѣжною. Всѣ силы Франціи были предоставлены въ безусловное распоряженіе одного честолюбца. Общественное мнѣніе было безмолвно; что бы ни задумалъ Наполеонъ, никто во Франціи не осмѣлился бы ему прекословить. Всѣ предпріятія до сихъ поръ ему удавались, всѣ нарушенія международнаго права оставались для него безъ всякихъ послѣдствій, а на безплодные протесты обиженныхъ онъ не обращалъ вниманія. Великобританія, правда, господствовала надъ моремъ, но на материкѣ Европы до того времени она ничего не могла предпринять противъ своего врага. Тогдашнее направленіе кабинетовъ Европы согласовалось съ самыми существенными ея выгодами. Скоро прибылъ въ С.-Петербургъ лордъ Ливесонъ Гоуеръ съ полномочіями Великобританскаго правительства, которыя касались до всѣхъ державъ, рѣшившихся дѣйствовать совокупно съ Россіею и Англіею для огражденія независимости Европы. Союзъ съ Швеціею представлялся для насъ полезнымъ при этихъ обстоятельствахъ. Король Густавъ съ своей стороны видѣлъ въ немъ средство отмстить Наполеону за убійство герцога Ангіенскаго, охранить Померанію отъ Французскихъ войскъ, уже занимавшихъ Ганноверъ, и наконецъ получить субсидіи столь необходимыя для поправленія финансовъ Швеціи.

Финансовое соглашеніе между Швеціей и Великобританіей послѣдовало 3 Декабря н. ст. 1804 г. Швеція пріобрѣтала возможность усилить оборону своихъ Германскихъ владѣній, привести въ военное положеніе свои силы и этимъ соглашеніемъ съ Англіею, столько для нея выгоднымъ, она была обязана преимущественно стараніямъ нашего двора.

Немедленно послѣ Эттенгеймскаго событія, король Густавъ—первый изъ всѣхъ государей—съ рѣшимостію, которая дѣлала честь его чувствамъ, употребилъ въ Парижѣ всѣ настоянія, чтобы спасти несчастнаго герцога, а мстительный Наполеонъ не могъ этого простить. Надобно было ожидать нападенія на Померанію и Густавъ понималъ необходимость не терять времени. Баронъ Стедингъ обратился къ заступленію Императора Александра. Главный оплотъ Помераніи была крѣпость Стральзундъ. Можно было предполагать, что Наполеонъ будетъ стараться завладѣть ею. Чтобъ отстоять ее однихъ Шведскихъ войскъ было недостаточно; баронъ Стедингъ просилъ, чтобы имъ въ помощь былъ данъ Русскій отрядъ. По приказанію Императора князь Чарторыйскій въ нотѣ отъ 4 Мая ст. стиля 1804 года отвѣчалъ, что Государь видѣлъ съ удовольствіемъ доказательство довѣренности къ нему короля, что при первомъ признакѣ опасности, Россія окажетъ помощь Швеціи, «но» прибавлялъ князь Чарторыйскій, «если со стороны Французовъ послѣдуетъ нападеніе, если начнутся военныя дѣйствія, тогда недостаточно только защищать область, на которую они заблагоразсудятъ напасть; необходимо будетъ, предохранивъ Шведскую Померанію, озаботиться очищеніемъ всей сѣверной Германіи отъ Французскихъ войскъ, и тѣмъ уничтожить въ самомъ ихъ источникѣ предметы опасеній, которыя безъ того могутъ безпрестанно возобновляться».

Чтобъ достигнуть этой цѣли, чтобъ устранить препятствія которыя могли бы остановить дѣятельность Шведскаго короля, Императоръ Александръ предлагалъ въ случаѣ нужды содѣйствіе своего посла въ Лондонѣ; представитель Государя подкрѣпилъ бы всѣмъ своимъ вліяніемъ старанія Шведскаго посланника получить отъ Великобританіи новое денежное пособіе на усиленіе оборонительныхъ средствъ Швеціи.

Шведскій король принялъ съ благодарностію обязательное предложеніе Россіи, которое открывало ему возможность играть нѣкоторую роль въ политическихъ событіяхъ Европы, но тутъ встрѣтилось новое затрудненіе. Густавъ Четвертый находилъ несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ просить денегъ у Великобританскаго правительства и хотѣлъ, чтобы Императоръ Александръ самъ приступилъ къ дѣлу. «Вооруженія Швеціи», говорилъ король, «еще выгоднѣе и нужнѣе для Великобританіи чѣмъ для Швеціи, слѣдовательно, не мнѣ начинать переговоры о субсидіяхъ». Однимъ словомъ,

король Шведскій былъ такъ бѣденъ, что не могъ обойтись безъ денежнаго пособія, и такъ гордъ что не хотѣлъ сознаться въ своихъ нуждахъ.

Постоянно благодушный Императоръ Александръ и этотъ разъ исполнилъ желаніе своего сосѣда, но въ то же время извѣстилъ его, что собственно для защиты Помераніи Сенъ-Джемскій кабинетъ не сдѣлаетъ никакихъ пожертвованій; что принимать на свое иждивеніе содержаніе 12 тысячъ человѣкъ, назначенныхъ исключительно для обороны Стральзунда, Англичане не имѣютъ никакой надобности, но что для успѣха общаго дѣла необходимо было соединить силы всей сѣверной Европы, бывшія до тѣхъ поръ безъ всякой связи между собою. «Эти силы», говорилъ Императоръ, «собранныя «въ одно цѣлое составятъ массу, которую не легко будетъ преодолѣть». По мнѣнію Государя, дѣло шло о благосостояніи и независимости всей Европы а не одной ея части.

Густавъ мечтавшій всегда о своемъ высокомъ призваніи, поспѣшилъ воспользоваться этимъ предложеніемъ. Въ письмѣ своемъ къ барону Стедингу онъ выразилъ что съ радостью онъ дастъ начало общему движенію противу Франціи, которое, если бы его желаніе исполнилось, должно было кончиться не прежде, какъ по возстановленіи законнаго правленія во Франціи.

Это тождество видовъ, столь помогшее Швеціи сблизиться съ Великобританіею, привело и къ другому союзу не менѣе важному для короля Густава, а именно къ союзу съ Россіей. Между Шведскими и нашими полномочными было подписано 2 Января ст. стиля 1805 г. соглашеніе, опредѣлявшее дѣйствіе обѣихъ договаривающихся сторонъ на случай войны съ Францію.

Начало этого договора ясно опредѣляло цѣль соглашенія; подобная откровенность рѣдко встрѣчается въ дипломатическихъ бумагахъ. Тутъ прямо говорится о насильственныхъ нарушеніяхъ международнаго права, которыя позволяла себѣ Франція; предлоги подъ которыми Французское правительство овладѣло Ганноверомъ и Рицебюттелемъ назывались ничтожными, наконецъ предусматривалась возможность, что Наполеонъ овладѣетъ южными берегами Балтійскаго моря, съ цѣлію запереть Зундскій проливъ для Англійскаго флага. Чтобъ воспрепятсвовать повелителю Франціи утвердиться на этихъ берегахъ, обѣ договаривающіяся стороны предпринимали стараться чтобы въ Германіи былъ положенъ конецъ порядку вещей, на который не могли смотрѣть равнодушно ни та ни другая держава, охранительницы Германской имперіи. Сверхъ этихъ общихъ побужденій упоминалось объ опасности, которая грозила Шведской Помераніи.

Съ цѣлію отвратить эту опасность и на случай вторженія Французовъ въ Германскія владѣнія Швеціи, Императоръ Александръ обѣщалъ отпра-

вить въ Померанію корпусъ войскъ отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ; Шведскій король обязывался съ своей стороны выставить отъ 20 до 25 тысячъ человѣкъ. Эти войска, соединившись, должны были открыть походъ и очистить совершенно земли Германской имперіи отъ Французовъ. Договору слѣдовало восприять свое дѣйствіе лишь только Французскія войска перешли бы линію тогдашняго ихъ квартированія и направились на Мекленбургъ, Голстинію, Ольденбургъ и Іеверъ. При первомъ покушеніи Французовъ на эти области обѣ договаривающіяся стороны намѣревались начать войну. Продовольствіе Русскихъ войскъ должно было отпускаться изъ нашихъ магазиновъ, но помѣщеніе и отопленіе лежало на обязанности страны, которую они занимали. Командованіе всѣми войсками принадлежало Шведскому королю, когда онъ находился при арміи, въ противномъ случаѣ Русскому главнокомандующему. Впрочемъ исполнение этого договора должно было зависѣть отъ заключенія другаго договора, а именно съ Великобританіею о субсидіяхъ.

Намѣренія Прусскаго правительства были сомнительны; въ это время оно склонялось то на ту, то на другую сторону и эта шаткость Пруссіи побудила обѣ договаривающіяся стороны включить въ конвенцію отдѣльную и секретную статью, по силѣ которой въ случаѣ нападенія на одну изъ договаривающихся сторонъ, сдѣланнаго какимъ либо государствомъ кромѣ Франціи, другая сторона обязывалась произвесть дѣйствительную диверсію съ достаточными для того силами. Въ такомъ случаѣ обѣ державы должны были условиться о томъ вознагражденіи, которое можно было бы получить за это нападеніе.

Такимъ образомъ могущественная Россія заключила формально наступательный и оборонительный договоръ съ Швеціею, столько слабою въ сравненіи съ нею, и которая въ случаѣ военныхъ дѣйствій могла бы что нибудь значить въ такомъ только случаѣ если бы ею правилъ король подобный Густаву Адольфу, Карлу X или Карлу XII. Не таковъ былъ новый союзникъ Императора Александра, онъ не съумѣлъ употребить съ пользою даже тѣ немногія средства, которыми онъ располагалъ. Одно было вѣрно: Шведскій король ненавидѣлъ Наполеона, и эти личныя чувства ручались, что онъ не измѣнитъ союзу если и немного окажетъ намъ помощи. Впрочемъ воспоминаніе о Карлѣ XII было еще живо и въ С.-Петербургѣ продолжали думать, что если до сихъ поръ Шведскимъ войскамъ ничего не удавалось, то это было лишь въ слѣдствіе какихъ либо случайностей, но что они непремѣнно, при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, покажутъ себя достойными потомками прежнихъ сѣверныхъ героевъ.

Изъ всѣхъ государей Европы одинъ Густавъ—въ томъ должно отдать ему справедливость — заявлялъ еще тогда необходимость возстановить ди-

настію Бурбоновъ на прадѣдовскомъ ихъ тронѣ, и только въ Стокгольмѣ провозглашалось начало законности, которое въ послѣдствіи было принято въ основаніе международнаго права Европы; кромѣ какъ въ Швеціи едва ли кто надѣялся чтобы ожиданія, столь гласно выражаемыя въ Стокгольмѣ, могли осуществиться и чтобы Людовику XVIII удалось когда либо водвориться въ Тюильри. За то ни на кого изъ государей Европы такъ не гнѣвался Наполеонъ. Едва Густавъ не поплатился свободою, можетъ быть и жизнію за пріязнь свою къ герцогу Ангіенскому; въ то время когда Французскій отрядъ посланный схватить принца уже приближался, король случайно отложилъ на нѣсколько часовъ свою поѣздку въ Эттенгеймъ и только благодаря этой отсрочкѣ онъ не былъ захваченъ вмѣстѣ съ принцемъ агентами Французскаго правительства.

Возвратясь въ Стокгольмъ подъ вліяніемъ этого прискорбнаго событія, Густавъ Адольфъ изъявилъ свое негодованіе противъ Наполеона мѣрами безъ нужды выразительными. Вооруженія въ Стральзундѣ производились слишкомъ явно, какъ будто съ цѣлію вызвать Наполеона на войну. Эта поспѣшность только вредила Швеціи. Французская партія въ Берлинѣ настаивала на необходимости рѣшиться не теряя времени на союзъ съ Наполеономъ, который предлагалъ Пруссіи Ганноверъ — уже тогда предметъ ея желаній,—и тѣмъ отвратить движеніе Французскихъ войскъ направлявшихся къ Помераніи въ слѣдствіе вызывательной политики Густава. Наконецъ Берлинскій дворъ сталъ грозить Швеціи. Баронъ Гарденбергъ, управлявшій тогда дипломатическими дѣлами Пруссіи, объявилъ 24 Декабря н. стиля 1804 г. Шведскому министру: «если Швеція не перестанетъ дѣйствовать «враждебно противъ Франціи, король Прусскій будетъ поставленъ въ не-«обходимость принять рѣшительныя мѣры относительно Помераніи, съ цѣлію «воспрепятствовать Швеціи нарушать спокойствіе сѣверной Германіи».

Еще разъ выручилъ Императоръ Александръ своего слабаго но безпокойнаго союзника, который своимъ неблагоразуміемъ безпрестанно затруднялъ всѣхъ, не принося пользы никому. Положеніе дѣлъ было таково, что медлить было невозможно.

Тогдашняя наклонность Берлинскаго двора къ Франціи возбудила справедливыя опасенія въ С.-Петербургѣ. Все происходившее въ Берлинѣ было намъ извѣстно. Скоро узнали мы что значительное количество хлѣба было закуплено въ Россіи для пополненія Прусскихъ магазиновъ на нашей границѣ. Императоръ Александръ собственноручно писалъ къ королю Фридриху Вильгельму 10 Декабря ст. стиля 1804 г. «По всему судя устройство этихъ мага-«зиновъ не можетъ быть объяснено мѣрами предосторожности предпринятыми «противъ кого либо другаго, а не противъ насъ. Какое можно вывести изъ

«этого заключеніе кромѣ того, что Пруссія имѣетъ враждебные виды противу Россіи». Императоръ присовокупилъ: «какъ Вашему Величеству вполнѣ «извѣстно, всѣ мои желанія клонятся лишь къ тому, чтобы заставить Францію не нарушать болѣе спокойствія и равновѣсія Европы».

Другое письмо Императора отъ 22 Января ст. стиля 1805 года обнаруживало болѣе положительно его намѣренія. Генералу Винцингероде было поручено вручить его лично королю Фридриху Вильгельму и это обстоятельство придавало особенное значеніе самому письму.

Императоръ напоминалъ своему союзнику обязательства, которыя они приняли совокупно на себя защищать дружно спокойствіе и безопасность сѣверной Европы. «Кабинетъ Сенъ-Клу, искусный сѣять раздоры, хочетъ по«селить ихъ между сѣверными державами; въ ожиданіи увѣдомленія объ «окончательной рѣшимости Вашего Величества касательно намѣреній Бона«парта противъ Швеціи, я поспѣшу согласно вашему желанію сдѣлать «Стокгольмскому двору внушенія, которыя могли бы склонить его къ долж«ной умѣренности (des insinuations propres à lui inspirer une juste mesure)».

Въ заключеніи Императоръ говорилъ, что король Шведскій не допустить занять Померанію безъ сопротивленія, что онъ будетъ обороняться, что на основаніи Гатчинскаго трактата онъ потребуетъ помощи Россіи, и что тогда Россійскія войска должны будутъ ему содѣйствовать, а Бонапарте станетъ торжествовать, успѣвъ въ своихъ козняхъ болѣе даже, чѣмъ онъ ожидалъ.

Содержаніе этого письма не согласовалось повидимому съ чувствами дружбы, которыя Императоръ питалъ къ Прусскому королю, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ С.-Петербургскому двору иначе дѣйствовать было невозможно. Король Фридрихъ Вильгельмъ не скоро рѣшавшійся, избѣгалъ по мѣрѣ возможности борьбы съ Наполеономъ и желалъ бы посредствомъ переговоровъ отклонить отъ своего государства гибельныя случайности войны. Его колебанія отзывались самымъ предосудительнымъ образомъ на внѣшнихъ его отношеніяхъ; то партія Наполеона, то противники Франціи одерживали верхъ въ совѣщаніяхъ Прусскаго кабинета. Письмо Императора Александра, которое мы привели выше, было вызвано тогдашнимъ намѣреніемъ Прусскаго короля овладѣть Помераніей, — предлогомъ къ тому ему служила необходимость предохранить эту область отъ вторженія Французовъ; между тѣмъ, не далѣе какъ въ Маѣ предшествовавшаго 1804 г. Пруссія заключила съ Россіею договоръ, въ которомъ было положительно опредѣлено, какъ слѣдовало поступать въ случаѣ если бы Французскія войска перешли линію Везера; въ немъ также было постановлено сопротивляться совокупными силами всякому новому посягательству Французовъ на государ-

ства сѣверной Германіи, не принимавшія участія въ войнѣ между Франціею и Великобританіею. Военныя приготовленія Пруссіи по близости нашихъ границъ болѣе и болѣе увеличивались и съ нашей стороны положено было собрать близъ Прусской границы армію въ 80 т., которая должна была приготовиться идти куда бы ни потребовалось.

Генералъ Винцингероде исполнилъ съ успѣхомъ данное ему порученіе, но это обошлось ему не безъ труда.

При свиданіи съ генераломъ король Прусскій отступилъ, правда, отъ принятаго имъ правила не входить никогда лично въ политическія совѣщанія и предоставлять ихъ исключительно своему министру, но въ то же время обнаружилъ касательно Помераніи намѣренія, которыя не были согласны съ видами Императора. Съ своей стороны баронъ Гарденбергъ свидѣтельствовалъ генералу Винцингероде о чувствахъ дружбы своего государя къ Императору Александру, но не смотря на то находилъ предлоги чтобъ занять область, которая также хорошо округлила бы Пруссію съ сѣвера, какъ Ганноверское Курфиршество округляло ее съ запада. Переговоры начинали принимать неблагопріятный оборотъ; тѣмъ не менѣе, осмотрѣвшись и сообразивъ всѣ обстоятельства, генералъ Винцингероде скоро потомъ могъ донести, что не смотря на рѣзкій тонъ Прусскаго министерства въ объясненіяхъ о Шведской Помераніи, Пруссія никогда не сдѣлаетъ рѣшительнаго шага, если обстоятельства не будутъ того положительно требовать (*депеша 12 (24) Февраля 1805 г.*). Дѣйствительно на слѣдующій день баронъ Гарденбергъ объявилъ, что это дѣло останется безъ послѣдствій, что оно не должно бы было и возникать, и что все было только слѣдствіемъ недоразумѣнія. Прусскій министръ даже не оспаривалъ права Швеціи собрать въ принадлежавшей ей Помераніи корпусъ войскъ въ 25 т. человѣкъ, лишь бы только это не были Англійскія вспомогательныя войска.

Королева Прусская была исполнена патріотизма, но она была Мекленбургская принцесса, и знала что пребываніе въ Шведской Помераніи значительнаго корпуса войскъ, собранныхъ съ цѣлію противудѣйствовать Наполеону, могло дать честолюбивому властителю Франціи предлогъ направить туда свои войска и занять сосѣдственныя съ Помераніею Мекленбургскія владѣнія; по этому исполненіе Пруссіею требованій Россіи грозило опасностію со стороны Франціи родственному ей Мекленбургскому дому. Королева не могла желать успѣха генералу Винцингероде. Это обстоятельство болѣе всего затрудняло успѣхъ порученія, возложеннаго на генерала.

Обѣщаніе данное Гарденбергомъ Русскому генералу было скоро послѣ того подтверждено самимъ королемъ и воля Императора Александра была приведена въ дѣйствіе. Безъ сомнѣнія когда въ 1812 году Наполеонъ гро-

зилъ казнію генералу Винцингероде, попавшемуся ему въ плѣнъ въ Москвѣ, онъ помнилъ объ удачныхъ его переговорахъ въ Берлинѣ, удержавшихъ Прусскій дворъ отъ податливости настояніямъ Франціи.

Такимъ образомъ, благодаря заступленію Императора Александра, Шведскія владѣнія въ Германіи были обезпечены. Чтобъ защитить Густава отъ послѣдствій его неумѣренной заносчивости, Императоръ готовъ былъ разорвать дружественныя связи, соединявшія его съ Пруссіею. Генералъ Винцингероде, руководимый предусмотрительностію Государя, отстранилъ усиленіе Французскаго преобладанія на сѣверѣ, и въ то же время предупредилъ разрывъ между Россіею и Пруссіею, который непремѣнно бы послѣдовалъ, если бы Берлинскій дворъ, въ угоду Франціи, приказалъ занять Померанію.

Въ то время когда Императоръ такъ искусно сохранялъ миръ на сѣверѣ Германіи, Густавъ Адольфъ своими необдуманными дѣйствіями затруднялъ дѣйствіе его политики. Между Швеціею и Великобританіею состоялся договоръ, которымъ Густавъ Адольфъ объявилъ себя участникомъ въ войнѣ съ Франціею и обязался дозволить, чтобы Стральзундъ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ Ганноверскихъ войскъ Англійской службы, лишь только прибудутъ въ Померанію Шведскія войска, назначенныя для защиты этой области.

Шведскій король находился въ Стральзундѣ, когда Прусское министерство стало склоняться на сторону Франціи. Онъ намѣревался остаться тамъ довольно долго, но едва Пруссія показала видъ, что она намѣрена приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противу Помераніи, онъ оставилъ эту область при первыхъ признакахъ опасности и возвратился въ Стокгольмъ. Поспѣшность съ которою Густавъ удалился изъ главнаго города Шведскихъ владѣній въ Германіи лишь только сдѣлались возможными военныя дѣйствія въ этомъ краѣ, произвела въ Швеціи впечатлѣніе самое невыгодное для короля. Стали говорить о необходимости возстановить конституцію 1720 года, уничтоженную Густавомъ III. Общественное мнѣніе съ возрастающею силою выражалось противу системы Англійскихъ субсидій вовлекавшихъ Швецію въ предпріятія, которымъ не соотвѣтствовали силы государства. Число недовольныхъ увеличивалось и стали ходить слухи, которые могли поколебать старинную преданность Шведскаго народа къ его государямъ. Сами министры находили, что этотъ договоръ съ Англіей шелъ рѣшительно въ разрѣзъ съ пользою государства.

Благодаря стараніямъ Александра и рѣдкому его искусству управлять дипломатическими переговорами, опасность со стороны Пруссіи миновалась; оставалось только не возобновлять только что прекращеннаго раздора. Король Густавъ дѣйствовалъ иначе; онъ продолжалъ настаивать въ Лондонѣ черезъ своего представителя о заключеніи договора о субсидіяхъ, которыя

поправили бы финансы Швеціи и въ то же время, по его мнѣнію, дали бы ему возможность выместить разомъ свой гнѣвъ на императорѣ Французовъ и на королѣ Прусскомъ. Онъ не хотѣлъ сообразить, что однѣми деньгами нельзя было замѣнить малолюдность Швеціи и ничтожность ея силъ въ сравненіи съ тѣми, которыя онъ вызывалъ на войну. Изъ всѣхъ государей, бывшихъ съ нимъ въ сношеніяхъ не было ни одного, котораго бы онъ не успѣлъ оскорбить. Онъ переполнилъ мѣру, возвративъ королю Фридриху Вильгельму орденъ Чернаго Орла лишь только узналъ, что этотъ орденъ былъ посланъ Бонапарту, посягнувшему на герцога Ангіенскаго. Чтобъ исполнить волю короля въ этомъ отношеніи, Шведскій министръ хотѣлъ вручить орденъ Прусскому министру въ Стокгольмѣ, но тотъ отказался принять его; тогда Шведскій повѣренный въ дѣлахъ въ Берлинѣ долженъ былъ взять на себя исполненіе этого непріятнаго порученія. Тщетно Шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Эренгеймъ старался удержать короля отъ этого поступка, столь оскорбительнаго для Прусскаго короля, его представленія были вотще; онъ могъ только приказать Шведской миссіи въ Берлинѣ обратиться къ обычному предстательству Русской тамъ миссіи, для отвращенія сколько возможно было послѣдствій обиды, лично нанесенной королю Фридриху Вильгельму. Не легко было Императору Александру выручать подобнаго союзника. Впрочемъ это упорство, приводившее въ отчаяніе Шведскихъ министровъ, было свойственно королю тогда только, когда ему казалось, что затрогивали его чувства, и что ему слѣдовало показать себя Европѣ какъ образецъ твердости во всемъ; что же касалось до вещественной стороны каждаго дѣла, король Густавъ являлъ безпрестанныя доказательства чрезвычайной непослѣдовательности. Такъ напримѣръ, разговаривая съ Англійскимъ министромъ о лагерѣ, который хотѣли учредить въ Сканіи, Его Величество четыре раза сряду измѣнялъ свои намѣренія.

Несогласіе царствовало между министрами и государственными людьми въ Стокгольмѣ. Одни изъ нихъ, а именно министръ иностранныхъ дѣлъ и министръ финансовъ, старались противодѣйствовать воинственнымъ планамъ Густава. Другіе, въ главѣ которыхъ стоялъ баронъ Стедингъ, Шведскій посолъ въ С.-Петербургѣ, употребляли всѣ усилія, чтобы удержать короля въ союзѣ съ Россіею и съ Великобританіею. Отъ этихъ раздоровъ происходили безпорядокъ во всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ и несвязность дипломатическихъ сношеній. Швеція была въ постоянной тревогѣ, ея внутреннія силы не могли развиться; ея безсиліе при честолюбивыхъ намѣреніяхъ короля не могло быть скрыто отъ Европы, которая все болѣе и болѣе теряла уваженіе къ грозной нѣкогда Швеціи. Въ бурное время, бывшее послѣдствіемъ Французской революціи, нельзя было не только играть

какую-нибудь роль, но и сохранить свое значеніе не имѣя на своей сторонѣ силы или искусства. У короля Густава не было ни того ни другаго; онъ умѣлъ только оскорблять своими выходками, но не могъ своими собственными средствами, безъ помощи другихъ, нанести вреда кому бы то ни было.

Легко представить себѣ негодованіе Берлинскаго двора, когда Густавъ Четвертый возвратилъ королю Пруссіи орденъ Чернаго Орла. Прусскій министръ въ Стокгольмѣ получилъ приказаніе возвратиться въ Берлинъ со всею миссіею и взять съ собою архивы въ доказательство, что дипломатическія сношенія между обоими государствами прекращаются на неопредѣленное время.

Густавъ Четвертый дорого бы поплатился за свои неблагоразумные поступки, если бы его не защитило и этотъ разъ покровительство императора Александра. Согласіе между Россіею и Пруссіею съ цѣлію противодѣйствовать опасному властолюбію Наполеона, начинавшее въ то время обнаруживаться, донесенія о намѣреніяхъ Государя. полученныя въ Берлинѣ отъ Прусскаго генерала Цастрова, посланнаго въ С.-Петербургъ послѣ того, какъ генералъ Винцингероде окончилъ свое порученіе въ Берлинѣ, преувеличенное мнѣніе, которое тогда имѣли о твердости Шведскаго короля и о пользѣ, которую можно было извлечь изъ его союза при предполагаемыхъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона — вотъ обстоятельства, которыя на время отвратили отъ Густава возмездіе за его заносчивость.

Въ то же время Россія дѣятельно содѣйствовала заключенію договора о субсидіяхъ между Швеціею и Великобританіею. Наше правительство желало, чтобы это соглашеніе могло состояться въ С.-Петербургѣ, гдѣ Англійскій чрезвычайный посолъ лордъ Ливесонъ Гоуеръ и Шведскій посолъ Стедингъ были готовы приступить къ переговорамъ и гдѣ благосклонное посредничество Императора могло бы легко устранить всѣ препятствія, но мелочное самолюбіе Густава и тутъ повредило успѣху общаго дѣла. Шведскій король полагалъ, что заключеніе договора, безъ его личнаго участія, было предосудительно для его достоинства, что это значило бы отдалять Швецію на второй планъ, однимъ словомъ онъ требовалъ, чтобы переговоры производились въ Стокгольмѣ. Мы видѣли выше, что баронъ Стедингъ былъ сторонникомъ союза противу Франціи, тогда какъ Шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ былъ противнаго мнѣнія—поэтому рѣшеніе вопроса о томъ, гдѣ вести переговоры о субсидіяхъ для войны съ Франціею, въ Стокгольмѣ — гдѣ преобладало вліяніе барона Эренгейма — или въ С.-Петербургѣ, было дѣломъ существенной важности.

Время шло и не было возможности побѣдить упорство Шведскаго короля. Надобно было прибѣгнуть къ посланнику нашему въ Стокгольмѣ Алопеусу и поручить ему, чтобъ онъ убѣдилъ Шведское министерство въ необ-

ходимости дѣйствовать противъ Франціи безъ дальнѣйшихъ промедленій. Управлявшій тогда министерствомъ иностранныхъ дѣлъ князь Чарторыйскій депешею отъ 3 Мая ст. стиля 1805 г. поручилъ г. Алопеусу лично убѣдить короля, что теперь представляется давно желанный имъ случай загладить прежнія неудачи, что съ одной стороны командованіе соединенною Шведскою и Россійскою арміею дастъ ему возможность стяжать себѣ громкую славу, и что напротивъ того шагъ назадъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ бросилъ бы невыгодную тѣнь на него самаго, особенно послѣ энергіи, которую онъ до того оказывалъ противъ Франціи. Въ той же депешѣ упоминалось о безчисленныхъ бѣдствіяхъ, которыя могло навлечь на Швецію охлажденіе къ ней Россіи.

Въ Стокгольмѣ были не безъ опасеній касательно намѣреній Пруссіи. Своими средствами Швеція не могла бы защитить Померанію отъ нападенія со стороны Пруссіи или Франціи. Съ Франціею король былъ давно въ разладѣ. Королю Прусскому Густавъ нанесъ личную обиду отославъ ему орденъ Чернаго Орла и можно было ожидать, что это оскорбленіе не пройдетъ Шведскому королю даромъ. Это обстоятельство содѣйствовало успѣху переговоровъ объ Англійскихъ субсидіяхъ, которыя обезпечили бы намъ участіе Швеціи въ союзѣ противъ Франціи. Къ счастію въ это время король Густавъ былъ довольно благосклоненъ къ Русскому посланнику и пригласилъ его побывать въ лагерѣ близъ Каттегата, безъ всякаго офиціальнаго характера. Англійскій представитель получилъ подобное же приглашеніе. Такимъ образомъ удалось наконецъ получить отъ короля Густава обѣщаніе, что наши войска будутъ допущены въ Стральзундъ въ случаѣ Европейской войны, даже если бы Швеція не принимала въ ней участія. О возможности Европейской войны Императоръ извѣщалъ Алопеуса еще 30 Іюля ст. стиля 1805 года.

Надлежало спѣшить заключеніемъ трактата о субсидіяхъ, чтобы увеличить силами Швеціи средства союза противу Франціи; королю Шведскому сдѣлана была уступка въ томъ, что переговоры рѣшено было производить въ Швеціи, согласно его требованію, но дѣло шло медленно впередъ. Возникли новыя затрудненія, и какъ всегда, отъ короля Густава. Лишь только рѣчь шла о цифрахъ, Густавъ приходилъ въ затрудненіе; онъ былъ рѣшительно не въ состояніи вывести правильнаго разсчета и между тѣмъ хотѣлъ все дѣлать самъ. Для каждаго исчисленія онъ долженъ былъ обращаться къ своему министру финансовъ или къ кому либо другому. Сбивчивость въ понятіяхъ, отсутствіе соображенія — главнѣйшія черты его характера, — проявлялись на каждомъ шагу.

Въ Швеціи знали про всѣ недостатки короля. Не безъ тревоги видѣли,

что при подобномъ правленіи Швеція снова была вовлечена въ Европейскія замѣшательства безъ всякой надежды на какое либо существенное вознагражденіе за опасности, которымъ она подвергалась. Общественное мнѣніе, особенно между военными, явно выражалось противу союза, который Швеція готова была заключить съ Россіею и Великобританіею. Всѣ сколько нибудь значительныя лица смотрѣли на пребываніе г. Алопеуса и Англійскаго представителя г. Піерпойнта (Pierpoint), въ лагерѣ близъ короля, какъ на бѣдствіе для ихъ отечества. Хотя и старались скрыть враждебное расположеніе Шведовъ къ обоимъ дипломатамъ, тѣмъ не менѣе оно было несомнѣнно. Изъ лицъ, самыхъ приближенныхъ къ королю, многіе употребляли всѣ старанія съ цѣлію воспрепятствовать переговорамъ Густава съ Англійскимъ правительствомъ.

Чтобъ узнать во всей подробности намѣренія Императорскаго двора относительно Швеціи, г. Алопеусъ отправился въ С.-Петербургъ. Повѣреннымъ въ дѣлахъ оставался коллежскій совѣтникъ Павловъ. Возвратившись по истеченіи шести недѣль, онъ съ сожалѣніемъ убѣдился, что со дня его отсутствія, т. е. съ 13 Іюля, переговоры о субсидіяхъ нисколько не подвинулись впередъ. Съ его прибытіемъ дѣло приняло оборотъ болѣе для насъ благопріятный. Г. Алопеусу принадлежитъ честь окончанія этого дѣла. Онъ былъ посредникомъ между обѣими договаривавшимися сторонами, и для ускоренія соглашенія употребилъ въ дѣйствіе личное свое вліяніе на короля— и главное: онъ могъ представить ручательство Россіи въ тѣхъ случаяхъ, когда было недостаточно ручательства Великобританіи.

Благодаря стараніямъ г. Алопеуса, субсидіи были обезпечены для Швеціи; оставалось опредѣлить способъ какъ употребить ихъ съ наибольшею пользою для общаго дѣла. Тутъ встрѣтилось новое препятствіе. Для переговоровъ о планѣ предстоящей кампаніи былъ назначенъ съ Шведской стороны фельдмаршалъ Толь, отъявленный противникъ союза. До заключенія трактата онъ старался всѣми силами помѣшать успѣху переговоровъ,—понятно, что при такомъ направленіи Шведскаго полномочнаго, не легко было достигнуть чего либо положительнаго относительно участія Швеціи въ предстоящей войнѣ. Король ненавидѣлъ Наполеона, горячо желалъ воевать съ нимъ — его довѣренное лице, фельдмаршалъ Толь старался напротивъ того сдѣлать войну невозможною или по крайней мѣрѣ хотѣлъ вести ее только для виду. Основаніемъ военныхъ дѣйствій должна была служить Шведская крѣпость Стральзундъ и прежде всего надлежало опредѣлить условія, при которыхъ шестнадцатитысячный Русскій корпусъ могъ туда вступить. Съ большимъ трудомъ г. Алопеусъ успѣлъ устроить это дѣло. Едва было устранено одно затрудненіе, какъ возникло другое. Кому командовать союзною

арміею? Если бы король былъ при арміи, вопросъ разрѣшался самъ собою: но въ его отсутствіи, кто будетъ предводителемъ — Шведскій или Русскій главнокомандующій? Щадя самолюбіе Шведскаго короля, предполагая до конца, что онъ искупитъ стойкостію на полѣ сраженія безпрестанныя затрудненія, возникавшія на каждомъ шагу въ сношеніяхъ съ нимъ, великодушный Александръ сдѣлалъ новую уступку своему союзнику и отдалъ въ его распоряженіе Русскія войска въ Шведской Помераніи; но на эту снисходительность Государь рѣшился не безъ труда.

Оставалось условиться о планѣ военныхъ дѣйствій и притомъ безъ промедленій — и такъ уже было потеряно слишкомъ много времени. Въ С.-Петербургѣ полагали, что въ Октябрѣ мѣсяцѣ Прусскій король приступитъ къ союзу противъ Наполеона. Въ планѣ общихъ дѣйствій Шведскому королю назначалась блестящая роль. Армія, подъ его личнымъ предводительствомъ, направлялась на Голландію; если бы Французамъ удалось собрать тамъ значительныя силы, Прусскія войска, сосредоточенныя въ Вестфаліи, должны были оказывать ему содѣйствіе. Императоръ Александръ обратился непосредственно къ Густаву, убѣждая его двинуться впередъ, сколь возможно скорѣе. Въ то время въ Голландіи вовсе не было войскъ непріятельскихъ; съ нашей стороны предполагалось овладѣть обильными матеріальными средствами этой богатой страны и такимъ образомъ воспрепятствовать Бонапарту воспользоваться ими противу союзниковъ. Главнымъ предметомъ похода въ Голландію было уничтожить все, что было приготовлено Французами для высадки въ Англію и завладѣть непріятельскими кораблями, укрывавшимися въ портахъ Сѣвернаго моря отъ Англійскаго флота. При этомъ имѣлось въ виду принять мѣры, чтобы завоеванія, которыя были бы сдѣланы союзною арміею не были считаемы за пріобрѣтеніе принадлежащее одной Швеціи, и чтобы доля, слѣдующая намъ, осталась за нами. Крѣпости, которыя надѣялись взять предполагалось разрушить, если существованіе ихъ не было для насъ полезно; въ то же время ожидали, что искусными прокламаціями мы возстановимъ жителей Голландіи противъ Французовъ и что вслѣдствіе тайныхъ сношеній съ Батавскою арміею, она оставитъ Французскія знамена.

Планъ былъ обширенъ; онъ могъ бы удаться, если бы къ дѣлу было приступленно своевременно. Посланникъ Алопеусъ поспѣшилъ въ Стральзундъ, чтобы помочь нашему главнокомандующему генералъ-лейтенанту графу Толстому устроиться тамъ и приготовиться къ военнымъ дѣйствіямъ, которыя надѣялись открыть немедленно. Вмѣсто содѣйствія со стороны Шведскаго главнокомандующаго, фельдмаршала Толя, Алопеусъ встрѣтилъ явное недоброжелательство и всѣ возможныя ухищренія, клонившіяся къ осужденію союзной арміи на совершенное бездѣйствіе.

Шведскій король, для котораго Императоръ Александръ такъ много сдѣлалъ, въ свою очередь только портилъ дѣло. Войска были готовы — соединенная армія ждала только приказанія Густава двинуться впередъ, но этого приказанія не было дано. Всѣ мѣры короля были рядомъ противорѣчій; вмѣсто того чтобы дѣйствовать, онъ возбуждалъ затрудненіе за затрудненіемъ. То онъ не хотѣлъ принять на себя командованіе союзною арміею, то отказывался двинуть впередъ войска, отданныя въ его распоряженіе, наконецъ онъ остался на мѣстѣ, показывая видъ, что опасается вторженія Прусскихъ войскъ въ Померанію. Тщетно Англійскій министръ Пьерпойнтъ указывалъ ему на текстъ договора о субсидіяхъ и требовалъ, чтобъ онъ исполнилъ данное имъ обѣщаніе, — король оставался въ бездѣйствіи утверждая, что съ его стороны и такъ уже довольно сдѣлано для успѣха союза. Пока продолжались эти жалкія распри, Наполеонъ дѣйствовалъ съ обычною своею рѣшительностію, разгромилъ Австрійскую армію, взялъ Вѣну и перешелъ черезъ Дунай.

Король по видимому удостоивалъ своей благосклонности посланника Алопеуса, но отъ этого дѣла не шли лучше. Вражда между Густавомъ и Фридрихомъ Вильгельмомъ продолжалась. Густавъ написалъ къ Фридриху Вильгельму письмо; узнавъ заблаговременно о содержаніи этого посланія, король Прусскій не захотѣлъ его принять. Густавъ обратился къ Алопеусу и требовалъ его посредничества; наконецъ сталъ настаивать, чтобы нашъ посланникъ вручилъ королю Прусскому это письмо. Г. Алопеусъ могъ только взять его на сохраненіе. Наконецъ послѣ всѣхъ этихъ мелочныхъ пререканій, военныя дѣйствія казалось должны были начаться, но въ это самое время воспослѣдовала битва при Аустерлицѣ. Послѣ такого рѣшительнаго событія нельзя было и думать объ отдаленныхъ и многосложныхъ диверсіяхъ противъ Голландіи. Русскія войска, бывшія подъ командою графа Толстаго, были отданы въ полное распоряженіе короля Прусскаго. Предлогомъ къ этой мѣрѣ, положившей конецъ союзу съ Швеціею, послужила медленность короля Шведскаго въ принятіи на себя командованія союзною арміею.

Въ ту минуту когда это приказаніе было получено генералъ-лейтенантомъ графомъ Толстымъ, союзная армія начала свои дѣйствія, но уже было поздно. Русскіе перешли черезъ Эльбу; Прусскій генералъ Калькрейтъ маневрировалъ съ цѣлію обложить крѣпость Гамельнъ; Шведы, увлекаемые нашимъ примѣромъ, также рѣшились наконецъ перейти черезъ Эльбу съ цѣлію занять Ганноверское Курфиршество. Англійскій корпусъ въ двадцать четыре тысячи человѣкъ подъ командою генераловъ Дона и лорда Каткарта высадился уже на берегъ для соединенія съ союзною арміею. Такія разнородныя начала могли быть сосредоточены только великимъ полковод-

цемъ, но не таковъ былъ Густавъ. Вмѣсто того чтобъ дать стройное направленіе всѣмъ этимъ отдѣльнымъ корпусамъ съ различнымъ устройствомъ, съ цѣлями далеко неодинаковыми, онъ спутывалъ ихъ движенія и увеличивалъ безъ нужды затруднительность ихъ положенія. Среди этого всеобщаго замѣшательства совершилась Аустерлицкая катастрофа. Русскіе вернулись въ Стральзундъ, Англичане снова сѣли на свои корабли; Пруссія возвратилась къ прежней своей системѣ, которая была не то что миръ, не то что война. Ее Наполеонъ оставилъ пока въ покоѣ, но на Швецію обрушились послѣдствія неловкой политики, которой слѣдовалъ ея король.

Густавъ Четвертый въ эту кратковременную кампанію обманулъ всѣ надежды, которыя на него возлагали. Вмѣсто того, чтобы обдумавъ планъ, постоянно его держаться, король терялся въ мелочахъ и постоянно отдалялся отъ цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду при своихъ вооруженіяхъ. Онъ не скрывалъ вражды своей къ Наполеону и сдѣлалъ изъ Стральзунда сборное мѣсто для войскъ, назначавшихся противу Франціи и тѣмъ самымъ далъ ей справедливую причину къ непріятельскимъ дѣйствіямъ противъ Швеціи, но въ то же время не сдѣлалъ ничего, чтобы ослабить силы грознаго своего противника. Своею мелочною заносчивостію онъ сперва замедлилъ заключеніе трактата съ Англіею о субсидіяхъ и слѣдовательно приведеніе Шведскаго корпуса въ готовность къ войнѣ, потомъ подъ ничтожными предлогами остановилъ движеніе союзной арміи въ самое нужное время и чрезъ то лишилъ Англію плода ея денежныхъ пожертвованій. Онъ не исполнилъ ожиданій Императора Александра, столько разъ выручавшаго изъ бѣды, и въ рѣшительныя минуты войны оставилъ его безъ содѣйствія, на которое Государь разсчитывалъ послѣ столькихъ уступокъ, столькихъ услугъ и наконецъ послѣ договора, для этой именно цѣли заключеннаго. Въ довершеніе всего онъ не съумѣлъ войти въ соглашеніе съ Пруссіею и своею неловкостію помѣшалъ ей во время присоединиться къ союзу противъ Наполеона. Пока король Фридрихъ Вильгельмъ колебался между Россіею и Франціею Густавъ оскорбилъ его возвращеніемъ ордена, своею неумѣстною подозрительностію и наконецъ поставилъ его въ непріятное положеніе въ отношеніи къ Франціи, не сдѣлавъ ничего чтобы привлечь его къ союзу противъ Наполеона. Шведскія войска шли на Ганноверъ съ Прусскими войсками, не оказывая имъ содѣйствія и даже безъ всякаго соглашенія съ ихъ генералами; король Густавъ и не думалъ загладить свой поступокъ, тогда какъ король Фридрихъ Вильгельмъ имѣлъ всѣ причины быть недовольнымъ странными дѣйствіями своего сѣвернаго сосѣда. Шестидесятитысячная армія, состоявшая изъ Русскихъ, Шведовъ и Англичанъ, которая могла бы играть такую блестящую роль и послѣ перваго успѣха увлечь за собою всю Прусскую армію

не сдѣлала рѣшительно ничего, благодаря Густаву Адольфу. Ни онъ, ни его дипломаты, ни его армія не выиграли ничего въ общественномъ мнѣніи при этихъ печальныхъ обстоятельствахъ—Швеція потеряла всякое уваженіе къ себѣ въ Европѣ и вмѣсто того, чтобы возвратить себѣ хотя часть прежняго вліянія, больше чѣмъ когда нибудь отдалилась на послѣдній планъ. Первая война Императора Александра противъ Наполеона неудалась, и дѣйствія нашего Шведскаго союзника много способствовали успѣхамъ Наполеона.

О наступательныхъ дѣйствіяхъ противу Франціи нечего было помышлять. Оставалось только вразумить короля Густава и помѣшать ему потерять Шведскую Померанію, которою Наполеонъ такъ легко могъ завладѣть. Прежде всего надобно было убѣдить его въ необходимости возобновить дружескія сношенія съ Прусскимъ дворомъ, и чрезъ то сохранить свои владѣнія въ Германіи. Генералъ-адъютантъ князь Гагаринъ отправился въ Стральзундъ, куда въ то время возвратился король Густавъ послѣ своей безславной кампаніи и вручилъ его величеству собственноручное письмо Императора Александра. Постоянно снисходительный Государь писалъ къ Густаву, что онъ твердо намѣренъ не отдѣлять своихъ интересовъ отъ интерессовъ своего союзника, что взглядъ его на вещи не измѣнился и что только въ союзѣ государствъ, еще неутратившихъ своей независимости, онъ видитъ единственное средство предотвратить совершенное порабощеніе Европы.

Не въ характерѣ короля Густава было находиться въ пріязненныхъ сношеніяхъ съ кѣмъ бы то ни было и не произвести раздора. Графъ Толстой не избѣгнулъ общей участи всѣхъ, кто только имѣлъ дѣло съ королемъ. Скоро возникли пререканія и неудовольствія. Король немедленно обратился къ Императору съ жалобами на дѣйствія Русскаго генерала. Государь разсудилъ, что вся эта переписка могла бы имѣть непріятныя послѣдствія безъ всякой пользы, и что лучше было не давать дѣлу дальнѣйшаго хода. Жалобы короля Густава оставлены были безъ вниманія, тѣмъ не менѣе Государь, лучше понимавшій выгоды Швеціи чѣмъ король ея, продолжалъ содѣйствовать сближенію между Швеціею и Пруссіею. Посланнику нашему въ Берлинѣ, г. Алопеусу, было поручено стараться примирить обоихъ королей, и сколько возможно предотвращать какія либо крайнія мѣры съ той или другой стороны.

Исполнить это порученіе было довольно трудно. Король Прусскій не хотѣлъ входить въ непосредственныя сношенія съ Шведскимъ королемъ и обратился къ графу Толстому, съ цѣлію убѣдить Густава возвратиться со всѣми своими войсками въ Шведскую Померанію; но Густавъ прекратилъ всякія сношенія съ нашимъ корпусомъ и вызвалъ офицера, который находился въ нашей главной квартирѣ. Наконецъ онъ отступилъ, но

оставилъ въ Лауенбургскомъ герцогствѣ слабый отрядъ, полагая, что нѣсколькихъ сотъ человѣкъ достаточно будетъ для охраненія этой области противу всякаго нападенія со стороны Наполеона. Казалось всѣ поступки Густава имѣли цѣлію вызвать наступательныя дѣйствія противъ Шведской Помераніи и такимъ образомъ найти предлогъ требовать, чтобы съ нашей стороны были исполнены условія Гатчинскаго договора.

Образъ дѣйствій короля въ продолженіи этой жалкой кампаніи, совершенное отсутствіе воинскихъ способностей, его полное равнодушіе къ пользамъ его подданныхъ и къ славѣ Шведскаго оружія увеличили всеобщее къ нему нерасположеніе и безъ того сильное. Мы видѣли, какъ онъ поступалъ съ своими союзниками, какъ онъ обращался съ королемъ Прусскимъ, какъ мало онъ оправдалъ ожиданія Императора Александра; ему оставалось только поссориться съ Великобританіею — и въ этомъ успѣлъ король Густавъ. Его отношенія къ Англійскому дипломату Пьерпойнту были таковы, что Англійское правительство скоро перестало надѣяться извлечь какую либо пользу отъ сношеній съ Швеціею.

Король Густавъ расчитывалъ, что ему слѣдовало получить 72 тысячи фунтовъ стерлинговъ отъ Англійскаго правительства въ уплату за первоначальныя издержки кампаніи, столь безполезной. Онъ сталъ объясняться о томъ съ г. Пьерпойнтомъ, который въ то время уѣзжалъ въ Лондонъ. — Г. Пьерпойнтъ началъ представлять причины, по которымъ Великобританское министерство медлило платежемъ. Король прервалъ его и объявилъ изумленному дипломату, что онъ не хочетъ знать никакого министерства, что онъ считаетъ г. Пьерпойнта подлежащимъ личной отвѣтственности за это замедленіе. «Я не знаю» прибавилъ король, «могу ли я позволить вамъ выѣхать «изъ Швеціи, пока вся эта сумма не будетъ уплачена».

Шведская Померанія, которою такъ много занимались тогда, стоила дорого, но приносила мало доходу, такъ что для покрытія издержекъ по ея управленію надобно было прибѣгать къ финансамъ королевства и безъ того скуднымъ. Сверхъ того отъ нее происходило для Швеціи еще то неудобство, что она служила королямъ ея предлогомъ для поѣздокъ за Балтійское море и поводомъ предаваться политическимъ увлеченіямъ, дорого стоившимъ Швеціи. Около этого времени стали ходить слухи, что король имѣлъ въ виду продать эту область или Россіи или Пруссіи. Говорили, что король Густавъ поручилъ барону Стедингу предложить это пріобрѣтеніе нашему правительству, но что баронъ Стедингъ отвѣчалъ: «Я не дѣлалъ предложе- «нія уступить Россіи Померанію. Можно лишиться области, но продать ее «за нѣсколько мѣшковъ золота,—никогда. Я въ томъ свидѣтельствуюсь тѣ-

«нію Густава Адольфа, короля, котораго Ваше Величество носите имя и «имѣете сердце»*.

Впрочемъ безпокойный и непослѣдовательный Густавъ не долго останавливался на этой мысли — его вниманіе было отвлечено отъ Помераніи новою ссорою съ королемъ Прусскимъ.

Король Густавъ продолжалъ занимать Лауенбургское герцогство, не имѣя никакого повода удерживать за собою эту область, на которую Пруссія объявляла притязанія какъ на составную часть Ганноверскаго Курфиршества. Великобританское правительство совѣтывало ему очистить герцогство, но король оставлялъ тамъ свои войска подъ разными предлогами. Императоръ Александръ, снисходительный какъ всегда къ своему безпокойному союзнику, въ свою очередь убѣждалъ короля отказаться отъ этого герцогства, на которое онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права, перестать раздражать Пруссію и не вовлекаться въ войну съ несравненно сильнѣйшею державою. Къ чему привела бы эта распря? Швеція ни въ какомъ случаѣ не могла удержать за собою Лауенбурга и была бы обезсилена въ то самое время, когда слѣдовало дѣйствовать въ Германіи противу общаго врага. Король не хотѣлъ ничего слушать. Предаваясь досадѣ на короля Прусскаго онъ рѣшился задержать Прусскихъ подданныхъ въ Шведской Помераніи и наложить амбарго на Прусскіе корабли въ Шведскихъ портахъ.

Не легко было нашимъ посланникамъ въ Берлинѣ и Стокгольмѣ отвратить послѣдствія справедливаго негодованія Прусскаго правительства, котораго терпѣніе было наконецъ истощено выходками короля Густава, столь же неумѣстными какъ и оскорбительными. Слабый Шведскій отрядъ, занимавшій Лауенбургъ, былъ вытѣсненъ Прусскими войсками и отступилъ черезъ Мекленбургскія владѣнія, причемъ понесъ потерю въ людяхъ. Пруссія удовольствовалась этой мѣрою, но король Шведскій и тутъ явилъ новое доказательство своей неспособности. Послѣ самыхъ заносчивыхъ объявленій онъ не сдѣлалъ ничего чтобъ поддержать свои притязанія. Всѣ мѣры имъ предписанныя оказались неудовлетворительными. Шведская Померанія, истощенная безконечными переходами войскъ, начинала изъявлять желаніе присоединиться къ Пруссіи. Король Густавъ не переставалъ требовать отъ этой несчастной области новыхъ пожертнованій и въ то же время обнаруживалъ намѣреніе лишить ее и старинныхъ ея правъ. Сама Швеція не имѣла минуты покоя. Ея король безпрестанно былъ въ разладѣ то съ тою, то съ другою державою, на каждомъ шагу происходили столкновенія между нимъ и его союзниками; слабость Швеціи была очевидна для всѣхъ; отъ войны,

* Біографія графа Толя, т. I, стр. 93.

которую могла навлечь на нее необдуманность короля, она могла ожидать только окончательнаго раззоренія, и неизбѣжная потеря Помераніи была бы только началомъ бѣдствій государства.

Въ личныхъ качествахъ короля не было ничего, что бы могло снискать ему любовь или довѣріе его подданныхъ. Постоянно угрюмый и нелюдимый Густавъ болѣе и болѣе удалялся отъ народа. Его министры рѣдко имѣли къ нему доступъ—на ихъ представленія не было обращаемо ни малѣйшаго вниманія. Приказанія свои по дѣламъ правленія онъ давалъ прямо второстепеннымъ начальникамъ отдѣльныхъ частей — отъ главнѣйшихъ сановниковъ требовалось не ихъ мнѣніе, а только подпись.

Склонившись на убѣжденія Русскаго посланника, король Прусскій явилъ неожиданную снисходительность къ королю Густаву. Чтобы открыть путь къ примиренію, онъ отправилъ къ Шведскому королю письмо, въ которомъ онъ спрашивалъ объясненія. Отвѣтъ короля Густава былъ таковъ, что примиреніе становилось очевидно невозможнымъ. Баронъ Стедингъ, понимая опасность, которой подвергалась Швеція, обратился къ неизмѣнному великодушію Императора Александра и ходатайствовалъ о его заступленіи — король Густавъ отклонилъ это благодѣтельное посредничество и хотѣлъ устроить дѣло посредствомъ личной переписки съ королемъ Прусскимъ; мы видѣли выше, какъ неудачны были всѣ письма Густава. Въ своемъ ослѣпленіи онъ говорилъ, что онъ былъ бы не прочь отъ посредничества Императора, если бы только черезъ то онъ не подвергъ себя подозрѣнію, будто онъ состоитъ подъ опекою Россіи. Въ послѣдствіи онъ сообщилъ нашему посланнику въ Стокгольмѣ еще причину, по которой онъ считалъ необходимымъ отклонить отъ себя этотъ новый знакъ снисходительности Императора Александра. «Это посредничество» говорилъ король, «будетъ какъ я «опасаюсь, слишкомъ склоняться въ мою пользу — я такъ люблю справедли- «вость, что желаю только одного совершеннаго безпристрастія».

Пруссія готовилась къ войнѣ съ Наполеономъ и ей нѣкогда было заниматься безсильной Швеціею и ея безпокойнымъ королемъ. Прусскія войска, занимавшія Лауенбургъ, вышли оттуда не въ угожденіе Шведскому королю, а съ цѣлію сдѣлать уступку Англійскому правительству, въ глазахъ котораго Лауенбургъ составлялъ часть Ганноверскаго Курфиршества, наслѣдсвеннаго достоянія Великобританскихъ королей, замѣнившихъ династію Стуартовъ. Союзъ съ Англіею былъ не то что союзъ съ Швеціею и при разрывѣ съ Наполеономъ для Пруссіи было необходимо находиться въ наилучшихъ отношеніяхъ съ самымъ постояннымъ изъ непріятелей Франціи.

Густавъ Адольфъ торжествовалъ, узнавъ объ отступленіи Прусскихъ войскъ изъ Лауенбурга; въ своемъ самообольщеніи онъ приписывалъ эту

мѣру своей твердости и видѣлъ въ ней справедливую награду своей мудрой политики. Считая выступленіе Прусскихъ войскъ удовлетвореніемъ ему оказаннымъ, король Густавъ снялъ блокаду Прусскихъ портовъ и освободилъ отъ амбарго Прусскія суда.

Наканунѣ войны съ такимъ непріятелемъ, какимъ былъ Наполеонъ, казалось Фридриху Вильгельму слѣдовало бы не пренебрегать ни чѣмъ для усиленія своихъ средствъ, даже извлечь пользу изъ вражды Густава Адольфа къ Наполеону; но въ Берлинѣ оцѣнили уже вполнѣ всю безполезность союза съ Швеціею. Король Шведскій не былъ приглашенъ Пруссіею приступить къ совокупному дѣйствію противъ Франціи. Въ храбрости Шведскихъ войскъ ни кто не сомнѣвался, но за нихъ надобно было платить, и платить дорого, а Шведскій король, неизбѣжный ихъ вождь, былъ какъ всѣ знали не въ состояніи что либо зрѣло обдумать и слѣдовалъ во всемъ увлеченіямъ болѣзненнаго самолюбія. При его характерѣ слѣдовало ожидать безпрестанныхъ столкновеній, которыя помѣшали бы непремѣнно всякому рѣшительному движенію и по этому въ Берлинѣ предпочли оставить его въ сторонѣ.

Въ Лондонѣ не потеряли еще всякаго довѣрія къ королю. Посланники Англійскій и Прусскій настаивали, чтобы въ виду предстоящихъ событій по крайней мѣрѣ оставлены были въ Помераніи Шведскія войска, за которыя Англія платила значительныя субсидіи, но эти представленія не имѣли никакого успѣха. Король выѣхалъ изъ Помераніи 31 Августа ст. стиля 1806 г. и отправилъ въ Швецію лучшія свои войска въ то время, когда ихъ присутствіе на театрѣ войны могло бы принести такую пользу. Могущество Императора Александра, сильное вліяніе, которое при всѣхъ политическихъ событіяхъ неотъемлемо принадлежало повелителю Россіи, тревожили мелочное самолюбіе Густава. Чуждый благодарности за всѣ оказанныя ему услуги, движимый завистію, онъ вымѣстилъ свою досаду на г. Алопеусѣ и пригласилъ его отправиться прямо въ Стокгольмъ, тогда какъ Англійскій дипломатъ г. Пьерпойнтъ по желанію короля прибылъ въ Шведскій лагерь въ Сканіи. На возвратномъ пути Густавъ не удостоилъ даже своимъ посѣщеніемъ Стральзундской крѣпости, столько важной для Швеціи и для союза; чтобъ миновать ее, онъ сдѣлалъ большой кругъ.

Пруссія между тѣмъ начала войну съ Франціей; черезъ нѣсколько дней ее постигло двоякое пораженіе при Іенѣ и Ауэрштедтѣ — военныя силы ея были разгромлены однимъ ударомъ. Французскія войска быстро преслѣдовали остатки побѣжденной арміи и овладѣли всей западной Пруссіей. Между тѣмъ Лауенбургское герцогство было занято отрядомъ отборнаго Шведскаго войска; упрямый Густавъ все еще не хотѣлъ отказаться отъ своего пріобрѣтенія и бросилъ эту горсть людей на произволъ судьбы, среди статысячныхъ

армій. Маршалъ Бернадотъ, преслѣдуя Блюхера, устремился на Любекъ; нещастный Шведскій отрядъ постигая опасность, которая ему угрожала среди этихъ столкновеній, хотѣлъ возвратиться въ Стральзундъ, но отступленіе было невозможно. Шведскій командиръ надѣялся уйти моремъ, посадилъ свои войска на суда въ Любекѣ и спустился по Травѣ, но не доплывъ до моря, очутился посреди дивизій Бернадота, которыя занимали оба берега рѣки. Сопротивленіе было невозможно. Весь отрядъ попался въ плѣнъ Французамъ.

Маршалъ Бернадотъ всегда былъ ласковъ и снисходителенъ, и въ настоящемъ случаѣ онъ не измѣнилъ своей обычной привѣтливости; въ самомъ дѣлѣ нельзя было не пожалѣть объ участи Шведскаго отряда, заброшеннаго въ Лауенбургѣ и сдѣлавшагося жертвою нераспорядительности ихъ короля. Шведскій начальникъ полковникъ Мернеръ и бывшіе подъ его командою офицеры были приглашены къ обѣду предупредительнымъ маршаломъ. Въ продолженіи разговора, побѣдоносный Французскій вождь выразилъ мысль что по естественному порядку вещей не Даніи, а Швеціи должна была принадлежать Норвегія и что онъ желалъ бы этого соединенія Скандинавскаго полуострова въ одно государство. Ласковое обращеніе маршала Бернадота имѣло послѣдствія, которыхъ тогда никто не могъ предвидѣть. Когда предстояло Швеціи замѣнить династію Вазы другимъ царственнымъ домомъ, офицеры Лауенбургскаго отряда вспомнили о своемъ великодушномъ побѣдителѣ, который такъ привѣтливо облегчилъ непріятности ихъ плѣна и съ такимъ участіемъ къ Швеціи признавалъ необходимость соединить подъ однимъ скипетромъ весь Скандинавскій полуостровъ. Ихъ старанія много содѣйствовали избранію въ преемники Карлу XIII полководца, котораго обходительность и воинскія дарованія представляли такую противуположность съ жесткимъ обращеніемъ и съ неспособностію ихъ короля. На первыхъ порахъ этотъ обѣдъ, отъ котораго впрочемъ имъ трудно было бы отказаться, навлекъ на нихъ сильное негодованіе Густава.

Другое обстоятельство едва не имѣло непосредственныхъ послѣдствій. Наполеонъ, не увлекавшійся еще тогда своими успѣхами, не пренебрегалъ ничѣмъ для осуществленія своихъ видовъ. Въ Гамбургѣ представителемъ его былъ соученикъ его, Буріеннъ; Шведскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Нецель. Буріеннъ пригласилъ Шведскаго дипломата къ себѣ подъ предлогомъ объясненій касательно Шведскихъ плѣнныхъ; Нецель явился на свиданіе. Не о плѣнныхъ хотѣлъ съ нимъ говорить Французскій дипломатъ — предметъ этого свиданія былъ гораздо важнѣе. «Императоръ Французовъ» говорилъ Буріеннъ, «во многихъ отношеніяхъ виноватъ передъ вашимъ ко«ролемъ; давно уже онъ удивляется правдивости Его Величества. Французы

«и Шведы никогда не должны быть непріятелями. Пусть Шведскій король «вспомнитъ, что Россійскому Императору грозитъ нынѣ нападеніе, и что «дружба, которую ему предлагаетъ теперь Наполеонъ, одна можетъ освобо- «дить его отъ этого опаснаго сосѣда. Сохраненіе Шведской Помераніи и «округленіе этой области будутъ королю наградою за его дружбу».

Сдѣлавъ это предложеніе, Буріеннъ съ нетерпѣніемъ ждалъ на него отвѣта. Г. Нецель поспѣшилъ передать своему королю слова Французскаго дипломата.

Два часа по полученіи донесенія отъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ, Густавъ приказалъ отвѣчать ему, что онъ въ высшей степени удивленъ неисполненіемъ даннаго ему приказанія не имѣть никакихъ сношеній съ Французскою миссіею; что за это ослушаніе онъ отзывается отъ своего поста, что онъ долженъ оставаться въ Гамбургѣ только до прибытія своего преемника, наконецъ ему было предписано о причинахъ своего отзыва увѣдомить Гамбургскій сенатъ и напечатать въ газетахъ объявленіе о своемъ увольненіи. Въ довершеніе всего несчастный дипломатъ обязанъ былъ увѣдомить г. Буріенна о своей отставкѣ и о причинахъ немилости къ нему короля.

Таковъ былъ надменный отвѣтъ короля Густава на предложеніе Наполеона, который только что передъ тѣмъ сокрушилъ однимъ ударомъ первоклассную монархію и въ то время достигъ высшей степени славы и могущества. Это была послѣдняя попытка Наполеона сблизиться съ Шведскимъ королемъ.

Впрочемъ по видимому Густаву было недостаточно имѣть своимъ врагомъ только одного Наполеона. Въ началѣ Декабря 1806 года войска, расположенныя въ Шведской Финляндіи, получили приказаніе быть готовыми идти въ походъ по первому приказанію. Въ С.-Петербургѣ узнали, что одному Шведскому чиновнику было поручено удостовѣриться, точно ли большая часть Русскихъ войскъ въ Финляндіи была оттуда выведена и отправлена въ Польшу и разузнать, какія были наши средства къ оборонѣ и въ какомъ положеніи находились наши пограничныя владѣнія со стороны Швеціи. Въ то же время изъ секретныхъ источниковъ узнали у насъ, что Шведскій король далеко не имѣлъ тѣхъ дружескихъ и искреннихъ чувствъ къ нашему двору, которыя мы предполагали. Вмѣсто того чтобы быть признательнымъ къ Россійскому двору за всѣ оказанныя ему услуги, онъ ждалъ только рѣшительной побѣды Французовъ надъ нами, и намѣренъ былъ тогда напасть на насъ со стороны Финляндіи.

Г. Алопеусъ еще недавно пользовался личнымъ вниманіемъ къ нему короля Густава—теперь все перемѣнилось. Ему надобно было войти съ пред-

ставленіями къ королю по нѣкоторымъ дѣламъ нашимъ; этого было достаточно, чтобы возбудить противу него неудовольствіе короля. Борьба съ Наполеономъ поглощала всѣ силы Россіи и предусмотрительный Александръ старался по мѣрѣ возможности не увеличивать числа враговъ Россіи. Г. Алопеусу было поручено усугубить бдительность и обратить всю заботливость на то, чтобы удержать короля Густава отъ разрыва съ нами хотя на то время, когда нашимъ границамъ грозила опасность отъ Наполеона. Это порученіе не легко было г. Алопеусу исполнить; ему надлежало имѣть болѣе чѣмъ обыкновенную долю терпѣнія при всѣхъ неумѣстныхъ выходкахъ Шведскаго короля. Такъ напримѣръ, возвращаясь изъ Помераніи въ Стокгольмъ, онъ долженъ былъ проѣхать близъ Мальме, гдѣ находился Шведскій король. Онъ сдѣлалъ округъ, чтобы представиться королю, просилъ аудіенціи, но не былъ принятъ его величествомъ. Четыре дня ждалъ онъ отвѣта отъ короля, наконецъ получилъ приглашеніе явиться ко двору. Онъ пріѣхалъ и два часа ждалъ чтобъ его приняли — наконецъ вышелъ къ нему оберъ-камеръ-юнкеръ Густава и объявилъ, что его величеству было недосугъ и что король не желаетъ задерживать его долѣе въ пути.

Предложенія Буріенна, рѣчи въ томъ же смыслѣ маршала Мортье, не остались однако безъ послѣдствій. Успѣхи Французовъ довершили дѣло и король всегда шаткій въ своемъ направленіи, сталъ думать о томъ, нельзя ли воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась Россія. Изъ его министровъ многіе были сторонниками Наполеона; они всѣми силами старались дать мыслямъ короля направленіе неблагопріятное Россіи. Англійскій министръ, который продолжалъ пребывать въ Мальме вблизи короля, предувѣдомилъ о томъ Алопеуса; тайный совѣтникъ Строгановъ, бывшій тамъ на возвратномъ пути въ Россію, подтвердилъ эти тревожныя извѣстія.

Стральзундскій гарнизонъ долженъ былъ состоить изъ 12 тысячь человѣкъ, но въ этой крѣпости не было и половины того числа войскъ, которое король Шведскій долженъ былъ тамъ содержать, на основаніи трактата съ Англіей о субсидіяхъ. Всѣхъ болѣе старался фельдмаршалъ Толль отдалить короля отъ прежнихъ его союзниковъ и можно было судить по многимъ признакамъ, что происки его были не безуспѣшны. Маршалъ Мортье стоялъ на границахъ Шведской Помераніи, по не вступалъ въ нее, съ очевидною цѣлію дать время королю Густаву рѣшиться наконецъ на то или на другое. Великобританское правительство готово было прекратить субсидіи, которыя Шведскій король употреблялъ вовсе не для условленной цѣли. Шведскія газеты, подлежавшія самой строгой цензурѣ, извѣщали съ видимымъ удовольствіемъ о пораженіяхъ понесенныхъ Прусскими войсками и печатали въ своихъ столб-

цахъ Французскія прокламаціи. Король очевидно искалъ предлога къ ссорѣ съ нами и хотя со стороны Швеціи тогда только могли намъ предстоять серьозныя затрудненія, если бы насъ захватили въ расплохъ, какъ это было во времена Екатерины, тѣмъ не менѣе въ то время когда мы воевали разомъ съ Наполеономъ, съ Турціею и съ Персіей, намъ необходимо было избѣгать четвертой войны на сѣверѣ, вблизи отъ столицы имперіи. Правда, насъ обезпечивало въ этомъ отношеніи совершенное разстройство Шведскихъ финансовъ и несомнѣнная неспособность короля. Онъ не имѣлъ ни тѣни великодушія; это былъ самый ненадежный союзникъ, самый безпокойный сосѣдъ: его силы были незначительны, но все таки границы наши со Швеціею были не далеко отъ С.-Петербурга. Мстительность Густава была постоянна, его дружба до крайности непрочна, противъ него всегда надлежало быть на сторожѣ.

Чтобъ не дать предлога Швеціи къ разрыву съ нами, мы дѣлали ей разныя уступки. Шведскимъ подданнымъ при ихъ переѣздахъ въ Россійскихъ владѣніяхъ были предоставлены преимущества, которыхъ не имѣли другіе иностранцы. Впрочемъ стараніямъ нашего посланника въ Стокгольмѣ болѣе всего содѣйствовало одно случайное обстоятельство. Для продовольствія нашихъ войскъ необходимо было имѣть запасы хлѣба въ губерніяхъ, близкихъ къ Прусскимъ границамъ, надобно было также, для уменьшенія военныхъ издержекъ, чтобы на этотъ хлѣбъ цѣны были не слишкомъ высоки. Съ этою цѣлію состоялся указъ 13 Ноября 1806 года, которымъ былъ ограниченъ вывозъ Русскаго хлѣба за границу. Именно въ этомъ году былъ въ Швеціи неурожай — королевство въ то время не могло продовольствоваться своимъ хлѣбомъ и въ этомъ отношеніи было поставлено въ зависимость отъ иностранцевъ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ изъ Германіи было невозможно получить хлѣба, оставалась Россія и разрывъ тогда съ нею имѣлъ бы непремѣнно послѣдствіемъ голодъ въ Швеціи, гдѣ земледѣліе далеко не было такъ развито какъ теперь.

Будучи близокъ къ разрыву съ Россіею, Густавъ продолжалъ враждовать съ Наполеономъ; къ прежнимъ причинамъ недоброжелательства присоединились новыя — послѣдствіе мистическаго направленія короля. Онъ находилъ, что императоръ Французовъ былъ ни что иное какъ звѣрь Апокалипсиса. На Шведскій языкъ переводили тайную исторію Сенъ-Клу и другія сочиненія въ этомъ родѣ. Единственная союзница Швеціи, Англія начинала тяготиться союзомъ съ Стокгольмскимъ дворомъ. Она платила ему субсидіи безъ всякой для себя пользы — Шведскія войска, которыя обходились ей такъ дорого, оставались въ совершенномъ бездѣйствіи. Наконецъ Великобританское министерство видя безуспѣшность своихъ представленій,

рѣшилось платить субсидіи только за тѣ войска, которыя будутъ дѣйствовать внѣ предѣловъ Швеціи. Узнавъ объ этомъ, король потерялъ всякую мѣру. Однажды Англійскій министръ Пьерпойнтъ обѣдалъ у его величества; за столомъ онъ упомянулъ о туманахъ, часто бывшихъ въ Мальме. «Эти «туманы», отвѣчалъ громко король, «ничего въ сравненіи съ тѣми, которые «омрачаютъ умы Великобританскихъ министровъ».

Наполеонъ еще медлилъ наложить свою тяжелую руку на Швецію — все еще онъ готовилъ въ ней врага Россіи. Въ то время говорили, что онъ возобновилъ предложеніе о союзѣ съ Франціею и для этого обратился къ посредству Баденскаго наслѣднаго принца, котораго сестры, супруга Густава и принцесса Марія Брауншвейгъ-Эльская, находились въ Швеціи. Если вѣрить тогдашнимъ слухамъ, Наполеонъ обѣщалъ завоевать для Густава всѣ области, потерянныя Швеціею въ началѣ XVIII столѣтія, но къ счастію для Россіи эти предложенія не были приняты.

Настроеніе короля въ это время было таково, что возбуждало всеобщее безпокойство. Онъ былъ не въ состояніи обсудить правильно какое бы то ни было дѣло и становился каждый день болѣе и болѣе недоступнымъ. Дворъ его состоялъ изъ однихъ секретарей и адъютантовъ. Его окружало только немногое число приближенныхъ, да и тѣ получили приказаніе не собираться болѣе въ королевскихъ комнатахъ. По звону колокола всѣ являлись къ столу — по окончаніи обѣда всѣ тотчасъ должны были уходить. Впрочемъ король и королева только по воскресеньямъ принимали кого либо къ столу. (*Депеша Алопеуса 1 Февраля 1807 г. № 14*).

Въ доказательство нерасположенія Густава къ Императору Александру, столько разъ выручавшему его изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, мы приведемъ слѣдующее обстоятельство. Мы получали субсидіи отъ Англіи. Зимою эти суммы могли быть доставлены въ Россію только черезъ Швецію и такимъ образомъ одинъ денежный транспортъ былъ отправленъ къ намъ черезъ Готенбургъ и Стокгольмъ. По приказанію Густава, губернаторъ Готенбурга объявилъ нашему консулу въ этомъ городѣ, что часть транспорта, назначеннаго для Россіи, будетъ удержана въ возмѣщеніе суммъ недоплаченныхъ Россіею Швеціи по трактату. Губернаторъ присовокупилъ, что объ этомъ обстоятельствѣ король предувѣдомилъ уже Императора Александра.

Извѣстившись объ этобъ неслыханномъ поступкѣ, г. Алопеусъ немедленно отправился къ барону Эренгейму, требуя объясненій. Шведскій министръ отвѣчалъ, что на основаніи положительнаго приказанія онъ можетъ дать только одно объясненіе: дѣло устроится непосредственно между обоими государями.

Въ самомъ дѣлѣ король отправилъ къ Императору собственноручное письмо отъ 9 Марта н. ст. 1807 года. Оно было слѣдующаго содержанія:

Je saisis cette occasion, Monsieur mon frère, pour Vous informer, que les arrérages des subsides dus à Votre Majesté par la grande Bretagne viennent de partir successivement de Gothenbourg pour Vos Etats. La Suède ayant aussi des arrérages considérables à prétendre de la Russie, qui se dérivent du traité de Drottningholm, j'ai ordonné que le montant de ces arrérages soit retenu des subsides en question pour le compte de la Suède et dont la somme fait 375,000 R. d. de banque suédois. Mon ambassadeur qui aura l'honneur de remettre cette lettre de ma part à V. M. pourra lui donner tous les éclaircissemens pour cet objet qu'Elle jugera nécessaires. La manière dont je traite cette affaire avec V. M. doit assez luiprouver la confiance qui j'ai en son équité et combien je regarde les traités entre souverains comme sacrés.

«Я пользуюсь этимъ случаемъ увѣ-«домить Васъ, что остальныя субсидіи «должныя Вамъ Великобританіею от-«правлены изъ Готенбурга въ Ваши «владѣнія. Швеція то же имѣетъ право «требовать отъ Россіи субсидій, недо-«плаченныхъ ей по Дротнингольмско-«му трактату; по этому я приказалъ, «чтобы сумма, равняющаяся этой не-«доимкѣ, была удержана за счетъ «Швеціи изъ этихъ субсидій. Она «равняется 375,000 Шведскихъ бан-«ковыхъ риксдалеровъ. Мой посолъ, «который будетъ имѣть честь вручить «Вамъ это письмо, представитъ Вамъ «по этому обстоятельству всѣ объ-«ясненія, которыя Вы сочтете нуж-«ными. Способъ, мною избранный «для окончанія этого дѣла съ Вашимъ «Величествомъ долженъ достаточно «Вамъ доказать мою довѣренность къ «Вашей справедливости, а также и «то, сколько я считаю священными «договоры, заключенные между госу-«дарями».

Г. Алопеусу не было вручено копіи съ этого письма— а король Густавъ не сообщилъ своему министру ничего положительнаго о причинахъ такого необычайнаго поступка. Баронъ Эренгеймъ правдивый отъ природы, искренно любившій свое отечество, былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе. Онъ могъ отвѣчать нашему посланнику на всѣ его вопросы только то, что это дѣло было ему весьма мало извѣстно и предложилъ оставить его въ сторонѣ, пока не получится отвѣтъ Императора на письмо къ нему его союзника.

Въ это время Россійская армія только что оправлялась послѣ кровопролитной битвы подъ Прейсишъ-Эйлау. Главнокомандующій Беннигсенъ настоятельно просилъ подкрѣпленій и не получая ихъ, ходатайствовалъ объ

увольненіи. Изъ С.-Петербурга ему обѣщали ополченіе, но поступки короля Шведскаго заставляли заботиться о безопасности самой столицы. Войска, о которыхъ такъ настоятельно просилъ Беннигсенъ, нужно было оставить для защиты С.-Петербурга противу внезапнаго нападенія Шведовъ, котораго послѣ подобныхъ поступковъ и при характерѣ Густава, можно было безпрестанно опасаться. Онъ присвоилъ себѣ принадлежавшія намъ суммы, въ которыхъ мы такъ нуждались; онъ заставлялъ удерживать въ удаленіи отъ театра войны войска, столько необходимыя Беннигсену въ самое рѣшительное время борьбы его съ Наполеономъ. При этихъ тяжелыхъ для Россіи обстоятельствахъ нельзя было пренебрегать даже и такимъ противникомъ какъ Шведскій король, но безъ сомнѣнія уже въ то время проницательный умъ Императора Александра убѣдился, что пора положить конецъ положенію дѣлъ, которое подвергало опасности столицу Россіи при каждомъ столкновеніи нашемъ съ какимъ бы то ни было сильнымъ противникомъ.

Нашъ министръ въ Стокгольмѣ выдержалъ трудную роль, ему доставшуюся. Если не могло быть у насъ съ Швеціею прочнаго мира, необходимо было по мѣрѣ возможности предотвратить разрывъ. Г. Алопеусъ понялъ, что прежде всего слѣдовало не придавать насильственной мѣрѣ, которую позволилъ себѣ король Густавъ, излишней гласности, которая бы заставила насъ изъ уваженія къ достоинству Россіи принять преждевременно рѣшительныя мѣры. Онъ счелъ за лучшее, еслибы слухи о задержаніи суммъ намъ принадлежавшихъ распространились въ народѣ, сослаться на дурныя дороги и тѣмъ объяснить необходимость оставить въ Готенбургѣ часть нашего денежнаго транспорта. Онъ предвидѣлъ, что настанетъ благопріятная для насъ пора заставить короля Шведскаго раскаяться въ его неумѣстномъ своеволіи — и такъ думали всѣ разсудительные люди въ Швеціи. Для каждаго было ясно, что это не пройдетъ даромъ, что Швеція дорого поплатится за непростительныя выходки своего короля, за оскорбленіе союзника такъ вѣрнаго, такъ обязательнаго, какимъ до сихъ поръ показывалъ себя Императоръ Александръ. Недовольные, а ихъ число безпрестанно возрастало, приписывали эти необдуманные порывы разстройству умственныхъ способностей короля. Баронъ Эренгеймъ всегда прямодушный, всегда преданный своему государю, который такъ худо оцѣнивалъ его высокія нравственныя качества, старался сколько могъ загладить его своенравіе. Онъ успокоивалъ умы, объясняя, что задержка нашего транспорта была слѣдствіемъ состоявшагося прежде соглашенія между королемъ Густавомъ и Императоромъ Александромъ. Алопеусъ разумѣется ему не противорѣчилъ.

Генералъ баронъ Будбергъ управлялъ въ то время нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Ему предстояла непріятная необходимость от-

вѣчать Алопеусу на донесеніе о задержкѣ нашего денежнаго транспорта. Онъ написалъ ему изъ Бартенштейна 11 Апрѣля ст. стиля 1807 года слѣдующую депешу: «По мнѣнію Императора Александра, только величайшая «крайность могла побудить его шведское величество удалиться до такой сте-«пени отъ всѣхъ правилъ, отъ всѣхъ принятыхъ обычаевъ; но такъ какъ ко-«роль заблагоразсудилъ оставить въ сторонѣ всякое соображеніе, которое бы «могло удержать его отъ мѣры столь несогласной съ одушевлявшимъ короля «духомъ справедливости и безпристрастія, Его Императорскому Величеству «угодно, чтобы объ этомъ обстоятельствѣ не было болѣе рѣчи, и даже вос-«претилъ входить въ разсужденіе объ основательности требованія, послу-«жившаго предлогомъ его шведскому величеству».

Императоръ Александръ, подъ гнетомъ тогдашнихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, могъ отложить справедливое возмездіе за обиду, нанесенную достоинству Россіи, но забыть ее не могъ.

Императоръ Наполеонъ въ свою очередь долженъ былъ сосредоточить всѣ свои силы чтобы нанести своему противнику рѣшительный ударъ. Маршалъ Мортье получилъ приказаніе снять осаду Стральзунда — Шведскіе генералы тамъ находившіеся смотрѣли съ торжествомъ на ретирующагося непріятеля, зрѣлище, къ которому они не привыкли. Обрадованные неожиданнымъ успѣхомъ, Шведы пустились преслѣдовать Французовъ, захватили нѣсколько отсталыхъ отрядовъ и больныхъ, и сверхъ того завладѣли магазинами, оставленными непріятелемъ.

Очевидно было, что между Шведскимъ королемъ и императоромъ Французовъ не было союза и что король Густавъ съумѣлъ быть въ разладѣ какъ съ тою такъ и другою воюющею стороною. Для насъ несравненно важнѣе этой слабой диверсіи было то обстоятельство, что Густавъ, занимаясь Стральзундскими дѣлами и войною съ маршаломъ Мортье, былъ отвлеченъ отъ вторженія въ Русскую Финляндію. Пользуясь недосугомъ Наполеона король Густавъ обратился къ притѣсненію Французскихъ подданныхъ, бывшихъ въ Швеціи. Французскіе актеры были выгнаны изъ Швеціи; та же участь постигла артистовъ оперы; король даже объявилъ свое намѣреніе разрушить самое зданіе, потому что Густавъ Третій пятнадцать лѣтъ тому назадъ палъ тамъ жертвою заговора, въ которомъ Анкарстремъ игралъ главную роль. Никто изъ Шведскихъ королей не имѣлъ такихъ непріязненныхъ чувствъ къ своей столицѣ, какъ Густавъ Четвертый; вмѣсто того чтобъ украшать Стокгольмъ, онъ старался препятствовать тѣмъ невиннымъ общественнымъ удовольствіямъ, которыя жители хотѣли себѣ позволить. Его предупрежденіе въ пользу Германіи обнаруживалось на каждомъ шагу и безъ сомнѣнія это было наилучшее средство возстановить противу него его

подданныхъ. Никто не понималъ по какому счастію проходили для него безнаказанно безпрестанные его политическіе промахи, какъ до сихъ поръ ему не пришлось еще разсчитываться съ двумя могущественными императорами, которыхъ онъ столько разъ оскорблялъ. Нелюбовь къ нему распространялась болѣе и болѣе. Возбуждались сомнѣнія на счетъ его личнаго мужества, утверждали, что онъ не боится опасности, но только пока она еще далека. Его постоянная недовѣрчивость ко всѣмъ не была уже тайною; онъ подозрѣвалъ даже своихъ врачей; каждую ночь онъ имѣлъ подъ рукою пару заряженныхъ пистолетовъ. Никакою привязанностію онъ не дорожилъ, его набожность давно уже превратилась въ мрачное суевѣріе.

Время расплаты наступало: скоро узнали, что Шведскія войска заключили перемиріе съ Французами послѣ первой неудачи — и что маршалъ Мортье, покончивши дѣла свои со Шведами, вышелъ изъ Помераніи на соединеніе съ Французскимъ корпусомъ, который осаждалъ Кольбергъ, гдѣ положилъ начало своей воинской славѣ знаменитый Гнейзенау.

Это перемиріе имѣло рѣшительныя послѣдствія на ходъ войны. Оно было заключено при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Упоенные первыми успѣхами, осчастливленные удачею перваго натиска на отступавшаго непріятеля, Шведы пустились въ погоню за Французами съ запальчивостію, свойственною неопытнымъ войскамъ. Самыя обыкновенныя предосторожности были упущены изъ виду и скоро разорвалась связь между ихъ отрядами; тогда маршалъ Мортье видя что они зашли слишкомъ далеко, съ обычною своею твердостію двинулся къ нимъ навстрѣчу. Генералъ Армфельдъ былъ разбитъ, и получивъ рану, ретировался поспѣшно, потерявъ около тысячи человѣкъ, — потеря значительная для малочисленной Шведской арміи. Начальникъ другаго отряда — полковникъ Карделль — въ свою очередь отрѣзанный отъ Стральзунда, едва успѣлъ сѣсть на суда гребной флотиліи и отплыть изъ Укермюнде, но потерялъ при этомъ случаѣ пятьсотъ человѣкъ плѣнными и три пушки.

Еще отъ 5 Марта н. ст. 1807 года Наполеонъ уполномочилъ маршала Мортье заключить перемиріе со Шведами — но Шведскій генералъ Эссенъ отвергъ тогда это предложеніе. Теперь послѣ потерпѣнной неудачи онъ сдѣлался сговорчивѣе. Озадаченные неожиданнымъ пораженіемъ Шведскіе генералы поспѣшили заключить перемиріе въ Шлатковѣ 18 Апрѣля н. стиля на условіяхъ, до крайности тяжелыхъ. Они обязались очистить на слѣдующій день острова Узедомъ и Воллинъ; о прекращеніи перемирія надлежало объявить за десять дней впередъ, въ продолженіе перемирія не оказывать никакой помощи ни Прусскимъ крѣпостямъ Данцигу и Кольбергу, мужественно оборонявшимся, ни другой какой либо державѣ, бывшей въ войнѣ

съ Франціею; не дозволять никакой высадки въ Шведской Помераніи и если бы въ эту область прибыли войска по приказанію высшаго начальства, то не допускать ихъ дѣйствовать противу Французовъ. Это послѣднее условіе вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что перемиріе было заключено не со Шведскимъ королемъ, а съ генераломъ Эссеномъ, который не могъ знать о намѣреніяхъ своего короля.

Десяти дней срока послѣ предварительнаго объявленія о началѣ военныхъ дѣйствій было мало для Наполеона — условія Шлатковскаго перемирія казались ему слишкомъ выгодными для Шведовъ. Онъ предписалъ маршалу Мортье требовать отъ Шведскихъ генераловъ, чтобы срокъ вмѣсто десятидневнаго былъ назначенъ тридцатидневный — и 29 Апрѣля н. ст. 1807 г. Шведскіе генералы согласились и на это условіе.

Густавъ объявилъ, что онъ не будетъ вести переговоровъ съ Наполеономъ — онъ не участвовалъ въ перемиріи, но не отвергъ его — оно вошло въ силу и было исполнено со стороны Шведовъ.

Если бы король Густавъ былъ сподручникомъ Наполеона, онъ не могъ бы сдѣлать болѣе вреда своимъ союзникамъ. Въ это самое время тридцатитысячная Англійская армія готова была высадиться на островѣ Рюгенѣ. Дѣйствія партизана Шилля начинали ободрять Прусскій народъ въ сѣверныхъ областяхъ королевства. Отдѣльные отряды плѣнныхъ, освободившихся отъ Французовъ, офицеры и солдаты, разсѣянные послѣ битвъ при Іенѣ и Ауерштадтѣ, уже начинали сбираться въ Помераніи; мало по малу образовывался корпусъ, который безпрестанно увеличивался и одушевлялся патріотизмомъ своего командира, непреклоннаго Блюхера. Въ первыхъ числахъ Мая въ немъ считалось уже 4,202 человѣка пѣхоты съ 144 офицерами и 300 человѣкъ конницы — первую устроивалъ полковникъ Бюловъ, вторую подполковникъ Борстелль, имена въ послѣдствіи прославленныя. Надѣялись въ скоромъ времени довести этотъ корпусъ до числительной силы 12,000 человѣкъ. Такимъ образомъ союзная армія въ 60,000 человѣкъ могла начать свои дѣйствія въ тылу Французовъ, идти изъ Стральзунда смѣло на Берлинъ и стать между Франціей и Наполеономъ, который сражался въ то время съ нашими войсками въ самой отдаленной провинціи Пруссіи. Малѣйшій успѣхъ около Берлина или на Одерѣ могъ воспламенить весь народъ въ Пруссіи и произвести возстаніе противу Французовъ въ цѣлой Германіи. При первомъ извѣстіи о наступательномъ движеніи Шведовъ въ началѣ Апрѣля 1807 г. Наполеонъ оцѣнилъ всю опасность своего положенія. Онъ предписалъ маршалу Мортье усилить укрѣпленія Шпандау и озаботиться обороною Берлина, откуда приказано было вывезти всѣ драгоцѣнности въ крѣпость Кюстринъ. Тревога распространилась между Фран-

цузскими начальствами въ Берлинѣ и въ эту рѣшительную минуту состоялось новое перемиріе, которое совершенно измѣнило положеніе дѣлъ. Всѣ дѣйствія союзниковъ, обѣщавшія блестящій успѣхъ, остановились. Наполеонъ успѣлъ обезпечить свой тылъ, усилить корпуса, осаждавшіе Кольбергъ и Данцигъ и обратить всѣ свои силы противъ Бенингсена.

Послѣ всего этого, могъ ли король Шведскій считаться союзникомъ Императора Александра, онъ, который постоянно разрушалъ своими распоряженіями всѣ планы, основанные на его содѣйствіи и принуждалъ къ бездѣйствію Англійскія войска, уже высадившіяся на берега Германіи?

Правда, около этого времени возобновлены были дипломатическія сношенія между Пруссіею и Швеціею — но тогда было уже поздно — Шведскій король не могъ уже быть полезнымъ союзникомъ, еслибы даже онъ того хотѣлъ.

Постоянныя затрудненія, которыя Шведскій король возбуждалъ при переговорахъ съ Англіею о субсидіяхъ мѣшали превосходнымъ Англійскимъ войскамъ быть тамъ, гдѣ участіе ихъ могло бы рѣшить судьбу сраженія. Все останавливалось, лишь только король Шведскій вмѣшивался въ дѣло. Главныя Прусскія силы были уничтожены; отдѣльные отряды могли бы собраться въ тылу Французской арміи если бы имъ была дана точка опоры, какъ напримѣръ Стральзундъ, но дѣйствія, или лучше сказать, бездѣйствіе Шведовъ уничтожали всѣ эти покушенія. Чтобъ начать новую борьбу съ Наполеономъ, Австрія ждала чтобы счастіе хотя однажды измѣнило своему любимцу — но звѣзда Наполеона еще не начинала померкать — его непріятели казалось находились подъ вліяніемъ какого то обаянія и не могли двинуться съ мѣста; Россія одна доблестно продолжала войну, но ея оружіе не увѣнчалось еще рѣшительною побѣдою, а частные успѣхи не могли имѣть вліянія на общій ходъ войны.

Скоро за тѣмъ послѣдовала Фридландская битва. Императору Александру слѣдовало рѣшить: продолжать ли намъ защищать Европу, которая насъ не поддерживала. Не лучше ли было оставить союзниковъ или постоянно несчастныхъ на войнѣ какъ Австрія и Пруссія, или сомнительныхъ, какъ Швеція, на каждомъ шагу какъ будто нарочно замедлявшая всѣ дѣйствія противъ Наполеона. Великобританія, правда, не мирилась съ Наполеономъ, но она господствовала только на моряхъ; ея сухопутныя войска, малочисленныя и не помѣрявшіяся еще съ Наполеономъ, внушали мало довѣрія и хотя показывались на берегахъ, но всегда слишкомъ поздно. Послѣ столькихъ неудачъ Императоръ рѣшился принимать впредь въ основаніе своей политики однѣ непосредственныя выгоды Россіи, отъ которыхъ по своему чрезмѣрному великодушію онъ до сихъ поръ не отдѣлялъ общихъ интересовъ Европы.

Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній состоялось Тильзитское свиданіе. До сихъ поръ сражаясь за нашихъ союзниковъ мы терпѣли пораженія и не сдѣлали ни одного пріобрѣтенія, тогда какъ быстрое возрастаніе Французскаго могущества уже нарушало равновѣсіе Европы. Продолжать войну, значило подвергаться новымъ опасностямъ; напротивъ того согласившись на миръ, который предлагалъ намъ Наполеонъ, Россія пріобрѣтала и Финляндію и Дунайскія Княжества. Императоръ принялъ эти выгодныя предложенія и вступилъ въ союзъ съ Франціей.

Наполеонъ торжествовалъ. На материкѣ Европы у него не было соперниковъ—съ сильнѣйшимъ изъ своихъ враговъ онъ заключилъ союзъ, войска его послѣ столькихъ побѣдъ, исполненныя одушевленія, считали себя непобѣдимыми — онъ былъ наверху могущества—и въ это самое время Густавъ Адольфъ, который не могъ содержать безъ постороннихъ субсидій тридцати тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ, возобновилъ военныя дѣйствія противу побѣдителя при Фридландѣ. Нѣтъ нужды распространяться о впечатлѣніи, которое произвело въ Швеціи такое непостижимое ослѣпленіе.

Правда, Великобританія оставалась еще съ нимъ въ союзѣ. Въ Лондонѣ состоялся 17 Іюня н. ст. новый договоръ между Англіею и Швеціею: первая обязывалась высадить сколь возможно скорѣе на островѣ Рюгенѣ 20,000 человѣкъ, которые должны были состоять подъ командою Густава Адольфа и вмѣстѣ съ Шведскими войсками дѣйствовать противу Французовъ, но секретною добавочною статьею Англія предоставляла себѣ право отозвать свои войска изъ Рюгена, когда она сочтетъ это за нужное и употреблять ихъ по своему усмотрѣнію. Шведская дѣйствующая армія должна была состоять изъ 20,000 человѣкъ.

Заключивъ Тильзитскій миръ, Наполеонъ занялся Шведскими дѣлами. Первымъ послѣдствіемъ этого мира было то, что корпусъ Блюхера, быстро увеличивавшійся, долженъ былъ разойтись.

Наполеонъ не удостоилъ Англо-Шведскую армію своего присутствія на театрѣ военныхъ дѣйствій — онъ предоставилъ командованіе надъ Французскимъ корпусомъ, назначеннымъ противу короля Густава маршалу Брюну, который былъ всегда у него въ немилости, не смотря на постоянные его успѣхи противу непріятеля. Маршалъ Брюнъ отличался благородствомъ своего характера и великодушіемъ къ побѣжденнымъ. О томъ, какого мнѣнія былъ Наполеонъ о Густавѣ, можно судить изъ послѣднихъ словъ предписанія его къ маршалу отъ 5 Іюля н. ст. 1807 г.

Dans vos propos, Mr. le Maréchal et dans ceux que tiendront vos	«Изустно, но не письменно, г. маршалъ, вы и ваши офицеры будете

officiers mais non pas par écrit, vous direz que nous ne reconnaissons plus le Roi de Suède; que nous ne le reconnaitrons que quand il aura aboli la constitution qui ôte les privilèges à la nation suédoise. Vous parlerez de ce souverain comme d'un fou, plutôt digne de régner sur les Petites Maisons, que sur la brave nation suédoise.

«сообщать, что мы больше не признаемъ короля Шведскаго; что мы «будемъ признавать его тогда только, «когда онъ отмѣнитъ конституцію, «которая лишаетъ Шведскую націю «ея правъ. Вы будете говорить о «немъ какъ о сумасшедшемъ, скорѣе «достойномъ царствовать надъ домомъ умалишенныхъ, чѣмъ надъ «храбрымъ Шведскимъ народомъ».

Военныя дѣйствія должны были начаться 13 Іюля въ два часа пополудни. Не излишнимъ считаемъ привести здѣсь слѣдующее обстоятельство, сообщенное біографомъ фельдмаршала Толля. Этотъ генералъ знавшій свое дѣло хотя любившій кривые пути въ политикѣ, хотѣлъ предохранить короля отъ опасностей, которымъ онъ подвергался въ своей главной квартирѣ находившейся слишкомъ близко къ непріятельскимъ аванпостамъ. Наканунѣ 13 Іюля, за нѣсколько часовъ до открытія военныхъ дѣйствій, онъ отправился къ королю. Пріѣхавъ въ главную квартиру онъ увидѣлъ зрѣлище котораго не ожидалъ. Король стоялъ передъ домомъ гдѣ была его квартира. Его окружали адъютанты и приближенные. Шталмейстеръ держалъ его лошадь. Капитанъ Таденъ торжественно заряжалъ пистолеты Карла Двѣнадцатаго, которые король взялъ съ собою изъ Стокгольма. Г. Таденъ громко выражалъ желаніе, чтобы эти знаменитые пистолеты не только послужили къ изгнанію Французовъ изъ сѣверной Германіи, но чтобъ они даровали свободу Европѣ, повергнувъ Наполеона безъ жизни къ ногамъ его державнаго побѣдителя. Всѣ присутствовавшіе съ открытою головою слушали въ молчаніи эти молитвы. Фельдмаршалъ Толль терпѣливо дождался конца церемоніи и потомъ убѣдилъ короля отправиться къ Стральзунду.

Не такъ проводилъ маршалъ Брюнъ послѣдніе часы перемирія. Онъ соединилъ бывшія подъ его командою четыре дивизіи и едва пробилъ условленный часъ, какъ всѣ Французскія войска перешли демаркаціонную линію. Шведскія войска немедленно отступили на всѣхъ пунктахъ — пистолеты Карла Двѣнадцатаго не поправили дѣла и 14 Іюля н. стиля король Густавъ послалъ къ непріятелю офицера съ предложеніемъ начать переговоры о мирѣ. Маршалъ Брюнъ не далъ отвѣта и только сказалъ Шведскому парламентеру: «Не могъ я ожидать, чтобы одинъ изъ преемниковъ Карла Двѣнадцатаго сталъ просить о перемиріи послѣ тридцати шести часовъ военныхъ «дѣйствій». Королъ возобновилъ свое предложеніе, но опять напрасно. Чтобъ

утѣшить себя и досадить своему побѣдителю, онъ приказалъ напечатать вмѣстѣ съ военными извѣстіями свой разговоръ съ маршаломъ Брюномъ, съ которымъ во время перемирія онъ имѣлъ свиданіе. Объ этой странной выходкѣ нѣтъ нужды распространяться; въ извѣстіи, о которомъ мы упомянули напечатано, что король объявилъ маршалу свое мнѣніе о положеніи дѣлъ въ Европѣ, а именно: Франція въ глазахъ его величества ничто иное какъ бичъ Европы, король не признаетъ Наполеона императоромъ Французовъ, напоминаетъ маршалу, что у него есть законный король и убѣждаетъ его возвратиться къ исполненію своихъ обязанностей въ отношеніи Людовика XVIII и т. п.

Всѣ силы преемника Бурбоновъ въ то время состояли изъ ста эмигрантовъ, которые прибыли въ Стральзундъ съ королемъ Шведскимъ и должны были составить особый полкъ, подъ названіемъ королевскаго — régiment du Roi.

Маршалъ Брюнъ, осужденный своимъ положеніемъ выслушивать эти странныя рѣчи своего державнаго собесѣдника, могъ только потомъ сообщить о нихъ Наполеону, какъ о новомъ доказательствѣ того разстройства, до котораго дошли умственныя способности Густава и въ отвѣтъ получилъ письмо отъ 5 Іюля н. стиля, которое мы привели выше. Король Густавъ распубликовалъ этотъ странный разговоръ въ то время, когда распространились извѣстія о его пораженіи: понятно было, что при подобномъ настроеніи ему нельзя было имѣть въ чемъ либо успѣхъ, а всего менѣе въ борьбѣ съ Наполеономъ, и что невѣроятная статья, напечатанная по личному его повелѣнію, могла только уронить его еще болѣе если это было возможно въ мнѣніи и Шведовъ и Французовъ.

Нисколько не убѣжденный доводами короля, маршалъ Брюнъ продолжалъ свои дѣйствія, безъ труда вогналъ Шведовъ въ Стральзундъ и приступилъ къ осадѣ крѣпости.

Эта осада производилась какъ будто не для одолѣнія непріятеля, а только для упражненія Французскихъ инженеровъ, до такой степени была неискусна оборона. Успѣхъ ни на минуту не былъ сомнителенъ. Впрочемъ защищать крѣпость было нѣкому. Король Густавъ удалилъ изъ нее всѣхъ своихъ генераловъ одного за другимъ и остался съ адъютантами, съ штабъ-офицерами и секретарями. Толль и Вреде были отправлены на о. Рюгенъ; вскорѣ за ними послѣдовалъ и генералъ Эссенъ, генералъ-губернаторъ Помераніи. Эссенъ съумѣлъ снискать себѣ всеобщее уваженіе и жители Стральзунда, къ крайней досадѣ короля, громко выражали свое сожалѣніе объ изгнаніи любимаго ими начальника. На мѣсто его король назначилъ полковника Вегезака, отличавшагося одною опрометчивостію.

Скоро узнали, что Стральзундъ сдался Французамъ. Всѣ извѣстія о ходѣ этой осады, напечатанныя въ Шведской главной квартирѣ, доказываютъ, что лица распоряжавшіяся обороною не имѣли никакого понятія о военномъ дѣлѣ. Въ числѣ доводовъ, приведенныхъ для оправданія сдачи крѣпости, Шведскіе начальники упоминаютъ слѣдующее: магистратъ и жители Стральзунда отправили къ королю депутацію съ изъявленіемъ ихъ желанія, чтобъ отъ ихъ города были удалены ужасы войны; необходимо было оградить островъ Рюгенъ отъ покушеній непріятеля, а для этого нельзя было выслать подкрѣпленія изъ Швеціи, гдѣ и такъ мало оставалось войска.

Дѣйствительно король принялъ депутацію отъ жителей Стральзунда, нашелъ основательными ихъ доводы о необходимости сдать городъ, приказалъ отдать въ ихъ исключительное распоряженіе бывшую крѣпость Стральзундъ, и скоро все было кончено. Отъ магистрата немедленно отправлены были депутаты къ Французамъ съ предложеніемъ сдать имъ крѣпость; король былъ такъ милостивъ, что послалъ съ ними бывшаго коменданта крѣпости, полковника Пейрона, чтобъ исходатайствовать для нихъ самыя выгодныя условія. Переговоры, безъ сомнѣнія, не продолжались долго, и 20 Августа н. стиля Французы заняли Стральзундъ; имъ достались въ добычу 500 пушекъ, 2,000 центнеровъ пороха и обильные запасы. Не такъ защищался въ этомъ самомъ Стральзундѣ Карлъ Двѣнадцатый!

Шведскія войска удалились на островъ Рюгенъ; Англійскія войска уже оставили островъ и отплыли къ Копенгагену. Въ Швеціи опасались, чтобы корпусъ, такъ неудачно дѣйствовавшій въ Помераніи не присоединился къ Англичанамъ для экспедиціи въ Копенгагенъ, и чтобъ Императоръ Александръ, при тогдашнихъ отношеніяхъ своихъ къ Наполеону, не нашелъ въ этихъ дѣйствіяхъ предлога занять Финляндію. Общественное мнѣніе предчувствовало опасность, но король Густавъ нисколько не заботился ни о Финляндіи, ни о самой Швеціи.

Онъ переправился на Рюгенъ и скоро потомъ оставилъ островъ точно такъ, какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ оставилъ Стральзундъ. Армія, которой онъ считался главнокомандующимъ, должна была выпутываться какъ умѣла. Король былъ боленъ или сказывался больнымъ. Шведскіе генералы на островѣ Рюгенѣ, предоставленные сами себѣ, успѣли заключить капитуляцію съ маршаломъ Брюномъ, по которой они предоставили Французамъ этотъ важный пунктъ безъ всякаго сопротивленія. Обороняться имъ было трудно; Англичане отправились въ Данію; Прусскій корпусъ, въ слѣдствіе Тильзитскаго мира, не могъ болѣе принимать участія въ войнѣ. Шведы упали духомъ послѣ безпрестанныхъ своихъ неудачъ—на самомъ островѣ всѣ запасы давно были истощены. Померанскія милиціи разошлись по до-

мамъ, а Шведскія войска отправились домой, въ числѣ десяти тысячь человѣкъ—до такой степени болѣзни, недостатки всякаго рода и неудачныя дѣйствія противъ Французовъ ослабили ихъ силы. Такимъ образомъ лишилась Швеція послѣдней своей Забалтійской области послѣ обороны не принесшей ей никакой славы.

Людовикъ XVIII переселился въ то время въ Карлскрону. Законный государь Франціи—наслѣдникъ Бурбоновъ, представитель законности, избралъ убѣжище во владѣніяхъ Густава; но это обстоятельство льстившее самолюбію Густава, не могло быть достаточнымъ вознагражденіемъ за неудачи Швеціи, еще менѣе могло оно повредить Наполеону. Никто во Франціи въ то время не думалъ о наслѣдникѣ св. Людовика—покровительство ему оказываемое Густавомъ только раздражало Наполеона, котораго положеніе въ Европѣ еще болѣе утвердилось союзомъ съ Императоромъ Александромъ. Нещастіе не исправило короля Швеціи; онъ болѣе и болѣе чуждался своихъ подданныхъ. Важнѣйшіе сановники Швеціи тщетно являлись въ Карлскронѣ, въ надеждѣ видѣть своего государя—они уѣзжали обратно, не бывъ удостоенными пріема. Уныніе овладѣло Швеціею. По возвращеніи войскъ изъ Стральзунда всѣ узнали подробности этой несчастной кампаніи, совершенной подъ личнымъ предводительствомъ короля. Нельзя было скрыть прискорбныхъ обстоятельствъ сдачи Стральзунда. Сильная крѣпость досталась непріятелю прежде чѣмъ хотя одно ядро коснулось ея стѣнъ или какая-либо бомба упала среди ея твердынь. Если бы нашелся хотя одинъ офицеръ, который принялъ бы на себя дать другимъ примѣръ, немедленно возмутился бы въ присутствіи короля весь гарнизонъ, въ рядахъ котораго начинали уже произносить зловѣщее имя Анкарстрема. Но отъ непонятныхъ дѣйствій короля страдало не одно самолюбіе Шведовъ — ихъ существенные интересы были принесены королемъ въ жертву слѣпой его ненависти къ Наполеону. Въ виду Швеціи совершилось въ то время разрушеніе Копенгагена Англичанами, союзниками Густава. Онъ до того увлекся своимъ недоброжелательствомъ къ Датскому королю, что приказалъ Шведскимъ лоцманамъ содѣйствовать Англичанамъ при выводѣ изъ гавани захваченныхъ ими Датскихъ кораблей. Этотъ поступокъ имѣлъ самыя раззорительныя послѣдствія для Шведской торговли. До того времени Шведскіе мореходцы пользовались Датскимъ флагомъ и чрезъ то участвовали во всѣхъ выгодахъ нейтралитета, предоставленнаго Даніи — этого преимущества они лишились послѣ того, какъ король ихъ вступилъ въ такія тѣсныя связи съ Великобританіею; для ихъ кораблей закрылись всѣ порты Европы.

Не представлялось никакой надежды, чтобы дѣла Швеціи приняли болѣе благопріятный оборотъ. Всѣмъ было извѣстно, что король поклялся въ вѣч-

ной ненависти къ Наполеону и святымъ причастіемъ придалъ этому нехристіанскому обѣту религіозное подтвержденіе. Союзъ Россіи съ Франціею по необходимости имѣлъ послѣдствіемъ разрывъ Россіи съ Великобританіею и съ ея союзницею, Швеціею — неизбѣжная опасность грозила послѣдней съ той стороны, гдѣ не только Англія, но никто на свѣтѣ не могъ бы ее защитить, а именно со стороны Финляндіи; непріязнь Россіи не обусловливалась личными чувствами ея государя, но проистекала изъ самаго положенія дѣлъ и изъ тѣхъ отношеній къ Англіи, въ которыя Швеція была поставлена ея королемъ. Союзники Англіи послѣ Тильзитскаго мира дѣлались немедленно нашими непріятелями. Это было очевидно для всѣхъ въ Швеціи и никто не скрывалъ болѣе своихъ опасеній. Всѣ говорили, что эта клятва короля не мириться съ Наполеономъ была нарушеніемъ обязанностей его къ Швеціи. Всѣ негодовали на Англію, которая удерживала короля въ направленіи совершенно противномъ выгодамъ его государства — дворянство, среднее сословіе, всѣ рѣшительно роптали. Англійскій министръ Пьерпойнтъ былъ предметомъ всеобщей ненависти. Общественное мнѣніе выражалось довольно ясно, но король не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. (*Депеша Алопеуса изъ Гельсингборга отъ 19 (31) Октября 1807 г. № 87*). Само Великобританское правительство, какъ говорилъ откровенно Пьерпойнтъ, убѣждало Шведскаго короля не упорствовать въ слишкомъ неровной борьбѣ съ Наполеономъ — оно требовало отъ Густава только одного — дозволить Англійскимъ кораблямъ доступъ въ Шведскіе порты. Король отвѣчалъ г. Пьерпойнту, что онъ никогда не помирится съ Наполеономъ, потому что всѣ государи съ нимъ вступившіе въ сношеніе подверглись несчастію, какъ это было предсказано въ Апокалипсисѣ. «Десять государей», присовокупилъ король, «будутъ истреблены этимъ чудовищемъ, но одиннадцатый истребитъ «его самаго. Этимъ одиннадцатымъ буду я».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Со времени Тильзитскаго свиданія политика Императора Александра приняла направленіе совершенно противуположное тому, которому онъ слѣдовалъ до тѣхъ поръ съ самаго вступленія своего на престолъ.

На Тильзитскомъ плоту оба императора рѣшили изустно судьбу Европы. Ихъ свиданія происходили безъ свидѣтелей, ихъ бесѣды не оставили пись-

менныхъ слѣдовъ, но дружба очевидно возникавшая между ними, казалось, свидѣтельствовала о ихъ единомысліи во всѣхъ вопросахъ того времени.

Мы видѣли выше, что послѣ неудачъ постоянно испытанныхъ Россіею во враждѣ съ Наполеономъ, Государь естественно приведенъ былъ къ мысли, что для Россіи полезнѣе союзъ съ Наполеономъ, чѣмъ вражда съ нимъ. Наполеонъ предлагалъ Россіи пріобрѣтенія столь же значительныя, сколько легкія. Императоръ Александръ былъ недоволенъ своими прежними союзниками. Австрія не выдержала перваго натиска Наполеона и на ея правительство возлагали отвѣтственность за столь тяжелую для нашего самолюбія неудачу при Аустерлицѣ. Теперь, во время войны Пруссіи съ Франціею, Австрія оставалась хладнокровною зрительницею пораженія Пруссіи и въ продолженіе всей этой борьбы не воспользовалась случаемъ отмстить общему врагу за прежніе неуспѣхи. Пруссія, сокрушенная при первой встрѣчѣ съ Наполеономъ, присоединила къ намъ только незначительные отряды; всѣ ея многочисленныя крѣпости, кромѣ трехъ: Данцига, Кольберга и Грауденца, сдались при первомъ требованіи непріятеля и не задержали его стремительнаго наступленія. Великобританія отказала намъ въ субсидіяхъ, которыми она такъ щедро надѣляла самыхъ безполезныхъ союзниковъ; ея войска никуда не поспѣвали кстати; всѣ соображенія, основанныя на содѣйствіи ея сухопутныхъ силъ, оказывались на дѣлѣ тщетными — свои средства она употребляла на отдаленныя экспедиціи во всѣхъ частяхъ свѣта и исключительно для своей собственной пользы, а не для успѣха общаго дѣла, и это при обстоятельствахъ, когда десантъ сдѣланный гдѣ слѣдовало могъ отвлечь отъ насъ часть непріятельскихъ силъ и дать намъ хотя временный перевѣсъ, которымъ мы умѣли бы воспользоваться. Особенно же негодовалъ Государь на Швецію, которой короля онъ столько разъ выручалъ. Какъ заплатилъ Густавъ своему сосѣду за всѣ эти услуги? Онъ оскорбилъ и Государя и его союзниковъ поступками, которыхъ ничѣмъ нельзя было оправдать. Два раза своими заносчивыми притязаніями, своими непростительно ошибочными распоряженіями онъ помѣшалъ осуществиться диверсіямъ, долженствовавшимъ дать совершенно другой оборотъ кампаніямъ, изъ коихъ одна кончилась при Аустерлицѣ, а другая при Фридландѣ. Дѣйствія его въ послѣднее время противъ нейтральной Даніи и въ пользу Англичанъ давали справедливый поводъ ожидать, что при первой возможности онъ поступитъ также и противу другихъ державъ непріязненныхъ Англіи.

Изъ обнародованныхъ во всеобщее свѣдѣніе статей Тильзитскаго трактата было очевидно, что Великобританія теряла могущественнѣйшаго изъ своихъ союзниковъ. Англійскіе министры предполагали, что существовали секретныя статьи этого трактата, по которымъ Императоръ Александръ

вступалъ въ тѣсный союзъ съ Наполеономъ и слѣдовательно становился непріятелемъ Великобританіи. Еще въ Тильзитѣ генералъ баронъ Будбергъ, управлявшій въ то время нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, горько исчислилъ Англійскому послу лорду Гоуеру всѣ причины справедливыхъ жалобъ нашего правительства на дѣйствія Англійскихъ министровъ. Измѣненіе отношеній нашихъ къ Англіи касалось и до Швеціи, которой король продолжалъ выражать свою ненависть къ Наполеону, новому нашему союзнику и слѣдовательно, вмѣстѣ съ Англіею, дѣлался нашимъ непріятелемъ.

Въ воздаяніе за содѣйствіе или нейтральность Императора Александра, Наполеонъ сулилъ намъ обширныя пріобрѣтенія на востокѣ и на сѣверѣ. Свои обѣщанія онъ могъ исполнить и его дружба представляла Россіи не такія выгоды какъ прежніе наши союзы. Его генералы распоряжались не такъ какъ Шведскій король. Нѣсколькихъ часовъ достаточно было генералу Себастіани, чтобы усѣять батареями берега Мраморнаго моря и отразить флотъ Англійскаго адмирала Дукворта, прорвавшійся черезъ Дарданеллы. При тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя мы были поставлены къ Англіи послѣ Тильзитскаго мира, оградить столицу Россіи отъ непріятельскаго покушенія со стороны Швеціи, союзницы Англіи, было дѣло необходимости. Положеніе Финляндіи было таково, что она казалась созданною для непріятельскаго десанта, назначеннаго дѣйствовать противъ С.-Петербурга. Наполеонъ говорилъ справедливо, что Швеція была географическимъ врагомъ Россіи. Въ 1788 г. Густавъ Третій, безъ помощи союзниковъ, располагая одними силами Швеціи, выдержалъ не безъ успѣховъ морскую войну съ нами, и если бы не помогло намъ сопротивленіе Финляндскаго дворянства, онъ могъ бы подойти къ самой нашей столицѣ, остававшейся тогда безъ защиты. Онъ успѣлъ кончить эту войну миромъ въ Вереле, на основаніи statu quo, и это безъ сомнѣнія было много, если сравнить обоюдныя силы Россіи и Швеціи. Этого урока мы не должны были забывать, и приглашая Государя дать Россіи границы съ Швеціею, болѣе надежныя чѣмъ рѣка Кюмень, Наполеонъ указывалъ намъ на пріобрѣтеніе, менѣе блестящее чѣмъ завоеванія на востокѣ, но болѣе полезное и даже необходимое, которое сверхъ того могло обойтись намъ гораздо дешевле. Императоръ Александръ, правда, не привыкъ подобно Наполеону располагать чужими владѣніями по своему произволу и пренебрегать правомъ, когда дѣло шло о его выгодахъ; даже въ то время, когда торжествовала одна сила, когда успѣхъ извинялъ все, онъ не рѣшался еще отступить отъ тѣхъ высокихъ правилъ, которымъ онъ слѣдовалъ съ перваго дня своего царствованія. Англія приняла на себя трудъ устранить его сомнѣнія и своими дѣйствіями

указала ему на политическую необходимость платить противнику справедливымъ возмездіемъ.

Дружественныя сношенія между обоими императорами послѣ Тильзитскаго свиданія не подлежали сомнѣнію, оставалось узнать, что именно было условлено между ними. Цѣною золота Англійскіе министры того достигли. Еще не высохли чернила, которыми были написаны тайныя статьи Тильзитскаго соглашенія, какъ Англійскіе агенты получили копію съ обоихъ трактатовъ. Какъ говорили въ то время, они заплатили за нихъ 60.000 фунтовъ стерлинговъ и въ этомъ дѣлѣ главнымъ сподручникомъ ихъ былъ Французскій эмигрантъ графъ д'Антрегъ. Разгнѣванный Наполеонъ хотѣлъ было подвергнуть самому строгому слѣдствію всѣхъ чиновниковъ своей дипломатической канцеляріи, но кончилъ тѣмъ, что послушался убѣжденій Таллейрана и приказалъ прекратить разысканія.

Отъ 24 Іюня н. ст. 1807 года Англійскій генералъ Гочинсонъ (Hutchinson), находившійся въ Русской главной квартирѣ, донесъ Великобританскому правительству, что Императоръ Александръ принялъ политическое направленіе, совершенно противоположное видамъ Англіи, которая такимъ образомъ не имѣла уже въ Европѣ ни одного союзника, кромѣ Шведскаго короля. Въ той же депешѣ упоминается въ первый разъ о секретной статьѣ Тильзитскаго договора, относящейся до Даніи и до Швеціи. По словамъ Гочинсона, содержаніе этой статьи было нижеслѣдующее:

«Въ случаѣ, если Великобританскій кабинетъ не дастъ на приглашеніе сдѣ-«ланное ему Россіею удовлетворительнаго отвѣта, Франція и Россія потре-«буютъ отъ трехъ дворовъ Копенгагенскаго, Стокгольмскаго и Лиссабонскаго «чтобы они закрыли свои порты для Англійскихъ кораблей, отозвали изъ «Лондона своихъ посланниковъ и объявили войну Англіи».

Въ то же время сообщено Англійскимъ министрамъ, что 9 статьею Тильзитскаго секретнаго соглашенія было постановлено:

«Данія получитъ вознагражденіе на счетъ сѣверной Германіи и ганзеа-«тическихъ городовъ, если только она согласится уступить свой флотъ «Франціи».

Если вѣрить барону Гормайру, Тильзитскій договоръ и секретныя статьи его были доставлены въ Лондонъ 22 Іюля н. ст. 1807 года. Министерство придерживавшееся партіи виговъ, котораго слабое содѣйствіе союзникамъ возбудило справедливое негодованіе Императора Александра, не управляло уже дѣлами Великобританіи: оно должно было уступить мѣсто другому министерству, составленному изъ членовъ партіи тори. Въ немъ присутствовали лордъ Кестльри, Персиваль и Каннингъ, — всѣ они отличались рѣшительностію, непреклонной враждою къ Наполеону и отъ нихъ

нельзя было ожидать, чтобы они приняли предложенія новыхъ Тильзитскихъ союзниковъ — вступить въ переговоры о мирѣ съ Франціею на тѣхъ основаніяхъ, которыя предлагалъ Наполеонъ. Они немедленно положили не давать Франціи Датскаго флота и рѣшились завладѣть имъ во что бы ни стало.

На счетъ Швеціи они не имѣли опасенія; они знали, что король Густавъ, ослѣпленный ненавистью къ Наполеону и только что заключившій съ ними новый трактатъ о субсидіяхъ, не приметъ предложеній обоихъ императоровъ и не дастъ въ ихъ распоряженіе своего флота. Не таково было положеніе Даніи. Она не была, подобно Швеціи, ограждена моремъ отъ войскъ Наполеона. Французамъ были открыты всѣ ея владѣнія на материкѣ Европы, какъ-то: Голштинія, Шлезвигъ, Ютландія. Можно было ожидать, что устрашенная угрозами Наполеона, она приступитъ къ новому союзу противу Англіи.

Наполеонъ спѣшилъ воспользоваться счастливымъ для него оборотомъ дѣлъ; пять дней спустя послѣ Фридландскаго сраженія, маршалъ Бернадотъ получилъ приказаніе занять устья Везера, Эльбы и Траве. Отъ 26 Іюля маршалъ доносилъ Наполеону, что закрытіе Голштинскихъ портовъ будетъ правда, раззорительно для Англійской торговли, но что эти мѣры не принесутъ всей ожидаемой пользы, пока Копенгагенъ будетъ въ зависимости отъ Великобритании. «Миръ съ Англіей совершится», присовокупилъ маршалъ, «если Зундъ будетъ закрытъ».

Наполеонъ отвѣчалъ изъ Сенъ-Клу 2 Августа н. ст. 1807 года:

«Если Англія не приметъ Русскаго посредничества, Данія объявитъ ей «войну, а не то я объявлю войну Даніи. Въ семъ случаѣ вамъ поручается «завладѣть всѣми Датскими владѣніями на материкѣ Европы. Позволивъ «Англичанамъ пройти черезъ Зундъ, Данія допустила, чтобы нарушена была «неприкосновенность моря, которое должно для нея быть такъ же дорого, «какъ и ея собственныя владѣнія».

Въ этихъ обстоятельствахъ Великобританское министерство оказало смѣлость, не уступавшую смѣлости Наполеона. Быстрота ея распоряженій этотъ разъ не была уже замедляема странностями короля Шведскаго. Въ концѣ Іюля двадцать семь линейныхъ кораблей и двадцать тысячъ войска отправились изъ Англіи въ Балтійское море, гдѣ съ ними соединились войска, находившіяся на островѣ Рюгенѣ, и вытѣсненныя оттуда наступленіемъ маршала Брюна. Арміею командовалъ лордъ Каткартъ; она высадилась на островѣ Зеландіи, облегла Копенгагенъ, овладѣла имъ послѣ жестокаго трехдневнаго бомбардированія и захватила весь Датскій флотъ безъ исключенія. Военныя дѣйствія кончились 5 Сентября н. ст. 1807 года. Осемнадцать линейныхъ

кораблей въ совершенной исправности, пятнадцать фрегатовъ, шесть бриговъ и двадцать пять канонерскихъ лодокъ были трофеями этой легкой побѣды. Чего нельзя было взять съ собою, было истреблено. Никогда Великобританіи не доставалось подобной добычи. Датчане и тутъ защищались мужественно, но они были захвачены въ расплохъ и не имѣли возможности обороняться. Копенгагенъ почти не имѣлъ гарнизона. Если бы Данія была сколько нибудь предварена, если бы Датчанамъ дано было хотя нѣсколько дней для того, чтобы приготовиться къ оборонѣ, не такъ легко достался бы Англичанамъ Копенгагенъ. Равнымъ образомъ если бы Датскій флотъ успѣлъ вооружиться и выйти въ море, безъ сомнѣнія онъ не отказался бы помѣряться съ Англичанами.

Это событіе произвело глубокое впечатлѣніе въ Европѣ. Нейтральная держава безъ предварительнаго объявленія войны была опустошена потому только, что она могла, какъ подозрѣвали въ Лондонѣ, имѣть намѣренія, которыя были несообразны съ видами Англійскихъ министровъ.

Насильственный поступокъ Англичанъ противу предполагаемаго нашего союзника давалъ намъ полное право поступать такимъ же образомъ противъ дѣйствительныхъ союзниковъ Англіи, на основаніи закона взаимства—краеугольнаго камня международныхъ сношеній. Между Великобританіей и Россіей разрывъ уже совершился. Императорское министерство положительно отказалось сообщить Великобританскому послу копію съ тайныхъ статей Тильзитскаго договора. Мы объявили что будемъ слѣдовать началамъ вооруженнаго нейтралитета, и за тѣмъ всѣ сношенія между Россіей и Великобританіей были прерваны.

Швеція продолжала быть союзницей Великобританіи; она знала, что получая отъ нее субсидіи, она чрезъ то самое становилась послѣ Тильзитскаго мира въ ряды непріятелей Россіи, и подвергалась всѣмъ невыгоднымъ послѣдствіямъ своего союза съ Великобританіей. Во всѣхъ сужденіяхъ о политикѣ Россіи послѣ Тильзитскаго мира не слѣдуетъ забывать, что условія этого мира налагали на насъ обязанность заставить Швецію отказаться отъ союза съ Англіей, что этотъ миръ былъ заключенъ Императоромъ Александромъ не добровольно, а послѣ неудачной кампаніи и послѣ Фридландской битвы, столько несчастливой для насъ. Мы должны были желать мира съ Франціей, мы его приняли, и послѣ всѣхъ нашихъ неудачъ, Наполеонъ не потребовалъ отъ насъ ни военной контрибуціи, не уступки какой либо области; онъ хотѣлъ только, чтобы мы дѣлали пріобрѣтенія такъ выгодныя для насъ, что онѣ могли бы считаться наградою за многія побѣды и за счастливую войну. Однимъ словомъ, въ Тильзитѣ мы обязались вести завоевательную войну противу Швеціи и посланникъ Наполеона Савари настаивалъ, чтобъ Императоръ Александръ

исполнилъ въ точности это обѣщаніе и тѣмъ далъ залогъ въ твердомъ своемъ намѣреніи соблюдать дружбу съ Франціей. Донесенія Савари свидѣтельствуютъ, какъ неохотно рѣшился Императоръ Александръ исполнить эту непремѣнную волю Наполеона, и какъ было ему тяжело перемѣнить великодушную политику первыхъ годовъ его царствованія. Александру Первому предстояло выбирать между войною съ Наполеономъ и войною съ Густавомъ; онъ выбралъ послѣднее. Кто приметъ на себя трудъ разсмотрѣть положеніе Европы и тогдашнія выгоды нашего отечества, тотъ не будетъ порицать этого оборота нашей политики. Вспомнимъ, что не мы побѣдили при Фридландѣ, и что согласившись на Тильзитскій миръ, заставившій насъ воевать съ Швеціей, мы пріобрѣли возможность отстаивать съ успѣхомъ при переговорахъ выгоды Пруссіи, которую Наполеонъ хотѣлъ уничтожить, и которая, благодаря предстательству Государя сохранила еще столько силы, что черезъ пять лѣтъ съ небольшимъ, въ союзѣ съ нами, могла съ лихвою отплатить Франціи за Іену и за Ауерштетъ.

Впрочемъ Императоръ Александръ старался отклонить отъ себя завоеваніе Финляндіи, которое было почти неизбѣжно для него вслѣдствіе новаго положенія Россіи, бывшаго послѣдствіемъ Фридландской неудачи и Тильзитскаго соглашенія. Щадя по мѣрѣ возможности Шведскаго короля, онъ желалъ бы спасти его отъ зависимости, въ которую Швеція была поставлена въ отношеніи къ враждебной намъ Англіи. Польза Россіи несомнѣнно требовала, чтобы столица государства и съ сѣвернаго берега Финскаго залива была ограждена отъ покушенія, которое удалось Англичанамъ въ Даніи, и которое при содѣйствіи Швеціи могло бы грозить и намъ.

Графъ Румянцевъ былъ въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ считался приверженцемъ союза съ Франціею. Извѣщая г. Алопеуса о намѣреніяхъ Государя, онъ поручилъ нашему министру употребить всѣ усилія, чтобъ убѣдить Стокгольмскій дворъ отказаться отъ союза съ Англіею, который послѣ разрыва между нами и Великобританскимъ дворомъ, становилъ его въ непріязненныя отношенія къ Россіи. Намъ особенно нужно было содѣйствіе Швеціи для закрытія Балтійскаго моря, безъ чего не могло быть на немъ никакой безопасности ни для торговли прибалтійскихъ державъ, особенно послѣ Копенгагенской катастрофы, ни для принадлежавшаго намъ Балтійскаго прибрежья.

Съ своей стороны Императоръ Александръ лично обратился къ королю Густаву съ объясненіемъ касательно новыхъ политическихъ отношеній, утвердившихся на сѣверѣ Европы, и въ то же время поручилъ своему министру въ Стокгольмѣ сообщить королю, что Государь находилъ образъ дѣйствій Англичанъ въ разсужденіи Даніи не только самоуправнымъ

и возмутительнымъ, но въ то же время противнымъ цѣли договоровъ, которые соединяли три сѣверныя державы для сохраненія спокойствія на Балтійскомъ морѣ, что по этому Императоръ желалъ знать мнѣніе своего союзника объ этомъ положеніи дѣлъ и о томъ, что надлежало предпринять совокупно обѣимъ державамъ, для того чтобы привести въ дѣйствіе обязательства ими на себя принятыя для обоюдной ихъ пользы (*депеша графа Румянцева отъ 24 Сентября ст. стиля 1807 года*).

Отвѣтъ Шведскаго короля былъ не ясенъ; такъ же темна была и нота, врученная Шведскимъ посломъ Стедингомъ графу Румянцову — изъ нея, казалось, можно было вывести заключеніе, что Шведское правительство приглашало насъ не оставлять союза съ Англіей. Не то усматривалось изъ донесеній г. Алопеуса: изъ нихъ положительно обнаруживалась твердая рѣшимость Швеціи держаться союза съ нашимъ новымъ непріятелемъ. На аудіенціи, данной нашему послу 15 Октября н. ст. 1807 года, король постоянно хвалилъ дѣйствія Великобританскаго правительства или по крайней мѣрѣ ихъ извинялъ; ни разу не выразилъ онъ сожалѣнія о несчастіи постигшемъ Данію и вовсе не изъявилъ согласія содѣйствовать къ закрытію Балтійскаго моря.

Намъ нельзя было оставаться въ столь неопредѣленномъ положеніи. Разрывъ между Великобританіею и Россіею уже состоялся—намѣрено ли было Шведское правительство держаться союза съ нашими непріятелями, и продолжая получать отъ нихъ субсидіи, оставлять въ безусловномъ распоряженіи враждебной намъ державы всѣ военныя силы Швеціи? Вотъ что слѣдовало привести въ ясность; иначе не было безопасности для С.-Петербурга.

Отъ 16 Ноября ст. ст. 1807 года графъ Румянцевъ писалъ къ г. Алопеусу:

Vous ne cacherez pas au Ministère et au Roi que puisque c'est contre l'Angleterre que nous sommes obligés de prendre des mesures, il nous importe de connaître d'une manière précise si le Roi, cédant à l'intérêt de ses états et aux anciens engagemens qu'il a contractés avec nous désire faire cause commune pour fermer la Baltique aux anglais et venger l'outrage qu'elle a fait au Danemarc; il nous est très important de

«Вы не скроете отъ министерства «и отъ короля, что такъ какъ мы «принуждены принять мѣры противу «Великобританіи, то намъ необходимо знать положительно, желаетъ ли «король, во вниманіи къ пользамъ «своихъ владѣній и къ прежнимъ обязательствамъ, въ которыя онъ вступилъ съ нами, дѣйствовать совокупно, чтобы запереть для Англичанъ Балтійское море, и отмстить «за оскорбленіе ими нанесенное Да-

n'avoir nul doute à l'égard de la détermination du Roi de Suède.

«ніи; намъ нужно не имѣть никакихъ «сомнѣній касательно рѣшимости короля Шведскаго».

Въ то же время предписано было г. Алопеусу слѣдить съ бо́льшимъ чѣмъ когда-либо тщаніемъ за движеніями Шведскихъ флотовъ, за приготовленіями Шведской арміи и за тѣми обязательствами, въ которыя король Густавъ могъ вступить съ Великобританіею.

Курьеръ, который доставилъ въ Стокгольмъ эту важную депешу, привезъ Шведскому королю письмо Императора Александра, предвѣщавшее прекращеніе личныхъ сношеній между обоими государями. Въ С.-Петербургѣ помнили, какъ поступилъ Шведскій дворъ получивъ извѣстіе, что Прусскій орденъ Черпаго Орла былъ врученъ императору Наполеону. Государь хотѣлъ предупредить подобный поступокъ короля Густава въ отношеніи къ нему самому. Онъ послалъ Андреевскую ленту своему новому союзнику и въ то же время возвратилъ королю Шведскому орденъ Серафимовъ. Курьеръ, который везъ письмо государя по этому обстоятельству, встрѣтился на пути въ Стокгольмъ съ Шведскимъ курьеромъ, подателемъ письма подобнаго тому, которое Густавъ Четвертый позволилъ себѣ отправить къ королю Прусскому. Въ этомъ письмѣ къ Императору Александру Густавъ объяснялъ, что онъ не можетъ носить знаки ордена, даннаго императору Наполеону; въ то же время онъ сообщалъ копію съ извѣстнаго уже намъ письма его къ королю Фридриху Вильгельму. Такого рода переписка безъ сомнѣнія не обѣщала продолжительнаго мира.

Еще въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1807 года въ Стокгольмѣ знали, что Русскія войска стягивались къ границамъ Финляндіи, оставленной королемъ безъ всякой защиты. Во всей области не было и 12,000 войска, а по позднему времени года нельзя было увеличить число ихъ подкрѣпленіями изъ королевства. Хлѣбныхъ запасовъ и продовольствія не было вовсе, однимъ словомъ, Финляндія была предоставлена на произволъ судьбы; самой Швеціи угрожала во первыхъ Данія, обычная ея соперница, потомъ Франція, уже овладѣвшая Нѣмецкими ея владѣніями и наконецъ Россія, союзница Франціи, и бывшая въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Англіи, союзницѣ Швеціи. Такое положеніе дѣлъ грозило государству гибелью: всѣ роптали на короля—виновника этихъ бѣдствій, а король, не смотря на очевидную опасность, въ которую онъ вовлекалъ свой народъ, не дѣлалъ ничего чтобы ободрить умы. Въ печальномъ Грипсгольмскомъ замкѣ онъ уединялся больше чѣмъ когда-либо и въ постоянно мрачномъ настроеніи ума сдѣлался совершенно недоступнымъ. Два года съ половиною онъ не видалъ своей столицы; жители Стокгольма, постигая необходимость согласія въ эти рѣшительные дни, были располо-

жены забыть нелюбовь къ нимъ короля; они приготовили ему самый радушный пріемъ—но старанія ихъ были напрасны — угрюмый король отклонилъ эту привѣтливую встрѣчу. Тщетно министръ Эренгеймъ старался убѣдить своего государя принять систему нейтральности, необходимую для спасенія Швеціи. При возвышенныхъ чувствахъ Императора Александра, при небольшой мѣрѣ политическаго такта, этого можно было достигнуть; но судьба казалось обрекла несчастнаго короля на гибель. Густавъ Четвертый не внималъ убѣжденіямъ своего министра и не давалъ намъ опредѣлительнаго отвѣта. Шведскій флотъ, бывшій въ Карлскронѣ, получилъ приказаніе изготовиться къ кампаніи на будущую весну. Въ Стокгольмскомъ арсеналѣ работали безпрерывно, и Англійскія субсидіи давали Шведскому правительству возможность увеличивать свои воинскія силы. Противъ кого дѣлались эти приготовленія?

Переписка между Императорскимъ министерствомъ и Шведскимъ посломъ свидѣтельствуетъ о постепенно увеличивавшемся несогласіи между дворами С.-Петербургскимъ и Стокгольмскимъ.

Нотою отъ 1 Августа ст. стиля 1807 года баронъ Будбергъ увѣдомилъ барона Стединга объ ожиданіи Императора Александра «что по уваженію «очевидной перемѣны, послѣдовавшей въ общихъ дѣлахъ Европы, Его Шведское Величество съ своей стороны рѣшится положить конецъ кровопролитію». Во второй оффиціальной нотѣ отъ 24 Сентября ст. стиля того же года упоминалось о насильственномъ поступкѣ, который Великобританія позволила себѣ въ отношеніи къ Даніи. Мы приведемъ буквально существенное мѣсто этой ноты—въ немъ зародышъ войны между Россіею и Швеціею, открывшейся нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

S. M. I. est prête à remplir ses promesses; Elle veut être fidèle aux engagemens contractés avec les cours de Suède et de Danemarc par les traités de 1780 et celui de 1800 dont les articles secrets portent les engagemens réciproques et formels de poser pour principe et soutenir que la Baltique est une mer fermée et de garantir cette mer et ses côtes de toutes hostilités, violences et vexations quelconques, usant pour y parvenir de tous les moyens qui sont en leur pouvoir.

«Государь Императоръ готовъ исполнить свои обѣщанія—онъ хочетъ «остаться вѣрнымъ тѣмъ обязательствамъ, принятымъ въ отношеніи къ «дворамъ Шведскому и Датскому договорами 1780 года и трактатомъ «1800 года, котораго тайныя статьи «содержатъ въ себѣ взаимное и положительное обязательство постановить правиломъ и объявить, что «Балтійское море есть море закрытое, а также обезпечить это море и «его берега отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій, насильственныхъ по-

«ступковъ и какихъ бы то ни было «стѣсненій, съ употребленіемъ для до-«стиженія этой цѣли всѣхъ средствъ, «которыми они располагать могутъ.

L'Empereur est donc prêt à concourir aux mesures que la dignité, l'intérêt des trois cours du Nord et les engagemens qui les lient exigent d'Elles.

«По этому Государь Императоръ «готовъ содѣйствовать мѣрамъ, ко-«торыхъ требуютъ отъ трехъ сѣвер-«ныхъ дворовъ ихъ достоинство, ихъ «выгоды и обязательства ихъ связы-«вающія».

Баронъ Стедингъ поспѣшилъ донести своему правительству объ этомъ знаменательномъ событіи. Не прежде какъ по полученіи инструкцій изъ Стокгольма отвѣчалъ онъ нашему министру и по этому отвѣтъ его должно считать за точное выраженіе воли короля Густава.

Въ этой важной бумагѣ баронъ Стедингъ указывалъ на существенную разницу между нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ и тѣмъ, при которомъ были заключены договоры 1780 и 1800 года. «Французское правительство», писалъ баронъ Стедингъ, «которое такъ мало уважаетъ неприкосновенность «Балтійскаго моря, не переносило тогда военныхъ дѣйствій на берега этого «моря, и не распространяло такъ далеко вліянія запретительной континенталь-«ной системы, которую оно приняло относительно Великобританіи. По этому «только по прекращеніи военныхъ дѣйствій, постоянно возобновляемыхъ «*на берегахъ* Балтійскаго моря, только по удаленіи оттуда Французскихъ «войскъ, которыя продолжаютъ тамъ оставаться не смотря на послѣдніе до-«говоры и по открытіи всѣхъ гаваней Германіи для Великобританской тор-«говли, сдѣлаются нынѣшнія обстоятельства тождественными съ тѣми, ко-«торыя дали поводъ къ обоимъ вышеприведеннымъ соглашеніямъ, и именно «этого король ожидалъ отъ настояній Императора Александра у Француз-скаго правительства».

«Но пока не послѣдуетъ этой перемѣны *, столь важной для державъ, «обладающихъ берегами Балтійскаго моря, король полагаетъ, что нельзя «ссылаться на права, которыя будучи основаны на справедливости требуютъ «чтобы при ихъ примѣненіи было соблюдаемо самое строгое безпристрастіе» (*нота отъ 1* (*13*) *Ноября 1807 г.*).

Скоро потомъ графъ Румянцевъ вступилъ, какъ было сказано выше, въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ сторонникомъ сою-

* Mais jusqu'à cette époque si importante sous tous les rapports pour les puissances riveraines de la Baltique.

за съ Франціей и отношенія наши къ Швеціи не могли улучшиться при его управленіи. Послѣдовала новая оффиціальная нота къ Шведскому дипломату и въ ней сильнѣе чѣмъ когда либо выражалась непремѣнная воля С.-Петербургскаго двора не оставлять Балтійскаго моря открытымъ для нашихъ непріятелей. Она вся написана рукою графа Румянцева. Вотъ ея сущность:

Государь Императоръ декларацією отъ 26 Октября прервалъ всякія сношенія съ Англіею и по этому не можетъ быть никакого сомнѣнія на счетъ положенія Россіи относительно Великобританіи. Императоръ не скрылъ отъ самой Англіи своего негодованія на насильственный поступокъ, который она позволила себѣ противу короля, родственника и друга Его Императорскаго Величества и при томъ на морѣ, состоящемъ подъ гарантіей, и такъ сказать подъ охраненіемъ державъ, владѣющихъ берегами этого моря. Трактаты обезпечиваютъ Его Величеству содѣйствіе Швеціи и Даніи во всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся Балтійскаго моря. Государь требуетъ исполненія этихъ договоровъ.

Далѣе графъ Румянцевъ говорилъ о нетерпѣливомъ ожиданіи, съ которымъ мы желали знать, на что рѣшился Шведскій король послѣ того какъ ему сдѣлалось извѣстнымъ, что между Россіею и Англіею послѣдовалъ разрывъ, и готовъ ли онъ принять всѣ нужныя мѣры чтобы воспрепятствовать Великобританіи возобновить противу Даніи *или другой прибалтійской державы* недавно удавшееся ей покушеніе, которое нельзя было оставлять безнаказаннымъ.

Нота эта, подписанная и отправленная 16 (28) Ноября 1807 года, была довольно угрожающаго свойства, но и на нее не послѣдовало удовлетворительнаго отвѣта. Баронъ Стедингъ увѣдомилъ о ея полученіи, сослался на прежнюю свою ноту, и обѣщался довести полученное имъ сообщеніе до свѣдѣнія своего короля. Этимъ С.-Петербургскій дворъ не могъ удовольствоваться. Нотою отъ 30 Декабря ст. стиля 1807 года, еще болѣе рѣшительною, наше правительство требовало отъ Шведскаго посла положительнаго отвѣта. Въ ней находится слѣдующее мѣсто:

L'Empereur prescrit au soussigné de déclarer à Mr. l'ambassadeur que S. M. loin de se le reprocher, se plait en effet à avoir épuisé jusqu'aujourd'hui tous les moyens qui étaient en son pouvoir, essayant de faire revenir S. M. suédoise au seul système qui convienne à ses Etats,

«Государь Императоръ приказалъ «нижеподписавшемуся объявить г-ну «послу, что Его Императорское Ве«личество не сожалѣетъ, что имъ бы«ли до сего дня истощены всѣ сред«ства въ его власти находившіяся для «того чтобы вновь обратить Швед«скаго короля къ единственной поли-

mais enfin, Il doit à ses peuples, à la sûreté de son Empire qui est sa suprême loi de ne pas laisser plus longtemps comme une question indécise la coopération de la Suède avec la Russie et le Danemarc contre l'Angleterre.

«тической системѣ, годной для его «королевства, но что наконецъ онъ «обязанъ, во вниманіи къ своимъ подданнымъ, къ безопасности своего «государства, которая составляетъ «священнѣйшій его долгъ, не оставлять нерѣшеннымъ вопроса о совокупномъ дѣйствіи Швеціи съ Россіею «и Даніею противу Великобританіи.

S. M. I. veut sur ce point une réponse précise et définitive et Elle la désire sans délai.

«Его Императорское Величество «желаетъ имѣть по этому предмету «опредѣлительный и окончательный «отвѣтъ, и притомъ безъ замедленія.

L'Empereur étant instruit que le cabinet de St.-James, cherchant à rattacher le Danemarc à son système par la crainte, l'avait menacé d'avoir du Roi de Suède la promesse de faire entrer ses troupes en Selande, en réciprocité de quoi la possession de la Norvége serait assurée à la Suède, S. M. a trouvé que l'intérêt de son Empire serait bien mal assuré si lorsque la lutte commencerait entre l'Angleterre et la Russie le Roi de Suède, si voisin de ses états, voulait couvrir d'un aspect de neutralité les sentimens d'un attachement connu pour l'Angleterre. L'Empereur ne peut laisser dans le vague la position de la Suède à l'egard de la Russie; Il ne peut par conséquent admettre sa neutralité; mais Il renouvelle encore ici et pour la dernière fois au Roi son beau-frère avec toute la chaleur de la véritable amitié les instances qu'Il lui a déjà faites de coopérer avec le Danemarc et lui contre l'Angleterre.

«Какъ извѣстно Государю, Сентъ-«Джемскій кабинетъ, стараясь угрозами вовлечь Данію въ свою поли-«тическую систему, объявилъ Дат-«скому правительству, что по его «убѣжденію Шведское правительство «займетъ своими войсками островъ «Зеландію, въ замѣнъ чего Норвегія «будетъ предоставлена Швеціи. Го-«сударь Императоръ находитъ, что «выгоды его имперіи были бы худо «обезпечены, если бы въ то время, «когда начнется борьба между Англі-«ею и Россіею Шведскій король, «сосѣдъ Россіи, хотѣлъ прикрыть «видомъ нейтральности чувства из-«вѣстной привязанности его къ Ан-«гліи. Императоръ не можетъ оставлять въ неопредѣленномъ положеніи «отношенія Швеціи къ Россіи, по «этому ему невозможно допустить ея «нейтральности; но онъ возобновляетъ «теперь и при томъ въ послѣдній разъ «передъ королемъ, его зятемъ, и со «всею горячностію истинной дружбы, «настоянія уже сдѣланныя прежде,

Si la réponse de S. M. le Roi de Suède n'est pas conforme aux voeux de l'Empereur, si elle n'était pas donnée à temps, il ne resterait plus à S. M. I. que de recourir sans délai à tous les moyens que la Providence ne lui a confiés que pour qu'Elle en use afin d'assurer la sécurité de son Empire et Elle en prévient le Roi.

«дѣйствовать совокупно съ Даніею и «съ нимъ противу Великобританіи.

«Ежели отвѣтъ Его Величества «короля Шведскаго будетъ несогла-«сенъ съ желаніями Императора, если «этотъ отвѣтъ не будетъ данъ во вре-«мя, то Его Императорскому Величе-«ству останется только прибѣгнуть «безотлагательно ко всѣмъ средствамъ «которыя ему даны Провидѣніемъ для «того только чтобы онъ употреблялъ «ихъ въ защиту своей имперіи, и «объ этомъ онъ предваряетъ короля».

Сколько разъ ставили Россіи въ упрекъ дѣйствія нашего правительства противу Швеціи, сколько разъ говорили, что мы въ расплохъ напали на нашего сѣвернаго сосѣда! Изъ вышеприведенной переписки ясно обнаруживается, что Стокгольмскій дворъ былъ предостереженъ, что эти предостереженія были далеко не двусмысленны, и что король Густавъ имѣлъ время приготовиться къ оборонѣ. Такъ ли поступила въ отношеніи къ Даніи Великобританія, союзница Швеціи?

На всѣ свои настоянія Россійскій дворъ не получилъ другаго отвѣта кромѣ ноты барона Стедінга отъ 9 (21) Января 1808 года. Она была изготовлена въ Стокгольмѣ и только подписана Шведскимъ посломъ. Въ этой нотѣ Шведское правительство снова старалось доказать, что положеніе дѣлъ въ 1808 году было не то, какъ въ 1780; распространялось особенно о томъ, что Россія — главная участница соглашенія 1780 года, — первая отъ него отказалась; что въ слѣдствіе прежняго приглашенія Россіи, Швеція примирилась уже съ Великобританіей и что вступивъ съ нею во взаимныя обязательства, она не считала себя въ правѣ не исполнить ихъ, пока Великобританія оставалась имъ вѣрною.

Запереть Балтійское море было по мнѣнію Густава Четвертаго совершенно невозможно; впрочемъ, какъ объяснялъ онъ, Англія можетъ быть и не пошлетъ свой флотъ въ Балтійское море, «если только новыя военныя «дѣйствія не призовутъ ея туда въ качествѣ союзной державы (en qualité d'auxiliaire)».

Баронъ Эренгеймъ сообщилъ еще въ Стокгольмѣ эту ноту нашему посланнику Алопеусу. Русскій дипломатъ обратилъ вниманіе Шведскаго министра на угрожающій тонъ бумаги, назначенной для сообщенія Россійскому правительству, но его замѣчаніе было оставлено безъ вниманія.

Безъ всякаго сомнѣнія графъ Армфельтъ и посолъ баронъ Стедингъ, ревностные сторонники союза съ Россіею, употребили свои старанія чтобъ удержать короля отъ разрыва съ Россіею, но все было напрасно.

Нота графа Румянцева къ барону Стедингу отъ 16 (28) Ноября 1807 г. была тогда же отправлена въ Стокгольмъ съ Шведскимъ курьеромъ; слѣдовательно нота врученная Шведскимъ посломъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ въ Январѣ 1808 г. должна была считаться положительнымъ отвѣтомъ короля Густава Императору Александру. Размолвка дѣлалась разрывомъ.

Государь продолжалъ надѣяться, что король Шведскій не заставитъ его взяться за оружіе. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ извѣстій изъ Стокгольма. Узнавъ, что къ Шведскому послу прибылъ курьеръ, графъ Румянцевъ послалъ спросить барона Стединга, не доставленъ ли отвѣтъ на изложенное въ нотѣ графа Румянцева требованіе С.-Петербургскаго двора. Къ барону Стедингу пріѣхалъ новый курьеръ 3 Февраля ст. стиля 1808 г. Еще разъ спросилъ графъ Румянцевъ Шведскаго дипломата, не прислано ли изъ Стокгольма что-либо такое, что слѣдовало бы сообщить Императорскому правительству, но къ барону Стедингу былъ отправленъ только рескриптъ отъ его короля, въ весьма уклончивыхъ выраженіяхъ, въ которомъ говорилось, что не король Шведскій отступился отъ Императора Александра, но что послѣдовало противное. Кромѣ того не было въ этой бумагѣ ничего, чѣмъ могло бы удовольствоваться наше правительство; король Густавъ не давалъ никакого обѣщанія, не представлялъ никакого ручательства; однимъ словомъ, мы не могли быть увѣрены, что изъ Финляндіи не послѣдуетъ нападенія на Россію со стороны Шведовъ, или ихъ союзниковъ Англичанъ, въ то время прямыхъ непріятелей Россіи.

Императоръ Александръ не могъ болѣе медлить. Время уходило. Слѣдовало ли дать возможность Англійскому флоту стать передъ Свеаборгомъ въ нѣсколькихъ часахъ плаванія отъ С.-Петербурга и высадить войска въ этой грозной крѣпости,— однимъ словомъ, ждать, чтобы противу самой столицы Россіи было повторено покушеніе, подобное тому, которое было совершено противу Копенгагена?

Жребій былъ брошенъ. Декларація о предстоящей войнѣ съ Швеціею, написанная вся рукою вице-канцлера графа Румянцева, съ исправленіемъ Государя, была отправлена еще 5 Февраля ст. стиля въ Парижъ, но барону Стедингу она была вручена позже. Въ ней излагались причины, возбудившія неудовольствіе нашего двора на дѣйствія Шведскаго правительства. Далѣе говорилось, что на наши требованія не было получено отвѣта, и что такъ какъ молчаніе, продолжавшееся болѣе чѣмъ мѣсяцъ, достаточно обнаруживало непріязненное расположеніе Шведскаго короля, то

Императору оставалось только безъ замедленія прибѣгнуть ко всѣмъ средствамъ, ему Богомъ предоставленнымъ. Въ деклараціи упоминалось за симъ, что Его Императорское Величество готовъ обратить мѣры нынѣ имъ принятыя въ простую мѣру предосторожности, ежели король Шведскій, не отлагая времени, соединится съ Россіею и Даніею, дабы запереть Балтійское море Англіи до совершенія морскаго мира.

На этой деклараціи въ оффиціальныхъ актахъ выставлено 10 число Февраля 1808 г. Шведскій курьеръ, отправленный отъ барона Стединга къ его королю съ этимъ извѣщеніемъ былъ направленъ не черезъ Финляндію, а черезъ Мемель. Тотъ же путь былъ указанъ и Шведскому послу, которому паспортъ былъ выданъ 15 Февраля.

Нашъ посланникъ въ Стокгольмѣ не былъ извѣщенъ о рѣшительныхъ мѣрахъ, принятыхъ противъ Швеціи въ С.-Петербургѣ. Король Густавъ жилъ по прежнему въ уединенномъ Грипсгольмѣ, чуждаясь людей, и въ эту пору года сношенія между Стокгольмомъ и С.-Петербургомъ были довольно затруднительны. Впрочемъ г. Алопеусъ не могъ ничего сдѣлать для сохраненія мира между обоими государствами. Король принималъ его очень холодно; баронъ Эренгеймъ могъ только вести списокъ приказаніямъ короля, получаемымъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, но на ходъ дипломатическихъ сношеній не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія. Посланнику Алопеусу оставалось только сообщать въ С.-Петербургъ отъ времени до времени подробныя извѣстія о составѣ и мѣстѣ расположенія Шведскихъ войскъ, и въ этомъ отношеніи онъ оказалъ Россіи существенную услугу.

Черезъ его посредство мы узнали, что зимою Финляндія была почти беззащитна, что Свеаборгъ, неприступный лѣтомъ, могъ быть гораздо легче взятъ зимою, если начать противъ него дѣйствія со стороны Гельсингфорса,— и что вообще въ Финляндіи, не смотря на воинскія приготовленія, дѣлавшіяся въ Швеціи, не было ничего, ни войскъ, ни провіанта, ни оружія. Даже смѣта военнаго министерства могла быть изготовлена только къ 8 (20) Февраля 1808 г.

Г. Алопеусъ былъ у короля въ послѣдній разъ 27 Января ст. стиля 1808 года. Эта аудіенція не привела ни къ чему. Король утверждалъ, что онъ не имѣлъ никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ Россіи, но объявилъ при томъ, что онъ не могъ приступить ни къ какому соглашенію касательно обороны Балтійскаго моря, пока Французскія войска будутъ занимать многіе пункты Балтійскаго прибрежья. Въ тотъ самый день когда король Густавъ давалъ эти миролюбивыя увѣренія нашему посланнику, его министръ иностранныхъ дѣлъ подписывалъ съ Великобританскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ новый трактатъ о субсидіяхъ, который могъ быть

направленъ только противъ Россіи или ея союзниковъ и слѣдовательно былъ враждебнымъ дѣйствіемъ противу насъ.

Въ Швеціи ходила молва, что потерявъ Померанію, король Густавъ свыкся съ мыслію о потерѣ Финляндіи и что будто онъ сказалъ однажды «пусть Финляндія пропадаетъ, я вознагражу себя въ Норвегіи». Во всякомъ случаѣ, не смотря на очевидную опасность, не было принято никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ для обороны Финляндіи; все что дѣлалось, было не во время и не кстати. Генералъ Клингспоръ, отправленный туда, не пользовался уваженіемъ и не считался за искуснаго полководца; инструкція, которою онъ былъ снабженъ, была составлена не военнымъ вѣдомствомъ, а секретаремъ короля Лагербьельке. Въ случаѣ нападенія генералу Клингспору предписано было отступать и вообще вся эта инструкція, данная при такихъ обстоятельствахъ и въ минуту крайней опасности, носитъ отпечатокъ совершеннаго отсутствія соображенія. Всѣ говорили не скрываясь, что король Густавъ страдалъ разстройствомъ умственныхъ способностей, что отечество на краю гибели. Но что можно было сдѣлать въ Швеціи при такомъ правительствѣ?

Послѣдній Русскій фельдьегерь отправился изъ С.-Петербурга въ Стокгольмъ 5 Февраля ст. стиля 1808 года. Онъ везъ депеши графа Румянцева къ посланнику Алопеусу, которыя наконецъ извѣщали нашего представителя въ Стокгольмѣ о настоящемъ положеніи дѣлъ.

Графъ Румянцевъ увѣдомлялъ, что послѣ переписки, продолжавшейся безъ всякой пользы болѣе четырехъ мѣсяцевъ, послѣдняя оффиціальная нота полученная отъ барона Стединга, была также неудовлетворительна, какъ и всѣ прежнія его ноты, что вслѣдствіе того воспослѣдовала Высочайшая декларація, уже врученная барону Стедингу *, что препровождая копію съ этой деклараціи къ нашей миссіи въ Стокгольмѣ, онъ поручаетъ г. Алопеусу передать эту бумагу Шведскому министру иностранныхъ дѣлъ, въ надеждѣ, что согласіе между обѣими сѣверными державами можетъ еще быть возстановлено.

Во второй депешѣ графъ Румянцевъ писалъ о графѣ Армфельтѣ.

Генералъ Армфельтъ по своему происхожденію былъ не Шведъ, а Финляндецъ и его родъ занималъ почетное мѣсто въ спискѣ Финляндскаго рыцарства. Больше чѣмъ кто либо въ Швеціи онъ понималъ, что вся тягость войны, на которую Густавъ Четвертый вызвалъ Россію, должна была обрушиться на его родину. Онъ всегда старался, чтобы союзъ между Россіею и Швеціею не былъ нарушаемъ и безъ сомнѣнія его убѣжденія, шедшія въ разрѣзъ съ волею его короля, не могли не навлечь на него немилости двора. Въ С.-Петербургѣ были высокаго мнѣнія о его способностяхъ и нравствен-

* При отправленіи этой депеши декларація не была еще вручена.

ныхъ качествахъ, и желали бы имѣть его на своей сторонѣ при занятіи Финляндіи, гдѣ находилось все имѣніе фамиліи Армфельтъ. Посланнику Алопеусу было поручено предложить ему у насъ все, что могло бы польстить его самолюбію, и въ этомъ отношеніи тѣмъ больше мы могли надѣяться на успѣхъ, что въ послѣднее время графъ Армфельтъ былъ въ совершенной опалѣ. Передъ тѣмъ король предлагалъ ему командованіе Шведскими войсками въ Финляндіи, но Армфельтъ отказался отъ этой чести, говоря что онъ готовъ служить простымъ солдатомъ, но не хотѣлъ подвергать свою воинскую славу опасности въ войнѣ, отъ которой можно было ожидать только неудачъ и несчастія.

Другое обстоятельство заставляло насъ желать, чтобы графъ Армфельтъ предпочелъ Россійскую службу Шведской. Генералъ графъ Буксгевденъ, нашъ главнокомандующій въ Финляндіи, желалъ имѣть при себѣ совѣтникомъ природнаго Финляндца. Сперва назначали къ нему генерала Спренгпортена, который тоже былъ родомъ изъ Финляндіи, но графъ Буксгевденъ рѣшительно отказывался отъ его содѣйствія. По всегдашнему своему вниманію къ чувствамъ другихъ Императоръ Александръ хотѣлъ ввѣрить судьбу Финляндцевъ ихъ соотечественнику съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ, въ случаѣ успѣха нашего оружія, облегчить имъ переходъ изъ Шведскаго подданства въ Россійское.

Эти депеши не достигли своего назначенія.

Около двухъ часовъ утра въ ночь на 20 Февраля ст. стиля 1808 года явился въ домъ посланника Алопеуса адъютантъ короля, полковникъ баронъ Бойе. Отъ имени своего государя объявилъ онъ удивленному посланнику арестъ вмѣстѣ со всѣми чиновниками Россійской миссіи и прибавилъ что предписано опечатать архивы и бумаги г. Алопеуса. Въ помощь адъютанту былъ командированъ многочисленный отрядъ. При миссіи нашей въ Стокгольмѣ считалось четыре чиновника; всѣ они собрались у г. Алопеуса и имъ было сообщено, что они не должны были выходить изъ дому. Ко всѣмъ дверямъ былъ приставленъ караулъ, всѣ сношенія между миссіею и городомъ прекратились.

Баронъ Бойе вручилъ въ то же время нашему посланнику ноту Шведскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которой было сказано, что король получилъ извѣстіе о вступленіи Россійскихъ войскъ въ Финляндію. «Это «неожиданное нападеніе, которому не предшествовало никакое объявленіе «войны, имѣетъ признаки вѣроломства. Вслѣдствіе чего король считаетъ ди-«пломатическія обязанности г. Алопеуса при Его Величествѣ совершенно «прекращенными».

Королевскій адъютантъ исполнилъ свое непріятное порученіе со всею

возможною вѣжливостію, тѣмъ не менѣе арестъ нашего посланника былъ до крайности строгъ. Подъ опасеніемъ смертной казни было запрещено караульнымъ дозволять кому-либо войти въ домъ миссіи или выйти оттуда; то же наказаніе ожидало ихъ въ случаѣ если бы были открыты письменныя сообщенія между арестантами и кѣмъ-либо въ городѣ. Въ самомъ домѣ было помѣщено множество полицейскихъ.

Король этимъ не удовольствовался; онъ выдумалъ новыя средства сдѣлать для г. Алопеуса еще болѣе чувствительною всю тяжесть его положенія. Каждый разъ какъ Шведское правительство считало нужнымъ обнародывать какое-либо извѣстіе, въ домъ миссіи являлся помощникъ Стокгольмскаго губернатора и въ сопровожденіи караульнаго офицера входилъ къ арестованному дипломату. Тогда читалъ онъ ему эти извѣстія; въ случаѣ если бы г. Алопеусъ отказался выслушивать эти сообщенія, приказано было принуждать его къ тому силою. Эта изобрѣтательная настоятельность короля Густава была иногда не безъ пользы для нашей миссіи. Такимъ образомъ г. Алопеусъ могъ узнать содержаніе депешъ, отправленныхъ къ нему нашимъ министерствомъ отъ 5 Февраля ст. стиля. Ихъ отняли у курьера, потомъ напечатали и прочли г. Алопеусу, который чрезъ то узналъ о намѣреніяхъ нашего правительства. Впрочемъ не одна наша миссія терпѣла отъ своеправія короля Густава; безъ всякой нужды жителей Стокгольма подвергали разнымъ стѣсненіямъ. Такъ напримѣръ состоялось повелѣніе короля подъ заглавіемъ: запрещеніе распространять ложные слухи; этимъ повелѣніемъ воспрещалось, подъ опасеніемъ тюремнаго заключенія, говорить о тогдашнихъ событіяхъ.

Между тѣмъ наши войска быстро распространялись по Финляндіи. Вмѣсто того чтобы озаботиться обороною этой области, король Густавъ вымѣщалъ свою безсильную злобу надъ беззащитнымъ Алопеусомъ. Съ особеннымъ стараніемъ изыскивалъ онъ средства какъ бы досадить ему еще болѣе. Не смотря на всѣ изысканныя предосторожности со стороны караульныхъ, г. Алопеусъ даже въ томительномъ своемъ заключеніи находилъ возможность быть полезнымъ Россіи. Ему удалось уничтожить секретныя бумаги миссіи, онъ даже успѣлъ получить и доставить въ С.-Петербургъ свѣдѣнія о предположеніяхъ Шведскаго главнаго штаба и о военныхъ силахъ Швеціи. Только 16 Мая ст. стиля кончился этотъ арестъ. Нашъ посланникъ получилъ дозволеніе отправиться въ Россію на Шведскомъ фрегатѣ, посланномъ въ Балтійскій портъ за барономъ Стедингомъ.

Шведскій посолъ остался около мѣсяца въ С.-Петербургѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій. По его ходатайству ему дозволено было отправиться

въ Швецію черезъ Балтійскій Портъ а не черезъ Мемель, куда сначала былъ назначенъ ему путь.

На основаніи правила взаимности у насъ имѣли право поступить съ барономъ Стедингомъ точно такъ, какъ король Густавъ поступилъ съ г. Алопеусомъ. Изъ нижеслѣдующаго письма графа Румянцева къ барону Стедингу отъ 14 Марта ст. стиля 1808 г. видна разница между Императоромъ Александромъ и его противникомъ.

«Государь Императоръ извѣстился, что Его Величество король Шведскій приказалъ арестовать Россійскаго посланника Алопеуса вмѣстѣ со всею «миссіею. Его Императорское Величество предписалъ мнѣ увѣдомить ваше «превосходительство, что не принимая Турковъ за образецъ и пребывая «вѣрнымъ своимъ собственнымъ правиламъ, онъ поручилъ мнѣ удвоить мое «вниманіе къ вамъ и мою о васъ заботливость».

Военныя дѣйствія между Россіею и Швеціею начались прежде чѣмъ съ нашей стороны послѣдовало объявленіе войны. О ходѣ переговоровъ съ Швеціею знали весьма немногіе и первыя извѣстія о нашихъ успѣхахъ въ Финляндіи были совершенно неожиданны. Гласность и свобода печати существовали въ то время въ одной Англіи и нечаянность нашихъ военныхъ дѣйствій на сѣверѣ содѣйствовала къ распространенію мнѣнія, будто Россія внезапно и въ расплохъ напала на своего слишкомъ довѣрчиваго союзника. Мы видѣли выше, какъ неосновательны эти обвиненія. Союзники Швеціи—Англичане, тогдашніе наши враги,—два раза напали на Данію не только безъ объявленія войны, но и безъ предварительной размолвки, основываясь на однихъ догадкахъ и на бумагахъ, не имѣвшихъ никакого оффиціальнаго характера. Слѣдуя этимъ примѣрамъ, Императоръ Александръ имѣлъ право поступить также съ союзницею Англіи Швеціею, но не таковъ былъ повелитель Россіи — онъ употребилъ заранѣе всѣ убѣжденія, чтобы отвлечь своего сосѣда отъ политики, грозившей опасностію столицѣ нашей, и приступилъ къ военнымъ дѣйствіямъ тогда только, когда медлить было невозможно.

Впрочемъ баронъ Стедингъ сдѣлалъ съ своей стороны для своего отечества все, что было въ его силахъ. Нѣсколько разъ увѣдомлялъ онъ прямо отъ себя генерала Клеркера, командовавшаго до Клингспора Шведскими войсками въ Финляндіи, что должно было ожидать вторженія нашихъ войскъ въ эту область; еще 3 Февраля н. ст. предписано было тамъ всеобщее вооруженіе въ виду скораго вступленія туда нашихъ войскъ. Народъ оказалъ вообще готовность защищать свои пепелища. Если Финляндія такъ легко досталась намъ, тому виною былъ король Густавъ, который во все время не съумѣлъ сдѣлать ни одного сколько нибудь дѣльнаго распоряженія, и который дѣйствовалъ въ Финляндіи такъ же странно, какъ недавно въ Поме-

6*

раніи — не удивительно, что обѣ эти провинціи были такъ скоро потеряны для Швеціи. Правда, въ денежномъ отношеніи пріобрѣтеніе это обошлось намъ не дешево; край былъ бѣденъ, продовольствіе нашихъ войскъ слѣдовало доставлять изъ Россіи, за то и Шведскія войска терпѣли во всемъ недостатокъ.

Если вѣрить Шведскому біографу фельдмаршала Толля, планъ военныхъ дѣйствій противъ Швеціи былъ составленъ по взаимномъ соглашеніи обоихъ императоровъ. Наполеонъ назначилъ для этой войны четыре дивизіи: двѣ Испанскія, подъ начальствамъ маркиза де-ла-Романа, одну Голландскую и одну Французскую. Главнокомандующимъ этой арміи былъ назначенъ маршалъ Бернадоттъ, принцъ Понте-Корво; онъ долженъ былъ перейти черезъ оба Бельта и черезъ Зундъ, и потомъ занять Шонію (Skånen), гдѣ съ нимъ соединялась Датская армія изъ Норвегіи, подъ предводительствомъ принца Августенбургскаго. Съ своей стороны Русская армія, по занятіи острова Готланда, овладѣвала Кальмарскою областію, и пройдя Швецію, соединялась въ Шоніи съ Датско-Французскою арміею. Тогда предполагали созвать Шведскіе генеральные штаты въ Готенбургѣ, и объявить имъ, что такъ какъ король Густавъ не признаетъ императора Наполеона, то и Наполеонъ въ свою очередь не признаетъ короля Густава; послѣ чего имѣли въ виду раздѣлить Шведскія владѣнія между Россіею и Даніею.

Подвигаясь безпрепятственно впередъ, Русскія войска заняли Готландъ, но далѣе не пошли, потому что новые наши союзники, Французы, не исполнили условленной программы.

Французская армія вступила 5 Марта н. ст. въ Голштинію. Маршалъ Бернадоттъ полагалъ, что Шведы окажутъ ему сильное сопротивленіе и по этому помѣстилъ въ авангардѣ надежнѣйшія свои войска, а именно Французскую дивизію, но скоро послѣ того онъ получилъ приказаніе Наполеона выставить впередъ Испанцевъ. Армія уже была на походѣ; надлежало измѣнить всѣ распоряженія, уже сдѣланныя; одни войска остановить, другія двинуть впередъ; черезъ это были потеряны два дня—потеря невознаградимая, имѣвшая рѣшительное вліяніе на всю кампанію. Въ то самое время, когда Французская армія въ новомъ порядкѣ готовилась перейти въ Зеландію, въ Большомъ Бельтѣ явилась Англійская эскадра и армія Бернадотта должна была ограничиться занятіемъ острова Фіоніи. Десантъ въ Швецію сдѣлался невозможнымъ.

Великобританское правительство употребило для защиты Швеціи столько же энергіи, какъ и для одолѣнія Копенгагена въ предшествовавшемъ году. Оно поспѣшило отправить корпусъ войскъ на помощь королю Густаву. Можно было предполагать, что Англійскія войска будутъ приняты

въ Швецін какъ спасители, съ распростертыми объятіями, но вышло совершенно противное — имъ не дозволили даже сойти на Шведскій берегъ, до того дошло помраченіе разсудка у короля Густава! Онъ потребовалъ чтобы Англійскій главнокомандующій, генералъ Муръ, оставивъ армію, явился къ нему въ Стокгольмъ условиться о планѣ военныхъ дѣйствій противу враговъ Швеціи. Генералъ Муръ пріѣхалъ, представился къ королю, начались совѣщанія, но изъ нихъ не вышло ничего. Король обратился къ генералу съ требованіями, которыхъ исполнить было нельзя, съ обвиненіями до крайности неумѣстными и дѣло кончилось тѣмъ, что Густавъ приказалъ арестовать главнокомандующаго вспомогательныхъ войскъ, который прибылъ къ его двору по его же приглашенію и хотѣлъ искренно защитить несчастнаго короля отъ послѣдствій его неразумія. Только вслѣдствіе самыхъ настойчивыхъ требованій Англійской миссіи въ Стокгольмѣ удалось генералу Муру получить свободу. Онъ уѣхалъ исполненный досады противъ неблагодарныхъ союзниковъ Англіи, противъ короля, который будто искалъ гибели народа, Богомъ ему ввѣреннаго. Англичане оставили негостепріимные берега Швеціи и скоро послѣ того были отправлены въ Португалію, гдѣ они покрыли себя славою въ борьбѣ съ лучшими Французскими полководцами.

Всѣ эти планы и военныя дѣйствія представляютъ поразительный примѣръ безпорядка и неестественныхъ союзовъ, въ которые Европа была ввергнута въ продолженіе бурнаго Наполеоновскаго времени. Казалось Швеція по всѣмъ условіямъ своего политическаго существованія должна была оставаться чуждою войнѣ, опустошавшей материкъ Европы. Теперь не смотря на всѣ выгоды ея географическаго положенія которыя ограждали ее отъ непріятельскаго вторженія, она съ трехъ сторонъ подвергалась опасности. Къ самой цвѣтущей изъ ея областей стремились со всѣхъ четырехъ пунктовъ горизонта почти всѣ Европейскіе народы. Жители полярныхъ странъ спѣшили туда для защиты родины. Туда же съ юга шли дѣти знойной Испаніи, которыхъ предки сражались подъ кровавыми знаменами герцога Альбы — съ ними были потомки сподвижниковъ Вильгельма Молчаливаго, освободителя Нидерландовъ отъ Испанскаго ига. Ихъ вождь — нѣкогда сержантъ Французскаго морскаго полка при послѣднемъ королѣ Лудовикѣ XVI, генералъ при республикѣ, сдѣлался маршаломъ и владѣтельнымъ княземъ въ Италіи по милости Корсиканскаго уроженца, сперва подпоручика артиллеріи, а потомъ преемника Карла Великаго. Съ запада направлялись Нѣмцы изъ всѣхъ странъ Германіи, состоявшіе въ Англійской службѣ подъ предводительствомъ природнаго Шотландца Мура, для отраженія арміи, составленной изъ разноплеменныхъ воиновъ неизмѣ-

римой Россіи, и предводительствуемой Шотландцемъ же, Барклаемъ-де-Толли; его помощникомъ былъ Грузинскій князь, знаменитый Багратіонъ.

Мы видѣли выше, что неожиданное приказаніе Наполеона—непремѣнно поставить въ авангардѣ Испанскія войска и происшедшее отъ того замедленіе, разрушили эти планы, которые нѣсколько лѣтъ прежде сочлись бы произведеніемъ больнаго воображенія. Къ довершенію всѣхъ неудачъ, въ самый рѣшительный моментъ, подулъ южный вѣтеръ, ледъ на Зундѣ, до того времени твердый, былъ взломанъ — Англійскій флотъ явился и Шонія была спасена.

Въ самое короткое время все перемѣнилось и дѣла приняли неожиданный оборотъ. Испанцы, захваченные оттепелью въ Фіоніи и разъединенные съ прочими войсками Бернадотта, успѣли большею частію удалиться, при помощи Англичанъ, изъ Даніи, и возвратились на Англійскихъ корабляхъ защищать свою родину отъ тѣхъ самыхъ Французовъ, подъ знаменами которыхъ они готовы были перейти море по льду. Генералъ Муръ, посланный воевать на сѣверъ, палъ съ честію при Коруньѣ, сражаясь за тѣхъ самыхъ Испанцевъ, которые недавно еще были поставлены противъ него въ непріятельскомъ авангардѣ. Разрывъ между Англіею и Россіею послѣдовалъ изъ за разрушенія Копенгагена. Англійскій генералъ сэръ Артуръ Веллеслей болѣе другихъ содѣйствовалъ успѣху этого насильственнаго покушенія — нѣсколько лѣтъ послѣ того онъ былъ Русскимъ фельдмаршаломъ подъ именемъ герцога Веллингтона; наконецъ оба вождя Французско-Датской арміи которая должна была внести всѣ ужасы войны въ Швецію, нѣсколько лѣтъ спустя были одинъ послѣ другаго избраны народною волею въ наслѣдные принцы той самой Швеціи, которую они шли разгромить. Для того, чтобы открыть имъ путь къ престолу, осуждено на изгнаніе потомство Густава Вазы, Густава Адольфа и Карла XII, и все это произошло отъ того, что курьеръ, отправленный съ береговъ Сены на островъ Фіонію съ приказаніемъ, по видимому не представлявшимъ ничего особеннаго, опоздалъ на пути нѣсколькими часами!

Таково было время, въ которое жили наши отцы.

Между тѣмъ Русскія войска, занявъ всю Финляндію и овладѣвъ Свеаборгомъ, преслѣдовали Шведскую армію отступавшую къ полярному кругу. Генералъ Клингспоръ не съумѣлъ дать отпора Русскимъ, не сосредоточилъ своей арміи, и безконечное отступленіе Шведовъ прекратилось только у сѣверной оконечности Ботническаго залива, но тутъ рѣшительность и воинскій талантъ одного штабъ-офицера едва не дали другаго оборота всей кампаніи. Полковникъ Адлеркрейцъ, только что вступившій въ должность начальника

штаба Шведской арміи, въ нѣсколько дней возстановилъ упадшій духъ войска. Сперва оттѣснилъ онъ насъ при Сикаіокки, потомъ послѣдовали неудачи при Револаксѣ и Пулькилло, наконецъ потеря островов Аландскихъ и Готланда, нами уже занятыхъ. Въ свою очередь Русскіе должны были отступить—и непріятель снова овладѣлъ огромнымъ пространствомъ сѣверной Финляндіи; вслѣдъ за тѣмъ вооружились противъ насъ жители этого края, менѣе чѣмъ населеніе южныхъ областей свыкшіеся съ мыслію, что рано или поздно ихъ земля непремѣнно отойдетъ отъ Швеціи къ Россіи. Скоро однако эти временныя неудачи были заглажены. Къ нашей арміи пришли своевременно подкрѣпленія; благодаря заботливости военнаго министра графа Аракчеева, наши войска, не терпѣвшія ни въ чемъ недостатка, скоро оправились и счастіе возвратилось къ нашимъ знаменамъ.

Не такъ дѣйствовалъ король Густавъ. Онъ не съумѣлъ воспользоваться ни содѣйствіемъ Англійскаго вспомогательнаго корпуса, ни неожиданными успѣхами Финляндской арміи. Опасность со стороны Датско-Французской арміи миновалась, Шведскій корпусъ, собранный въ Шоніи, дѣлался свободнымъ—и это значительное подкрѣпленіе, если бы оно было ввѣрено сколько нибудь искусному полководцу, могло бы долго еще оспаривать у насъ обладаніе Финляндіею, гдѣ озера и глубокія рѣки такъ облегчаютъ оборонительную войну противу превосходныхъ непріятельскихъ силъ. Къ нещастію для Швеціи, король Густавъ захотѣлъ командовать арміею, высадившеюся въ Финляндіи и немедленно все пришло въ безпорядокъ; Шведскіе генералы сражались храбро, но безъ всякаго плана, войска гибли безъ пользы, вся Финляндія снова перешла въ наши руки, и на этотъ разъ навсегда.

Терпѣніе Шведовъ наконецъ истощилось. Уже Русскіе перешли по льду черезъ Ботническій заливъ, близкая опасность грозила самому Стокгольму, но король упорствовалъ въ своемъ намѣреніи воевать съ Россіею хотя и давалъ на каждомъ шагу новыя доказательства своего неумѣнья распоряжаться арміею. Раздраженные безпрестанными неудачами Шведскіе офицеры негодовали на своего короля—образовался заговоръ и 22 Марта н. ст. 1809 г. нещастный король лишился престола. Дядя его герцогъ Зюдерманландскій принялъ бразды правленія въ это тяжелое для Швеціи время, когда государство находилось на краю погибели и опасность была больше чѣмъ въ роковой годъ кончины Карла Двѣнадцатаго.

Силы Швеціи были истощены, вся Финляндія была въ нашихъ рукахъ, самый Стокгольмъ былъ беззащитенъ, Русскія войска уже готовились вступить въ самую средину королевства. Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что Швеція скоро будетъ просить мира. «Чтобы столь спасительное дѣло не

«встрѣтило замедленія» *, Государь Императоръ приказалъ г. Алопеусу отправиться въ Финляндію, съ тѣмъ чтобы приступить къ переговорамъ о мирѣ при первой къ тому возможности. Русскій дипломатъ прибылъ въ главную квартиру преемника генерала Буксгевдена, генерала Кнорринга, въ то самое время, когда послѣдовала правительственная перемѣна въ Стокгольмѣ.

Инструкціи для предстоящей дѣятельности были ему даны 15 Февраля ст. стиля 1809 года. Основаніемъ переговоровъ о мирѣ опредѣлена уступка намъ всей Финляндіи до рѣки Торнео. Сверхъ того г. Алопеусъ долженъ былъ настоятельно требовать, чтобы для Англійскихъ судовъ, какъ военныхъ такъ и купеческихъ, были закрыты всѣ Шведскіе порты, исключая тѣхъ, которые находятся на Категатѣ.

Когда въ С.-Петербургѣ было получено извѣстіе о низложеніи короля Густава, г. Алопеусу было поручено отправиться изъ Або въ Стокгольмъ и донести подробно о настроеніи умовъ въ столицѣ послѣ совершившагося тамъ переворота, а также и расположить тогдашнее правительство къ миру съ нами.

Г. Алопеусъ не замедлилъ представиться герцогу Зюдерманландскому.

Онъ убѣдился, что со стороны его высочества не будетъ препятствія къ заключенію мира какого мы желали, но что тяжесть жертвы, которая требовалась отъ Швеціи налагала на тамошнее правительство обязанность сдѣлать хотя безъ надежды на успѣхъ попытку удержать за собою Финляндію. Въ то же время онъ узналъ, что съ Шведской стороны назначенъ для переговоровъ съ нами баронъ Стедингъ.

Пребываніе г. Алопеуса въ Стокгольмѣ приготовило сближеніе между обоими дворами, и полезныя послѣдствія его поѣздки скоро обнаружились.

Первое предложеніе о прекращеніи военныхъ дѣйствій послѣдовало со стороны Швеціи. Баронъ Лагербьельке, назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ, письменно обратился объ этомъ къ графу Румянцеву 6 Апрѣля н. ст. 1809 года. Извѣщая о своемъ вступленіи въ должность, онъ изъявлялъ надежду, что перемѣна въ управленіи, недавно совершившаяся въ Стокгольмѣ, послужитъ къ водворенію мира на сѣверѣ. Доставленіе этого письма въ С.-Петербургъ поручено было барону Шверину, оберъ-шталмейстеру двора, бывшему въ то же время и оберъ-церемоніймейстеромъ; при этомъ случаѣ ему приказано было выразить Государю Императору личныя чувства герцога и стараться, чтобы заключено было перемиріе.

Баронъ Шверинъ прибылъ въ С.-Петербургъ, но не имѣлъ успѣха.

* Pour qu'un ouvrage aussi salutaire ne soit assujetti à aucun délai.

Графъ Румянцевъ нотою отъ 9 (21) Апрѣля 1809 года отказалъ ему въ перемиріи. Нота эта написана въ чернѣ самимъ Государемъ и графу Румянцеву оставалось только передать буквально Высочайшую волю.

Г. Лагербьельке возобновилъ свое ходатайство. Отъ 12 Мая 1809 года онъ писалъ къ графу Румянцеву, что герцогъ Зюдерманландскій, въ слѣдствіе отреченія короля Густава принявшій званіе правителя Швеціи, считалъ заключеніе мира съ Россіею главнѣйшимъ предметомъ своихъ заботъ, и что по сему его королевское высочество предлагаетъ миръ Императору Александру; въ то же время Шведскій министръ просилъ чтобъ выданъ былъ паспортъ генералу барону Стедингу, снабженному уже надлежащимъ полномочіемъ и нужными инструкціями для заключенія окончательнаго мира.

Графъ Румянцевъ отвѣчалъ, что ему предписано, прежде прибытія барона Стединга въ С.-Петербургъ для переговоровъ о мирѣ, условиться съ Шведскимъ министерствомъ о трехъ пунктахъ, а именно:

1) Предложить миръ Императору, значило предложить его и союзникамъ Его Величества, отъ которыхъ Государь не отступится (dont Sa Majesté ne se détachera pas).

2) Принятіе Швеціею континентальной системы.

3) Опредѣленіе Ботническаго залива и рѣки Каликсъ границею между Швеціею и Россіею.

Отъ Швеціи требовалось, чтобы она приняла безусловно и безъ измѣненія эти три пункта въ основаніе переговоровъ о мирѣ.

Президентомъ Шведской канцеляріи былъ въ то время баронъ Энгстремъ. Графъ Румянцевъ увѣдомилъ и его объ этихъ условіяхъ, отъ принятія которыхъ со стороны Швеціи зависѣло заключеніе мира. Наконецъ онъ извѣстилъ и барона Стединга, что только на основаніяхъ, изложенныхъ выше, былъ возможенъ миръ. Барону Стедингу слѣдовало пріостановить свою поѣздку, пока мы не будемъ увѣрены, что Шведское правительство согласно принять эти основанія при предстоящихъ переговорахъ.

Баронъ Стедингъ, по полученіи этого письма, отправился въ путь; это значило, что наши условія были приняты. Новая побѣда, одержанная нашими войсками въ самой Швеціи у Гернефорса 23 Іюня ст. стиля 1809 года безъ сомнѣнія побудила Шведское правительство ускорить отъѣздъ своего полномочнаго.

Переговоры о заключеніи предстоящаго мира были поручены Стокгольмскимъ дворомъ не одному барону Стедингу. Въ помощь ему былъ назначенъ второй полномочный, полковникъ Шельдебрандъ (Skjöldebrand), но ему въ тайнѣ было приказано наблюдать за дѣйствіями его товарища, а не быть только его сотрудникомъ. Барона Стединга подозрѣвали въ излишней при-

вязанности къ Россіи и въ неумѣстной уже преданности къ бывшему королю Густаву—однимъ словомъ сочли нужнымъ принять мѣры предосторожности противъ этого государственнаго мужа, всегда честнаго и всегда вѣрнаго своему долгу.

Г. Энгстремъ замѣнилъ г. Лагербьельке въ Шведскомъ кабинетѣ. Отъ 9 Іюня н. ст. 1809 г. онъ увѣдомилъ графа Румянцева, что Швеція принимаетъ три условія, на которыхъ настаивало наше правительство. Рѣшившись прямодушно исполнять наши требованія, Швеція могла заключить миръ въ теченіе двухъ сутокъ, такъ что даже не было нужды договариваться о перемиріи; тѣмъ не менѣе миръ состоялся не такъ скоро, какъ того можно было ожидать.

Мѣстомъ для переговоровъ избранъ былъ городъ Фридрихсгамъ. Съ нашей стороны были назначены полномочными графъ Румянцевъ и г. Алопеусъ, съ ними были дипломатическіе чиновники: статскій совѣтникъ Шулеповъ, надворный совѣтникъ Пизани, переводчикъ Шписъ и актуаріусъ Бяцовъ.

Съ Шведскими полномочными пріѣхали: секретарь миссіи Гохшильдъ, адъютанты Бломъ и Тортонваль, и полковникъ баронъ Адлеркрейцъ.

Полномочные со стороны Швеціи прибыли въ Фридрихсгамъ 2 Августа ст. стиля около трехъ часовъ пополудни.

Первая конференція состоялась на слѣдующій день; въ ней участвовали только графъ Румянцевъ и баронъ Стедингъ — и судя по происходившимъ въ этотъ день переговорамъ, нельзя было надѣяться скораго окончанія распри между обоими сѣверными государствами.

Засѣданіе началось чтеніемъ текста трехъ условій, которыя должны были служить основаніемъ мира. Шведскій полномочный сказалъ, что для его отечества слишкомъ было бы тяжело, потерявъ всю Финляндію, отказаться и отъ Аландскихъ островов, и что хотя Швеція и рѣшилась на величайшія пожертвованія, тѣмъ не менѣе она никогда не согласится на уступку этихъ острововъ Въ отвѣтъ на эти возраженія графъ Румянцевъ предложилъ разсуждать по очереди о трехъ существенныхъ условіяхъ мира. Онъ обратился къ Шведскому полномочному съ вопросомъ, рѣшилось ли Шведское правительство заключить миръ какъ съ Россіею, такъ и съ Франціею и Даніею. Отвѣтъ былъ утвердительный. «Согласна ли Швеція приступить къ континен-«тальной системѣ?» «Мы еще до этого не дошли», отвѣчалъ г. Стедингъ. «Мы желаемъ только одного, остаться нейтральными, намъ было бы за-«труднительно приступить къ системѣ, которая не только поссоритъ насъ съ «Англіею, но и лишитъ насъ соли и колоніальныхъ произведеній, получаемыхъ «Швеціею черезъ посредство Англіи».

Графъ Румянцевъ объяснилъ тогда, что Швеція не могла отказаться отъ принятія континентальной системы, не подвергая себя опасностямъ новой войны, потому что если бы Россія изъ желанія мира и отказалась бы отъ этого требованія, тѣмъ не менѣе ея союзники, для которыхъ повсемѣстное распространеніе этой системы было необходимо, *побудили бы ее снова приступить къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Швеціи.*

Мы не должны скрывать отъ нашихъ соотечественниковъ правды, какъ бы она не была для насъ горька. Мы должны сознаться, что и Россія была въ то время подъ тяжелымъ гнетомъ Наполеоновской политики. До какой степени мы были тогда подъ вліяніемъ повелителя Франціи усматривается изъ вышеприведенныхъ словъ графа Румянцева, тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ. Покореніе Финляндіи, вмѣшательство во внутреннія дѣла Швеціи, стѣснительныя условія, которыя мы ей предписывали не были слѣдствіемъ произвола съ нашей стороны; отъ насъ того требовалъ Наполеонъ, съ которымъ наше правительство было въ тѣсномъ, но не добровольномъ союзѣ.

Баронъ Стедингъ понималъ, что Россіи нельзя было дѣйствовать иначе, что Швеція была поставлена въ необходимость покориться судьбѣ и принять условіе нами предлагаемое, но довольно многочисленная партія думала иначе и не хотѣла уступать Аландскихъ острововъ. Въ главѣ ея были генералъ Адлерспарре и министръ иностранныхъ дѣлъ Энгстремъ.

Генералъ Адлерспарре былъ первымъ виновникомъ возстанія арміи, которое низвергло Густава Четвертаго. Исполненный честолюбія, страстно желавшій играть блестящую роль, упоенный успѣхомъ своего предпріятія Адлерспарре при каждомъ случаѣ высказывалъ свою ненависть къ Россіи. Онъ старался въ частной жизни обнаруживать невѣжливость къ г. Алопеусу во время послѣдняго его пребыванія въ Стокгольмѣ. Три раза онъ былъ приглашенъ обѣдать съ нашимъ дипломатомъ, и каждый разъ отклонялъ это приглашеніе. Однажды онъ пріѣхалъ къ генералу Клингспору; узнавъ что у него былъ въ то время г. Алопеусъ, онъ вызвалъ генерала въ другую комнату и не захотѣлъ быть вмѣстѣ съ нашимъ дипломатомъ, съ которымъ прежде онъ былъ знакомъ (*Депеша Алопеуса отъ 25 Апрѣля 1809 г. № 8*). Отъ всѣхъ этихъ выходокъ дѣла Швеціи не поправились, но Адлерспарре пріобрѣлъ нѣкотораго рода популярность и только этого онъ добивался.

Г. Энгстремъ по должности которую онъ занималъ имѣлъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ Адлерспарре. Онъ издавна извѣстенъ былъ по непріязненнымъ своимъ чувствамъ къ Россіи. Во время войны между Россіею и Швеціею при Екатеринѣ Второй, онъ былъ Шведскимъ посланникомъ въ Варшавѣ и до того увлекся враждою своею къ намъ, что Густавъ Третій

сказалъ однажды при всѣхъ: «Я заключилъ миръ съ Россіею, но мой ми-«нистръ въ Варшавѣ не хочетъ того знать и продолжаетъ воевать». Его преданность къ Франціи была безусловна, онъ по очереди восхищался правленіемъ Лудовика XVI, терроризмомъ и директоріею; въ послѣднее время онъ былъ поклонникомъ Наполеона. Это слѣпое пристрастіе, не знавшее границъ, было причиною, что его отозвали въ 1795 г. изъ Лондона, гдѣ онъ былъ посланникомъ; Вѣнскій дворъ, при которомъ его хотѣли опредѣлить представителемъ Швеціи, въ свою очередь отклонилъ это назначеніе по тому же поводу. Его жена, уроженная Хлановская, была восторженною Полькою, оба его брата были замѣшаны въ судебное слѣдствіе по заговору, прекратившему жизнь Густава Третьяго въ то самое время, когда король съ такимъ увлеченіемъ готовился приступить къ союзу противу Франціи. Полагали, что самъ г. Энгстремъ не былъ чуждъ этимъ преступнымъ крамоламъ.

Въ числѣ тѣхъ, которые были наиболѣе убѣждены въ необходимости скораго мира съ Россіею, былъ генералъ Адлеркрейцъ. Онъ былъ героемъ Финляндской войны и въ день низложенія Густава Четвертаго игралъ рѣшительную роль. Онъ могъ бы сдѣлаться главою какой либо партіи и затмить своего соперника Адлерспарре, но при всѣхъ своихъ дарованіяхъ онъ не былъ честолюбивъ. Всѣ козни, всѣ себялюбивыя искательства были противны его честному характеру, онъ думалъ только объ исполненіи своихъ обязанностей по званію дежурнаго генералъ-адъютанта. Однажды сказалъ онъ г. Алопеусу, что пока не будетъ заключенъ миръ, онъ считаетъ себя Шведомъ, но что потомъ онъ не отдѣлитъ себя отъ Финляндіи, къ которой онъ имѣлъ живую привязанность, если только у него не будутъ отняты помѣстья, которыя онъ тамъ имѣлъ. Такъ выражались и всѣ Финляндскіе офицеры, бывшіе тогда въ Стокгольмѣ.

Настойчивость графа Румянцева по вопросу объ Аландскихъ островахъ побудила барона Стединга просить, чтобы второй полномочный со стороны Швеціи, полковникъ Шельдебрандъ, былъ допущенъ къ совѣщанію. Баронъ Стедингъ хотѣлъ вѣроятно, чтобы его товарищъ былъ свидѣтелемъ его стараній удержать за Швеціею эти острова. Графъ Румянцевъ согласился, но съ того времени и г. Алопеусъ сталъ участвовать въ переговорахъ. Такимъ образомъ вмѣсто двухъ уполномоченныхъ вышли на сцену четыре, но затрудненія не прекратились, потому что г. Шельдебрандъ принадлежалъ не къ той миролюбивой партіи, въ главѣ которой былъ баронъ Стедингъ. Впрочемъ второй Шведскій полномочный былъ уменъ, разсудителенъ, имѣлъ прекрасное свѣтское образованіе, и по крайней мѣрѣ по наружности желалъ скорѣйшаго заключенія мира.

Шведскіе полномочные отстаивали какъ могли Аландскій архипелагъ.

Сначала они утверждали, что Аландскіе острова никогда не принадлежали къ Финляндіи; имъ отвѣчали, что острова о которыхъ шла рѣчь были намъ необходимы, что они уже были нами заняты, и что мы ихъ не отдадимъ. «Аландскіе острова», говорилъ баронъ Стедингъ, «это караульня Стокгольма, «сигнальный постъ Шведской столицы, если уступить ихъ Россіи, то Сток-«гольмскіе жители ни одной ночи не уснутъ спокойно, опасаясь внезапнаго «нападенія оттуда». «Уступать Финляндію безъ Аландскихъ острововъ», отвѣчалъ графъ Румянцевъ, «это значитъ отдать сундукъ и оставить у себя «отъ него ключи».

Гг. Стедингъ и Шельдебрандъ ходатайствовали, чтобы мы по крайней мѣрѣ обѣщали не строить тамъ укрѣпленій и не дѣлать складовъ военныхъ принадлежностей. Тогда графъ Румянцевъ объявилъ имъ положительно, что Государь Императоръ требуетъ безусловной уступки этихъ острововъ.

Оставалось опредѣлить сухопутную межу Финляндіи. Мы хотѣли, чтобы пограничная черта шла по руслу рѣки Каликса, — Шведы предлагали, чтобы рѣка Кеми была границею между обоими государствами. Баронъ Стедингъ обратился къ великодушію Государя, который, какъ онъ надѣялся, не захочетъ воспользоваться беззащитнымъ положеніемъ Швеціи и довести ее до отчаянія; этой уступки онъ просилъ не вслѣдствіе какого-либо права, но какъ знакъ милостиваго участія Императора Александра.

Никто не обращался вотще къ чувствамъ Государя. Въ отвѣтъ на это ходатайство графъ Румянцевъ 29 Августа ст. стиля объявилъ Шведскимъ полномочнымъ, что Государь соизволяетъ на проведеніе пограничной черты по руслу рѣки Торнео вмѣсто Каликса, съ тѣмъ, чтобы это снисхожденіе было принято какъ доказательство желанія Государя оказать услугу Швеціи, и подъ непосредственнымъ условіемъ скораго заключенія мира. Наконецъ 4 Сентября ст. стиля 1809 года графъ Румянцевъ объявилъ Шведскимъ полномочнымъ волю Государя касательно пунктовъ, остававшихся еще неопредѣленными. Его Величество собственноручно начерталъ на картѣ Швеціи, изданной Гермелиномъ, пограничную черту между обоими государствами и обозначилъ мѣстности, черезъ которыя эта линія должна была проходить. Оба полномочные приняли съ благодарностію черту, указанную Государемъ, за пограничный рубежъ и вопросъ этотъ такимъ образомъ былъ рѣшенъ окончательно.

Мы видѣли выше, что первое изъ условій, нашимъ дворомъ назначенныхъ, касалось до мира между Швеціею съ одной стороны, Франціею и Даніею съ другой. Казалось, принять это условіе было не трудно для Швеціи, но на дѣлѣ выходило иначе—согласіе на это требованіе было для Швеціи равносильно съ принятіемъ континентальной системы, столь тягостной для

государствъ, которыя принуждены были къ ней приступить. Впрочемъ эта система была уже давно введена отчасти въ Швеціи, такъ какъ тамъ существовало запрещеніе ввозить какія бы то ни было произведенія Англійскихъ мануфактуръ и по словамъ г. Стединга, чтобы исполнить требованія Россіи по этому пункту, Швеціи только слѣдовало отказаться отъ нѣкоторыхъ необходимыхъ для ея жителей предметовъ потребленія, которые она должна была получать изъ за границы. Тогда графъ Румянцевъ предложилъ помѣстить въ трактатѣ особую статью, по которой Швеція, усвоивая начала, принятыя касательно морской торговли съ Европейскими государствами, обязывалась войти въ соглашеніе съ Франціею и Даніею о ввозѣ предметовъ, безъ которыхъ она не могла обойтись. Въ продолженіи переговоровъ графъ Румянцевъ сказалъ, что союзъ съ Франціею былъ выгоденъ для насъ, и что Россія твердо и непреложно будетъ держаться этого союза.

Наполеонъ съ своей стороны въ это время показывалъ видъ, что онъ дорожитъ дружбою Императора Александра. Когда Шведское правительство изъявило готовность вести въ Парижѣ переговоры о мирѣ, то онъ отклонилъ это предложеніе и объявилъ, что тогда только помирится съ Швеціею, когда она удовлетворитъ требованіямъ Россіи.

Шведскіе полномочные должны были уступить по этому пункту, которымъ ограждались только выгоды Франціи, а не наши. Прочіе предметы не возбуждали особенныхъ возраженій, разныя статьи договора излагались письменно по обоюдному соглашенію, и мирный трактатъ между Россіею и Швеціею былъ подписанъ въ Фридрихсгамѣ 5 Сентября ст. стиля 1809 г. въ день тезоименитства Императрицы Елисаветы.

Наконецъ былъ положенъ конецъ войнѣ между Швеціею и Россіею, столь гибельной для первой. Распря Швеціи съ Даніею и Франціею была готова прекратиться и въ исполненіе положительнаго условія по этому предмету, помѣщеннаго въ договорѣ съ Россіею, Стокгольмскій дворъ уже приступилъ къ сношеніямъ съ тѣми дворами, до которыхъ эта статья касалась.

Договоръ, даровавшій намъ Финляндію, былъ подписанъ съ нашей стороны графомъ Румянцевымъ и г. Алопеусомъ, со стороны Швеціи барономъ Стедингомъ и Шельдебрандомъ. Главный нашъ уполномоченный, въ награду за этотъ миръ, былъ возведенъ въ званіе канцлера.

Такимъ образомъ Россія, слѣдуя новой политикѣ своей, дала Наполеону залогъ въ точномъ исполненіи предначертаній условленныхъ съ нимъ въ Тильзитѣ, лишила Англію послѣдняго ея союзника въ Европѣ, и облегчивъ Франціи содѣйствіе державы имѣвшей довольно значительный флотъ, нанесла

сильный вредъ Великобританской торговлѣ. Снова весь сѣверъ былъ поставленъ въ враждебныя отношенія къ Англіи, но союзъ этотъ не былъ уже для нея опасенъ — державы, его заключившія, не имѣли убѣжденія въ его необходимости и онъ существовалъ только для виду. Англія это знала и не приняла противъ него никакихъ мѣръ — все вниманіе свое она обратила на Пиренейскій полуостровъ, въ которомъ болѣе и болѣе развивалось народное возстаніе противу Французскаго владычества.

Государь не замедлилъ посѣтить свое новое пріобрѣтеніе. Всѣхъ плѣнило его великодушіе, его милостивое снисхожденіе къ жителямъ края. Въ послѣдствіи, когда Россіи грозила бѣда, небывалая со временъ Татаръ, жители Финляндіи доказали, что они понимали разницу между своенравнымъ Густавомъ и милосердымъ Александромъ — никто не думалъ о возстановленіи прежнихъ связей съ Швеціею. Увѣренные въ чувствахъ Финляндцевъ, мы могли направить всѣ силы наши противу Наполеона.

Въ послѣдней войнѣ съ Швеціей Россія возстановила славу своего оружія, помраченную неудачами въ борьбѣ съ Франціей — переходъ черезъ Ботническій заливъ, побѣды одержанныя по близости сѣвернаго полюса, возбудили воинскій духъ въ нашихъ войскахъ, а въ ихъ полководцахъ увѣренность въ самихъ себѣ. Обширная провинція вошла въ составъ имперіи; столица наша получила съ сѣвера оплотъ, котораго ей не доставало; половина Балтійскаго прибрежья была въ нашихъ рукахъ—трудъ, начатый Петромъ Великимъ, былъ довершенъ Императоромъ Александромъ.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ДѢЛУ НОВИКОВА.

(Сообщены **А. Н. Поповымъ.**)

Дѣятельность Новикова и его товарищей, составляетъ въ исторіи нашего просвѣщенія и нашей литературы одно изъ замѣчательныхъ явленій, которое однако же до настоящаго времени не было ни изслѣдовано, ни оцѣнено надлежащимъ образомъ. Недавно начали появляться въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ замѣтки и указанія, нѣкоторые документы и разсказы о немъ и его дѣйстіяхъ, возбудившіе общее вниманіе. Значительное собраніе очень важныхъ документовъ, извлеченныхъ г. Иловайскимъ изъ подлиннаго дѣла о слѣдствіи надъ Новиковымъ и его товарищами, произведенномъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Прозоровскимъ, было издано г. Тихонравовымъ и много объяснило это дѣло *. Сочиненіе нашего извѣстнаго библіографа М. Н. Лонгинова: «Новиковъ и московскіе мартинисты», изданное въ 1867 г. представляетъ полный итогъ свѣдѣній, какія имѣются въ настоящее время о Новиковѣ и его дѣятельности, о слѣдствіи и приговорѣ надъ нимъ и его сотрудниками, произведенномъ въ 1792 — 95 годахъ царствованія Императрицы Екатерины II. Пользуясь документами, собранными г. Иловайскимъ, онъ дополнилъ ихъ еще новыми и важными. Не одна однако же важность, впервые обнародованныхъ г. Лонгиновымъ документовъ, но и самыя его изслѣдованія заслуживаютъ вниманія и благодарности. Мы не говоримъ, конечно, о тѣхъ главахъ, въ которыхъ изложена исторія масонскихъ орденовъ и ихъ ученій. Впрочемъ, не критическій разборъ сочиненія г. Лонгинова мы хотимъ представить на судъ читателей; но обнародовать новые документы, которые не были ему извѣстны, и тѣмъ оказать посильное пособіе общему дѣлу изслѣдованія любопытнаго и важнаго явленія и самому

* Лѣтописи Русской Литературы и Древн., т. V, отд. II, стр. 1 — 100.

г. Лонгинову дать возможность къ дальнѣйшему дополненію и усовершенствованію, уважаемаго нами, его труда.

Издаваемые документы принадлежатъ князю П. А. Вяземскому, который сообщилъ ихъ намъ для разсмотрѣнія и дозволилъ потомъ обнародовать. Они были получены имъ отъ П. Ст. Молчанова, бывшаго статсъ-секретаремъ въ коммиссіи прошеній. При общемъ взглядѣ на эти документы, въ соотношеніи съ тѣми, которые были обнародованы гг. Тихонравовымъ и Лонгиновымъ, оказывается, что изданные въ «Лѣтописи Русской литературы и древности» принадлежали къ составу дѣла о Новиковѣ и его товарищахъ, производившагося въ Москвѣ; изданныя г. Лонгиновымъ, вѣроятно, принадлежали къ архиву князя Прозоровскаго, которому конечно нѣкоторыя бумаги, относившіяся къ этому дѣлу сообщалъ и Шешковскій, какъ напримѣръ отвѣты Новикова на вопросные пункты, предложенные ему въ Шлюссельбургѣ. Документы, печатаемые нами въ настоящее время, должны принадлежать къ архиву самого, пресловутаго Ст. Ив. Шешковскаго. Уже одно это обстоятельство придаетъ имъ особенно важное значеніе, которое доказывается и ихъ содержаніемъ.

Всѣ эти документы могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе четыре разряда:

1. Относящіеся до слѣдствія о мартинистахъ, производившагося въ Москвѣ княземъ Прозоровскимъ, состоятъ изъ сшитой тетради съ особымъ заголовкомъ: «Перепиorigska князя Прозоровскаго съ тайнымъ совѣтникомъ Шешковскимъ по матеріи Новикова 1792 г.». Въ этой тетради находится 13 писемъ князя Прозоровскаго къ Шешковскому съ 4 Мая и по 30 Августа 1792 года, изъ которыхъ 10 собственноручныхъ и три, писанныя писарскою рукою того времени, и только подписанныя княземъ (Мая 4 и 5 и Августа 24), три отпуска съ писемъ Шешковскаго, отъ 28 Апрѣля и 1 Мая, изъ которыхъ впрочемъ два, отъ 1 Мая, одинаковы слово въ слово. Письма князя Прозоровскаго служатъ дополненіемъ и объясненіемъ тѣхъ донесеній, которыя онъ посылалъ Императрицѣ *. Узнавъ что производство этого дѣла въ Петербургѣ, она поручила Шешковскому, онъ постоянно писалъ къ нему письма, извѣщая о своихъ донесеніяхъ, или непосредственно посылаемыхъ къ Императрицѣ, или поручая ему представлять ей самыя донесенія, дополняя ихъ различными соображеніями и замѣчаніями. Въ этихъ письмахъ выражается тотъ же преувеличенный и ложный взглядъ на грозящую будто бы опасность Россіи отъ масонскихъ ложъ, какъ и въ донесеніяхъ Императрицѣ и такъ вѣрно представлен-

* Лѣтописи Русск. Литер. и Древн., т. V, отд. 2, стр. 11 и слѣд.

ный Лопухинымъ, въ его *запискахъ*. Испуганному революціею во Франціи и, можетъ быть, кое-какими свѣдѣніями о судьбѣ *иллюминатовъ* въ Баваріи, воображенію князя Прозоровскаго масонскія ложи представлялись не только вредными, по нелѣпости ученій, тайными обществами, но революціонными, якобинскими клубами, проповѣдовавшими анархію, въ образѣ понятія о равенствѣ людей и республики. Конечно тотъ же взглядъ онъ выражалъ и въ донесеніяхъ къ Императрицѣ, но съ нѣкоторою сдержанностію, какъ представитель власти, облекаясь, такъ сказать, въ мундиръ, между тѣмъ какъ тотъ же взглядъ въ частныхъ письмахъ къ Шешковскому, высказываясь съ большею откровенностію, ярче рисуетъ образъ одного изъ представителей администраціи того времени.

2. Бумаги, относящіяся къ слѣдствію о Новиковѣ, произведенному самимъ Шешковскимъ, состоятъ изъ:

а) вопросныхъ пунктовъ, которые были предложены имъ Новикову въ Шлюссельбургѣ (57 п.),

б) отвѣтовъ на нихъ Новикова и

в) возраженій на эти отвѣты, вѣроятно самого слѣдователя.

Вопросные пункты Новикову и возраженія на его отвѣты до сихъ поръ не были извѣстны. Находя *несообразности* и *противорѣчія* между отвѣтами Новикова и обвинительнымъ приговоромъ, г. Лонгиновъ замѣчаетъ: «такъ какъ вопросные пункты извѣстны намъ только по отвѣтамъ Новикова, то можетъ быть послѣдніе могли бы почесться не совсѣмъ удовлетворительными и до извѣстной степени не соотвѣтствующими первымъ» *. Дѣйствительно, настоящее значеніе отвѣтовъ Новикова только и можетъ быть опредѣлено ихъ сличеніемъ съ вопросными пунктами и возраженіями Шешковскаго. Наша рукопись отвѣтовъ Новикова, съ незначительными только измѣненіями **, совершенно сходна съ тою, которую издалъ г. Лонгиновъ, и потому не представляется нужды вновь ее перепечатывать. Обѣ онѣ составляютъ списки съ одного подлинника, въ которомъ представленъ сводъ различныхъ отвѣтовъ Новикова. Шешковскій допрашивалъ его по нѣскольку разъ, по нѣкоторымъ по крайней мѣрѣ вопросамъ, и заставлялъ письменно дополнять, первоначально составленные имъ отвѣты. Эти вторичные отвѣты и включены

* Новиковъ и Москов. мартинисты, стр. 325 и 337.

** Всѣ измѣненія заключаются лишь въ томъ, что нѣкоторые, немногіе пункты расположены въ ней не въ томъ порядкѣ, какъ въ нашей рукописи и встрѣчаются ошибки такого рода: п. 27 (стр. 103) — прибыль, въ нашей рукописи — *прибытокъ*; п. 49 (стр. 109) — на Сардоса, въ нашей рук. — на *Сацердоса*; п. 54 (стр. 110)—книга о народной радости, въ нашей рук.—о народной *гордости* и т. п.

въ нашей рукописи въ видѣ дополненій къ первымъ, по пунктамъ. Но издаваемые вопросы Шешковскаго не первоначальные, но вторые, передѣланные сообразно отвѣтамъ Новикова изъ первоначальныхъ, однакоже, вопросовъ, какъ показываетъ ихъ содержаніе.

Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ Шешковскимъ Новикову подъ № 21, встрѣчаемъ слѣдующій: «взятая въ письмахъ твоихъ бумага, которая тебѣ показывана, чьею рукою писана и на какой конецъ сохранилась у тебя?» Въ изданной г. Лонгиновымъ рукописи отвѣта на этотъ вопросъ не находится, а за 20 пунктомъ непосредственно слѣдуетъ 22. По этому поводу издатель замѣчаетъ: «пункта 21 въ рукописи нѣтъ, можетъ быть этотъ нумеръ пропущенъ только по *ошибкѣ* въ нумераціи»*. Но въ возраженіяхъ Шешковскаго на отвѣты Новикова, подъ этимъ нумеромъ говорится: «какъ онъ по сему 21 пункту, вопрошаемъ былъ двоекратно, по причинѣ несогласнаго съ существомъ самого дѣла показанія, какъ о семъ значитъ *особая* при семъ записка; въ семъ пунктѣ онъ самъ признаетъ себя преступникомъ». Въ нашей рукописи Новиковскихъ показаній точно такъ же нѣтъ отвѣта на 21 пунктъ; но въ числѣ бумагъ находится отдѣльная тетрадка, состоящая изъ двухъ отвѣтовъ Новикова на этотъ пунктъ, написанныхъ имъ при двухъ допросахъ. Сверхъ того, вѣроятно при вторичномъ допросѣ, къ первоначальному вопросу 21 еще присоединенъ новый, подъ № 22, совершенно иной въ сравненіи съ тѣмъ, который находится, какъ въ нашей рукописи всѣхъ отвѣтовъ Новикова, такъ и въ изданной г. Лонгиновымъ. Въ тетрадкѣ, о которой идетъ рѣчь, находится и отвѣтъ на этотъ новый 22 вопросъ, помѣщенный въ слѣдъ за двумя отвѣтами на 21 пунктъ. По нѣкоторымъ первоначальнымъ отвѣтамъ Новикова на вопросные пункты, ему дѣлались въ послѣдствіи передопросы и, вновь написанные имъ отвѣты, присоединены въ видѣ дополненій къ первоначальнымъ. Почему же этотъ пунктъ былъ изъятъ Шешковскимъ изъ числа всѣхъ другихъ и отдѣльно представленъ Императрицѣ?

Познакомившись съ содержаніемъ этого пункта, легко понять, что не случайно онъ былъ отдѣленъ отъ всѣхъ другихъ. Въ немъ рѣчь идетъ о сношеніяхъ Новикова съ Цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ, чрезъ посредство извѣстнаго архитектора Бажанова, вступившаго такъ же въ Московскую масонскую ложу. Очевидно, что именно этому обстоятельству во всемъ этомъ дѣлѣ, Императрица могла придавать особенно важное значеніе и потому, понимавшій ея взглядъ, ловкій слѣдователь, отдѣлилъ его отъ всѣхъ другихъ. Мы полагаемъ даже, что сообщая въ послѣдствіи отвѣты Новикова

* Новиковъ и Моск. мартин. Прилож., стр. 0100.

князю Прозоровскому, — вѣроятно когда поручалось ему допросить Тургенева, Лопухина и князя Трубецкаго, — Шешковскій не сообщалъ ему именно отвѣтовъ на 21 пунктъ. По этому онъ и не оказался въ бумагахъ, найденныхъ въ Москвѣ гг. Иловайскимъ и Лонгиновымъ.

3. Бумаги, относящіяся къ доктору Багрянскому, Невзорову и Колокольникову, состоящія изъ:

а) вопросныхъ пунктовъ Невзорову;

б) докладной записки Императрицѣ о поведеніи Невзорова въ Петербургѣ съ надписью: «всеподданнѣйше докладована 29 Авг. 792 г.»;

в) автобіографіи доктора Багрянскаго, безъ подписи его имени;

г) записки, собственноручно писанной Колокольниковымъ и съ его подписью, подъ заглавіемъ: «Исторія жизни и дѣлъ моихъ», и

д) имъ же собственноручно писанныхъ отвѣтовъ на вопросные пункты, предложенные ему при слѣдствіи.

До настоящаго времени были извѣстны весьма немногія свѣдѣнія объ этихъ лицахъ изъ показаній при допросахъ Новикова и его товарищей, изъ записокъ Лопухина и краткаго разсказа самаго Невзорова. Этими только недостаточными свѣдѣніями и могъ воспользоваться г. Лонгиновъ и потому, на ихъ основаніи, пришелъ къ заключеніямъ совершенно невѣрнымъ *. Онъ говоритъ, что Невзорову въ *видѣ милости предложили благовидную ссылку*, а именно опредѣленіе на службу врачемъ въ Сибири, что онъ отказался отъ такого предложенія подъ *предлогомъ* болѣзни и долженъ былъ оставаться въ больницѣ, которая была — *домъ умалишенныхъ* и что такое *добровольное*, но *необходимое* для спасенія отъ поѣздки въ Сибирь, заточеніе, сильно на него подѣйствовало. Нельзя предполагать, чтобы Императрица, которая ограничилась простыми мѣрами предосторожности въ отношеніи къ главнымъ сообщникамъ Новикова, отмѣнившая даже и это распоряженіе въ отношеніи къ Лопухину, которая не привлекла къ слѣдствію, вопреки совѣтамъ усердныхъ слугъ, какъ князь Прозоровскій, никого изъ многочисленныхъ членовъ масонскихъ ложъ, захотѣла бы подвергнуть наказанію бѣдныхъ студентовъ, усердно занимавшихся наукою въ Европейскихъ университетахъ и не обличенныхъ ни въ какомъ преступленіи. Издаваемые документы показываютъ, что Колокольникову и Невзорову, имѣвшимъ степени докторовъ медицины иностранныхъ университетовъ, дѣйствительно были предлагаемы должности врачей, но о Сибири въ нихъ нѣтъ и рѣчи, что Невзоровъ дѣйствительно находился въ

---

* Библіогр. записки. Моск. 1858 г., стр. 651; записки Лопухина, стр. 54; Лонгинова, Новиковъ и пр., стр. 355 и слѣд.

болѣзненномъ состояніи, весьма близкомъ къ помѣшательству, постигшему его еще за границею и потому помѣщеніе его въ домъ умалишенныхъ не было наказаніемъ, *заточеніемъ*; а дѣломъ человѣколюбія.

Издаваемыя показанія Колокольникова и Багрянскаго любопытны въ томъ отношеніи, что это до сихъ поръ единственные источники, изъ которыхъ можно почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни этихъ лицъ, замѣчательныхъ, впрочемъ, только потому, что и они были привлечены къ слѣдствію о Новиковѣ и о масонскихъ ложахъ.

4. Разныя, отдѣльныя бумаги, относящіяся вообще къ дѣлу о Новиковѣ, а именно:

а) списки съ двухъ рескриптовъ Императрицы Екатерины II на имя князя Прозоровскаго, 19 Августа и генералъ-поручика Черткова, 31 Августа 1792 г. Оба эти рескрипта изданы г. Лонгиновымъ *;

б) четыре рескрипта Императора Павла Петровича, 1796 и 98 годовъ, объ освобожденіи Новикова и его сообщниковъ и указъ Сенату, 1796 г., о пожалованіи бригадиру Тургеневу чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, не помѣщенные въ Полномъ Собраніи Законовъ;

в) три списка членовъ русскихъ масонскихъ ложъ;

г) копіи съ ордеровъ, данныхъ княземъ Прозоровскимъ майору князю Жевахову. Одинъ изъ нихъ напечатанъ г. Тихонравовымъ **.

д) Нѣсколько отрывочныхъ черновыхъ замѣтокъ, писанныхъ, кажется, въ видѣ матеріаловъ для докладовъ по дѣлу Новикова и опись, отобранныхъ у него бумагъ ***;

е) записка собственноручная Императрицы Екатерины о долгахъ Новикова; записка подъ заглавіемъ: «показанія Новикова», составленная уже при Императорѣ Александрѣ; листокъ съ надписью: «о свиданіи и разговорѣ священника Орловскаго съ содержащимся въ домѣ сумасшедшихъ студентомъ Невзоровымъ. Докладованъ 9 Апрѣля 1798 г.» Но самой записки объ этомъ свиданіи въ бумагахъ не нашлось, и выписка изъ указа Императрицы, даннаго на имя кн. Прозоровскаго, 1 Мая 1792 г., на которой противъ словъ: и сего ради повелѣваемъ онаго Новикова, на основаніи нашего учреж-

---

* Новиковъ и пр. Прилож. №№ 33 и 35.

** Лѣтописи Русск. Литер. и Древн., т. V, отд. 2, № 11, стр. 38—40. Въ этомъ изданіи не разобрано одно слово подлинника и обозначено точками; въ нашемъ спискѣ оно читается ясно: «4-я отъ Тихвина до Шлюссельбурга, то вы *объявляйте* одну до...» и такъ далѣе.

*** Сходна слово въ слово съ напечатанною у Лонгинова, Новиковъ и пр. Прилож. № 44, но безъ вступленія.

денія, *предать законному сужденію*, *избравъ надежныхъ вамъ людей*.... сдѣлана слѣдующая отмѣтка рукою кн. Прозоровскаго: «прошу объяснить мнѣ сіи подчеркнутыя слова, судить по законамъ, надо послать его въ уѣздный судъ; то что значитъ избрать надежныхъ людей? Я опасаюсь чтобъ въ чемъ не ошибитца».

Изъ этого разряда издаваемыхъ документовъ нельзя не обратить вниманія на собственноручную записку Императрицы Екатерины, написанную Шешковскому, какъ можно предполагать по ея содержанію. *Письмо*, по поводу котораго она написана, не находится въ нашихъ бумагахъ. Въ числѣ вопросныхъ пунктовъ, предложенныхъ Шешковскимъ Новикову, находится слѣдующій: «о скоромъ обогащеніи къ кому писалъ Трубецкой и о комъ?» Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Новиковъ писалъ: «о скоромъ обогащеніи князь Трубецкой писалъ однажды ко мнѣ и обо мнѣ и сіе было еще до составленія типографической компаніи. Произошло же сіе по неудовольствіямъ на меня барона Шредера. Но о семъ ли письмѣ здѣсь упоминается — не знаю, но другаго, кромѣ сего подобнаго не помню». Въ замѣчаніяхъ Шешковскаго на отвѣты Новикова, подъ этимъ пунктомъ (48) говорится: «довольно видно, что Новиковъ и товарищами своими въ корыстолюбіи былъ замѣченъ». Вѣроятно это именно письмо князя Трубецкаго и подало поводъ Императрицѣ написать указанную нами записку, которая въ свой чередъ, въ связи съ другими обстоятельствами, объясняетъ ея взглядъ на личность Новикова и заставляетъ догадываться почему одинъ только Новиковъ, изъ всѣхъ масоновъ, подвергся строгому наказанію.

Издавая эти документы, безъ сомнѣнія значительно дополняющіе наши свѣдѣнія объ этомъ любопытномъ явленіи въ исторіи нашего просвѣщенія и объясняющіе болѣе и болѣе дѣло о масонскихъ ложахъ въ Россіи, мы, однако же, не думаемъ, чтобы этимъ изданіемъ исчерпывались всѣ источники, необходимые для того, чтобы историкъ могъ считать дѣло собранія матеріаловъ оконченнымъ и смѣло приступить, на ихъ основаніи, къ окончательнымъ заключеніямъ. Обнародованные гг. Тихонравовымъ, Лонгиновымъ и нами документы составляютъ только отдѣльныя части одного дѣла, расшедшіяся по рукамъ исполнителей; но которое сосредоточивалось въ кабинетѣ Императрицы Екатерины, принимавшей въ немъ непосредственное участіе. Только обнародованіе этихъ бумагъ окончитъ трудъ изданія матеріаловъ и окажетъ послѣднюю и важную услугу Русской исторіи.

I.

Переписка князя Прозоровскаго съ Шешковскимъ въ 1792 г.

Секретно.

М. Г. мой Степанъ Ивановичъ.

Прошедшаго Апрѣля, отъ 28, письмо Вашего превосходительства получить честь имѣлъ, съ приложеніемъ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа, по которому исполненіе учинить поспѣшу. Относительно Новикова, то вамъ уже теперь извѣстно, что онъ подъ карауломъ. Жду отъ Ея Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія и сердечно желаю, чтобъ вы ко мнѣ пріѣхали, а одинъ съ нимъ не слажу. Экова плута тонкаго мало я видалъ. И такъ бы мы его допросили, у меня много матеріи, о чемъ его допрашивать; надо, м. г. мой, сему вреду сдѣлать конецъ. Это говоритъ мое усердіе къ Ея Императорскому Величеству и отечеству, увѣренъ что вы столько же усердный, какъ и я, и въ томъ вы увѣритесь, что я съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію есмь

М. Г. мой Вашего Пр — ва покорный
слуга, К. А. Прозоровскій.

Мая 4 дня
1792.
Москва.

М. Г. мой Ст. Ив.

По извѣстной вашему пр — ву сдѣшней матеріи, отправляю я съ симъ нарочнымъ всеподданнѣйшее мое къ Ея Величеству донесеніе и прошу васъ, м. г. мой, поднесть оное неумедлительно. Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію есмь

М. Г. мой Вашего Пр — ва покорный
слуга, К. А. Пр — й.

Москва
5 Мая
1792 г.

М. Г. Степанъ Ивановичъ.

Письмо Вашего превосходительства отъ 1 сего Мая, со вложеніемъ Высочайшаго указа, получить честь имѣлъ. Но изъ онаго, для объясненія сдѣсь взятыя въ копіи съ моеіі замѣткой пріобщаю, прошу васъ милостивый государь мой недоразумѣніе мое разрѣшить, а притомъ какъ вы со мной дружески говорите, то и я вамъ такимъ же языкомъ скажу: по слышанному не можетъ слѣдовать, гдѣ нѣтъ доказательствъ, да и многое слѣдовано Брюсомъ; у меня нѣтъ бумагъ, а у васъ быть должны. И все сіе рѣшено! Признателенъ искренно вамъ, м. г. моіі, за доброе ваше о мнѣ за-

ключеніе. Если не все, то мало уже чего вы не знаете, а все вѣдаете, какъ я все почти открылъ, для чего и пріостановился я исполненіемъ увидите изъ реляціи моей съ симъ отправленной. За тѣмъ любите меня и не оставляйте, дѣло нежное, такъ въ случаѣ остерегите, чѣмъ много одолжите истинно почитающаго васъ, есмь

М. Г. мой, Вашего Пр — ва вѣрный и покорный слуга, Кн. Прозоровскій.

1792 г.
Мая 6
Москва

М. Г. мой Ст. Ив.

Отъ 6 числа Вашего пр — ва письмо получить честь имѣлъ, о полученіи въ тайной экспедиціи 1000 рублей, вы подлинно угадали что Богъ помогъ открыть сіе зло. По послѣдней бумагѣ вы увидите, а и на сей почтѣ остаточекъ, теперь ожидаю рѣшенія на всѣ, а тогда должно все открыться и всему быть конецъ. Но желалъ бы, чтобъ вы, м. г. мой, ко мнѣ пожаловали, такъ бы скорѣй пошли дѣла, да и матерія сія этого стоитъ; а я бъ искренно за сіе благодарилъ Бога, а то вчера отъ васъ пріѣхалъ къ намъ въ Москву гость, лучшебъ подержать его нѣсколько тамъ. О послѣднемъ господинѣ молвите и Гр. Н. Ив., хотя не чаю я, чтобъ случилось сіе, они всѣ къ нему прибѣгутъ. По меньшей мѣрѣ свѣдуютъ, какъ вы о семъ трактуете, а за тѣмъ благодарю васъ за ваше доброе о мнѣ заключеніе. Продолжайте оное на удовольствіе истинно васъ почитающаго и съ тою преданностію какъ я есмь,

М. Г. мой Вашего Пр — ва покорный слуга, Кн. А. Прозоровскій.

1792 году
Мая 13 дня
Петровскій дворецъ.

М. Г. мой Ст. Ив.

Отъ 10 сего Мая письмо Вашего пр — ва получилъ исправно и за все въ немъ изъясненное приношу вамъ, м. г. мой, наисовершеннѣйшую благодарность и сердечно радъ, что вы мной довольны. Съ Тепловымъ такъ исполнено будетъ какъ вы пишете. Птицу Новикова къ вамъ отправилъ, правда, что не безъ труда вамъ будетъ съ нимъ, лукавъ до безконечности, безсовѣстенъ, и смѣлъ, и дерзокъ. Бумагъ къ Ея Величеству отправилъ часть и лучшую, для перваго вамъ приступу. Вы увидите, что они разнаго были вѣдомства чюжестранныхъ ложъ; то когда соединились и когда у нихъ ввелись розовые и золотые кресты—надо его спросить, а видно изъ словъ похвальныхъ Шварцу, что онъ это утвердилъ, видно по бумагамъ къ чему сіе кло-

шилось, къ благополучію людей т. е. равенству, что сами уже дознаетесь, только бумагъ достанется много вамъ почитать, чтобы выбрать матеріи о чемъ его спрашивать, а притомъ многихъ же и нѣтъ, какъ не видно продолжалась ли у нихъ переписка съ герцогомъ Брауншвейскимъ и съ другими ложами, а догадаться можно, что Кутузовъ для сего въ Берлинѣ и живетъ. Однакожъ для блага государства—слава Богу, слава Богу! Какіе я давалъ ордера майору князю Жевахову сдѣсь въ копіи найдете и все изъ нихъ увидите, только сего майора и команду его кстатѣ бъ чѣмъ наградить, онъ и одинъ капитанъ гусарскій все съ нимъ сидѣли, а теперь и повезли. А за тѣмъ увѣрьтесь, что я истиннымъ почитаніемъ и преданностію есмь и буду

М. Г. мой Вашего пр — ва
покорный слуга Кн. А. Пр.

PS. Замѣтить я вамъ долженъ злыхъ его товарищей:

Иванъ Лопухинъ.
Братъ его Петръ, простъ и не значитъ ничего, но фанатикъ.
Иванъ Тургеневъ.
Михаилъ Херасковъ.
Кутузовъ, въ Берлинѣ.
Кн. Николай Трубецкой, этотъ между ими великъ; но сей испугался и плачетъ.
Професоръ Чеботаревъ.
Братъ Новикова и лихъ и фанатикъ.
Кн. Юрья Трубецкой, глупъ и ничего не значитъ.
Поздеевъ.
Татищевъ, глупъ и фанатикъ.

Изъ духовнаго чину:

Священникъ Малиновскій многихъ, а особливо женщинъ, духовникъ; надо свѣдать отъ Новикова, кто еще есть изъ духовнаго чина, ихъ надо отдѣлить отъ духовнаго званія. Прошу ваше пр—во команду ко мнѣ не замедля возвратить.

PS. Между прочимъ увидите, что они давали пансіоны сензору, переводчику, что при газетахъ; а былъ у меня лоскутокъ, на которомъ назначено, что дано К., бывшему при тайной експедиціи 200 р.; но я по множеству бумагъ не знаю куда ее дѣвалъ, то не оставьте при слѣдствіи и о семъ вопросить.

1792 году
Мая 17 дня
Петровскій дворецъ.

М. Г. мой Ст. Ив.

Отъ 16 сего теченія письмо Вашего пр—ва получить честь имѣлъ, какъ за оное, такъ и за всё въ немъ, увѣдомляющее меня, приношу вамъ м. г. мой наисовершеннѣйшее благодареніе и майора съ командою ожидаю, искренно радъ, что они заслужили благоволеніе Ея Величества.

Но позвольте мнѣ дружески вамъ сказать: я не понимаю конца сего дѣла, какъ ближайшіе его сообщники, если онъ преступникъ, то и тѣ преступники! Но до нихъ видно дѣло не дошло. Надѣюсь на дружбу вашу, что вы недоумѣніе мое объясните мнѣ; желаю только того, чтобы за ними не было столь бдительнаго примѣчанія, какъ и безъ того, право, хлопотъ бываетъ много. А за тѣмъ желаю и вамъ добраго здоровья и всякаго блага, какъ почитающій васъ и съ тою преданностію какъ я есмь

М. Г. мой Вашего Пр—ва покорнѣйшій
и вѣрный слуга, Кн. А. Пр.

1792 году
Іюня 22
Петровскій дворецъ.

М. Г. мой Ст. Ив.

Майоръ Жеваховъ и съ командой явился ко мнѣ и ордеръ, данный отъ Вашего пр—ва мнѣ отдалъ, я ему объявилъ, какъ въ письмѣ ко мнѣ писать изволили, что имъ Ея Величество пожаловать изволила годовое жалованье. Онъ о семъ совсѣмъ не зналъ, да и я ни откуда повеленія не имѣю о выдачѣ ему онаго. То покорнѣйше прошу васъ, м. г. мой, увѣдомить меня откудова о семъ повелѣнья ожидать я долженъ; а болѣе сдѣлаете имъ милости, если въ томъ мѣстѣ, отъ котораго сіе зависитъ, сдѣлаете ваше къ тому движеніе, что и я приму отъ в. пр — ва съ благодарностію и пребуду навсегда съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію

М. Г. мой Вашего Пр — ва
покорный слуга, Кн. А. Пр.

1792 году
Іюля 26
Петровскій дворецъ.

Секретно.

М. Г. мой Ст. Ив.

Отъ 2 Августа письмо Вашего пр — ва получить честь имѣлъ, съ приложеніемъ при ономъ именнаго Ея Величества указа. За всѣ увѣдомленія въ ономъ приношу вамъ, м. г. мой, благодарность.

Завтра начну призывать къ себѣ двухъ т. е. начально Трубецкаго, по утру, а къ половинѣ дня позову Лопухина, дабы они не сообщались. Тургенева здѣсь нѣтъ, поѣхалъ въ Симбирскія деревни, о чемъ я и Ея Величе-

ству отъ Іюля 19 числа, всеподданнѣйше донесъ. Но сдѣлавъ допросъ Трубецкому, буду стараться свѣдать не увезъ ли онъ съ собою какихъ бумагъ и платья ихъ ордена. Я не могъ его удержать, такъ какъ не имѣлъ еще Высочайшаго объ немъ повелѣнія; но я пошлю надежнаго человѣка, который съ нимъ пріѣдетъ и бумаги, если есть, заберетъ. А притомъ это нужно будетъ иногда по сей матеріи. Къ объясненію моему не оставьте м. г. мой, съ нарочнымъ меня увѣдомить, чѣмъ много обяжете истинно почитающаго васъ и съ тою преданностію какъ я есмь

М. Г. мой Вашего Пр — ва
покорный слуга, Кн. А. Пр.

PS. Буду къ начальнику губерніи писать съ посланнымъ отъ меня за Тургеневымъ не распространяя матеріи, а только что онъ нуженъ и бумаги его, по Высочайшему Ея Величества именному указу.

Кн. А. Пр — й.

1792 году
Августа 9
Петровскій дворецъ.

Секретно.

М. Г. мой Ст. Ив.

Отправляю сего нарочнаго къ Ея Императорскому Величеству, повелѣно ему сперва явиться къ вашему пр—ву. Вы все увидите изъ донесенія моего Ея Величеству, таперь кажется зло сіе пресѣчется; ожидаю рѣшенія на домъ ихъ и запечатанія лавки въ городѣ. Въ разсужденіи дома ихъ находится у васъ и счетъ, чтобы его продать, но сомнѣваюсь, чтобы скоро нашелъ купца. Надо такъ же, м. г. мой, опеку опредѣлить надъ имѣніемъ и дѣтьми Новикова; ибо деревня ихъ 120 душъ въ общемъ владѣніи брата его. Да такъ же надо сказать, что сдѣлать съ женой Шварцевой и дѣтьми его; они живутъ въ домѣ ихъ и на ихъ содержаніи. Увидите два допроса въ разномъ видѣ, Трубецкой подлинно раскаялся то же и Лопухинъ, но послѣдній многописьменнъ и видно изъ него, что онъ реторикой своей хочетъ оправдаться и черное сдѣлать бѣлымъ. И такъ буду ожидать сего рѣшенія, а между тѣмъ и сдѣсь напомяну вамъ о нелицемѣрномъ моемъ къ вамъ почитаніи и преданности, какъ и есмь

М. Г. мой Вашего Пр — ва покорный
слуга, Кн. А. Пр — й.

1792 году
Августа 14 дня
Петровскій дворецъ.

Вѣрю, что вы замучились, я не много съ нимъ имѣлъ дѣло, да по полету уже примѣтилъ какова сія птичка, какъ о томъ и Ея Величеству донесъ; да

и мнѣ съ Лопухинымъ и Тургеневымъ будетъ дѣла не мало. Но слава Богу, что сіе уничтожается, они совершенные іезуиты, слѣдственно и всѣ ихъ положенія имѣютъ касательно до персоны государевой. А чтобъ они противъ не были правительства, то это онъ утаилъ; вотъ почему я догадываюсь, какъ сказано въ законѣ, что мы предъ Богомъ всѣ равны. Начально люди были равны доколѣ не стали собираться въ обществахъ и правились старшими въ родѣ. Вы изъ бумагъ ихъ видите послѣднее, а законъ они показывали исполнять во всей точности, слѣдственно и есть равенство людей и права человѣка, а если бы успѣли они персону привести, какъ и старались на сей конецъ, чтобъ привести конецъ злому своему намѣренію, то бъ хуже сдѣлали фр. краля....

Секретно.

М. Г. мой Ст. Ив.

Пріобщаю сдѣсь къ Вашему пр — ву два пакета, прошу васъ м. г. мой поднести Ея Величеству въ собственныя руки.

Сдѣсь пріобщаю такъ же списокъ съ почты письма Кутузова изъ Берлина, не для того, чтобы кому нибудь досадить; но по матеріи сего письма увидите, что Кутузовъ знаетъ уже случившее съ ними или догадывается; то писали же отсюда письма отъ князя Трубецкаго, я имѣлъ списки и препоручилъ въ почтамтѣ, чтобы ихъ отправили къ гр. Александру Андреевичу Безбородкѣ, какъ онъ есть почтѣ начальникъ и отдать бы на его разсужденіе отправить ли оныя или нѣтъ; то въ нихъ огорченія имъ упоминались; то видно по сему, что они были отправлены. Если это случилось безъ особливаго Высочайшаго повелѣнія, то постарайтесь такъ расположить сіе, чтобы съ нимъ меня не поссорить, за что пребудетъ вамъ благодарнымъ истинно почитающій васъ и съ тою искренностію, какъ я есмь

М. Г. мой Вашего Пр — ва покорный
слуга Кн. А. Пр — й.

1792 году
Августа 23
Петровскій заводъ.

Наконецъ и послѣдняго допросилъ и рѣшилъ, что увидите м. г. мой изъ донесенія моего Ея Императорскому Величеству. Теперь остались одни послѣднія сомнѣнья разобрать; но изъ нихъ не надѣюсь найтить примѣчанію достойнаго, развѣ въ бумагахъ барона Шрейдера. Кн. А. Пр—й.

PS. По дружбѣ вашего пр — ва ко мнѣ спрошу васъ приватно: прочія учредные сей шайки, яко то: Гамалѣй, Поздеевъ, Чулковъ, Енгалычевъ, Херасковъ, Чеботаревъ и Ключаревъ по допросамъ извѣстной персоны, развѣ не такъ важны, какъ сіи трое; правда что сіи болѣе были движители

сей матеріи и оные трое, т. е. Трубецкой, Лопухинъ и Тургеневъ просятъ моего ходатайства у васъ, какъ имъ по насланному мнѣ указу не возбраняется ѣздить на губерніи, слѣдственно я разумѣю по городамъ, не исключая и города губернскаго; но только чтобъ не выѣзжать изъ губерній. На семъ основаніи я имъ и объявилъ; но они покорнѣйше просятъ, чтобы и въ тѣ губерніи начальникамъ сіе было предписано; то и я васъ м. г. мой прошу при написаніи оныхъ сіе извѣстить, дабы не случилось недоразумѣнія; а по мнѣнію моему, когда они въ губернскій городъ будутъ пріѣзжать жить, то начальнику можно способнѣе замѣтить исполняютъ ли они свое раскаяніе; на что буду ожидать вашего дружескаго отвѣта, съ тѣмъ нелицемѣрнымъ почитаніемъ и преданностію, какъ я есмь вашего пр — ва покорнѣйшій слуга Кн. А. Пр — й.

Секретно.

М. Г. мой Ст. Ив.

При отправленіи нынѣшняго дня курьера, ошибкой директоръ моей канцеляріи не приложилъ бумаги при реляціи къ Ея Императорскому Величеству, отъ 23 числа, въ которой и прочія отъ Трубецкаго представленныя бумаги включены. Бумага сія есть развратное ихъ мнѣніе объ Адамѣ. Того для при семъ оную прилагаю, отправляю другаго нарочнаго для догнанія перваго курьера и прошу покорно ваше пр — во, при поднесеніи всеподданнѣйшихъ моихъ Ея Величеству донесеній, и сію бумагу поднести. Впрочемъ я есмь съ совершеннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію

М. Г. мой Вашего Пр — ва покорнѣйшій слуга, Кн. А. Пр — й.

Августа 24 дня
1792 года
Петровскій дворецъ.

Секретно.

М. Г. мой Ст. Ив.

Отъ 19 сего Августа съ возвратившимся я моимъ курьеромъ письмо Вашего пр—ва получить честь имѣлъ и въ такое время, что я съ Тургеневымъ допросомъ и другими документами совсѣмъ изготовилъ отправить курьера и письма запечаталъ; и такъ я разсудилъ, что нѣтъ нужды оные распечатывать, чтобы переправлять число, какъ по сему увидите, что сей отправленъ 24. Я отвѣчалъ къ Ея Величеству и на вновь полученный указъ, касательно до книгопродавцевъ и запечатанія ихъ лавокъ, о чемъ подали они Ея Величеству просьбу, которая препровождена ко мнѣ; то какъ увидите изъ всеподданнѣйшей моей реляціи Ея Величеству, что я ссылаюсь на прежде отправленное мое по сей матеріи донесеніе, какъ Ея Величество и въ послѣднемъ повѣленіи рѣшить дѣло на законномъ основаніи повелѣваетъ; то я какъ

прежде всеподданнѣйше доносилъ, такъ и теперь доношу, если ихъ отдать къ сужденію, то должно ихъ, яко неисполнителей именныхъ указовъ, бить кнутомъ и сослать въ каторжную работу; ибо имъ объявленъ былъ о запретительныхъ книгахъ именной указъ, а съ нѣкоторыхъ взяты подписки. Ихъ 15 человѣкъ, то всѣ вышеозначеннымъ наказаніямъ и подвергаются; у нихъ другой цѣли не было, какъ имѣть барышъ и Новикову сдѣлать угодное, какъ онъ имъ давалъ книги въ долгъ. То я докладывалъ Ея Величеству, отъ 24 Апрѣля, съ приложеніемъ копіи ихъ допросовъ, не угодно ли будетъ Ея Величеству, чтобъ положить имъ повелѣть нѣкоторое наказаніе, не отсылая въ судъ и лавки распечатать. Потомъ вторично, по просьбѣ ихъ, отъ 17 Мая, всеподданнѣйше просилъ Ея Величество о распечатаніи лавокъ; но какъ сей послѣдній указъ не по экспедиціи вашей отправленъ, то не знаю свѣдомы ли вы о семъ, а предыдущеее мое донесеніе и вышеупомянутыя въ канцеляріи вашей; то покорнѣйше прошу м. г. мой исходатайствовать согласно съ всенижайшимъ моимъ Ея Величеству представленіемъ, резолюцію. Паче надеженъ я на милосердіе Ея Величества, что она изволитъ апробовать мое всеподданическое представленіе, которое и теперь вижу къ генералъ-порутчику Лопухину, что она вошла въ его состояніе, яко мать; ему было уже объявлено о семъ, сіе-жъ объявленіе было тѣмъ труднѣе, что если бы онъ свѣдалъ, что сынъ его масонъ, то бъ онъ его тутъ же проклялъ и лишилъ бы наслѣдства. Объявилъ ему Гр. Алексѣй Григорьевичъ наединѣ, и сказалъ только, что это по ученому собранію секретно, повѣлено ему жить въ деревнѣ, объ чемъ де нѣтъ указа, а чрезъ главнокомандующаго ему только объявленъ, и онъ въ ночь велѣлъ ему ѣхать, едва Ея Величества засталъ указъ его въ Москвѣ. Онъ огорчился, но по древнему обычаю принялъ сіе безъ роптанія и велѣлъ тотъ часъ сыну выполнить настоящее повелѣніе. Я его не видалъ, но не сомнѣваюсь, что онъ сію матернюю высочайшую милость приметъ съ особымъ сердечнымъ чувствованіемъ и радостію, какъ все сіе во уваженіе къ лицу его относится; а сыну его при объявленіи я насказалъ много нравоученья и сказалъ ему если онъ мало отъ стези сей выступитъ; то я тотъ часъ Ея Величеству донесу.

Буду ожидать на все рѣшенія; да не забудьте м. г. мой, о дѣтяхъ и имѣніи Новикова, чтобъ на домъ ихъ опредѣлить опеку. За тѣмъ всѣмъ съ истиннымъ моимъ почитаніемъ и преданностію есмь

М. Г. мой Вашего Пр—ва покорнѣйшій
слуга Кн. А. Пр—й.

1792 году
Августа 24
Петровскій дворецъ.

Секретно.

М. Г. мой Ст. Ив.

Каковъ списокъ отправилъ въ предъидущемъ къ Вашему пр — ву съ письма къ Кутузову изъ Берлина, то отъ князя Трубецкаго при отъѣздѣ получилъ оригинальное и съ приложеніемъ препровождаю при семъ къ Ея Величеству и о спискѣ, что у васъ есть отъ меня, не упомянулъ, за тѣмъ м. г. мой, чтобъ не сдѣлать досады упоминаемой въ томъ письмѣ персонѣ.

Сдѣсь такъ же пріобщаю письмо мое къ графу Николаю Ивановичу, покорно васъ м. г. мой прошу вѣрно ему отдать, чѣмъ одолжите пребывающаго съ истиннымъ почитаніемъ и таковою-жъ преданностію

М. Г. мой Вашего Пр — ва покорный
и вѣрный слуга, Кн. А. Пр — ій.

1792 году
Августа 30
Петровскій дворецъ.

М. Г. Кн. А. А.

Имѣя честь препроводить при семъ, на присланную отъ вашего сіятельства реляцію, Высочайшее Ея Императорскаго Величества соизволеніе, по которому усердіе вашего сіятельства къ общему благу дойдетъ до желаемаго конца. Буде же бы открылись какія и затрудненія, то я вѣру несумнѣнну имѣю, что самъ Господь Богъ поможетъ преодолѣть вамъ. Простите мнѣ, м. г., что я осмѣливаюсь къ вашему сіятельству писать, что мнѣ повелѣваетъ мое сердце. Впрочемъ съ искреннѣйшимъ моимъ высокопочитаніемъ и истинною преданностію пребываю

Вашего Сіятельства, М. Г.,
всепокорнѣйшій слуга Ст. Ш.

1 Мая
1792 года С. П. бургъ.

Секретно.

М. Г. Кн. Александръ Александровичъ.

Имѣя честь при семъ приложить Высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе о Поповѣ. Изъ допроса Попова видно, что Ивановъ секретарь знакомъ былъ Новикову; то не изволите ль ваше сіятельство, приказать чрезъ вѣрныхъ вамъ развѣдать, сколько сей Ивановъ былъ близокъ къ Новикову и не изволите ли у Попова и Теплова приказать осмотрѣть письма. Я грѣшу можетъ статься, что въ сей шайкѣ письма Попова извѣстны. Простите мнѣ, м. г., что я васъ симъ безпокою. Сіе происходитъ отъ

того, что я увѣренъ о преданности и усердіи къ общему благу, такъ какъ и ко мнѣ милостивомъ расположеніи, пребывая впрочемъ съ искреннимъ и глубочайшимъ моимъ почитаніемъ

Вашего Сіятельства, М. Г., всепокорнѣйшій слуга, Степанъ Шешковскій.

28 Апр.
1792 года.

II.

1. Вопросные пункты Шешковскаго, предложенные Новикову.

1) Отецъ вашъ кто былъ и гдѣ служилъ сколько имѣлъ имѣнія и вамъ оставилъ?

2) Гдѣ вы служили, и нынѣ какое имѣніе имѣете и какъ оное пріобрѣли?

3) Вѣдая что всякое заведеніе новой секты или раскола и проповѣданія онаго есть вреденъ государству, и запрещенъ правительствомъ, то вы и должны открыть теперь, какой имѣли поводъ и побужденіе посвятить пагубному себя упражненію, и когда ты къ тому приступилъ, при какихъ обстоятельствахъ также и кто васъ въ сію секту загналъ?

4) Кто съ тобою были въ семъ участники, о коихъ показать о каждомъ порознь, время вступленія съ тобою въ связь и какія имѣли они къ тому достоинства, отънюдь ни закрывая ни кого?

5) Съ какими обрядами, какъ ты взошелъ въ сію секту, такъ и сотоварищи твои и послѣдователи твои и на какихъ условіяхъ?

6) По законамъ государственнымъ присяга установлена для служенія Государю и государству, а инаково оная никому не принадлежитъ, но вы въ противность сего однакоже дѣлали присягу при пріемѣ, какъ изъ бумагъ вашихъ видно, да еще и секретную а къ тому же и чужестранцамъ, почему и долженъ ты открыть всю истинную и изъяснить всѣ обстоятельства, для какихъ притчинъ ты и собратія твоя ту присягу чинили, и какія виды въ томъ имѣли и чему изъ того быть надѣялись?

7) Въ Россіи сколько ложъ и гдѣ оныя состоятъ и кѣмъ и когда оныя заведены и кто въ оныхъ.

8) Какое право вы имѣли такъ и называемое вами братство входить въ тайныя обязательствами съ обществами иностранныхъ, и подвергать себя зависимости и верховной власти оныхъ, какой видъ имѣли отправить туда депутата и кого именно?

9) Уставы ваши дозволяютъ ли имѣть съ непріятелями государства переписку, ибо изъ бумагъ вашихъ видно что вы имѣли переписку съ принцемъ Браунпвейскимъ и министромъ прускимъ, когда онѣ были непріятели государству, такъ и съ принцемъ Гессенкасельскимъ: въ чемъ переписка состояла, когда началась, какіе отъ нихъ получали отвѣты и какое они по той переепискѣ сдѣлали употребленіе?

10) Князь Репнинъ имѣлъ ли свѣденіе о перепискѣ съ чужестранными?

11) Какія переписки имѣли вы съ княземъ Репнинымъ, съ Куракинымъ и Плещеевымъ и знали ли они о берлинскомъ постановленіи.

12) Извѣстно что за двумя, сдѣланными вамъ по соизволенію Ея Императорскаго Величества запрещеніями, и за взятыми съ васъ подписками, вы осмѣлились печатать и продавать такія книги, которыя отвращаютъ людей отъ церкви и христіянскія вѣры, такъ какъ и отъ повиновенія власти; а потому и оказался ты преступникомъ законовъ и, хотя ты въ семъ преступленіи и винился, но однакоже, того для чего ты осмѣлился продавать даже и по ярманкамъ разсылать тѣ вредныя книги не сказалъ, чего ради долженъ ты открыть самую истинну, изъ какого подвига ты сіе дѣлалъ и кто тебѣ въ ономъ помогалъ и чему изъ такого вреднаго разсѣянія быть надѣялся?

13) Кто тѣ книги сочинялъ, переводилъ, ценсоровалъ и извѣстны ли были о семъ начальники университетскіе?

14) Какъ запрещенныя книги у тебя были осматриваны, то какимъ образомъ ты ихъ скрылъ и отвезъ на старой монетной дворъ и типографскія лавки и кто тебѣ къ сокрытію тѣхъ книгъ помогалъ?

15) Въ Москвѣ въ отвѣтѣ своемъ говорили вы, что тѣ запрещенныя книги печатали только для раздачи масонамъ, но на самомъ дѣлѣ оказалось что вы ихъ пускали въ продажу, а сверхъ сего называли тѣ книги нравственными, противъ вольнодумовъ. Сіи твои изрѣченія обличаютъ твое коварство и сокрытіе дурныхъ твоихъ намѣреній, по самому благоразумѣнію доказываешся ты таковымъ, потому что, буде бы были они нравственныя, то правительство тебѣ печатать оныя не запретило, да буде бы и самъ ты ихъ таковыми щиталъ, то не было бы нужды отдавать ихъ только однимъ масонамъ, а посему и долженъ ты о семъ самую истинну показать?

16) Открытся ты долженъ о взятіи на откупъ университетской типографіи, какимъ образомъ и чрезъ кого ты оную получилъ, кто тебѣ въ ономъ помогалъ и изъ какихъ видовъ?

17) Открыть вамъ самую истинну о всѣхъ поборахъ, при пріемѣ въ ваши ложи людей, и до какой суммы въ годъ, а какъ извѣстно что живущіе въ Россіи, называемые вами масоны, даютъ подати чужестранцымъ, то объявить вамъ сколько тѣхъ податей изъ Россіи выходило и кому имянно?

18) Изъ бумагъ вашихъ видно что въ братствѣ, какъ вы называете, есть архіепископы и епархіи, то объяснить вамъ сколько у васъ архіепископовъ, кто они таковы, кто ихъ посвящалъ, также сколько епархій и кто ихъ установилъ?

19) Изъ бумагъ вашихъ видно, что собираетеся въ освященные храмы, а какъ по положенію святыхъ отцевъ и святѣйшаго сѵнода, ни какой храмъ гдѣ приносится жертва Богу и совершаются тайны христовы, не можетъ инако посвященъ быть какъ по соизволенію сѵнода и епархіальнаго епископа, то и объяснить вамъ кто ваши храмы посвящалъ и когда?

20) Изъ бумагъ вашихъ видно, что вы имѣете носить орденъ и называете его святымъ, а какъ въ Россіи кромѣ помазанника Божія то есть Государя, никто ордена возлагать не можетъ; то объяснить вамъ какъ вы осмѣлились украшать орденами свою собратію да и называете еще то святымъ, что значитъ сей орденъ, за какой подвигъ дается, кѣмъ установленъ, на какихъ правилахъ и изъ какого вида?

21) Взятая въ письмахъ твоихъ бумага, которая тебя показывана, чьею рукою писана и на какой конецъ оная сохранялась у тебя?

22) Въ бумагахъ твоихъ взяты, писанныя твоею рукою подъ № 12, изъ отвѣта великаго пріората извлеченіе на представленіе Сацердосово, для чего ты оное писалъ, какое ты имѣлъ побужденіе оное писать, такъ какъ и означенныхъ въ тѣхъ въ тетрадяхъ персонахъ объяснить по какимъ обстоятельствамъ, они въ тѣ тетради внесены?

23) Въ письмахъ вашихъ найдено, сдѣланное вами положеніе, чтобы имѣть тайную типографію, то и должны объяснить для какихъ причинъ оную завели, гдѣ, кто оною управлялъ и что въ оной печаталось?

24) Предлагалъ ты сборищу, чтобы составить комитетъ, для переводу системъ древнихъ народовъ и для богослуженія; а какъ въ Россіи богослуженіе и обряды уже установлены, то за симъ на какое богослуженіе и обряды, а паче египетскіе и жидовскіе, кои не основаны на Евангеліи, терпимы быть не могутъ, то и сказать вамъ на какой конецъ вы такія системы, кои развращаютъ ученіе россійской церкви заводить заботились?

25) Здѣсь въ Россіи законами наистрожайше запрещено не только имѣть переписку вымышленными цыфрами, заперпись въ комнатѣ, но вы закрывая ваши сборища отъ правительства, вымышляли цифирную азбуку и гіероглифы; то объяснить вамъ для чего вы такую переписку учредили, а какъ ваши сборища и дѣянія не могли быть позволены, то вы сіе и скрывали, ибо какъ вы говорите, что дѣлали тѣ сборища для пользы общей, сіи слова ваши есть ложны, потому что дѣлать добро таить нужды не настояло, а какъ оно вредно, то вы и таили.

26) Кому гоненіе было и кого подозрѣвали и кто сборищи ваши въ Каліостровой системѣ, иллюминатовъ и мартинистовъ, и какъ вы о семъ свѣдали и почему?

27) Писателя о заблужденіи и истинѣ самъ ты описалъ, что онъ не такой авторъ, которому вѣрить должно, однако книги онаго автора и по запрещеніи печатать велѣлъ, а изъ сего судить можно, что ты такою ложною нелѣпостію старался людей развратить, закружить головы изъ корысти, какъ судить можно, а послѣ сего какъ можешь ты говорить что печаталъ нравственныя книги?

28) Печаталъ ты книги называемыя таинственныя, но въ тоже время запрещалъ печатать имя авторовъ и переводчиковъ ихъ, то о семъ открыть тебѣ, для чего ты имена сіи таить велѣлъ?

29) Въ отвѣтахъ своихъ говоришь ты, что де въ ложахъ происходило, то ты совсемъ мало зналъ; но вотъ ты обличаешся, ты былъ перьвой подвижникъ въ вашемъ сборищѣ, и самъ писалъ всѣ постановленія онаго, а потому и долженъ ты открыть, не утаивая ничего, а паче не отвращая на мертваго Шварца?

30) Не устыдился ты, при всѣхъ тебѣ дѣланныхъ внушеніяхъ и убѣжденіяхъ о показаніи самой истинны, въ отвѣтахъ твоихъ сіе все презрить, и показалъ между прочимъ, что будто ты имѣлъ съ Шварцомъ холодность, но ты о семъ сказалъ не правду; что Шварцъ былъ преданъ тебѣ, а ты ему въ сей сказанной тобою неправдѣ обличаешся тѣмъ, что ты въ ложахъ предлагалъ о дачѣ Шварцовой женѣ за подвиги мужа ея награжденій, и о производеніи ей и дѣтямъ ея вѣчнаго пансіона?

31) Сходно ли съ установленною государю присягою, дѣлать въ вашемъ сборищѣ присягу въ томъ, чтобы предъ начальникомъ ни какой тайны не умалчивать. Сіе инаково полагать нельзя, какъ вы обязывали сею присягою такихъ людей, кои находятся въ службѣ государевой, то и открыть вамъ для какихъ видовъ сію клятву налагали?

32) Воинская ложа гдѣ, и когда, и кѣмъ заведена и кто въ оной начальники?

33) Университетъ учрежденъ отъ правительства, для общей государству пользы, а вы завели въономъ ложу, назвавъ ее университетскою; на сіе объяснить вамъ кто сію ложу учредилъ, когда кто оной начальники, и свѣдома-ль командировъ университета?

34) Въ Могилевѣ кѣмъ и когда ложа заведена и кто въ томъ сборищѣ начальники и сколько всѣхъ, какъ вы называете, братіевъ?

35) Россійскихъ ложъ архивъ у кого въ домѣ хранится?

36) Изъ положеніевъ вашихъ видно, чтобы въ вашемъ сборищѣ дѣлать золото; то и открыть вамъ, кто въ ономъ ремеслѣ употреблены были, дѣлано ли

золото; буде сдѣлано, то сколько всего и куда употребляли или же сыскан ли химиками вашими философической камень и кто также и о семъ заботился?

37) Изъ повелѣнія писаннаго тобою значитъ, что въ вашемъ сборищѣ есть иллюминаты, а вы предписывали, чтобы ихъ необличать, то показать вамъ кто они таковы были, у васъ ли нынѣ или выбыли, то когда и куда, а вы же увѣряете что онѣ въ сборищѣ вашемъ нетерпимы.

38) Называемые вами мистическія книги, о коихъ какъ изъ бумагъ вашихъ видно вы говорите, что они писаны духомъ Спасителевымъ, посему изъяснить вамъ, чьего они сочиненія, сколько ихъ и подъ какимъ названіемъ они печатались, и гдѣ онѣ нынѣ есть и не тѣ ли самые, кои вамъ печатать запрещены и кто ихъ ценсоровалъ?

39) Изъ бумагъ вашихъ есть одна, писанная К. Трубецкимъ, въ коей онъ страшной ужасъ описывалъ, при приступѣ во время вашего сборища въ ложу, то и объяснить, какая его столь ужасная должность и званіе, что онъ съ такимъ ужасомъ дѣлалъ?

40) Алек. Андр. Ржевской, былъ въ сдѣшней ложѣ префекторомъ, а нынѣ что онъ у васъ значитъ?

41) Кто локуля; онъ пишетъ что получилъ письма изъ французской провинціи, сіе также есть сборище, въ которомъ благодарятъ за ваши книги, о семъ изъяснить и какія вы книги послали?

42) На кого вы жаловались герцогу, что сборище ваше озлословлено и потомъ заставили злословцевъ молчать; о семъ изъяснить, кто васъ злословилъ, и чѣмъ и кто ихъ заставилъ молчать?

43) Писали вы челобитную къ герцогу, то сказать какъ вы осмѣлились писать о зависимости отъ него, миновавъ своего государя, и какъ изъ писемъ вашихъ видно, вы знали что и шведское масонство государынѣ не угодно.

44) Какія вы изъ книгохранительницъ церковныхъ и монастырскихъ брали книги, чрезъ кого, и кто вамъ въ томъ помогалъ и у кого книги хранятся?

45) По сему видно что вы читали священныя книги, то и могли видѣть установленные обряды нашей святой церкви, по которымъ святыя мужи поступали святостію и чудесами, вы все то знали; какъ же рѣшились сдѣлать свои храмы, олтари и жертвенники, священнослужительскіе употребляли должности, говоря и дѣлая святая святыхъ, такъ какъ и миропомазаніе.

46) Объяснить о сей бумагѣ кѣмъ писана, обѣщенное къ вамъ доставлено-ль и въ чемъ состоитъ. Пишетъ къ тебѣ Веревкинъ чтобы ты прислалъ къ нему для переводу книги самые трудныя и большія, платя на единое пропитаніе, по тетратно, говоря, не додавливайте уже задавленнаго, и чтобы о сей работѣ никто не зналъ. О семъ объяснить, какія онъ книги для васъ переводилъ, по какой связи оное сношеніе имѣлъ съ тобою и кто его давилъ?

48) О скоромъ обогащеніи къ кому писалъ Трубецкой, и о комъ, кто наложилъ на сацердоса суспенцію, за что и когда?

49) Съ филусомъ произошла у васъ ссора, за что — изъяснить?

50) то же что и 24-й.

51) Извѣстно что Походяшинъ одинъ далъ тебѣ 50000 р., безъ всякаго обязательства, то долженъ ты открыть, какъ и чѣмъ его уловилъ?

52) Надворной совѣтникъ Кочубѣевъ, которой былъ въ тайной экспедиціи секретаремъ въ Москвѣ, на какой конецъ вы его взяли къ себѣ въ сборище и кѣмъ онъ рекомендованъ, а какъ онъ не ученый, да и не дальняго разума, то другаго заключенія сдѣлать нельзя, какъ что онъ по вашему правилу дѣлалъ вамъ увѣдомленія, о порученныхъ ему отъ главнокомандующаго дѣлахъ, кто еще изъ сей экспедиціи въ вашемъ сборищѣ?

53) Записка, писанная рукою Тургенева, откуда онъ такія свѣденія имѣлъ и на какой конецъ ты ее у себя хранилъ?

54) Кто французскую книгу о народной гордости переводилъ?

55) Извѣстно что изъ Московской епархіи, изъ академіи и другихъ семинарій, браты были въ сборища ваши студенты; то открыть сколько ихъ было, изъ оныхъ есть нынѣ и въ попахъ, вы же о семъ умолчали; то сказать гдѣ они при церквахъ, были ли они въ масонствѣ, также и о попѣ Малиновскомъ сказать вашего ли онъ сборища?

56) На особой бумагѣ.

57) Изъясните о бумагѣ, писанной К. Трубецкимъ, отъ кого оное письмо къ кому и когда, о какихъ сокровищахъ писано въ той бумагѣ, что вы ожидали или уже и получили оныя?

2. Отвѣты Новикова на 21-й вопросный пунктъ.

На 21-й. Сдѣсь, не говоря еще ничего, яко совершенный преступникъ въ истинномъ и сердечномъ моемъ раскаяніи и сокрушеніи, повергаю себя къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, яко не достойный ни какого милосердія и помилованія, но повинный всякому наказанію, которое воля Ея Императорскаго Величества, мнѣ опредѣлитъ. Сіе истинное и сердечное мое раскаяніе, исповѣдаю предъ Богомъ Спасителемъ моимъ, и предъ Его помазанницею, Ея Императорскимъ Величествомъ, и повергаю себя къ стопамъ Ея, ожидая своей судьбы отъ воли Ея и все искренно открою. Бумага сія, показанная мнѣ, писана рукою коллежскаго совѣтника Баженова, въ 1775 году въ концѣ, или въ началѣ 1776 года. Баженовъ, кажется, въ 1774 году сдѣлался знакомымъ намъ чрезъ Карачинскаго, Василья Яковлевича; Кара-

чинской былъ уже масонъ и съ нами въ связи, а послѣ и Баженовъ также принятъ въ масоны и сдѣлался съ нами поетому коротко знакомъ. Въ вышепоказанномъ году ѣздилъ онъ въ Петербургъ, по своимъ дѣламъ, предъ отъѣздомъ за нѣсколько, сказалъ онъ мнѣ и Гамалѣѣ, что онъ по пріѣздѣ будетъ у той *особы*, о которой въ бумагѣ говорится, и сказалъ эта *особа* ко мнѣ давно милостива и я у нее буду, а вить ета особа и тебя изволить знать, такъ не пошлете ли какихъ книжекъ. При семъ онъ ли мнѣ сказалъ, что слышалъ отъ купца торгующаго книгами въ Петербургѣ, или я самъ слышалъ отъ того купца, а купецъ этотъ Глазуновъ, былъ предъ тѣмъ въ Москвѣ, и былъ у меня по книжнымъ торговымъ дѣламъ, сего истинно не помню,—что для той *особы*, искали въ книжныхъ лавкахъ новаго перевода Арндова о истинномъ христіанствѣ. Я отвѣчалъ что та особа меня знаетъ только потому, что я раза два или три подносилъ книги, и недумаю чтобы та *особа* помнила меня; однако мы посовѣтуемся съ старшими братьями объ этомъ и какъ рѣшимся посылать ли эти книги или нѣтъ, я тебѣ послѣ скажу; съ тѣмъ мы и растались. А гдѣ онъ объ этомъ говорилъ, у себя ли въ домѣ или у меня, не помню. Я послалъ къ князю Трубецкому и сказалъ ему объ этомъ, и совѣтовалися объ этомъ, а другіе знали ли объ этомъ сначала не помню; не помню же и того, былъ ли въ то время въ Москвѣ баронъ Шредеръ и ежели былъ, то знали объ этомъ тогда еще баронъ Шредеръ и князь Юрья Никитичь Трубецкой, ежели также былъ въ Москвѣ; наконецъ присовѣтовали мнѣ книги послать, но подтвердить ему, чтобы онъ самъ отнюдь невысовывался съ книгами, а развѣ та особа сама зачнетъ. Книги ему отдалъ я о истинномъ христіанствѣ, и помнится еще, избранную библіотеку для христіанскаго чтенія; мы оба его съ Гамалѣею сколько возможно просили, чтобы онъ самъ не зачиналъ говорить и поступалъ съ крайнею осторожностію. По возвращеній его изъ Петербурга, прислалъ онъ ко мнѣ или къ Гамалѣѣ сказать что онъ пріѣхалъ, и звать къ себѣ; не помню оба ли или я одинъ прежде пріѣхалъ къ нему, гдѣ онъ сказалъ что онъ у той *особы* былъ принятъ милостиво и книги отдалъ и кое что конфузно расказалъ о томъ, что въ бумагѣ писано, сказавъ что онъ все напишетъ и привезетъ ко мнѣ. Я объ этомъ сказалъ князю Трубецкому и онъ просилъ меня, чтобы я, какъ скоро получу отъ него бумагу, показалъ бы ему. По полученіи отъ него бумаги, читавши оную съ Гамалѣею, мы испугались и ежели бы не для показанія Князю Трубецкому, то тогда же бы ее сожгли отъ страха, хотя и радовались милостивому принятію книгъ, и не вѣрили всему, что написано. Я показалъ к. Трубецкому эту бумагу, ее читали и также видѣли, что онъ много вралъ и говорилъ своихъ фантазій, выдавая за ученіе орденское. Князь Трубецкой требовалъ у меня этой бумаги, но я сказалъ ему, что я нѣсколько ее оранжирую

и переписавъ ему ее отдамъ; тогда же рѣшился этой бумаги Баженову не отдавать назадъ и протягивать это подъ разными отговорками, въ самомъ же дѣлѣ боялись его болтливости, и чтобъ сколько возможно запретить ему ни съ кѣмъ изъ братьевъ не говорить, кромѣ насъ двоихъ съ Гамалѣею, и чтобы сказать ему что изъ нашихъ кромѣ насъ двоихъ о семъ ни кто не знаетъ; что я исполнилъ и послѣ часто ему подтверждали и запрещали. Переписывая, я ее сократилъ, и все невѣроятное выкинувъ, отдалъ переписанную Кн. Трубецкому, а эту оставилъ у себя. Здѣсь какъ предъ Богомъ страшномъ судіею, какъ на страшномъ его судѣ, повѣргая себя къ Монаршимъ Ея Императорскаго Величества стопамъ исповѣдаю и внутренность моего сердца, какъ предъ Богомъ, открываю, о двухъ пунктахъ: 1-й, что сей поступокъ не имѣетъ никакого сношенія съ письмомъ принца Гессенкасельскаго къ профессору ли Шварцу, присланнымъ или въ бытность его въ копіи даннымъ, чего со всѣмъ не помню, и это по смерти его профес. Шварца и со всею бывшею съ герцогомъ Брауншвейскимъ связью со всѣмъ изъ головы у насъ вышла. Да и при жизни его почитали это намереніе вреднымъ для государства, и для исканія нашего по масонству и для насъ самихъ, и принимали за фантазію ни когда сбытся не могущею; и потому всегда сему намѣренію противились внутренно. При семъ вспомнилъ я, что союзъ сдѣланной съ княземъ Гагаринымъ, о которомъ я въ отвѣтѣ моемъ на третій пунктъ показалъ, что со всѣмъ не могъ вспомнить какъ и по какимъ обстоятельствамъ сдѣсь былъ; подробно вспомнить и вѣрно не могу и боюсь, чтобы не оклеветать напрасно, но сколько могу вспомнить, то кажется, что по поводу письма принца Гессенкасельскаго съ Кн. Гагаринымъ сдѣлано было соединеніе; то и сію истинно говорю, какъ предъ Богомъ, что по смерти профессора Шварца, обо всемъ этомъ союзѣ и рыцарствѣ иначе не вспоминали какъ въ шутку. Сіе еще по самой истиннѣ утверждаю, что тотъ поступокъ съ симъ по бумагѣ Баженова, о упоминаемой *особѣ* ни какого сношенія не имѣетъ. 2-й, что по полученіи въ наши руки бумаги сей Баженовымъ писанной, никакого намѣренія, ниже поползновенія къ какому нибудь умыслу, или беспокойству и смятенію не имѣли, ни въ мысля не входило; сіе предъ самимъ живымъ Богомъ и предъ стопами Ея Императорскаго Величества исповѣдаю и утверждаю, и готовъ кровію моею запечатать. Отъ князя Трубецкаго услышалъ я послѣ, что изъ этой Баженова бумаги, сдѣлана еще кратчайшая выписка о образѣ мыслей той *особы* и по переводѣ отдана барону Шредеру, которой хотѣлъ объ этомъ писать въ Берлинъ, и по сему то его Барона Шредера письму былъ отвѣтъ подъ № 12 въ слѣдующемъ «22» пунктѣ упоминаемой. Послѣ того ѣздилъ еще Баженовъ въ Петербургъ въ 1787 или 1788 года не помню, онъ просилъ опять, чтобы съ нимъ послать

къ той особѣ книгъ, и тогда по совѣту же дана мною книжка, извлеченіе краткое изъ сочиненій Ѳомы Кемпійскаго, и еще на нѣмецкомъ языкѣ, книга о таинствѣ креста, и эту съ тѣмъ, что ежели угодно будетъ той особѣ читать на нѣмецкомъ языкѣ. По возвращеніи Баженова изъ Петербурга далъ онъ мнѣ опять записку, которая или осталась у меня же и должна быть въ бумагахъ, или у князя Трубецкова, или же по прочтеніи тѣми же отдана ему; сего совершенно не помню. Въ ней описано было также, что та *особа* приняла его милостиво, что книги поданы и приняты благосклонно, что разговоръ былъ о книгахъ, и о томъ, что увѣренъ ли онъ въ томъ, что между нами нѣтъ ничего худаго? Баженовъ увѣрялъ ту *особу*, что нѣтъ ничего худаго; а та особа съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ говорила, что можетъ быть ты не знаешь, а которые старѣе тебя тѣ знаютъ и тебя самаго обманываютъ. Онъ увѣрялъ что нѣтъ ничего худаго клятвенно; еще былъ разговоръ о книгахъ поданныхъ. Сія записка была гораздо короче; и что та особа заключила тѣмъ: Богъ съ вами, только живите смирно, объ нѣмецкой книгѣ та *особа* сказала, что читать ее не можетъ, и не помню оставлена ли она, или отдана обратно. Нынѣшнею зимою Баженовъ былъ опять въ Петербургѣ и, предъ отъѣздомъ своимъ въ Петербургъ, былъ у меня потому, что я по болѣзни своей не выѣзжалъ, сказывалъ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ, и спрашивалъ, не пошлю ли я къ той особѣ книгъ; но я отказался, и сказалъ ему, что за болѣзнію некогда мнѣ приготовить. По возвращеніи его оттуда сказалъ онъ бывши у меня, а записки уже не было отъ него, и говорилъ что онъ у той особы былъ, и принятъ былъ съ великимъ гнѣвомъ на насъ, и что та особа запретила ему и упоминать объ насъ, а ему сказала: я тебя люблю, и принимаю какъ художника, а не какъ мартиниста; объ нихъ же и слышать не хочу, и ты рта неразѣвай объ нихъ говорить. Знали, о бумагахъ Баженова, кромѣ меня, Гамалѣя, двое Князей Трубецкихъ, Шредеръ, Кутузовъ, Лопухинъ ив. влад. и Тургеневъ. Въ заключеніе сего пункта паки повергаю себя къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, съ сердечнымъ истиннымъ моимъ раскаяніемъ въ семъ поступкѣ, достойномъ жесточайшаго наказанія, никакого помилованія не дерзаю я даже ожидать отъ прогнѣванной столь справедливо милосердой моей Монархини; да будетъ ея воля со мною но, дерзаю отъ милосердія ея, проливая слезы раскаянія и горести, дерзаю единой капли милосердія Ея испрашивать для троихъ бѣдныхъ младѣнцевъ, дѣтей моихъ и для брата, которой по любви ко мнѣ вступилъ и въ масонство и въ члены типографической компаніи и въ дѣлахъ не имѣлъ никакого участія. Со мною же да будетъ воля Ея Императорскаго Величества! я всякое наказаніе симъ поступкомъ заслужилъ, и достоинъ онаго. Господи ты зришь проливаемыя мною слезы, умягчи гнѣвъ, прогневанной мною Монархини,

да капнетъ единая капля отъ милосердія Ея на бѣдныхъ дѣтей и брата моего.

По сему пункту ни мыслить, ни писать безъ внутренняго содраганія, искренняго и сердечнаго раскаянія и трепета не могу, даже и за перо взятся; свидѣтель живый Богъ сему, одна мысль о семъ меня грызетъ и съѣдаетъ, проливаю предъ Богомъ спасителемъ моимъ и предъ Ея Императорскимъ Величествомъ слезы раскаяція и страданія; но чтожъ—могу ли возвратить и сдѣлать, что бы не было сдѣлано то, что сдѣлано? Богъ видитъ, что я сдѣлалъ это не какъ умышленной злодѣй, но предъ Ея Императорскимъ Величествомъ, предстою я какъ дѣйствительный злодѣй; искренное и сердечное мое раскаяніе и пролитіе слезъ, на всю жизнь мою остались мнѣ единымъ утѣшеніемъ; да будетъ со мною воля Ея Императорскаго Величества! умилосердися токмо милосердая Монархиня, надъ бѣдными сиротами дѣтьми моими и братомъ и помилуй ихъ! Въ дополненіе и объясненіе показаннаго уже мною, не по укрывательству, но истинно что и какъ упомнилъ, и теперь что и какъ могу упомнить, искренно безъ всякаго укрывательства, скажу объ извѣстной бумагѣ. Прочитавши оную долженъ былъ о томъ донести, но я не исполнилъ сего; въ чемъ я преступникъ, повергаю себя къ стопамъ Ея Императорскаго Величества! испугался прочитавъ написанное, и истинно не повѣрилъ зная того человѣка, которой писалъ оную; но подумалъ, что хотя часть малая справедлива, о милостивыхъ отзывахъ и милостивомъ принятіи книгъ поданныхъ, то радовался и надѣялся милостиваго покровительства и заступленія; другова же ни какого подвига при семъ истинно, какъ предъ Богомъ говорю, не было. Прежнее намѣреніе Шварцево, по письму принца Гессенкасельскаго, у меня и изъ головы вышло, и я объ немъ и вспомнилъ только уже сдѣсь, когда показано оно мнѣ было, что по истиннѣ какъ предъ Богомъ говорю, чтобы думать тогда о введеніи той особы въ орденъ, я бы и помыслить сего не осмѣлился, и почиталъ бы то не возможнымъ исполненію; но единственно надѣялся только и ожидалъ милостиваго покровительства и заступленія. Показалъ сію бумагу князю Трубецкому, потому что совѣтовались о посылкѣ книгъ, то онъ просилъ чтобы ему вѣрно дать знать, по возвращеніи Баженова, какъ приняты будутъ книги тою *особою*, и что будетъ говорено; другимъ же, о которыхъ говорено, подлинно ли показана бумага или только сказано, и мною ли, или княземъ Трубецкимъ, и скоро ли, вѣрно того не помню; боюсь оклеветать кого напрасно, ибо и самъ на память свою не надѣюсь, но вспоминается теперь писавъ, что едва ли и князь Енгалычевъ не зналъ о томъ, ибо онъ тогда былъ очень друженъ съ барон. Шрейдеромъ и княземъ Трубецкимъ. Оставалась ли, сія писанная Баженовымъ, бумага у князя Трубецкаго или нѣтъ, о томъ вѣрно не помню. Для чего не

отдалъ я князю Трубецкому самой сей бумаги, а отдалъ написанную мною, сего какъ ни старался вспомнить не могъ, а помню что сдѣлалъ я это изъ осторожности. Переписывая я сократилъ ее, и привелъ въ литеральной порядокъ; но какъ сокращалъ и что выпускалъ, не помню; и самой сей бумаги что писано не помню. Но сколько могу вспомнить теперь, то кажется мнѣ, что я, отдавая к. Трубецкому сiю бумагу, не зналъ тогда что изъ нее такое употребленiе будетъ сдѣлано, что выписка будетъ дана барону и онъ по ней будетъ писать въ Берлинъ, или возметъ съ собою; ибо я вѣрно не помню, послалъ ли князь Трубецкой оную къ барону, или отдалъ ему ее; потому что не могу совсѣмъ припомнить въ Москвѣ ли тогда былъ баронъ, или въ Берлинѣ; но думалъ, сколько могу припомнить, что онъ хочетъ кому показать ее безъ меня, чтобы я не зналъ о томъ. Узналъ же я отъ него о томъ, что сдѣлана выписка, переведена и отдана или послана къ барону уже послѣ; но по прошествiи какого времени совсѣмъ не помню. Зналъ ли о сей бумагѣ князь Репнинъ или нѣтъ, сего совершенно незнаю и говорю сiе по сущей справедливости, какъ предъ Богомъ. Оставлена сiя бумага у меня была, истинно съ тѣмъ только, чтобы не отдать ее Баженову назадъ, чтобы онъ не сталъ кому нибудь показывать оную и спрятана она была въ бумагагъ моихъ, и съ того времени, она у меня и въ рукахъ не была; по прошествiи сколькаго времени не помню, въ деревнѣ я искалъ ее, чтобъ сжечь, но не нашелъ, и помнится что и у князя спрашивалъ Трубецкаго объ его спискѣ, то сколько могу припомнить, кажется что онъ мнѣ сказалъ что сжегъ. Другаго же намѣренiя, паче же злаго, свидѣтельствую я самимъ Богомъ не было ни у меня, и ни у кого изъ насъ, о томъ же о чемъ упомянуто было что не было ли у насъ намеренiя печатать, я безъ внутренняго ужаса и выслушать не могъ и въ семъ самаго живаго Бога призываю во свидѣтеля, да накажетъ онъ меня, ежели хотя въ мысли сiе когда нибудь входило; и въ семъ пунктѣ за всѣхъ о коихъ показано, что знали о сей бумагѣ, равно какъ и за себя отвѣтствую. Книги посланы были: 1) Арндта о истинномъ христiанствѣ, 2) помнится послана же, библiотека избранная, для христiанскаго чтенiя, 3) извлеченiе краткое изъ сочиненiй Ѳомы Кемпiйскаго, и 4) на нѣмецкомъ языкѣ о таинствѣ креста, кажется послана была; кромѣ же сихъ книгъ совершенно не помню. О упомянутомъ въ извѣстной бумагѣ мужикѣ, я его спрашивалъ и онъ мнѣ сказалъ что то, только вспомнить совсѣмъ не могу.

На 22-й. При отъѣздѣ барона Шредера съ Кутузовымъ въ Берлинъ, въ 1787 году весною, отдалъ онъ эту и другiе пiесы, съ которыхъ переводы, между бумагами моими находятся подъ номерами, князю Трубецкому, а до того времени онъ ихъ удерживалъ у себя и князю Трубецкому не показывалъ; писалъ баронъ Шредеръ представленiе свое, на которое присланъ

былъ сей отвѣтъ, въ бытность свою въ Берлинѣ, въ 1785 и 1786 годахъ. Въ представленіи своемъ, о которомъ мы узнали только изъ сего отвѣта, между протчимъ писалъ онъ о той *особѣ*, по выпискѣ данной княземъ Трубецкимъ и съ первой писанной Баженовымъ бумаги имъ сдѣланной; но что онъ писалъ о томъ я совершенно не знаю, потому что мнѣ того не показывали и не сказывали; а требовать того не имѣлъ я права, да думаю, но вѣрно не знаю, что едва зналъ ли о томъ и кн. Трубецкой; потому что онъ по переводѣ вручая мнѣ сей отвѣтъ, оказывалъ свое удивленіе о томъ. И такъ 1-е имя той особы упоминается въ этой бумагѣ какъ въ отвѣтѣ сдѣланномъ на представленіе Сацердосово или барона Шредера, что все одно, а въ представленіе бароново внесено оно изъ выписки, сдѣланной кн. Трубецкимъ изъ I-й бумаги Баженова въ 21-мъ пунктѣ упоминаемой, въ другихъ же бумагахъ ни въ какихъ имя той особы упоминаемо не было.

3. Возраженія на отвѣты Новикова.

На 1-й. Заклинаніи велики, и характеръ свой описалъ хорошими красками, но дѣяніи его совсемъ противны его изрѣченіямъ, какъ то изъ нижеслѣдующаго оказалось.

На 2-й. Можно сказать, что ни гдѣ не служилъ, и въ отставку пошелъ молодой человѣкъ, жилъ и занимался не больше какъ въ ложахъ, слѣдовательно неисполнилъ долгу служеніемъ, ни Государю, ни государству.

На 3-й. Говоритъ онъ, что де я ни какъ не думалъ чтобъ масонство было противно правительству. Сіе самое доказываетъ, что онъ не мыслилъ о повиновеніи, а меньше о исполненіи положительныхъ государственныхъ законовъ, коими точно всякія тайныя сборищи запрещены, но онъ сего конечно не внималъ, да и внимать нехотѣлъ, а чтобъ они публично собирались, то обличается сія неправда тѣмъ, что въ писанныхъ рукою его о ихъ сборищахъ актахъ, называетъ тѣ сборищи тайными. А что онъ и другіе показаные въ его написаніи, какъ то К. Трубецкой и другіе (какъ то изъ бумагъ его видно) имѣли переписку съ принцами Брауншвейскимъ, Кассельскимъ, и съ Прускимъ министромъ Вельнеромъ, и другими, безъ позволенія правительства и были просителями о прииятіи ихъ подъ свое покровительство и управленіе, а симъ самимъ предались они имъ въ совершенную подчиненность; сіи ихъ поступки, будучи подданными самодержицѣ, никакъ почесть нельзя благонамеренными, а можно заключить что они сіе дѣлали, съ нарушеніемъ Государю и государству должныхъ обязательствъ.

Въ семъ же пунктѣ говорилъ онъ, что де всю большую частію переписку въ Берлинѣ, съ Кутузовымъ и Шрейдеромъ имѣли К. Трубецкой, Тургеневъ

и Лопухинъ, то кажется нужно у нихъ взять бумаги, и о всемъ спросить, изъ чего можно больше получить свѣдений о ихъ дѣяніяхъ и всей связи, ибо Новиковъ говоритъ, что де отъ ихъ сборища почти какъ удалялся.

По изъясненіи имъ о своей непорочности, и усерднымъ къ закону божію, сказано было при написаніи имъ втораго отвѣта, что будебъ, ты былъ таковъ, какъ о себѣ говоришъ, то моглибъ вы удержась правилъ святыя церкви, и евангелія, прибѣгать къ невѣдомому человѣку Рейхелю, и со слезами просить о ученіи тебя закону, имѣвъ ты знакомство съ россійскими пастырями и конечно просвященными и свѣдущими законъ божій.

На 4-й. На сей пунктъ изъясненія нѣтъ потому, что сказано о чемъ слѣдовало въ третьемъ пунктѣ.

На 5-й. Хотя въ семъ пунктѣ и говоритъ онъ, что де онъ принятъ безъ обрядовъ, но сіе неправда; ибо обличается онъ писанными его рукою актами, съ какими ужасными клятвами, цѣлованіемъ креста и евангелія, называя сію клятву секретною присягою, и другими непозволенными обрядами принимались въ сіе сборище.

На 6-й. Что хотя онъ и говоритъ, что де сію присягу вмѣняли они ни во что, а наконецъ де принимали и безъ присяги; но и сего его изрѣченія истиннымъ почесть не можно, потому клявшись такою клятвою и цѣловавъ крестъ и евангеліе, да еще предъ святымъ олтаремъ и жертвенникомъ (такъ онъ въ своихъ отвѣтахъ писалъ), а посему можно усумниться, чтобъ онъ сохранилъ и данную государству въ вѣрности быть; изъ за сего можно ли же уже вѣрить теперешному показанію? А сверхъ сего въ актахъ, писанныхъ имъ сказано, чтобъ правительству о тайнѣ орденской, никакою грозимою казнію не открывать, а по сему можно ли его почесть надежнымъ государству членомъ.

На 7-й. И тутъ говоритъ неправду, ибо какъ въ прошломъ такъ и въ нынѣшнемъ годахъ, были сдѣсь сборищи подъ вѣденіемъ Ленивцова, о чемъ и рапортъ къ нему присланъ.

О ложахъ сказано въ 3-мъ пунктѣ, а послѣ и особое описаніе.

На 8-й. Сей пунктъ довольно доказываетъ, что онъ и его товарищи искали зависимости отъ принца Брауншвейскаго, и что онъ есть великой ихъ мастеръ, въ системѣжъ ихъ рукою Новикова сказано, чтобъ великому мастеру во всемъ повиноваться, въ другомъ же той же системы мѣстѣ, мастеромъ каменьщиковъ называется Богъ.

На 9-й. О сей перепискѣ объяснено въ 3-мъ пунктѣ.

На 10 и 11-й. Сдѣлано на сіи пункты изъясненіи ниже сего.

На 12-й. О продажѣ запрещенныхъ книгъ, хотя и говоритъ что де продовать велѣлъ изъ корыстолюбія, а по городамъ не разсылалъ, а развѣ де

разсылалъ Кольчугинъ; но о семъ говоритъ неправду потому, что письмомъ писаннымъ къ нему съ Дону отъ адъютанта атамана Иловайскаго Попова, которой его увѣдомляетъ о полученныхъ имъ на Дону книгахъ, такъ какъ и въ Казани. Сей Поповъ изъ донскихъ казаковъ, и учился въ университетѣ, а потомъ принятъ въ ихъ сборище, а послѣ сдѣланъ къ атаману Иловайскому адъютантомъ; въ томъ же письмѣ пишетъ, что онъ съ докладу Иловайскаго о продажѣ книгъ сдѣлаетъ на Дону публикацію, а таперь де положены книги въ войсковомъ домѣ.

На 13-й. Былаль цензура книгамъ, надлежитъ выправится въ Управѣ благочинія, удивительно что университетскія начальники видя тѣ книги позволили не только печатать, но и продавать; а что они и Новикову казались дурными, то для сего то и печатаны оные были въ секретной у Лопухина типографіи.

На 14-й. Какъ запрещенные книги взяты только изъ книжной лавки, а въ магазейнѣ осмотра отъ Управы благочинія не было. Сіе упущеніе сдѣлано кажется недѣльно, однакожъ послѣ взятья изъ лавки книгъ тѣжъ самые книги бывшіе въ магазейнѣ, все ихъ сборище продавать осмѣлились.

На 15-й. Въ переводѣ, печатаньѣ, и въ укрывательствѣ при осмотрѣ и въ продажѣ послѣ осмотра, виновны не одинъ Новиковъ, но все ихъ сборище, ибо они видели, что тѣ книги для государства вредны, и уже правительствомъ запрещены, но они однакожъ и за симъ печатали тайно и продавали, то сіе неявносль противу правительства умышленное преступленіе.

На 16-й. Хотя Новиковъ и показываетъ, что де типографія взята на откупъ безъ всякихъ видовъ, но сіе неправда; ибо самъ онъ говоритъ, что отдача оная сдѣлана по препозиціи Хераскова, а какъ Херасковъ есть тутъ директоръ, а ихъ сборища товарищъ, то тутъ не явной ли умыслъ къ обогащенію себя, а казнѣ убытокъ; доказательно сіе тѣмъ, самъ Новиковъ въ Москвѣ показалъ, что онъ въ четыре года барыша получилъ 150,000 руб. а изъ сего довольно ясно, какъ продажею книгъ грабилъ публику, а посему можно ли, какъ онъ себя почитаетъ благонамереннымъ и непорочнымъ, держась истинны назвать.

На 17-й. Что касается до поборовъ, даваемыхъ великому ихъ мастеру, такъ какъ и въ сбираніи ими при пріемѣ въ ихъ ложи приходящихъ сборовъ, хотя онъ и не признается, но кажется безъ обоихъ сихъ издержекъ и поборовъ, обойтится нельзя; но какъ изъ бумагъ его къ обличенію его въ семъ не видно, просителей же нѣтъ, то можно сіе и оставить.

На 18 и 19-й. Хотя онъ и говоритъ, что епископовъ, ни епархій, ни священныхъ храмовъ въ самой вещи не было, а только де въ ложахъ были о семъ одни изрѣченіи, изъ сего судить можно двояко, естьли подлинно были,

то сіе противно законамъ церкви и правительству, будеже не было, то они не сущіель обманщики своихъ товарищей и отвратители отъ пути истинны? Ближе же всего заключить можно, что епархіями они именовали въ разныхъ мѣстахъ ихъ ложи, а мастеровъ называли епископами.

На 20-й. Объ орденѣ хотя и говоритъ, что у нихъ никакого ордена невозлагаютъ, но сіе сказана неправда, потому что изъ бумагъ ихъ видно, что они называютъ его святымъ и дѣлаютъ ему присягу съ ужасною клятвою, а ктомужъ въ бумагахъ его найденъ крестъ Андрѣя первозваннаго, о чемъ онъ въ особомъ пунктѣ ниже сего изъяснилъ, но также скрываетъ о ношеніи оного потому, чтобъ избегнуть за самовольное сего (sic) ордена законнаго осужденія.

На 21-й. Какъ онъ по сему пункту вопрошаемъ былъ двоекратно, по притчинѣ несогласнаго съ существомъ самого дѣла показанія, какъ о томъ значитъ особая при семъ записка; въ семъ пунктѣ самъ онъ признаетъ себя преступникомъ.

На 22-й. Въ семъ пунктѣ явно онъ себя обличаетъ, что онъ преступилъ должность вѣрноподданнаго, но однакожъ говоритъ что де къ Шрейдеру писалъ К. Трубецкой, а что де на то Шрейдеръ писалъ, то де Трубецкой письма не показывалъ; о семъ кажется надобно спросить князя Трубецкова, а притомъ взять и подлинное Шрейдерево письмо.

На 23-й. О тайной типографіи и какіе печатаны книги, въ семъ пунктѣ отвѣта его сказано; изъ сего заключить можно, что они может быть и другіе вредныя печатали книги, о коихъ еще правительство до нынѣ неизвѣстно.

На 24-й. Что о сдѣланіи комитета, для переводу системъ древнихъ народовъ, и богослуженіи, то онъ обличенъ даннымъ его въ сборищѣ предложеніемъ.

На 25-й. Будебъ не было въ ихъ сборищахъ вреднаго, тобъ такихъ вымысловъ дѣлать было не для чего; чтожъ онъ говоритъ, что не зналъ о запрещеніи имѣть тайную переписку; но симъ они извиняемы быть не могутъ потому, что всѣ ихъ сборищи и дѣяніи въ противность законовъ, ибо они не хотѣли онымъ повиноваться, а повиновались повелѣніямъ великаго мастера.

На 26-й. Чтобъ онъ незналъ, почему ихъ описанными имянами въ семъ пунктѣ называли, сіе неправда; а онъ знать долженъ, но открыть о семъ не хочетъ, а что они есть таковы, то обличаютъ яхъ собственные акты и печатаніе тайно развращенныхъ книгъ.

На 27-й. Книга печатана истинъ заблуждени (sic), какъ самъ онъ говоритъ изъ корысти, а по сему какъ онъ можетъ говорить, что де книги они печатали нравственныя, ибо самъ онъ о сей книгѣ говорилъ, что нельзя этому автору

вѣрить, а изъ сего судить должно, что онѣ предпочитали корысть свою болѣе, нежели охранить общество отъ развращенныхъ мыслей.

На 28-й. Что таинственныя книги печатаны съ повелѣніемъ отъ него такимъ чтобъ, имянъ авторовъ не печатать, сіе найдено въ его бумагахъ, а онъ сіе скрываетъ, хотя закрыть сочинителя тѣхъ книгъ; изъ сего можно заключить, что оныя книги конечно вредныя и наполнены развращенными выраженіями, однакожъ можно свѣдать отъ прикащика Кольчюгина, или отъ его товарищей.

На 29-й. Въ отвѣтахъ выше сего описанныхъ, говорилъ онъ что де въ ложахъ происходило, то будтобъ онъ совсемъ незналъ или зналъ мало, а большею частію зналъ Шварцъ; но сіе говоритъ онъ неправду, потому что вся связь ихъ сборища писана рукою его Новикова не только однажды, да и дважды; а по сему видно, что онъ въ семъ сборищѣ первой былъ подвижникъ.

На 30-й. Въ отвѣтѣ говорилъ, что будтобъ между Шварцомъ у него происходила холодность, и будтобъ Шварцъ многое отъ него скрывалъ; но изъ бумагъ его видно первое, говорилъ онъ и товарищи его такіе похвальные при погребеніи его рѣчи, кои достойныбъ были самому великому въ государствѣ мужу, по сдѣланнымъ заслугамъ отечеству; второе, подалъ въ сборище предложеніе о дачѣ женѣ Шварцовой награжденія, а потомъ и о вѣчномъ ей и дѣтямъ пансіонѣ.

На 31-й. Теперь къ закрытію своего преступленія другаго говорить нечего, какъ дать свои толкованіи, то есть различать ограниченной и неограниченной смыслы, но въ самомъ дѣлѣ должно принять дѣланную ими присягу въ томъ смыслѣ, какъ сказано въ вопросномъ пунктѣ, ибо въ Россіи никакая присяга безъ власти правительства употребляема быть не должна.

На 32-й. Въ отвѣтѣ сказалъ, что у нихъ военной ложи нѣтъ, а была де такая ложа въ прошедшую турецкую войну, у Петра Ива. Мелисина и небыло ли еще у князя Гагарина; въ нынѣшнююжъ прошедшую турецкую войну была ли та ложа незнаетъ; о семъ свѣдать можно отъ Мелисина и к. Гагарина, и то только для того, чтобъ узнать военной ложи акты, ибо естьли въ оныхъ такіежъ правила есть, какіе князю Рѣпнину при вступленіи въ орденъ предписаны, то едвали удобны для воина.

На 33-й. Университетская ложа существовала, сіе найдено въ бумагахъ Новикова, чего и онъ не отрицаетъ, а сказалъ что де оная заведена не въ домѣ университета, но особо и была зависима отъ к. Трубецкого, а мастеромъ былъ Страховъ; университетскоюжъ ложею названа она потому, что изъ университетскихъ сколько ихъ было, то почти всѣ въ ней были; изъ сего довольно видно, сколько заботились начальники университета, чтобъ ихъ

сборищи были числомъ людей умножены, забывъ при томъ тѣ правила, для какой государственной пользы университетъ былъ учрежденъ.

На 34-й. О Могилевской ложѣ писано на особомъ листѣ.

На 35-й. Чтобы архивы у нихъ небыло, тому вѣрить нельзя, но какъ Новиковъ говоритъ что нѣтъ, а нужно свѣдать отъ Лопухина, взявъ его бумаги, буде онъ до сего времени ихъ не прибралъ.

На 36-й. О дѣланіи золота и философическаго камня должно спросить князя Трубецкова, ибо онъ переписку велъ съ Кутузовымъ и Шрейдеромъ, да и надъ сборищами главной начальникъ.

На 37-й. Хотя онъ о нетерпимости иллюминатовъ въ ихъ сборищахъ и увѣряетъ, но повелѣніе его писанное рукою, точно говоритъ, чтобъ ихъ терпѣть и не обличать, а посему можно ли уже вѣрить, чтобъ у нихъ въ сборищахъ иллюменатовъ небыло, буде они и сами нетѣжъ.

На 38-й. Называемыя мистическія книги, о которыхъ онъ говоритъ, что незнаетъ и такихъ книгъ чтобъ они писаны спасителемъ нѣтъ, но какъ показаны ему его рукою писанныя слова, что сіи книги писаны духомъ спасителя, то онъ сказалъ, что де я совсѣмъ о семъ забылъ, и изъ запрещенныхъ ли эти книги, и кто ихъ ценсеровалъ непомнитъ. Сіи книги надобно думать таковы, какія терпимы быть не могутъ, то и нужно свѣдать объ оныхъ отъ его товарищей.

На 39-й. Писанная бумага рукою к. Трубецкого послѣ отвѣта показана, и Новиковъ смотря оную сказалъ, при какомъ де обстоятельствѣ Трубецкой дѣлалъ написанныя въ бумагѣ клятвы непомнитъ.

На 40-й. О Ржевскомъ писано на особомъ листѣ о ложахъ.

На 41-й. Локуль письмо писалъ къ Новикову, въ которомъ пишетъ, что получилъ письмо отъ общества, изъ орденской провинціи Французской, въ которомъ благодаритъ за наши книги, которыми они пользуются; а какъ сіе показано, то онъ сказалъ, не помню что это за Локуль и не знаю какіе во Францію посланы нами книги.

На 42-й. О перепискѣ съ герцогомъ, хотя выше сего въ отвѣтѣ и говорилъ, но не съ такою точностію, какъ онъ бумагами его обличался, но послѣ сего вопроса показана была писанная его рукою, изъ которой ясно видно, что ихъ сборище жалобу приносили можно утвердительно сказать на Россію; но онъ смотря на сію бумагу сказалъ, что жалобу приносили ль онъ не помнитъ.

На 43-й. О челобитной писанной къ герцогу ссылается на 3 пунктъ своего отвѣта, которой также сказать можно описалъ не съ совершенною точностію, а о неугодности всемилостивѣйшей Государынѣ о швецкой ложѣ, только по слухамъ.

. . . . . . *

На 45-й. Сей вопросъ сдѣланъ былъ точно изъ ихъ положеній, во многихъ мѣстахъ писанныхъ и такъ называемыхъ, а въ отвѣтѣ говоритъ, что де самою вещію ничего такого въ ложахъ не было, а говорено было о всемъ томъ въ аллегорическомъ и героглифическомъ смыслѣ, и на всѣ де сіи церемоніи въ послѣдующихъ градусахъ, совсемъ съ другой стороны смотрѣно. Сіи ихъ поступки не явно ль обличаютъ, будебъ и подлинно такъ было какъ онъ говоритъ, ихъ бездѣльничество и обманы, прельщающіе людей попадшихся въ ихъ сѣти.

На 46-й. О сей бумагѣ, которая у него въ бумагахъ найдена отговаривается незнаніемъ; но какъ она писана к. Труб., то надлежитъ изъясненіе и подлинную бумагу взять отъ к. Труб.

На 47-й. Нѣтъ кажется нужды дѣлать примѣчанія, а развѣ свѣдать кто Веревкина давитъ.

На 48-й. Довольно видно, что Новиковъ и товарищами своими въ корыстолюбіи былъ замѣченъ.

На 49-й. Сей пунктъ долженъ разрѣшить к. Труб., а не меньше Кутузовъ; ибо Новикова на Шрейдера показанію, по письмамъ писаннымъ отъ Шрейдера князю Трубецкому, вѣрить по явной ссорѣ не можно.

На 50-й. Сей отвѣтъ кажется невѣроятнымъ только въ томъ, что будтобъ Новиковъ не хотѣлъ упражнятся въ орденскихъ дѣлахъ; но по письмамъ его видны въ сборищѣ большіе подвиги, но сіе долженъ разрѣшить его товарищъ.

На 51-й. Сей отвѣтъ не требуетъ большаго изъясненія, потому что довольно видно, что Походяшинъ имъ коварно обольщенъ и обманутъ; ибо 50000 руб. такому каковъ есть Новиковъ повѣрить, да еще и безъ всякаго обязательства, никакъ кажется невозможно.

На 52-й. Что Кочубѣевъ принятъ въ ихъ сборище будтобъ потому, что велѣно ему сдѣлать отъ главнокомандующаго для развѣдыванія что въ ихъ сборищахъ происходитъ, сіе показаніе никакъ справедливымъ почесть невозможно, а ближе къ самой истинѣ то, что они пользоваться могли, увѣдомленіемъ о дѣлахъ производившихся по тайной экспедиціи, ибо онъ такъ сему сборищу вѣренъ, что писалъ многіе на бѣло того сборища акты.

На 53-й. Сія записка значитъ то, что Пруссія, Англія, Голландія и Шведы согласились имѣть съ Россіею войну, и отдать Курляндію и Лифляндію Шведамъ; а какъ писано было о семъ отъ Кутузова къ Трубецкому, то можно у него оное письмо взять.

* Возраженія на 44 п. въ рукописи недостаетъ и оставленъ пробѣлъ для нѣсколькихъ строкъ.

На 54-й. На сей пунктъ изъясненія не нужно, а объясняетъ самое зло та книга, о которой Новиковъ отговаривается незнаніемъ. А какъ нужно знать о авторѣ или переводчикѣ, то должно о семъ свѣдать отъ товарищей Новикова, онаяжъ книга здѣсь продается въ лавкѣ.

На 55-й. О семъ надобно въ пополненіе свѣдать о попахъ у товарищей Новикова.

На 56-й. Какъ онъ о чертежѣ семъ отговаривается незнаніемъ, то нужно изъясненіе взять отъ товарищей князя Трубецкова, Тургенева и Лопухина *.

На 57-й. На сей вопросъ онъ сказалъ, что де эта бумага писана отъ Шрейдера к. Трубецкому, но получено ли обѣщанное имъ, не знаетъ; а посему и должно взять подлинное письмо и объясненіе отъ к. Труб.

III.

1. Показанія доктора Багрянскаго.

Я родился въ 1761 году октября 29 дня въ селѣ Гладкомъ, которое прозывается такъ же и Георгіевскимъ, и принадлежало тогда ротмистру Денису Самойловичу Пожогину-Отрошкевичу; состоитъ же оное Тульскаго намѣстничества въ Новосильскомъ округѣ. Отецъ мой былъ при тамошней церкви священникомъ и назывался Иванъ Леонтьевъ сынъ Багрянской. Онъ и меня по одиннадцатому году отправилъ для наукъ въ Москву, равно какъ трехъ старшихъ моихъ братьевъ, оставивъ у себя единаго для подкрѣпленія старости своей. Привезенъ будучи въ Москву, стараніемъ брата моего записался въ гимназію Императорскаго Московскаго университета въ 1772 году, гдѣ обучался латинскому, греческому и французскому языкамъ, риторикѣ и Россійскому слогу, такъ же чистой математикѣ, геометріи, тригонометріи, алгебрѣ, фортификаціи, исторіи и географіи съ довольнымъ успѣхомъ, чему доказательствомъ служатъ полученныя мною награжденія. Въ 1779 году произведенъ студентомъ и переведенъ въ университетъ въ которомъ слушалъ слѣдующія лекціи: логику и метафизику у господина профессора Аничкова, Россійское и латинское краснорѣчіе у г. профессора Барсова, смѣшанную математику, а именно механику, гидраулику, гидростатику, аэрометрію и физику, подъ руководствомъ г. профессора Роста; и европейскую исторію у г. профессора Чеботарева. Въ 1780 году угодно было начальникамъ моимъ опредѣлить меня учителемъ при благородномъ

---

* Противъ этого пункта на полѣ замѣчено: «сей пунктъ писанъ на особой бумагѣ».

пансіонѣ, что при университетѣ; и сіе было противъ моего желанія, ибо я имѣлъ великое рвеніе упражняться болѣе въ наукахъ и посвятить себя имъ совершенно. Въ томъ же году опредѣленъ отъ конференціи учителемъ въ гимназіи, класса начатковъ синтаксическихъ и греческаго этимологическаго. Съ сего времени средства мои учиться совершенно изчезли, и я довольно дѣлалъ, когда успѣвалъ по должности обучать другихъ. Въ добавокъ же къ сему долженъ былъ я такъ же переводить протоколы конференціи съ латинскаго языка на россійской. Малое жалованье, безпокойства, нѣкоторыя притѣсненія, охота къ дальнѣйшему упражненію въ наукахъ и желаніе лучшаго жребія возродили во мнѣ рѣшимость, просить объ увольненіи меня отъ должностей, но я не могъ самъ себя содержать на собственномъ иждивеніи; для сего началъ я думать о переводѣ книгъ, сдѣлалъ нѣкоторые опыты надъ небольшими сочиненіями, и мнѣ удались оные. Николай Ивановичъ Новиковъ, которому я уже знакомъ былъ по нѣкоторымъ статьямъ, помѣщеннымъ мною въ журналахъ: Московскомъ изданіи и Утренней Зарѣ, принялъ сіи первые мои опыты и романецъ называемой *Инеса де Кастро* помѣстилъ, въ издававшуюся тогда Деревенскую Библіотеку, а другой переводъ подъ титуломъ: *Похвала Сократу* напечаталъ особо. Наконецъ поручилъ онъ мнѣ перевести второй и четвертый томъ *Миллотова основанія всеобщей исторіи.* Вотъ начало сдѣланнаго мною съ нимъ знакомства.

Что касается до перваго вступленія моего въ масоны, сіе послѣдовало въ 1780 году, по совѣту умершаго моего друга и по ученію товарища Рѣпина, который будучи введенъ въ общество масоновъ, убѣждалъ и меня усильно вступить, и наконецъ я принятъ въ ложу Аписъ, коея мастеръ стула былъ князь Юрій Володимировичь Долгорукой, а во время моего принятія занималъ мѣсто его князь Гаврило Петровичь Гагаринъ. Въ сей ложѣ и былъ я токмо одинъ разъ, потому что по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ она остановила работы свои.

Я сказалъ выше, что я рѣшился просить о увольненіи меня отъ учительской должности, сіе и произвелъ я въ дѣйство въ 1782 году; вписался въ медицинской факультетъ и слушалъ лекціи: 1. Анатомію и хирургію у г. профессора и надворнаго совѣтника Керестурія. 2. Физіологію, паталогію и пр. у г. профессора и надворнаго совѣтника Скіадина. 3. Химію и матерію медическую (sic) у г. профессора и надворнаго совѣтника Зыбелина. 4. Натуральную исторію у г. профессора и ассесора Политковскаго. Сей годъ прожилъ я въ наемной квартирѣ. Въ 1783 году перешелъ я въ домъ г. Новикова, продолжалъ переводить вышепомянутую Миллотову исторію, и оная и хожденіе мое на университетскія лекціи были главнымъ моимъ упражненіемъ. Въ концѣ сего же года причислили

меня къ ложѣ Латонѣ, коея мастеръ стула былъ Николай Ив. Новиковъ, и дали мнѣ второй, то есть товарищескій градусъ, а въ началѣ 1784 года и третій, то есть мастерской градусъ. Между тѣмъ я продолжалъ упражняться въ медицынѣ и въ переводѣ вышепомянутой исторіи; въ концѣ 1784 года приняли меня въ такъ называемый теоретическій градусъ. Въ 1785 году принятъ въ Розенкрейцеры Николаемъ Ив. Новиковымъ; при семъ моемъ принятіи присутствовали надворный совѣтникъ Семенъ Ив. Гамалѣя, бригадиръ Иванъ Петровичъ Тургеневъ, маіоръ Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ и надворный совѣтникъ Алексѣй Ив. Новиковъ. Послѣ сего собраній не было; въ семъ же году кончилъ я переводъ Миллотовой исторіи, не токмо свой, но и прочихъ, который мнѣ данъ былъ для пересмотру. Кромѣ сего, въ бытность же мою въ домѣ г. Новикова, перевелъ я книгу: *О подражаніи Іисусу Христу Фомы Кемпійскаго* и другую: *Таинство Креста*, которыя всѣ при мнѣ же и изъ печати вышли, съ дозволенія управы благочинія.

Напослѣдокъ въ 1786 году, получивъ отъ Императорскаго Московскаго университета атестатъ, въ началѣ лѣта, то есть въ началѣ Іюня мѣсяца, отправился я въ чужіе краи. Николай Ив. Новиковъ обѣщался пересылать мнѣ ежегодно по пятисотъ рублей. Въ сей надеждѣ, которая меня и не обманула, выѣхалъ я изъ Москвы чрезъ Бѣлорусію въ Польшу, а изъ Польши чрезъ Вильну проѣхалъ въ Прусію до Кенигсберга, въ семъ городѣ я успѣлъ токмо видѣться съ Россійскимъ Императорскимъ консуломъ, г. Исаковымъ, которой мнѣ по университету знакомъ былъ. Изъ Кенигсберга проѣхалъ я въ Берлинъ. Здѣсь познакомился я самъ собою, безъ всякихъ рекомендательскихъ писемъ съ штабъ-хирургомъ Герке, которой нынѣ служитъ генералъ-хирургомъ при артиллерійскомъ корпусѣ Его Величества Короля Прусскаго. Чрезъ него успѣлъ я видѣть токмо г. профессора Фонтуса и генералъ-хирурга Мурзину; и у перваго былъ въ домѣ и на лекціи, такъ же показали они мнѣ и главную тамошнюю гошпиталь. Болѣе сего въ Берлинѣ ни съ кѣмъ я не сдѣлалъ знакомства, и такимъ образомъ отправился далѣе. Я проѣхалъ Магдебургъ, Галберштатъ, герцогство Клевское, и чрезъ Нимвегенъ и Утрехтъ прибылъ въ Амстердамъ. Изъ сего послѣдняго города пріѣхалъ въ Лейденъ, мѣсто, въ которомъ мнѣ надлежало докончить курсъ наукъ. Въ сдѣшней академіи, поучившись годъ, по желанію моему экзаменованъ факультетомъ и сдѣланъ кандидатомъ; а еще поучившись годъ наконецъ законнымъ порядкомъ произведенъ докторомъ въ 1788 году, а слушалъ въ сей академіи коллегіи слѣдующія:

1) У г. профессора Остердека патологію и практику. 2) У г. профессора Сандифорта анатомію и хирургію. 3) У г. профессора Фолтена матерію медику и практическую и теоритическую Химію. Сверхъ сего ходилъ въ бо-

таническоі садъ и въ учрежденную вновь нарочно для учащихся при академіи, гошпиталь. Пробывъ въ семъ городѣ два года, какъ изъ вышеписаннаго явствуетъ, отправился въ Парижъ, гдѣ продолжалъ такъ же обучаться; главнымъ же образомъ прилѣжалъ тамо къ повивальному искуству теоретическому и практическому, подъ руководствомъ г. Дезормо и другихъ; къ химіи у г. профессора Фурируа; къ натуральной исторіи у графа Дебантона. Сверхъ того посѣщалъ главнѣйшія изъ сдѣшнихъ гошпиталей. Пробывъ въ Парижѣ около года, при возрастающихъ безпокойствахъ, заблагоразсудилъ я возвратиться чрезъ нѣмецкую землю въ отечество, что и учинилъ въ 1789 году. Выѣхавъ изъ Парижа проѣхалъ чрезъ Стразбургъ въ нѣмецкую землю, пробылъ нѣсколько дней въ Франкфуртѣ для отдохновенія, и продолжалъ путь свой далѣе до Лейпцига, сдѣсь также останавливался, но недолго, наконецъ пріѣхалъ въ Берлинъ, ходилъ приватно на лекціи и въ гошпитали, руководствуемъ будучи во всемъ профессорами Мейеромъ и Фрице. Кромѣ сего никакого ни съ кѣмъ знакомства не имѣлъ. Изрѣдка бывалъ въ домѣ Россійскаго Императорскаго министра г. Алопеуса и у прочихъ, находившихся при посланникахъ. Напротивъ того, ни въ какой масонской ложѣ не былъ ни единожды, какъ въ Берлинѣ, такъ и вездѣ, гдѣ ни случалось мнѣ жить; напослѣдокъ рѣшился я возвратиться въ отечество, и отправившись изъ Берлина въ концѣ Іюля 1790 года, прибылъ въ Москву Сентября 8 дня того же года. Въ прошломъ 1791 году явился въ государственную медицинскую коллегію, и по экзаменѣ получилъ дозволеніе отправлять свободно медицинскую практику. Изъ благодарности остался я въ домѣ г. Новикова, получалъ отъ него по 300 руб. въ годъ сверхъ содержанія, въ прочемъ съ пріѣзда моего не былъ я ни въ какомъ собраніи, и не знаю, были ли какія у кого нибудь, такъ же и въ лабораторіяхъ при составленіи лекарствъ особенныхъ, совершенно никакого не имѣлъ участія, занимался же должностію званія моего, а въ свободное время упражнялся въ переводѣ новой Китайской исторіи.

2. Отвѣты Колокольникова на вопросные пункты.

1.

При принятіи на коштъ компаніи, никто и никого къ присягѣ не приводилъ, но я говорилъ о присягѣ, данной мною въ ложѣ масонской, которую я давалъ предъ предсѣдающимъ мастеромъ, каковымъ былъ тогда Петръ Страховъ, присяги формальныхъ словъ я не упомню, но она состоитъ вся въ томъ, чтобы не сказывать никому что въ ложѣ происходитъ.

2.

Подъ компаніею я разумѣю Новикова съ компаніею, члены же оные суть:

к. Трубецкой, г. Лопухинъ, Кутузовъ, Гамалѣя, также князь Гагаринъ я думаю, и прочіе, которыхъ количества я совершенно незнаю. Студенты набранные компаніею адресовались во всемъ Новикову и набиралъ, я думаю именемъ компаніи, Новиковъ, однако о семъ незнаю, кто писалъ къ преосвященнымъ архіереямъ о студентахъ, равнымъ образомъ и мы сперва въ нуждахъ нашихъ адресовались къ Новикову. Число студентовъ было прежде около 30, но уменьшалось вскорѣ потомъ, ибо студенты иные вскорѣ выходили къ должностямъ, когда по выпускѣ первыхъ, то число ихъ уже гораздо уменьшилось, было тогда около 8 или 10 человѣкъ.

3.

Домъ тотъ на чистыхъ прудахъ, и купленъ я думаю на имя г. Лопухина. Содержаніе стоило, какъ я думаю, на каждаго студента около ста рублей, коштъ шелъ всегда отъ Новикова.

4.

Въ томъ домѣ ни мы, ни другіе, не учились ничему, ни должностей, ни обязательствъ ни письменныхъ, ни словесныхъ, никому и ни подъ какимъ видомъ не давали. Съ самаго только начала были шпрахмейстеры нѣмецкаго и французскаго языка, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ были отмѣнены. Обучались всѣ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

5.

Отъ Новикова шелъ коштъ на содержаніе, на имя же Лопухина, какъ кажется, записанъ былъ и купленъ тотъ домъ, впрочемъ другихъ должностей ихъ я совершенно не знаю.

6.

Въ компаніи я къ присягѣ приводимъ не былъ, такъ какъ и другіе студенты, ни кѣмъ и никогда; а я говорилъ и признавался чистосердечно въ масонской присягѣ, о которой я уже выше подъ № 1 упомянулъ.

7.

Обѣщаній я и другіе никому и ни въ чемъ не дѣлали, какъ я выше въ № 4 объяснилъ.

8.

Что касается до платья, носимаго нѣкоторыми изъ компаніи, то я, ей ей, ни отъ нихъ, ни отъ другихъ, ничего не слыхалъ, какое ихъ было намѣреніе носить такой униформъ.

9.

Мы просились сами въ чужіе краи и долго сего добивались, для выслушанія медицины и для полученія градуса. Обязательствъ ни въ чемъ не дѣлали, а обѣщались только г. Лопухину, что мы деньги его попустому тратить

не будемъ, но будемъ жить честно и добропорядочно, не проматывая и не теряя его денегъ. По возвращеніи же нашемъ, г. Лопухинъ въ нуждахъ нашихъ на первый разъ не хотѣлъ оставить, но лестныхъ обѣщаній никакихъ не дѣлалъ.

10.

Книги г. Лопухинъ велѣлъ купить слѣдующія: Versammlungs-Reden, Annulus Platonis, и еще какія то, я теперь не вспомню, всѣхъ до четырехъ или до пяти, которыхъ однакоже мы не купили, ибо ѣхать надобно было по почтѣ, то мы и тѣмъ книгамъ, которыя имѣли съ собою медицинскія, не ради были, потому что при пассажирахъ, ѣдущихъ по почтѣ, опредѣленное только количество фунтовъ принимается. Въ разсужденіи чертежей моихъ, я чертилъ ихъ не въ одно время, читая разныя то масонскія, то алхимическія книги, треугольниками изображалъ я элементы и соединенія ихъ между собою, ибо онѣ такъ изображаются химически, въ разсужденіи же извѣстнаго священнаго начертанія сакраментовъ, я размышлялъ о мѣстахъ, на какихъ они въ церкви нашей совершаются и такъ ихъ размѣтилъ, т. е. я видалъ въ церквахъ, что крещаютъ въ паперти, бракомъ сочетаютъ въ церкви и пріобщаютъ предъ царскими дверями; я дѣлалъ сіе, ей ей, безъ кощунства и потому и на 12 пунктъ отвѣтствую, что сіе не есть ни коверъ какой либо степени, ни другой какой планъ секты, въ чемъ я паки не только подъ присягою сказываю, но и предаю себя наистрожайшимъ законамъ, если я солгалъ.

11 и 12.

Что касается до масонства, то я въ чужихъ краяхъ такъ какъ и мой товарищъ, въ ложахъ никогда не бывалъ, въ Москвѣ же я и мой товарищъ были компаніонами и передъ закрытіемъ ложъ сдѣланы были метрами, ложи же закрыты, какъ я выше упомянулъ, до отъѣзда нашего, года за два или за три, на 12 пунктъ уже я отвѣтствовалъ въ 10 пунктѣ.

13.

Сія степень, въ которой я есть и называется степень метра и достигаютъ ее порядочною и трезвою жизнію и хожденіемъ въ ложу нелѣностнымъ. Сіе писалъ Василій Колокольниковъ.

3. Исторія жизни и дѣлъ моихъ.

(Колокольникова.)

Родился я въ селѣ Пыскорѣ, Пермскаго намѣстничества, обучался латинской граматѣ въ Вятской семинаріи, потомъ въ той же семинаріи былъ учителемъ Латинской грамматикѣ около пяти лѣтъ. Послѣ сего испросивъ уволь-

ненiе отъ Вятской епархiи, съ учительскимъ аттестатомъ, за рукою преосвященнаго Лаврентiя, епископа Вятскаго и съ паспортомъ отправился для прiисканiя себѣ мѣста въ Москвѣ или въ Петербургѣ; имѣлъ при себѣ рекомендательное письмо отъ преосвященнаго Вятскаго къ преосвященнѣйшему Платону Московскому, у котораго по прiѣздѣ моемъ въ Москву я и былъ, и который предлагалъ было мнѣ постричься въ монахи и обѣщалъ сдѣлать учителемъ семинарiи Перервинской; то же совѣтовалъ мнѣ и бывшiй тогда въ Московской академiи префектъ Амвросiй, нынѣшнiй архiепископъ Екатеринославскiй, который прежде былъ учителемъ моимъ въ Вятской семинарiи. Но я не послушалъ ихъ добраго совѣта, ибо желанiе имѣлъ еще болѣе усовершенствовать себя въ наукахъ и такъ записался въ университетъ Московскiй, учиться на первый случай физикѣ експеримтальной и математикѣ, содержался же собственными моими деньгами, привезенными изъ Вятки, которыхъ поелику немного было, то я прiискалъ себѣ двѣ кондиции и, въ свободное время, училъ благородныхъ дѣтей ариѳметикѣ и проч. Такимъ образомъ содержался я около полутора года, но какъ при всемъ томъ терпѣлъ великiй недостатокъ и нужду въ содержанiи себя, и примѣтилъ, что набираются изъ разныхъ семинарiй студенты на иждивенiе компанiи, то выспросивъ у студентовъ о членахъ компанiи, имѣющихъ большее влiянiе въ содержанiи студентовъ, просилъ я чтобы мнѣ дозволено было по крайней мѣрѣ довольствоваться столомъ и жить въ домѣ компанiи съ прочими студентами; сiе было мнѣ отъ г. Лопухина и г. Новикова позволено. Теперь я долженъ Всемилостивѣйшей Государынѣ, мудрой правительницѣ и пекущейся о благѣ подданныхъ своихъ, такъ какъ и правительству ея, чего бы я по данной присягѣ ни какому частному человѣку не долженствовалъ открывать, искренно признаться и чистосердечно размысливъ, присяга данная мною въ вѣрности Государю и правительству, выше той клятвы, которую я далъ малому собранiю, находящемуся также подъ мудрымъ правленiемъ и о мирѣ и тишинѣ подданныхъ пекущимся правленiемъ, признаться я долженъ, хотя прямо о семъ и не былъ спрашиваемъ, ибо я вознамѣрился теперь всю душу мою излiять предъ стопами Ея Величества матери нашей, что я при выпускѣ прочихъ студентовъ по своимъ семинарiямъ, понеже не кончилъ еще курса медицины, начатаго мною и затѣмъ остался еще при университетѣ, чтобы окончить курсъ, между тѣмъ принятъ я въ масоны. Признатся собственное мое было исканiе и любопытство, ввелъ меня нѣкто Стариковъ по прозванiю, котораго я весьма рѣдко потомъ видѣлъ, съ сихъ поръ посѣщалъ я нѣсколько кратъ масонскiя собранiя, передъ отъѣздомъ же въ чужiе краи, года за полтора или за два совсѣмъ масонскихъ собранiй не было, и какъ слышно было, для того, что правительству не угодно было; въ отсутствiи нашемъ

были или нѣтъ собранія масонскія не знаю. Что же касается до ученія масонскаго, то я искренно признаться, кромѣ присяги ничего важнаго и ни добраго ни худаго не замѣтилъ; что же касается до собранія компаніи, гдѣ она собиралась и какая связь членовъ, подъ присягою сказываю, что намъ совсѣмъ не извѣстно, и мы никогда не бывали туда ни приглашены, ни допущены, ибо одни содержавшіе только студентовъ и полагавшіе денежную сумму на пропитаніе оныхъ, какъ я думаю, составляли членовъ компаніи. Члены же компаніи, сколько я замѣтить могъ, суть многіе изъ тѣхъ, которыхъ я въ реестрѣ вашемъ видѣлъ, и которыхъ можно было признать по голубымъ кафтанамъ, золотымъ камзоламъ и черному исподнему платью. О данныхъ имъ новыхъ именахъ, подъ присягою сказываю, что мы доселѣ никогда не слыхали, такъ и о мартинизмѣ и о мартиническомъ ученіи подъ тою же присягою сказывалъ, что я ни малѣйшаго свѣдѣнія не имѣлъ, и ни отъ кого изъ членовъ компаніи не слыхалъ ни мнѣнія ихъ ни толкованія, ни объ религіи ни о священномъ писаніи. Въ разсужденіи посылки насъ въ чужіе краи мы часто просили г. Лопухина снабдить насъ денежною суммою и отправиться въ чужіе краи для усовершенствованія насъ въ медицинѣ и для полученія докторскаго градуса, но онъ всегда отлагалъ, и обнадеживалъ насъ, что скоро Московскій университетъ будетъ имѣть привиллегіею докторами дѣлать. Г. кураторъ Мелиссино передъ отъѣздомъ нашимъ ѣздилъ въ Петербургъ и мы уже непремѣнно ожидали, что онъ привиллегію исходатайствуетъ, однако онъ возвратился не докладывая, какъ слышно, о семъ Государынѣ. И такъ мы съ большою тогда просьбою къ г. Лопухину, и онъ наконецъ согласился насъ чрезъ три года снабдѣвать деньгами. Послѣ чего вскорѣ наняли мы, ѣдущихъ въ Лейпцигъ на ярманку за товарами, русскихъ извощиковъ, до самаго Лейпцига за 45 дукатовъ и отправились въ Лейденъ черезъ Лейпцигъ, учиться единственно медицинѣ и взять градусъ докторскій, изъ Лейпцига до Лейдена ѣхали по почтѣ. Въ Лейденѣ учились у г. Сандифорта анатоміи, у г. Волтелена химіи и фармакопіи, у г. Остердека практической медицинѣ и подъ его же руководствомъ посѣщали учрежденную тамъ больницу для бѣдныхъ, у г. Бругманса слушали натуральную исторію о птицахъ, рыбахъ и проч. и ботанику. По прожитіи двухъ лѣтъ въ Лейденѣ и по выслушаніи курсовъ медицинскихъ, экзаменованы были въ собраніи докторовъ и профессоровъ въ медицинѣ и удостоены были докторскихъ чиновъ. Послѣ сего хотѣлось-было намъ для обученія повивальному искусству отправиться въ Парижъ, такъ какъ и всѣ антецессоры наши посылаемые въ Голландію дѣлывали, но по неустройствамъ и безпорядкамъ нынѣшнимъ въ Парижѣ, мы не осмѣлились туда пуститься. И такъ хотѣли было отправиться въ Швейцарію, но доѣхавъ до Стразбурга, нашли тамъ двухъ студентовъ,

обучающихся медицинѣ на коштѣ Государевомъ, изъ коихъ одинъ по прозванію Базилевичь, сказывалъ намъ, что онъ не задолго передъ тѣмъ былъ въ Швейцаріи, но что повивальной коллегіи особенной совсѣмъ нѣтъ и притомъ содержаніе чрезвычайно дорого, по причинѣ многихъ тамъ капитальныхъ воежировъ для увеселенія пріѣзжающихъ. И такъ мы принуждены были отправится въ Геттингъ, чтобы по крайней мѣрѣ въ послѣдній сей годъ успѣть въ натуральной исторіи; но понеже лекціи въ семъ университетѣ всѣ преподаются на нѣмецкомъ, намъ не весьма знакомомъ языкѣ, то я воротился въ Лейденъ, чтобы не потерять попустому послѣдняго года и чтобы походить еще въ больницу и вторично переслушать практическую часть медицины. Невзоровъ же, мой товарищъ, захотѣлъ остатся въ Геттингѣ и ходилъ къ г. Блюменбаху на натуральную исторію; проживъ я въ Лейденѣ мѣсяца четыре, получилъ отъ доктора философіи Еммерта, который товарища моего екзерсировалъ почти каждодневно въ нѣмецкомъ языкѣ, письмо, что товарищъ мой отчаянно боленъ, и ипохондричаетъ въ высочайшей степени, и такъ я въ ту же пору отправился опять въ Геттингенъ. Пріѣхавъ я, спрашивалъ причину болѣзни; докторъ Еммертъ и другой докторъ медицины, приставленные къ нему отъ проректора тамошняго, лѣчившіе его и приходившіе къ нему по два и по три раза въ день сказывали, что онъ поелику мало былъ свѣдущъ въ нѣмецкомъ языкѣ, то ухватился переводить Блюменбахову нѣмецкую натуральную исторію на латинской языкъ, которой и весьма много въ короткое время перевелъ, чтобы и въ нѣмецкомъ языкѣ и въ натуральной исторіи тѣмъ болѣе и скорѣе умѣть, ибо одинъ только годъ оставался доживать въ чужихъ краяхъ. Живущіе въ квартирѣ сказывали и другую причину, которая бы не къ похвалѣ его послужила, если бы я ее захотѣлъ здѣсь припомнить; однако если дѣло изслѣдовано будетъ и та причина откроется, то я и ее не хочу утаить; мнѣ сказывали, что онъ влюбленъ былъ въ дѣвку, въ домѣ томъ живщую, потратилъ на нее много денегъ, а склонить не могъ и такъ, потративъ деньги и не довольно успѣвъ въ натуральной исторіи, впалъ въ сіе болѣзнь. Я оставляю сію точнѣйшему изслѣдованію, но другихъ причинъ ни отъ кого тамъ не слышалъ. Онъ во время бѣшенства, пока еще оно не усилилось, писалъ отчаянное, какъ я слышалъ, письмо къ г. Лопухину, что онъ деньги его пропилъ и промоталъ, однако о пьянствѣ его и безпутной жизни ни кто мнѣ не сказывалъ, напротивъ того увѣряли, что онъ честно жилъ. Тогда какъ начиналъ онъ выздоравливать отъ сей болѣзни, бросилъ прочія книги, началъ читать библію и между прочимъ переводилъ книгу, которой переводъ у васъ теперь между другими бумагами находится. По пріѣздѣ моемъ въ Геттингенъ я нашелъ его выздоравляющаго, однако же ни со мною ни съ приходящими, не говорилъ онъ

почти ни слова, выходилъ только прогуливаться за городъ въ садъ, хозяйки у которой жили; черезъ мѣсяцъ, какъ жары лѣтнія усилились, то онъ опять впалъ въ прежнюю болѣзнь, ночь и день бѣгалъ по комнатѣ скорѣйшимъ образомъ и потерявши уже всѣ силы, падалъ на короткое время на постелю. Дней черезъ шесть, въ которые онъ ничего не ѣлъ и не пилъ, насилу могъ я его склонить, чтобы кусокъ хлѣба съѣлъ, въ противномъ случаѣ едва ли бы могъ живъ остаться, мало по малу потомъ собрался съ силами, и я ему уже не былъ радъ. Мы бы непремѣнно хотѣли въ концѣ Сентября выѣхать оттолѣ и возвратиться въ отечество, но остановка была за деньгами, цѣлые восемь мѣсяцевъ не получали мы отъ г. Лопухина ни письма, ни денегъ на расплату долговъ небольшихъ и на дорогу; потомъ въ половинѣ зимы, около святокъ, получивъ мы деньги и размѣнявъ одинъ вексель, спѣшили выѣхать изъ Геттингена и выѣхали около 20 Генваря сего года, ибо жить болѣе не зачѣмъ было и я уже въ сей полугодичный курсъ, которой въ Ноябрѣ начался, ни къ кому на лекцію не записывался. Въ лѣтній же полугодичной курсъ записывался я на натуральную исторію и на сравнительную анатомію, составъ животныхъ съ человѣческими частями. Что касается до книгъ, рекомендованныхъ г. Лопухинымъ, онъ совѣтовалъ намъ ихъ на ярмонкѣ въ Лейденѣ купить и прочитать и вывезть съ собою, но съ какимъ намѣреніемъ и къ чему онъ насъ готовилъ, мы не знаемъ. Въ прочемъ, если между пустыми моими начертаніями есть какой планъ, если вскорѣ или когда либо и и гдѣ либо найдется, то я подвергаю себя не только страшному суду Божію, но и настрожайшимъ законамъ гражданскимъ. Также есть ли г. Лопухинъ точно мартинистъ, есть ли онъ противникъ правительства или исказитель священнаго писанія, то я клятву даю никогда ни съ нимъ, ни съ тѣми, съ которыми онъ въ связи находится, никакого сообщенія ни словами, ни письменно, не имѣть, даже и никогда не жить въ Москвѣ. За бѣднаго моего товарища также во все то время, въ которое онъ со мною жилъ, присяжно ручаюсь, что онъ ничего худаго не сдѣлалъ, что онъ не противникъ правительству, ни христіанскому закону. Въ Москвѣ я отъ многихъ слыхалъ, что г. Новикова и всѣхъ тѣхъ, которые съ нимъ имѣютъ дружбу и обращеніе, называютъ мартинистами, какъ-то: г. Гамалѣя, Кутузова, г. Лопухина, Трубецкаго, князя Гагарина и прочихъ, которыхъ имена я не упомню, мы прежде сего никакихъ чиновъ неимѣвшіе, нынѣ же докторами выѣхавшіе, можетъ бы быть получивъ чрезъ нихъ прибыльныя мѣста и сдѣланы бы были членами компаніи; но теперь поелику мы никогда еще въ ихъ компанію не входили и связи ихъ, какъ я выше сказалъ, не знаемъ, то и не знаемъ, ей ей, что они собравшись въ компаніи дѣлаютъ. И такъ теперь хотя бы и стали приглашать насъ въ члены компаніи такой, которой связь не извѣстна никому, то

мы отрицаемся ея навсегда, а желаемъ напротивъ того, сообразно воли монаршей и законамъ ея, жить и довольствоваться состоянiемъ и мѣстами такими, которыя намъ правительство дать заблагоразсудитъ, знаки же прочiе, которые чертилъ, чертилъ безъ всякаго худаго намѣренiя, знавши и читавши многiя масонскiя книги. Сiе писалъ Василiй Колокольниковъ.

4. Вопросные пункты бывшему въ чужихъ краяхъ студенту Невзорову о нижеслѣдующемъ:

1) Изъяснить вамъ обстоятельно, какая это компанiя, которая набирала студентовъ, такъ какъ и васъ и на чьемъ именно вы и другiе были содержанiи, и сколько такихъ студентовъ при васъ было?

2) Гдѣ тотъ домъ, въ которомъ компанiя дозволяла вамъ и другимъ студентамъ жить и давала вамъ и другимъ столъ, и какъ вы полагаете, чего бы стоило сiе содержанiе и изъ какого кошта?

3) Чему вы въ томъ домѣ учились, и какими и другiе вамъ подобные обязаны должностьми, и какiя съ васъ и другихъ браны обязательства, письменныя или словесныя, и кѣмъ, какъ и когда?

4) Новиковъ и Лопухинъ въ компанiи и домѣ въ какихъ должностяхъ, и кѣмъ они поставлены въ оныя?

5) Кто васъ и другихъ приводили къ присягѣ, въ чемъ оная состояла, гдѣ и какъ сiе происходило и въ чемъ вы именно обѣщались?

6) До свѣдѣнiя дошло, что мартинисты носятъ голубые кафтаны, золотой камзолъ и черное исподнее платье, то объяснить какiя изъ сего платья выводятъ они свои положенiя?

7) Объяснить вамъ, сами ль вы просились, или кто васъ уговаривалъ ѣхать въ чужiе краи, такъ какъ и о томъ, какiя вы дали обязательства и кому, что вамъ тамъ дѣлать, такъ же и по возвращенiи, какiя вамъ дѣлали лестныя обѣщанiя, и въ чемъ оныя состояли?

8) Какiя книги велѣлъ Лопухинъ покупать въ чужихъ краяхъ и вывозить сюда?

9) Видѣли ль вы у товарища Колокольникова бумагу, начерченную гiероглифами, и что она значитъ?

10) Извѣстно здѣсь, что масонства считаютъ 16 степеней, такъ какъ и то что вы масонъ, то и открыть вамъ чистосердечно какой вы степени, какъ оную называютъ, и куда вы хаживали въ ложу въ Москвѣ, и кто и сколько вашихъ товарищей?

11) Въ присутствiи Ивана Ивановича Шувалова между прочимъ говорили вы, что Лопухинъ писалъ къ вамъ будто вы были во Францiи и въ на-

родномъ собраніи, то и показать вамъ, по самой истиннѣ, были ль вы въ ономъ или не имѣли ль какого сообщенія или сношенія съ членами народнаго собранія?

12) Такъ же сказали вы, что откроете великую важность, то и скажите теперь чистосердечно и безъ всякой утайки, въ чемъ оная состоитъ и до кого касается?

13) Изъясните причину, почему вы называете въ Невскомъ монастырѣ, митрополита, монаховъ и прочихъ іезуитами?

14) Сверхъ того говорили вы между прочимъ, что ваше ученое общество отвратило бунтъ въ Россіи, то и показать вамъ обстоятельно, какимъ образомъ сіе происходило, кто имѣлъ намѣреніе къ бунту, гдѣ и когда, и какимъ образомъ оное общество тотъ бунтъ отвратило?

5. Докладъ Императрицѣ о студентѣ Невзоровѣ.

1792 года Августа 18 числа, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, содержащійся въ Санктпетербургской крѣпости извѣстный студентъ Невзоровъ, по причинѣ той, что оный на дѣланные вопросы, по дѣлу производившемуся о немъ и о его товарищахъ, тайному совѣтнику Шешковскому ни о чемъ отвѣтствовать не хотѣлъ, говоря, что де по привиллегіи университета, безъ присутствія университетскаго члена, или командира Ивана Ивановича Шувалова, ни предъ какимъ судомъ отвѣтствовать не долженъ, и хотя ему Невзорову неоднократно было говорено, что спрашивается по Высочайшему соизволенію Ея Императорскаго Величества, но онъ на то говорилъ, я де этому не вѣрю. Наконецъ сказано ему Невзорову было, что если онъ отвѣтствовать не будетъ, то онъ яко ослушникъ власти, по повелѣнію Ея Императорскаго Величества будетъ сѣченъ, на что онъ съ азартомъ говорилъ, я де теперь въ вашихъ рукахъ, дѣлайте что хотите, выведите меня на эшафотъ, и публично отрубите голову. Привезенъ былъ въ домъ его высокопревосходительства Ивана Ивановича, и въ присутствіи его сдѣланная записка изъ дѣла и изъ собственныхъ Невзорова изреченій, дѣланныхъ имъ по вопросамъ тайнаго совѣтника Шешковскаго, и какія ему дѣланы убѣжденія, чтобъ повинуясь волѣ всемилостивѣйшей Государыни отвѣтствовалъ порядочно, гдѣ такъ же изъясняемо и о причинѣ взятія его и его товарища подъ стражу, чтена; но Невзоровъ выслушавъ ту записку сказалъ, что я этому, чтобъ члены ученаго общества дѣлали такія преступленія, не вѣрю, и за оныхъ, такъ какъ и за книгу что онъ переводилъ, отвѣчаю своею головою.

Послѣ сего его высокопревосходительство Иванъ Ивановичь спросилъ

его, знаетъ ли онъ Невзоровъ его, на что Невзоровъ сказалъ, что я де васъ знаю. Иванъ Ивановичь говорилъ ему: я сожалѣю, что воспитанникъ университета щедротами всемилостивѣйшей нашей Государыни, и прямо сказать матери, нашелся въ такомъ упорствѣ и не повиновеніи высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ, въ томъ, что онъ не отвѣтствовалъ тайному совѣтнику Шешковскому, на дѣланные ему вопросы; на сіе Невзоровъ сказалъ, я не долженъ былъ отвѣчать письменно, по данной университету привиллегіи и не хотя оной нарушить. Иванъ Ивановичъ, по довольномъ объясненіи, что онъ находится о данной привиллегіи въ заблужденіи, ибо въ оной того, чтобъ студентовъ не судить безъ университета и по криминальнымъ дѣламъ, или бъ же неповиноваться имяннымъ Императорскаго Величества повелѣніямъ, отнюдь не сказано; а по сему и нахожу я сіе твое изрѣченіе и ссылку на привиллегію совершеннымъ заблужденіемъ и упрямствомъ.

Послѣ сего его высокопревосходительство объяснилъ ему, сколь велико человѣколюбіе и милосердіе Ея Императорскаго Величества, что презря такое его непростительное упрямство, за которое онъ достоинъ по всѣмъ законамъ тяжкому наказанію, но Ея Императорское Величество, по врожденному своему человѣколюбію и милосердію, спасая тебя отъ строгости законовъ, соизволила указать прислать тебя ко мнѣ. Я, видя столь оказанное къ тебѣ отъ Ея Величества истинно неслыханное милосердіе, по долгу званія моего, и яко твой начальникъ, приказываю тебѣ отвѣтствовать на всѣ дѣланные тайнымъ совѣтникомъ Шешковскимъ вопросы, чистосердечно и искренно, не утаивая ни малѣйшаго обстоятельства, а тѣмъ паче Богомъ ненавистныя лжи и скрытія всѣхъ твоихъ дѣяній; ибо всему свѣту извѣстно, что никакое преступленіе человѣка, преодолѣть милосердія ея не можетъ, такъ равно и никакое ухищреніе и неправда отъ ея прозорливости укрыться не можетъ. На что оной Невзоровъ сказалъ, я теперь отвѣтствовать буду, но тотъ же моментъ, безъ всякаго вопроса говорилъ, я за товарищей своихъ ученаго общества отвѣчаю головою, такъ какъ и за книгу, которую я въ чужихъ краяхъ переводилъ, что въ ней противнаго греческой церкви ничего нѣтъ, отвѣчаю жъ головою; а она противъ папы и іезуитовъ, а въ Невскомъ монастырѣ всѣ іезуиты, и меня душили магнизаціею, такъ какъ и въ крѣпости всѣ іезуиты, и тутъ также его мучатъ составами Калліостро, горючими матеріями. А какъ сказано ему было чтобъ были въ Невскомъ іезуиты, это неправда, ибо архіерей въ ономъ человѣкъ честной, набожной и ученой, на сіе Невзоровъ сказалъ, тамъ де всѣ точно іезуиты, и меня и въ супахъ кормили ядомъ, и я уже хотѣлъ выскочить въ окошко; караульные въ Невскомъ, намѣстникъ, однимъ словомъ, всѣ іезуиты, а солдаты и сержантъ изъ корпуса шпіоны, и могу сказать, что есть и разбойники, которые имена себѣ

перемѣнили, а въ крѣпости есть и изъ запорожцевъ. И хотя Невзоровъ Иваномъ Ивановичемъ и Шешковскимъ довольно былъ увѣряемъ, что солдаты люди добрые и вѣрные и что противъ живота его конечно ни кого нѣтъ, да и быть не можно, а онъ на то сказалъ: во Франціи де, гдѣ прежде бунтъ начался, какъ не въ Бастиліи, вѣдь и сдѣсь былъ Пугачевъ, да есть де еще какой-то подобной ему Метіолкинъ. Послѣ сего спрошенъ былъ Невзоровъ, для чего онъ въ Невскомъ не пошелъ на исповѣдь и не сообщился святыхъ таинъ, ибо товарищъ его Колокольниковъ сіе все по долгу христіанскому исполнилъ. Невзоровъ на сіе усмѣхнувшись сказалъ: я не хотѣлъ, да и у кого тамъ исповѣдываться, въ Невскомъ всѣ мужики и бѣлые попы, они всякой день играютъ комедіи, а отъ товарища своего Колокольникова отрицаюсь, потому что онъ іезуитъ, я много покажу важности. Оному же Невзорову сказано, что Ея Императорское Величество, приближаясь болѣе къ милосердію, нежели къ строгости законной, всемилостивѣйше повелѣла, освободя тебя и товарища, опредѣлить по указномъ экзаменѣ въ должности докторами, но ты и отъ оной отрекся; на что Невзоровъ сказалъ: я де можетъ быть докторомъ то и быть не хочу, а желаю быть подъячимъ, вѣдь насильно къ должностямъ не опредѣляютъ. Послѣ сего Иванъ Ивановичъ, отдавъ оному Невзорову за подписаніемъ руки его повелѣніе, чтобъ онъ отвѣтствовалъ на всѣ вопросы чистосердечно и письменно, Невзоровъ просилъ не можно ли де ему отвести другіе покои, а въ этомъ покоѣ писать онъ не можетъ, потому что подъ покоемъ, гдѣ онъ сидитъ, множество горючихъ матерій, да думаю, что тутъ много и мертвыхъ. Оному жъ Невзорову сказано было, чтобъ онъ употреблялъ порядочную пищу, и взялъ бы присланное къ нему бѣлье, такъ и порядочную по милосердію всемилостивѣйшей Государыни одежду; на что онъ сказалъ, мнѣ ничего ненадобно, ибо всякое бѣлье и платье намагнитизировано. Потомъ оной Невзоровъ отослалъ обратно въ крѣпость. Послѣ сего его высокопревосходительство Иванъ Ивановичъ, съ сожалѣніемъ по человѣчеству, заключеніе сдѣлалъ таково, что оной Невзоровъ въ умѣ помѣшанъ.

IV.

Списки съ указовъ Императора Павла, графу А. Н. Самойлову.

1.

Графъ Александръ Николаевичъ! содержащагося въ крѣпости Шлюссельбургской отставнаго поручика Николая Новикова, со слугою его, доктора Багрянскаго и унтеръ-шихтмейстера Ивана Кузнецова; Кексгольмской унтеръ-шихтмейстера же Петра Кузнецова и Кольской крестьянина Ивана Гридякина, всемилостивѣйше повелѣваемъ освободить.

Въ С. П.-бургѣ
Ноября 7 числа
1797 года.

На подлинномъ подписано собственною
Е. И. В. рукою такъ:

Павелъ.

2.

Графъ Александръ Николаевичъ! Бумаги, касающіяся до обвиненія отставнаго поручика Николая Новикова и соучастниковъ его, повелѣваемъ взнесть въ нашу комнату.

3.

Гр. Ал. Ник. Запрещеніе выѣзжать статскому дѣйствительному совѣтнику князю Николаю Трубецкому изъ Воронежскаго, бригадиру Тургеневу изъ Симбирскаго намѣстничества, а статскому совѣтнику Лопухину изъ Москвы, всемилостивѣйше повелѣваемъ разрѣшить.

Списокъ съ указа сенату 1796 г. Дек. 15.

Указъ нашему Сенату. Отставнаго бригадира Ивана Тургенева всемилостивѣйше пожаловали мы въ наши дѣйствительные статскіе совѣтники, повелѣвая быть ему директоромъ нашего университета въ Москвѣ, съ такимъ жалованьемъ, какое получалъ его предмѣстникъ.

1796 г.
Дек. 15 дня
Въ С.-Петербургѣ.

На подлинномъ подписано собственною
Е. И. В. рукою тако:

Павелъ.

Списокъ съ указа генералъ-прокурору 1798 г. Апр. 16.

Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ князь Куракинъ. Содержащагося въ здѣшнемъ домѣ съумасшедшихъ студента Невзорова, въ разсужденіи выздоровленія его, повелѣваемъ отпустить

въ Москву къ сенатору Лопухину съ тѣмъ, чтобы онъ за него и за поведеніе его отвѣчалъ. Пребываемъ къ вамъ благосклонны.

На подлинномъ подписано собственною
Е. И. В. рукою тако:

Павелъ.

Въ С. П.-бургѣ
Апрѣля 16 дня
1798 года.

Списки членовъ масонскихъ ложъ.

I. Аглицкое масонство подъ правленіемъ его в. п. Ивана Перфильевича Елагина, полученное отъ какого то лорда Питера:

Его в. п. Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, провинціальный великій мастеръ.

Подъ правленіемъ его были ложи, сколько могу упомнить, въ Петербургѣ:

1) Провинціальная ложа.

2) Его собственная ложа.

3) Владиміра Ивановича Лунина.

4) Его превосходительства Петра Ивановича Мелесино.

5) Его превосходительства Ивана Васильевича Несвицкаго.

6) Аглицкая ложа, въ ней не знаю никого.

7) Маіора Якова Федоровича Дубянскаго.

8) Въ городѣ Архангельскомъ ложа, въ ней не знаю ни кого.

9) Въ Володимірѣ при графѣ Романѣ Ларіоновичѣ Воронцовѣ, которой самъ въ провинціальной ложѣ, а ложею управлялъ, помнится, секретарь его, Петръ Ивановъ Бергъ. Были и еще подъ правленіемъ его ложи въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ, но тѣхъ не помню.

Всѣ сіи ложи существуютъ или нѣтъ, и имѣютъ ли собранія или нѣтъ, совершенно о томъ не извѣстенъ.

Члены сго ложъ, которыхъ могу вспомнить:

1) Его превосходительство Алексѣй Логиновичъ Щербачевъ.
2) Его превосходительство Степанъ Васильевичъ Перфильевъ.
3) Его превосходительство Алексѣй Андреевичъ Ржевской.
4) Алексѣй Степановичъ Дьяконовъ, помнится бригадиръ.
5) Николай Ивановичъ Карцовъ, помнится маіоръ.

6) Иванъ Борисовичъ Лецано, помнится ассесоръ.

7) Иванъ Семеновичъ Захаровъ, титулярный совѣтникъ.

8) Докторъ Эли.

9) Его превосходительство Петръ Семеновичъ Свистуновъ, но его вѣрно не помню.

Кромѣ сихъ ни кого не могъ вспомнить.

II. Шведское масонство, подъ правленіемъ к. Куракина, но онъ не вступалъ въ распоряженія, а отдалъ к. Гав. Петровичу Гагарину, подъ управленіемъ котораго были:

<table>
<tr>
<td>Сіи всѣ, по сколько мнѣ извѣстно, не существуютъ.</td>
<td>
Капитель Петербургской, въ немъ префектъ князь Гавр. Петр. Гагаринъ, а прочихъ не знаю.

Капитель Московской, былъ ли особливой или по пріѣздѣ князя въ Москву изъ Петербурга переведенъ, вѣрно не знаю.

Подъ правленіемъ его были ложи:

1) Великая ложа, великой мастеръ кн. Гагаринъ.
2) Провинціальная ложа въ Москвѣ, великой мастеръ кн. Юрья Владиміровичъ Долгорукой.
3) Ложа Александра Матвѣевича Карамышева, которой помнится былъ ассесоромъ.
4) Ложа Алексѣя Яковлевича Ильина, титулярнаго совѣтника, была въ Москвѣ; были и еще подъ правленіемъ его въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, но тѣхъ не помню.
</td>
</tr>
</table>

Члены его ложъ, которыхъ упомню:

1) Его превосход. Федоръ Ивановичъ Глѣбовъ.

2) Князь Иванъ Петровичъ Гагаринъ.

3) Князь Николай Ивановичъ Одоевской.

Кромѣ сихъ никого не могъ вспомнить.

III. Рейхельское масонство по Берлинскому акту.

Сначала подъ правленіемъ барона Рейхеля, а по соединеніи съ его превосход. Иваномъ Перф. Елагинымъ подъ его правленіемъ, бывшія ложи:

<table>
<tr>
<td>Существуютъ ли и собираются или нѣтъ сіи ложи, о томъ не извѣстенъ.</td>
<td>1) Нѣмецкая ложа, великой мастеръ баронъ Рейхель, а послѣ Розенбергъ, помнится маіоръ.</td>
</tr>
</table>

Сія уничтожилась.	2) Ложа кн. Николая Никит. Трубецкаго.
Сія также помнится уничтожилась.	3) Ложа Ивана Артемьевича Артемьева, прав. сената оберъ-секретаря.
О сей ложѣ также не знаю, собирается или нѣтъ.	4) Ложа Андрея Андреевича Нартова, статскаго дѣйствительнаго совѣтника.
О сей ничего не знаю.	5) Въ Ревелѣ нѣмецкая ложа, въ ней никого не зналъ.
При отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга уничтожилась и члены всѣ разошлись кромѣ показанныхъ съ нами.	6) Моя ложа.
Сія также уничтожилась.	7) Ложа маіора Якова Федоровича Дубянскаго, въ которою при соединеніи съ Иваномъ Перфильевичемъ, опредѣленъ былъ въ 1776 году Александръ Васильевичь Храповицкой.

Члены сихъ ложъ, которыхъ могу помнить:

Всѣ сіи съ нами въ связи не были, кромѣ двоихъ, которые тамъ и показаны съ нами.	1) Игнатій Антоновичъ Тейлсъ, тогда былъ секретаремъ при совѣтѣ въ кадетскомъ корпусѣ. 2) Василій Николаевичъ Гурьевъ, прав. сената секретарь. 3) Андрей Яковлевичъ Будбергъ, тогда кадетской капитанъ. 4) Яковъ Ивановичъ Вейраухъ, кадетской же капитанъ. 5) Петръ Васильевъ, живописецъ. 6) Адамъ Яковлевичъ Брантъ, въ штатѣ гр. Брюса. 7) Алексѣй Васильевичъ Скрипицынъ, кон. гвардіи вахмистръ. 8) Иванъ Слатвинской, отечества и чина не помню. 9) Иванъ Афонасьевичъ Дмитревской, придворной актеръ. 10) Его превосход. Алексѣй Ивановичъ Васильевъ. 11) Его высокород. Андріянъ Ивановичъ Васильевъ. 12) Федоръ Ивановичъ Васильевъ. 13) Левъ Васильевичъ Тредьяковской.

Сверхъ сихъ были ложи:

Сіи члены и ложи, при Шварцѣ, были нѣсколько времени съ нами въ соединеніи, но какъ началась и кончилась сія связь упомнить не могу; а помню что тогда были они въ переписке съ кн. Николаемъ Никитичемъ Трубецкимъ.	1) Льва Васильев. Тредьяковскаго. 2) Василья Ивановича Крюковскаго. *По симъ ложамъ члены:* 1) Его превосход. Алексѣй Андреевичъ Ржевскій. 2) Его превосход. Федоръ Ивановичъ Глѣбовъ. 3) Его сіятельство графъ Александ. Сергѣевичъ Строгановъ. 4) Баронъ Строгановъ.

Кромѣ сихъ упомнить ни кого не могъ.

IV. Масонство Берлинское, въ Москвѣ по пріѣздѣ профессора Шварца начавшееся:

По смерти Шварца оба уничтожились, какъ показано въ 3 пунктѣ.	1) Капитель кн. Трубецкаго, въ немъ онъ былъ префектомъ. 2) Капитель Татищева, въ немъ онъ былъ префектомъ.

Ложи:

Всѣ сіи 7 ложъ уничтожились въ 1786 году, какъ показано въ 3 пунктѣ и послѣ того собраній не имѣли.	1) Князя Трубецкаго. *Подъ ея правленіемъ:* 2) Князя Константина Михайловича Енгалычева, титулярнаго совѣтника. 3) Ложи Ивана Андреевича Барнашова, коллежск. ассесора. 4) Петра Ивановича Страхова, титулярнаго совѣтника. 5) Петра Алексѣевича Татищева, гвардіи маіора. *Подъ ея правленіемъ:* 6) Харитона Андреевича Чеботарева, коллежскаго ассесора и профессора. 7) Тусеня, англійскаго купца.
О сей ложѣ ничего не знаю.	8) Пенемалева, французская.

9) Моя ложа, въ которой послѣ былъ Иванъ Петров. Тургеневъ, бригадиръ.

Подъ ея правленіемъ:

10) Ив. Влад. Лопухина, бригад.

11) Алексѣя Михайловича Кутузова, преміеръ-маіора.

12) Сем. Ив. Гамалѣя, надв. совѣтн.

13) Федора Петровича Ключарева, прокуроромъ былъ.

Сіи 5 ложъ уничтожились такъ же въ 1786 году, какъ показано въ 3 пунктѣ и послѣ того собранія не имѣли.

Ложи бывшіе въ другихъ городахъ:

14) Въ Орлѣ, Захара Яковлевича Корнеева, вице-губернатора.

15) Въ Могилевѣ, Андрея Ивановича Веревкина, директора экономіи.

16) Въ Вологдѣ, Владиміра Ивановича Остолопова; чина его не помню, но знаю что онъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія.

О сихъ ложахъ такъ же положено было, чтобы оні тогда же въ 1786 году уничтожены были и собранія больше не имѣли; но вѣрно не знаю не имѣютъ ли они собранія, а вѣдаютъ о семъ объ Орловской и Вологодской Ив. Влад. Лопухинъ, а объ Могилевской Гамалѣя.

17) Въ Кременчугѣ, Ивана Федоровича Бѣлоусова, коллежск. ассесора.

18) Въ Казани, Лихачева, кромѣ фамиліи не помню.

19) И помнится была еще ложа Николая Алексѣевича Дьякова, въ Харьковѣ или гдѣ въ другомъ городѣ, не помню.

То же что сказано о ложахъ подъ № 14, 15 и 16, а вѣдать объ нихъ должны объ Казанской Гамалѣя, а о Кременчугской и Дьякова Иванъ Влад. Лопухинъ.

I. Члены Берлинскаго масонства въ Москвѣ, которые управляли всѣмъ симъ заведеніемъ и по масонству и по типографической компаніи.

1) Баронъ Шредеръ, поручикъ.

2) Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ, преміеръ-маіоръ.

3) Князь Николай Никитичъ Трубецкой, дѣйствительный статской совѣтникъ.

4) Я.

5) Князь Юрья Никитичъ Трубецкой, генералъ-поручикъ.

6) Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, бригадиръ.

7) Иванъ Петровичъ Тургеневъ, бригадиръ.

8) Семенъ Ивановичъ Гамалѣя, надворный совѣтникъ.

NB. Петръ Алексѣевичъ Татищевъ имѣлъ участіе при профессорѣ Шварцѣ и послѣ, до уничтоженія ложъ.

II. Члены, о которыхъ я совершенно не знаю, имѣли ли какое участіе или вліяніе въ управленіи дѣлами, но по обстоятельствамъ и знакомствамъ, могли имѣть участіе, мнѣ неизвѣстное.

Принятъ въ орденъ.	1) Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ.
Въ теоретическомъ градусѣ.	2) Егоръ Егоровичъ Гине.
Принятъ въ орденъ.	3) Князь Константинъ Михайловичъ Енгалычевъ.
Въ теоретическомъ градусѣ съ правомъ главнаго надзирателя, а въ орденъ еще не принятъ, по показаннымъ причинамъ.	4) Его сіятельство кн. Николай Васильевичъ Рѣпнинъ.
Назначенъ къ принятію въ теоретической градусъ.	5) Сергѣй Ивановичъ Плѣщеевъ.

Кромѣ сихъ не знаю, кто бы могъ имѣть хотя мнѣ неизвѣстное участіе.

III. Члены, которые въ управленіи не имѣли никакого участія, и только что приняты въ орденъ, и въ другіе градусы, въ которыхъ они показаны, сколько мнѣ извѣстно.

Всѣ сіи приняты въ орденъ.

1) Михайло Матвѣевичъ Херасковъ, кураторъ.
2) Князь Алексѣй Александровичъ Черкаской.
3) Иванъ Ивановичъ Френкель, докторъ, сей управляетъ аптекою.
4) Алексѣй Ивановичъ Новиковъ, надворный совѣтникъ.
5) Василій Васильевичъ Чулковъ, бригадиръ.
6) Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ, надворный совѣтникъ и профессоръ.
7) Михайло Ивановичъ Багрянской, докторъ.

Нижеслѣдующіе члены приняты въ теоретической градусъ и состоятъ подъ управленіемъ Ивана Владиміровича Лопухина.

Надъ ними главнымъ надзирателемъ Иванъ Петровичъ Тургеневъ.

8) Федоръ Петровичъ Ключаревъ, ассесоръ.
9) Петръ Владиміровичъ Лопухинъ, бригадиръ.
10) Петръ Петровичъ Тургеневъ, капитанъ.
11) Яковъ Ивановичъ Зундблатъ, надворн. совѣтн.
12) Антонъ Ивановичъ Клауде, живописецъ.
13) Иванъ Ивановичъ Панаевъ, губерн. прокуроръ.
14) Василій Савичъ Горбуновъ, купецъ.
15) Иванъ Афанасьевичъ Дмитревскій.

Надъ ними главнымъ надзирателемъ Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ.

16) Петръ Алексѣевичъ Татищевъ, гвардіи секундъ-маіоръ.

17) Петръ Петровичъ Татищевъ преміеръ-маіоръ.

18) Александръ Михайловичъ Лупинъ, генералъ-порутчикъ.

19) Николай Алексѣевичъ Дьяковъ, подполковникъ.

20) Петръ Гавриловичъ Бѣляевъ, секундъ-маіоръ.

21) Михайло Васильевичъ Неклюдовъ, бригадиръ.

22) Князь Федоръ Сергѣевичъ Гагаринъ, полковникъ.

23) Петръ Лукичъ Вельяминовъ, надворн. совѣтн.

24) Василій Петровичъ Митусовъ, полковникъ.

25) Алексѣй Николаевичъ Щепотьевъ, гвардіи капитанъ-поручикъ.

26) Николай Григорьевичъ Петелинъ, секундъ-маіоръ.

27) Руфъ Семеновичъ Степановъ, надворный совѣтникъ.

28) Князь Николай Михайловичъ Козловской, подполковникъ.

29) Князь Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ, флота капитанъ 2-го ранга.

30) Прокофій Лукичъ Багмевской, премiеръ-маіоръ.

31) Князь Александръ Михайловичъ Козловской, гвардіи прапорщикъ.

32) Илья Никитичъ Кожинъ, полковникъ.

Въ Орлѣ.

Надъ сими главной надзиратель Захаръ Яковлевичъ Корнѣевъ, вице-губернаторъ.

33) Григорій Николаевичъ Нелединской, надворный совѣтникъ.

34) Семенъ Александровичъ Неплюевъ, губернаторъ.

35) Владиміръ Матвѣевичъ Ржевской, флота капитанъ.

36) Василій Михайловичъ Милоновъ, кол. ассесоръ.

37) Иванъ Яковлевичъ Корнѣевъ, секундъ-маіоръ.

38) Дмитрій Лукьяновичъ Бабарыкинъ, совѣстный судья.

39) Николай Яковлевичъ Свербѣевъ, статской совѣтникъ.

Въ Санктпетербургѣ.

Надъ сими въ должности главнаго надзирателя Александръ Алексѣевичъ Лѣнивцовъ, премiеръ-маiоръ.

Есть ли же у нихъ ложи и собираются ли, я не зналъ до показанiя мнѣ бумагъ Ив. Влад. Лопухина, ибо хотя они мнѣ и даны были, но я ихъ не распечатывалъ, какъ показано мною въ дополненiи.

40) Петръ Ивановичъ Тимофѣевъ, секундъ-маiоръ.

41) Князь Григорiй Алексѣевичъ Долгорукой, флота капит. 3-го ранга.

42) Степанъ Даниловичъ Микулинъ, инженеръ-маiоръ.

43) Петръ Яковлевичъ Титовъ, коллежскiй ассесоръ.

44) Петръ Яковлевичъ Ильинъ, коллежскiй совѣтникъ.

45) Василiй Ивановичъ Крюковскiй, коллежскiй совѣтникъ.

Въ Вологдѣ.

Надъ сими въ должности главнаго надзирателя Владимiръ Ивановичъ Остолоповъ, коллежскiй ассесоръ.

46) Василiй Ферапонтовичъ Рудометовъ, городовой землемѣръ.

47) Семенъ Степановичъ Сердобольскiй, губернскiй землемѣръ.

48) Гаврiилъ Петровичъ Зотовъ, губернскiй секретарь.

49) Дмитрiй Ивановичъ Дмитревскiй.

Въ Москвѣ.

50) Матвѣй Михайловичъ Десницкiй.

51) Яковъ Емельяновичъ Тихомировъ. Управляется чрезъ Десницкаго.

52) Назначенный къ принятiю въ сей градусъ Иванъ Федоровичъ Бѣлоусовъ.

Надъ сими главный надзиратель

53) Алексѣй Федоровичъ Ладыженскiй, полковникъ.

54) Николай Алексѣевичъ Ладыженскiй, генералъ-маiоръ.

55) Григорiй Максимовичъ Походяшинъ, премiеръ-маiоръ.

56) Василiй Ивановичъ Баженовъ, коллежскiй совѣтникъ.

57) Николай Ларiоновичъ Сафоновъ, помнится маiоръ.

58) Баронъ Иванъ Петровичъ Черкасовъ, капитанъ.

59) Гелвихъ, иностранецъ, а больше о немъ не знаю.

60) Кочубей, Василій Григорьевичъ, коллежскій ассесоръ.

61) Евстафій Федоровичъ Звѣракъ, надворный совѣтникъ.

и управляетъ ими Семенъ Ивановичъ Гамалѣя.

62) Алексѣй Александровичъ Плѣщеевъ, чина не упомню.

63) Илья Федоровичъ Ладыженскій, помнится подполковникъ.

64) Андрей Федоровичъ Аничковъ, коллежскій ассесоръ.

65) Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ, губернскій секретарь.

66) Матвѣй Алексѣевичъ Алексѣевъ, прапорщикъ.

Сіи приняты были только въ масонскіе градусы, а въ какіе не упомню.

67) Василій Яковлевичъ Карачинскій, надворный совѣтникъ.

Сей принятъ былъ такъ же въ масонскіе градусы, но съ 1786 года отсталъ.

Gross-Officianten der provinz.

Der Prior — Peter a signo triumphale, Peter Tatischew.

Decanus — Georgi a fortitudine, Juri Nikitesch Trubetskoy, Gen. Lieut.

Sénior — Michael ab arista maturante, Michael Matweitsch Cheraskow.

Visitator — Nicolai ab aquila boreali — Fürst Nikolae Nikititsch Trubetskoi.

Thesaurarius — Nicolai ab ancora — Nic. Iwan. Novikow.

Cancellarius — Georgi ab aquila — Asses. Schwarz.

Procurator — Alexius ab equitate — Fürst Alexei Alexandr. Tcherkasky.

Directorium.

Vice-President — Johannes a luce orta. Iwan Wladimirow. Lopuchin pro thesaurarium der Provinz und comissarius der Moskow. praefectur.

Representant der Moskow. Praefectus, Alexandre a Luna crescente. Gen. Lunin Alex. Michailowitsch, Moskow. pro prefect.

Representant von Riga — Petrus a speculatione, Major Fröhlich.

Ditto von Petersbg. — Peter Lukitsch Weljeminow, Petrus a campana.

Отрывокъ изъ допросовъ (вѣроятно Новикова).

Кто Неастесъ?—не знаю, а думаю, что знаетъ кн. Трубецкой.
Порректусъ, онъ же Пинатусъ — кн. Ник. Никитичъ Трубецкой.
Гарганусъ — профессоръ Шварцъ.
Филусъ — Ив. Владимiровичъ Лопухинъ.
Вегетусъ — Ив. Петровичъ Тургеневъ.
Пiусъ — Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ.
Титонисъ — Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ.
Виваксъ — Алексѣй Ивановичъ Новиковъ.
Хаосъ — Василiй Васильевичъ Чулковъ.
Коловiонъ — Николай Ивановъ сынъ Новиковъ.
Iязопъ — Тусенъ, купецъ чужестранный.
Цинцинатусъ — помнится кн. Константинъ Михайловичъ Енгалычевъ.

Всѣ сiи имена или названiя присылаемы были изъ Берлина, каждому при дозволенiи принять его въ орденъ и слышалъ я, что они составляемы бываютъ изъ имени и фамилiи каждаго; и по принятiи каждый симъ именемъ называется въ письмахъ и собранiяхъ, другаго же значенiя сему никакого я не знаю.

Ордеръ данный 15 Мая кн. Прозоровскимъ маiору кн. Жевахову.

Объявилъ уже я вамъ лично именной, данный мнѣ отъ Его Императорскаго Величества указъ, чтобъ вы отправились съ будущими при васъ командой и прочими чинами. Для почтовыхъ и обывательскихъ лошадей даны вамъ отъ меня подорожныя, до мѣста вамъ назначеннаго. Деньги на прогоны вамъ даны и особенное имѣете отъ меня секретное наставленье *, а въ случаѣ надобномъ въ чемъ либо помощи, объявлять сiе можете главнымъ начальникамъ, наличнымъ въ губернiяхъ, которые и благоволятъ всѣмъ потребнымъ васъ снабжать, а меня секретно увѣдомлять.

Черновые отрывки бумагъ, писанные рукою, похожею на Шешковскаго.

Во всѣхъ бумагахъ Новикова, особой присяги подписанной Тургеневымъ, ни просто, ни подъ именемъ Филуса, не найдено, думать можно, что ее и не было; ибо въ отвѣтахъ его у кн. Ал. Ал. Прозоровскаго, между

* Напечатано въ Лѣтоп. Русск. Лит. и Древн. № 11, стр. 38 и слѣд., потому и не помѣщается сдѣсь.

прочимъ, собственною его рукою написано: «въ сборищахъ нашихъ..... а отнюдь не властелинъ» *.

Что жъ касается до названія его Филусомъ, то между бумагами найдено подъ однимъ спискомъ, который при дѣлѣ имѣется въ копіи, подписался Филусомъ. Оный списокъ начинается такимъ образомъ: списокъ братьямъ, теоретическимъ философамъ, находящимся подъ управленіемъ Филуса, непосредственно и чрезъ главныхъ надзирателей подчиненныхъ ему и пр. Въ концѣ онаго списка подписано латинскими литерами Philus, что де означаетъ бригадира Тургенева.

(Та же бумага въ сокращенномъ видѣ находится въ дѣлѣ и писана тою же рукою).

Въ 791 году сдѣланъ типографической компаніи договоръ.

1) Въ коемъ уничтожена сія компанія, имѣніе жъ, домъ у Никольскихъ воротъ, книги, типографія, аптека Спасская, отданы безповоротно Новикову, гдѣ сказано, что отъ него все они по условію, платежъ и удовольствіе (sic), такъ же претензію другъ на друга, равно и долговъ, кому либо должны были отвѣтствовать компаніею, болѣе не существуетъ; а по сему сей компаніи члены никто за симъ отданнаго Новикову имѣнія требовать права не имѣетъ.

2) Показано по вѣдомости долговъ 1.300,000 руб., чтобъ былъ долженъ Новиковъ, изъ счету не видно, такъ же и того, почему вмѣнилъ Подходяшинъ платить долги и за кого, именно въ вѣдомости или счетѣ не показано; такъ же и того, чтобы онъ Подходяшинъ съ компаніею или съ Новиковымъ имѣлъ какія условія, изъ бумагъ не видно. Да и счетъ сей сдѣланъ прежде Новикова компаніею уничтожено; то если бъ такой великой долгъ былъ на компаніи или на Новиковѣ, то бъ не можно было все во владѣніе отдать Новикову, но думать можно, что Подходяшинъ о семъ долгѣ требованіе свое объявилъ тогда, когда уже Новикова имѣніе арестовано.

3) Въ письмахъ у Новикова найдены облигаціи, данныя изъ банка Походяшинымъ на знатную сумму, то по сему думать должно, что Походяшинъ не имѣлъ нужды давать Новикову такія довѣрія тогда, когда онъ, сверхъ тѣхъ облигацій, должнымъ почиталъ столь великою суммою себѣ Новикова; ибо все имѣніе Новикова по существу своему отнюдь не стоитъ той суммы, какую показываетъ по счетамъ Походяшинъ....

* Лѣтоп. Русск. Лит. и Древн., т. V, отд. II, стр. 87.

Собственноручная записка Императрицы Екатерины.

Сіе письмо кажется писано тогда, когда многіе изъ нихъ на Новикова сердились и начинали его подозрѣвать въ неисправныхъ счетовъ. Сіи счеты и нынѣ еще между ими подаютъ причины къ раздѣленію мысли — однѣ извиняютъ его а другіе обвиняютъ, но ни кто не оправдываетъ.

Все Тургеневымъ писанное соберите въ одну связь, выведите что онъ то Philus.

Показанія Новикова.

1) Въ 1775 году вступилъ въ англійское масонство, въ ложу И. Е. Елагина, которое, потомъ равно какъ и шведское оставивши, привязался къ масонству, привезенному изъ Берлина барономъ Рейхелемъ и имѣлъ свою ложу въ Петербургѣ. По пріѣздѣ въ Москву, въ 1779 году, взявъ въ содержаніе университетскую типографію и познакомившись съ масономъ Шварцомъ, профессоромъ университетскимъ, составилъ съ нимъ ложу, которой члены были, кромѣ его и Шварца, князь Трубецкой, М. М. Херасковъ, кн. Черкасской, Тургеневъ, кн. Енгалычевъ, Кутузовъ, а послѣ Ив. Вл. Лопухинъ и С. И. Гамалѣя. Въ 1781 году Шварцъ отправленъ былъ въ чужіе края для сысканія истинныхъ актовъ масонства, котораго начало принято ими отъ Рейхеля. По возвращеніи его были они въ перепискѣ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, какъ великимъ мастеромъ всего нѣмецкаго масонства и съ берлинскими братьями. Шварцъ въ 783 году умеръ и мѣсто его заступилъ баронъ Шрейдеръ, изъ Берлина пріѣхавшій и къ нимъ присоединившійся. Въ 784 году составилась въ Москвѣ типографическая компанія, въ 785 году баронъ Шрейдеръ, купивъ извѣстный домъ графа Гендрикова для заведенія въ немъ аптеки, больницы и пансіона, отлучился въ чужіе края, откуда потомъ писалъ, что по разстроенному его состоянію тотъ домъ, въ долгъ почти имъ купленный, не можетъ онъ болѣе за собой сохранять и потому компанія его купила. Въ 787 году, по объявленному Шрейдеромъ приказанію, имъ полученному, ложи всѣ закрылись впредь до возвѣщенія объ открытіи ихъ и сіе бездѣйствіе и молчаніе наложено по причинѣ великаго распространенія и пронырствъ такъ называемыхъ иллюминатовъ, враговъ истиннаго древняго масонства. Въ томъ же году отправился съ Шрейдеромъ въ Берлинъ Кутузовъ отъ лица братій, для полученія наставленія въ орденскихъ управленіяхъ, дабы познавши ихъ, могъ онъ потомъ заступить въ Москвѣ мѣсто Шварца и барона Шрейдера. При отъѣздѣ Кутузова въ Берлинъ, дано ему наставленіе, что ежели онъ замѣтитъ, что связь

орденскую захотять употреблять къ политическимъ видамъ, то немедленно бъ оттуда выѣхалъ.

2) Признался въ продажѣ запрещенныхъ книгъ, послѣ сдѣланнаго запрещенія, говоря, что осмѣлился то сдѣлать ради выгодъ своихъ.

3) Въ тайной типографіи печатались только книги для употребленія между собой, а не на продажу.

4) Студентовъ изъ разныхъ семинарій содержали съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобъ сдѣлать изъ нихъ хорошихъ переводчиковъ и учителей, а въ масоны ихъ не прочили.

5) Хотя въ отобранныхъ у него бумагахъ и находятся предписанія о дѣланіи золота, исканіи камня философскаго и прочихъ химическихъ практическихъ работахъ, но какъ изъ нихъ ни кто еще не зналъ практическаго отправленія сихъ работъ, то всѣ предписанія оставались безъ всякаго исполненія, Кутузовъ же въ Берлинѣ долженъ былъ между прочимъ и тому научиться.

6) Подъ именемъ мистическихъ книгъ, извѣстны были между ими тѣ книги, кои учеными въ классъ мистическихъ книгъ помѣщены, а не ими по произволенію такъ именованы были; что же въ бумагахъ ихъ находится изрѣченіе о книгахъ, писанныхъ Спасителемъ, того не помнитъ и не знаетъ какія то книги и никогда объ нихъ не слыхалъ.

7) Въ магіи и кабалѣ ни кто еще изъ нихъ не упражнялся потому, что были еще въ нижнихъ градусахъ.

8) О чертежѣ и обо всемъ въ немъ написанномъ объявилъ, что ничего объ немъ не знаетъ, а показывалъ ему его Шварцъ, говоря, что онъ расположенъ и написанъ кабалистически, что его объяснить нельзя, ибо чтобы понимать его, надо быть въ высшихъ градусахъ, и что сей чертежъ долженъ быть показанъ каждому члену одинъ только разъ при его принятіи.

9) Объявляетъ, что та ужасная бумага, о коей спрашивается, писана и дана ему Баженовымъ, черезъ котораго доставляли они свои книги извѣстной *особѣ*, признаетъ свое преступленіе въ томъ, что онъ объ ней тогда же не открылъ, но впрочемъ клянется, что никакого злаго намѣренія по поводу сей бумаги съ товарищами своими не имѣлъ, а только желалъ одного покровительства той *особы*. Какого же оная бумага содержанія, того изъ дѣла не видно.

Объясненій товарищей Новикова при дѣлѣ не находится, равно какъ и бумагъ, у него отобранныхъ и по коимъ онъ обвиненъ былъ, ибо они по Высочайшему повелѣнію, всѣ внесены были въ Ноябрѣ 1796 года, при освобожденіи Новикова, въ комнату блаженной памяти Государя Императора Павла Петровича; а изъ имѣющейся при дѣлѣ копіи съ рескрипта отъ 19 Августа 1792 года къ бывшему въ Москвѣ градоначальнику, князю Прозо-

ровскому, видно, что по отобраннымъ у Новикова бумагамъ и по учиненному слѣдствію, обвиняется онъ въ слѣдующемъ: 1) Въ имѣніи тайныхъ сборищъ и въ совершеніи въ оныхъ ужасныхъ клятвъ; 2) въ подчиненіи себя съ орденомъ мимо законной власти, герцогу Брауншвейгскому; 3) въ тайной переписке съ принцемъ Гессенкасельскимъ и Прусскимъ министромъ Велнеромъ, изобрѣтенными шифрами и въ такое время, когда Берлинскій дворъ оказывалъ Россіи явное недоброхотство; 4) въ употребленіи разныхъ способовъ къ уловленію въ свою секту извѣстной по отобраннымъ бумагамъ особы; 5) въ изданіи запрещенныхъ, развратныхъ и противныхъ закону православному книгъ и пр.

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА Г. ПОЦЦО ДИ БОРГО О НЕМЪ САМОМЪ,

ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ИМЪ ПОСЛУ НАШЕМУ ВЪ ВѢНѢ, ГРАФУ РАЗУМОВСКОМУ, 1 ІЮНЯ Н. СТ. 1804 ГОДА.

Remis à Mr. l'ambassadeur de Russie le 1 Juillet 1804 *.

(Сообщ. **К. К. Злобинымъ.**)

Je suis né à Ajaccio dans l'île de Corse, de parents nobles et d'une ancienne famille de gentilshommes du pays; j'ai eu le bonheur d'une éducation régulière. J'avais vingt ans lorsqu'on assembla la noblesse de l'île pour la rédaction des cahiers des doléances et la nomination d'un député aux étast généraux; j'etais assez connu pour être nommé secrétaire de cette assemblée et pour assister en qualité de commissaire à la formation de ces mêmes cahiers.

Depuis 1789 jusqu'en 1792 je fus envoyé deux fois en mission à Paris pour des affaires relatives à l'existence politique de la Corse. Le résultat des ces missions me procura beaucoup de popularité parmi mes compatriotes.

---

* Переводъ.

Я родился въ Аяччіо на островѣ Корсикѣ, отъ благородныхъ родителей, изъ стариннаго мѣстнаго дворянскаго рода; я имѣлъ счастіе получить правильное образованіе. Мнѣ минуло двадцать лѣтъ, когда было собрано дворянство острова для составленія записокъ о нашихъ жалобахъ и для назначенія депутата въ генеральные штаты. Я пользовался достаточною извѣстностію и потому былъ выбранъ въ секретари этого собранія; сверхъ того въ званіи коммиссара я участвовалъ въ составленіи вышеозначенныхъ записокъ.

Съ 1789 до 1791 года я два раза былъ посланъ въ Парижъ по дѣламъ, относившимся до политическаго существованія Корсики. Эти порученія доставили мнѣ значительную популярность между моими соотечественниками.

Le 8 Mars 1793 je fus déclaré avec le général Paoli *hors de la loi* par la convention nationale; trois commissaires membres de cette même convention furent envoyés pour l'exécution du décret. Paoli et moi nous nous retirâmes dans les montagnes et avec l'assistance des habitans nous parvînmes à chasser les français de tous les points excepté Calvi, San Fiorenzo et Bastia. Napoléon Bonaparte qui s'était attaché aux commissaires de la convention fut obligé dans cette circonstance de quitter l'île avec toute sa famille, ce qui eut lieu le 7 Juillet de la même année.

En 1794 au mois de Janvier les anglais nous offrirent du secours et nous firent la proposition de traiter avec eux. Nous acceptâmes et en moins de trois mois les places qui étaient encore au pouvoir de l'ennemi furent forcées de se rendre; je commandais les corses dans toutes ces opérations. Toute l'île ainsi délivrée des français, on assembla la consulta pour fixer la forme du gouvernement. Le 10 Juillet 1794 un traité fut signé par le chevalier Elliott ministre du Roi d'Angleterre et par le général Paoli et moi, au nom des corses. Ce traité contenait la constitution du pays qui fut jurée par le plénipotentiaire anglais et par nous, réunis en assemblée générale.

Une députation fut envoyée à Londres pour présenter la convention au Roi, qui daigna la ratifier. Sa Majesté en fit mention dans son discours d'ouverture et les deux chambres la remercièrent selon l'usage.

Объявленіемъ національнаго конвента 8 Марта 1793 года я вмѣстѣ съ генераломъ Паоли поставленъ *внѣ закона*. Для приведенія этого опредѣленія въ дѣйствіе были посланы три коммиссара изъ членовъ конвента. Паоли и я удалились въ горы; и съ помощію жителей мы успѣли изгнать Французовъ изъ всѣхъ мѣстностей, исключая Кальви, Санъ-Фіоренцо и Бастіи. Наполеонъ Бонапарте, который состоялъ при коммиссарахъ конвента, былъ при этихъ обстоятельствахъ принужденъ выѣхать съ острова со всѣмъ своимъ семействомъ; это происходило 7 Іюля того же года.

Въ 1794 году въ Январѣ мѣсяцѣ, Англичане предложили намъ помощь и пригласили насъ войти въ соглашеніе съ ними. Мы приняли ихъ предложенія и меньше чѣмъ въ три мѣсяца всѣ города, которые находились еще во власти непріятеля, принуждены были сдаться. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ я былъ предводителемъ Корсиканцевъ. Такимъ образомъ весь островъ былъ освобожденъ отъ Французовъ; для того чтобы опредѣлить форму правленія, собрали консульту. 10 Іюля 1794 года былъ подписанъ договоръ — съ одной стороны кавалеромъ Элліотомъ, министромъ короля Великобританскаго,—съ другой стороны генераломъ Паоли и мною отъ имени Корсиканцевъ. Въ этомъ договорѣ заключалась конституція острова, на которую присягнули какъ англійскій полномочный, такъ и мы въ общемъ нашемъ собраніи.

Въ Лондонъ отправлена была депутація, чтобъ представить королю договоръ. Король изволилъ его утвердить и упомянуть о немъ въ своей тронной рѣчи, при открытіи парламента, а обѣ палаты по обыкновенію изъявили ему за то свою признательность.

Le chevalier Elliott, aujourd'hui lord Minto, fut nommé Vice Roi et Sa Majesté m'honora dans le même tems de la charge du président du conseil d'état en Corse; cette place était la première que les corses s'étaient reservée dans l'ordre politique qu'on venait d'établir.

Au mois d'Octobre 1796 le ministère anglais effrayé plus qu'il n'était nécessaire des malheurs du moment, ordonna à la flotte et aux troupes anglaises d'abandonner la Corse et la Méditerranée en général. Cette désertion laissait à la France la liberté d'agir contre nous avec son escadre de Toulon et son armée d'Italie: pour surcroît de malheur ce même Bonaparte vaincu et . . . . . . * dans les derniers troubles de l'île se trouvait alors à la tête de cette armée victorieuse. Dans la situation critique où je me trouvais, dénué de toute ressource, je sentis l'impossibilité d'opposer une résistance efficace à tant de forces, réunies à tant d'animosité. Porto-Ferrajo était alors en notre pouvoir; je pris donc la résolution de m'y retirer avec un nombre affidé de mes compatriotes. Les anglais consentirent aussi de laisser quelques troupes dans la forteresse. Nous étions là plus retrécis et en état de mieux nous défendre; en attendant on envoya à Londres pour savoir si on voulait tenter de rétablir les affaires de la Méditerranée. La réponse ayant eté négative, je pris la résolution de passer en Angleterre. L'amiral Nelson me reçut à son bord et j'eus le bon-

---

Кавалеръ Эллiотъ, нынѣ лордъ Минто, былъ назначенъ вице-королемъ и Его Величество удостоилъ тогда назначить меня предсѣдателемъ Корсиканскаго государственнаго совѣта. Эта должность была главнѣйшая изъ тѣхъ, которыя Корсиканцы предоставили себѣ въ политическомъ устройствѣ, принятомъ для острова.

Въ Октябрѣ 1796 года Англiйское министерство, устрашенное болѣе чѣмъ слѣдовало несчастiями этого времени, приказало флоту и Англiйскимъ войскамъ оставить Корсику и вообще Средиземное море. Это распоряженiе давало Францiи возможность обратить противу насъ Тулонскую эскадру и свою Италiанскую армiю; къ довершенiю бѣдствiя, этою побѣдоносною армiею начальствовалъ тотъ самый Бонапартъ, который былъ побѣжденъ во время послѣднихъ смятенiй на островѣ. Въ томъ критическомъ положенiи, въ которомъ я тогда находился, не имѣя никакихъ средствъ, я сознавалъ невозможность противупоставить полезное сопротивленiе стольким силамъ, въ соединенiи съ такимъ ожесточенiемъ. Порто-Феррайо въ то время былъ въ нашей власти; по этому я рѣшился удалиться туда съ оставшимися мнѣ вѣрными моими соотечественниками. Англичане также согласились оставить нѣсколько войскъ въ крѣпости. Тамъ мы были болѣе сосредоточены и имѣли болѣе возможности обороняться; между тѣмъ послали въ Лондонъ справиться, хотѣли ли тамъ сдѣлать попытку для поправленiя дѣлъ на Средиземномъ морѣ. Отвѣтъ былъ отрицательный, по этому я рѣшился отправиться въ Англiю. Адмиралъ Нельсонъ принялъ меня на свой корабль и на пути я имѣлъ счастiе быть свидѣтелемъ сраженiя съ Испанцами при мысѣ Санъ-Винцент-

* Неразборчивое слово.

heur d'assister en passant à la bataille du cap Saint Vincent contre les Espagnols. Je m'embarquai trois jours après la bataille sur un autre vaisseau qui me porta à Plymouth où j'arrivai avec le chevalier Elliott le 6 Mars 1797.

Le gouvernement anglais se chargea de la subsistance de mes compatriotes qui avaient été obligés d'émigrer. Le secours fut modeste, mais suffisant dans la mauvaise fortune. Le Roi m'accorda une pension de 400 livres sterling à cause de la *situation éminente que j'avais occupée dans le pays* et des services que j'avais rendus. Ce sont les expressions de Monsieur Pitt dans sa lettre écrite à ce sujet.

J'ai demeuré à Londres jusqu'au mois d'Août 1798. Lord Minto ayant été nommé ministre du Roi à Vienne il obtint de Lord Grenville la permission de me prendre avec lui. On avait alors les plus grandes espérances. L'armée Russe et Monsieur le comte d'Artois avec le corps de Condé et les Suisses devaient entrer en Franche comté. J'étais sûr par des promesses et des arrangemens précités d'avoir une part honorable dans cette expédition. Les revers arrivés à cette époque me condamnèrent de nouveau à l'inaction.

Tout étant perdu en 1801 je retournai de nouveau en Angleterre où j'ai demeuré jusqu'à la paix d'Amiens. Croyant que cette trêve durerait quelques mois de plus et d'ailleurs étant découragé par la persévérance du malheur je suis revenu à Vienne en Septembre 1802 pour y vivre comme

---

скомъ. Черезъ три дня послѣ сраженія, я пересѣлъ на другой корабль, на которомъ и прибылъ въ Плимутъ съ кавалеромъ Эллiотомъ 6 Марта 1797 г.

Англійское правительство приняло на себя содержаніе тѣхъ изъ моихъ соотечественниковъ, которые принуждены были оставить родину. Пособіе было умѣренное, но въ несчастіи оно было достаточно. Король пожаловалъ мнѣ пенсію въ 400 фунтовъ стерлинговъ по уваженію высокаго положенія, которое я имѣлъ въ моемъ отечествѣ, и моихъ заслугъ. Такъ выразился г. Питтъ въ письмѣ своемъ по этому предмету.

Я жилъ въ Лондонѣ до Августа мѣсяца 1798 г. Лордъ Минто былъ назначенъ Великобританскимъ министромъ въ Вѣнѣ и получилъ отъ лорда Гренвилля разрѣшеніе взять меня съ собою. Въ то время всѣ имѣли величайшія надежды. Русская армія и его высочество графъ д'Артуа съ корпусомъ Конде и со Швейцарцами должны были вступить во Франшъ-Конте. На основаніи данныхъ мнѣ обѣщаній и предшествовавшихъ распоряженій я былъ увѣренъ, что въ этой экспедиціи мнѣ будетъ дано почетное мѣсто. Неудачи, послѣдовавшія въ это время, снова осудили меня на бездѣйствіе.

Въ 1801 году все было потеряно, и я снова возвратился въ Англію, гдѣ я оставался до Амьенскаго мира. Полагая что это перемиріе продолжится еще нѣсколько мѣсяцевъ и потерявъ мужество въ слѣдствіе постоянныхъ неудачъ, я возвратился въ

je fais en simple particulier et jouir des agrémens qui j'ai trouvés dans la société et l'amitié des personnes respectables.

Malgré cette résolution, me trouvant dans la vigueur de l'âge et avec une âme qui ne peut pas se rendre indifférente à tout ce qui arrive, je suis dévoré du désir de m'occuper honorablement. De tous les gouvernemens et les pays auxquels je voudrais m'attacher ce serait la Russie que je préférerais à cause de l'échelle immense sur la quelle on peut mesurer ses services dans un si grand empire et encore plus par tous les encouragemens qu'on a droit d'attendre des vertus et des qualités éminentes de S. M. l'Empereur actuellement régnant, dès qu'on aurait le bonheur de mériter son approbation.

La nature de cette note exige nécessairement une explication quelconque sur le genre de services que je me croirais en état de rendre. A cet égard je dois convenir que quoique habitué aux dangers de toute espèce et prêt à les affronter tous, je n'ai cependant pas assez de confiance dans mon expérience pour demander à servir dans l'armée de ligne. Ainsi en m'offrant à la Russie je croirais d'y porter: 1) de l'aptitude aux affaires générales fruit de mes occupations principales et de quelques dispositions naturelles, 2) j'oserais m'offrir en particulier pour la diplomatie, 3) mes études préliminaires et le séjour que j'ai fait en Angleterre m'ayant mis à portée de méditer sur les matières d'économie politique, j'espère pouvoir y prendre une part suffisante pour justifier la confiance qu'on aurait en moi.

Сентябрѣ 1802 года въ Вѣну, чтобъ жить тамъ частнымъ человѣкомъ и пользоваться удовольствіями, которыя я находилъ въ обществѣ и въ дружбѣ почтенныхъ особъ.

Не смотря на эту рѣшимость, находясь въ цвѣтѣ лѣтъ и съ душею, которая не можетъ оставаться равнодушною къ тому, что происходитъ, я пламенно желаю имѣть занятія. Изъ всѣхъ правительствъ, изъ всѣхъ государствъ, которымъ бы я желалъ посвятить себя, я предпочелъ бы Россію, по уваженію огромнаго масштаба, которымъ измѣряются заслуги въ столь обширной имперіи и еще болѣе въ слѣдствіе тѣхъ поощреній, которыхъ по справедливости можно ожидать отъ добродѣтелей и высокихъ качествъ Его Величества Императора нынѣ царствующаго, если только можно имѣть счастіе заслужить его одобреніе.

По свойству этой записки, необходимо указать на пользу, которую какъ мнѣ кажется я могъ бы принести. Въ этомъ отношеніи я долженъ сказать, что хотя я привыкъ къ опасностямъ всякаго рода и хотя я готовъ смѣло идти имъ всѣмъ на встрѣчу, я не на столько увѣренъ въ своей опытности, чтобы желать службы въ линейныхъ войскахъ. Такимъ образомъ, предлагая себя Россіи, мнѣ кажется что я принесу ей: *Первое*, способность къ общимъ дѣламъ — плодъ моихъ главныхъ занятій и нѣкоторыхъ натуральныхъ способностей. *Второе*, я бы осмѣлился предложить себя особенно для дипломатіи. *Третье*, мои предварительныя занятія и мое пребываніе въ Англіи дали мнѣ поводъ къ соображеніямъ о дѣлахъ до политической экономіи относя-

Je ne sais pas du tout la langue russe, mais comme mon travail ne pourrait devenir de quelque utilité qu'en étant appliqué à des objets généraux, je suppose que cette objection n'est pas péremptoire.

J'ai parlé de moi avec franchise et comme ma conscience m'a dicté, mais l'amour propre pourrait m'aveugler sur le prix que je mets à mes faibles talents.

Pozzo di Borgo.

щихся, поэтому я надѣюсь, что въ нихъ мнѣ возможно будетъ принимать участіе, такъ что я буду въ состояніи оправдать ту довѣренность, которая мнѣ будетъ оказана.

Русскаго языка я вовсе не знаю, но такъ какъ мой трудъ тогда только можетъ быть полезенъ, когда онъ будетъ приложенъ къ общимъ дѣламъ, то мнѣ кажется, что это препятствіе нельзя считать неодолимымъ.

Я говорилъ откровенно о себѣ, но самолюбіе могло бы ввести меня въ заблужденіе касательно мнѣнія, которое я имѣю о моихъ слабыхъ дарованіяхъ.

Поццо ди Борго.

ДЕПЕШИ ГРАФА ЛИТТЫ

ПОСЛАННИКА МАЛЬТІЙСКАГО ОРДЕНА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ПИСАННЫЯ

ВЪ КОНЦѢ 1796 И НАЧАЛѢ 1797 ГОДА.

Сообщенныя **А. Ѳ. Бычковымъ.**

СЪ РУССКИМЪ ПЕРЕВОДОМЪ, ПОДСТРОЧНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ И ВВЕДЕНІЕМЪ КНЯЗЯ ПАВЛА ВЯЗЕМСКАГО.

ВВЕДЕНІЕ.

Перечень актовъ и событій, относящихся до учрежденія Мальтійскаго ордена и до прекращенія его существованія въ Россіи *.

Подлинникъ, съ котораго издаются здѣсь депеши Мальтійскаго посланника въ Россіи графа Литты, состоитъ въ отрывкѣ изъ рукописнаго жур-

---

* При обозначеніи событій и актовъ относящихся до учрежденія ордена въ Россіи и до существованія его по кончинѣ Императора Павла, считаю не лишнимъ оговорить, что въ этомъ перечнѣ соблюденъ хронологическій порядокъ, съ краткимъ объясненіемъ въ заключеніи, относительно учрежденія Госпитальнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, въ новѣйшія времена въ Пруссіи и въ XII столѣтіи въ Іерусалимѣ. При переводѣ находятся подстрочныя примѣчанія, для объясненія выраженій, относящихся до учрежденій орденскихъ, основанныя на оффиціальныхъ Русскихъ актахъ въ Полномъ Собраніи Законовъ съ 1796 по 1817 годъ. Въ этихъ примѣчаніяхъ помѣщены краткія свѣдѣнія о лицахъ, упоминаемыхъ въ депешахъ. Повторенія, встрѣчаемыя въ этихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, были сохранены для большаго разъясненія предмета, малоизвѣстнаго и оставшагося совершенно чуждымъ среди всѣхъ разнообразныхъ явленій русской жизни. Тѣмъ не менѣе, эпизодъ этотъ крайне важенъ какъ звѣно, связывающее эпоху Екатерининскую съ эпохой Александра I.

Источниками для объясненій по дѣлу о Мальтійскомъ орденѣ служили:

1) Martens, Recueil de Traités, T. VII.

2) Полное Собраніе Законовъ съ 1796 по 1817 г.

3) Codice del Sacro Militare Ordine Gierosolimitano. Malta. 1782. Это собраніе

нала, безъ начала и конца, въ который вносились отпуски донесеній его, на имя Мальтійскаго гросмейстера. Изъ этого журнала уцѣлѣлъ конецъ № 50, отъ 4 (15) Ноября 1796 г. № 51—о кончинѣ Императрицы Екатерины II, писанный въ день ея смерти, 6 Ноября 1796 года, безъ окончанія. № 56—2 (13) Декабря 1796 г., безъ начала. За тѣмъ съ № 57 по № 63 включительно, депеши сохранились въ цѣлости и наконецъ № 64 безъ окончанія. Въ этой депешѣ графъ Литта говоритъ о приготовленіяхъ своихъ къ отъѣзду въ Москву, по случаю священнаго коронованія Императора Павла I, и о подписаніи на дняхъ договора о торговлѣ и мореплаваніи между Россіей и Англіей, заключеннаго 10 Февраля 1797 года (№ 17.796 Полн. Собр. Зак.). Такимъ образомъ, изъ его переписки уцѣлѣли лишь депеши, писанныя имъ въ теченіе трехъ съ небольшимъ мѣсяцевъ, сохранившіяся въ упомянутомъ журналѣ.

Заключеніе имъ конвенціи съ Россіей 4 (15) Января 1797 г., составляетъ главный предметъ его донесеній. Извѣстія имъ сообщаемыя объ Императорѣ Павлѣ, его намѣреніяхъ и взглядѣ на Европейскія событія, важны какъ показанія человѣка весьма приближеннаго къ Императору и находив-

---

служитъ поясненіемъ для актовъ, находящихся въ Полномъ Собраніи Законовъ, относительно внутренняго устройства ордена.

4) Malte ancienne et moderne. par Boisgelin. Paris. 1809.

5) То же сочиненіе по Англійски. Лондонъ, 1804 и 1805 года, содержитъ документы, не находящіеся во Французскомъ изданіи. Одинъ изъ нихъ не встрѣчается въ другихъ свѣдѣніяхъ о Мальтійскомъ орденѣ, — это декретъ Священнаго Совѣта въ Петербургѣ. по кончинѣ Императора Павла, объ избраніи гросмейстера.

6) Annales Historiques de l'Ordre de St. Jean de Jerusalem. St. Pétersbourg. 1799. Содержитъ кромѣ документовъ, находящихся въ большемъ количествѣ въ Полномъ Собраніи Законовъ и въ Собраніи договоровъ Мартенса, списки лицъ, состоявшихъ въ орденѣ и учрежденіяхъ онаго.

7) Voyage à St. Petersbourg de l'Abbé Georgel. T. VI и послѣдній (Paris, 1820), его Mémoires. Жоржель состоялъ въ родѣ секретаря при Германской орденской депутаціи; онъ помѣстилъ въ своихъ запискахъ любопытныя свѣдѣнія объ орденскихъ дѣлахъ съ половины Декабря 1799 года по Маи 1800 г.

8) Geschichte des Johanniter-Ordens. K. Falkenstein. Zeitz und Leipzig. 1867. Здѣсь находятся нѣкоторыя свѣдѣнія относительно новѣйшаго времени, т. е. съ начала столѣтія по нынѣшнее время.

Нынѣшній военный министръ Милютинъ въ прим. 113, къ I тому Исторіи войны 1799 года, указываетъ на журналъ ордена въ архивѣ капитула Императорскихъ орденовъ. Авторъ Histoire du Catholicisme en Russie, графъ Толстой, нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія сообщаетъ, что въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, хранится много документовъ относящихся до Мальтійскаго ордена.

шагося въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ главными Русскими и иностранными дѣятелями того времени, въ Петербургѣ.

Отношенія Павла I къ ордену тѣмъ болѣе любопытны, что участь ордена въ послѣдніе годы своего существованія, какъ будто связана съ самимъ царствованіемъ Императора. Договоръ съ Мальтой былъ первымъ его договоромъ. Изъ депешъ Литты и изъ узаконеній Павла I видно, какое живое участіе онъ принималъ въ учрежденіи ордена въ Россіи. Занятіе Мальты Французами не было первоначальною причиною, побудившею его принять дѣятельное участіе въ войнѣ противъ Франціи, но имѣло несомнѣнное вліяніе на его рѣшимость. Занятіе Мальты Англичанами и несогласіе ихъ возвратить этотъ островъ ордену, имѣли не малое вліяніе на разрывъ его съ Англіей, ознаменовавшій конецъ его царствованія.

Оффиціальное тогдашнее положеніе графа Литты, изложено въ конвенціи 4 (15) Января 1797 года (№ 17.708 Полн. Собр. Зак.):

«Юлій Рене, Бальи, графъ Литта, кавалеръ Мальтійскаго ордена Большаго Креста, кавалеръ по праву дворянства почетнаго языка Италіанскаго, командоръ разныхъ командорствъ, военнаго ордена св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 3 ст., Польскихъ Бѣлаго Орла и св. Станислава кавалеръ, Россійскаго флота контръ-адмиралъ и полномочный министръ знаменитаго ордена Мальтійскаго и его преимущества гросмейстера».

Изъ вышеупомянутой конвенціи видно, что до назначенія его посломъ, онъ уже былъ полномочнымъ министромъ. Графъ Литта былъ акредитованъ въ качествѣ полномочнаго министра при Императрицѣ Екатеринѣ II, въ силу декретовъ ордена отъ 13 Апрѣля 1795 г. Въ депешѣ, писанной имъ въ день кончины Императрицы, онъ говоритъ: «мнѣ предстоитъ, какъ и прочимъ лицамъ дипломатическаго корпуса, представить новыя довѣрительныя грамоты». Графъ Литта прибылъ въ Петербургъ съ рекомендаціей Вѣнскаго двора, доставленной имъ графу Кобенцелю въ Петербургѣ. Проѣздомъ черезъ Варшаву онъ и тамъ занимался дѣлами ордена, что явствуетъ изъ самыхъ его депешъ.

Графъ Литта имѣлъ въ качествѣ посланника, аудіенціи у Императрицы 7 (18) Октября 1795 года, и въ тотъ же день былъ принятъ прочими членами Императорской фамиліи. Это свѣденіе находится въ изданныхъ Мезонёвомъ Annales de l'Ordre de Malte en Russie. St. Petersbourg. 1799.

25 Апрѣля (6 Мая) 1798 г. графъ Литта сложилъ съ себя званіе посла и оставался въ качествѣ посланника, до назначенія его поручикомъ великаго магистра, Императора Павла. Онъ былъ сосланъ въ деревню жены не задолго до удаленія брата его, папскаго нунція, въ концѣ Апрѣля 1799 года.

Графъ Литта родился 1765 г. Въ 1780 поступилъ въ кавалеры Маль-

тійскаго ордена. Въ 1789 принятъ въ Русскую службу капитаномъ генералъ-маіорскаго ранга. Въ томъ же году за участіе въ первомъ Роченсальмскомъ сраженіи, произведенъ въ Августѣ въ контръ-адмиралы, получилъ золотую шпагу и Георгія 3 ст. Въ слѣдующемъ году уволенъ до востребованія въ слѣдствіе неудовольствій, возбужденныхъ неблагопріятнымъ исходомъ второй морской кампаніи противъ Шведовъ; неудачи приписаны были большому числу иностранцевъ, служившихъ въ галерномъ флотѣ.

Сегюръ въ своихъ запискахъ говоритъ, что по случаю побѣды, одержанной принцемъ Нассау-Зигенскимъ, при устьѣ Кюменя, достославно упоминается о кавалерѣ Литтѣ. Графъ Литта былъ женатъ на вдовѣ графа Скавронскаго, урожденной Енгельгардтъ, племянницѣ князя Потемкина. Онъ умеръ около 1840 года, будучи членомъ Государственнаго Совѣта и оберъ-камергеромъ. Въ Памятной книжкѣ 1839 года упоминается въ числѣ оберъ-камергеровъ графъ Юлій Помпеевичъ Литта и графъ Головкинъ. Въ 1840 г. о графѣ Литтѣ уже помину нѣтъ.

Порученіе данное орденомъ графу Литтѣ въ Россіи заключалось, въ слѣдствіе уничтоженія Рѣчи Посполитой, въ ходатайствѣ по отношеніямъ ордена къ великому пріорству Польскому. Причина, по коей претензіи ордена относились преимущественно и на первый разъ исключительно къ Россіи, заключалась въ томъ, что платежи въ пользу ордена, условленные съ Рѣчью Посполитой, имѣли основаніемъ учрежденіе Острожскаго командорства на Волыни, присоединеннаго къ Россіи.

Послѣдній князь Острожскій Янушъ, въ 1609 году учредилъ маіоратъ (ordinatio), въ пользу старшей дочери своей, вышедшей замужъ за Александра Заславскаго; по прекращеніи же потомства Заславскихъ въ прямомъ поколѣніи, маіоратъ долженъ былъ перейти въ домъ Януша Радзивила, женатаго на младшей дочери князя Острожскаго. По прекращеніи обѣихъ линій, маіоратъ долженъ былъ образовать командорство Мальтійскаго ордена. Въ командоры долженъ былъ быть избираемъ, дворянствомъ Польскимъ и Литовскимъ, изъ среды своей, Мальтійскій кавалеръ. Владѣтель маіората долженъ былъ содержать постоянно на службѣ Рѣчи Посполитой триста человѣкъ пѣхоты и столько же конницы, онъ имѣлъ право назначать комендантовъ въ Дубно и въ остальныхъ крѣпостяхъ Острожскаго княжества. Эта линія Радзивиловская пресѣклась ранѣе Заславской. Александръ Заславскій, также послѣдній въ родѣ, умеръ въ 1673 году. Дворянство Краковскаго воеводства, согласно волѣ завѣщателя, избрало въ командоры Острожскіе кавалера ордена св. Іоанна, князя Іеронима Любомирскаго. Въ прочихъ воеводствахъ не было приступлено къ избранію и сеймъ не утвердилъ выбора. Сестра послѣдняго князя Заславскаго, княгиня Любомирская, быв-

шая за мужемъ по первому браку за княземъ Вишневецкимъ, удержала маіоратъ и передала его по завѣщанію дочери своей, находившейся замужемъ за княземъ Сангушко. Сангушки владѣли этимъ маіоратомъ по 1753 годъ. Янушъ Сангушко въ 1753 году раздѣлилъ маіоратъ при жизни своей, на нѣсколько частей. Оба гетмана и сенаторы противились этому раздѣленію и Дубно съ принадлежащими къ маіорату землями, былъ занятъ вооруженной силой. Доходы были секвестрованы и распредѣлены: 1) на мѣстное управленіе, 2) въ пользу казны и 3) 100.000 злотъ въ пользу князя Сангушки.

Въ Польскомъ Лѣтописцѣ, изданномъ въ Варшавѣ на Французскомъ языкѣ и переведенномъ на Польскій языкъ іезуитомъ Альбертрандомъ, и на Русскій капитаномъ Іоанномъ Одинцовымъ (С.-Петербургъ, 1782) дѣло изложено подробно:

«Александръ князь Заславскій, владѣтель ординаціи Острожской, умеръ бездѣтенъ. Согласно распоряженію основателя въ 1609 году долженствовала быть оная во власти Мальтійскаго ордена, и начальство надъ онымъ препоручить канцлеру, назначенному отъ воеводства. Воеводство Краковское назначило князя Іеронима Любомирскаго (въ послѣдствіи великаго маршала и гетмана коронпаго), прочія объявлять мѣшкали, а Рѣчь Посполитая была въ нерѣшимости. Между тѣмъ наслѣдники князя Острожскаго старались утверждать, что сія ординація никогда не апробована была въ прежнихъ сеймахъ и что право надъ онымъ принадлежитъ ближнимъ родственникамъ. Князь Іосифъ Любомирскій (великій маршалъ коронный, въ царствованіе Фридриха Августа II) получилъ начальство надъ оною по супругѣ своей Өіофилы Вишневецкой, сестры Александра, князя Заславскаго; а по смерти своей оставилъ сыну своему Александру; а послѣ его, не оставившаго потомства, наслѣдство сіе досталось сестрѣ его, бывшей супругѣ князя Сангушко. Сынъ его, владѣтель нынѣшній, возобновилъ всѣ старинные споры для отнятія въ 1754 году разныхъ волостей, составляющихъ часть сего начальства. Король принужденъ былъ выдать свое повелѣніе, касающееся до управленія тѣхъ земель, но наконецъ отдалъ оное помянутому князю все, съ принадлежащими къ оному правами и должною властію».

Въ дополненіи къ этому Лѣтописцу іезуитъ Альбертрандъ говоритъ подъ 1754 годомъ:

«Офицеры полку ординаціи Острожской и часть обывателей воеводства Волынскаго и Брацлавскаго спорили противъ раздѣлу ординаціи Острожской, учиненному княземъ Сангушкомъ, гофмаршаломъ Литовскимъ. Возраженіе противу ихъ спора отъ онаго князя. Городъ Дубно, по приказанію гетмановъ коронпаго и Литовскаго осажденъ войскомъ Рѣчи Посполитой.

Король изъ Дрездена прибылъ въ Варшаву 21 Іюня. Обыкновенный сеймъ начался 30 Сентября, но прерванъ предъ избраніемъ маршала, Стравинскимъ, стольникомъ и посломъ Стародубовскимъ. Прежде бывшій маршалъ, именемъ королевскимъ объявилъ, что король, разсматривая: воеводствъ, земель, повѣтовъ, раздѣлу ординаціи Острожской, противурѣчащіе манифесты, обѣщаетъ учредить въ оной ординаціи администрацію, которая и дѣйствительно учреждена была и въ Дубнѣ въ Декабрѣ мѣсяцѣ, подъ предсѣдательствомъ епископа Краковскаго начало возымѣла. Стравинскій въ объявленіи своемъ, рушившемъ сеймъ, изъявлялъ, что учрежденіе коммиссіи на имѣнія ординаціи Острожской, сдѣлано въ противность правамъ фундаментальнымъ и собственнымъ народнымъ: ибо имѣнія земскія шляхетскія лишились бы преимуществъ и вольностей своихъ, ежели бы учинились подчиненья коммиссіи и долженствовали отвѣчать, безъ предписанія законнаго суда, потому что Рѣчь Посполитая рецессомъ сеймовымъ 1677 года, предоставила себѣ власть суда на имѣнія Острожскія, хотя бы оныя состояли или нѣтъ въ ординаціи. Чемъ великое власти той же Рѣчи Посполитой было бы униженіе, ежели бы помянутыя имѣнія подчинены были расположеніемъ суда, не отъ Рѣчи Посполитой учреждаемаго. Наконецъ, понеже за учрежденіемъ таковой администраціи, никогда бы ожидать не можно было, желаннаго сеймовъ окончанія, ибо сами администраторы частію для большей отъ администраціи прибыли, частію для избѣжанія разсчетовъ, искали бы всегда прерыванія или разрушенія оныхъ (Veto); что объявленіе сіе было основательно, то опытомъ показалось чрезъ четыре года, какъ сіе увидимъ въ своемъ мѣстѣ».

Лѣтоп. подъ годомъ 1758.

«Коммиссія администраціи ординаціи Острожской, указомъ королевскимъ уничтожена. 16 Мая имѣнія той администраціи отданы тогдашнему гофмаршалу Литовскому, князю Янушѣ Сангушко, для равномѣрнаго ему оною употребленія, какая она была до трансакціи Колбутовской. Къ уничтоженію сей коммиссіи, какъ думать можно, было поводомъ открытіе сокрываемаго до тѣхъ поръ манифеста, князя Януша Острожскаго, кастеляна Краковскаго, уничтожающаго древнія трансакціи свои на учрежденіе сей ординаціи учиненные».

Эти показанія пополняются и подтверждаются въ крайне любопытномъ періодическомъ изданіи Europäische Fama за 1721 годъ, стр. 397.

«Возникшій въ отсутствіи короля споръ о наслѣдствѣ послѣ старосты Сендомирскаго, обратилъ на себя вниманіе и произвелъ нѣкоторое движеніе въ королевствѣ. Княжна Любомирская, наслѣдница покойнаго, чрезъ посредство мужа своего, князя Сангушка, вступила во владѣніе замка Дубно при-

надлежащаго къ этому наслѣдству; коронные чины, напротивъ того, были мнѣнья, что эта крѣпость должна подлежать распоряженію королевскому и отправили для занятія оной воеводу Люблинскаго, генерала Понятовскаго. Сначала порученіе это шло успѣшно. Стражи поставленные княземъ Сангушко въ Дубнѣ, были сняты, но крѣпостью нельзя было легко завладѣть. Затѣмъ крѣпость была осаждена, но осада прекращена какъ скоро обыватели воеводства рѣшились взяться за оружіе въ пользу князя Сангушки».

Въ девятой книжкѣ Europ. Fama за 1721 г., стр. 739 и слѣд.:

«Споры касательно крѣпости привели въ такое движеніе безпокойныя головы въ Литвѣ, что возбуждены были даже снова мысли о конфедераціи; депутаты Мазурскаго воеводства въ аудіенціи у короля всеподданнѣйше просили, чтобы его величество доставило князю Сангушкѣ удовлетвореніе въ его основательныхъ требованіяхъ, въ случаѣ если онъ будетъ вынужденъ предоставить завѣдываніе Острожскимъ имѣніямъ князю Чарторижскому». (Казимиру, канцлеру Литовскому).

Въ этомъ году условлено было предоставить князю Сангушкѣ завѣдываніе этими имѣніями впредь до постановленія по этому предмету новаго сейма, согласно конституціи 1677 г. но съ условіемъ, чтобъ онъ принесъ повинную королю съ министрами. Нѣсколько сеймовъ собиралось и расходилось не покончивъ съ Острожскимъ дѣломъ. Оно окончательно устроено на сеймѣ 1766 года.

Изъ этихъ выписокъ видно, что канцлеръ Литовскій князь Чарторижскій отстаивалъ по должности своей, право на управленія этимъ имѣніемъ въ силу завѣщанія послѣдняго князя Острожскаго. Противная партія оспаривала законность завѣщанія. Дѣйствительно, подобное учрежденіе въ пользу иностраннаго ордена безъ утвержденія верховною властью, не могло быть законно. По постановленію сейма 1766 года, владѣтели маіората должны были уплачивать 300 тысячъ злотъ на содержаніе полка, а въ 1773 г. изъ нихъ 120 тысячъ были назначены на содержаніе Польскаго пріорства и шести командорствъ. До конца существованія Рѣчи Посполитой князь Любомирскій, владѣтель Дубна, значился владѣльцемъ полка Мальтійскаго ордена. Имѣніе это и нынѣ находится во владѣніи этого рода.

23 Сентября 1757 г. Саксонскій совѣтникъ Прассе пишетъ изъ Петербурга графу Брюлю: «Добрый пріятель (Бестужевъ) просилъ вчера, пожалуй до десяти разъ, настоятельно представить вашему превосходительству, что Острожское дѣло слѣдуетъ окончить, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, и поладить съ фамиліей Чарторижскихъ, пока не совершится такое обстоятельство, въ слѣдствіе коего эта фамилія, чрезъ посредство молодаго графа Понятовскаго, будетъ въ положеніи разсчитывать на столь рѣшительную протекцію, что

необходимо придется сдѣлать волей и неволей то же, что сдѣлавъ теперь добровольно, могло бы привязать эту фамилію».

Эти заботы Бестужева въ 1757 году весьма много обнаруживаютъ въ отношеніи тайной связи событій всѣхъ послѣдующихъ годовъ до 1762 включительно.

Французскій посланникъ графъ Броглый, вся Саксонская партія и въ главѣ ея графъ Брюль, съ одной стороны, князь Волконской, нашъ посолъ и Чарторижскіе, стоявшіе въ главѣ Русской партіи, съ другой, принимали живое и дѣятельное участіе въ этомъ спорѣ.

Орденъ обратился къ Рѣчи Посполитой въ 1773 г. съ требованіемъ, относительно исполненія завѣщанія Острожскаго въ пользу ордена. Требованіе это было поддерживаемо тремя союзными державами. Въ силу условій между Рѣчью Посполитой и орденомъ, учреждено великое пріорство Польское съ шестью командорствами, съ отпускомъ 120.000 зл. на содержаніе этихъ семи орденскихъ учрежденій изъ 300.000 зл. платимыхъ Острожскимъ маіоратомъ. Орденъ затѣмъ отказывался отъ всякихъ претензій на Острожское княжество. Акты эти состояли въ двухъ конституціяхъ Рѣчи Посполитой, внесенныхъ въ публичные акты 17 Декабря 1774 года и актъ отреченія графа Саграмозо 2 Февраля 1775 г., съ утвержденіемъ королевскимъ, гросмейстерскимъ и папской буллой. Всѣ эти акты находятся у Мартенса (Recueil VII, стр. 29 и слѣдующія).

Въ актѣ, коимъ Рѣчь Посполитая признаетъ права Мальтійскаго ордена оговорено, что право это не доказано, и что Рѣчь Посполитая согласилась на признаніе онаго лишь изъ уваженія къ заступничеству Россіи, Австріи и Пруссіи. Въ этомъ даже актѣ подтверждаются постановленія сеймовъ 1677 1766, и сдѣлки князя Януша Сангушко въ Сендомирскомъ гродѣ въ 1753 г. Графъ Саграмозо, министръ Мальтійскаго ордена въ Варшавѣ уполномоченъ былъ 26 Іюля 1773 г., на заключеніе этого соглашенія. Онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ уже въ 1748 году и былъ принятъ съ большимъ почетомъ. При особѣ его во время пребыванія въ Петербургѣ состоялъ адмиралъ Полянскій. Графъ Саграмозо имѣлъ секретное порученіе къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, отъ ея матери, принцессы Ангальтъ Цербстской и велъ съ ней тайную переписку. Предметъ этой переписки неизвѣстенъ, а равно неизвѣстно и то имѣлъ ли Саграмозо, какое либо оффиціальное порученіе. Однако присутствіе Саграмозо въ Петербургѣ, вѣроятно, было связано съ интересами ордена въ Польшѣ.

Въ слѣдствіе раздѣла Польши 1793 г., Волынь съ Острожскимъ маіоратомъ перешла подъ владычество Россіи. На этомъ основывалъ орденъ свои претензіи въ отношеніи Россіи, кромѣ того, онъ опирался на обязательствахъ,

лежавшихъ на трехъ дворахъ, принявшихъ на себя уплату долговъ Рѣчи Посполитой. Раскладка долговъ Рѣчи Посполитой на Россію, Австрію и Пруссію изложена въ депешѣ графа Литты за № 62, и въ подстрочномъ примѣчаніи 31.

Изъ депешъ графа Литты замѣтно, что Императрица Екатерина не обращала вниманія на претензіи ордена. Графъ Литта говоритъ, что первый доводившій объ этомъ дѣлѣ до свѣдѣнія Императрицы, былъ графъ Сиверсъ. Самъ графъ Сиверсъ въ письмѣ къ дочери 29 Ноября 1797 г., пишетъ ей по случаю полученія имъ Мальтійскаго креста, что онъ данъ ему въ намять услугъ, оказанныхъ имъ ордену во время его посольства въ Польшѣ.

Политическія выгоды которыя можно было извлечь изъ покровительства ордену, представлялись вѣроятно слишкомъ затруднительными въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и слишкомъ сложными. Денежныя претензіи въ отношеніи къ правительству, могли казаться неосновательными, такъ какъ въ сущности претензія основанная на частномъ имуществѣ и спорномъ завѣщаніи, подлежала рѣшенію судебнаго мѣста.

Кромѣ того, общее положеніе дѣлъ въ Европѣ отвлекало уже давно вниманіе Императрицы отъ востока. Мысли Императрицы должны были въ это время быть устремлены на планы удовлетворенія разнородныхъ претензій для успокоенія Европы. На это направленіе ея мыслей указываетъ замысловатый планъ умиротворенія Европы, проектированный Зубовымъ, напечатанный Лебедевымъ въ его брошюрѣ о Панинныхъ.

Императоръ Павелъ, какъ видно изъ донесеній графа Литты и заключеннаго 4(15) Января 1797 г. договора, смотрѣлъ на это иначе. «Послѣдуя своему правосудію», онъ призналъ справедливымъ не только условленный съ Рѣчью Посполитой платежъ 120.000 злотъ, но и остальныхъ 180 тысячъ, платимыхъ Острожскимъ маіоратомъ Рѣчи Посполитой на содержаніе полка; дипломатической и финансовой ловкости графа Литты орденъ, въ добавокъ былъ обязанъ, что злотъ Польскій оцѣненъ не въ 15 коп., но дѣйствительной стоимости, а въ 25.

Кромѣ признаваемаго за орденомъ права, Императоръ Павелъ I даровалъ ордену другіе значительные доходы, имѣя другіе обширные замыслы. Несомнѣнная цѣль его была усилить въ Россіи и во всей Европѣ элементъ рыцарскій, дабы его противупоставить Французской революціи и привлечь къ себѣ всѣ энергическія силы, разсѣянныя по всему протяженію Европы. Кромѣ этой обширной политической и соціальной цѣли, Императоръ имѣлъ въ виду выгоды, которыя должно было извлечь изъ дружескаго и подчиненнаго отношенія Мальты къ Россіи. Императоръ основывалъ также на введеніи въ Россіи Мальтійскаго ордена, развитіе образованія военныхъ людей —

основаннаго на развитіи рыцарскихъ правилъ и изученіи точныхъ наукъ. Что всѣ эти мысли не были лишены величія, доказываетъ уже тотъ фактъ, что и Фридрихъ Великій не смотря на то, что стоялъ въ главѣ протестантства и былъ въ Германіи представителемъ протестантскихъ интересовъ, также дѣлалъ попытки о сближеніи съ Мальтійскимъ орденомъ и будучи наслѣдникомъ престола, образовалъ изъ своего двора военно-ученый и рыцарскій орденъ, много послужившій ему въ послѣдующихъ его войнахъ. Этотъ примѣръ Фридриха Великаго имѣлъ несомнѣнно вліяніе на Императора Павла, интересовавшагося малѣйшими подробностями образа жизни Фридриха II. Эта неудавшаяся мысль, особенно въ той формѣ, въ которую желалъ ее облечь Императоръ Павелъ, оказала весьма существенное пособіе политикѣ Русскаго правительства во все продолженіе первой четверти нынѣшняго столѣтія.

Сношенія Русскихъ съ Мальтійскимъ орденомъ начались съ самыхъ первыхъ годовъ преобразованій Петра Великаго. Вскорѣ послѣ покоренія Азова, бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ торжественно посѣтилъ Мальту и вручилъ гросмейстеру ордена письмо Петра Великаго; Петръ I въ этомъ письмѣ высказывалъ желаніе устроить союзъ съ орденомъ, вмѣстѣ съ Римскимъ императоромъ и Венеціанской республикой, противъ Турокъ, общаго врага ихъ. Шереметевъ во время этого путешествія велъ дневную записку, изданную сыномъ его, графомъ Петромъ Борисовичемъ. Извлеченіе изъ этого дневника находится въ жизнеописаніи генералъ-фельдмаршала. (С.-Петербургъ, 1808 годъ).

Всѣ свѣдѣнія встрѣчающіяся въ разныхъ сочиненіяхъ русскихъ и иностранныхъ о сношеніяхъ Императрицы Екатерины съ Мальтійскимъ орденомъ и вооруженномъ содѣйствіи ордена во время нашихъ Турецкихъ войнъ крайне сбивчивы и переполнены анахронизмами. Нигдѣ въ этомъ отношеніи не указаны достовѣрные источники.

Изъ рескрипта Императрицы Екатерины II, даннаго на имя контръ-адмирала Арфа 5 Іюня 1770 года, видно, что она не разсчитывала на вооруженное содѣйствіе ордена въ слѣдствіе «политическихъ коннекцій ордена съ державами Бурбонскаго двора». Этимъ рескриптомъ адмиралъ извѣщается, что онъ за деньги можетъ получить въ Мальтѣ необходимое пособіе чрезъ посредство нашего тамъ агента, Кавалькабо. (Сбор. Рус. Ист. Общества. С.-Петербургъ, Т. I, 1867 г.).

Въ инструкціи Императрицы Екатерины генералъ-поручику Заборовскому, отъ 7 Марта 1788 г., желаніе ея о содѣйствіи ордена, выражено ясно. Но никакого нѣтъ указанія, чтобы онъ имѣлъ поводъ ожидать вооруженное содѣйствіе ордена. Въономъ же упоминается о дружественной перепискѣ Императрицы съ гросмейстеромъ ордена Мальтійскаго.

Таковы основанія и предшествовавшія обстоятельства, имѣвшіяся у Императора Павла въ виду, для тѣснаго сближенія съ Мальтійскимъ орденомъ. Если бы Императоръ рѣшился немедленно согласно съ обѣщаніями, данными Англійскому послу *, присоединить Русскую эскадру къ Англійскому флоту то онъ несомнѣнно лишилъ бы Французовъ возможности завладѣть Мальтою. Водвореніе Русской морской силы въ Средиземномъ морѣ не было, особенно въ то время, противно интересамъ Англіи, уже потому, что оно было совершенно противно интересамъ Франціи. Подчиненное положеніе Мальты въ отношеніи Россіи было бы весьма сильной точкой опоры, въ случаѣ если бы Императоръ желалъ энергически противупоставить силы Россіи Французской республикѣ въ союзѣ съ Англіей и Австріей и еще болѣе сильной, если бы онъ былъ расположенъ въ пользу восточной политики Екатерины II. Но Императоръ не охотно готовился къ принятію участія въ Европейской борьбѣ и еще менѣе желалъ вовлечь Россію въ завоеванія на востокѣ. Такимъ образомъ Мальта представляла Павлу I лишь интересъ духовный или соціальный. Но и эта мысль, какъ видно изъ послѣдующихъ его узаконеній относительно ордена, не была выдержана. Какъ видно изъ узаконеній Императора, орденъ въ Россіи сдѣлался учрежденіемъ для награжденія за военную службу.

Въ слѣдствіе уничтоженія трехъ Французскихъ языковъ ** въ 1792 г. во Франціи и переворотовъ въ Германіи и Италіи, совершившихся въ слѣдствіе войны съ Франціей, орденъ лишился почти всѣхъ своихъ средствъ. Вся его надежда состояла въ успѣхѣ негоціаціи графа Литты и успѣхъ превзошелъ его ожиданія.

Конвенція подписана 4 (15) Января 1797 г.; но экспедиція отправленная съ нарочнымъ не достигла своего назначенія. Дупликаты, говоритъ Boisgelin, получены были въ Мальтѣ въ послѣднія минуты жизни гросмейстера Рогана; Роганъ узналъ о счастливомъ исходѣ переговоровъ графа Литты, лишь окольнымъ путемъ.

Maisonneuve, (Annales Hist. de l'Ordre de St. Jean de Jerusalem. St. Pétersbourg, 1799) говоритъ, что курьеръ былъ задержанъ Французами въ Италіи и депеши попались въ руки Французовъ. Депеши эти были тогда напечатаны въ Французскихъ газетахъ. Второй курьеръ пріѣхалъ въ

---

* Депеша гр. Литты отъ 25 Января (5 Февраля) 1797 г. за № 62.

** Изъ восьми языковъ или народностей составлявшихъ орденъ святаго Іоанна три принадлежали Франціи: языки Провенсальскій, Оверньйскій и Французскій. Остальные пять: Итальянскій, Аррагонскій, Англійскій (Англо-Баварскій къ коему причислены Польское и Русское пріорство) Германскій и Кастильскій.

первыхъ числахъ Іюля 1797 года, а Роганъ скончался 13 того же мѣсяца и Роганъ узналъ объ успѣхѣ Литты лишь изъ Французскихъ газетъ. (Maisonneuve p. 97).

Въ прил. полк. Милютина стр. 422, къ первой части I тома Исторіи войны 1799 г. составленной Михайловскимъ-Данилевскимъ, сказано: подлинный актъ договора былъ перехваченъ Французами и потому составленъ другой актъ, сходный съ первымъ и подписанный тѣми же уполномоченными 11 (22) Іюня того же года.

Договоръ былъ ратификованъ державнымъ орденомъ 7 (18) Августа 1797 года и въ томъ же засѣданіи орденскаго совѣта, графъ Литта назначенъ посломъ. Съ ратификаціями, новыми довѣрительными грамотами, орденскими крестами и предложеніемъ Императору протектората надъ орденомъ, отправленъ былъ въ Петербургъ кавалеръ Рачинскій. По этому случаю также встрѣчается сбивчивость въ показаніяхъ. Одни предполагаютъ, что Литта ѣздилъ самъ въ Мальту и вернулся оттуда посломъ, другіе дѣлаютъ одно лицо изъ графа Литты и Рачинскаго (Karl Falkenstein, Geschichte des Johanniter-Ordens. Zeitz u. Leipzig 1867). Сбивчивость эта кажется происходитъ отъ параднаго въѣзда графа Литты въ качествѣ посла въ Петербургъ. Графъ Сиверсъ говоритъ въ письмѣ къ дочери, объ этомъ въѣздѣ, въ которомъ участвовала съ многими другими и его карета *.

Опасаясь усиленія Россіи на Средиземномъ морѣ, директорія рѣшилась занять островъ. Исполненіе этого намѣренія подготовлено посредствомъ Французской партіи въ Мальтѣ, дѣйствовавшей на туземное народонаселеніе. Бонапарте пишетъ директоріи 12-го Ноября 1797 года, что онъ отправилъ въ Мальту Пуссіельга для принятія окончательныхъ мѣръ относительно ихъ проекта. Генералъ-аншефъ, гражданинъ Бонапарте, приблизился къ Мальтѣ 9 Іюня 1798 года. Уже 6-го замѣчены были передовыя суда Французскаго флота. 9-го сдѣлана высадка и 12-го имъ подписана конвенція между Французской республикой и орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго (Martens, Recueil T. VII, p. 431). Ратификація орденомъ 1-го Іюня 1798 г., прибавочныхъ статей заключенныхъ графомъ Литтой 17 (28) Ноября 1797 г., еще не была внесена въ журналъ совѣта, когда Мальта перешла въ руки Французовъ. Договоръ этотъ также былъ отправленъ въ Парижъ. Бонапарте при переговорахъ о сдачѣ Мальты, при обсужденіи второй статьи о пенсіи въ 100 тысячъ франковъ гросмейстеру Гомпешу, никогда впрочемъ ему не

---

* Des Gr. J. J. Siewers Denkwürdigkeiten von K. L. Blum. Leipzig und Heidelberg 1858. IV. B. 139.

выплачивавшихся, подъ разными предлогами, за исключеніемъ первой выдачи 15.000 франковъ, сказалъ г. Дублету, довѣренному лицу Гомпеша:

«Надѣюсь, что гросмейстеръ будетъ доволенъ нашимъ великодушнымъ съ нимъ обращеніемъ, хотя онъ того не заслуживаетъ, поддавшись обольщенію обманчивыхъ обѣщаній Россіи, искавшей завладѣть Мальтой во вредъ Франціи».

Дублетъ объяснилъ ему послѣдовательно, отношенія ордена къ Россіи.

«Мы это все въ Парижѣ знаемъ, сказалъ Бонапарте; директорія очень хорошо поняла, что въ замѣнъ выгодъ представляемыхъ ордену, орденъ немного отступился въ отношеніи къ Россіи, отъ строгости своей древней дисциплины, соглашаясь безъ всякаго угрызенія совѣсти, принять въ свою среду большое количество схизматическихъ рыцарей, для коихъ Павелъ предложилъ учредить 72 командорства. Вы понимаете, что такая щедрость со стороны честолюбивой державы, должна была возбудить вниманіе директоріи и побудить ее завладѣть Мальтой, чтобы она не сдѣлалась когда либо добычей Россіи, съ коей гроссмейстеръ былъ за одно».

Когда вѣсть о занятіи Мальты дошла въ Петербургъ, великое пріорство Россійское (Римско-Католическое), протестовало 26 Августа 1798 года, противъ измѣнническої сдачи Мальты, и отъ того же числа издало манифестъ еще въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ съ подробнымъ изложеніемъ дѣйствій Гомпеша и вообще хода дѣла относительно сдачи и предшествовавшихъ обстоятельствъ.

Отвѣтъ Германскаго пріорства, въ выраженіяхъ умѣренныхъ, изъявлялъ согласіе лишь на принципъ, изложенный въ протестаціи Русскаго пріорства. Свѣдѣнія, полученныя въ Русскомъ пріорствѣ, основаны были на письмѣ Бальи де Тины великаго пріора Шампанскаго, достовѣрность коего признана была сомнительною. Въ 1799 году явился отвѣтъ на обвиненія Русскаго пріорства: Révolution de Malte en 1798. Réponse au Manifeste du Prieuré de Russie, par le Chev. de M***. На экземплярѣ этой брошюры въ Имп. Публ. Библіотекѣ значится, что этотъ г. M*** тотъ же Maisonneuve, издававшій въ Петербургѣ Annales de l'ordre de Malte en Russie. Кажется несомнѣннымъ, что Гомпешъ былъ вынужденъ сдать Мальту въ слѣдствіе внутренняго разложенія ордена и заговора Французской партіи требовавшей вмѣстѣ съ возставшимъ туземнымъ народонаселеніемъ, сдачи Мальты Французамъ. Денежныя средства ордена были ничтожны въ слѣдствіе понесенныхъ во Франціи утратъ.

Вскорѣ послѣ протеста Русскаго пріорства Императоръ принялъ Мальтійскій орденъ въ свое Высочайшее управленіе (10-го Сентября 1798 г.).

27-го Октября того же года, великое пріорство Россійское и другіе ка-

валеры пребывавшіе въ Петербургѣ объявили Императора Павла гросмейстеромъ ордена. 13 Ноября воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на принятіе званія великаго магистра. Эти послѣдніе шесть документовъ, за исключеніемъ отвѣта на Русскій Манифестъ, появившагося въ видѣ брошюры въ Тріестѣ, находятся въ собраніи Мартенса. (Recueil. T. VII, стр. 434—448). Манифестъ о воспріятіи Его Императорскимъ Величествомъ званія великаго магистра ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и о назначеніи мѣстопребыванія ордена въ Петербургѣ обнародованъ былъ лишь 16-го Декабря. — 22-го Декабря (№ 18.790 Полн. Собр. Зак.) въ Императорскій титулъ повелѣно включить званіе великаго магистра ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, а 23 Февраля 1799 г. (№ 18.872 П. С. З.) повелѣно дополнить въ титулѣ «державнаго» ордена.

При принятіи званія великаго магистра Императоръ Павелъ оказалъ ордену новую милость: сверхъ опредѣленныхъ по прежнимъ указамъ на содержаніе вновь учрежденныхъ командорствъ опредѣляется 216 тысячъ руб. ежегодно. (13 Ноября 1798 г. № 18.750 П. С. З.). Въ тоже время составлены новые штаты (№ 18.748) и учреждено десять новыхъ командорствъ (№ 18.751).

До конца 1798 года Мальтійскій орденъ въ Россіи былъ исключительно Римско-Католическій. 29-го Ноября этого года (№ 18.766 Полн. Собр. Зак.) объявляется объ установленіи ордена св. Іоанна Іерус. въ пользу Россійскаго дворянства, а 20-го Декабря именнымъ указомъ, даннымъ на имя поручика великаго магистра графа Литты, повелѣно ему приступить вмѣстѣ съ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Салтыковымъ, оберъ-камергеромъ Шереметевымъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Энгельгардтомъ и оберъ-прокуроромъ Лопухинымъ, къ составленію правилъ для принятія въ орденъ. 28-го Декабря 1798 г., обнародованъ манифестъ о составленіи ордена изъ двухъ пріорствъ Россійско-Католическаго, основаннаго 1-го Января [неправильно, вмѣсто 4 (15)] 1797 года и Россійскаго, основаннаго 29-го Ноября 1798 года съ тѣмъ, что пріобрѣтенныя права въ одномъ не даютъ правъ въ другомъ (№ 18.799 Полн. Собр. Зак.).

Правила для принятія Россійскихъ дворянъ въ орденъ, коихъ составленіе было поручено графу Литтѣ, фельдмаршалу Салтыкову и др., были Высочайше утверждены 15-го Февраля 1799 года. Для принятія требуется доказательства происхожденія отъ предковъ, пріобрѣтшихъ дворянство воинскими подвигами (§ 7). Въ слѣдующемъ § 8 требуется доказательство, что происхожденіе существовало не менѣе какъ за 150 лѣтъ. (№ 18.859 Полн. Собр. Зак.).

Около этого же времени даровано было кавалерамъ не имѣющимъ чина

преимущество быть принятыми на службу прапорщиками. Манифестъ (8-го Января 1799 года № 18.812 Полн. Собр. Зак.).

Высочайше утвержденныя правила 15 Февраля были послѣднимъ трудомъ графа Литты. Вскорѣ за тѣмъ онъ былъ удаленъ въ деревню жены. За удаленіемъ магистерскаго поручика Литты послѣдовало вскорѣ удаленіе изъ Россіи брата его, папскаго нунція. Объ окончаніи нунціатуры въ Россіи съ удаленіемъ нунція объявлено было именнымъ указомъ на имя генералъ-адъютанта Беклешова, 29-го Апрѣля 1799 года (№ 18.949 Полн. Собр. Зак.). Оба эти удаленія аббатъ Жоржель приписываетъ вліянію графа Растопчина говоря, что ударъ былъ направленъ противъ поручика великаго магистра, возбуждавшаго опасенія графа Растопчина въ слѣдствіе частыхъ личныхъ докладовъ графа Литты у Императора по дѣламъ ордена. На мѣсто нунція настоятелемъ пріорства былъ назначенъ митрополитъ Сестренцевичъ.

Въ слѣдствіе замѣченныхъ злоупотребленій по случаю назначенія фамильными командорами, несовершеннолѣтнихъ «почти въ пеленахъ», пріобрѣтавшихъ чрезъ это служебныя права (сравн. указъ 8-го Января 1799 г. № 18.812), и для пресѣченія впредь таковаго злоупотребленія, Императоръ Павелъ предоставлялъ себѣ: «по собственному Нашему благоизобрѣтенію, единственно лично того награждать фамильными командорствами, кого Мы прежде по волѣ Нашей въ оныхъ утвердить соблаговолили». (Полнаго Собранія Законовъ № 18.999, 14-го Іюня 1799 года).

Злоупотребленія эти были противны Высочайше утвержденнымъ правиламъ для Россійскаго пріорства 15-го Февраля, по коимъ на командорства и вообще кавалерами можно было назначать лишь лицъ, имѣющихъ на то право и изъ «служившихъ два года въ караванахъ на эскадрахъ Мальтійскихъ или во флотѣ или въ войскахъ Россійскихъ». По видимому указъ этотъ вскорѣ былъ отмѣненъ изданными за тѣмъ Высочайше утвержденными правилами 21 Іюля 1799 г. (№ 19.044), о родовыхъ командорствахъ или Jus Patronatus въ Россіи. Эти правила ничего новаго не постановляли, но были единственно вызваны противустатутнымъ назначеніемъ малолѣтнихъ, родовыми командорами.

15-го Іюня 1799 г. Учреждено 20 новыхъ командорствъ, съ назначеніемъ на оныя 9.300 р. изъ почтовыхъ доходовъ. Эти командорства по смерти командоровъ не должны были раздаваться по старшинству, а оставаться вакантными, съ тѣмъ, что великій магистръ имѣлъ право давать ихъ по своему выбору каждыя пять лѣтъ. Это учрежденіе было нѣчто въ родѣ командорствъ di grazia, существовавшихъ въ Мальтѣ и въ обоихъ Русскихъ пріорствахъ, но на оныя Императоръ предоставлялъ себѣ право назначать лишь отличившихся на войнѣ. (№ 18.999 Полн. Собр. Зак.).

8-го Сентября 1799 года Высочайше повелѣно содержаніе кавалергардовъ отнести на счетъ капитула ордена. (№ 19.114).

17 того же мѣсяца повелѣно производить изъ почтоваго вѣдомства ежегодно по триста руб. каждому, получившему командорство за военные подвиги. (№ 19.119 Полн. Собр. Зак.).

Еще въ началѣ 1799 года Императоръ Павелъ прокламаціей 21 Декабря (1 Января) приглашалъ всѣ иностранныя пріорства сблизиться съ Русскимъ пріорствомъ. (Martens. Rec. T. VII, p. 548).

Это воззваніе привело въ крайнее недоумѣніе всѣ пріорства въ Германіи. — Вѣнскій Дворъ на запросы ихъ не давалъ отвѣта.

9 (20-го) Февраля 1799 года курфирстъ Баварскій уничтожилъ орденское пріорство въ своихъ владѣніяхъ для избѣжанія, какъ предполагаютъ столкновеній съ Россіей. — Пріорство это было основано стараніями Бальи Флаксландена въ 1782 году, по уничтоженіи въ Баваріи іезуитовъ и въ пользованіе пріорства переданы были іезуитскія имѣнія. Баварскій языкъ принятъ былъ въ орденъ подъ именемъ Англо-Баварскаго, на мѣсто древняго Англійскаго. Русское пріорство было включено въ составъ Англо-Баварскаго языка.

Это важное препятствіе къ законному существованію ордена въ Россіи было устранено договоромъ 1 (12) Іюля 1799 года, заключеннымъ между Императоромъ Павломъ въ качествѣ великаго магистра и курфирстомъ Баварскимъ о возстановленіи ордена въ Баваріи. Договоръ этотъ подписанъ въ Мюнхенѣ съ нашей стороны Бальи Флаксланденомъ, со стороны Баваріи графомъ Montgelas. Договоромъ этимъ Императоръ Павелъ признается въ Баваріи великимъ магистромъ.

Въ концѣ 1799 года депутаціи пріорствъ Германскаго, Англо-Баварскаго и Богемскаго отправились въ Россію.

Аббатъ Жоржель разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что депутація пріорства Англо-Баварскаго прибыла около первыхъ чиселъ Декабря. Въ главѣ ея былъ Бальи Флаксланденъ, командовавшій въ Мальтѣ галернымъ флотомъ, человѣкъ весьма умный и любезный, пользовавшійся особою милостію Императора. Растопчинъ, содѣйствовавшій удаленію обоихъ братьевъ Литта, успѣлъ вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Салтыковымъ и командоромъ de La Houssaye, завѣдовавшаго дѣлами ордена по удаленіи Литты, возбудить неудовольствіе Императора по поводу мнѣнія, поданнаго Флаксланденомъ. Флаксланденъ, не имѣвъ прощальной аудіенціи, долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ началѣ 1800 года, вмѣстѣ съ прочими депутатами Баварскаго пріорства.

Аббатъ Жоржель (Т. VI его записокъ, стр. 192 и слѣд.) описываетъ пріемъ 29 Декабря 1799 года, депутаціи великаго пріорства Германскаго, къ коей онъ принадлежалъ въ качествѣ секретаря. Въ главѣ этой депутаціи былъ графъ Ferette Florimond, великій Бальи Пфюрдтъ-Блумбергскій и баронъ Баденскій, командоръ Везелскій

Жоржель упоминаетъ вскользь о депутаціи Богемскаго пріорства, неимѣвшаго причины жаловаться на пріемъ, и замѣчаетъ, что благодаря его рекомендаціи Германскимъ депутатамъ, о поддержаніи хорошихъ отношеній съ вице-канцлеромъ ордена, коммандоромъ La Houssaye, завѣдывавшаго съ коммандоромъ, казначеемъ Vitry, всѣми дѣлами ордена, депутація Германская имѣла полный успѣхъ. Эта депутація была долго задержана въ Петербургѣ, и причина этого задерживанія оставалась тайной для нихъ до отъѣзда. Имъ дозволено было выѣхать въ концѣ Мая 1800 года. Тайна задержки депутаціи въ Петербургѣ заключалась въ намѣреніи Императора Павла назначить своимъ намѣстникомъ въ Мальтѣ Великаго Бальи Пфюрдтскаго, по занятіи Мальты союзнымъ флотомъ.

По неудовольствію на Англичанъ, Русской эскадрѣ, подъ начальствомъ адмирала Ушакова, повелѣно было не участвовать въ блокадѣ Мальты и возвратиться въ Корфу. За тѣмъ Бальи Пфюрдтскому дозволено было выѣхать изъ Россіи. Аббатъ Жоржель разсказываетъ, что Англійское министерство предлагало Императору Павлу передать Мальту въ случаѣ занятія оной, Неаполитанскому королю, съ условіемъ допущенія въ Мальту Русскихъ и Англійскихъ флотовъ. На это предложеніе Императоръ Павелъ не согласился, настаивая на возстановленіи ордена въ его прежнемъ владѣніи.

16 Августа 1800 г. Императоръ Павелъ пригласилъ Швецію, Пруссію и Данію приступить вновь къ договору о возстановленіи правъ нейтральныхъ державъ. По объявленіи Рижской ратуши (Martens, Sup. du R. T. II) 29 Августа 1800 г. наложенъ секвестръ на Англійскіе капиталы, по распоряженію тамошняго губернатора. Въ Полномъ Собраніи Законовъ, кажется, указа объ этомъ секвестрѣ не находится.

По полученіи извѣстія въ Петербургѣ о капитуляціи 5 Сентября 1800 г., о передачѣ острова Мальты Французами Англичанамъ, дипломатическому корпусу въ Петербургѣ было объявлено нотой 21 Ноября 1800 г. (Martens, Sup. du Rec. T. II) за подписью графа Ростопчина и графа Панина, о наложеніи амбарго на Англійскія суда. Эта мѣра была принята въ слѣдствіе нарушенія условія, заключеннаго въ Петербургѣ Англіей 30 Декабря 1798 г. относительно Мальты.

Императоръ Павелъ послѣднимъ указомъ относившимся до ордена въ его царствованіи, 10-го Октября 1800 года повелѣлъ награждать нижніе

воинскіе чины, вмѣсто знаковъ отличія св. Анны, донатами ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. (№ 19.594 Полн. Собр. Зак.).

Донатами назывались въ Мальтійскомъ орденѣ лица, занимавшіе не-рыцарскіе должности, штурмановъ, смотрителей, полковыхъ адъютантовъ и т. п., и получившіе за отличіе право носить на лѣвой сторонѣ груди, полукрестъ. Съ этимъ отличіемъ сопряжены были условія честнаго и законнаго происхожденія, денежные взносы, обѣтъ строго придерживаться правилъ церкви и служить ей съ полнымъ самоотверженіемъ.

Полный крестъ былъ составленъ изъ осьми треугольниковъ, а полукрестъ на подобіе обыкновенныхъ орденскихъ крестовъ, изъ четырехъ треугольниковъ.

16 Марта 1801 г. Императоръ Александръ I (№ 19.794 Полн. Собр. Зак.) манифестомъ объявилъ, что онъ принимаетъ орденъ подъ свое покровительство, что Петербургъ остается главнымъ мѣстомъ пребыванія державнаго Мальтійскаго ордена; впредь до избранія гросмейстера, на основаніи статута, генералъ-фельдмаршалъ Салтыковъ остается поручикомъ великаго магистерства. Всѣ эти распоряженія сдѣланы лишь до назначенія, съ согласія прочихъ дворовъ, мѣста и средствъ для созванія капитула державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Этотъ манифестъ находится въ Англійскомъ изданіи Boisgelin Ancient and modern Malta. London. 1805. T. II, ap. № XX. Тамъ же, подъ № XXI, стр. 293, на Англійскомъ языкѣ декретъ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго о приглашеніи всѣхъ пріорствъ къ составленію списковъ кандидатовъ на должность великаго магистра и приглашеніи папы, избрать исключительно на этотъ разъ, великаго магистра изъ среды кандидатовъ. Небрежность Французскаго издателя, этого описанія Мальты, Fortia de Pilles, такъ велика, что онъ не издалъ, между прочимъ, и этихъ двухъ №, ссылаясь на Maisonneuve изданнаго въ 1799 году и въ которомъ эти акты, весьма понятно, не находятся.

Въ 1802 году Амьенскимъ договоромъ было постановлено, что Мальта должна быть возвращена ордену, подъ покровительствомъ и поручительствомъ шести державъ.

Въ это время орденъ утратилъ свои помѣстья въ Испаніи по отдѣленію обоихъ Испанскихъ языковъ; въ Германіи, въ слѣдствіе Рейнскаго союза, а въ Италіи существованіе ордена прекратилось de facto уже до того, въ слѣдствіе переворотовъ, произведенныхъ войнами Французской республики.

Въ 1802 году былъ избранъ въ гросмейстеры князь Бартоломео Русполи; это избраніе вѣроятно было сдѣлано въ слѣдствіе приглашенія папы Императоромъ Александромъ утвердить всѣ распоряженія Императора Павла, касательно Мальтійскаго ордена и приступить къ выбору гросмейстера.

Графъ Толстой (Le Catholicisme Romain en Russie. T. II, p. 385 — 387) говоритъ, что Императоръ Александръ объявилъ это непремѣннымъ условіемъ, безъ чего папскій нунцій не будетъ принятъ въ Петербургѣ. По отреченіи князя Русполи, избранъ былъ въ 1805 году Томмази.

26 Февраля 1810 г. (№ 24.134 Полн. Собр. Зак.) именнымъ повелѣніемъ на имя фельдмаршала графа Салтыкова, суммы Русскихъ пріорствъ причислены къ государственному казначейству, а фамильныя командорства оставлены впредь до усмотрѣнія. Въ это же время и домъ орденскій, нынѣшній Пажескій корпусъ, былъ отчужденъ.

20 Ноября 1811 г. (№ 24.882 Полн. Собр. Зак.) повелѣно ликвидировать фамильныя командорства, т. е. капитализировать платежи причитающіеся въ пользу ордена и предоставить за тѣмъ владѣніе имѣніемъ на общихъ правахъ. Этимъ самымъ орденъ былъ окончательно уничтоженъ въ Россіи, хотя это положительно не выражено.

Парижскимъ миромъ 1814 г. Мальта признана Великобританскимъ владѣніемъ.

По возвращеніи Бурбоновъ, Французское правительство обѣщало возвратить ордену его помѣстья, въ случаѣ если онъ снова пріобрѣтетъ самостоятельное державное владѣніе. Въ этомъ же году возстановленъ во Франціи орденъ св. Гроба Господня.

20 Января 1817 г. (№ 26.626 Полн. Собр. Зак.) по случаю полученія Мальтійскаго креста, по правиламъ Русскаго пріорства адъютантомъ графа Комаровскаго, Лазаревымъ, воспрещается оному носить оный и всѣмъ вообще принимать таковыя, такъ какъ пріорства Русскаго болѣе не существуетъ.

Это единственный актъ, объявляющій положительно о прекращеніи существованія ордена въ Россіи. De facto существованіе ордена въ Россіи прекратилось ликвидаціей фамильныхъ командорствъ по указу 20 Ноября 1811 года, потому что эти учрежденія одни уцѣлѣли по отчисленіи орденскихъ суммъ къ государственному казначейству по указу 26 Февраля 1810 года.

По смерти Томмази избранъ былъ въ гросмейстеры Бальи Каррачіоли. Мѣсто пребыванія ордена изъ Катаніи въ Сициліи, перенесено въ 1826 году въ Ферару, въ Папскихъ владѣніяхъ. Съ 1844 года въ штатгалтеры ордена избранъ Карлъ Кондиди. Съ этого же года резиденція перенесена въ Римъ.

Въ 1839 году императоръ Австрійскій разрѣшилъ учрежденіе пріорства Ломбардо-Венеціанскаго, а король Неаполитанскій возвратилъ ордену его помѣстья въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій.

Въ 1845 году избранъ въ штатгалтеры графъ Коллоредо Мельсъ.

Въ 1860 году орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго имѣлъ 100 командорствъ въ 4 пріорствахъ: Римскомъ, Венеціанскомъ, Неаполитанскомъ и Пражскомъ.

Мальтійскій орденъ, сосредоточенный въ Римѣ, въ послѣднее время выразилъ желаніе возвратиться къ прежней своей военной дѣятельности и намѣренъ былъ посвятить свое служеніе защитѣ папскаго престола, но попытка эта не состоялась. Отдѣлившійся же въ слѣдствіе реформаціи Бранденбургскій Бальяжъ, въ послѣднее время обратилъ на себя вниманіе всей Европы отличнымъ учрежденіемъ военныхъ лазаретовъ и госпиталей на самомъ театрѣ войны Прусско-Австрійской.

Въ Пруссіи Бранденбургскій Бальяжъ не былъ признаваемъ орденомъ въ слѣдствіе реформаціи, не смотря на желаніе Прусскихъ рыцарей участвовать въ походахъ и расходахъ ордена.

Въ царствованіе Фридриха Великаго было сдѣлано (1763 г.) сближеніе съ пріорствомъ Германскимъ съ согласія Мальтійскаго гросмейстера, ср. пр. 33.

Въ 1810 и 1811 г. уничтожены были всѣ учрежденія ордена въ Пруссіи и земли присоединены къ государственнымъ имуществамъ. Въ 1812 г. въ память Бранденбургскаго Бальяжа, древняго ордена св. Іоанна, учрежденъ Евангелическій орденъ, во имя того же святаго, подъ державнымъ покровительствомъ короля.

По повелѣнію короля Фридриха Вильгельма IV, 15 Октября 1852 г., ордену предначертана дѣятельность благотворительная, согласно его древнѣйшему учрежденію въ Іерусалимѣ. Принцъ Карлъ Прусскій былъ назначенъ гросмейстеромъ 18 Мая 1853 г. Въ послѣднія двѣ Прусскія войны, Шлезвигъ-Гольштейнскую и Австрійскую, орденъ оказалъ значительную и благотворную дѣятельность.

На канцлера ордена, графа Стольбергъ-Вернигероде, возложена была обязанность учредить подвижные лазареты, фуры для перевозки раненыхъ и госпитали на разныхъ пунктахъ театра войны. Практическое устройство всѣхъ этихъ пособій, для раненыхъ и больныхъ, и самоотверженная дѣятельность членовъ ордена въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скорая помощь раненымъ наиболѣе необходима могутъ считаться образцовыми.

Этимъ орденъ вполнѣ возвратился къ своему первоначальному назначенію — военно-госпитальному.

Святый Яковъ, первый епископъ Іерусалимскій, учредилъ братство для охраненія Святаго Гроба Господня въ Іерусалимѣ.

Въ 313 году императрица Елена, мать Константина Великаго, дала этому братству назначеніе страннопріимнаго госпиталя. На происхожденіи отъ этихъ двухъ учрежденій Французы отстаиваютъ первенство ордена Св. Гроба Господня, существовавшаго во Франціи, надъ прочими орденами, образовавшимися въ Іерусалимѣ въ началѣ XII столѣтія.

Первое назначеніе этихъ орденовъ было: уходъ за больными поклонниками и защита поклонниковъ противъ мусульманъ; охраненіе святыхъ мѣстъ и церковное служеніе. По этому во всѣхъ орденахъ состояли рыцари—церковнослужители и Serventi, нѣчто въ родѣ послушниковъ. Пять рыцарскихъ орденовъ въ Европѣ ведутъ свое начало отъ этихъ учрежденій.

1) Орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, учрежденное Герардомъ — госпитальное братство. Орденъ этотъ, по утратѣ святыхъ мѣстъ, основалъ свое пребываніе на островѣ Родоссѣ и, по утратѣ этого владѣнія, получилъ отъ императора Карла V Мальту.

2) Темпліеры—стражи храма Соломона связывавшіе, говорятъ, вмѣстѣ съ масонами, свое происхожденіе съ строителями храма Соломона.

3) Тевтонскій орденъ — по церкви святой Маріи Тевтонцевъ, построенной ими въ Іерусалимѣ въ началѣ XII столѣтія.

4) Орденъ Святаго Гроба Господня.

5) Орденъ святаго Лазаря.

Братство святаго Гроба (archiconfrérie) Господня было учреждено во Франціи Людовикомъ Святымъ во второй половинѣ XIII столѣтія. Орденъ этотъ сильно отстаивалъ свои права на храмъ Святаго Гроба Господня и свое первенство между рыцарскими орденами на филіаціи отъ стражей Гроба Господня, поставленныхъ св. Іаковымъ и госпитальной братіи учрежденной императрицей Еленой, тогда какъ орденъ рыцарскій Святаго Гроба Господня, первоначально вовсе не Французскій, началъ свое существованіе вмѣстѣ съ прочими въ слѣдствіе крестовыхъ походовъ и покоренія Іерусалима въ 1099 года.

Орденъ (Мальтійскій) святаго Іоанна Іерусалимскаго существовалъ въ Германіи вмѣстѣ съ Тевтонскимъ и орденомъ Святаго Гроба Господня и, не смотря на единство происхожденія, не въ пріязненныхъ отношеніяхъ. То же самое было и во Франціи, въ его отношеніяхъ къ ордену Святаго Гроба Господня.

Буллой папы Инокентія VIII, въ 1489 году, имущества орденовъ Св. Гроба Господня и св. Лазаря были присоединены къ ордену св. Іоанна Іерусалимскаго. Король Французскій Генрихъ III въ 1574 г. призналъ присоединеніе всѣхъ Іерусалимскихъ орденовъ во Франціи къ Мальтійскому.

Булла папы была отвергнута парламентомъ 16 Февраля 1547 г., а

грамота короля Генриха III не была регистрирована, такъ что споръ и до сего времени открытъ, въ ожиданіи состязателей.

Этотъ споръ между обоими орденами касается и интересовъ православной церкви, по своему близкому соотношенію къ вопросу о правахъ на храмъ Святаго Гроба Господня.

Maison d'Autriche. L'Angleterre a déjà accordé les subsides, et la Cour de Vienne y a apporté de son côté toutes sortes de facilités de fourages, vivres, et autres fournitures pour en accélerer la marche. Les subsides stipulés entre l'Angleterre et la Russie sont de trois cents mille livres sterlings pour l'ouverture de la campagne; autant à la fin de la guerre et cent mille livres sterlings par mois aussi longtemps qu'elle durera et que les troupes Russes seront employées.

Je suis avec le plus profond respect,

Monseigneur, De Votre Altesse E-me

à St. Pétersbourg ce 4 (15) Novembre 1796.

---

* Переводъ.

№ 50 (начала не достаетъ).

Австрійскій домъ. Англія уже изъявила согласіе на субсидіи и Вѣнскій дворъ съ своей стороны изъявилъ готовность на облегченія всякаго рода, касательно корма для лошадей, провіанта и другихъ потребностей для ускоренія доставленія. Условленныя субсидіи между Англіей и Россіей опредѣляютъ 300.000 фунтовъ стерлинговъ для открытія кампаніи; столько же при окончаніи войны и 100.000 фунтовъ стерлинговъ ежемѣсячно во все продолженіе войны, пока Русскіе будутъ въ оной участвовать [1].

Имѣю честь быть

Петербургъ 4 (15) Ноября 1796.

[1] 18 Февраля 1795 г. былъ заключенъ договоръ между Россіей и Англіей въ силу коего Россія обязывалась въ пособіе Англіи выставить 12-ти тысячный корпусъ, или платить 500.000 р. субсидій ежегодно. Въ силу этого договора нашъ флотъ, состоявшій изъ 12 линейныхъ кораблей и 8 фрегатовъ крейсировалъ вмѣстѣ съ Англійскимъ флотомъ около Голландскихъ береговъ. Нашъ флотъ возвратился осенью 1796 года. Другой трактатъ былъ заключенъ 28 Сентября 1795 г., въ силу коего Россія, какъ говорятъ, обязывалась выставить тридцатитысячный корпусъ. Эти оба договора, не вошедшіе въ собранія Мартенса, Коха и Шеля были только оборонительные. Передъ самой кончиной Императрицы велись переговоры о содѣйствіи Россіей союзнымъ державамъ противъ Франціи съ 60.000 корпусомъ. Императоръ Павелъ выражая свое сочувствіе къ дѣлу союзныхъ державъ, объявилъ причины, не дозволившія ему выдвинуть изъ Россіи столь значительный корпусъ и совѣтовалъ Англіи предоставить эти субсидіи Австріи. Это изложено въ депешѣ графа Литты за № 58, 15 (26) Декабря 1796 года.

№ 51 *.

Monseigneur

C'est avec la plus vive et juste affliction qui je dois annoncer à V. Altesse Em-me un événement qui cause ici autant de désolation qu'il est important et inattendu. Hier vers les dix heures du matin S. M. L'Impératrice a été frappée d'un coup d'apoplexie à la tête qui la d'abord mise dans l'état le plus funeste et le plus désesperant. Comme ce malheur lui est arrivé lors qu'elle était seule dans une chambre intérieure de son appartement on l'a trouvée étendue sur le parquet, sans connaissance, les yeux fermés, la poitrine extrêmement enflée et un mouvement convulsif à l'estomac qui produisait un râlement de bien triste présage. Les médecins lui ont donné tous les secours de l'art qui cependant n'ont été suivis d'aucun bon effet, et n'ont pu ranimer la moindre espérance. La battement du coeur et des pouls, et les autres faibles indices de vie qui avaient continué pendant toute la journée, ont cessé successivement, et cette Auguste Souveraine a fini de vivre aujourd'hui vers les dix heures du soir.

Monseigneur Le Grand-Duc Paul Petrowitch était à sa maison de campagne de Gacina. Ayant été averti du malheureux événement qui venait d'arriver, il s'est rendu avec toute la promptitude à Pétersbourg, accompagné de la Grande-Duchesse Marie son épouse, et en se jettant aux pieds

---

* Переводъ.

№ 51 (окончанія недостаетъ).

Съ живѣйшимъ и истиннымъ прискорбіемъ долженъ я извѣстить Ваше Преимущество о событіи тѣмъ болѣе здѣсь возбуждающемъ горе, что оно важно и неожиданно. Вчера около 10 часовъ утра Ея Величество Императрица въ слѣдствіе апоплексическаго удара въ голову, находилась въ самомъ роковомъ и отчаянномъ положеніи. Это несчастіе случилось въ то время, какъ она была одна въ одномъ изъ внутреннихъ своихъ покоевъ; ее нашли лежащею безъ чувствъ на паркетѣ, съ сомкнутыми глазами, грудью весьма распухшей и судорожными движеніями въ желудкѣ, производившими хрипоту, что представляло весьма печальную примѣту. Медики оказали ей всѣ пособія искусства, не имѣвшія однако никакого благотворнаго вліянія, и даже они не были въ состояніи возбудить ни малѣйшей надежды. Біеніе сердца и пульса и другіе слабые признаки жизни продолжавшіеся еще въ теченіе всего дня, постепенно прекращались и эта Августѣйшая Монархиня кончила нынче свою жизнь около десяти часовъ вечера.

Государь великій князь Павелъ Петровичъ находился въ своемъ загородномъ дворцѣ въ Гатчинѣ. Извѣщенный о случившемся несчастномъ событіи, онъ отправился со всевозможной поспѣшностію въ Петербургъ, въ сопровожденіи великой княгини Маріи, его супруги и повергая себя къ стопамъ его Августѣйшей матери, изъявилъ самыя поразительные признаки глубокаго горя.

de son auguste mère a donné les marques les plus éclatantes d'une profonde douleur.

S. M. l'Impératrice s'était levée hier à son heure accoutumée en parfaite santé. Elle avait déjà écrit et travaillé dans son cabinet, et donné cours à plusieurs affaires sans ressentir aucun symptôme qui pût lui faire craindre un aussi funeste accident.

Toute l'Auguste Famille Impériale, la Cour et la ville sont dans la consternation et regretent bien vivement la perte d'une Souveraine qui a couvert de tant d'éclat le trône de Russie, laisse à plusieurs règnes l'honneur de finir les entreprises d'un seul, et qui unissait à ce génie supérieur les plus éminentes qualités du coeur.

On travaille actuellement à la confection du Manifeste, qui doit annoncer la mort de Cathérine Seconde, et l'avénement du successeur Paul Premier son fils au trône; et l'on prend toutes les dispositions pour les funérailles et autres formalités d'usage. Je ne manquerai pas dans la suite de rendre compte à V. Em-ce ce qui aura lieu de plus important dans le commencement de ce nouveau règne qui, comme il arrive toujours dans des pareilles occasions, réveille l'attention de tout le monde.

Ея Величество Императрица встала вчера въ обычный часъ въ совершенномъ здравіи. Она уже писала и работала въ своемъ кабинетѣ и дала ходъ нѣсколькимъ дѣламъ, не чувствуя никакого признака, могущаго возбудить опасеніе на счетъ такого роковаго удара [2].

Все Августѣйшее Императорское семейство, дворъ и городъ поражены, и весьма сожалѣютъ о потерѣ монархини, озарившей такимъ блескомъ Россійскій престолъ, и предоставившей многимъ царствованіямъ честь окончить предпріятія одного ея царствованія, и соединявшей съ высшимъ геніемъ, высшія качества сердца.

Теперь занимаются сочиненіемъ манифеста, долженствующаго объявить о кончинѣ Екатерины II и вступленіи на престолъ, ея преемника и сына Павла I; также приступаютъ ко всѣмъ распоряженіямъ касательно похоронъ и прочихъ обычныхъ обрядовъ. Я не премину въ послѣдствіи довести до свѣдѣнія Вашего Преимущества все что совершится наиболѣе замѣчательнаго въ началѣ этого новаго царствованія, возбуждающаго, какъ это всегда случается при подобныхъ обстоятельствахъ, всеобщее вниманіе.

[2] Наканунѣ удара (4-го) былъ Ермитажъ. Въ этотъ вечеръ было получено извѣстіе о пораженіи генерала Моро, заставившаго его возвратиться за Рейнъ. Приводятъ по этому случаю шутливую записку Императрицы графу Кобенцелю: спѣшу извѣстить ваше превосходное превосходительство, что превосходныя войска вашего превосходнаго двора совершенно разбили Французовъ. «Je m'empresse d'annoncer à l'excellente Excellence que les excellentes troupes de l'excellente cour ont completement battu les Français». Въ этотъ вечеръ Императрица удалилась изъ Ермитажа раньше обыкновеннаго говоря, что она чувствуетъ себя нездоровой, слишкомъ много смѣявшись въ слѣдствіе шутокъ оберъ-шталмейстера Льва Александровича Нарышкина. Императрица скончалась 6 Ноября. Агонія продолжалась 36 часовъ.

J'ai raison de croire, vu l'équité du nouveau Souverain et sa disposition à donner avec promptitude cours aux affaires, que les réclamations de l'Ordre de Malte obtiendront la justice qui nous est due. Je serai dans le cas de présenter de nouvelles lettres de créance, comme les autres Individus du Corps Diplomatique; mais cette formalité indispensable ne me prendra qu'autant de temps que je jugerai necessaire et n'empêchera pas que je ne puisse présenter pareillement celles de Rappel, aussitôt que les circonstances l'éxigeront et l'état de mes ressources m'y obligera, suivant ce que j'ai déjà eu l'honneur de mander à V. Em-ce par ma précédente dépêche.

Je suppose que la cour de Pétersbourg ne tardera pas à faire parvenir à V. A. Em-me la lettre de participation de l'avénement du nouvel Empereur au trône de Russie; et V. Em-ce pourra m'envoyer sa réponse que je me ferai un devoir de présenter à S. M. Impériale. Les autres dépêches que V. Em-ce jugera à propos de m'écrire, peuvent de même m'être adressées à Pétersbourg; parceque dans la supposition de mon départ, je prierai Mr. le Duc de Serra-Capriola qui...

№ 56 *.

dite réponse de la Russie n'ont d'autres qualifications que celle de Régicides

---

Я имѣю основаніе думать, зная справедливость новаго монарха и его расположеніе давать быстрый ходъ дѣламъ, что относительно претензій Мальтійскаго ордена, скоро будетъ оказано должное намъ правосудіе. Я долженъ буду представить новыя довѣрительныя грамоты какъ и всѣ прочіе члены дипломатическаго корпуса, но это необходимая формальность не потребуетъ болѣе времени чѣмъ я это сочту нужнымъ, не лишитъ меня возможности представить такимъ же образомъ грамоты о моемъ отозваніи, какъ скоро того потребуютъ обстоятельства и вынудитъ меня состояніе моихъ средствъ, согласно съ тѣмъ, о чемъ я уже имѣлъ честь увѣдомить Ваше Преимущество моимъ предъидущимъ донесеніемъ.

Я полагаю, что Петербургскій дворъ не замедлитъ отправить къ Вашему Преимуществу извѣстительную грамоту о восшествіи на Россійскій престолъ новаго Императора; Ваше Преимущество можетъ мнѣ доставить отвѣтъ, который я не премину представить Его Императорскому Величеству. Прочія депеши, которыя вы благоволите мнѣ писать, могутъ также быть отправлены въ Петербургъ на мое имя; потому что въ случаѣ моего отъѣзда я попрошу герцога Серра Каприола, который...

(6 Ноября 1796).

* Переводъ.

№ 56 (начала не достаетъ).
въ упомянутомъ Русскомъ отвѣтѣ не имѣютъ другаго наименованія какъ цареубійцы [3].

[3] Цареубійцы—относится до Французской республики. Нельзя предполагать чтобы оно относилось до лицъ, участвовавшихъ въ заговорѣ и умерщвленіи Густава III въ 1792 году.

Ceci peut nous fournir une juste notion, pour le moment, de la façon de penser de cette Cour à l'égard des autres.

Mr. de Klingspor, Général en chef au service du Roi de Suède vient d'arriver ici de Stockholm pour annoncer la majorité du Roi et son avénement au trône. Il a reçu l'accueil le plus distingué, et Leurs Majestés Impériales lui temoignent toutes sortes de bontés. Comme il a tous les pleins-pouvoirs pour traiter ici la conclusion du mariage du Roi, qui l'honore de toute sa confiance, l'on ne doute pas qu'il ne parvienne bientôt à concilier définitivement toutes les difficultés qui en ont retardé jusqu'à présent la signature.

J'ai eu l'honneur d'informer Votre Altesse Eminentissime du désir de Mr. le comte de Tauentzien, Ministre de Prusse à Pétersbourg. Comme je n'ai pas encore reçu la réponse que Votre Eminence a eu la bonté de m'annoncer, je prends la liberté de Lui réitérer ici de rechef mes instances avec

---

Это намъ можетъ подать вѣрное указаніе объ образѣ мыслей этого двора, въ настоящее время, въ отношеніи къ прочимъ дворамъ.

Г. Клингспоръ, генералъ-аншефъ на службѣ Шведскаго короля, прибылъ сюда изъ Стокгольма, для извѣщенія о совершеннолѣтіи короля, и его вступленіи на престолъ. Онъ принятъ былъ самымъ отличнымъ образомъ, Ихъ Императорскія Величества оказывали ему всякаго рода благоволеніе. Онъ имѣетъ всѣ полномочія для переговоровъ о заключеніи брака съ королемъ [4], даровавшимъ ему полное свое довѣріе, поэтому не сомнѣваются, что онъ скоро успѣетъ согласовать окончательно всѣ затрудненія, задерживающія подписаніе.

Я уже имѣлъ честь извѣщать Ваше Преимущество о желаніи графа Тауенцина [5], Прусскаго посланника въ Петербургѣ. Я до сихъ поръ еще не получалъ отвѣта вами милостиво обѣщаннаго, потому осмѣливаюсь снова повторить здѣсь мою настоятельную просьбу со всѣмъ рвеніемъ возбуждаемомъ во мнѣ чувствами моими къ этому министру и тѣмъ уваженіемъ, которое я люблю ему оказывать при каждомъ случаѣ.

[4] Здѣсь идетъ рѣчь о предполагавшемся бракѣ короля Шведскаго Густава IV съ великой княжной Александрой Павловной. Негоціація этого брака была разстроена самымъ неожиданнымъ образомъ, еще при жизни Императрицы Екатерины II въ слѣдствіе религіозныхъ затрудненій, заявленныхъ молодымъ королемъ въ бытность его въ Петербургѣ. Густавъ IV женился на принцессѣ Баденской, сестрѣ Елисаветы Алексѣевны, супруги Императора Александра I. Густавъ IV, подъ вліяніемъ побѣдъ, одержанныхъ Русскими войсками кассировалъ гвардейскій дворянскій полкъ. На возраженія престарѣлаго фельдмаршала Клингспора, онъ обнажилъ свою шпагу. Эта сцена была причиной его отреченія отъ престола. Дядя его, герцогъ Зюдерманландскій снова принялъ на себя регенство и по отреченіи короля Густава IV въ 1810 году, вступилъ на престолъ подъ именемъ Карла XIII. Онъ призналъ наслѣдникомъ принца Аугустенбургскаго и по смерти онаго Бернадотта. Густавъ IV сперва подъ именемъ графа Готторпскаго, потомъ полковника Густавсона занималъ читающую публику своими сочиненіями и похожденіями.

[5] Разсказываютъ что графъ Тауенцинъ возбудилъ неудовольствіе Императора за то, что онъ носилъ мундиръ новомоднаго покроя и не сообразовался съ покроемъ временъ Фридриха II, называвшемся Прусскимъ, при дворѣ Павла I.

tout l'empressement que m'inspirent les sentimens que j'ai pour ce Ministre, et les égards que j'aime à lui témoigner en toute occasion.

Je devais avoir aujourd'hui une autre conférence avec Mr. le Vice-Chancelier Prince de Kourakin; mais apparemment la multiplicité des affaires et toutes les cérémonies qui ont lieu ces jours ci, l'en ont empêché; car il vient de me faire des excuses pour la seconde fois, et de me prier de la remettre à un autre jour. C'est pour en rendre compte aujourd'hui même que j'avais préparé cette dépêche que je ferai partir ce soir par une occasion particulière.

Je suis avec le plus profond respect
Monseigneur de Votre Altesse Eminentissime

à St. Pétersbourg ce 2 (13) Décembre 1796.

№ 57 *.

Monseigneur

Son Excellence Monsieur le Vice-Chancelier Prince de Kourakin a bien voulu m'accorder encore une conférence, relativement aux affaires de l'Ordre

---

Я долженъ былъ нынче имѣть еще другую конференцію съ вице-канцлеромъ княземъ Куракинымъ [6]; но кажется многочисленность дѣлъ и всѣ бывшія на дняхъ церемоніи помѣшали ему, потому что онъ вторично велѣлъ передо мной извиниться и просить меня отложить ее на другой день. Я началъ мое нынѣшнее донесеніе съ намѣреніемъ представить вамъ отчетъ о конференціи и я отправляю оное, частнымъ образомъ, нынче вечеромъ.

Имѣю честь быть и пр.

С.-Петербургъ
2 (13) Декабря 1796.

* Переводъ.

№ 57. Его высокопревосходительство г. вице-канцлеръ князь Куракинъ удо-

[6] Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, родившійся 18 Января 1752 г. Племянникъ графа Никиты Ивановича Панина, жилъ у него во дворцѣ и воспитывался съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Съ 1770 по 1772 годъ посѣщалъ Лейденскій университетъ и путешествовалъ по Европѣ. Сопровождалъ великаго князя въ путешествіяхъ его за границу. Онъ удаленъ въ село Надеждино, Саратовской губерніи въ 1782 г. за его переписку съ П. А. Бибиковымъ. Куракинъ получилъ право посѣщать изъ ссылки великаго князя въ Гатчинѣ каждые два года. Графъ Литта говоритъ въ своей депешѣ № 61, что онъ съ нимъ былъ въ дружбѣ во время его опалы. Послѣ кончины Императрицы Екатерины II, 6 Ноября 1706 г., онъ 16 числа того же мѣсяца назначенъ вице-канцлеромъ. 28 Октября 1798 года на его мѣсто назначенъ первоприсутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ В. П. Кочубей. 29 Февраля 1801 года кн. Куракинъ снова назначенъ первоприсутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, — за нѣсколько дней до смерти Императора Павла. Императоромъ Александромъ кн. Куракинъ переименованъ въ канцлеры Россійскихъ орденовъ. Князь Куракинъ былъ посломъ въ Вѣнѣ съ 18 Іюля 1806 года и въ Парижѣ съ 1809 года. Въ 1812 году онъ возвратился въ Россію и скончался въ Веймарѣ 24 Іюня 1818 года.

de Malte. Ce digne Ministre qui m'honore de ses bontés particulières et dont je ne saurais assez me louer, a daigné apporter à cet entretien toute l'attention que je pouvais désirer et m'a écouté avec un intérêt très-obligeant. Dans mes différens entretiens avec lui je l'ai trouvé toujours dans les meilleures intentions à notre égard, et je m'empresse de rendre justice auprès de Votre Al-se Em-me aux sentimens qu'il a manifestés pour sa personne et pour l'illustre Ordre de Malte. Je ne puis encore annoncer à Votre Eminence que ses favorables intentions, dont je ne peux augurer qu'un bon effet du moment qu'il aura pu se mettre au fait entièrement de nos affaires parmi la grande multiplicité de celles dont il est surchargé au commencement du nouveau règne et de son ministère. Mais je dois dès à présent me féliciter des assurances réiterés que Mr. le Vice-Chancelier a bien voulu me donner d'un heureux succès de nos demandes, et des espérances qu'il nous est permis maintenant de concevoir plus que jamais d'après la justice de notre cause, l'équité et les sentimens connus de S. M. l'Empereur.

Ce Souverain dès son avénement au trône n'a cessé de faire connaître les plus sages dispositions par plusieurs changemens bien réfléchis et par beaucoup de réformes utiles dans toutes les parties de l'administration. Toutes ses mesures sont dictées par la justice et la bienfaisance. Il a ordonné la resti-

---

стоилъ меня еще одной конференціей, по дѣламъ Мальтійскаго ордена. Этотъ достойный министръ, почтившій меня особенною своею милостію, я не довольно могу о немъ нохвалиться, оказалъ при этомъ разговорѣ все вниманіе, которое я только могъ желать, и выслушалъ меня съ весьма обязательнымъ участіемъ. Во всѣхъ моихъ съ нимъ разговорахъ я всегда находилъ его въ самомъ лучшемъ настроеніи относительно насъ и я спѣшу удостовѣрить передъ вашей свѣтлостью[7] чувства имъ обнаруженныя относительно вашей особы и знаменитаго Мальтійскаго ордена. Я могу увѣдомить Вашу Еминенцію только о его благопріятныхъ намѣреніяхъ, дающихъ мнѣ возможность предвидѣть лишь хорошій результатъ, коль скоро онъ вполнѣ ознакомится съ нашими дѣлами, среди многочисленныхъ дѣлъ коими онъ заваленъ въ началѣ новаго царствованія и управленія его министерствомъ. Но я долженъ теперь же выразить мое удовольствіе въ слѣдствіе повторенныхъ увѣреній, данныхъ г. вице-канцлеромъ о счастливомъ исходѣ нашего ходатайства, и о надеждѣ, болѣе чѣмъ когда либо возможной нынѣ, по справедливости нашего дѣла, правосудію и извѣстному образу мыслей Его Величества Императора.

Этотъ монархъ съ вступленія на престолъ не переставалъ нѣкоторыми хорошо обдуманными перемѣнами и многими полезными преобразованіями по всѣмъ частямъ управленія, обнаруживать самыя мудрыя намѣренія. Всѣ его мѣры носятъ отпечатокъ

[7] Титулъ гросмейстера: Altesse Eminentissime и порознь Eminence и Altesse. Въ Германіи великому магистру давали одинъ изъ этихъ предикатовъ. Въ Русскомъ текстѣ договора заключеннаго графомъ Литтой и другихъ документовъ того времени встрѣчается постоянно «Его Преимущество». (Полн. Собр. Зак.).

tution de presque toutes les terres confisqueés en Pologne: en donnant des dédommagemens proportionnels à ceux à qui elles avaient été assignées sous le règne précédent. Il a accordé en héritage plusieurs Starosties qui étaient auparavant données à vie, et l'on croit que cette grâce sera rendue générale pour toutes les Starosties de la Pologne qui se trouvent maintenant dans les états de Russie. Sa munificence enfin l'a porté à distribuer ces jours ci aux individus qui ont eu le bonheur d'être attachés à sa personne et formaient sa cour, environ trente six mille paysans; ce qui est la manière d'évaluer les terres en Russie; celles qui ont été données a cette occasion sont très-considérables, d'un grand rapport et étaient comprises dans les domaines de la couronne. Cette justice et cette bienfaisance, l'activité au dessus de toute expression qu'il porte sur tous les objets de l'administration, annoncent dès le commencement de son règne un souverain qui se dévoue entièrement à la prosperité de l'Empire, et au bien-être de ses sujets.

La mission d'un Ministre du St. Siége à la Cour Impériale de Russie vient d'étre décidée. Mr. le Vice-Chancelier m'a chargé d'en faire part à mon Frère le Nonce à Varsovie que en aura la commission et se rendra à Pétersbourg, aussitôt qu'il aura reçu ses lettres de créance pour le nouvel Empereur. Il est à présumer que cette mission obtiendra le meilleur succès, vu les principes de S. M. Impériale, et sa juste disposition à protéger la

---

правосудія и благотворительности. Онъ повелѣлъ возвратить почти всѣ конфискованныя земли въ Польшѣ, съ соотвѣтствующимъ вознагражденіемъ тѣмъ, коимъ они были назначены въ предъидущее царствованіе. Онъ даровалъ наслѣдственно нѣсколько старостій данныхъ до того пожизненно, и полагаютъ, что эта милость будетъ распространена на всѣ Польскія Старостіи, находящіяся нынѣ въ предѣлахъ Россіи. Онъ по щедрости своей на дняхъ роздалъ лицамъ имѣвшимъ счастіе состоять при его особѣ, и составлять его дворъ, около тридцати шести тысячъ душъ; это способъ оцѣнки земель въ Россіи; земли, розданныя при этомъ случаѣ, весьма значительныя и весьма доходныя, были государственными имуществами. Это правосудіе, эта благотворительность и неимовѣрная дѣятельность, обращенная имъ на всѣ предметы управленія, предвѣщаютъ съ самаго начала царствованіе монарха совершенно преданнаго благоуспѣянію имперіи, и благоденствію его подданныхъ.

Назначеніе представителя Святѣйшаго престола при Императорскомъ Русскомъ дворѣ рѣшено на дняхъ. Г. вице-канцлеръ поручилъ мнѣ сообщить о томъ брату моему Нунцію * въ Варшавѣ; на него возложено будетъ это порученіе, и онъ отправится въ Петербургъ немедленно по полученіи довѣрительныхъ грамотъ на имя новаго Императора. Слѣдуетъ ожидать, что это посольство будетъ имѣть наилучшій успѣхъ, судя по принципамъ Его Императорскаго Величества и его правильной наклонности покровительствовать вѣрѣ и церкви. Кромѣ всѣхъ другихъ причинъ, я

* См. пр. 36.

Religion et l'Eglise. Indépendamment de toute autre raison, je me félicite de l'arrivée de mon frère; car je regarde cette circonstance même comme favorable à faciliter mes négociations.

Le Roi de Pologne se rendra ici dans trois on quatre semaines d'après la gracieuse invitation que S. M. L'Empereur lui en a faite comme j'ai déjà mandé dans une de mes précédentes dépêches. Il a la liberté de composer sa suite des personnes qu'il voudra, et sera logé au palais impérial appellé palais de marbre, où il fera sa résidence pendant son séjour à Pétersbourg.

Je joins ici copie en latin et en français de tous les titres dûs à S. M. L'Empereur. Je previens qu'il est indispensable de les énoncer tous éxactement toutes les fois que l'on enverra des lettres de créance, de participation, et autres offices publics de Chancellerie. Cette formalité ne s'étend pas aux lettres particulières que V. Em-ce serait dans le cas d'écrire pour des recommandations, ou autres objets.

Je suis etc.
Monseigneur De Votre Altesse Eminentissime

à St. Pétersbourg ce 12 (23) Décembre 1796.

№ 58 *.

Monseigneur

A la suite de la réponse donnée par S. M. l'Empereur aux Cours alliées, relativement à la négociation particulière déjà entamée sous le règne pré-

---

весьма обрадованъ пріѣздомъ брата моего, потому что я смотрю на это обстоятельство какъ на благопріятное для облегченія моихъ негоціацій.

Король Польскій [8] прибудетъ сюда черезъ три или четыре недѣли въ слѣдствіе милостивѣйшаго приглашенія, сдѣланнаго ему Его Величествомъ Императоромъ, о чемъ я уже извѣщалъ въ одномъ изъ моихъ предъидущихъ донесеній. Онъ воленъ составить свою свиту изъ лицъ по его желанію, онъ будетъ жить въ Императорскомъ дворцѣ, называемомъ Мраморнымъ, гдѣ и будетъ его резиденція во время пребыванія его въ Петербургѣ.

Я прилагаю при семъ Латинскую и Французскую копію всѣхъ титуловъ принадлежащихъ Его Величеству Императору. Я предупреждаю, что необходимо помѣщать ихъ безъ пропусковъ всякій разъ какъ будутъ отправляемы довѣрительныя и извѣстительныя грамоты и прочіе публичные канцлерскіе акты. Эта формальность не распространяется на частныя письма, которыя Ваша Свѣтлость будетъ имѣть случай писать для рекомендаціи или по другимъ предметамъ.

Въ С. Петербургѣ сего 12 (23) Декабря 1796.

* Переводъ.

№ 58. Въ слѣдъ за отвѣтомъ даннымъ Его Величествомъ Императоромъ, союз-

[8] Станиславъ Понятовскій, по отреченіи отъ Польскаго престола 25 Ноября 1795 года, пребывалъ въ Гроднѣ. Скончался въ Петербургѣ 12 Февраля 1798 года.

cédent pour l'envoi d'un corps des troupes Russes en Allemagne, ce Souverain pour faire mieux connaître ses véritables sentimens et ses principes sur la guerre actuelle et les affaires du moment, vient d'ajouter à sa dite réponse une déclaration adressée à toutes les Cours de l'Empire Germanique. Cette déclaration a été communiquée particulièrement à celles de Londres, de Berlin et de Vienne; et l'on a enjoint à Mr. de Razoumovski Ambassadeur de Russie de la notifier à tous les Ministres Etrangers résidans dans cette dernière capitale.

La dite déclaration porte en substance: Que Sa Maj-té Impériale empressée de manifester d'une manière claire, précise et propre à ôter toute interprétation mal fondée, déclare que c'est seulement par des raisons particulières et du moment qu'elle se trouve dans l'impossibilité d'envoyer à l'époque de son avénement au trône, un corps considérable de ses troupes hors du pays, et dans des contrées aussi éloignées de ses états; mais que ses principes et ses voeux sont et seront toujours pour la bonne cause soutenue par ses alliés qu'elle regarde comme la cause commune à tous les Souverains; et que relativement à la guerre actuelle et aux affaires de France, elle a hérité les mêmes sentimens de son Auguste Mère: Que fidèle à ces principes Sa Maj-té Impériale le sera aussi aux engagemens contractés par la

---

нымъ дворамъ касательно особенной негоціаціи, начатой уже во время предъидущаго царствованія объ отправленіи въ Германію корпуса Русскихъ войскъ, этотъ монархъ, чтобы лучше ознакомить съ его настоящими мыслями и принципами относительно теперешней войны и нынѣшнихъ дѣлъ, присовокупилъ къ упомянутому отвѣту декларацію, адресованную ко всѣмъ дворамъ Германской имперіи. Эта декларація была отдѣльно сообщена Лондонскому, Берлинскому и Вѣнскому дворамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ предписано Русскому послу графу Разумовскому [9], сообщить оную всѣмъ иностраннымъ посланникамъ, пребывающимъ въ этой послѣдней столицѣ.

Упомянутая декларація въ сущности содержитъ: что Его Императорское Величество спѣша выразить образомъ яснымъ, точнымъ и способнымъ уничтожить всякое неосновательное толкованіе, объявляетъ, что лишь въ слѣдствіе особенныхъ причинъ, онъ находится въ невозможности, въ настоящее время, при вступленіи на престолъ, отправить значительный корпусъ своихъ войскъ изъ государства и въ столь отдаленныя отъ его владѣній, страны; но что его правила и желанія суть и всегда будутъ въ пользу добраго дѣла, поддерживаемаго его союзниками, что онъ смотритъ на это дѣло, какъ на дѣло общее всѣмъ монархамъ, что относительно настоящей войны и французскихъ дѣлъ онъ наслѣдовалъ чувства его Августѣйшей матери. Вѣрный этимъ

[9] Графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій род. 22 Октября 1752 года. Сынъ гетмана и генералъ-фельдмаршала, брата оберъ-егермейстера, любимца Императрицы Елисаветы Петровны, назначенъ посломъ въ Вѣну на мѣсто князя Голицына въ 1792 году. Въ 1806 году на его мѣсто назначенъ кн. А. Б. Куракинъ. Графъ Разумовскій оставался въ Вѣнѣ, въ 1815 году онъ сдѣланъ княземъ, скончался въ Вѣнѣ въ 1836 году.

Russie avec les Cours alliées, et qu'elle remplira exactement toutes les conditions stipulées dans les différens Traités et dans la Triple Alliance: Qu'elle exhorte enfin toutes les Cours de l'Empire à faire, d'un commun accord, les plus grands efforts pour soutenir l'ancienne Constitution Germanique, et la liberté de l'Allemagne, et à se tenir bien réunies à l'Auguste Chef de l'Empire qui déploye autant de moyens et d'énergie pour la défense commune, connaissant que c'est seulement par un tel accord que l'on peut obtenir ce but aussi grand que salutaire.

Comme on est naturellement porté à envisager les événemens sous le rapport qui nous est le plus favorable, les Ministres de Vienne et de Londres qui sont ici, et tous ceux qui s'intéressent à la cause des Alliés, aiment, tout bien calculé, à considérer le grand changement qui vient d'arriver en Russie, comme peut-être moins préjudiciable qu'il le paraît d'abord, à la cause commune. Il est certain que l'intervention de cette puissance eût été bien utile et d'un grand poids dans la balance politique, et surtout à l'époque des négociations entamées en France pour une paix génerale. Mais cette même intervention aurait coûté peut-être des sacrifices, et apporté aux Cours alliées, de la gêne et de la dépendance dans la conclusion finale des affaires. Les grands subsides en argent que l'Angleterre destinait à la Russie, accordés

---

началамъ, Его Императорское Величество останется также вѣрнымъ обязательствамъ, заключеннымъ между Россіей и союзными державами и онъ исполнитъ всѣ условія постановленныя различными договорами и тройственнымъ союзомъ: онъ умоляетъ всѣ дворы Имперіи сдѣлать, съ общаго согласія, наибольшія усилія, чтобы поддержать древнюю Германскую конституцію и свободу Германіи, крѣпко держаться вокругъ Августѣйшей главы имперіи, прилагающаго всѣ средства и енергію для общей защиты, сознавая, что лишь подобнымъ согласіемъ можно достигнуть цѣли столь же великой какъ и благотворной.

Такъ какъ люди расположены смотрѣть на обстоятельства съ точки зрѣнія для нихъ благопріятной, то здѣшніе представители Вѣнскій и Лондонскій, и всѣ интересующіеся дѣломъ союзныхъ державъ, расположены, принявъ все хорошенько въ разсчетъ, смотрѣть на великую перемѣну совершившуюся въ Россіи, какъ можетъ быть, на менѣе вредную для общаго дѣла, чѣмъ оно кажется съ перваго взгляда. То вѣрно, что вмѣшательство этой державы было бы весьма полезно и имѣло бы большой вѣсъ въ отношеніи къ политическому равновѣсію, преимущественно же во время начатыхъ переговоровъ во Франціи для всеобщаго умиротворенія. Но самое это вмѣшательство стоило бы можетъ быть большихъ пожертвованій, и причинило бы союзнымъ дворамъ, помѣху и поставило бы ихъ въ нѣкотораго рода зависимость, при окончательномъ заключеніи дѣлъ. Большія денежныя субсидіи * назначенныя Англіей для Россіи, будучи отданы непосредственно Австріи, эта держава, богатая людьми, преимущественно

* См. пр. 1.

directement à l'Autriche, celle ci, riche en hommes particulièrement par les puissans secours de la Hongrie pourrait les employer elle même d'une manière plus efficace et plus indépendante. Les forces dirigées contre la France n'étant composées que de troupes Autrichiennes, elles auront toujours plus d'ensemble, le même esprit, et la Cour de Vienne sera plus maîtresse de leurs mouvemens, et des opérations.

Cette considération paraît déjà dans les réponses que la Cour Impériale de Russie vient de faire à présent à celles de Vienne et de Londres aux ouvertures et communications faites par celles-ci sur l'état des négociations relatives à la paix. La Cour de Pétersbourg vient donc de declarer; que vu l'impossibilité dans laquelle elle se trouve maintenant d'envoyer ses troupes en Allemagne, elle ne saurait prendre une part active dans les susdites négociations; mais que par les liens d'alliance et d'amitié qu'elle a avec la Cour de Vienne, elle ne saurait en même temps que lui conseiller de se tenir étroitement unie et d'accord avec celle de Londres, car dans cette union non seulement elle doit y trouver son propre interêt, mais qu'aussi celui de tous les alliés et de l'Europe entière doit en résulter.

La Cour de Russie se montre toujours de plus en plus disposée à soutenir la Maison d'Autriche et ses intérêts, au moment surtout d'une pacification générale; et cela par les déclarations qu'elle a faites, et les offices pressans que la Russie a passés à la Cour de Berlin. C'est par les mêmes dispositions adoptées que S. M. L'Empereur vient de donner les instructions en conséquence

---

могущественнымъ пособіемъ, доставляемымъ Венгріей, могла бы ихъ сама употребить болѣе успѣшнымъ и менѣе зависимымъ образомъ. Силы направленныя противъ Франціи, будучи составлены исключительно изъ Австрійскихъ войскъ, имѣли бы во всякомъ случаѣ больше единства, одинъ общій духъ и Вѣнскій дворъ располагалъ бы самостоятельно ихъ направленіемъ и дѣйствіями.

Это соображеніе, кажется, находится въ отвѣтахъ, данныхъ въ настоящее время Императорскимъ Русскимъ дворомъ Вѣнскому и Лондонскому на предложенія и сообщенія сдѣланныя этими дворами относительно положенія переговоровъ о мирѣ. Петербургскій дворъ объявилъ: что въ слѣдствіе невозможности въ коей находится въ настоящее время отправить войско свое въ Германію, онъ не можетъ принять дѣятельное участіе въ упомянутыхъ переговорахъ; что въ силу его дружественныхъ и союзныхъ связей съ Вѣнскимъ дворомъ, онъ можетъ въ настоящее время только оному совѣтовать тѣсно держаться въ единеніи и согласіи съ Лондонскимъ дворомъ, потому что въ этомъ согласіи онъ не только долженъ найдти свои выгоды, но что изъ этого должны произойти выгоды для всѣхъ его союзниковъ и для всей Европы.

Русскій дворъ все болѣе и болѣе обнаруживаетъ склонность поддерживать Австрійскій домъ и его интересы, особенно во время всеобщаго умиротворенія; это видно изъ сдѣланныхъ декларацій, и настоятельныхъ нотъ представленныхъ Берлин-

à son Ministre à Londres pour insister énergiquement, afin que la Maison d'Autriche soit amplement dédommagée de ses pertes dans le traité de paix auquel on travaille. Le projet de l'échange de la Bavière y est même énoncé, en disant que la Maison Palatine en montant sur le trône de la Belgique serait elle même bien compensée, et en état d'avoir une consistance politique elle même et telle que sa nouvelle situation et l'interêt de l'Angleterre exigent du moment qu'elle aura la garantie de toutes les autres puissances.

Je me félicite de pouvoir annoncer à Votre Altesse Eminentissime, comme une nouvelle qui doit nous intéresser, que Mr. le Chev. O'Hara vient d'être nommé Conseiller d'Ambassade dans la mission de Russie à Malte. Mons-r. Psaro, chef de cette Légation, ne pouvant être deplacé pour le moment, surtout par la protection que Mr. le Comte de Bezborodko lui accorde. Le Chevalier O'Hara a accepté cette place en second pour avoir l'honneur d'être auprès de Votre Em-ce et lui donner par là une preuve de plus de son respect et de son dévouement. Cette nomination n'est pas encore publiée; mais l'Ukase relatif ne tardera pas à sortir, et alors il s'empressera de se rendre, dans le plus court délai, à sa destination. J'ai tâché de mon côté de

---

скому двору. Въ слѣдствіе этого же установившагося расположенія, Его Величество Императоръ далъ соотвѣтственныя инструкціи своему представителю въ Лондонѣ, предписывая ему энергически настоять, чтобы Австрійскій домъ при заключеніи начатаго договора былъ бы вполнѣ вознагражденъ за свои утраты. Проектъ промѣна Баваріи, даже при этомъ выраженъ тѣмъ, что сказано, что домъ Палатинскій вступивъ на престолъ Бельгійскій, будетъ вполнѣ вознагражденъ, и поставленъ въ положеніе имѣть политическую самостоятельность, требуемую его новымъ положеніемъ и интересомъ Англіи, коль скоро они получатъ гарантію всѣхъ прочихъ державъ.

Мнѣ весьма пріятно, что я могу сообщить вашей свѣтлости извѣстіе, долженствующее васъ интересовать, это назначеніе кавалера О'Гары [10] совѣтникомъ посольства при Русской миссіи въ Мальтѣ. Г. Псаро, начальникъ этой миссіи, не можетъ быть перемѣщенъ въ настоящее время, преимущественно въ слѣдствіе поддержки его графомъ Безбородко. Кавалеръ О'Гара принялъ это второстепенное мѣсто, чтобы имѣть честь находиться при вашемъ Преимуществѣ и тѣмъ дать вамъ новое доказательство его уваженія и преданности. Это назначеніе еще не объявлено; но соотвѣтствующій указъ не замедлитъ явиться, и тогда онъ поспѣшитъ въ самый короткій срокъ, отправиться по назначенію. Я съ моей стороны старался содѣйствовать его желанію,

[10] Псаро, морской офицеръ Русскаго флота, имѣвшій порученіе заготовить провіантъ въ Сициліи для флота, упоминается въ инструкціи Императрицы Екатерины II генералъ-лейтенанту Заборовскому въ 1778 г., или во время первой Турецкой войны въ рескриптѣ 1770 года на имя контръ-адмирала Арфа. Какъ видно изъ депешъ графа Литты отъѣздъ кавалера О'Гара изъ Петербурга постоянно откладывался. Онъ долженъ былъ выѣхать изъ Мальты въ слѣдствіе занятія Мальты Французами въ 1798 году. Бонапарте пишетъ директоріи 17-го Іюня 1798 г., что онъ нашелъ въ Мальтѣ задержаннаго имъ въ Анконѣ Русскаго курьера.

contribuer au bon succès de ses désirs, connaissant les bontés dont V. Em-ce l'honore, et dans la persuasion que par ses sentimens pour la personne de V. Altesse Eminentissime, son honnêteté et son attachement pour l'Ordre, il pourra être utile à nos intérêts et coopérer à entretenir une bonne correspondance avec la Cour Impériale de Russie. Le Chevalier O'Hara est particulièrement connu de Mr. le Vice-Chancelier Prince de Kourakin, et j'espére que la haute bienveillance de V. Em-ce qu'il tâchera de mériter toujours par sa conduite, lui vaudra dans la suite cette place en chef.

Mr. Bossi Chargé d'Affaires de Sardaigne auprès de la Cour Impériale de Pétersbourg, vient d'être renvoyé d'ici par ordre de S. M. L'Empereur. L'imprudence de ses propos, et dit-on, de sa correspondance a motivé de la part du Gouvernement une pareille démarche.

Mr. le Prince de Zoubow vient d'obtenir, d'après sa demande, la démission de tous ses emplois, et S. M. L'Empereur l'a accordée dans les termes les plus gracieux. Je crois que bientôt sera de retour ici son frère

---

зная ваше къ нему милостивое расположеніе, и въ убѣжденіи, что по его чувствамъ къ особѣ вашей свѣтлости, его честности и привязанности къ ордену, онъ будетъ полезенъ для нашихъ интересовъ, и будетъ содѣйствовать поддержанію полезной переписки съ Императорскимъ Русскимъ дворомъ. Кавалеръ О'Гара особенно извѣстенъ г. вице-канцлеру князю Куракину, и я надѣюсь, что ваша высокая къ нему милость, которую онъ всегда будетъ стараться своимъ поведеніемъ заслуживать, доставитъ ему впослѣдствіи мѣсто въ главѣ миссіи.

Г. Босси [11], Сардинскій повѣренный въ дѣлахъ при Императорскомъ дворѣ въ Петербургѣ, высланъ отсюда по повелѣнію Его Величества Императора. Неосторожность его рѣчей, и говорятъ, его переписки, побудили правительство къ принятію этой мѣры.

Князь Зубовъ [12] получилъ по прошенію увольненіе отъ всѣхъ его должностей и Его Величество Императоръ уволилъ его въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ. Я думаю что сюда скоро вернется его братъ графъ Валеріанъ, находившійся въ Персіи

[11] Разсказываютъ, что Босси позволялъ себѣ дѣлать выходки на счетъ преслѣдованія круглыхъ шляпъ, говоря что подобныя запрещенія нѣкогда производили въ Италіи возмущенія.

[12] Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ род. 15 Ноября 1767 года. 26 Ноября 1796 г. Императоръ назначилъ его инспекторомъ артиллеріи. 6 Декабря того же года князь Зубовъ удаленъ въ свои Литовскія имѣнія. Въ 1800 году князь Зубовъ снова вызванъ въ Петербургъ. Скончался 7 Апрѣля 1822 года. Графъ Валеріанъ Александровичъ, меньшій братъ предъидущаго род. въ 1771 г. Ханъ Астрабадскій Ага Могамедъ, овладѣвъ Персидскимъ престоломъ, вторгнулся въ Грузію. Въ Мартѣ 1796 г. графъ В. А. Зубовъ посланъ за Кавказъ съ сильнымъ корпусомъ. Онъ овладѣлъ Дербентомъ и Баку. Приказъ о возвращеніи войскъ, вѣроятно, былъ данъ графу Гудовичу, что дало поводъ къ разсказу, будто всѣ отдѣльные начальники войскъ получили приказы помимо графа Зубова. Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, покоритель Анапы съ 1789 г. участвовалъ въ Турецкой кампаніи. 12 Ноября 1790 г. назначенъ па Кавказъ, гдѣ командовалъ Кубанскою арміей, и былъ генералъ-губернаторомъ Кавказскимъ. По восшествіи на престолъ былъ вскорѣ вызванъ въ Петербургъ. Скончался въ 1820 году.

le Comte Valerien qui était en Perse à la tête de l'armée Russe, dont le commandement a été donné à présent au Genéral Goudovitch qui avait la division des troupes du Caucase. Les instructions relatives à cette guerre portent que l'on doit tâcher de conclure la paix; ce qui ne sera pas difficile à concilier, vu les dispositions des Persans; et en tout autre cas que l'armée se retire sur les frontières de l'Empire et qu'elle s'y tienne sur la défensive.

Je laisse à Mr. le Vice-Chancelier Prince de Kourakin le temps de prendre en considération les informations que je lui ai données et se mettre entièrement et avec précision au fait de nos affaires. Après cela, je tâcherai d'avoir quelque reponse, et je ne manquerai pas de la porter à la connaissance de Votre Altesse Emin-me. Quoique je ne puisse par conséquent annoncer encore rien de positif relativement à nos intérêts, je supplie V. Em-ce de vouloir bien regarder mes dépêches, consécutives que j'ai l'honneur de lui adresser, comme une preuve de mon zèle, et sous ce rapport je dois espérer qu'Elle daignera les agréer; de même que les assurances de ma vénération et du profond respect avec le quel je suis.

Monseigneur De Votre Altesse Eminentissime

à Pétersbourg ce 15 (26) Décember 1796.

№ 59 *.

Monseigneur

J'éprouve la plus vive satisfaction de pouvoir annoncer à V. A. E-me le plus heureux acheminement de nos affaires. A la suite du premier rapport

---

въ главѣ Русской арміи, начальствованіе коей возложено теперь на графа Гудовича, командовавшаго дивизіей на Кавказѣ. Инструкціи относительно этой войны предписываютъ стараться заключить миръ, чего достигнуть не трудно по расположенію Персіянъ, а въ противномъ случаѣ армія должна отдвинуться къ границамъ имперіи и держаться въ оборонительномъ положеніи.

Я оставляю время г. вице-канцлеру князю Куракину разсмотрѣть свѣдѣнія мною ему доставленныя, дабы ему вполнѣ и съ точностію можно было ознакомиться съ нашими дѣлами. За тѣмъ я постараюсь получить какой либо отвѣтъ и не премину о томъ довести до свѣдѣнія вашей свѣтлости. Хотя я не могу, поэтому, сообщить ничего положительнаго относительно нашихъ интересовъ, я умоляю ваше преимущество смотрѣть на депеши, которыя я вамъ послѣдовательно представляю какъ на доказательство моего усердія, и въ этомъ отношеніи я долженъ надѣяться, что вы ихъ принимаете благосклонно а равно и увѣренія моего глубокаго уваженія и почтенія съ коимъ и проч.

Петербургъ, 15 (26) Декабря 1796.

* Переводъ.

№ 59. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увѣдомляю вашу свѣтлость о самомъ бла-

que le Ministère d'après mes informations précédentes a fait à S. M. l'Empereur relativement aux intérêts de l'Ordre de Malte, ce Souverain a montré les meilleures et les plus favorables dispositions à notre égard, manifestant vis-à-vis de nous cette même justice et bienveillance qu'il porte également sur tous les objets de son empire. Mr. le Comte d'Ostermann et Mr. le Prince Kourakin, en y prenant eux mêmes un intérêt très obligeant, se sont empressés de m'en informer et de m'annoncer en même temps que nous aurions sous peu de jours des conférences relatives à l'établissement de l'Ordre de Malte en Russie, et pour aviser d'un commun accord aux moyens les plus propres et les plus convenables de parvenir à la conclusion finale de cet arrangement.

Avant la tenue de ces conférences que l'on m'a annoncées et qui dans la suite me mettront à portée de rendre compte à Votre Eminence d'une manière plus positive et précise des idées et projets de la Cour Impériale relativement à nous, je me fais un devoir d'informer en attendant Votre Altesse Em-me des sentimens d'affection et de bienveillance de S. M. l'Empereur pour l'Ordre de Malte, et de ce que Mr. le Vice-Chancelier Prince de Kourakin a bien voulu me faire connaître d'avance confidentiellement et d'une manière très obligeante.

гопріятномъ движеніи нашихъ дѣлъ. Въ слѣдствіе перваго доклада, сдѣланнаго министерствомъ Его Императорскому Величеству согласно съ моими предшествующими извѣщеніями касательно интересовъ Мальтійскаго ордена, этотъ монархъ обнаружилъ самыя лучшія и самыя благопріятныя намѣренія относительно насъ, оказывая намъ то же правосудіе и то же доброе расположеніе, которое онъ обращаетъ на всѣ предметы его имперіи. Графъ Остерманъ [13] и князь Куракинъ, лично принимающіе въ этомъ дѣлѣ самое обязательное участіе, поспѣшили мнѣ объ этомъ сообщить и увѣдомить меня вмѣстѣ съ тѣмъ, что мы черезъ нѣсколько дней будемъ имѣть конференціи касательно учрежденія Мальтійскаго ордена въ Россіи, дабы сообразить, съ общаго согласія, наиприличнѣйшіе и дѣйствительнѣйшіе способы достигнуть окончательнаго заключенія этого дѣла.

До начатія этихъ объявленныхъ мнѣ конференцій, которыя мнѣ въ послѣдствіи дадутъ возможность ознакомить Ваше Преимущество болѣе точнымъ и положительнымъ образомъ съ мыслями и проектами Императорскаго двора относительно насъ, я ставлю себѣ въ долгъ пока увѣдомить о дружелюбныхъ и благосклонныхъ чувствахъ Его Имп. Вел. къ Мальтійскому ордену, о коихъ вице-канцлеръ князь Куракинъ благоволилъ меня заблаговременно увѣдомить довѣрительнымъ и весьма обязательнымъ образомъ.

[13] Графъ Остерманъ, Иванъ Андреевичъ, сынъ знаменитаго министра былъ въ 1760 году посланникомъ въ Стокгольмѣ, въ 1775 года (2 Апрѣля) назначенъ вице-канцлеромъ. По восшествіи на престолъ Императора Павла сдѣланъ государственнымъ канцлеромъ. 21 Апрѣля 1797 г. вышелъ въ отставку и жилъ въ Москвѣ. Скончался 18 Апрѣля 1811 г.

Ce digne Ministre m'a donc premièrement annoncé les sentimens gracieux que S. M. l'Empereur aime à manifester en faveur de l'illustre Ordre de Malte, et la satisfaction qu'il éprouve de l'établir dans ses états: Il m'a dit ensuite que S. M. Impériale pour parvenir à ce but aurait maintenu et confirmé l'Ordre de Malte dans ses possessions en Pologne passées maintenant sous la domination de la Russie, et qu'Elle était disposée même, cela pouvant se combiner, à les augmenter pour donner à cet établissement dans l'Empire encore plus de consistance, de latitude et d'utilité: Qu'au lieu des payemens annuels en argent comptant Elle voulait assigner à l'Ordre de Malte des biens fonds pour en former des Commanderies à l'instar de celles, qui existent dans les autres états: Que l'intention de S. M. l'Empereur était que l'Ordre de Malte fut établi ici d'une manière à lui valoir en Russie le même lustre et la même considération dont il jouit à juste titre dans les états des autres Puissances: Qu'il aurait contribué par tous les moyens à nous faire obtenir ce but aussi honorable qu'important; et qu'il voulait par conséquent que l'Ordre de Malte en Russie suivit exactement sa constitution et ses loix, tant pour la régie et l'administration de ses biens que pour l'observance, du côté des individus, de tous les autres réglemens statutaires.

V. A. Em-me peut être bien persuadée que ses sages instructions seront la règle fixe de mes négociations et que j'aurai toujours en vue ce que notre

---

Этотъ достойный министръ прежде всего меня увѣдомилъ о милостивомъ расположеніи которое Е. И. В. любитъ обнаруживать въ отношеніи къ знаменитому Мальтійскому ордену, и объ удовольствіи его учредить оный въ своихъ владѣніяхъ: за тѣмъ онъ мнѣ сказалъ что Его Императорское Величество для достиженія этой цѣли полагало бы утвердить и сохранить за Мальтійскимъ орденомъ всѣ его владѣнія въ Польшѣ перешедшія теперь подъ владычество Россіи, и что Его Величество было бы расположено, такъ какъ это можетъ быть исполнено, увеличить эти владѣнія чтобы дать этому учрежденію въ Государствѣ болѣе прочности, болѣе простора и болѣе возможности быть полезнымъ: въ замѣнъ ежегодныхъ платежей Его Величество предполагало бы предоставить Мальтійскому ордену недвижимыя имѣнія для учрежденія командорствъ по примѣру существующихъ въ другихъ государствахъ: что Его Имп. Величество намѣрено учредить здѣсь Мальтійскій орденъ такимъ образомъ чтобы онъ въ Россіи пользовался тѣмъ же блескомъ и тѣмъ же уваженіемъ коими онъ по справедливости пользуется въ владѣніяхъ другихъ державъ: то онъ всѣми средствами будетъ содѣйствовать для достиженія этой важной и благородной цѣли; и что онъ поэтому желаетъ, чтобы Мальтійскій орденъ въ Россіи держался бы въ точности своей конституціи и законовъ какъ относительно управленія и распоряженія своими имѣніями, такъ и соблюденія всѣхъ статутныхъ правилъ въ отношеніи личнаго состава.

Ваша свѣтлость можетъ быть увѣрены, что ваши мудрыя наставленія будутъ служить постояннымъ руководствомъ въ моихъ переговорахъ и что я всегда буду

constitution, notre situation politique et nos rapports exigent, dans cette circonstance délicate et importante, d'égards, de mesure et de prudence. Au reste je ne doute pas de parvenir à faire sentir les ménagemens indispensables que nous devons avoir et la nécéssité d'éloigner de notre ancienne et primitive constitution toute innovation qui serait pour nous difficile et gênante, et j'espère réussir en cela vu les favorables dispositions, l'équité et la sagesse d'un Souverain dont l'intention bienfaisante est certainement celle de contribuer à notre prosperité permanente et paisible sans nous exposer aux embarras que des idées inconciliables avec notre constitution pourraient nous procurer.

C'est avec la juste sensibilité et reconnaissance que tout Chevalier de Malte doit éprouver dans ce moment, que je me fais un devoir d'annoncer en outre à V. Em-ce que S. M. l'Empereur en manifestant ses bonnes et favorables dispositions à notre égard, a daigné y ajouter l'expression de l'intérêt qu'il prenait à l'Ordre de Malte, et de la satisfaction qu'il éprouvait à lui rendre justice et à l'établir dans ses états. Ce monarque s'en est expliqué lui même très-gracieusement avec plusieurs Seigneurs de la Cour qui se sont empressés de m'en féliciter. Il a même eu la bonté de faire sentir au Neveu du Roi de Pologne, le Prince Stanislas, qui a notre croix de dévotion et qu'il n'a pas portée jusqu'à présent, je suppose, par des considérations particulières à son pays, qu'il ferait bien de s'en décorer et qu'il

---

имѣть въ виду вниманіе, осторожность и обдуманность требуемыя въ этомъ деликатномъ и важномъ дѣлѣ, нашей конституціи, нашимъ политическимъ положеніемъ и нашими отношеніями. Я впрочемъ не сомнѣваюсь, что мнѣ удастся дать почувствовать обязательную для насъ осторожность и необходимость предохранить нашу древнюю и первобытную конституцію отъ всякихъ нововведеній которыя были бы для насъ затруднительны и вредны; я надѣюсь въ этомъ успѣть судя по благосклонному расположенію, справедливости и мудрости монарха коего благотворное намѣреніе состоитъ навѣрное въ содѣйствіи нашему постоянному и мирному преуспѣянію, не подвергая насъ тѣмъ затрудненіямъ которыя могли бы быть вызваны идеями не сообразными съ нашей конституціей.

Со всей справедливой чувствительностію и благодарностію раздѣляемыми каждымъ Мальтійскимъ кавалеромъ я сверхъ того ставлю себѣ въ долгъ увѣдомить Ваше Преимущество, что Его Императорское Величество выразивъ дружелюбныя и благопріятныя чувства въ отношеніи къ намъ благоволилъ присовокупить выраженіе участія принимаемаго имъ въ интересѣ Мальтійскаго ордена и о чувствоваемомъ имъ удовольствіи, воздать оному правосудіе и устроить его въ своихъ владѣніяхъ. Этотъ монархъ объяснился лично весьма милостивымъ образомъ по этому поводу съ нѣкоторыми вельможами его двора. Онъ даже былъ такъ добръ, что далъ почувствовать племяннику короля Польскаго, князю Станиславу, имѣющему нашъ крестъ благоче-

le lui conseillait. Cela m'a fait d'autant plus de plaisir que cette simple circonstance prouve le cas que S. M. l'Empereur fait de l'Ordre de Malte, et qu'elle peut même contribuer à en relever l'éclat et la splendeur. Le Prince Stanislas Poniatowski, qui a eu je crois l'honneur de faire sa cour à V. A. Em-me à Malte, est en effet un personnage, dont sous tous les rapports notre Ordre peut se complaire; et il serait certainement fort à désirer que tous les individus de notre Ordre en Pologne fussent de même en état d'en soutenir le lustre et la considération par leur naissance, leur conduite et leurs sentimens.

Je ne doute pas que V. A. Em-me ne juge Elle même que la résidence d'un Ministre de Malte auprès de-la Cour Impériale est à présent d'une importance majeure pour tous les arrangemens nécessaires et analogues à l'établissement de l'Ordre en Russie; et surtout pour veiller soigneusement dans ces premiers temps à ses intérêts, à sa formation et au maintien exact de sa constitution et de ses loix. Il n'y a qu'une telle vigilance qui puisse

---

стія [14] и имъ доселѣ не носимый, полагаю, въ слѣдствіи соображеній прямо относящихся до его отечества, что онъ хорошо сдѣлаетъ если онъ украситъ себя онымъ и что онъ это ему совѣтуетъ. Это меня тѣмъ болѣе обрадовало, что это простое обстоятельство доказываетъ на сколько государь цѣнитъ Мальтійскій орденъ и что онъ даже можетъ поднять блескъ онаго и величіе. Князь Станиславъ Понятовскій, кажется имѣвшій честь лично являться съ поклономъ къ Вашему Преимуществу въ Мальтѣ, дѣйствительно человѣкъ, которымъ нашъ орденъ, во всѣхъ отношеніяхъ можетъ гордиться, и навѣрное было бы очень желательно, чтобы всѣ лица принадлежащія къ нашему ордену въ Польшѣ, были бы равно въ состояніи поддерживать блескъ и значеніе оного, своимъ рожденіемъ, поведеніемъ и чувствами.

Я не сомнѣваюсь, что Ваша Свѣтлость сами признаете резиденцію Мальтійскаго посланника при Императорскомъ дворѣ, нынѣ дѣломъ первой важности для всѣхъ устройствъ, необходимыхъ и соотвѣтствующихъ учрежденію ордена въ Россіи; особенно же чтобы внимательно наблюдать на первыхъ порахъ объ огражденіи его интересовъ, о постановленіи и точномъ соблюденіи его конституціи и законовъ. Одно

[14] Croix de dévotion, di devozione, въ договорѣ между Россіей и Мальтійскимъ орденомъ 4 (15) Января 1797 года крестъ этотъ названъ «Крестомъ благочестія» (ст. XXXIV Полн. Собр. Зак., № 17.708). Кресты благочестія и милости (di devozione e di grazia) давались лицамъ не принадлежащимъ ордену и даже иновѣрнымъ (сравн. прим. 20).

Князь Станиславъ Понятовскій сынъ Казиміра, Польскаго генерала и Литовскаго казначея, брата короля Польскаго, родился въ 1747 году; послѣ паденія Польши былъ Русскимъ тайнымъ совѣтникомъ. Съ 1804 г. жилъ въ Вѣнѣ, Римѣ и Флоренціи, гдѣ скончался въ 1831 году. Съ нимъ прекратился родъ Понятовскихъ. Извѣстный Наполеоновскій генералъ, князь Іосифъ Понятовскій сынъ другаго брата короля, Андрея, имѣлъ незаконнорожденнаго сына, также Іосифа, служившаго въ Алжирѣ, Французскаго сенатора съ 1854 г. и внука Іосифа же, шталмейстера съ 1864 года, также служившаго въ Алжирѣ. Михаилъ Понятовскій, братъ короля умеръ въ 1794 г. будучи Польскимъ примасомъ, епископомъ Гнезенскимъ. Отецъ ихъ, другъ Карла XII и партизанъ Станислава Лещинскаго, былъ женатъ на княжнѣ Чарторижской.

consolider et garantir notre existence dans le Nord, lui procurer d'autres avantages successifs et importans, et en maintenir le lustre et la considération. Cette mesure est d'une nécessité absolue, non seulement pour notre conservation, mais pour suivre et voir se réaliser un jour de plus grandes espérances. L'omission d'une pareille mesure nous serait fatale; car par le laps du temps il en résulterait toute sorte d'abus, l'interruption de toute correspondance indispensable, et des rapports de comptabilité, et la dispersion de nos biens; et il arriverait à la fin en Russie ce qui malheureusement a déjà eu lieu en Pologne.

D'après toutes ces considérations que l'on doit certainement envisager de même à Malte, je supplie V. A. Em-me de vouloir bien me nommer un Successeur, si Elle le juge à propos; et je ne doute pas que V. Em-ce, en faisant ce choix, n'ait en vue l'importance de l'objet et celle d'envoyer ici un personnage qui, indépendamment du bonheur d'avoir sa confiance, soit bien au fait des circonstances locales de ce pays, et ait une parfaite connaissance de nos rapports politiques et de notre constitution. Quant à moi, je voudrais bien être en état de continuer à servir Votre Altesse Em-me et l'Ordre; et je crois de n'avoir pas besoin de donner plus des preuves que j'en offre dans ce moment ci, de mon zèle et de mon dévouement. Mais les circonstances particulières dans lesquelles je me trouve et la perte d'une grande partie de ma fortune depuis l'invasion des Français en Italie m'en

---

только подобное, зоркое вниманіе можетъ укрѣпить и обезпечить наше существованіе на сѣверѣ, доставить другія послѣдующія и важныя преимущества и сохранить блескъ и значеніе ордена. Эта мѣра крайне необходима, не только для нашего самосохраненія, но дабы преслѣдовать и видѣть нѣкогда осуществленіе самыхъ большихъ надеждъ. Уклоненіе отъ подобной мѣры будетъ для насъ пагубно, потому что со временемъ отъ того произойдетъ много злоупотребленій, прерваніе необходимой переписки и сношеній для отчетности и отчужденіе нашихъ имуществъ, и въ Россіи то же случится, что къ несчастію совершилось въ Польшѣ.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, на которыя навѣрное смотрятъ и въ Мальтѣ одинаковымъ образомъ, я умоляю Ваше Преимущество назначить на мое мѣсто другаго, если признаете приличнымъ; я не сомнѣваюсь, что при выборѣ этомъ, Ваша Свѣтлость не упуститъ изъ виду важность самаго предмета, и необходимость прислать сюда лицо, которое кромѣ счастія пользоваться вашимъ довѣріемъ, было бы хорошо ознакомлено съ мѣстными условіями края, и знало бы совершенно наши политическія отношенія и нашу конституцію. Что касается до меня, то я весьма желалъ бы быть въ состояніи продолжать служить вашей свѣтлости и ордену, и я не полагаю, чтобы мнѣ нужно было давать болѣе доказательствъ, чѣмъ я нынѣ представляю, моего усердія и моей преданности. Но частныя обстоятельства среди коихъ я нахожусь и потеря большей части моего состоянія, со времени вторженія Французовъ въ Ита-

ôtent tous les moyens, et ne me laissent désormais d'autre choix que celui de songer à me procurer une paisible retraite.

Pour donner encore un temoignage de mon zèle pour le bon service de l'Ordre, j'ai longtemps réflèchi, si je pouvais peut être diriger d'ici le choix que V. Em-ce sera dans le cas de faire d'un sujet propre à suivre dignement cette mission. Mais je suis peiné de n'en trouver aucun dans les individus qui composent notre Grand-Prieuré de Pologne à indiquer comme en état de remplir tel but important de cette nomination; car la plus grande partie ne jouit pas de la considération necessaire et aucun n'a une connaissance suffisante de notre régime intérieur et de nos Statuts.

Mr. le Duc de Serracapriola quoique personne etrangère dans notre Ordre est certainement rempli de zèle et de bonne volonté de lui être utile, et je dois rendre justice aux sentimens qu'il m'a toujours temoignés pour Votre Al-se Em-me. Mais il ne peut pas de même avoir la connaissance indispensable des loix de notre Ordre et il serait certainement dans l'impossibilité par son état et sa position de se charger utilement des fonctions d'un Ministre de Malte et de suivre tous les détails particuliers relatifs aux réceptions, administration des biens, et à la surveillance nécessaire pour l-éxécution et le maintien de nos Statuts.

Je suppose, que l'arrivée de mon frère en qualité de Nonce Apostolique

---

лію, лишаютъ меня средствъ и не оставляютъ мнѣ болѣе ничего какъ придумывать и пріискивать тихое убѣжище.

Чтобы еще представить доказательство моего усердія въ служеніи ордену, я долго думалъ, могу ли я отсюда, можетъ быть направить могущій предстоять вашему преимуществу выборъ человѣка, способнаго достойнымъ образомъ исполнить порученіе. Но я, къ огорченію моему, не нахожу ни единаго между лицами составляющими нашъ Великій Пріоратъ въ Польшѣ. на котораго можно было бы указать какъ на отвѣчающаго важной цѣли этого назначенія; потому что большая часть не пользуется необходимымъ уваженіемъ и не одинъ не ознакомленъ достаточно съ нашимъ внутреннимъ устройствомъ и нашими статутами.

Герцогъ Серра Капріола*, хотя лицо не принадлежащее къ нашему ордену, навѣрное преисполненъ усердія и доброй воли быть оному полезенъ, и я долженъ засвидѣтельствовать чувства его къ вашей свѣтлости мнѣ имъ частью выражаемыя. Но онъ не обладаетъ таковымъ же необходимымъ знаніемъ законовъ нашего ордена и ему навѣрное будетъ невозможно, по его должности и положенію, взять на себя съ пользой для ордена, обязанности Мальтійскаго министра, и слѣдить за всѣми частными подробностями по управленію имѣніями, и наблюденію объ исполненіи и сохраненіи нашихъ статутовъ.

Я полагаю, что пріѣздъ въ Россію моего брата въ качествѣ Апостолическаго

* См. пр. 21.

en Russie sera à peu près vers l'époque du couronnement de S. M. L'Empereur. Cette circonstance peut prolonger et faciliter mon séjour ici pour quelques mois de plus. Pendant cet intervalle j'ambitionne l'honneur de recevoir les ordres ultérieurs de V. A. Em-me que je tâcherai de remplir toujours avec tout le zèle et l'exactitude dont je suis capable; trop heureux si mes services et mes efforts peuvent m'obtenir un jour l'approbation de Votre Altesse Em-me et son suffrage, qui est la seule récompense à laquelle j'aspire.

Je suis avec le plus profond respect
Monseigneur de Votre Al-se Em-ce

à St. Pétersbourg ce 19 (30) Décembre 1796.

№ 60 *.

Monseigneur

Le manifeste du couronnement a été publié ces jours-ci. Sa Maj-te Impériale déclare à toutes les Nations qui composent son vaste empire, qu'à l'exemple des anciens Rois de Jérusalem, des Empereurs Grecs, de ses ancêtres, et autres Souverains de la Chrétienté Elle se fera couronner et oindre pour se rapprocher de plus par le nouveau lien de cette auguste cérémonie au Tout-Puissant, et en obtenir l'assistance et l'appui pour gouverner son empire et contribuer toujours de plus en plus à la prosperité et

---

Нунція * совпадетъ съ коронованіемъ Его Величества Императора. Это обстоятельство можетъ продлить и облегчить мое пребываніе здѣсь на нѣсколько мѣсяцевъ. На этотъ промежутокъ времени я льщу себя надеждой имѣть честь получать дальнѣйшія приказанія Вашей Свѣтлости, и я постараюсь ихъ исполнять съ усердіемъ и точностію, на сколько способенъ; я буду слишкомъ счастливъ, если моя служба и мои старанія могли когда нибудь заслужить одобреніе Вашей Свѣтлости, выраженіе коего есть единственная награда, мной ожидаемая.

С.-Петербургъ 19 (30 Декабря 1796 года).

* Переводъ.

№ 60. Манифестъ о коронованіи на дняхъ обнародованъ. Его Императорское Величество объявляетъ всѣмъ народамъ, составляющимъ его государство, что по примѣру королей Іерусалимскихъ, императоровъ Греческихъ, его предшественниковъ и другихъ Христіанскихъ государей, оно будетъ короновано и помазано для большаго сближенія, новымъ союзомъ этого высшаго обряда съ Всемогущимъ, и полученія отъ Него покровительства и помощи для управленія имперіей и содѣйствованія все болѣе и болѣе преуспѣянію и благоденствію его подданныхъ. Его Императорское Величество отдавая должныя похвалы Ея Величеству Императрицѣ, объявляетъ что онъ

* См. пр. 36.

au bonheur de ses sujets. S. M. L'Empereur en faisant les justes éloges dûs à S. M. L'Impératrice, annonce en même temps qu'il veut admettre à cet honneur la plus chère, la plus aimée et la plus digne des femmes. Ce Manifeste rédigé en Russe est écrit avec éloquence et dignité. La cérémonie du couronnement se fera à Moscou le 5 Avril jour de Pâques.

S. M. L'Empereur après son séjour dans cette ancienne capitale de l'Empire ira, dit on, faire une tournée pour visiter les provinces intérieures et ses différentes armées.

Une commission est nommée pour la rédaction du Côde des loix civiles et criminelles qui devra se completter par la collection et la vérification de toutes les loix déjà existantes et les différentes Ukases de plusieurs Souverains de Russie depuis le Czar Michael Feodorovitz.

Aux six Départemens qui forment le Sénat, dont deux résident à Moscou, et quatre à Pétersbourg, l'on vient d'en ajouter encore trois, qui n'auront d'autre objet que l'expédition de toutes les affaires arriérées, qui sont en grand nombre; sage disposition qui mettra les Départemens du Sénat au courant et fera rendre la justice d'une manière bien plus expéditive. Pour

---

хочетъ, чтобы этой чести была удостоена дражайшая, возлюбленнѣйшая и достойнѣйшая изъ женщинъ. Этотъ манифестъ написанъ по русски, краснорѣчиво и съ достоинствомъ [15]. Обрядъ коронованія совершится въ Москвѣ 5 Апрѣля въ день Пасхи.

Его Величество Императоръ послѣ пребыванія своего въ этой древней столицѣ его имперіи, отправится для осмотрѣнія внутреннихъ губерній и разныхъ своихъ армій.

Назначена коммиссія для составленія кодекса гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, который долженъ быть пополненъ собраніемъ съ повѣркой всѣхъ существующихъ законовъ и различныхъ указовъ государей Россійскихъ со времени Царя Михаила Θеодоровича.

Къ шести департаментамъ составляющимъ Сенатъ, изъ коихъ два находятся въ Москвѣ, а четыре въ Петербургѣ, еще прибавлено три [16], коихъ назначеніе окончить всѣ нерѣшенныя дѣла, коихъ накопилось весьма много;—мудрое распоряженіе, которое дастъ возможность департаментамъ Сената не отставать отъ теченія дѣлъ и дозволить ему судить скорѣйшимъ образомъ. Для образованія этихъ новыхъ трехъ де-

[15] Переводъ не точенъ въ слѣдствіе итальянской многорѣчивости переводчика. Въ самомъ текстѣ (Полн. Собр. Зак. 18 Декабря 1797 г. № 17.659) «и послѣдую съ достодолжнымъ благоговѣніемъ примѣрамъ древнихъ царей Израильскихъ, потомъ православныхъ Греческихъ императоровъ, такожъ благочестивыхъ предковъ нашихъ самодержцевъ Всероссійскихъ и другихъ Христіанскихъ государей, восприять новый залогъ благодати Господней, возложеніемъ на себя короны и священнѣйшимъ мѵропомазаніемъ, предполагая по образу тѣхъ же Греческихъ, Православныхъ и другихъ христіанскихъ владѣтелей, удостоитъ коронованія и нашу любезнѣйшую супругу Императрицу Марію Θеодоровну».

[16] Объ открытіи временныхъ департаментовъ Сената указы 13 Декабря 1796 и 21 Января 1797 г. Полн. Собр. Зак.

former ces trois nouveaux Départemens, et completer les anciens, S. M. L'Empereur vient de faire une nombreuse promotion de Sénateurs.

La Grande Flotte de la Baltique a reçu une nouvelle répartition. Elle est distribuée en trois divisions; chaque division en trois escadres. La première division qui forme le corps de bataille, a le pavillon blanc; la seconde ou l'avant-garde pavillon bleu; et pavillon rouge la troisième, ou l'arrière-garde. Chaque division agissant seule suivra la même distribution à l'égard des escadres respectives. Les Amiraux en chef ont été décorés du Cordon bleu de S. André; ce qui prouve l'affection du Souverain pour le corps de la marine, et le cas qu'il en fait ayant voulu retenir pour lui-même la dignité de Grand-Amiral.

Le Maréchal de Romanzow, nom célèbre dans les fastes militaires, vient de mourir en Ukraine sur ses terres où il était depuis longtemps. S. M. L'Empereur, pour honorer la mémoire de ce grand homme, a ordonné que toutes les armées Russes prendront le deuil pour trois jours; disposition dictée par la sagesse et la reconnaissance d'un Souverain qui sait récompenser les sujets qui ont bien mérité de la patrie.

Le Comte Ivan Saltykow, celui qui a commandé en Finlande la dernière année de la guerre de Suède, vient d'être nommé Maréchal et a reçu le com-

---

партаментовъ, и пополненія прежнихъ, Его Императорское Величество сдѣлалъ много новыхъ назначеній.

Главному Балтійскому флоту сдѣлано новое распредѣленіе. Онъ раздѣленъ на три дивизіи, каждая дивизія раздѣлена на три эскадры. Первая дивизія составляетъ корпусъ баталіи и получила бѣлый флагъ, вторая — авангардъ, имѣетъ синій флагъ; третья же или арріергардъ — красный. Каждая дивизія въ случаѣ если дѣйствуетъ отдѣльно, дѣлаетъ то же распредѣленіе относительно своихъ эскадръ. Начальствующіе адмиралы получили голубыя Андреевскія ленты, что доказываетъ расположеніе Государя къ морскому вѣдомству, и какое онъ уваженіе къ нему имѣетъ, предоставивъ себѣ достоинство генералъ-адмирала.

Фельдмаршалъ Румянцевъ [17], имя славное въ военной исторіи, умеръ на дняхъ въ Украйнѣ въ своихъ имѣніяхъ гдѣ онъ уже давно находился. Для почтенія этого великаго человѣка Его Императорское Величество повелѣло, чтобы всѣ русскія войска наложили на себя трауръ на три дня, распоряженіе это внушено мудростію и благодарностію Государя, умѣющаго награждать подданныхъ, оказавшихъ настоящія заслуги своему отечеству.

Графъ Иванъ Салтыковъ [18], командовавшій въ Финляндіи въ послѣдній годъ Швед-

[17] Генералъ-фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій, род. въ 1725 году. Скончался 8 Декабря 1796 года.

[18] Графъ Иванъ Петровичъ, сынъ генералъ-фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова, родился въ 1730 году, произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы 15 Декабря 1796 года. Съ 1797 по 1804 годъ былъ Московскимъ военнымъ губернаторомъ. Умеръ въ отставкѣ 14 Ноября 1796 года.

mandement de l'armée qui était sous les ordres de Comte de Romanzow en Pologne.

L'Ambassadeur de Suède et le Ministre de Prusse ont déjà eu les audiences pour présenter leurs nouvelles Lettres de Créance. Ces deux Ministres out dû préalablemant déclarer par une Note, que l'omission de quelques titres du nouveau Souverain de Russie était une simple inexactitude des Chancelleries respectives.

Je ne suis pas encore à même d'ajouter quelque chose de plus positif à ce que j'ai déjà eu l'honneur de mander à V. Altesse Em-me par ma précédente dépêche relativement à nos affaires. J'espère de l'être bientôt; et je suis en attendant avec le plus profond respect

Monseigneur de Votre Altesse Em-me

à St. Pétersbourg ce 26 Décembre 1796 (6 Janvier 1797).

№ 61 *.

Monseigneur

J'ai enfin terminé très-heureusement et au delà même de ce que nous pouvions espérer, les affaires de l'Ordre de Malte dans le Nord, et je me flatte d'avoir entièrement rempli tous les objets de la mission, à la quelle les ordres de V. A. Em-me m'ont appellé.

ской войны, назначенъ фельдмаршаломъ и начальствующимъ арміей, находившейся въ Польшѣ подъ начальствомъ графа Румянцева.

Шведскій посолъ [19] и Прусскій министръ уже имѣли свои аудіенціи для представленія своихъ новыхъ довѣрительныхъ грамотъ; эти два представителя должны были предварительно представить ноту, объявляющую, что упущеніе нѣкоторыхъ титуловъ новаго Русскаго Государя было просто погрѣшность соотвѣтственныхъ канцелярій.

Я еще не нахожусь въ положеніи прибавить нѣчто болѣе опредѣленное къ тому, что я имѣлъ честь доносить Вашему Преимуществу въ моей предъидущей депешѣ, по нашимъ дѣламъ. Я надѣюсь скоро быть въ желаемомъ положеніи, и въ ожиданіи того имѣю честь и т. д.

С.-Петербургъ.

26 Декабря 1796 (6 Января 1797).

* Переводъ.

№ 61. Я наконецъ окончилъ весьма счастливо и даже сверхъ возможнаго чаянія, дѣло Мальтійскаго ордена на Сѣверѣ, я льщу себя мыслію, что я совершенно

[19] Баронъ Steding, находившійся еще при Императрицѣ Екатеринѣ II, упоминается и въ 1799 году въ качествѣ Шведскаго посланника въ Петербургѣ. Въ депешѣ 2 (13) Декабря 1796 года № 56, упоминается генералъ-аншефъ Клингспоръ, пріѣзжавшій съ особеннымъ порученіемъ по случаю совершеннолѣтія короля.

Je viens de signer avec les Plénipotentiaires de Russie nommés par S. M. L'Empereur la Convention finale de mes négociations, et j'ai l'honneur de l'envoyer en original à V. A. Em-me pour en obtenir sa sanction Suprême et celle de l'Ordre.

Cette Convention est entièrement aux termes de notre Constitution, de nos loix, et des instructions particulières de V. A. Em-me; elle est très-utile pour le Ven-ble Commun Trésor par tous les avantages solides et importans qui en résulteront à l'avenir; enfin, elle est aussi honorifique que possibile pour l'Ordre de Malte par la manière dont elle est redigée et qui prouve le respect et la considération qui sont dûs à notre Ordre, et les sentimens précieux de S. M. Impériale en sa faveur.

Il est à souhaiter que ce langage et ces sentimens d'un Souverain de Russie pour l'illustre Ordre de Malte, servent d'exemple à tous les Souverains de la Chrétienté pour voir, combien il est digne d'eux de relever notre existence et notre splendeur, et combien il est de leur intérêt d'assurer par notre conservation celle de toute la Noblesse de l'Europe qui est et sera toujors le plus ferme soutien des trônes et des monarchies.

исполнилъ по всѣмъ предметамъ порученіе, возложенное на меня повелѣніями Вашего Преимущества.

Я подписалъ съ Русскими уполномоченными, назначенными Его Императорскимъ Величествомъ, конвенцію [20] въ заключеніе моихъ переговоровъ, и я имѣю честь отправить оную въ подлинникѣ къ Вашему Преимуществу для высшаго вашего и орденскаго утвержденія оной.

Эта конвенція совершенно въ предѣлахъ нашей конституціи, нашихъ законовъ и спеціальныхъ инструкцій Вашего Преимущества; они очень полезны для орденскаго Общественнаго Казначейства [21]; по важнымъ и надежнымъ выгодамъ, которыя должны проистекать въ будущемъ; наконецъ она, елико возможно, почетна для Мальтійскаго ордена по самой редакціи, доказывающей уваженіе и почитаніе должныя нашему ордену, и драгоцѣнныя къ нему чувства Его Императорскаго Величества.

Слѣдуетъ надѣяться, что эти выраженія и эти чувства Русскаго Государя въ отношеніи къ Мальтійскому ордену, послужатъ примѣромъ всѣмъ христіанскимъ монархамъ, указывая какъ достоитъ имъ возстановить наше существованіе и нашъ блескъ, и до какой степени связано съ ихъ выгодами утвердить, сохраненіемъ нашимъ, сохраненіе дворянства во всей Европѣ, которое есть и будетъ надежнѣйшій оплотъ престоловъ и монархіи.

[20] Конвенція съ державнымъ Мальтійскимъ орденомъ объ установленіи его въ Россіи заключена 4 (15) Января 1797, № 17.708. въ Полн. Собр. Зак. Французскій текстъ Martens (Recueil T. VII. p. 156). Эта конвенція касается лишь пріорства Римско-Католическаго, учрежденнаго въ замѣнъ Польскаго. Инструментъ этого договора былъ перехваченъ Французами въ Анконѣ и дупликатъ онаго былъ подписанъ тѣми же лицами 11 (22) Іюня того же года.

[21] Vénérable Commun Trésor — въ договорѣ Общественное Казначейство.

Honoré de cette mission extraordinaire en Russie par un Décret de V. A. Em-me et du Sacré Conseil, j'ai cru qu'il était de mon devoir d'en rendre compte par une Rélation separée, dont je fais l'expédition et dont V. Em-ce en fera l'usage qu'Elle jugera convenable.

A tous les articles exprimés dans la susdite Rélation et que je me fais un devoir de porter à la connaissance des Sacré Conseil, je m'empresse d'ajouter dans cette Dépêche d'autres bienfaits encore plus grands et plus importans que S. M. l'Empereur se propose d'accorder dans la suite à l'Ordre de Malte, et dont l'intention m'a été communiquée par S. Ex-ce Mr. le Prince Alexandre Kourakin Vice-Chancelier de l'Empire.

Le projet de S. M. L'Empereur est d'accorder à l'illustre Ordre de Malte en toute propriété et à perpétuité, à mesure que le bail d'Emphitéose expire, toutes les Starosties de la Pologne passées maintenant sous la domination de l'Empire de Russie, et qui ont toujours été données jusqu' à présent à vie, ou à des époques fixes. Il en existe seulement un certain nombre d'héréditaires dans les familles, pour lequel il est même prévu le cas d'extinction des familles qui les possédent.

Ces biens sont immenses, situés dans les plus belles provinces dernièrement acquises, d'une administration facile, et d'un rapport très considérable.

Удостоенный этого порученія въ Россіи постановленіемъ Вашего Преимущества и Священнаго Совѣта, я считаю долгомъ представить отдѣльную реляцію нынѣ отправляемую, съ тѣмъ что Ваше Преимущество употребите оную по вашему усмотрѣнію.

Ко всѣмъ предметамъ изложеннымъ въ вышеупомянутой реляціи доводимымъ до свѣдѣнія Священнаго Совѣта, поспѣшаю присовокупить въ этой депешѣ относительно другихъ еще большихъ милостей, которыя Его Величество Императоръ намѣревается оказать въ послѣдствіи нашему ордену; о намѣреніи этомъ мнѣ сообщено его сіятельствомъ княземъ Александромъ Куракинымъ, государственнымъ вице-канцлеромъ.

Императоръ намѣренъ предоставить знаменитому Мальтійскому ордену въ полное и вѣчное владѣніе по мѣрѣ погашенія емфитеотическихъ [22] пользованій, всѣхъ Польскихъ старостій, перешедшихъ теперь подъ владычество Россійскаго Государства, и до сихъ поръ постоянно дарованныхъ пожизненно или на опредѣленное время. Существуетъ нѣкоторое только число потомственныхъ, для коихъ предусмотрѣны случаи прекращенія владѣющихъ ими фамилій.

Эти помѣстья огромны, расположены въ лучшихъ областяхъ недавно пріобрѣтенныхъ, управленіе ими легко и доходность очень значительна.

[22] Эмфитеотическое, временное пользованіе не менѣе 20 и не болѣе 90 или 99 лѣтъ. Въ Польшѣ эмфитеотическое пользованіе даровалось на 50 лѣтъ. Право раздачъ старостій, предоставленное королямъ Польскимъ, было ихъ единственное средство вліять на государственныя дѣла.

Je porterai toute l'attention que l'importance de ce vaste projet exige pour en effectuer un jour l'éxécution, dont l'utilité est d'une telle étendue, que le Vén-ble Commun Trésor trouvera un dédommagement proportionné aux pertes immenses qu'il vient de faire.

V. A. Em-me trouvera dans sa sagesse tous les moyens les plus propres à relever aussi de notre côté l'honneur de notre Croix, et l'importance des grâces qu' Elle daignera accorder pour les croix de dévotion que je demande dans ma susdite Rélation.

Les moyens les plus propres à obtenir ce but important sont ceux de leur donner la plus grande publicité, de les accompagner de toutes les formalités requises et analogues, et d'y faire même intervenir, si cela se peut, la sanction de son sacré Conseil.

En tout cas V. A. Em-me pourra suppléer à tout par des lettres particulières, ou par l'autorisation qu'Elle daignera m'en donner, ou de la manière qui a déjà été pratiquée lors de la signature en Pologne du Traité de 1775, et toutes les fois que l'on a décerné nos croix de dévotion à des individus non catholiques.

Il sera important que ces lettres particulières de Votre Al-se Em-me

---

Я приложу все вниманіе требуемое столь важнымъ предположеніемъ для достиженія однажды исполненія онаго; польза отъ этого такъ велика, что орденское общественное казначейство найдетъ въ ономъ соотвѣтствующее вознагражденіе за понесенныя имъ въ сіе время утраты.

Ваше Преимущество пріищетъ въ мудрости своей всѣ средства наиболѣе способныя возстановить и съ нашей стороны честь нашего креста и значеніе милостей, которыя вы заблагоразсудите оказать при назначеніи крестовъ благочестія [23] мною испрашиваемыхъ въ моей вышеупомянутой реляціи.

Самыя надежныя средства для достиженія этой важной цѣли, это дать имъ наибольшую гласность, обстановить ихъ всѣми принадлежностями и соотвѣтствующими формальностями, съ присовокупленіемъ, если возможно, утвержденія оныхъ Священнымъ Совѣтомъ.

Во всякомъ случаѣ Ваше Преимущество можетъ замѣнить, гдѣ то будетъ потребно, вашими личными письмами, или полномочіемъ на мое имя, или тѣмъ способомъ, который уже былъ употребленъ при подписаніи въ Польшѣ договора 1775 года, и во всѣхъ случаяхъ когда наши кресты благочестія даваемы были не католикамъ.

Весьма важно, чтобы эти личныя грамоты Вашего Преимущества были состав-

[23] (Срав. пр. 14). Эти кресты въ полномъ смыслѣ слова были милостивые и набожные (croze di devozione e di grazia). Они раздавались великимъ магистромъ по его благоусмотрѣнію и не предоставляли никакихъ правъ въ орденѣ. Лица получавшія ихъ не причислялись ни къ одной изъ трехъ категорій ордена: Cavalieri, Capellani, Serventi d'Armi. О крестѣ благочестія уже помѣщено объясненіе въ прим. 14. Малое значеніе придаваемое этимъ крестамъ объясняетъ послѣдующія оговорки и уловки графа Литты.

soient rédigées en forme de Chirographe Magistral, écrites sur parchemin, énonçant exactement tous les titres du Grand-Maître de l'Ordre, et en donnant également tous les titres dûs aux personnes à qui elles sont adressées. Cette formalité à laquelle l'on prend garde ici, devra être exactement suivie toutes les fois que V. A. Em-me sera dans le cas d'expédier des lettres publiques. Quoique j'aie déjà envoyé à Malte les titres de S. M. Impériale; cependant pour plus de sureté j'en joins ici encore une Copie cottée Lit. A.

Il sera même plus convenable que les lettres que V. E. expédiera dans cette occasion, soient contresignées par le Secrétaire du Département, et portent l'empreinte en cire du Grand-Sceau. Je previens V. Em-ce, qu'il faudra autant de lettres séparées et distinctes qu'il y aura des graces de cette nature.

Outre les croix de dévotion demandées déjà dans ma Rélation, il est de mon devoir de suggerer ici celles que V. A. Em-me pourrait encore accorder comme une distinction qui sera certainement agréable à S. M. l'Empereur, et nous vaudra toujours de plus en plus son affection et sa bienveillance. C'est une Croix de dévotion pour l'auguste personne de S. M. l'Impératrice.

J'en demande en outre encore deux que V. A. Em-me daignera laisser à mon choix, pour les donner à celles qui en obtiendront l'agrément de cette auguste Souveraine, et seront par leur naissance et leur rang des premières

---

лены въ формѣ магистральныхъ хирографовъ на пергаментѣ, съ точнымъ внесенiемъ всѣхъ титуловъ гросмейстера ордена и съ таковымъ же внесенiемъ всѣхъ титуловъ тѣхъ лицъ коимъ они назначаются. Эта формальность, на которую здѣсь обращаютъ вниманiе, должна быть въ точности соблюдаема каждый разъ. что Ваше Преимущество будетъ отправлять торжественныя грамоты. Хотя я уже посылалъ въ Мальту титулъ Его Императорскаго Величества, однако для большей вѣрности я прилагаю при семъ копiю подъ Lit. A.

Будетъ приличнѣе, чтобы грамоты отправляемыя по сему случаю Вашимъ Преимуществомъ были бы скрѣплены департаментскимъ секретаремъ и снабжены восковой печатью большаго герба. Предупреждаю Ваше Преимущество, что необходимо столько же отдѣльныхъ и разныхъ грамотъ сколько будетъ даровано таковыхъ украшенiй.

Кромѣ испрашиваемыхъ крестовъ благочестiя въ моей реляцiи, мой долгъ предписываетъ мнѣ указать здѣсь тѣ, которыя Ваше Преимущество могли бы еще даровать и которыя будутъ прiятны Его Императорскому Величеству и будутъ способствовать, болѣе, и болѣе, къ увеличенiю его къ намъ дружбы и благорасположенiя. Это крестъ благочестiя для августѣйшей особы Ея Величества Императрицы.

Кромѣ того я прошу у васъ еще два креста, которые благоволите предоставить моему выбору; они будутъ даны двумъ первымъ дамамъ этого двора, по ихъ происхожденiю и по положенiю, съ полученiемъ на то соизволенiя августѣйшей монархини.

dames de la Cour. Cette grâce de V. Em-ce pourra être accordée de même, et je suis sûr par les exemples qui existent déjà, qu'elle ne peut rencontrer le moindre obstacle.

Mad-me la Duchesse de Serracapriola de la religion Grecque en est déjà décorée, et en a obtenu même, j'ignore de quelle manière, le Bref du St. Siége; formalité qu'en tout cas il nous sera permis d'omettre à présent.

Mad-me la Princesse Ferdinande (sic) de Prusse, et je crois maintenant sa fille aussi, sont décorées de notre Croix de dévotion, et s'honorent de les avoir obtenues d'un Em-me Grand-Maître de Malte.

Mr. le Duc de Serracapriola Ministre Plénip-re de la Cour de Naples a trop bien mérité aussi cette distinction par son zèle, par les services qu'il n'a cessé de rendre à l'Ordre de Malte, et par les bons offices ministeriels, par lesquels il a soutenu ma Mission et facilité mes succés. Je demande cette grâce pour lui, dont il s'est rendu aussi digne, et que nous lui devons par reconnaissance. Cette grâce lui avait déjà été obtenue par feu le Bailli de Sagramoso, mais il désira d'en décorer alors Mad-me, la Duchesse son épouse; et V. A. Em-me daigna se prêter à ce désir.

La reconnaissance que je dois à Mr. le Duc de Serracapriola, le zèle

---

Эта милость Вашего Преимущества можетъ быть оказана, и я увѣренъ по существующимъ примѣрамъ, что это не можетъ встрѣтить ни малѣйшаго препятствія.

Герцогиня Серра Капріола [24] Греческаго вѣроисповѣданія уже имѣетъ крестъ, и получила на то, не знаю какимъ образомъ, разрѣшеніе Папы; формальность эту во всякомъ случаѣ намъ можно при настоящемъ случаѣ опустить.

Прусская принцесса супруга принца Фердинанда, и кажется и дочь ея, имѣютъ наши кресты благочестія, и гордятся тѣмъ, что получили таковые отъ святлѣйшаго Мальтійскаго великаго магистра.

Герцогъ Серра Капріола чрезвычайный министръ Неаполитанскаго двора слишкомъ заслужилъ это отличіе своимъ усердіемъ, своими услугами, которыя онъ не переставалъ оказывать Мальтійскому ордену и своимъ благосклоннымъ оффиціальнымъ содѣйствіемъ, коимъ онъ помогалъ исполненію моего порученія и облегчалъ мнѣ успѣхъ. Я испрашиваю эту милость для него, онъ заслужилъ ее и мы обязаны ему оную оказать изъ благодарности. Эта милость исходатайствована была ему покойнымъ Бальи Sagramoso [25], но тогда онъ желалъ, чтобы онымъ украшена была его супруга, и Ваше Преимущество изволили согласиться на это желаніе.

Моя благодарность герцогу Серра Капріола за усердіе и предупредительность съ

[24] Анна Александровна старшая дочь генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго и княгини Елены Никитишны Вяземской, урожденной Трубецкой. Вышла замужъ 12 Ноября 1788 года, скончалась въ 1839.

[25] Министръ Мальтійскаго ордена въ Варшавѣ, заключившій сдѣлку съ Посполитой Рѣчью въ 1775 году относительно острожскаго командорства. Объ этомъ пространно изложено въ объяснительной запискѣ, служащей введеніемъ къ издаваемымъ здѣсь депешамъ.

et l'empressement avec lesquels je l'ai toujours vu soutenir les intérêts de l'Ordre de Malte, me font un devoir de solliciter pour lui de la bienveillance de V. A. Em-me encore une grâce, que je suis persuadé, qu'Elle même sera bien aise de pouvoir lui accorder, et qui ne peut être qu'agréable à S. M. Le Roi de Naples. Ce serait de lui conférer, lorsqu'il y aura une vacance, une Commanderie Magistrale dans les états du Roi. Votre Em-ce a le droit d'en faire la collation même en faveur d'une personne mariée, et Mr. le Duc de Serracapriola a trop bien merité de notre Ordre pour que l'on ne fasse pas même une exception pour lui, et a toujours trop bien justifié par ses services la confiance dont V. A. Em-me l'a souvent honoré.

Je supplie très humblement V. A. Em-me de vouloir bien prendre en grande considération, combien il sera important, après ces premières grâces, de ne plus en accorder aucune de cette nature; vu que cette juste restriction ne peut que relever infiniment l'honneur de la croix et tourner au profit du Vén-ble Commun Trésor. Tous ceux qui voudront dans la suite en être décorés, pourront y parvenir ou par le droit de leur réception, ou par le moyen des fondations des Commanderies Patronales.

коими я постоянно видѣлъ его содѣйствовавшимъ интересамъ Мальтійскаго ордена, заставляютъ меня просить для него еще одну милость отъ благорасположенія Вашего Преимущества: я убѣжденъ что вы сами будете рады оную ему оказать, и таковая милость можетъ быть только пріятна для Его Величества короля Неаполитанскаго. Слѣдовало бы ему пожаловать, при первой вакансіи, магистральное командорство въ королевскихъ Неаполитанскихъ владѣніяхъ. Ваше Преимущество имѣете право сдѣлать это для женатаго человѣка, герцогъ Серра Капріола слишкомъ много имѣетъ заслугъ предъ нашимъ орденомъ, чтобы не сдѣлать даже исключенія въ его пользу, онъ слишкомъ оправдалъ, своими заслугами, довѣріе коими вы его часто удостоивали.

Я умоляю Ваше Преимущество принять во вниманіе какъ важно будетъ послѣ этихъ первыхъ милостей, не оказывать болѣе таковыхъ, потому что этимъ справедливымъ ограниченіемъ возможно только возвысить достоинство этого креста и соблюсти интересъ орденскаго казначейства. Всѣ которые въ послѣдствіи пожелаютъ быть украшены крестами могутъ того достичь по праву принятія ихъ въ орденъ или по учрежденію патрональныхъ [26] командорствъ.

[26] Патрональныя, фамильныя или родовыя командорства (commanderie de Famille ou de Jus Patronatus) учреждались лицами, представлявшими доказательства о дворянскомъ происхожденіи по правиламъ, существовавшимъ для каждаго языка отдѣльно. Учреждаемое имущество на правахъ командорства должно было имѣть не менѣе трехъ тысячъ рублей годоваго дохода. Учредители могли назначить эти командорства для разныхъ линій своего рода и съ переходомъ права въ пользу двухъ назначенныхъ учредителями постороннихъ фамилій съ условіемъ, чтобы означенныя фамиліи имѣли тѣже права по происхожденію. Для полученія этихъ командорствъ, при открывающихся вакансіяхъ, лица имѣвшія на то право по рожденію, подвергались тѣмъ же условіямъ относительно возраста, служебныхъ обязанностей и обѣтовъ цѣломудрія какъ и прочіе члены ордена. Цѣлью этихъ учрежденій, кромѣ пользы ордена, было доставлять младшимъ въ родѣ обезпеченное и почетное положеніе.

Mr. le Comte de Cobenzl Ambassadeur de Vienne a fait valoir, autant qu'il a pu, auprès du Ministère Impérial les récommandations de sa Cour, desquelles j'ai été porteur à mon arrivée en Russie, et a fait connaître l'intérêt qu'elle prenait au bon succès de ma mission, et à ce qui pouvait contribuer au bien de l'Ordre de Malte. Ces bons offices et son zèle à cet égard méritent les éloges et la reconnaissance de V. A. Em-me; et je ne doute pas qu'Elle ne daigne la lui témoigner dans sa réponse à la lettre, que j'ai l'honneur d'adresser à V. Em-ce de sa part.

L'usage constant et toujours suivi ici par toutes les puissances à l'occasion de la signature des differens traités est de donner au nom du Souverain respectif des boites avec des brillans, auxquelles on ajoute même des sommes en argent. Je suis sûr que les Plénipotentiaires choisis en cette occasion renonceront à cette seconde partie relative à une gratification pécu-

---

Графъ Кобенцель вѣнскій посолъ дастъ, при Императорскомъ министерствѣ, какъ можно болѣе хода рекоммендаціямъ своего двора, привезеннымъ мною въ Россію, и довелъ до свѣдѣнія правительства объ участіи, принимаемомъ его дворомъ въ успѣхѣ моего порученія и во всемъ, что можетъ содѣйствовать благу Мальтійскаго ордена. Его содѣйствіе и усердіе по этому дѣлу заслуживаютъ похвалу и благодарность Вашего Преимущества; я не сомнѣваюсь что вы благоволите выразить оные въ отвѣтѣ на письмо его, которое я имѣю честь при семъ представить Вашему Преимуществу.

Здѣсь постоянный обычай, коего придерживаются всѣ державы при подписаніи различныхъ договоровъ, давать отъ имени державныхъ особъ табакерки съ бриліантами, къ чему присоединяютъ даже денежныя суммы. Я убѣжденъ, что избранные уполномоченные откажутся отъ второй части, состоящей въ денежномъ вознагражденіи, по благороднымъ и возвышеннымъ чувствамъ, коими они воодушевлены и которыя они

Исключеніе было сдѣлано Папой въ пользу Польскаго пріорства въ 1775 году на одинъ лишь первый разъ съ тѣмъ, что въ послѣдствіи командорства переходили бы по статуту. Кажется впрочемъ, что въ Польскихъ фамильныхъ командорствахъ исключеніе въ пользу женатыхъ допускалось постоянно. Право учрежденія командорствъ для Россійско-Римскихъ католиковъ постановлено конвенціей 4 (15) Января 1797. Для дворянъ Русскихъ Православнаго и, должно быть, Евангелическаго исповѣданій право учрежденія фамильныхъ командорствъ началось лишь въ силу указа 29 Ноября 1798 года, (№ 18.766 Полн. Собр. Зак.) Объ этомъ новомъ учрежденіи съ 98 командорствами, на которое назначено было изъ Государственнаго Казначейства 216.000 р., яснѣе изложено въ манифестѣ 28 Декабря 1798 г. (№ 18.799). Этотъ манифестъ объявляетъ о составленіи ордена изъ двухъ пріорствъ Россійско (Римско) Католическаго. основаннаго 1-го (4—15) Января 1797 года и Россійскаго, основаннаго 29 Ноября 1798 года, съ тѣмъ что права пріобрѣтенныя въ одномъ пріорствѣ не давали права въ другомъ.

Въ этой депешѣ графа Литты упоминается еще о Магистральномъ командорствѣ. Эти командорства назывались также di grazia. Великій магистръ имѣлъ права назначать одинъ разъ каждые пять лѣтъ командора на открывающуюся вакансію, обыкновенно назначаемаго лишь по старшинству и по опредѣленію Священнаго Совѣта. Командорства эти назывались Магистральными или di grazia въ противуположность командорствамъ di Justizia, называемымъ въ Русскомъ пріорствѣ командорствами по старшинству. Причитающіеся платежи со всѣхъ командорствъ правильныхъ и родовыхъ поступали въ Общественное Казначейство, съ Магистральныхъ же въ пользу самаго великаго магистра.

niaire par les principes nobles et élévés dont ils sont animés et qu'ils aiment particulièrement à manifester dans une circonstance qui concerne l'illustre Ordre de Malte. Mais il est de la reconnaissance, de la dignité et de la munificence connue de V. A. Em-me d'en donner des marques à l'exemple de tous les autres Souverains par des présens en diamans. V. Em-ce daignera m'y autoriser; et je me chargerai à les faire d'une manière noble et convenable et de façon que le Commun Trésor de l'Ordre n'aura rien à débourser; car ces premières dépenses indispensables seront compensées à l'avenir par d'autres revenus extraordinaires du même Grand Prieuré.

Ces présens consisteront en deux boites de la valeur à peu près de cinq mille écus chacune, ou tout au plus en trois, dans le cas que le Grand-Chancelier de l'Empire qui n'a point été nommé Plénipotentiaire à présent, signe peut être aussi les Ratifications de S. M. l'Empereur. Les autres petits présens à distribuer, et droits d'usage pour les différentes Chancelleries monteront environ à mille cinq cents Ducats; et je me charge aussi pour ces frais de trouver moi même les fonds nécessaires.

Je prie que l'on m'envoie de Malte ou en dessein, ou en miniature, ou peint de toute autre manière, le portrait de V. A. Em-me en ancienne armure de Grand-Maître, et je me chargerai d'en faire tirer ici les copies dont j'aurai besoin.

Je demande aussi une Instruction claire et précise de la manière dont

---

особенно желаютъ обнаружить при обстоятельствѣ относящемся до знаменитаго Мальтійскаго ордена. Но благодарность, достоинство и великолѣпіе всѣмъ извѣстныя, Вашего Преимущества требуютъ, чтобы Ваше Преимущество по примѣру прочихъ державъ подтвердили бы это бриліантовыми подарками. Уполномочте меня и я возьмусь сдѣлать это приличнымъ и благороднымъ образомъ и общественному орденскому казначейству не придется ничего на это издерживать; эти первыя необходимыя издержки будутъ въ будущемъ покрыты другими чрезвычайными доходами самого великаго пріората.

Эти подарки должны состоять въ двухъ табакеркахъ цѣною около пяти тысячъ талеровъ каждая, много же изъ трехъ подарковъ, въ случаѣ если великій государственный канцлеръ, который не былъ до сего назначенъ уполномоченнымъ, скрѣпитъ можетъ быть ратификаціи Его Императорскаго Величества. Прочіе мелкіе подарки, которые должны быть розданы, и обычныя выдачи причитающіяся разнымъ канцеляріямъ составятъ приблизительно до полуторы тысячи червонцевъ, я берусь пріискать необходимыя суммы и на эти расходы.

Я прошу, чтобы мнѣ присланъ былъ изъ Мальты рисованный или миніатюрный, или писанный на какой либо другой маперъ, портретъ Вашего Преимущества, въ старинныхъ доспѣхахъ гросмейстера, и я здѣсь берусь заказать копіи, которыя мнѣ понадобятся.

Я прошу также ясную и точную инструкцію какимъ образомъ до сего представ-

se faisaient jusqu'à présent les preuves de noblesse dans le ci-devant Grand-Prieuré de Pologne, et d'après la quelle l'on devra suivre à l'avenir les Réceptions dans le Grand Prieuré de Russie.

Je ne répéterai pas ici à V. A. Em-me la lutte longue, difficile et pénible que j'ai dû soutenir pour rejetter le projet d'une nouvelle Langue de Russie. J'en suis sorti d'une manière victorieuse, grâce aux instructions sages et éclairées de V. A. Em-me, aux indications dont Elle m'avait muni et aux principes mêmes du Souverain fondés sur la sagesse et la modération de son caractère, et qui faisant noblement le sacrifice de ses propres idées, ne désire autre chose que de contribuer, autant qu'il sera en son pouvoir, au bien être et à la prosperité de l'Ordre de Malte et surtout à sa tranquillité.

Ce qui dans la marche de mes négociations m'a fait rencontrer des obstacles plus forts et des difficultés encore plus grandes, a été l'incorpora-

---

лялись доказательства дворянскаго происхожденія [27] въ бывшемъ Польскомъ великомъ пріоратѣ; согласно съ этимъ должны будутъ сообразоваться при принятіи въ великій Россійскій пріоратъ.

Я не буду здѣсь повторять Вашему Преимуществу продолжительную, трудную и тягостную борьбу, которую я долженъ былъ вести для отверженія проекта новаго Русскаго языка. Я вышелъ изъ этого съ побѣдой, благодаря мудрымъ и свѣтлымъ наставленіямъ Вашего Преимущества, указаніямъ мнѣ вами даннымъ и благодаря самимъ началамъ монарха, основаннымъ на мудрости и умѣренности его характера; онъ, жертвуя благородно своими собственными мыслями, не желаетъ ничего другаго какъ споспѣшествовать по возможности благоденствію и процвѣтанію Мальтійскаго ордена, въ особенности же спокойствію онаго.

Что въ теченіи моихъ переговоровъ встрѣтило наисильнѣйшія препятствія и еще

[27] Доказательства дворянскаго происхожденія, требуемыя въ различныхъ языкахъ, были не одинаковы строги. Въ Германскомъ языкѣ требовалось 8 степеней какъ со стороны отца такъ и со стороны матери т. е. 16 четвертей (quartiers) безъ малѣйшаго изъяна; во Франціи четыре, въ Италіи дворянское происхожденіе должно было имѣть двухсотъ-лѣтнюю давность, въ Испаніи повѣрка была весьма строга и разнообразна. Польское пріорство, судя по актамъ 1775 года, принадлежало къ Германскому языку. Это не выражено опредѣлительнымъ образомъ; при утвержденіи великимъ магистромъ и Папою оговорено, что на первый разъ дѣлается исключеніе въ пользу Польскихъ дворянъ допущеніемъ назначенія женатыхъ людей командорами, но что въ послѣдствіи они должны подчиняться правиламъ ордена, согласно съ прочими пріорствами Германскаго языка. Графъ Литта говоритъ, что Польское пріорство причислено было къ Англо-Баварскому языку, но это было не ранѣе 1782 г. Изъ послѣдующихъ депешъ графа Литты и самыхъ основныхъ актовъ (Martens Recueil T. VII), видно, что правила Польскаго пріорства были весьма не опредѣленны. На основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ 15-го Февраля 1799 года, (№ 18.859) для принятія дворянъ Россійской Имперіи требовалось происхожденіе отъ предковъ, пріобрѣвшихъ дворянство воинскими подвигами (ст. 7), въ слѣдующей статьѣ требуется доказательство, что происхожденіе существовало не менѣе какъ за полтораста лѣтъ. Правило это подходило къ правиламъ Итальянскаго языка и было строже правилъ Французскихъ языковъ, въ коихъ допускалось дворянство судебное.

tion du Grand-Prieuré de Russie dans l'ancienne Langue d'Angleterre. S. M. l'Empereur a toujours insisté comme n'étant pas de la dignité de son empire, que le Grand-Prieuré de Russie parût dans l'Ordre de Malte sous une enveloppe etrangère; et n'admettant pas même de paraître sous le nom de l'Angleterre, V. Em-ce jugera elle même da la difficulté de le déterminer à associer son nom à celui d'une Cour Electorale d'Allemagne.

Il m'a été par conséquent impossible de faire valoir les facilités que V. Em-ce m'avait données dans ses instructions à cet égard. S. M. l'Empereur s'était plutôt contenté que son Grand Prieuré de Russie restât à

наибольшія затрудненія, это было включеніе великаго Русскаго [28] пріората въ древній Англійскій языкъ. Его Величество Императоръ постоянно настаивалъ, что появленіе Русскаго великаго пріората въ Мальтійскомъ орденѣ подъ чужимъ покровомъ не соотвѣтствуетъ достоинству Имперіи; не соглашаясь, чтобы пріоратъ явился подъ именемъ Англіи, Ваше Преимущество сами можете судить какъ трудно убѣдить Императора сопоставить свое имя съ Електоральнымъ Германскимъ дворомъ.

По этому мнѣ было невозможно воспользоваться способомъ, указаннымъ мнѣ для облегченія дѣлъ въ Вашихъ инструкціяхъ. Его Величество Императоръ скорѣе расположенъ, чтобы великій Русскій пріоратъ оставался бы въ Мальтѣ изолированнымъ и

[28] Не слѣдуетъ забывать, что въ депешахъ графа Литты рѣчь идетъ исключительно о Россійско-Католическомъ пріорствѣ т. е. Латинскомъ.—Древній Англійскій языкъ прекратилъ свое существованіе въ слѣдствіе реформаціи. Въ 1782 г. въ слѣдствіе стараній Бальи Флаксландена было учреждено, на мѣсто Англійскаго языка, пріорство Англо-Баварскаго языка съ предоставленіемъ курфирстамъ Баварскимъ въ пользу его имуществъ, отошедшихъ по уничтоженіи ордена Іезуитовъ въ Баваріи. Баварское пріорство было уничтожено 9 (20) Февраля 1799 года и возстановлено 1 (12) Іюня въ силу договора Императора Павла въ качествѣ великаго магистра. Договоръ подписалъ въ Мюнхенѣ съ нашей стороны Бальи Флаксланденъ. Бальи Флаксланденъ пріѣзжалъ въ Петербургъ въ концѣ 1799 г. въ главѣ депутаціи Баварскаго пріорства. Графъ Литта былъ уже тогда удаленъ. Флаксланденъ, пользовавшійся также особенною милостію Императора Павла, подвергся вскорѣ опалѣ за представленную имъ записку, относительно статутовъ ордена и особенно въ слѣдствіе происковъ графа Растопчина и директора Орденской Канцеляріи командора La Houssaye. Такъ разсказываетъ объ этомъ аббатъ Жоржель, пріѣзжавшій около того же времени въ Петербургъ съ депутаціей Германскаго пріорства Мальтійскаго ордена, въ главѣ коей былъ Бальи Пфюрдтскій. Онъ говоритъ, что удаленіе Нунція послѣдовало за удаленіемъ поручика великаго магистра. Здѣсь кстати замѣтить, что бездоказанно утверждаютъ, что всѣ эти господа дѣйствовали въ пользу Іезуитовъ и были Іезуитами. Само собой разумѣется, что у нихъ у всѣхъ была одна общая связь, это—преданность Папѣ какъ главѣ Церкви. Нунцій Литта былъ удаленъ почти въ одно время съ изгнаніемъ Папы изъ Рима. Объ этомъ сближеніи упоминается въ рескриптѣ Императора на имя генерала отъ инфантеріи Беклешова отъ 29 Апрѣля 1799 года (№ 18.949, Полн. Собр. Зак.). Понятно, что при ультрамонтанскихъ притязаніяхъ Нунція и изгнаніи Папы изъ Рима, присутствіе Нунція было неудобно и безполезно. Въ это время существовала борьба въ Католической церкви въ Россіи между полонизмомъ и ультрамонтанизмомъ. Колебаніе правительства во время устройства Католической церкви въ Россіи было весьма понятно между этими двумя неудобствами. Іезуитскій орденъ въ Бѣлоруссіи представлялъ по своему положенію, относительно Польской церкви и ультрамонтизма, надежную точку опоры. Екатерина II, не признавая Буллы объ уничтоженіи Іезуитскаго ордена, послѣдовала примѣру Французскаго правительства и Галликанской церкви, не признававшихъ Буллы Инокентія VIII, объ уничтоженіи ордена св. Гроба Господня.

Malte un corps isolé et sans aucune activité, comme le ci-devant Grand-Prieuré de Pologne a toujours été jusqu' à l'époque de son incorporation à la Langue Anglo-Bavaroise.

J'ai enfin tout obtenu, et j'ai fait ajouter à la Convention signée un Article separé relatif à cette incorporation; point qui a été certainement le plus difficile à combiner. Cet article est rédigé en phrases simples et générales; car il était important de ne choquer aucun parti; il est très-constitutionnel et laisse entièrement à Votre Altesse Eminentis-me et à son sacré Conseil toute la liberté d'en suivre directement dans le tems la négociation relative, et d'en exécuter l'incorporation strictement aux termes des Statuts et de notre Constitution.

Mais il sera digne de V. A. Em-me, et de l'Ordre de Malte que cette incorporation soit faite d'après les loix de l'équité et les convenances reciproques.

Il me paraît qu'il sera possible d'y parvenir premièrement en faisant valoir l'établissement du Grand-Prieuré de Russie comme la vérification du cas déjà prevu pas l'article huitieme du Concordat du 21 Juin 1785. entre la Vén-ble Langue Anglo-Bavaroise et le ci-devant Grand-Prieuré de Pologne: et en second lieu, ce qui pourrait amener cette incorporation à être établie sur un pied égal, c'est l'offre de 18 mille florins annuels que le Grand-Prieuré de Russie propose de fournir comme sa quote-part pour

---

безъ всякого дѣятельнаго участія, какъ бывшій великій пріоратъ Польскій, до его включенія въ языкъ Англо-Баварскій.

Я наконецъ достигъ всего, и успѣлъ присоединить къ подписанной конвенціи отдѣльную статью относительно этого включенія; согласованіе этого пункта было самое затруднительное. Эта статья редактирована въ выраженіяхъ простыхъ и общихъ; ибо было весьма важно не оскорблять ни одной стороны; статья эта совершенно конституціонна и вполнѣ предоставляетъ Вашему Преимуществу и Вашему Священному Совѣту полную свободу впослѣдствіи при непосредственномъ веденіи переговоровъ, совершить инкорпорацію, строго придерживаясь ограниченій, указываемыхъ нашими статутами и конституціей.

Но достоинство Вашего Преимущества и Мальтійскаго ордена требуетъ, чтобы инкорпорація эта совершалась согласно съ законами правосудія и взаимныхъ приличій.

Мнѣ кажется, что этого возможно достигнуть во первыхъ указавъ, что учрежденіе Русскаго пріората есть исполненіе предвидѣннаго случая 8-й статьей конкордата 21-го Іюня 1785 года, между почтеннымъ языкомъ Англо-Баварскимъ и бывшимъ великимъ пріоратомъ Польскимъ; во вторыхъ равноправность при совершеніи этой инкорпораціи можетъ быть основана на предложеніи 18 тыс. злотъ, которые великій пріоратъ Россійскій изъявляетъ желаніе платить ежегодно въ видѣ доли для содержа-

l'entretien des tables de l'auberge, et pour les autres dépenses quelconques générales et particulières, auxquelles sont soumis réciproquement les différens Prieurés compris dans une même langue. Au reste, les droits d'ancienneté donneront encore pour bien longtems exclusivement aux Chevaliers de Bavière déjà existans la première dignité représentative, et l'exercice des prééminences fixées.

Dans cette négociation que l'Ordre de Malte entreprendra directement, et à laquelle la Cour Impériale de Russie ne veut intervenir que pour y donner son consentement lorsqu'elle sera tout à fait terminée, V. A. Em-me serait vraiment régardée comme l'Ange de la paix, si elle parvenait à tout concilier par le seul moyen qui ne s'oppose d'aucune manière à l'ancienne et primitive constitution de l'Ordre, et pourrait combiner à la fois tant d'intérêts différens et de prétentions réciproques, qui laisseront toujours dans cette Langue un principe de mésintelligence et de rivalité. Ce moyen que je propose et qui pourrait utilement être employé par la voix de l'équité et de la persuasion, serait celui, en laissant la même langue à sa place, d'en refondre toutes les dénominations qui se trouvent en rivalité, dans la seule dénomination qui est commune à toutes et n'en indique aucune, celle de *Langue du Nord*, ou bien de *Sixième Langue*.

нія столовъ гостинницы [29], и на всякіе прочіе расходы общіе и частные взаимно обязательные для разныхъ пріоратовъ входящихъ въ составъ одного языка. Впрочемъ права старшинства еще на долго предоставятъ наличнымъ Баварскимъ рыцарямъ первый представительный санъ и пользованіе утвержденными первенствующими должностями.

Въ этихъ переговорахъ которые Мальтійскій орденъ долженъ будетъ завести непосредственно и въ которыхъ Императорскій Россійскій дворъ желаетъ принять участіе, когда все будетъ окончено для изъявленія лишь своего согласія, Ваше Преимущество истинно явитесь какъ Ангелъ мира, если вы успѣете все примирить единственнымъ средствомъ, отнюдь не противурѣчащимъ древней и первоначальной конституціи ордена, и найдете средство согласовать столько розняшихся интерессовъ и взаимныхъ претензій, которыя навсегда оставятъ въ этомъ языкѣ начало несогласія и соперничества. Это средство мной предлагаемое и которое могло бы быть приведено въ исполненіе во имя справедливости, состоитъ въ томъ, чтобы оставивъ языкъ въ томъ положеніи въ коемъ находится, измѣнить всѣ наименованія, производящія соперничество, на одно названіе общее всѣмъ и ничего не обозначающее т. е. Сѣверный языкъ или шестый [30].

[29] Учрежденіе въ память гостинницъ, учрежденныхъ для поклонниковъ въ Іерусалимѣ. Гостинницы (albergii) учреждены были и содержались каждымъ языкомъ отдѣльно

[30] По уничтоженіи, декретомъ законодательнаго собранія 19 Сентября 1792 года, ордена во Франціи и имущества присоединили къ національнымъ. Такимъ образомъ прекратилось существованіе языковъ Провенсальскаго, Овернскаго и Французскаго. Во время ре-

Nous serons peut être dans le cas de songer à l'établissement d'autres Grands-Prieurés détachés, comme serait le Grand Prieuré de Prusse composé par les Commanderies de la Silésie qui sont maintenant tout à fait isolées, et par cinq Commanderies de la Pologne Prussienne relativement auxquelles j'espère par les notions que j'ai, que S. M. le Roi de Prusse accordera indistinctement à tous les chevaliers de Malte ses sujets une promiscuité de droits et de biens. Tous les différens Grands-Prieurés n'auront plus aucune difficulté ni rivalité pour être compris à Malte dans une même Langue qui sera designée sous une dénomination générale.

L'article que S. M. l'Empereur a exigé absolument et par lequel il est stipulé que les biens de l'Ordre de Malte dans ses états ne soient possedés que par ses propres sujets, est équitable en lui même, et ne peut que contribuer à relever le lustre de l'Ordre de Malte. Par cet article l'on sera à même, sans s'exposer à aucune plainte juste et raisonable de la part de qui que ce soit, d'épurer le Grand-Prieuré de Pologne des individus dont la

---

Намъ предстоитъ можетъ быть озаботиться учрежденіемъ другихъ великихъ отдѣльныхъ пріоратовъ, каковый былъ бы великій пріоратъ Прусскій, образуемый Силезскими командорствами, которые нынѣ совершенно изолированы, и пятью командорствами Прусской Польши, относительно коихъ, я надѣюсь, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, Его Величество король Прусскій даруетъ безъ исключеній всѣмъ Мальтійскимъ рыцарямъ, его подданнымъ, общинность (promiscuité) правъ и имуществъ. Всѣ различные великіе пріораты не встрѣтятъ затѣмъ ни затрудненій, ни соперничества при включеніи ихъ въ Мальтѣ въ одинъ языкъ подъ общимъ наименованіемъ.

Статья требуемая безусловно Его Императорскимъ Величествомъ постановливаетъ, чтобы имущества Мальтійскаго ордена въ его владѣніяхъ, принадлежали бы исключительно его собственнымъ подданнымъ; само по себѣ это справедливо, и можетъ только возвысить блескъ Мальтійскаго ордена. Посредствомъ этой статьи будетъ возможно, не подвергаясь ничьимъ справедливымъ и благоразумнымъ нареканіямъ, очистить великій пріоратъ Польскій отъ лицъ, поведеніе коихъ и чувства были часто весьма мало соотвѣтственны обязанностямъ ихъ положенія.

формаціи уничтоженъ языкъ Англійскій, замѣненный въ 1782 г. языкомъ Баварскимъ. Такимъ образомъ оставалось въ 1797 г. пять языковъ: Италіанскій, Арагонскій, Англо-Баварскій, Германскій и Кастильскій.

Изъ этихъ пяти языковъ послѣ Аміенскаго мира въ 1802 году отдѣлились отъ Мальты языки Арагонскій и Кастильскій. Въ Германіи (1805) и Италіи въ концѣ прошлаго столѣтія пріорство не существовало болѣе фактически. Однако въ 1802 г. избранъ былъ въ великіе магистры принцъ Варѳоломей Русполи. По отреченіи сего послѣдняго, избранъ 9-го Февраля графъ Томмази въ 1805 году. Принимали ли участіе въ этомъ выборѣ пріорства Русскія мнѣ неизвѣстно. Русскія пріорства были уничтожены въ два раза. Указомъ 26 Февраля 1810 г. (№ 24.134) о причисленіи общественныхъ суммъ къ Государственному Казначейству и 20 Ноября 1811 г. (№ 24.882) о ликвидаціи фамильныхъ командорствъ, посредствомъ капитализаціи ренты платимой въ пользу ордена, называвшейся респонсіей и обращеніи, по уплатѣ капитализированной ренты, командорскихъ имѣній въ наслѣдственныя на общихъ правахъ.

conduite et les sentimens ont été bien souvent si peu analogue aux devoirs de leur état.

Il y a des Chevaliers de Malte en Pologne dont les titres ne sont pas même connus à Malte; il y a des croix qui ont été distribuées sans aucune formalité ni autorisation requises; on m'a même supposé qu'il y a eu en Pologne des Croix de Malte échangées contre des Ducats de Hollande. Scandalisé de pareils abus, à mon arrivée dans ce pays-là, où les vrais Chevaliers rougissaient presque de leur décoration, j'ai voulu en reconnaître l'origine, et voir quels pouvaient être les remèdes éfficaces à opposer à des inconveniens aussi graves. On m'a pretexté des autorisations légales et des pleins-pouvoirs de Malte; sur lesquels je ne sais que dire; car j'avoue de n'être jamais réussi à les vérifier.

Je supplie Votre Altesse Em-me de me donner là-dessus des indications précises, et de me faire connaître, si en Pologne d'autres qu'Elle même, ou l'Ordre de Malte, avaient le droit de distribuer des croix, pouvaient exercer ce droit sur des individus sans aucune restriction, et si l'ayant exercé l'on était dispensé d'en rendre compte à Malte.

Pour pouvoir mieux vérifier l'état des choses à cet égard, il est indispensable que Votre Em-ce me fournisse une liste exacte de tous ceux qui ont obtenu en Pologne ou dans le Nord la croix de Malte sous quel titre que ce soit. Cette liste pourra facilement être constatée par les régistres

---

Въ Польшѣ существуютъ Мальтійскіе кавалеры, коихъ права даже неизвѣстны въ Мальтѣ; розданы были кресты безъ всякой формальности, и безъ надлежащаго полномочія, даже предполагаютъ, что въ Польшѣ было нѣсколько крестовъ обмѣненныхъ на Голландскіе червонцы. Смущенный подобными злоупотребленіями, по пріѣздѣ моемъ въ эту страну, гдѣ настоящіе кавалеры стыдятся почти носить нашъ орденъ, я старался доискаться причины, и средствъ къ предотвращенію столь важныхъ неудобствъ. Мнѣ указали на законныя разрѣшенія и полномочія выданныя въ Мальтѣ, относительно коихъ я ничего не могу сказать, потому что мнѣ никогда не удавалось повѣрить ихъ.

Я умоляю Ваше Преимущество дать мнѣ по этому точныя указанія, и увѣдомить меня имѣетъ ли кто кромѣ васъ самихъ и Мальтійскаго ордена право раздавать эти кресты, можетъ ли кто пользоваться этимъ правомъ безъ всякаго ограниченія относительно удостоиваемыхъ лицъ, и въ случаѣ пожалованія креста есть ли лица эти освобождены отъ представленія отчета въ Мальту.

Чтобы возможно было успѣшнѣе повѣрить положеніе этихъ дѣлъ необходимо, чтобы Ваше Преимущество мнѣ доставили полный списокъ всѣхъ получившихъ въ Польшѣ или на Сѣверѣ Мальтійскіе кресты подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ. Этотъ списокъ можетъ быть свѣренъ съ реестрами нашей канцеляріи и департаментовъ секретарствъ Вашего Преимущества.

de notre Chancellerie, et par ceux des Départemens des Secrétaireries de Votre Al-se Em-me.

Outre les articles stipulés dans le corps de la Convention, il y en a plusieurs autres separés, signés de même par les Plénip-res des deux côtés, et que j'envois annexés à la dite Convention. Ces articles sont ceux qui ont merité une discussion plus longue et plus difficile, et n'ont été arrêtés que tout dernièrement, après même que l'on avait déjà fait les copies de la Convention.

L'article relatif à la valeur fixée du florin de Pologne est très-important et très-utile pour nous. Par celui-ci nous avons obtenu d'un trait de plume 5 au lieu de 3, car nous avons porté le florin de Pologne à 25 Copecks de Russie, tandis qu'actuellement par le change à la Bourse il est à 15.

Les différens retards de ces articles séparés nous ont produit une petite perte de quelques centaines de Ducats dans le payement de 96 mille

---

Кромѣ статей заключающихся въ самой конвенціи есть нѣсколько сепаратныхъ статей [31], также подписанныхъ уполномоченными съ обѣихъ сторонъ и которыя я прилагаю къ упоминаемой конвенціи. Эти статьи именно тѣ, которыя вызвали болѣе продолжительныя и затруднительныя пренія и были установлены только недавно даже послѣ снятія копій съ договора.

Статья относящаяся до опредѣленія цѣнности Польскаго злота весьма важна и весьма для насъ выгодна. Мы однимъ почеркомъ пера получили пять вмѣсто трехъ, потому что опредѣлили цѣнность Польскаго злота въ 25 русскихъ копѣекъ, тогда какъ въ настоящее время по биржевому курсу злотъ равняется 15 копѣйкамъ.

Различныя остановки въ слѣдствіе этихъ отдѣльныхъ статей намъ причинили незначительный убытокъ въ нѣсколько сотъ червонцевъ въ отношеніи уплаты 96 тысячь злотъ, назначенной во время обмѣна ратификаціи; господинъ вице-канцлеръ

[31] Въ Полн. Собр. Зак. вслѣдъ за конвенціей 4 (15) Января 1797 г. и за тѣмъ же 17.708 №-мъ. Французскій текстъ у Мартенса (Recueil. T. VII. p. 428). Эти четыре сепаратныя статьи относятся до денежныхъ вопросовъ, кромѣ третьей, касающейся вступленія Русскаго пріорства въ древній Англійскій языкъ. 13 Февраля 1798 года Полн. Собр. Зак. объ отпускѣ графу Литты изъ Государственнаго Казначейства по 79.500 руб. ежегодно, согласно заключенной конвенціи и на содержаніе дома 4.500 р. всего 84.000 р. и пять тысячъ червонцевъ единовременно.

Будущія благи, кои предвидитъ графъ Литта, не запоздали явиться. 13 Ноября 1798 г. повелѣно отпускать ежегодно изъ Государственнаго Казначейства 216.000 руб. въ счетъ анфитеотальныхъ (sic) и другихъ староственныхъ доходовъ на содержаніе командорствъ, сверхъ опредѣленныхъ прежними указами, (№ 18.750). Указанный источникъ есть доходъ, поступающій въ вновь-пріобрѣтенныхъ губерніяхъ съ арендныхъ имѣній.

Того же числа (№ 18.751) учреждено 10 командорствъ по 1.000 р. каждому изъ респонсій т. е. доходовъ, поступающихъ въ Орденскія Казначейства съ прежнихъ командорствъ.

15 Іюня 1799 г. (№ 19.003) объ учрежденіи 20 новыхъ командорствъ, съ назначеніемъ изъ почтовыхъ доходовъ 9.300 р.

17 Сентября 1799 года (№ 19.119) и Главному Почтовому Вѣдомству о производствѣ, по смерть, каждому командору, получившему званіе за военные подвиги, по 300 р. ежегодно.

florins fixé à l'époque de l'échange des Ratifications: car Mr. le Vice-Chancelier ayant déjà porté à l'approbation de S. M. l'Empereur les articles précédens, m'a témoigné son embarras de porter une seconde fois à la révision du Souverain un article déjà approuvé.

Je ne doute pas, que Votre Altesse Eminentissime ne veuille prendre en grande considération, comme une époque remarquable dans notre Ordre celle de l'établissement de l'Ordre de Malte en Russie, et la circonstance mémorable de décorer de la croix de dévotion un Empereur, et trois Grands Ducs de la Famille Impériale. Si V. A. Em-me jugeait par conséquent convenable à la dignité de l'Ordre de relever aussi de notre côté, autant que possible, une telle époque, Elle pourrait le faire, je suppose, par la nomination d'un Ambassadeur Extraordinaire de l'Ordre destiné à remplir ce double objet.

Si V. A. E. envisage de même cette circonstance, je La supplie, au lieu de procéder à une nomination publique, de m'en donner plutôt une autorisation particulière, dont je puisse faire usage ici selon le cas et les circonstances.

Les circonstances sont celles-ci: Si je peux déployer ce caractère seulement pour trois ou quatre mois; c'est à dire pour le tems nécessaire de l'installation du Grand-Prieuré, et pour remplir les fonctions éminentes, que le Représentant de l'Ordre de Malte en Russie sera dans le cas de faire: Si je peux remplir cette Ambassade momentanée sans la rendre nullement à charge ni au Vén-ble Commun Trésor, ni à la Recette Magistrale; enfin,

---

поднесшій уже на утвержденіе Его Императорскаго Величества предъидущія статьи, сообщилъ мнѣ, что онъ затрудняется вторично поднести на разсмотрѣніе Государя уже имъ одобренную статью.

Я не сомнѣваюсь, что Ваша Свѣтлость не упуститъ принять въ надлежащее уваженіе, какъ эпоху замѣчательную для нашего ордена, учрежденіе Мальтійскаго ордена въ Россіи, и то достопамятное обстоятельство, что вы украсите крестомъ Благочестія Императора и трехъ великихъ князей Императорской фамиліи. Если Ваше Преимущество по этому признаете соотвѣтствующимъ достоинству нашего ордена ознаменовать и съ нашей стороны, на сколько возможно подобную эпоху, то вы могли бы этого достигнуть, я полагаю, назначивъ чрезвычайнаго орденскаго посла и этимъ достигнете двойную цѣль.

Если Ваше Преимущество смотрите на это обстоятельство согласно со мной, то я умоляю васъ, вмѣсто обнародованія подобнаго назначенія, дать мнѣ лучше частное разрѣшеніе, которымъ я могу воспользоваться смотря по случаю и обстоятельствамъ.

Эти обстоятельства суть: могу ли я явиться посломъ только на три или четыре мѣсяца, т. е. на время необходимое для устройства великаго пріората, и для исполненія высокихъ должностей, возлагаемыхъ на представителя Мальтійскаго ордена въ Россіи; могу ли я быть посломъ кратковременно, отнюдь не отягощая ни обществен-

si je vois que la Cour Impériale s'attend à cette marque d'attention de notre part; et cela d'autant plus qu'elle à paru déjà le contempler dans l'article 9 de la Convention.

Ne pouvant combiner et réunir ces considérations, l'autorisation particulière que V. A. Em-me m'aura fournie à cet égard, me sera très-utile, car elle me mettra à même de me régler d'après les circonstances, ou de passer le tout, si je le peux, sous silence.

J'éprouve la plus vive satisfaction d'annoncer à V. A. Em-me la bienveillance que S. M. l'Empereur daigne me manifester dans toutes les occasions que j'ai l'honneur de l'approcher et de lui faire ma cour. C'est un témoignage public qu'il aime à rendre au Ministre de Malte, et qui prouve ses sentimens à notre égard, l'estime et la considération qu'il nous porte. Ce Souverain qui a le bonheur de se faire chérir par tous ceux qui ont celui de l'approcher, ayant connu toute ma famille en Italie, mon père ayant eu l'honneur de le recevoir dans sa maison, il daigne en conserver un souvenir très-obligeant, et il me parle souvent avec un bien touchant intérêt des individus de ma famille, et des circonstances de ma patrie.

Après lui avoir rendu auprès de V. A. Em-me ce témoignage de ma reconnaissance, et de mon dévouement, il est de mon devoir de le faire con-

---

ное орденское казначейство, ни магистральные[32] доходы; наконецъ, въ случаѣ если я увижу, что Императорскій дворъ ожидаетъ этотъ знакъ вниманія съ нашей стороны; это тѣмъ болѣе, что кажется это предусмотрѣно въ 9-й статьѣ нашей конвенціи.

Не находя возможности согласовать и привести въ единство эти соображенія, частное разрѣшеніе, которое Ваше Преимущество доставитъ мнѣ, будетъ весьма полезно, потому что оно мнѣ дастъ возможность сообразоваться съ обстоятельствами, или умолчать обо всемъ, если признаю это возможнымъ.

Я себѣ поставляю въ особенное удовольствіе сообщить Вашему Преимуществу о благосклонности, оказываемой мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ при всѣхъ случаяхъ когда я имѣю честь приближаться къ нему съ моимъ поклономъ. Это публичный знакъ благорасположенія, которымъ Его Величество желаетъ удостоивать представителя Мальты, и который доказываетъ его къ намъ чувства, его уваженіе и вниманіе. Этотъ Государь, обладающій счастьемъ быть любимымъ всѣми тѣми, которые имѣютъ счастіе быть къ нему приближены, знавъ все мое семейство въ Италіи, такъ какъ мой отецъ имѣлъ счастіе его принимать въ своемъ домѣ, онъ сохраняетъ о томъ весьма обязательную для меня память, и онъ мнѣ часто говоритъ съ трогательнымъ участіемъ о членахъ моего семейства и о судьбахъ моего отечества.

Воздавая ему, предъ Вашимъ Преимуществомъ, это засвидѣтельствованіе моей благодарности и моей преданности, долгомъ себѣ поставляю изобразить его, какъ

[32] Т. е. доходы гросмейстера.

naître comme Souverain de Russie en parlant de ses qualités publiques et personnelles, de son caractère, et de son règne.

C'est un Prince entièrement consacré aux devoirs du trône; son activité sans exemple a constamment pour but l'état et ses peuples; le principe fixe de toutes ses dispositions est la dignité de l'Empire, et le bonheur de ses sujets.

Ses qualités personnelles sont la piété, la religion, un grand amour de la justice qui est rendue à tout le monde et d'une manière très-expéditive. Il exige en tout la précision et l'exactitude, et il a des principes d'une grande modération. Ses bienfaits sont toujours consacrés à la reconnaissance et au soulagement de l'humanité. Son caractère manifeste un grand fond d'élévation et de noblesse, et l'admiration qu'il a pour tout ce qui se réfère aux principes de l'ancienne et noble Chevalerie. L'Ordre de Malte qui en est le modèle et l'exemple par son institution et sa conduite, est pour lui un objet de respect et d'affection.

Son règne sera calme, tranquille et heureux. Très-éloigné par ses principes et par son caractère personnel de toute idée gigantesque et ambitieuse, son système politique est celui de conserver la paix et la bonne intelligence avec tout le monde, et particulièrement avec ses voisins; de ne se mêler en rien des affaires des autres, de n'empiéter sur les droits de personne, et de

---

Русскаго Государя, сообщая о его публичныхъ и личныхъ качествахъ, о его характерѣ и его царствованіи.

Этотъ Монархъ совершенно посвятилъ себя принадлежащимъ престолу обязанностямъ, его безпримѣрная дѣятельность имѣетъ постоянною цѣлью государство и подвластные ему народы; постоянное начало, руководящее имъ въ его распоряженіяхъ, это — достоинство имперіи и благоденствіе подданныхъ.

Личныя его качества суть набожность, вѣра, и великая любовь къ правосудію, оказываемому имъ всѣмъ и весьма ускореннымъ образомъ. Онъ во всемъ требуетъ точности и акуратности; его правила въ согласіи съ большой умѣренностію. Его благодѣянія посвящены благодарности, и облегченію человѣчества. Характеръ его обнаруживаетъ большой задатокъ возвышенныхъ чувствъ и благородства, и восхищеніе его всѣмъ тѣмъ, что проистекаетъ изъ начала древняго и благороднаго рыцарства. Мальтійскій орденъ, служащій образцомъ и примѣромъ, самимъ своимъ учрежденіемъ и образомъ дѣйствій, для него предметъ уваженія и любви[33].

Царствованіе его будетъ спокойно и счастливо; весьма отдаленный, по своимъ правиламъ и по личному характеру, отъ всякихъ исполинскихъ и честолюбивыхъ замысловъ, его политическая система состоитъ въ сохраненіи мира и добромъ согласіи со всѣми, особенно же съ сосѣдями; отнюдь не мѣшаться въ чужія дѣла и не посяг-

[33] Расказываютъ, что Императрица Екатерина, желая развить въ В. К. Павлѣ Петровичѣ рыцарскія чувства, подарила ему Исторію Мальты аббата Верто (Vertot).

restreindre toutes ses vues dans les bornes de son empire. Il a la sagesse de savoir bien apprécier la vaine gloire des conquêtes, connaît toutes les playes qui les accompagnent toujours, et il sait combien pour un vaste empire toute conquête est inutile et même dangereuse. Il n'a pas tenu à lui d'en donner un grand exemple par la restitution même de toute la Pologne, dont il a toujours désapprouvé le Partage; il aurait bien desiré de rétablir cette ancienne République, et il n'y a que les considérations bien différentes des deux autres Cours co-partageantes, avec lesquelles il aurait fallu nécessairement s'entendre, qui ont pu le retenir.

Voilà le portrait que tous les Ministres Etrangers en résidence ici ont fait de ce Prince juste, bienfaisant, moderé, éclairé et sage. Le Souverain régnant de Russie préfère à la gloire illusoire et momentanée des armes celle bien plus solide et vraie de faire le bonheur de son empire.

Les mêmes principes ont dirigé le Souverain dans le choix de son nouveau Ministère.

гать ни на чьи права, и ограничить цѣль своей дѣятельности въ предѣлахъ своей Имперіи. Онъ имѣетъ мудрость по достоинству оцѣнивать тщетную славу завоеваній, ему знакомы всѣ раны, всегда наносимыя завоеваніями и онъ знаетъ сколь всякое завоеваніе безполезно и даже опасно для обширнаго государства. Не отъ него зависѣло дать тому доказательство возвращеніемъ всей Польши, раздѣлъ коей онъ постоянно порицалъ; онъ весьма желалъ возстановить эту древнюю республику; только весьма рознящіяся соображенія прочихъ двухъ дворовъ участвовавшихъ въ раздѣлѣ, съ коими надлежало согласиться, могли его остановить.

Таковъ сдѣланный всѣми пребывающими здѣсь чужестранными посланниками, портретъ этого правосуднаго, благотворительнаго, просвѣщеннаго и мудраго Монарха. Нынѣ царствующій въ Россіи Государь предпочитаетъ тщетной и мимолетной славѣ оружія, болѣе прочную и истинную славу сдѣлать счастіе государства[34].

Тѣ же начала руководили Государемъ при выборѣ его новаго министерства.

[34] Характеристика Императора Павла схожа съ характеристикой Великаго Князя Павла Петровича въ запискахъ Сегюра, въ письмахъ принца де Линьи. Прусскій посланникъ въ Петербургѣ графъ Сольмсъ писалъ о Павлѣ Петровичѣ во время его перваго бракосочитанія съ принцессой Гессенъ-Дармштадтской, въ 1773 году.

«Великій Князь небольшаго роста, но черты лица его прекрасны, прекрасно сложенъ, разговоръ и манеры его пріятны, необыкновенно тонко образованъ, ласковъ и добронравенъ. Въ этомъ прекрасномъ созданіи находится прекраснѣйшая, честнѣйшая, человѣколюбивѣйшая, великодушнѣйшая и въ тоже время, чистѣйшая и невиннѣйшая душа, знающая зло только съ дурной стороны, и на столько оное знаетъ, на сколько нужно для рѣшимости самому избѣгать зло и порицать его въ другихъ. Однимъ словомъ нельзя достаточно сказать хорошаго объ этомъ принцѣ, и да сохранитъ его Богъ въ тѣхъ намѣреніяхъ, которыя его теперь занимаютъ. Если бы я сказалъ больше, то я самъ бы заподозрѣлъ себя въ лести».

Въ 1782 г. Великій Князь Павелъ Петровичъ говорилъ графинѣ Розенбергъ въ Венеціи: «Не знаю буду ли я на престолѣ, но если моя судьба возведетъ на него, не удивляйтесь тому, что вы тогда увидите, меня творящимъ. Вы знаете мое сердце, но вы не знаете этихъ людей, я же знаю какъ ихъ слѣдуетъ вести».

Mr. le Comte d'Ostermann, Chancelier de l'Empire, Ministre très-honnête et respectable conserve à juste titre la réputation que ses longs services lui ont acquise.

Le Comte de Bezborodko a une très grande influence qui est dûe à ses connaissances utiles et à ses profondes lumières. Au fait de toutes les affaires de l'Empire par une très-longue administration, et de tous les besoins de l'état il est plutôt employé pour les dispositions et les règlemens qui regardent l'interieur que pour le courant des affaires étrangères.

Le Prince Alexandre Kourakin est auprès du Souveraim le Ministre de confiance, et l'ami du coeur. Il a des principes honnêtes, nobles, et très-élevés: et il pense en tout comme son Maître. Il est désigné à la première place de l'Empire; et il en est digne. L'Ordre de Malte lui doit toute sa reconnaissance; il en est le créateur en Russie, et il en sera constamment l'appui et le soutien. Comme il m'honore de ses bontés particulières et que j'ai été lié avec lui d'amitié du tems même de sa retraite, c'est avec une véritable effusion de coeur qu'il s'est occupé tout de suite et avec tant d'empressement de nos affaires. Je ne saurais assez exprimer sa propre satisfaction d'en avoir fait le premier essay de son ministère et d'y avoir si bien réussi. La Convention de Malte est le Traité qui a été fait le premier sous le nouveau règne.

Графъ Остерманъ, государственный канцлеръ, весьма честный и уважаемый министръ, сохраняетъ репутацію, весьма справедливо имъ пріобрѣтенную его продолжительными заслугами.

Графъ Безбородко имѣетъ большое вліяніе, принадлежащее ему по его полезнымъ познаніямъ и глубокому просвѣщенію. Вполнѣ знакомый со всѣми дѣлами имперіи въ слѣдствіе весьма продолжительнаго управленія, и со всѣми государственными нуждами. онъ болѣе употребляемъ по распоряженіямъ и устройству относящимся до внутреннихъ дѣлъ, чѣмъ по дѣламъ иностраннымъ.

Князь Александръ Куракинъ занимаетъ при Императорѣ мѣсто довѣреннаго министра и сердечнаго друга. Правила его честны, благородны и очень возвышенны; его мысли во всемъ согласны съ мыслями его Государя, онъ предназначенъ на высшую государственную должность и онъ достоинъ ея. Мальтійскій орденъ долженъ быть ему вполнѣ благодаренъ; онъ его творецъ въ Россіи и онъ будетъ постоянно его поддерживать и ему пособлять. Такъ какъ онъ меня удостоиваетъ своимъ отмѣннымъ благорасположеніемъ, и во вниманіе того, что я съ нимъ былъ связанъ дружбой во время его удаленія *, онъ съ истиннымъ, сердечнымъ изліяніемъ, немедленно озаботился о нашихъ дѣлахъ, съ особенною предупредительностію. Я недостаточно могу выразить собственное его удовольствіе, что онъ сдѣлалъ изъ этого дѣла, первый опытъ своей министерской дѣятельности и такъ удачно въ томъ успѣлъ. Мальтійская конвенція есть первый договоръ, заключенный въ нынѣшнее царствованіе.

* См. пр. 6.

Dans les lettres que V. A. Em-me adressera à Mr. le Comte de Bezborodko, et à Mr. le Prince Kourakin pour leur décerner l'honneur de la croix de dévotion, je La supplie de les nommer Chevaliers de la Grande-Croix en omettant le mot *Honoraires* et d'y ajouter même, si cela se peut, la qualité de *Membre Honoraire du Grand-Conseil Suprême de l'Ordre*. Cette qualification qu'il me paraît que V. E. peut facilement glisser dans une lettre particulière, n'est d'aucune conséquence sera ici extrêmement agréable et servira à donner encore plus de relief aux grâces de Votre Altesse Eminentissime.

J'espère que V. Em-ce aura la bonté de m'envoyer par le retour du courier six Croix de Malte en or des plus grandes dans leur étui respectif avec les six lettres particulières et séparées que V. A. Em-me m'enverra pour les six personnes nommées dans ma Relation.

Je ne saurais me dispenser de suggérer à V. A. Em-me une idée qui serait ici très agréable et bien appréciée. Ce serait celle de destiner à S. M. l'Empereur une ancienne croix de Malte qui eût autrefois appartenu à Vil-

---

Въ граматахъ, которыя Ваше Преимущество отправите на имя графа Безбородко[35] и князя Куракина съ назначеніемъ имъ креста Благочестія, я умоляю васъ назвать ихъ кавалерами Большаго креста, съ опущеніемъ выраженія «почетный»[36] и присовокупить, если возможно, наименованіе «почетнаго члена высочайшаго главнаго орденскаго совѣта». Это наименованіе, которое мнѣ кажется Ваше Преимущество можетъ ввернуть въ частномъ письмѣ, не можетъ имѣть послѣдствій и здѣсь будетъ весьма пріятно и выставитъ въ лучшемъ свѣтѣ милости, оказываемыя Вашимъ Преимуществомъ.

Надѣюсь что съ возвращеніемъ курьера Ваше Преимущество соблаговолите прислать мнѣ шесть Мальтійскихъ крестовъ наибольшаго размѣра въ соотвѣтствующихъ футлярахъ, съ шестью отдѣльными частными письмами, которыя Ваше Преимущество мнѣ доставитъ для шести лицъ, поименованныхъ въ моей реляціи.

Я не могу не указать Вашему Преимуществу мысль, которая здѣсь будетъ очень пріятна и хорошо оцѣнена. Хорошо было бы назначить для Его Императорскаго Величества древній Мальтійскій крестъ, прежде принадлежавшій Вильерсу, Де-Лиль Адаму, Лавалету[37] или д'Обюссону; я не сомнѣваюсь, что таковой найдется или въ

[35] Графъ Александръ Андреевичъ Безбородко родился въ 1746 году, съ 1797 года канцлеръ и князь. Умеръ 6-го Апрѣля 1799 года. Съ 1775 года онъ былъ секретаремъ при Императрицѣ. Особенное вліяніе на дѣла иностранныя имѣлъ съ 1780 по 1792 годъ, утратилъ съ 1792 года свое значеніе вслѣдствіе вліянія Зубова.

[36] Сравн. пр. 14 и 20. Почетные (ad honores), тоже что кавалеры di grazia.

[37] Между древними крестами, присланными въ Петербургъ, находился древній крестъ, привѣшенный къ образу Богородицы въ Палермѣ. (Boisgelin. T. III. p. 130). Этотъ крестъ, приписываемый Лавалету и другой крестъ, приписываемый д'Обюссону, значутся въ Историческомъ описаніи Московской оружейной палаты (1807 г.), и одинъ изъ двухъ крестовъ гравированъ въ этомъ изданіи.

liers de l'Isle-Adam, à la Vallette, ou à d'Aubusson, et je ne doute pas qu'on n'en trouve une ou dans notre Eglise de St. Jean ou dans l'Armerie, ou au Trésor. Je suis très-certain qu'on en retrouvera, surtout si on la cherche avec une bonne envie de la trouver. V. E. sait mieux que moi que c'est la foi qui produit les miracles.

Dans le cas que ces recherches soient inutiles, il sera également agréable à S. M. l'Empereur de se décorer de la même Croix que V. A. Em-me aura portée, et je La supplie de me mettre à même de faire valoir ainsi cette attention de V. A. Em-me.

S. M. l'Empereur donne en toute proprieté à l'Ordre de Malte, comme je l'ai déjà annoncé dans ma Relation, un palais des plus grands et des plus magnifiques qu'il y ait dans cette résidence Impériale. Il sera nommé Palais de Malte; et l'Ordre aura le droit d'élever extérieurement sur la façade les armes de la Religion, et celles du Grand-Maître régnant; ce qui est une distinction sans exemple en Russie, où elle n'est pas accordée ni aux Princes du Sang, ni aux Ambassadeurs.

V. E. voudra bien m'autoriser à faire les dépenses qui seront nécessai-

нашей церквѣ св. Іоанна или въ оружейной или въ казначействѣ. Я вполнѣ увѣренъ, что таковой крестъ отыщется, особенно если поискать съ добрымъ желаніемъ найти. Ваше Преимущество лучше меня знаете, что вѣра порождаетъ чудеса.

Въ случаѣ же, если бы поиски остались тщетны, было бы также пріятно Его Величеству Императору надѣть на себя крестъ, носимый Вашимъ Преимуществомъ и я умоляю васъ дать мнѣ возможность выставить на видъ это вниманіе Вашего Преимущества.

Его Величество Императоръ отдаетъ въ полное владѣніе Мальтійскому ордену, какъ я уже о томъ извѣщалъ въ моей реляціи, одинъ изъ самыхъ большихъ и великолѣпнѣйшихъ дворцовъ, находящихся въ здѣшней Петербургской резиденціи. Онъ будетъ именоваться Мальтійскимъ дворцомъ; и орденъ будетъ имѣть право выставить на фасадѣ орденскій гербъ[38] и гербъ правящаго Великого Магистра, это безпримѣрное отличіе въ Россіи, оно не даруется ни принцамъ крови, ни посламъ.

Ваше Преимущество благоволите мнѣ разрѣшить расходы, необходимые для устрой-

[38] Гербъ религіи. Религіей назывался орденъ Мальтійскій. Выраженіе, отмѣчаемое о. Морошкинымъ (Iезуиты ч. 1, стр. 320 въ подстр. прим. 1867 г.) и употребленное гр. Литтой въ рѣчи, въ коей онъ проситъ Императора принять титло протектора Религіи Мальтійскихъ рыцарей — есть лишь издавна употребляемое выраженіе для обозначенія ордена и не относится до вѣроисповѣданія рыцарей. Орденскія галеры назывались galères de la Religion. Впрочемъ этаго выраженія въ рѣчи нѣтъ. Въ рѣчи приведенной Boisgelin (Malte ancienne et moderne. Томъ III, стр. 131—135), сказано protecteur de l'ordre de Malte. Митрополитъ Сестренцевичъ могъ употребить одно выраженіе вмѣсто другаго, какъ равнозначущія; можетъ быть въ печати признано было приличнѣе замѣнить одно выраженіе другимъ.

Домъ даруемый ордену, нынѣшній Пажескій Корпусъ, принадлежалъ прежде Воронцовымъ. Рескриптомъ 26-го Февр. 1810 года, на имя фельдмаршала графа Салтыкова, Высочайше повелѣно принять домъ въ казну. № 24.134 § 7. (Полн. Собр. Зак.).

res pour l'arrangement d'une Chapelle Catholique. Je tâcherai qu'elle brille, plutôt que par tout autre ornement, par une auguste simplicité, principal attribut de notre sainte Religion. Je demande la permission de dédier cette Chapelle à St. Jean et à St. Paul. Il me sera bien agréable d'en faire faire la cérémonie par l'Archevêque de Thébes qui sera en même tems ici en qualité de Nonce Apostolique du Saint Siége.

Je ne doute pas que V. Em-ce et l'Ordre en général ne laissent au choix de S. M. l'Empereur, comme cela a été pratiqué pour d'autres Souverains en pareilles occasions, la nomination des premiers individus du nouveau Grand-Prieuré de Russie. Je puis répondre que S. M. Impériale laissera de même en liberté de V. A. Em-me de donner à présent à qui Elle voudra la première Commanderie de Grâce. Je tâcherai dans peu d'indiquer à V. E. quelque Chevalier Polonais qui en sera digne par sa conduite et ses sentimens, et sera à même de faire applaudir ici au choix de V. A. Em-me.

Pour éviter tout embarras et retard ultérieur à l'exécution de la Convention qui a été signée, il est important que je prévienne V. Em-ce que les

---

ства Римской церкви. Я постараюсь, чтобы она блестѣла болѣе строгой простотой, главнымъ отличіемъ нашей святой вѣры, чѣмъ какими либо другими украшеніями. Я прошу позволенія посвятить эту церковь св. Іоанну и св. Павлу. Мнѣ будетъ очень пріятно поручить обрядъ освященія архіепископу Ѳивскому[39], который будетъ въ тоже время здѣсь въ качествѣ апостолическаго нунція.

Я не сомнѣваюсь, что Ваше Преимущество и орденъ вообще предоставятъ выбору Его Императорскаго Величества, какъ это дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ для другихъ монарховъ, назначеніе первыхъ членовъ великаго пріората Россійскаго. Я могу вамъ поручиться, что Его Императорское Величество тоже вполнѣ предоставитъ Вашему Преимуществу даровать кому вы заблагоразсудите первое милостивое командорство[40]. Я вскорѣ постараюсь указать Вашему Преимуществу какого либо Польскаго кавалера, достойнаго того своимъ образомъ дѣйствій и мыслей, и могущаго заслужить здѣсь одобреніе вашего выбора.

Для избѣжанія всякой помѣхи и остановки къ исполненію подписанной конвенціи, необходимо предупредить Ваше Преимущество, что ратификаціи, которыя вы мнѣ от-

[39] Братъ графа Литты, бывшій въ то время нунціемъ въ Варшавѣ, прибылъ въ Россію послѣ коронованія Императора Павла. Объ удаленіи его изъ Россіи и прекращеніи нунціатуры объявлено Высочайшимъ Именнымъ повелѣніемъ генералу отъ инфантеріи Беклешеву 29 Апрѣля 1799 года № 18.949. О Римско-Католической Мальтійской церкви упоминается въ росписаніи расходовъ 13 Ноября 1798 года № 18.748. Полн. Собр. Зак. Т. LXIV. гл. II. О нунціѣ упоминается въ депешахъ 57 и 59, сравн. также пр. 25.

[40] Commanderie de Grace (di Grâzia), тоже что Магистральное, упоминаемое въ прим. 12. По статутамъ великіе магистры имѣли право назначать каждыя пять лѣтъ одного командора на открывшуюся вакансію. Съ этихъ командорствъ поступала мѣстная годовая плата (annati) и другія подати въ пользу гросмейстера. Это наименованіе давалось въ отличіе отъ командорствъ по старшинству (di Justizzia). Въ конвенціи 4 (15) Янв. 1797 г. ст. XVIII командорство это названо «по милости даемое».

Ratifications qu'Elle daignera m'envoyer, soient amples, générales et sans aucune restriction quelconque. Si V. Emin-ce est dans le cas de faire quelque observation ou quelque changement, Ella pourra m'en informer particulièrement par des instructions à part; car je serai à même ici de faire adopter des articles additionnels, ou bien des modifications pour ceux qui sont déjà arrêtés.

Je n'ai pas fait encore avec les Plénipotentaires de Russie l'échange des Pleins-pouvoirs, et nous avons decidé de le faire en même tems que celui de Ratifications. Le Ministère Impérial pour ne pas retarder d'avantage la conclusion finale de nos affaires, et vu la distance, a bien voulu m'admettre comme Plein-pouvoir valable le Décret du Sacré Conseil du 13 Avril 1795. par le quel cependant je ne suis autorisé qu'auprès de S. M. L'Impératrice défunte. Il faut que mes Pleins-pouvoirs et les Ratifications de l'Ordre reconnaissent l'Empereur régnant Paul I.

Je joins ici pour ne rien omettre un modèle des Pleins-pouvoirs cotté lit. B. et des Ratifications cotté lit. C., qui sont en usage ici. V. A. Em-me pourra y faire ajouter toutes les formes usitées dans l'Ordre de Malte, en observant que ces pièces doivent être contre-signées, et porter l'empreinte en cire du Grand-Sceau. Il sera convenable que cette formalité ne soit ja-

---

правите должны быть полны, всеобщи, и безъ всякаго ограниченія. Если Ваше Преимущество признаете нужнымъ сдѣлать какое либо замѣчаніе или измѣненіе, то вы можете меня о томъ увѣдомить отдѣльно, особенными инструкціями; потому что я нахожусь въ положеніи провести здѣсь добавочныя статьи или измѣненія статей уже утвержденныхъ [41].

Я еще не дѣлалъ съ русскими уполномоченными обмѣна полномочій; мы согласились это сдѣлать вмѣстѣ съ обмѣномъ ратификацій. Императорское министерство, чтобы не задерживать долѣе окончательное заключеніе нашихъ дѣлъ, и принимая во вниманіе разстояніе, благоволило принять за достаточное полномочіе Декретъ Священнаго Совѣта отъ 13 Апрѣля 1795 г., по коему я уполномоченъ лишь при Ея Величествѣ покойной Императрицѣ. Необходимо, чтобы мои уполномочія и ратификаціи ордена были бы на имя царствующаго Императора Павла I.

Прилагаю при семъ, чтобы ничего не упустить изъ виду, образецъ полномочій подъ лит. В. и ратификацій подъ лит. С., которыя здѣсь употребительны. Ваше Преимущество можете приказать добавить тѣ формальности, которыя приняты въ Мальтійскомъ орденѣ, съ соблюденіемъ, чтобы эти документы были скрѣплены и снабжены восковыми печатями большаго герба. Слѣдуетъ постоянно соблюдать эту формальность

[41] Графъ Литта заключилъ 17 (28) Ноября 1797 г. № 18.249, Полн. С. З. прибавочныя статьи къ конвенціи 4 (15) Января 1797 г. Французскій текстъ у Мартенса Recueil T. VII. p. 166. Они относятся до конвентуальныхъ капеляновъ при орденскихъ церквахъ въ Россіи и Мальтѣ и учрежденія съ сей цѣлью шести новыхъ командорствъ. Статья VII оговариваетъ о принадлежности общественному казначейству въ Мальтѣ доходовъ во время не занятія командорствъ въ случаѣ смерти или опорожненія (mortuaire et vacant).

mais omise toutes les fois qu'il s'agira de quelque papier auquel nous voulons donner plus de relief et d'authenticité.

Votre Eminence est informée de la prière que je Lui ai déjà adressée relativement à la demande d'une Croix de dévotion pour Mad-me la Comtesse de Tauentzien épouse du Ministre de Prusse à Pétersbourg. Cette grâce de V. A. Em-me nous sera certainement utile pour les affaires de l'Ordre à la Cour de Berlin, vu les relations de parenté de cette famille avec les principaux Ministres de la dite Cour.

Les intérêts de Malte en Prusse sont d'une certaine conséquence, si l'on considère que toutes les Commanderies de la Silésie qui n'ont maintenant aucune activité, jointes aux Commanderies de Malte dans la Pologne Prussienne pourront former facilement un Grand-Prieuré de Prusse en toute activité dans l'Ordre, et mis sur le pied de tous les autres. Différens entretiens que j'ai eu ici avec Mr. le Comte de Tauentzien sur cet objet. me répondent d'avance de la facilité de son exécution, et des bonnes dispositions de S. M. Prussienne. Je ne doute pas, que V. A. Em-me qui porte ses sollicitudes paternelles sur tous les objets relatifs au bien de son Ordre, ne prenne en considération celui-ci qui peut devenir un jour pour nous d'une conséquence majeure.

Je n'ai pas perdu de vue les différentes recommandations dont V. A.

каждый разъ когда дѣло идетъ о какомъ либо документѣ, коему мы желаемъ придать больше важности и достовѣрности.

Вашему Преимуществу уже извѣстна моя просьба относительно испрашиваемаго креста для графини Тауенцинъ, супруги Прусскаго посланника въ Петербургѣ. Эта милость Вашего Преимущества намъ навѣрное будетъ полезна для орденскихъ дѣлъ при Берлинскомъ дворѣ, по родственнымъ отношеніямъ этой фамиліи съ главными министрами этого двора.

Мальтійскіе интересы въ Пруссіи [42] имѣютъ довольно важное значеніе, если обратить вниманіе, что всѣ Силезскія командорства, неимѣющія нынѣ никакого дѣятельного участія въ орденѣ, соединенныя съ Мальтійскими командорствами въ Прусской Польшѣ, могутъ легко образовать Великій Прусскій пріоратъ, который войдетъ въ дѣятельный составъ ордена, будучи поставленъ на равную ногу съ прочими. Я имѣлъ здѣсь нѣсколько разговоровъ по этому предмету съ графомъ Тауенциномъ; я въ нихъ нахожу удостовѣреніе въ легкости исполненія и въ хорошемъ расположеніи короля Прусскаго. Я не сомнѣваюсь, что Ваше Преимущество, обращая свою отеческую заботливость на всѣ предметы касающіяся блага ордена, приметe въ соображеніе это обстоятельство, которое можетъ имѣть въ будущемъ значеніе первой важности.

Я не упустилъ изъ виду разныя рекомендаціи Вашего Преимущества относи-

[42] Объ учрежденіяхъ Мальтійскаго ордена въ Пруссіи слѣдуетъ сравнить изложенное въ пояснительной запискѣ. Сравн. пр. 52.

Em-me m'a chargé auprès de la Cour de Pétersbourg pour plusieurs Chevaliers qui désirent entrer au service de Russie, et pour Mr. Pellegrin. Mais j'ai cru pour le présent de ne pas insister sur ces demandes, vu que l'on m'a fait entendre que S. M. l'Empereur outre la grande quantité qu'on lui avait adressée de cette nature, il y avait encore beaucoup d'individus qu'il avait connus personnellement et qu'il aurait voulu aider de préférence. J'ai cru qu'il était de notre délicatesse, dans un tems où l'on fait tout pour nous, de ne pas trop insister ni multiplier nos demandes. Cependant je ne négligerai pas l'occasion de le faire plus à propos à l'avenir, et je ne perds pas l'espérance de pouvoir y réussir.

J'aurais pu omettre dans le Traité de Convention plusieurs articles partiels qui se trouvent déjà compris dans les conditions générales convenues et stipulées de part et d'autre. Mais j'ai cru plus utile, dans un pays surtout où l'Ordre de Malte et ses Statuts ont été si peu connus et suivis jusqu'à présent, d'en spécifier les plus essentiels et de rendre cette Convention une espèce d'Instruction générale où tout individu qui voudra à l'avenir se consacrer à notre Ordre puisse y trouver énoncés ses droits et ses devoirs.

J'espère de n'avoir rien omis d'important dans cette longue dépêche de

тельно нѣсколькихъ кавалеровъ, желающихъ поступить въ Русскую службу, и касательно г. Пеллегрини. Но я не счелъ удобнымъ настаивать въ настоящее время касательно этихъ просьбъ, потому что мнѣ было замѣчено, что Его Императорское Величество имѣетъ, кромѣ большого количества подобныхъ просьбъ, много лицъ, Ему извѣстныхъ и которымъ онъ желаетъ предпочтительно пособить. Я полагалъ, что деликатность, требуетъ съ нашей стороны, въ то время какъ для насъ дѣлаютъ всевозможное, чтобы мы не настаивали и не увеличивали числа нашихъ просьбъ. Однако я не пренебрегу воспользоваться случаемъ, чтобы кое что устроить при удобномъ случаѣ, и не теряю надежды на успѣхъ.

Я могъ бы устранить въ договорной конвенціи нѣсколько частныхъ статей, которыя уже включены въ общихъ условіяхъ, съ обѣихъ сторонъ постановленныхъ. Но я счелъ болѣе полезнымъ, особенно въ странѣ гдѣ Мальтійскій орденъ и его статуты такъ мало доселѣ извѣстны и примѣнены, обозначить самые существенные и сдѣлать изъ этой конвенціи какъ бы общую инструкцію [43], въ которой каждое лицо, желающее посвятить себя нашему ордену, можетъ найти изложеніе своихъ правъ и обязанностей.

Надѣюсь, что я ничего не упустилъ изъ виду въ этой длинной депешѣ, ничего

[43] Дѣйствительно, въ Полномъ Собраніи Законовъ всѣ акты, въ коихъ принималъ участіе графъ Литта имѣютъ въ отношеніи внутренняго устройства Мальтійскаго ордена воучительный характеръ. Всѣ спеціальныя выраженія и объясненія оныхъ при настоящемъ переводѣ заимствованы изъ этихъ актовъ.

tout ce qui peut avoir rapport pour le moment à nos affaires. Pour ce qui concerne tous les autres arrangemens successifs et à venir, j'aurai l'honneur dans la suite de demander dans ma correspondance les ordres ultérieurs de V. A. Em-me.

Je La supplie en attendant de me fournir les instructions les plus détaillées et précises sur tous les points. V. Em-ce verra Elle même l'importance de m'accorder les autorisations et pleins-pouvoirs analogues pour tous les cas qui pourront arriver, et dont le retard, vu la distance pourrait quelque fois même nuire au bien du service.

Outre tous les papiers annexés à ma Relation et cités sous les Numéros respectifs, je joins à cette expédition un Cahier cacheté avec mes armes sous le titre de Pièçes Secrètes. V. A. Em-me daignera en prendre connaissance Elle même, et pourra les communiquer ensuite aux personnes qui ont l'honneur de mériter Sa confiance.

Malgré toutes les difficultés et les obstacles que j'ai rencontrés j'ai eu le bonheur d'avoir terminé heureusement les affaires de l'Ordre de Malte dans le Nord, et d'avoir rempli, j'ose croire, dignement les ordres et les instructions de V. A. Em-me. Mon zèle, mes efforts et ma persévérance ont été couronnés par un plein succès. Je serai au comble de mes voeux, ma satisfaction sera entière, si V. A. Em-me daigne m'accorder l'honneur de Son approbation. J'ose la réclamer avec confiance, et j'espère de l'obtenir de ses bontés pour moi, et de Son indulgence.

важнаго, въ настоящее время имѣющаго отношеніе къ нашимъ дѣламъ; что касается до будущаго и послѣдовательнаго устройства, я буду имѣть честь испрашивать въ послѣдствіи дальнѣйшія приказанія Вашего Преимущества.

Умоляю васъ между тѣмъ доставить мнѣ указанія самыя подробныя и точныя по всѣмъ пунктамъ. Ваше Преимущество сами признаете какъ важно меня снабдить разрѣшеніями и полномочіями, соотвѣтствующими на всѣ возможные случаи; остановки, принимая въ соображеніе разстояніе, могутъ быть иногда вредны даже для пользы службы.

Кромѣ приложеній къ моей реляціи, упоминаемыхъ при соотвѣтствующихъ нумерахъ, я прилагаю при семъ, за собственною моею печатью, тетрадь подъ названіемъ: секретныя бумаги. Благоволите ознакомиться съ этими документами сами, и сообщить ихъ тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ честь пользоваться Вашимъ довѣріемъ.

Не смотря на всѣ затрудненія и препятствія мною встрѣченныя, я имѣлъ счастіе успѣшно окончить дѣла Мальтійскаго ордена на сѣверѣ, и исполнить, смѣю надѣяться, достойнымъ образомъ приказанія и инструкціи Вашего Преимущества. Мое усердіе, мои усилія и настойчивость были увѣнчаны совершеннымъ успѣхомъ. Для меня будетъ верхъ блаженства, я вполнѣ буду удовлетворенъ, если Ваше Преимущество сдѣлаете мнѣ честь выразить ваше одобреніе. Смѣю просить того, съ полной

Je supplie V. A. Em-me de vouloir bien agréer les voeux sincères que je forme pour Sa prosperité et les assurances en même tems de ma vénération et du profond respect avec le quel je suis.

Monseigneur De Votre Altesse Eminentissime

à Pétersbourg ce 7 (18) Janvier 1797.

№ 62 *.

Monseigneur

C'est par l'occasion particulière de Mr. le Chevalier O'Hara qui part directement et en toute diligence pour Naples, que j'ai l'honneur d'envoyer ma dépêche d'aujourd'hui à Votre Altesse Em-me. Comme le dit Chevalier O'Hara compte de s'arrêter quelque tems dans cette ville avant que de se rendre à sa destination à Malte, c'est à Mr. le Bailli Francone, que j'adresse ma dépêche pour la faire parvenir ensuite à Votre Eminence d'une manière prompte et sûre.

Mr. le Chevalier O'Hara qui a l'honneur d'être déjà connu de Votre Altesse Em-me, et d'avoir reçu des marques de Sa bienveillance, n'a pas besoin d'une nouvelle récommandation auprès de Votre Eminence. Mais à sa demande je me suis prêté à lui accorder une lettre pour Votre Altesse Em-me, désirant moi-même par cette occasion de rendre justice aux sentimens de respect, de vénération et de dévouement qu'il n'a cessé de manifester pendant son-séjour en Russie pour la personne de Votre Altesse Em-me, et pour l'Ordre de Malte.

увѣренностію, и надѣюсь удостоиться, зная ваше ко мнѣ доброе расположеніе и ваше снисхожденіе.

Умоляю Ваше Преимущество благоволить принять и проч.

С. Петербургъ 7 (18) Января 1797 г.

* Переводъ.

№ 62. Пользуясь особеннымъ случаемъ имѣю честь отправить сегодняшнюю депешу къ Вашему Преимуществу съ отправляющимся прямо наипоспѣшнѣйшимъ образомъ въ Неаполь, кавалеромъ О'Гара. Такъ какъ кавалеръ О'Гара намѣренъ остановиться на нѣкоторое время въ Неаполѣ прежде чѣмъ отправиться по назначенію въ Мальту, я адресую мою депешу Бальи Франконе, для дальнѣйшаго доставленія ея къ Вашему Преимуществу скорымъ и вѣрнымъ путемъ.

Кавалеръ О'Гара, уже извѣстный Вашему Преимуществу и пользовавшійся знаками вашего расположенія, не нуждается въ новой рекомендаціи къ Вашему Преимуществу. Но по его просьбѣ я рѣшился дать ему къ вамъ письмо, чтобы при этомъ случаѣ засвидѣтельствовать чувства уваженія, почтенія и преданности изъявляемыя имъ во время его пребыванія въ Россіи къ Особѣ Вашей и Мальтійскому ордену.

C'est une très-bonne acquisition que nous venons de faire, et je m'applaudis d'avoir contribué à sa nomination et d'y avoir pu réussir. Je ne doute pas que sa résidence à Malte ne puisse prévenir tout mal entendu à l'avenir, et que son honnêteté personnelle et son attachement pour nous ne le porte à éviter soigneusement tout coloris altéré et ce faux jour qu'on a mis dans l'exposition des affaires jusqu'à présent, et a pu nuire quelque fois à la bonne intelligence qui doit exister entre les Gouvernemens respectifs.

J'ai déjà rendu compte à Votre Altesse Em-me de l'intervention efficace et directe par laquelle Mr. le Duc de Serra Capriola Ministre de Sa Majesté le Roi de Naples a contribué au bon succès des négociations de l'Ordre de Malte en Russie. Je m'empresse de faire connaître de même l'intérêt qui y ont également pris Mr. le Comte de Cobenzl Ambassadeur de Vienne, et Mr. le Chevalier d'Onis Ministre d'Espagne, avec les quels je suis intimement lié, et qu'ils m'ont témoigné de la part de leurs cours respectives pendant la marche de mes négociations. J'ai soigneusement cultivé ces précieux sentimens de leurs souverains, et les bonnes dispositions des Ministres, à qui je n'ai pas manqué de témoigner à la fois toutes sortes d'attention, une entière confiance qui pouvait nous les affectionner d'avantage, et la reconnaissance de l'Ordre de Malte.

C'est par une suite de ces sentimens de notre part qu'en attendant que le Traité que nous venons de signer, soit ratifié et publié, j'ai cru d'en faire

---

Это хорошее для насъ пріобрѣтеніе и я весьма доволенъ, что содѣйствовалъ его назначенію и что я въ томъ успѣлъ. Не сомнѣваюсь, что его пребываніе въ Мальтѣ предотвратитъ на будущее время всякія недоразумѣнія; его личная честность и его къ намъ привязанность заставятъ его старательно избѣгать всякій невѣрный оттѣнокъ и ложный свѣтъ, набрасываемый доселѣ на представленіе нашихъ дѣлъ, вредившій можетъ быть иногда доброму согласію, которое должно существовать между обоими правительствами.

Я уже довелъ до свѣдѣнія Вашего Преимущества объ успѣшномъ и непосредственномъ участіи герцога Серра Капріола, посланника короля Неаполитанскаго, содѣйствовавшаго успѣху негоціацій Мальтійскаго ордена въ Петербургѣ. Спѣшу увѣдомить васъ также объ участіи принятомъ графомъ Кобенцелемъ, Австрійскимъ посломъ, и кавалеромъ д'Онисъ, Испанскимъ министромъ; я съ ними очень друженъ и во время хода переговоровъ они давали мнѣ доказательства участія, принимаемаго ихъ дворами въ нашемъ дѣлѣ. Я очень озабочивался о поддержаніи этихъ драгоцѣнныхъ чувствъ ихъ государей, и добраго расположенія представителей; я не преминулъ изъявлять въ отношеніи ихъ всякаго рода вниманіе, совершенное довѣріе, могущее ихъ все болѣе и болѣе къ намъ привязывать, и благодарность Мальтійскаго ордена.

Побуждаемый этими чувствами, я, въ ожиданіи ратификаціи и обнародованія подписаннаго нами договора, счелъ приличнымъ сдѣлать по этому предмету довѣри-

aux différens Ministres des Cours qui s'intéressent au bien être de l'Ordre de Malte, une communication confidentielle qui a été extrêmement agrée, et servira à faire connaître dans les Cours respectives sous son véritable point de vue le nouvel établissement de notre Ordre dans le Nord. Je joins ici sous le N° 1 l'Extrait tel que j'ai cru de le rédiger pour cet effet, et que j'ai fait circuler successivement entre les mains des susdits Ministres.

Outre les Croix de dévotion dont j'ai déjà fait mention dans ma précédente dépêche, je prens la liberté d'inviter Votre Altesse Em-me à en accorder encore deux qui seront certainement approuvées par Elle, et que je crois de quelque manière même dues. L'une est pour Mr. le Comte de Cobenzl Ambassadeur de Vienne qui pourrait être peiné d'en voir décoré le Ministre de Naples à titre de l'intervention, dont il a été l'instrument au nom de sa Cour pour les affaires de Malte, au bon succès des quelles Mr. l'Ambassadeur Comte de Cobenzl a témoigné aussi tout l'intérêt que la Cour

---

тельное сообщеніе нѣкоторымъ представителямъ дворовъ, принимающихъ участіе въ благоуспѣяніи Мальтійскаго ордена, это сообщеніе было принято съ крайнимъ удовольствіемъ и послужитъ къ установленію при этихъ дворахъ, правильнаго взгляда относительно новаго учрежденія, принадлежащаго ордену на Сѣверѣ. Прилагаю при семъ подъ № 1 извлеченіе, мною составленное съ сей цѣлью, нынѣ ходящее по рукамъ между этими министрами.

Кромѣ крестовъ Благочестія, упоминаемыхъ въ моей предъидущей депешѣ, осмѣливаюсь пригласить васъ даровать еще два; я увѣренъ что вы сами это одобрите, я съ моей же стороны считаю, что пожалованіе ихъ для насъ въ нѣкоторомъ родѣ обязательно. Одинъ, для графа Кобенцеля [44] посла Австрійскаго, который можетъ огорчиться, видя что посланнику Неаполитанскому даровано это отличіе за участіе имъ принятое отъ имени его двора, въ Мальтійскихъ дѣлахъ, тогда какъ графъ Кобенцель также содѣйствовалъ успѣху, засвидѣтельствовавъ также объ участіи принимаемомъ императорскимъ Вѣнскимъ дворомъ. На другой крестъ имѣетъ право графъ Сиверсъ [45], бывшій Русскимъ

[44] Графъ Кобенцель (Людовикъ) былъ назначенъ въ Петербургъ еще въ 1779 году. Умный и веселый собесѣдникъ Императрицы Екатерины II. Графъ Сегюръ упоминаетъ о немъ въ своихъ запискахъ. Въ 1797 году заключилъ миръ въ Кампоформіо, въ 1801 — Люневильскій договоръ. Послѣ того назначенъ Канцлеромъ и Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. Умеръ въ Вѣнѣ въ 1809 году.

[45] «Посолъ (Литта) мнѣ при Дворѣ, еще вчера вечеромъ сказалъ, что Гросмейстеръ воспоминаетъ съ благодарностію объ услугахъ оказанныхъ мною Мальтійскому Ордену во время моего Посольства въ Польшѣ, и что онъ считалъ долгомъ своимъ дать мнѣ явное тому доказательство, назначивъ меня почетнымъ кавалеромъ, по случаю учрежденія Русскаго Великаго Пріората, коему я тогда уже содѣйствовалъ моими услугами». Письмо графа Сиверса къ дочери 29 Ноября 1797. (Des Gr. J. I. Siewers Denkw. von Karl Ludwig Blum 1858. T. IV. стр. 379). Въ томъ же письмѣ: «и нынѣче меня Государь, стоявшій на тронѣ ударомъ меча содѣлалъ Мальтійскимъ рыцаремъ». Графъ Сиверсъ описываетъ въ этомъ письмѣ обрядъ посвященія въ Мальтійскіе рыцари и пріемъ графа Литты, получившаго по сему случаю званіе посла. Boisgelin подробнѣе описываетъ торжественную аудіенцію и приводитъ рѣчь графа Литты (Malte anc. et moderne стр. 129, т. III).

Графъ Яковъ (Іоаннъ) Ефимовичъ Сиверсъ, племянникъ гофмаршала Императрицы

Impériale de Vienne y prenait. L'autre me paraît due en quelque manière à Mr. le Comte Sievers qui était Ambassadeur de Russie à la dernière Diète de Grodno, et aux bons offices duquel nous devons les premières ouvertures faites à feue Sa Majesté l'Impératrice en faveur de l'Ordre de Malte. C'est un seigneur d'une famille très illustre, décoré de tons les Ordres de Russie, qui est maintenant ici Ministre d'État, et jouit auprès de Sa Majesté l'Empereur d'un crédit bien mérité. Il m'a parlé lui même de l'empressement qu'il a mis dans les circonstances qui se sont présentées à lui pendant son séjour en Pologne pour être utile à l'Ordre de Malte, et il m'a fait entrevoir combien il désire que je rappelle à Votre Altesse Em-me son zèle et ses bons services. Quant à ces deux croix de dévotion de notre Ordre que je demande à présent, je supplie Votre Eminence, si Elle daigne y consentir de m'autoriser à les accorder en son nom, mais en me laissant la liberté de le faire seulement alors que je le trouve le plus convenable.

Il est bien flatteur pour moi d'annoncer à Votre Altesse Em-me que Sa

---

посломъ при послѣднемъ сеймѣ въ Гроднѣ; его обязательному содѣйствію мы обязаны за первыя представленія, сдѣланныя покойной Императрицѣ въ пользу Мальтійскаго ордена. Это господинъ, принадлежащій къ весьма знаменитой фамиліи, украшенной всѣми Россійскими орденами; онъ теперь здѣсь въ должности министра при Его Императорскомъ Величествѣ и пользуется заслуженнымъ довѣріемъ. Онъ мнѣ самъ говорилъ съ какой предупредительностію онъ старался при каждомъ случаѣ, во время его пребыванія въ Польшѣ, быть полезнымъ Мальтійскому ордену, и онъ мнѣ отчасти далъ замѣтить, какъ ему желательно, чтобы я упомянулъ предъ Вашимъ Преимуществомъ объ его усердіи и услугахъ. Что касается до этихъ двухъ крестовъ благочестія нашего ордена, теперь мною испрашиваемыхъ, то я умоляю Ваше Преимущество, если соблаговолите на это согласиться, пожаловать ихъ отъ своего имени, но предоставивъ мнѣ свободу сдѣлать это въ то время, которое будетъ признано мною наиболѣе приличнымъ.

Для меня весьма лестно извѣстить Ваше Преимущество, что Его Императорское

графа Сиверса. Началъ свою служебную карьеру при Миссіи въ Копенгагенѣ и за тѣмъ въ Лондонѣ при Чернышевѣ. Во время семилѣтней войны вступилъ въ военную службу и участвовалъ въ этой войнѣ и сообщалъ Ивану Ивановичу Шувалову секретныя свѣдѣнія о распоряженіяхъ военнаго начальства. Въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины II былъ назначенъ губернаторомъ въ Новгородъ при введеніи новыхъ губернскихъ учрежденій. Съ 1776 по 1781 былъ Намѣстникомъ Тверскимъ, Новгородскимъ и Псковскимъ. Съ 1789 году по 1794 годъ посломъ въ Польшѣ. Сиверсъ не ладилъ съ Игельстромомъ и жаловался на него и вообще на молодыхъ генераловъ Императрицѣ. Императрица ему отвѣчала, что молодые, предпріимчивые генералы нужны, чтобы дѣло подвигалось, а что ошибки общи всѣмъ, молодымъ и старымъ. Письмо Сиверса и отвѣтъ Императрицы весьма замѣчательны. Siewers Denkw. IV, стр. 80 — 82. За тѣмъ Сиверсъ уѣхалъ въ деревню; въ Царствованіи Императоровъ Павла и Александра, Сиверсъ занимался устройствомъ Воспитательныхъ домовъ и пользовался особеннымъ довѣріемъ Императрицы Маріи Θеодоровны. Онъ занимался также публичными работами и въ особенности водяными сообщеніями.

Majesté l'Empereur en faisant une exception particulière en ma faveur a daigné me regarder comme admis dans le nouveau Grand-Prieuré de Russie, et comme tel me destiner à la première Commanderie de celles qu'il vient d'établir dans ses états. Cette grâce aussi signalée qu'inattendue que Sa Majesté Impériale a bien voulu de son propre mouvement m'accorder, ne saurait être certainement plus précieuse pour moi, étant un témoignage public et distingué de sa bienveillance et de sa satisfaction souveraine à mon égard. Mes voeux seront au comble, si Votre Altesse Em-me daigne aussi la regarder comme telle, et y joindre par son approbation suprême la récompense qui me flatte au-dessus de tout et la seule qui me reste encore à désirer.

Mon exactitude me porte à faire connaître à Votre Altesse Em-me sous le N°s 2 et 3 la lettre que Son Ex-ce Mr. le Vice-Chancelier Prince Kourakin m'a écrite à cette occasion pour m'annoncer les bienfaits de Sa Majesté l'Empereur, et la réponse que j'ai faite pour Lui témoigner mes remercîmens et ma reconnaissance.

Après le départ de mon courrier Sa Majesté l'Empereur m'a fait manifester que pour laisser encore d'avantage à l'Ordre de Malte le libre exercice de ses droits et pour que tout fût plus en règle, il était déterminé de ne pas procéder lui même à la première nomination des autres Commandeurs qui doivent composer le Grand-Prieuré de Russie. Je n'ai pas manqué de remercier Sa Majesté l'Empereur de cette nouvelle faveur de sa part, et

---

Величество сдѣлало особенное исключеніе въ мою пользу, соблаговоливъ признать меня какъ принятаго въ новый Великій Пріоратъ Россійскій, и потому назначило мнѣ первое командорство изъ учрежденныхъ имъ въ его владѣніяхъ. Это столь же отмѣнная, какъ и неожиданная милость, оказанная мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ, по собственному его побужденію, не можетъ быть для меня болѣе драгоцѣнна, потому что она есть явное и отмѣнное свидѣтельство его благорасположенія и Его Высочайшаго удовольствія въ отношеніи меня. Всѣ мои желанія будутъ вполнѣ увѣнчаны, если Ваше Преимущество соблаговолите одинаково взглянуть на эту милость, и вашимъ высокимъ одобреніемъ доставить награду лестную для меня свыше всего и единственную которую мнѣ еще остается желать.

Моя акуратность побуждаетъ меня представить Вашему Преимуществу за № 2-мъ и 3-мъ письмо Его Сіятельства Вице-Канцлера князя Куракина, написанное ко мнѣ по этому случаю для извѣщенія меня о милостяхъ Его Императорскаго Величества, и отвѣтъ мой для изъявленія моей благодарности и признательности.

Послѣ отправленія моего курьера, Его Императорское Величество велѣлъ мнѣ объявить, что для предоставленія Мальтійскому Ордену еще болѣе независимаго примѣненія правъ его, и для бо̀льшаго порядка, онъ рѣшился не приступать самъ къ первому назначенію прочихъ командорствъ, которыя должны составить Великій Пріоратъ Россійскій. Я не преминулъ благодарить Его Величество Императора за

je me suis borné à répondre que mon expédition étant faite, j'attendais là-dessus les ordres de V. A. Em-me.

Mais il est de mon devoir de prévenir ici V. Em-ce que les mêmes égards que Sa Majesté Impériale témoigne pour ne pas procéder à cette nomination, doivent de même nous retenir d'en profiter, et cela encore pour notre propre intérêt.

Comme cette nomination peut faire quelques heureux et beaucoup de mécontens, il vaut mieux encore qu'elle soit faite par l'autorité souveraine, plutôt que par le choix de l'Ordre. Il nous importe bien d'avantage de nous affectionner tout le monde; et pourvu que les individus choisis soient dignes de cette grâce, il sera fort indifférent à l'Ordre de Malte qu'elle soit accordée plutôt aux uns qu'aux autres.

Au surplus je puis assurer V. A. Em-me que, malgrè cette nouvelle marque de délicatesse de Sa Majesté l'Empereur la dite nomination lui sera certainement très-agréable, et il ne peut la regarder que comme un témoignage de la déférence et de la reconnaissance de V. A. Em-me et de l'Ordre de Malte. Enfin, nous pouvons être sûrs par les sentimens et la façon de penser de Sa Majesté Impériale que ces extrêmes ménagemens mêmes qu'elle annonce à cet égard nous vaudront une nomination d'individus aussi choisis que possible, et dignes de cette préférence distinguée.

Sa Majesté l'Empereur a désiré un petit changement dans l'Uniforme

---

эту новую его милость, и ограничился отвѣтомъ, что донесенія мои уже отправлены, и я затѣмъ ожидаю по этому повелѣнія Вашего Преимущества.

Но я обязанъ предварить Ваше Преимущество, что тоже вниманіе, которое оказываетъ Его Императорское Величество, не желая приступать къ этому назначенію, должно и намъ помѣшать воспользоваться этимъ, и это для собственной нашей пользы.

Это назначеніе можетъ сдѣлать только нѣсколько счастливыхъ и много недовольныхъ; гораздо лучше, чтобы оно исходило отъ Высочайшей власти, чѣмъ отъ выбора Ордена. Намъ гораздо важнѣе расположить въ нашу пользу всѣхъ; дѣло въ томъ, чтобы лица выбранныя были достойны этой милости; Мальтійскому же Ордену совершенно равно оказана ли она однимъ или другимъ.

Впрочемъ я могу увѣрить Ваше Преимущество, не смотря на это новое доказательство предупредительности Его Императорскаго Величества предоставленіе ему назначенія будетъ ему очень пріятно, и онъ будетъ на это смотрѣть какъ на доказательство уваженія и благодарности Вашего Преимущества и Мальтійскаго Ордена. Наконецъ мы можемъ быть увѣрены, зная чувства и образъ мыслей Его Императорскаго Величества, что заявленная имъ осторожность по этому предмету, доставитъ назначеніе лицъ по возможности наилучше избранныхъ и достойныхъ этого отмѣннаго предпочтенія.

Его Императорское Величество пожелалъ незначительное измѣненіе касательно

choisi et approuvé par lui pour le Grand-Prieuré de Russie; et c'est la réforme de l'Echarpe: et en outre que le noeud d'épée, au lieu d'être en or, soit en argent avec l'empreinte d'une Croix de Malte octogone; et cela pour se conformer encore d'avantage à ses nouvelles Ordonnances qu'il vient de publier pour le militaire. J'ai l'honneur d'en instruire V. A. Em-me, bien persuadé qu'Elle daignera même pour ces petits détails se prêter aux désirs de Sa Majesté Impériale.

Le Prince Radziwill Palatin de Vilna, Prince du Saint-Empire Romain, Chevalier des Ordres Royaux de Prusse et de Pologne, supplie V. A. Em-me de vouloir bien admettre comme Chevaliers de Justice dans l'Ordre de Malte le Prince Michel et le Prince André ses fils cadets. Deux de leurs Frères sont déjà reçus comme tels, dont l'un est même Commandeur titulaire de la Commanderie de Stwolowitz, regardée comme une Commanderie de Jus-patronat dans sa Famille. J'ai l'honneur d'en prévenir V. A. Em-me, et j'adresse tous les papiers relatifs par cette même occasion à Mr. l'Auditeur Bruno, comme ancien Procureur du ci-devant Grand-Prieuré de Pologne, pour qu'il ait la complaisance de se charger des détails nécessaires à la

---

избраннаго и утвержденнаго имъ мундира для Русскаго Великаго Пріората; оно состоитъ въ измѣненіи шарфа и темляка, которые должны быть вмѣсто золотыхъ серебряные, для большаго согласія съ новыми правилами, объявленными имъ для военныхъ. Честь имѣю извѣстить о томъ Ваше Преимущество въ полной увѣренности, что даже и относительно этихъ мелочей вы согласитесь на желаніе Его Императорскаго Величества.

Князь Радзивилъ воевода Виленскій, Принцъ Св. Римской Имперіи, Кавалеръ Королевскихъ Прусскихъ и Польскихъ орденовъ, умоляетъ Ваше Преимущество благоволить принять въ Мальтійскій Орденъ въ качествѣ кавалеровъ по старшинству [46] князя Михаила и князя Андрея, его меньшихъ сыновей. Двое изъ ихъ братьевъ уже приняты въ этомъ качествѣ, одинъ изъ нихъ даже родовый командоръ Стволовичскаго командорства, съ признаваемымъ за командорствомъ патрональнымъ правомъ (Jus patronatus) въ его семействѣ. Честь имѣя о томъ увѣдомить Ваше Преимущество, я при сей же оказіи препровождаю всѣ относящіяся до сего бумаги г. аудитору Бруно, какъ бывшему прокурору бывшаго польскаго великаго пріората, съ просьбою чтобы онъ сдѣлалъ одолженіе взять на себя необходимыя мѣры для скорѣйшаго заго-

[46] Командорства и кавалерства di Justizia даваемы были по старшинству лицамъ, произнесшимъ обѣтъ и исполнившимъ прочія условія на основаніи статута. Родовыя или Фамильныя командорства принадлежали лицамъ, имѣвшимъ на то право по волѣ учредителей, съ соблюденіемъ условій, указанныхъ статутомъ; съ этими командорствами было сопряжено право партональное. Jus patronatus. Родовыя командоры имѣли право голоса въ думѣ лишь по дѣламъ родовыхъ командорствъ, но имѣли право засѣдать.

Условія и значеніе этихъ командорствъ ясно изложены въ конвенціи 4 (15) января 1797 года № 17,708. Пол. Собр. Зак. и въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ 21 іюля 1799, № 19,044 тамъ же.

prompte expédition de la dite Réception. Le Prince Radziwill ayant payé entre mes mains les droits de Passage de Majorité pour ses deux fils, comme il résulte des deux quittances que j'envois à Malte, le Vénérable Commun-Trésor me portera débiteur de cette somme dans ses comptes.

Je serai bientôt dans le cas de porter à la connaissance de V. A. Em-me deux autres demandes de la même nature que celle que je viens actuellement de faire à V. Em-ce. Pour cet objet je tâcherai de réunir tous les papiers qui seront nécessaires, et que l'on pourra se procurer dans la distance où je me trouve du lieu de la demeure ordinaire des Candidats, et après les derniers troubles de la Pologne qui par la dispersion et le bouleversement qu'ils ont occasionné dans les Archives des particuliers rendent les recherches analogues encore plus difficiles.

Je crois que ces considérations nous mettront dans la nécessité de faire dans la suite des modifications de notre côté pour nous conformer aux circonstances des lieux et des tems, et pour obvier aux inconvéniens, qui pourraient être la conséquence de ces mêmes circonstances, et mettre à l'avenir des difficultés aux Réceptions dans notre Ordre, ou rendre impossible l'exacte exécution de nos loix.

Il serait convenable, et à mon avis cela peut même être admis par nous,

---

товленія упоминаемаго пріема. Князь Радзивилъ уплатилъ [47] мнѣ пошлины, взимаемыя при достиженіи совершеннолѣтія, какъ явствуетъ изъ двухъ росписокъ, отправляемыхъ мною въ Мальту; общественное казначейство должно дебитировать меня на эту сумму по своимъ счетамъ.

Я скоро долженъ буду довести до свѣденія Вашего Преимущества о двухъ другихъ просьбахъ одного рода съ нынѣ представляемой Вашему Преимуществу. Я надѣюсь собрать всѣ надлежащія бумаги по этому предмету, которыя только можно будетъ достать въ отдаленной мѣстности гдѣ обыкновенно пребываютъ эти кандидаты; по расхищеніи и путаницѣ, произведенныхъ въ слѣдствіе послѣднихъ смутъ польскихъ, въ частныхъ архивахъ подобные розыски еще болѣе затруднительны.

Я думаю, что эти соображенія вынудятъ насъ въ послѣдствіи сдѣлать съ нашей стороны измѣненія въ правилахъ, для согласованія съ мѣстными и временными условіями, и для избѣжанія неудобствъ могущихъ проистечь изъ этихъ условій и затруднитъ въ будущемъ, пріемы въ нашъ орденъ, или сдѣлаетъ невозможнымъ точное соблюденіе нашихъ законовъ.

Было бы прилично, и по моему мнѣнію это можетъ быть нами допущено, чтобы

[47] Droits de passage переведено въ ст. XIV договора 4 (15) Января 1797 года: «Слѣдующіе за пріемъ деньги будутъ платимы по таксѣ, установленной въ вышеупомянутомъ Великомъ Пріоратѣ (Польскомъ)».

Droits de réception — пошлина взимаемая при пріемѣ кавалеровъ въ орденъ. Пошлина passage de majorité была взимаема при совершеннолѣтіи несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ, принимаемыхъ въ орденъ въ должности пажей и другія не кавалерственныя должности. Выраженіе это сохранилось отъ платы взимаемой за переправку въ Палестину.

que l'on accorda ici la faculté d'expédier à Malte seulement des copies authentiques et légalisées des titres primordiaux. Cette facilité est légitimée par les considérations de l'éloignement des lieux, de la difficulté de la communication, et du danger que les titres originaux pourraient être égarés par une double expédition difficile en elle même et hasardée dans une si grande distance. Pour plus de précaution cette autorisation pourrait être assujettie aux conditions et restrictions les plus propres à éloigner tout abus, et les copies devraient être feuille par feuille collationnées avec les originaux et signées par deux Chevaliers de Malte à cela délégués comme Commissaires; et le tout à la fin légalisé par un Certificat et la signature du Ministre de Malte résidant en Russie.

Outre les éclaircissements que j'ai demandés et dont j'ai fait mention dans ma précédente dépêche, je supplie V. A. Em-me de vouloir bien me fournir une instruction précise de la manière avec laquelle dans le nouveau Grand-Prieuré de Russie d'après le mode de celui de Pologne devront se faire les preuves de noblesse pour les familles qui entrent pour la première fois dans l'Ordre de Malte, les preuves de fraternité, et celles de consanguinité pour les familles qui peuvent exhiber des degrés de noblesse déjà connus et approuvés dans l'Ordre.

J'ajoute ici comme un article qui concerne nos intérêts, les arrangemens que les trois-Cours co-partageantes de la Pologne viennent de prendre ces-

---

разрѣшено было право посылать въ Мальту копіи съ подлинныхъ документовъ, но засвидѣтельствованныя и за подлежащей скрѣпой. Это облегченіе оправдывается соображеніемъ разстоянія мѣстностей и опасности, чтобы оригинальные документы не утратились бы во время двукратнаго отправленія весьма труднымъ, самимъ въ себѣ путемъ и рискованнымъ въ слѣдствіе столь большаго разстоянія. Для большей осторожности разрѣшеніе это могло бы быть сопряжено съ условіями и ограниченіями способными предупредить всякое злоупотребленіе; копіи же должны бы были быть провѣрены по каждому листу съ подлинниками и подписаны мальтійскими кавалерами, нарочно для того назначенными въ качествѣ коммиссаровъ; все же окончательно должно было бы быть засвидѣтельствовано съ удостовѣреніемъ и за подписью мальтійскаго министра, пребывающаго въ Россіи.

Кромѣ объясненій мной испрошенныхъ и упоминаемыхъ въ моей предъидущей депешѣ, я умоляю Ваше Преимущество благоволить снабдить меня наставленіемъ какимъ образомъ въ новомъ Великомъ Пріоратѣ Россійскомъ, по образцу Польскаго, должны быть представляемы доказательства дворянства для фамилій, вступающихъ въ первый разъ въ Мальтійскій орденъ, доказательства братства и единокровія для фамилій, имѣющихъ возможность представить степени дворянства уже извѣстныя и утвержденныя орденомъ.

Присовокупляю здѣсь статью, касающуюся нашихъ интересовъ о соглашеніи

jours-ci relativement au payement des dettes de la République, et du Roi, et au traitement de celui-ci. Comme j'ai déjà eu l'honneur de l'annoncer précédemment, Sa Majesté l'Empereur ayant désiré que tous ces arrangemens fussent pris et arrêtés définitivement avant la prochaine arrivée ici du Roi de Pologne, les trois Ministres des Cours respectives après plusieurs conférences tenues ces-jours-ci, viennent enfin d'en signer le 15 de ce mois la Convention relative.

Les dettes du Roi, évaluées à 40 millions de florins de Pologne, seront payées par cinquièmes à proportion d'un cinquième pour la Cour de Vienne et de deux cinquièmes pour chacune des autres Cours de Pétersbourg et de Berlin.

Le traitement du Roi sera payé par tiers par les trois Cours, et il sera compté depuis le premier jour de son arrivée à Grodno; ce qui produit à la Russie le remboursement des avances qu'elle a faites pour cet objet.

Les dettes de la ci-devant République montent environ à 25 millions de florins de Pologne qui cependant par des rabais que l'on sera à même d'y faire pourront être réduites à dix millions. Elles sont partagées de la manière suivante: les deux Cours de Pétersbourg et de Berlin payeront les six

---

условленномъ здѣсь тремя дворами, принявшими участіе въ раздѣлѣ Польши, относительно уплаты долговъ республики и короля, и содержанія сего послѣдняго. Какъ я уже о томъ имѣлъ честь увѣдомить васъ, Его Императорское Величество пожелалъ, чтобы всѣ эти соглашенія были условлены и окончательно утверждены до ожидаемаго здѣсь вскорѣ пріѣзда Польскаго короля; послѣ нѣсколькихъ конференцій между собиравшимися на дняхъ министрами трехъ дворовъ, подписана, 15 сего мѣсяца, конвенція по этому предмету.

Долговъ короля насчитываютъ до 40 милліоновъ польскихъ злотъ, они будутъ уплачены по разсчету, $^1/_5$ Вѣнскимъ дворомъ и по $^2/_5$ каждымъ изъ остальныхъ двухъ дворовъ, Петербургскимъ и Берлинскимъ [48].

Содержаніе короля будетъ уплачиваемо тремя дворами по одной трети каждымъ, расчетъ будетъ сдѣланъ съ перваго дня его пріѣзда въ Гродно; этимъ Россія вернетъ уплату выдачь сдѣланныхъ ею по сему предмету.

Долги бывшей Польской республики доходятъ до 25 милліоновъ польскихъ злотъ, которые однако за скидками, которыя возможно сдѣлать, спустятся до десяти милліоновъ. Они дѣлятся слѣдующимъ образомъ: дворы С.-Петербургскій и Берлинскій

[48] По списку, подписанному королемъ 9 ноября 1793 въ Гроднѣ (Siewers Denkwürdigkeiten v. Blum, III, 475.), итогъ долговъ его доходилъ до 34 милліоновъ польскихъ злотъ. Графъ Сиверсъ полагалъ, что долгъ долженъ простираться до 2 милліонновъ червонцевъ и что эта вѣдомость сдѣлана по 3 Мая того же года.

Конвенціи о долгахъ короля Польскаго и Польской республики подписана 26 января 1797 года въ Петербургѣ графами Остерманомъ и Безбородко, княземъ Куракинымъ и графомъ Тауенциномъ съ приступленіемъ къ оной Австріи въ тотъ же день графомъ Кобенцелемъ. № 17,736. Января 15-го, 1797 года. П. С. З.

dixièmes qu'elles ont déjà garantis à la Diète de Grodno après le second Partage de 1793, où la Maison d'Autriche n'est point intervenue. Les quatre dixièmes restans seront également payés par tiers par les trois Cours.

On a arrêté aussi le payement par tiers des trois pensions assignées aux trois Princes de la Maison de Saxe de huit mille Ducats de Hollande chacune, de même que l'acquit des arrérages qui leur sont dûs pour cet objet.

Pour la liquidation de toutes ces dettes et pour le mode des payemens respectifs l'on va établir à Varsovie une Commission composée de neuf individus dont chaque Cour en nommera trois, devant laquelle devront être reconnus les titres d'un chacun. Une autre Commission prendra connaissance aussi de toutes les affaires relatives à la faillite de six Maisons principales de Banque en Pologne. Elle sera présidée par Mr. le Comte Raczynski, personne qui connaît parfaitement toutes les affaires de la Pologne, jouit de la confiance des trois Cours, et avec lequel j'ai l'honneur d'être intimement lié.

Les comptes du Vénérable Commun-Trésor avec la Maison Tepper, et le payement des arrérages qui nous sont dûs en Pologne et dont la validité est déjà reconnue par la Russie, et que nous avons actuellement plus que jamais droit de réclamer en vigueur de l'article troisième séparé de notre

---

уплатятъ $^6/_{10}$, въ коихъ они уже поручились на Гродненскомъ сеймѣ послѣ втораго раздѣла 1793, въ коемъ Австрійскій не принималъ участія. Остальныя $^4/_{10}$ будутъ уплачены по равнымъ частямъ тремя дворами.

Также постановлена уплата на три части трехъ пенсіоновъ, назначенныхъ тремъ принцамъ Саксонскаго дома по 8 тысячъ голландскихъ червонцевъ каждому, а также и очистка недоимокъ причитающихся имъ по этому случаю.

Для ликвидаціи всѣхъ этихъ долговъ и для устройства соотвѣтствующихъ платежей учреждена будетъ вскорѣ въ Варшавѣ коммиссія, составленная изъ девяти членовъ, назначаемыхъ по три каждымъ изъ трехъ дворовъ; передъ этой коммиссіей должны быть повѣрены права каждаго должника. Другая коммиссія будетъ разсматривать всѣ дѣла, относящіяся до банкротства шести главныхъ банкирскихъ домовъ въ Польшѣ. Она будетъ подъ предсѣдательствомъ графа Рачинскаго [49], лица знающаго отлично всѣ Польскія дѣла, пользующагося довѣріемъ трехъ дворовъ, и съ которымъ я имѣю честь быть очень друженъ.

Счеты почтеннаго общественнаго казначейства съ домомъ Тепперъ, и уплата должныхъ намъ въ Польшѣ недоимокъ, основательность коихъ уже признана Россіей, и которыя мы имѣемъ теперь болѣе чѣмъ когда либо право требовать на основаніи третьей отдѣльной статьи нашего договора, ставятъ меня въ положеніе представить

[49] Графъ Сиверсъ упоминаетъ о бывшемъ коронномъ маршалѣ графѣ Рачинскомъ, редактировавшемъ въ Гроднѣ въ 1793 или 1794 году съ графомъ Мощинскимъ проектъ конституціи, одобренной Императрицей. Рачинскій послѣ 2-го раздѣла удалился въ Любекъ, но писалъ оттуда Сиверсу, что желаетъ возвратиться и служить своему отечеству. Графъ Сиверсъ пишетъ Императрицѣ, что онъ можетъ быть очень полезенъ своими совѣтами,—(письмо 5 Января 1795, изъ своего Лифляндскаго помѣстья Бауенгофъ.)

Traité, nous mettent dans le cas de faire valoir nos titres devant la dite Commission; ce que je me ferai un devoir d'exécuter de la manière que je jugerai convenable. Je compte d'en charger Mr. le Blanc personne qui a déjà eu l'honneur de mériter la confiance de V. A. Em-me, et que je n'ai pas laissé d'informer moi-même à mon dernier passage par Varsovie, en me réservant de diriger et surveiller d'ici les démarches qu'il y aura à faire à cet égard.

Les trois Cours viennent encore dans cette occasion d'arrêter d'un commun accord et d'une manière irrévocable de ne pas admettre en Pologne sous aucun titre des Sujets mixtes; c'est-à-dire, des individus ayant des propriétés quelconques sous différentes dominations. Cette disposition est motivée par des considérations politiques très-importantes et analogues au pays et aux circonstances. Par la Convention que les trois Cours viennent de signer on a arrêté en outre que l'on donnerait un terme de cinq ans, au lieu de trois fixés auparavant, pour que cette loi expresse et positive soit exécutée; ce qui mettra-à-même tous les propriétaires en Pologne de s'y conformer sans être exposés à la perte qui leur en résulterait d'une vente trop précipitée de leurs biens, et laissera à chacun plus de tems à choisir sous quelle domination ils préféreront de rester à l'avenir. Pour tous les contrats de vente ou d'échange qui auront lieu pendant le terme fixé en

---

наши права этой коммиссіи; я считаю долгомъ это исполнить тѣмъ образомъ, который признаю наиудобнѣйшимъ. Я намѣренъ поручить это г-ну Бланъ, лице это уже имѣло честь заслужить довѣріе Вашего Преимущества; я не преминулъ его извѣстить лично при моемъ проѣздѣ черезъ Варшаву, предоставляя себѣ руководить и наблюдать отсюда за мѣрами, которыя надлежитъ принять по этому дѣлу.

При этомъ случаѣ три двора приняли съ общаго согласія и постановили безвозвратно, не допускать въ Польшѣ ни подъ какимъ предлогомъ общихъ подданныхъ, т. е. лицъ владѣющихъ какими бы то ни было имѣніями въ разныхъ государствахъ. Это распоряженіе основано на политическихъ соображеніяхъ весьма важныхъ, зависящихъ отъ страны и обстоятельствъ. Въ силу конвенціи [50], подписанной на дняхъ тремя дворами, кромѣ того постановлено, что дается пять лѣтъ сроку, вмѣсто трехъ назначенныхъ прежде, чтобы этотъ положительный и опредѣлительный законъ былъ бы исполненъ; это дастъ всѣмъ польскимъ владѣльцамъ возможность подчиниться оному не подвергаясь потерямъ, которыя произошли бы для нихъ отъ слишкомъ поспѣшной продажи ихъ имѣній, и предоставить каждому время выбрать подъ чьимъ владычествомъ они желаютъ остаться на будущее время. Для всѣхъ купчихъ или промѣнныхъ договоровъ во время опредѣленнаго времени, въ силу того общаго закона, пре-

[50] Статьями 11 и 12-й вышеупомянутаго трактата между тремя Державами, заключеннаго въ Петербургѣ 26-го января 1797 года; о долгахъ короля и республики ср. пр. 48.

vigueur de cette loi générale, on accorde toutes sortes de facilités et l'exemption de tous les droits d'usage pour les actes de vente ou d'achat.

Je profite de cette même occasion du Chevalier O'Hara pour appeller derechef l'attention de V. A. Em-me sur nos affaires de Prusse. Elles sont assez conséquentes en elles mêmes, et pourront le devenir encore d'avantage dans la suite, et surtout, si nous voulons suivre l'opportunité des circonstances qui peuvent se présenter en notre faveur. Les Commanderies de la Silésie, celles de la Pologne Prussienne jointes aux nouvelles fondations que nous devons espérer d'obtenir dans ce pays-là, pourraient former un nouveau Grand-Prieuré de Prusse mis en toute activité dans l'Ordre de Malte. Les bases de ce nouvel établissement seraient l'incorporation du Grand-Prieuré de Prusse dans une Langue; la promiscuité des droits et des biens dans l'Ordre de Malte indistinctement pour tous les Chevaliers sujets du Roi; et la confirmation de ce Souverain de tous les honneurs, distinctions, priviléges et prérogatives de l'Ordre de Malte dans ses états. Enfin, l'intervention de l'autorité Souveraine pour assujettir tous nos Chevaliers en Prusse à l'exacte observance des loix et Statuts de l'Ordre pour en faire de cette manière de véritables Chevaliers de Malte dignes de leur état, et non de simples possesseurs de Commanderies.

J'ai lieu d'espérer des bonnes dispositions du Roi et de son respect pour

---

доставлены всѣ возможныя облегченія и освобожденіе отъ уплаты всякихъ пошлинъ, обычныхъ для купчихъ или продажныхъ актовъ.

Пользуюсь той же оказіей, отъѣзда кавалера О'Гары, чтобы снова обратить вниманіе Вашего Преимущества на наши Прусскія дѣла. Они сами по себѣ довольно важны, и могутъ сдѣлаться въ послѣдствіи еще важнѣе, особенно же, если мы захотимъ слѣдить за благопріятными обстоятельстами, которыя для насъ могутъ встрѣтиться. Силезскія командорства, командорства Прусской Польши, соединенныя съ новыми учрежденіями, на которыя мы должны надѣяться въ этихъ странахъ, могли бы составить новое великое пріорство Прусское, которое бы вошло въ Мальтійскій орденъ съ полною дѣятельностію [51].

Основаніемъ этого учрежденія должно служить вступленіе великаго пріорства Прусскаго въ одинъ изъ существующихъ языковъ; пользованіе правами и измѣненіями въ Мальтійскомъ орденѣ безъ различія для всѣхъ кавалеровъ, подданныхъ короля; утвержденіе этимъ монархомъ, всѣхъ почестей, отличій, привилегій и преимуществъ Мальтійскаго ордена въ его владѣніяхъ; вмѣшательство верховной власти для подчиненія всѣхъ нашихъ кавалеровъ въ Пруссіи точному соблюденію орденскихъ законовъ и статутовъ; такимъ образомъ они обратились бы въ настоящихъ Мальтійскихъ кавалеровъ, достойныхъ своего званія, а не простыхъ владѣтелей командорствъ.

Я имѣю основаніе надѣяться на доброе расположеніе короля и его уваженіе къ

[51] См. пр. 42 и 52 и объяснительную записку.

la justice et les principes de la Chevalerie. Il me paraît que l'on pourrait adroitement parvenir à lui inspirer un degrè d'enthousiasme pour l'Ordre de Malte. Cela obtenu par des moyens employés à propos, nous pourrons facilement porter le Ministère à suivre également ces idées.

Que Votre Altesse Em-me daigne me fournir tous les renseignemens nécessaires, ses instructions relatives, et toute les autorisations analogues, afin que je puisse profiter utilement du moment et des circonstances.

Si une course de quelques mois à Berlin me devenait impossible, vu tous les arrangemens qu'il me reste à prendre et à surveiller ici, je puis encore espérer de porter la Cour de Berlin à admettre ma négociation sur tous ces objets à Pétersbourg, en donnant de son côté les instructions et autorisations nécessaires à son Ministre ici Mr. le Comte de Tauentzien. Comme je suis extrêmement lié avec celui-ci, et que je connais ses sentimens et sa façon de penser, j'ai tout lieu d'espérer les meilleurs résultats de mes négociations.

правосудію и рыцарскимъ правиламъ. Мнѣ кажется, что можно было бы ловкимъ образомъ возбудить въ немъ до нѣкоторой степени восторженныя чувства къ Мальтійскому ордену. Достигнувъ этого, средствами употребленными кстати, мы можемъ легко склонить министерство послѣдовать также этому образу мыслей.

Благоволите доставить мнѣ всѣ необходимыя свѣденія, соотвѣтствующія инструкціи, и надлежащія разрѣшенія, дабы я могъ воспользоваться минутой и обстоятельствами.

Если бы поѣздка въ Берлинъ сдѣлалась бы для меня невозможной, вслѣдствіе всѣхъ распоряженій, которыя мнѣ остается здѣсь сдѣлать или наблюдать за ними, то я могу надѣяться, что можно склонить Берлинскій дворъ допустить, чтобы переговоры по симъ предметамъ велись бы въ Петербургѣ, снабдивъ надлежащими наставленіями и полномочіями своего здѣшняго министра графа Тауенцина. Такъ какъ я съ нимъ очень друженъ и знаю его чувства и образъ мыслей, я вполнѣ надѣюсь, что мои переговоры будутъ имѣть наилучшій успѣхъ. [52]

[52] Послѣ реформаціи Бранденбургскій Бальяжъ уплатилъ по Вестфальскому мирному договору 2,500 золотыхъ флориновъ, и тѣмъ освобожденъ былъ разъ навсегда отъ платежа респонсій въ пользу общественнаго орденскаго Мальтійскаго Казначейства. Протестантскіе рыцари не желали однако отдѣляться отъ ордена, но въ Мальтѣ не принимали никакихъ предложеній съ ихъ стороны. Фридрихъ Великій и братъ его Фердинандъ, избранный въ Балыи Брандебургскіе, сдѣлали шагъ къ сближенію съ орденомъ.

Въ 1763 кавалеръ Мюнховъ былъ посланъ къ Пріору Германскому для утвержденія избранія принца Фердинанда Прусскаго, и ему поручено было войти въ соглашеніе относительно уплаты респонсій. Великій Пріоръ Германскій принялъ ихъ братьями и рыцарями Св. Іоанна Іерусалимскаго. Гассе приводитъ грамоту прокуроровъ общественнаго казначейства, 11 сентября 1763. Магистральную Буллу Еммануила Пинто отъ 9 мая 1764, — и письмо Великаго Магистра на имя принца Фердинанда 16 мая 1763, и отъ того же числа на имя Бранденбургскаго капитула Іоаннитовъ. (Boisgelin, I, p. 300.)

Фридрихъ II распространилъ только свое покровительство на католическія командорства въ Силезіи, и въ самыя трудныя минуты не посягалъ на имущество ордена.

Въ молодости своей онъ учредилъ при своемъ дворѣ военный орденъ, коего правило бы-

J'ai l'honneur de remettre à Votre Em-ce sous le № 4, copie d'une lettre que je viens de recevoir du Prince Adams Poninski et sous le № 5, celle de la réponse que j'y ai faite. Elle regarde deux objets sur les quels j'ai cru de mon devoir d'entrer dans une discussion détaillée, et pour éclairer autant que possible les démarches Polonaises, et pour prévenir dans la suite de pareils inconvéniens.

J'ai prié en outre mon Frère le Noncé du St. Siége à Varsovie de bien recommander au Prince Poninski, de le surveiller, et de le déterminer à ne plus se permettre aucune démarche quelconque relative aux affaires de Malte jusqu'à ce que Votre Altesse Em-me lui ait donné de nouvelles instructions et autorisations et que les choses ne soient ici décidées et connues de manière à être résolues légalement et sans crainte d'encourir blâme ou nullité.

Les objets qui ont motivé les deux pièces citées ci-dessus, ne pouvaient

---

Честь имѣю представить при семъ Вашему Преимуществу за № 4 копію съ письма, полученнаго мною отъ князя Адама Понинскаго и за № 5, копію съ моего отвѣта. Это относится до двухъ предметовъ, о которыхъ я счелъ нужнымъ войти въ подробное объясненіе, чтобы разоблачить, на сколько возможно, Польскія дѣйствія, и дабы предотвратить на будущее время подобныя неудобства.

Я просилъ кромѣ того моего, брата папскаго нунція въ Варшавѣ, хорошенько подтвердить князю Понинскому и убѣдить его, наблюдая за нимъ, чтобы онъ не дозволялъ себѣ болѣе дѣлать никакихъ распоряженій касательно Мальтійскихъ дѣлъ, пока Ваше Преимущество не дадите ему новыхъ инструкцій и полномочій и пока дѣла здѣсь не будутъ устроены и приведены въ ясность такимъ образомъ, чтобы онѣ могли быть рѣшаемы на законномъ основаніи и безъ боязни быть подвергнутыми порицанію или признаны не дѣйствительными.

Предметы, давшіе поводъ упоминаемымъ двумъ письмамъ, не могли быть болѣе некстати. Этотъ г. Шидловскій [53], дѣлавшій намъ наиболѣе помѣхи въ переговорахъ

ло честь и наука. Въ этомъ тѣсномъ кругу много было заготовлено работъ и приготовлено людей для исполненія впослѣдствіи его королевскихъ работъ.

Фридрихъ Вильгельмъ III въ 1810 и 1811 годахъ уничтожилъ всѣ учрежденія ордена Св. Іоанна и владѣнія онаго причислилъ къ государственнымъ имуществамъ. 23 мая 1812 вновь учрежденъ, въ память прежняго, евангелическій орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ 1852 году Прусскій орденъ получилъ новую организацію, оказавшую нынѣ свою пользу. Въ послѣднія двѣ войны, Шлезвигъ-Голштейнскую и Прусско-Австрійскую, орденъ оказалъ военныя услуги разными учрежденіями для пособія раненымъ. Въ 1866 съ 31 августа болѣе тысячи раненыхъ поступило въ лазареты, устроенные и содержимые орденомъ. Кромѣ того устроены были подвижные лазареты. Главная заслуга была въ пособіи раненымъ, именно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ можетъ быть подана первая и скорая помощь.

[53] Одинъ изъ четырехъ депутатовъ на Гродненскомъ Сеймѣ, арестованныхъ и увезенныхъ, по распоряженію графа Сиверса въ ночь съ 22 на 23 августа (2, 3 сентября) 1793 года, вслѣдствіе ихъ протестацій противъ насилія при обсужденіи вопроса о подписаніи договора о раздѣлѣ между Пруссіей и Польшей, на которое сеймъ не соглашался иначе какъ съ условіемъ заключенія торговаго договора. Русскій договоръ уже былъ подписанъ 11 (23) іюля, Прусскій былъ подписанъ 14 (25) сентября.

venir plus à contre tems. Ce Mr. de Szydlowski qui est celui qui a mis le plus d'opposition contre nous aux négociations de feu le Bailli de Sagramoso, et que l'on parvint à apaiser seulement en lui donnant une Commanderie du Prieuré avec la permission de la céder à son fils, obtint en effet alors ce droit qui perpétue les abus introduits dans le ci-devant Grand-Prieuré de Pologne, et crée un nouveau Chevalier de Malte à la Polonaise. Mais ce Mr. de Szydlowski est maintenant un Sujet Prussien, et un de ceux pour qui il ne m'a pas été possible d'obtenir de Sa Majesté l'Empereur l'admission dans le nouveau Grand-Prieuré, l'intention du Souverain étant absolument que les étrangers ne jouissent pas des revenus qu'il veut bien accorder à l'Ordre de Malte dans ses états. Votre Em-ce voit par là que cette nouvelle nomination faite en vigueur d'un ancien ordre de choses qui ne subsista plus depuis la dissolution totale de la ci-devant République de Pologne, ne peut maintenant que rencontrer ici des obstacles insurmontables.

Quant à Mr. de Comelli Gentilhomme de la Principauté de Trente, il est un de ceux qui ont été chercher fortune en Pologne, et a été attaché personnellement au service du Roi. Nous sommes heureux qu'après être entré dans le Grand-Prieuré de Malte où la protection lui a valu une place, il en soit sorti de lui même par le mariage qu'il a fait avec la fille d'un Architecte Italien établi à Varsovie. J'aurais été certainement bien embarrassé à porter ce nom sous les yeux de l'Empereur dans la liste des Chevaliers de Malte.

покойнаго Бальи Саграмозо, и котораго удалось успокоить лишь предоставленіемъ ему командорства въ пріорствѣ съ дозволеніемъ передать его сыну, получилъ тогда дѣйствительно это право, которое увѣковѣчиваетъ злоупотребленія проникнувшія въ бывшее великое пріорство Польское, и создаетъ новаго мальтійскаго кавалера на польскій ладъ. Но этотъ г. Шидловскій теперь Прусскій подданный, и одинъ изъ тѣхъ, для коихъ мнѣ было невозможно исходатайствовать у Его Императорскаго Величества принятіе въ новое великое пріорство; намѣреніе государя безусловно, чтобы иностранцы не пользовались доходами, которые онъ благоволилъ даровать Мальтійскому ордену въ своихъ владѣніяхъ. Ваше Преимущество изъ этого усмотрѣть можете, что это новое назначеніе, сдѣланное въ силу стараго порядка вещей, уже несуществующаго болѣе со времени совершеннаго уничтоженія бывшей Польской республики, можетъ только встрѣтить здѣсь непреоборимыя препятствія.

Что касается до г. Комелли, дворянина тріентскаго княжества, онъ одинъ изъ тѣхъ которыя отправились въ Польшу попытать счастія, и служилъ при особѣ короля. Весьма для насъ счастливо, что вступивъ въ Мальтійское пріорство, гдѣ онъ получилъ мѣсто по протекціи, онъ самъ изъ онаго вышелъ, женившись на дочери италіанскаго архитектора, поселившагося въ Варшавѣ. Я былъ бы очень въ затруднительномъ положеніи, если бы мнѣ пришлось подвергать на возрѣніе Государя это имя въ спискѣ Мальтійскихъ кавалеровъ.

Mon Frère Monseig. le Nonce m'a écrit de Varsovie relativement au Prince Poninski qu'il était dans la plus grande misère, au point que l'absolu nécessaire lui manquait. J'ai cru que l'état de ce Grand-Prieur, quoique merité par lui par son inconduite, pouvait cependant nous intéresser en sa faveur. J'ai donc écrit à Varsovie pour lui faire payer la somme de soixante Ducats de Hollande payables prorata de quinze Ducats par mois. Connaissant combien de générosité et de commisération V. A. Em-me a toujours mis pour tous ceux qui appartiennent à notre Ordre, et ont besoin de secours, je ne doute pas, qu'Elle ne daigne approuver cet acte de charité; et en tout cas je ne me refuse pas à y suppléer moi-même.

Je ferai tout mon possible pour faire obtenir ici à ce personnage qui a tant figuré autre fois et qui est à présent aussi avili par sa situation humiliante quelque pension de la munificence de S. M. Impériale. Il en a déjà une de la Russie dont il ne jouit-pas, l'ayant vendue pour toute sa vie, de même qu'il ne jouit plus depuis long tems des revenus de son Grand-Prieuré, les ayant également vendus à un certain Mr. Tomatis à Varsovie, qui moyen-

---

Мой братъ Нунцій пишетъ мнѣ изъ Варшавы касательно князя Понинского, что онъ въ самой большой нищетѣ, такъ что ему недостаетъ самого необходимого. Я полагалъ, что положеніе этого великого пріора, хотя заслуженное его дурнымъ поведеніемъ, могло однако же возбудить наше участіе въ его пользу. Я потому писалъ въ Варшаву, чтобы ему выплачены были 60 голландскихъ червонцевъ, выдаемыхъ prorata по 15 червонцевъ въ мѣсяцъ. Зная съ какимъ великодушіемъ и милосердіемъ Ваше Преимущество всегда относились ко всѣмъ принадлежащимъ къ нашему ордену, нуждающимся въ пособіи, я не сомнѣваюсь, что вы благоволите одобрить эту милостыню; во всякомъ случаѣ я не отказываюсь отнести это на мой собственный счетъ.

Я сдѣлаю здѣсь все возможное, чтобы исходатайствовать этой особѣ, нѣкогда игравшей весьма замѣтную роль, и который теперь совершенно оподлился, въ слѣдствіе его унизительнаго положенія, какую либо пенсію отъ щедротъ Его Императорскаго Величества. Онъ уже имѣетъ пенсію отъ Россіи, но онъ не пользуется ею, запродавъ ее по смерть свою, также точно какъ онъ давно не пользуется доходами своего великаго пріорства, продавъ ихъ нѣкоему г. Томатисъ въ Варшавѣ, который ежегодно въ силу контракта заключеннаго у нотаріуса, секвеструетъ доходы [54].

[54] Понинскій былъ членомъ делегаціи, подписавшей договоръ о первомъ раздѣлѣ. Онъ участвовалъ при уничтоженіи ордена іезуитовъ въ сдѣлкахъ относительно пользованія отобранными имѣніями. Въ 1775 году Понинскій получилъ или предоставилъ себѣ въ качествѣ делегата единовременное вознагражденіе въ 400 тысячь злотъ и ежегодный доходъ въ 100 тысячь и нѣсколько старостій. (Донесенія Эссена отъ 8 февр. и 18 марта 1775 года въ исторіи Германа.)

Сиверсъ писалъ Императрицѣ, обращая ея вниманіе на лица, которымъ слѣдуетъ оказать милости въ Польшѣ: «Старикъ Понинскій заслуживаетъ только прежнее ежегодное содержаніе, которое онъ уже получалъ, хотя онъ уже второй разъ ускользнулъ отъ петли». Старшаго онъ аттестуетъ какъ яраго противника Россіи; младшій же, князь Александръ, заслуживаетъ, по мнѣнію Сиверса, пенсію и мѣсто.

nant un bon contrat de vente passé par-devant Notaire lui faisait séquestrer annuellement les produits.

Je viens de recevoir la dépêche de Votre Al. Em-me du 24 Novembre de l'année dernière, par laquelle Elle m'annonce que le Vénérable Commun Trésor est absolument hors d'état de me faire aucune espèce d'avance, malgré que je sois ici pour le service de l'Ordre, et malgrè que toutes mes Commanderies lui en assurent toujours le remboursement. Votre Eminence daigne ajouter que je tâche de remédier par moi-même, comme je le pourrai, à cette impossibilité et surtout par le recouvrement des arrérages qui nous sont dûs en Pologne. J'ai toujours devant les yeux la fâcheuse situation économique du Trésor, et je n'aurais pas trouvé extraordinaire, ni su me plaindre que parmi toutes les réformes, necessitées impérieusement par les circonstances, celle de ma place fût comprise. Mais j'avoue néanmoins que je ne pouvais être qu'extrêmement sensible à me voir tout à coup dépourvu de tout moyen; et cela sans aucune prévention, et d'une manière à me compromettre et à me jetter dans le plus grand embarras. Les circonstances connues de ma patrie et de ma famille m'ôtaient en même tems tout moyen d'y suppléer par moi-même, comme mon zèle et mon dévouement pour l'Ordre et pour le service de V. A. Em-me m'y ont toujours porté. J'avoue que j'ai été sensible de voir que, quand même on aurait cru de ne pas me devoir personnellement des ménagemens, j'aurais pu les mériter du moins comme Représentant de Malte.

Я только что получилъ депешу Вашего Преимущества отъ 24 Ноября прошлаго года, коей вы меня извѣщаете, что почтенное общественное казначейство совершенно не въ состоянiи сдѣлать мнѣ какую либо ссуду, не смотря на то, что я здѣсь нахожусь на службѣ ордена, и не смотря на то, что всѣ мои командорства отвѣчаютъ передъ онымъ, во всякомъ случаѣ, въ возвратѣ. Ваше Преимущество благоволили присовокупить, чтобы я постарался обойти эту невозможность, елико возможно, преимущественно же сборомъ недоимокъ намъ причитающихся въ Польшѣ. Я постоянно имѣю въ виду прискорбное экономическое положенiе казначейства, и я не нашелъ бы страннымъ, и не подумалъ бы жаловаться, если бы мое мѣсто подверглось участи вмѣстѣ со всѣми реформами, непремѣнно требуемыми обстоятельствами. Но я однако долженъ сознаться, что я былъ весьма чувствительно затронутъ, видя себя вдругъ лишеннымъ всѣхъ средствъ, и это безъ всякого повода, компрометируя меня и ввергая въ самыя большiя затрудненiя. Извѣстное положенiе моего отечества и семейства лишили меня въ тоже время всякихъ средствъ замѣнить это, какъ я всегда былъ на то готовъ, по моему усердiю и моей преданности ордену и служенiю Вашему Преимуществу. Сознаюсь, я весьма былъ огорченъ видѣвъ это, даже если бы относительно меня лично и не были бы обязаны на нѣкоторое вниманiе, то я заслуживалъ бы это, какъ представитель Мальты.

Quant à Mr. Podocki dont V. Em-ce me fait mention dans sa dite Dépêche, il y a long tems que je lui ai mandé qu'il n'avait qu'à se pourvoir à Malte d'un Procureur et de l'habiliter à payer les frais de la Chancellerie et du Bref qui lui est nécessaire.

Je crois que mon Frère ci-devant Nonce Apostolique en Pologne et qui sera nommé Ambassadeur Extraordinaire du St. Siége à la Cour Impériale de Russie, pourra se trouver ici à l'époque mémorable du Couronnement. S. M. l'Empereur pour le mettre à même d'entreprendre le plus promptement possible sa mission, y a apporté toutes sortes de facilités; ce qui est une preuve des favorables dispositions de ce Souverain, et un très-bon augure pour l'heureuse issue des négociations qui concernent la Cour de Rome, l'Eglise et la Religion.

A l'appui de ce que j'ai annoncé à V. Em-ce de l'intention de S. M. l'Empereur de conserver fidèlement ses engagemens avec les deux Cours de Vienne et de Londres, je puis ajouter maintenant que S. M. Impériale voulant prouver par tous les moyens, combien elle désire d'affermir et resserrer les liens qui l'unissent à la Grande-Bretagne, s'est prêtée avec empressement à procéder dès à présent à un nouveau Traité de Commerce entre la Russie et l'Angleterre. Pour cet effet S. M. Impériale n'a plus cru à propos

---

Что касается до г. Подосскаго [55], о коемъ Ваше Преимущество упоминаете въ вашей депешѣ, то я давно уже его извѣстилъ, что онъ долженъ назначить въ Мальтѣ повѣреннаго и поручить ему расходы на канцелярію и на грамоту, которая ему нужна.

Я думаю, что мой братъ, бывшій апостолическимъ нунціемъ въ Варшавѣ, и который будетъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ при Императорскомъ Россійскомъ Дворѣ, успѣетъ быть здѣсь въ достопамятное время коронованія. Его Императорское Величество, дабы ему дать возможность приступить наискорѣйшимъ образомъ къ исполненію своего порученія, сдѣлалъ все возможное для облегченія дѣла,—это доказательство благопріятнаго расположенія Государя, и хорошій предвѣстникъ счастливаго исхода переговоровъ относительно Римскаго двора, церкви и религіи.

Въ подтвержденіе того я сообщалъ Вашему Преимуществу о намѣреніи Его Императорскаго Величества свято соблюсти свои условія съ обоими дворами Вѣнскимъ и Лондонскимъ, я могу присовокупить теперь, что Его Императорское Величество, желая доказать всѣми средствами, сколько онъ желаетъ укрѣпить еще связи, соединяющія его съ Великобританіей, охотно согласился приступить нынѣ же къ новому торговому договору между Россіей и Англіей. Для сего Его Императорское

[55] Первое лице въ королевствѣ и первый членъ делегаціи Примасъ Юноша Подосскій, обязанный своимъ положеніемъ князю Репнину; будучи коронным Референдаріемъ, во время переговоровъ съ Сеймомъ въ пользу диссидентовъ, онъ употребляемъ былъ Репнинымъ въ качествѣ сотрудника и агента. (Письма кн. Репнина къ графу Панину въ Ист. Пад. Польши Соловьева). Примасъ имѣлъ большую склонность къ испрашиванію денежныхъ пособій.

d'insister sur les causes qui en ont retardé jusqu'à présent la conclusion, comme serait celle de la non reconnaissance et non accession de la part de l'Angleterre au système de la Russie relatif à la Neutralité armée. On est occupé maintenant à examiner devant le Collége de Commerce les différens Projets proposés de part et d'autre; et il n'est pas douteux que le Traité ne soit porté bientôt à une heureuse conclusion, vu le grand intérêt des deux Nations, et vu la déférence reciproque, et la volonté prononcée des Gouvernemens respectifs.

Le Ministre d'Angleterre m'a dit, qu'on lui continue de la manière la plus positive les mêmes assurances à l'égard de l'envoi d'une flotte Russe qui devra se joindre aux forces maritimes de la Grande-Bretagne. On lui fait toujours espérer que le nombre sera porté à dixhuit vaisseaux de ligne outre les frégates, dans lequel nombre sont compris cependant les cinq vaisseaux qui sont restés en Angleterre. Mais cette disposition n'aura certainement pas lieu qu'après la campagne d'évolutions que les escadres Russes devront faire au mois de Juin dans la Baltique. A cet effet on a donné les ordres à l'Amirauté pour l'armement de vingt six vaisseaux de ligne et de centcinquante bâtimens de la flotte à rames, et l'on dit que S. M. l'Empereur assistera lui même et dirigera les évolutions.

S. M. l'Empereur vient de permettre l'entrée de tous les vins de France, et autres produits comestibles de ce pays-la, pourvu qu'ils soient importés sur des bâtimens neutres, et venants des ports neutres. Ces marchandises

---

Величество болѣе не сочло удобнымъ настаивать на причинахъ, замедлявшихъ до нынѣ заключеніе договора, каковы непризнаніе и непристунленіе со стороны Англіи къ Русской системѣ относительно вооруженнаго нейтралитета. Теперь занимаются разсмотромъ въ коммерцъ-коллегіи различныхъ проектовъ, предложенныхъ съ обѣихъ сторонъ; договоръ несомнѣнно будетъ скоро доведенъ до успѣшнаго заключенія, судя по большому значенію его для обоихъ народовъ, судя по взаимной предупредительности и воли обоихъ правительствъ.

Англійскій посланникъ сказалъ мнѣ, что ему продолжаютъ давать увѣренія самыя положительныя относительно отправленія Русскаго флота, предназначаемаго къ соединенію съ Великобританскими морскими силами. Его продолжаютъ обнадеживать, что число линейныхъ кораблей, кромѣ фрегатовъ, будетъ доведено до 18, включая однако въ это число 5 кораблей оставшихся въ Англіи. Но эта диспозиція будетъ приведена въ исполненіе не прежде окончанія еволюцій Русскихъ эскадръ въ Балтійскомъ морѣ, назначенныхъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ. По этому предмету отданъ приказъ адмиралтейству для вооруженія 26 линейныхъ кораблей и ста пятидесяти судовъ гребной флотиліи; говорятъ что Императоръ будетъ самъ присутствовать и распоряжаться еволюціями.

Его Императорское Величество дозволилъ привозъ всякихъ французскихъ винъ, и съѣстныхъ припасовъ этой страны, съ условіемъ чтобы они были доставляемы на нейтральныхъ судахъ, отправленныхъ изъ нейтральныхъ портовъ. Эти товары подчи-

ont été assujetties au Tarif de 1782; c'est à dire, à celui qui était établi ici avant le Traité de Commerce entre la Russie et la France.

Mr. le Comte Moussin-Pouschkin-Bruce vient d'être nommé Ministre de Russie à la Cour de Naples. C'est un jeune homme fort riche, très-bien élevé et qui est déjà parti depuis quelque tems pour l'Italie pour rétablir sa santé.

S. M. Impériale a nommé Conseiller Privé son Ministre à Constantinople Mr. de Kotchoubey et lui a conféré en outre l'Ordre de St. Alexandre Nevski.

Le Duc de Polignac accompagné de son fils est arrivé à Pétersbourg pour témoigner sa reconnaissance à S. M. l'Empereur qui lui a donné mille paysans; ce qui peut être évalué à cinq mille roubles de rente annuelle.

нены тарифу 1782 года, т. е. существовавшему до торговаго договора между Франціей и Россіей [56].

Графъ Муссинъ-Пушкинъ-Брюсъ [57] назначенъ на дняхъ Русскимъ посланникомъ при Неаполитанскомъ дворѣ. Это молодой человѣкъ весьма богатый, отлично воспитанный, уже отправившійся съ нѣкотораго времени въ Италію для поправленія здоровья.

Его Императорское Величество пожаловалъ въ тайные совѣтники посланника своего въ Константинополѣ Кочубея [58] и, кромѣ того, пожаловалъ ему орденъ Св. Александра Невскаго.

Герцогъ Полиньякъ [59], въ сопровожденіи сына, прибылъ въ Петербургъ, чтобы принести свою благодарность Его Императорскому Величеству, даровавшему ему ты-

[56] Января 16-го 1797 г., № 17,737. Пошлина на французскую водку осталась по указу 13 дек. 1793 г., и сохранено запрещеніе по тому же указу ввоза предметовъ роскоши.

[57] Графъ Василій Валентиновичь Мусинъ-Пушкинъ, женатый на графинѣ Брюсъ, умеръ въ 1836 г. Процессъ его съ графомъ Гритти, проигранный имъ въ Петербургѣ, не за долго до кончины, обращалъ на себя въ сильной мѣрѣ вниманіе публики, правильнѣе Петербургскихъ салоновъ. Интересъ состоялъ не въ самомъ дѣлѣ, а въ относительномъ положеніи противниковъ.

[58] Князь Викторъ Павловичъ Кочубей род. въ 1768 году; въ 1792 году назначенъ былъ посланникомъ въ Константинополь. Въ 1798 году назначенъ вице-канцлеромъ. Имѣлъ большое участіе въ преобразованіяхъ Императора Александра I въ началѣ его царствованія, а въ устройствѣ гражданской части при Императорѣ Николаѣ I главное участіе по самую свою смерть въ 1834 году. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ государственнымъ канцлеромъ по гражданскимъ дѣламъ.

[59] Герцогъ Юлій Полиньякъ, возведенный въ это достоинство Людовикомъ XVI, мужъ извѣстной воспитательницы дѣтей королевы Маріи Антуанеты, (gouvernante des enfans de France), скончавшейся въ Вѣнѣ 9 декабря 1793 года. Сынъ, сопровождавшій его въ Петербургъ, вѣроятно, младшій — Мельхіоръ, потому что оба старшіе брата: Арманъ (по смерти отца съ 1817 г. герцогъ) и Юлій, произведенный Папой въ князья, виновникъ (1830) паденія старшей линіи Бурбоновъ, — уже были дѣятелями въ эмиграціи, особенно Юлій, адъютантъ графа д'Артуа. Они оба участвовали въ заговорѣ Георгія Кадудаля и Пишегрю (1804) и содержались въ заключеніи по 1814 годъ; въ этомъ году они бѣжали изъ заключенія и присоединились къ графу д'Артуа. Полиньяки, поселившіеся въ Россіи, были: братъ герцога, графъ Людовикъ и двѣ сестры: графиня Діана и Бетси, изъ коихъ послѣдняя была за мужемъ за камеръ-юнкеромъ Собакинымъ.

Toute la famille Polignac a été jusqu'à présent en Volhinie, où elle avait des terres en ferme.

Je joins ici sous le cachet de mes armes deux pièces détachées faisant la suite au cahier des pièces secrètes, que j'ai adressées à Votre Altesse Em-me par mon courrier.

J'ai retardé de quelques jours l'expédition de la présente dépêche pour attendre le départ de Mr. le Chev. O'Hara et la faire parvenir à Malte avec plus de sûreté et toute la promptitude.

Je suis avec le plus profond respect

Monseigneur de Votre Altesse Eminentissime

à St. Pétersbourg ce 25 Janvier (5 Février) 1797.

Monseigneur

Mr. le Chevalier O'Hara est trop favorablement connu de Votre Altesse Em-me pour qu'il ait besoin auprès d'Elle d'aucune recommandation de ma part. Il a déjà reçu des marques de sa bienveillance, et il s'est toujours fait une gloire d'y répondre avec un parfait dévouement et toute la reconnaissance.

C'est donc pour rendre justice à ces sentimens que, d'après sa demande, je lui ai donné cette lettre qu'il aura l'honneur de remettre lui même à V. Em-ce. Je m'estime fort heureux d'avoir contribué à lui obtenir la place qu'il va occuper dans la Légation de Russie à Malte; car indépendamment

---

сячу душъ, что можетъ быть оцѣнено въ 5000 р. ежегоднаго дохода. Все семейство Полиньяковъ до сихъ поръ проживало на Волыни, гдѣ оно имѣло арендованныя земли.

Присоединяю здѣсь за печатью моего герба двѣ отдѣльныя записки, служащія продолженіемъ къ тетради секретныхъ бумагъ, отправленныхъ къ Вашему Преимуществу съ моимъ курьеромъ.

Я пріостановилъ на нѣсколько дней отправленіе настоящей моей депеши, въ ожиданіи отъѣзда г. кавалера О'Гары, для доставленія оной въ Мальту болѣе вѣрнымъ и ускореннымъ образомъ.

Имѣю честь и т. д.

Петербургъ 25 Января (5 Февраля) 1797 г.

Письмо при № 62.

Кавалеръ О'Гара извѣстенъ Вашему Преимуществу слишкомъ съ хорошей стороны, чтобы ему нужна была моя рекомендація. Онъ уже имѣетъ знаки вашего къ нему благорасположенія, и онъ себѣ поставлялъ всегда за честь воздавать за это совершенную преданность и полную признательность.

Лишь для засвидѣтельствованія его чувствъ и по его просьбѣ, я снабдилъ его этимъ письмомъ, которое онъ будетъ имѣть честь самъ вручить Вашему Преимуществу. Я считаю себя весьма счастливымъ, что я содѣйствовалъ полученію имъ мѣста,

de la satisfaction que j'éprouve, en voyant qu'il a enfin atteint le but de ses voeux, je suis intimement convaincu, que de cette nomination ne peut qu'en résulter le bien du service.

Ses sentimens de profond respect pour Votre Altesse Em-me et de véritable attachement pour notre Ordre, ses principes honnêtes et élevés, me sont un sûr garant de la droiture que le Chevalier O'Hara mettra dans ses démarches, et dans le maniement des affaires.

Je m'applaudis enfin d'avoir rempli de cette manière les ordres dont V. A. Em-me m'a itérativement chargé sur cet objet; et je suis très-persuadé que la continuation de Sa bienveillance pour le Chevalier O'Hara sera le titre le plus précieux pour lui obtenir l'avancement dans sa carrière.

Mr. le Chevalier O'Hara a bien voulu se charger de mes dépêches pour V. A. Em-me; mais comme il comptait s'arrêter quelque tems à Naples et peut-être en Sicile, je l'ai prié de les remettre au Vén-ble Bailli Francone, et j'espére qu'elles seront déjà parvenues à Votre Em-ce.

Je suis avec le plus profond respect

Monseigneur de Votre Altesse Em-me

à St. Pétersbourg ce 25 Janvier (5 Février) 1797.

№ 63 *.

Monseigneur

Les affaires générales de la Pologne étant déjà définitivement terminées

---

которое онъ займетъ при Русской миссіи въ Мальтѣ; независимо отъ ощущаемаго мною удовольствія, видѣть что онъ наконецъ достигъ цѣли своихъ желаній, я внутренно убѣжденъ, что отъ этого назначенія можетъ только проистечь польза для службы.

Его чувства глубокой преданности къ Вашему Преимуществу и истинной привязанности къ нашему ордену, его честныя и благородныя правила, суть для меня вѣрное ручательство прямоты дѣйствій кавалера О'Гара и веденія имъ дѣлъ.

Я весьма радуюсь, что я исполнилъ такимъ образомъ неоднократныя приказанія Вашего Преимущества по сему предмету, и я весьма увѣренъ, что продолженіе Вашего расположенія къ кавалеру О'Гара будетъ для него самымъ драгоцѣннымъ засвидѣтельствованіемъ для полученія повышенія въ его карьерѣ.

Кавалеръ О'Гара благоволилъ взять на себя доставленіе моихъ депешъ на имя Вашего Преимущества, но такъ какъ онъ долженъ на нѣкоторое время оставаться въ Неаполѣ, то я просилъ его передать ихъ почтенному Бальи Франконе, и надѣюсь что они доставлены уже Вашему Преимуществу.

Имѣю честь быть

С. Петербургъ 25 Января (5 Февраля) 1797 г.

* Переводъ.

№ 63. Общія Польскія дѣла, будучи уже положительно окончены между тремя

entre les trois Cours co-partageantes, et chacune de celles-ci étant actuellement sur le point de prendre les arrangemens particuliers concernants les provinces qui leur sont tombées en partage, et lesquels formeront à l'avenir le système stable et fixe de chaque gouvernement, mon zèle me porte à rappeler à V. A. Em-me les justes prétentions, et les droits que nous avons sur les biens de l'Ordre supprimé du St. Sépulcre qui nous ont été assignés itérativement par les Bulles du St. Siége. Ces biens se trouvant situés presqu'en totalité dans les provinces qui ont passé sous la domination de la Maison d'Autriche, et nommément dans le Palatinat de Cracovie, je ne doute pas que V. Em-ce portant ses sollicitudes sur tous les objets qui peuvent intéresser le bien et la prospérité de son Ordre, ne renouvelle à une époque aussi importante et décisive ses instructions à la Légation de Malte à Vienne pour faire valoir auprès de la Cour Impériale et Royale nos droits sur les

---

дворами, принявшими участіе въ раздѣлѣ, и каждая изъ оныхъ приступая теперь къ отдѣльному устройству относительно областей, полученныхъ на ихъ долю, установливающему для будущаго постоянную и опредѣленную систему для каждаго правительства; я усердіемъ моимъ побуждаемъ напомнить Вашему Преимуществу законныя претензіи и права наши на имѣнія уничтоженнаго ордена Святаго Гроба, которыя намъ повторительно дарованы были папскими буллами [60]. Эти имѣнія расположены почти всѣ въ областяхъ, перешедшихъ подъ владычество Австрійскаго дома, и именно въ воеводствѣ Краковскомъ, я не сомнѣваюсь, что Ваше Преимущество, распространяя свою заботливость на всѣ предметы, могущіе имѣть вліяніе на пользу и благоуспѣяніе своего ордена, возобновите въ столь важную и рѣшительную эпоху ваши инструкціи Мальтійскому посольству въ Вѣнѣ о ходатайствѣ при Императорскомъ и Королевскомъ Вѣнскомъ дворѣ относительно нашихъ правъ на вышеупомянутыя имѣнія.

Можно надѣяться съ основаніемъ, что справедливость и очевидность нашихъ правъ,

[60] Папа Инокентій VIII, буллой 1489 года, уничтожилъ орденъ Святаго Гроба Господня и Св. Лазаря, съ присоединеніемъ ихъ имущества къ ордену Св. Іоанна Родосскаго, въ послѣдствіи Мальтійскаго. Булла эта не была признана во Франціи. 13 февраля 1547 г. она отвергнута парламентомъ, согласно заключенію генералъ-прокурора. Въ ноябрѣ 1574 г. король Французскій Генрихъ III подтвердилъ соединеніе ордена Св. Гроба Господня съ орденомъ Мальтійскимъ; — но королевскій прокуроръ Léon de la Guesle воспротивился скрѣпленію оной въ парламентѣ и дѣло осталось не рѣшеннымъ. Папа Павелъ V, въ началѣ XVII столѣтія, подтвердилъ присоединеніе ордена Св. Гроба Господня къ Мальтійскому. Въ 1672 г. Людовикъ XIV присоединилъ имущество ордена къ ордену Св. Лазаря, а въ 1693 г. по присоединеніи сего послѣдняго (также уничтоженнаго папскою буллой) къ ордену Св. Михаила, онъ призналъ отдѣльное существованіе ордена, — въ орденѣ Св. Михаила. Каноники Св. Гроба Господня и Архиконфрерія Св. Гроба Господня составлявшіе одно цѣлое и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльное учрежденіе, были также уничтожены Папой Инокентіемъ VIII. Папа Александръ VI (Borgia) призналъ за начальникомъ Кордельеровъ въ Іерусалимѣ право даровать военный орденъ Св. Гроба Господня поклонникамъ дворянскаго происхожденія. Архиконфрерія въ Парижѣ, не смотря на свое и всего ордена уничтоженіе, продолжала существовать до революціи, подтверждая право своего существованія различными обрядами, пріемами и отвѣтами королей по случаю различныхъ привѣтствій. Оно продолжалось такъ до Людовика XVI и даже Людовика XVIII, который на привѣтствія въ 1814 году отвѣчалъ милостиво и уклончиво, что онъ приметъ ихъ дѣло въ соображеніе.

biens susmentionnés. L'on peut espérer avec fondement, que la justice et l'évidence de nos droits, l'équité de l'Empereur, la bienveillance qu'il a toujours manifestée pour l'Ordre de Malte, l'exemple de la Russie qui nous donne dans ce moment tant de preuves d'affection, le zèle et les soins de cette même Légation de Malte à Vienne, mettront l'Ordre de Malte en possession d'une propriété qui lui appartient par des titres si légitimes. Il serait d'autant plus essentiel de l'obtenir actuellement que les établissements que l'on pourrait en former, serviraient à procurer un dédommagement convenable à ceux des Chevaliers du ci-devant Grand-Prieuré de Pologne qui sont sujets Autrichiens, et qui sont exclus de celui de Russie d'après l'article de notre Convention qui par une loi expresse et générale n'admet que des sujets de cet Empire.

Pouvant faire partir cette dépêche par une occasion particulière et sans l'exposer à l'inspection et au commentaires des différens Gouvernemens intermédiaires je me vois à même d'informer à présent V. Em-ce qu'il y a eu ici parmi les paysans de quelques provinces intérieures de l'Empire des mouvemens qui ont été occasionnés plutôt par l'ignorance et la séduction que par un esprit de révolte, et n'étaient nullement dirigés contre le Gouvernement. Dans les premiers jours du nouveau règne tous les paysans et habitans de la campagne ayant été appellés à prêter le serment de fidélité à Sa Majesté l'Empereur, ceux de quelques provinces ont cru qu'ils étaient par là relevés de l'obéissance qu'ils devaient à leurs Seigneurs particuliers

---

правосудіе Императора, благорасположеніе, имъ постоянно оказываемое мальтійскому ордену, примѣръ Россіи, представляющей въ настоящее время столько доказательствъ къ намъ дружбы, и усердіе и заботливость мальтійскаго посольства въ Вѣнѣ доставятъ мальтійскому ордену пользованіе имѣніемъ, ему принадлежащимъ на столь законныхъ основаніяхъ. Тѣмъ болѣе важно пріобрѣсти это въ настоящее время, что помѣстья, которыя можно было бы образовать, могли бы послужить приличнымъ вознагражденіемъ тѣмъ изъ мальтійскихъ кавалеровъ бывшаго Великаго Пріорства Польского, которые теперь сдѣлались Австрійскими подданными, и исключены изъ Пріорства Русскаго на основаніи общаго и положительнаго закона, допускающаго лишь подданныхъ этого государства, въ силу статьи нашей конвенціи.

Такъ какъ депеша эта можетъ быть отправлена частнымъ образомъ, не подвергаясь наблюденію и комментаріямъ различныхъ правительствъ, я поставленъ въ возможность извѣстить нынѣ Ваше Преимущество, что здѣсь были между крестьянами нѣсколькихъ внутреннихъ областей Имперіи движенія, причиненныя болѣе невѣденіемъ и обольщеніемъ чѣмъ духомъ возстанія, и вовсе не были направлены противъ Правительства. Въ первые дни новаго царствованія всѣ крестьяне и деревенскіе жители были приведены къ присягѣ на вѣрность Его Императорскому Величеству; многіе въ нѣкоторыхъ областяхъ подумали, что они этимъ освобождены отъ послушанія, которое они должны оказывать своимъ господамъ и что они отнынѣ будутъ принадлежать непо-

et qu'ils appartiendraient dorénavant immédiatement à la Couronne; ce qui en effet en les laissant dans leur état d'esclavage eût amélioré de beaucoup leur sort, les paysans de la Couronne payant des redevances bien plus modiques et toujours fixes, tandis que ceux qui appartiennent aux différens Seigneurs en contribuant d'avantage sont continuellement exposés à plus d'arbitraire et à la volonté de leur maîtres respectifs. Dans cette fausse persuasion ils ont refusé toute redevance à leurs propriétaires et par les suggestions de quelques malveillans répandus parmi eux et qui trouvaient sans doute leur intérêt dans les troubles et le désordre ils se sont portés dans quelques endroits à des excès assez conséquents et qui pouvaient avoir des suites très-sérieuses. Le Gouvernement a publié un Manifeste pour faire connaître les véritables intentions du Souverain et enjoindre à ces paysans l'obéissance et le payement de ce qui est dû à leurs Seigneurs. On s'est même cru dans la nécessité de faire marcher des troupes de différentes côtés,

---

средственно казнѣ; это дѣйствительно, оставляя ихъ въ крѣпостномъ состояніи, на многое улучшило бы ихъ судьбу; казенные крестьяне уплачиваютъ подати горазда болѣе умѣренныя и всегда опредѣленныя, тогда какъ принадлежащіе различнымъ владѣльцамъ, платя болѣе, постоянно подвергнуты большому произволу и самовластію ихъ соотвѣтствующихъ владѣльцевъ. Въ этой ложной увѣренности они отказались отъ всѣхъ повинностей въ пользу своихъ владѣльцевъ, и въ слѣдствіе подстрекательствъ нѣкоторыхъ злонамѣренныхъ, распространенныхъ между ними, находящихъ безсомнѣнно свою пользу въ смутахъ и безпорядкѣ, они въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приступили къ насиліямъ, довольно значительнымъ и могущимъ имѣть важныя послѣдствія. Правительство обнародовало манифестъ для извѣщенія объ истинныхъ намѣреніяхъ Государя, съ повелѣніемъ этимъ крестьянамъ послушаться и платить должное ихъ владѣльцамъ. Даже нашли нужнымъ сосредоточивать войска съ разныхъ сторонъ, и фельдмаршалъ князь Репнинъ [61] самъ выѣхалъ изъ Петербурга для начальствованія надъ войсками,

[61] Касательно этихъ волненій послѣдовали одно за другимъ два повелѣнія: Именный Указъ 14 января 1797 г. № 17,730, объявленный генералъ-прокуроромъ, опровергающій извѣстія о волненіи.

Его Императорское Величество, по случаю доходящихъ изъ разныхъ мѣстъ увѣдомленій, объ отложеніи крестьянъ отъ должнаго повиновенія, кои оказываются или ложными, или никакого уваженія не заслуживающими, Высочайше повелѣть соизволилъ: предложить къ свѣдѣнію Сената Высочайшее сдѣланное мнѣ, по званію моему, препорученіе, изыскать виновниковъ таковыхъ пустыхъ къ начальству донесеній, и сихъ ложныхъ доносителей предать узаконенному сужденію.

29 января 1797 г. за № 17,769 (П. С. З.) обнародованъ Манифестъ о возникшихъ безпорядкахъ. Для усмиренія крестьянъ посланъ былъ князь Николай Васильевичь Репнинъ, сынъ фельдцейгмейстера князя Василія Аникитича.

По Бантышъ-Каменскому—князь Н. В. родился 11 марта 1734 г., скончался 12 мая 1801 года. Онъ былъ посломъ въ Польшѣ съ 1763 по 1769 г. Затѣмъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ. Въ 1777 г. назначенъ Смоленскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1788 году участвовалъ во второй Турецкой войнѣ. Въ 1792 г. назначенъ Ревельскимъ и Рижскимъ Намѣстникомъ. Съ 1794 г., сохраняя эту должность, назначенъ Литовскимъ Намѣстникомъ. 8 ноября 1796 г. сдѣланъ фельдмаршаломъ.

et le Maréchal Prince de Repnin est parti lui-même de Pétersbourg pour en prendre le commandement, apaiser ces mouvemens et ramener les esprits à la soumission et à la tranquillité. En effet les derniers rapports que l'on vient de recevoir là-dessus, sont des plus satisfaisans car ils annoncent que tout rentre succesivement dans l'ordre.

Le système politique de la Russie à l'égard des affaires de France et particulièrement les sentimens et la façon de penser de Sa Majesté l'Empereur se montrent de plus en plus d'une manière bien prononcée et favorable pour les Cours alliées, et suivant les premières notions que j'ai données à V. A. Em-me du commencement du nouveau règne. Outre les protestations que la Cour de Pétersbourg a faites à cet égard à celles de Vienne et de Londres, et à l'Empire Germanique en déclarant qu'elle tiendra fidèlement ses anciennes liaisons et traités avec les susdites Cours, Sa Majesté l'Empereur vient à présent d'en donner des assurances encore plus positives et de déclarer ouvertement à cet égard ses intentions. Il en a assuré lui même ces jours-ci Mr. le Comte de Cobenzl Ambassadeur de Vienne en lui manifestant de la manière la plus positive toute la part qu'il prend aux intérêts et à la situation de la Maison d'Autriche, et à ce qu'elle soit mise à même de combiner une paix convenable et solide; et que pour lui obtenir cela il fera lui même de son côté tout ce qui sera en son pouvoir. Il a ajouté combien il désirait de se montrer en allié fidèle; et que sans la désorganisation générale de son armée (c'est sa façon de s'expliquer sur l'état des choses

---

усмиренія этимъ движенія, и склоненія умовъ къ подчиненію и спокойствію. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднія, полученныя теперь, донесенія по этому предмету болѣе удовлетворительны; они извѣщаютъ, что все постепенно приходитъ въ порядокъ.

Политическая система Россіи относительно Франціи, въ особенности же чувства и образъ мыслей Его Императорскаго Величества, выясняются болѣе выразительнымъ и благопріятнымъ для союзныхъ дворовъ образомъ и согласно съ первыми указаніями, сообщенными мною Вашему Преимуществу въ началѣ новаго царствованія. Кромѣ данныхъ по сему предмету Петербургскимъ дворомъ Вѣнскому, Лондонскому и Германской Имперіи увѣреній, объявляющихъ, что онъ свято соблюдетъ свои прежнія связи и союзы съ вышеупомянутыми дворами, Его Императорское Величество нынѣ дало увѣренія еще болѣе положительныя и объявило открыто свои намѣренія по сему предмету. Онъ самъ, на дняхъ, засвидѣтельствовалъ это Вѣнскому послу графу Кобенцелю, объявивъ ему самымъ положительнымъ образомъ все участіе, принимаемое имъ въ интересахъ и положеніи Австрійскаго дома, и въ достиженіи онымъ приличнаго и твердаго мира; для достиженія этого онъ самъ, съ своей стороны, сдѣлаетъ все, что возможно. Онъ присовокупилъ, что ему весьма желательно явить себя вѣрнымъ союзникомъ; но въ слѣдствіе общаго разстройства его войска (это его манера выражаться относительно имъ застигнутаго положенія дѣлъ) и не будь движеній, обнаружившихся

qu'il a trouvé) et sans les mouvemens qui se sont annoncés dans l'intérieur il se serait promptement décidé à assister la Maison d'Autriche avec un corps de troupes auxiliaires. Mais que les choses prenant déjà plus de stabilité, que les rapports de l'intérieur où tout se calmait, étant plus rassurant, il ne désirait rien autre que de voir tout bien affermi et de pouvoir être à même de se montrer en effet tel qu'il s'annonçait. Et qu'enfin quant à la Prusse il se chargeait de lui donner de tems en tems et à propos de chiquenaudes (c'est la phrase Impériale) pour la tenir en respect vis-à-vis de la Maison d'Autriche.

Ces protestations répétées ici dans le même sens par le Ministère Impérial ne pouvaient venir plus à propos que dans le moment actuel; et les deux Ministres de Vienne et de Londres n'ont pas manqué d'en saisir l'opportunité pour reprendre les anciens projets et le discours de la négociation particulière de l'envoi des troupes Russes en Allemagne interrompue au moment de la signature par la mort de Cathérine II. Je ne suis pas éloigné de croire que la susdite négociation pourrait être actuellement reprise si non pour la totalité, du moins pour une partie avec un grand espoir de succès.

L'on m'assure même que le Ministère Impérial donnera dans ce jour à l'Ambassadeur de Vienne une Note à cet égard contenante les mêmes protestations et la promesse positive que dans tous les cas que la Maison d'Au-

---

во внутренности Имперіи, онъ скоро бы рѣшился, для содѣйствія Австрійскому дому, выставить вспомогательный корпусъ. Дѣла становятся болѣе тверды, а донесенія изъ внутреннихъ губерній, гдѣ все приходило въ порядокъ, будучи болѣе успокоительны, не оставляютъ ему ничего болѣе, какъ желаніе видѣть все благоустроеннымъ и бытъ въ положеніи показать себя таковымъ, какъ онъ самъ себя выставляетъ. Наконецъ, что касается до Пруссіи, онъ беретъ на себя отъ времени до времени и кстати давать щелчки (это собственное выраженіи Государя), дабы содержать ее въ респектѣ въ отношеніи къ Австрійскому дому.

Увѣренія въ этомъ же смыслѣ, повторенныя здѣсь Императорскимъ министерствомъ, не могли быть болѣе кстати какъ въ настоящее время; оба посланника Вѣнскій и Лондонскій не преминули воспользоваться этимъ поводомъ, чтобы возвратиться къ прежнимъ проектамъ и завести рѣчь о переговорахъ, относившихся до отправленія Русскихъ войскъ въ Германію, остановившихся въ самое время подписанія договора кончиной Екатерины II. Я довольно расположенъ думать, что вышеупомянутые переговоры могутъ быть снова зачаты, если не въ полномъ объемѣ, то по крайней мѣрѣ отчасти, съ большей надеждой на успѣхъ.

Меня даже увѣряютъ, что Императорское министерство передастъ на дняхъ Вѣнскому послу ноту по сему предмету, которая будетъ содержать тѣже увѣренія и положительное обѣщаніе, что во всѣхъ случаяхъ когда Австрійскій домъ подвергнется на-

triche serait menacée ou attaquée dans ses provinces héréditaires en deçà du Rhin, la Russie s'engage à la soutenir et à la défendre avec ses propres troupes et par les forces que les circonstances pourront lui permettre. Cette Note doit contenir une nouvelle promesse de la part de la Russie de fournir exactement les subsides stipulés en argent en faveur de la Maison d'Autriche; et enfin les motifs qui empêchent la Russie d'intervenir dès-à-présent dans la guerre actuelle par une armée auxiliaire fondés sur les circonstances intérieures du pays énoncées ci-dessus.

Il est certain qu'une intervention quelconque de la Russie ne pourrait être que très-avantageuse à l'Autriche dans un moment où la paix parait encore plus éloignée que jamais, devient plus difficile à combiner (à moins que la Cour de Vienne ne se prête enfin à écouter les propositions qu'on lui fait pour une paix séparée et qui pourrait même à présent lui être conseillée par quelqu'une des puissances ses alliées) et dans le moment surtout des grands revers que les armées Autrichiennes viennent d'essuyer en Italie. Ces fâcheuses nouvelles parvenues ici ont vivement affecté Sa Majesté l'Empereur; il en a témoigné un chagrin bien senti, et il en a parlé en véritable allié, et comme d'une chose qui le touchait de fort près.

Les rapports de Commerce de la Russie avec les autres Nations et les résultats des recherches que j'ai faites sur cet objet important d'après les registres des Douanes de St. Pétersbourg et de Cronstadt sont des notions

---

паденію въ его наслѣдственныхъ областяхъ, по сю сторону Рейна, Россія обязуется содѣйствовать оному и защищать его собственными своими войсками въ той мѣрѣ, которую обстоятельства дозволятъ употребить. Эта нота должна содержать новое обѣщаніе со стороны Россіи доставлять исправно условленныя субсидіи серебромъ въ пользу Австрійскаго дома; наконецъ причины, которыя препятствуютъ Россіи нынѣ же принять участіе въ настоящей войнѣ, посредствомъ вспомогательнаго войска, основаны на внутреннихъ обстоятельствахъ страны, изложенныхъ выше.

Навѣрное, вмѣшательство Россіи, каково бы оно ни было, можетъ быть только весьма выгоднымъ для Австріи въ то время когда миръ кажется еще болѣе отдаленнымъ чѣмъ когда либо, и устройство его болѣе затруднительно (развѣ Вѣнскій дворъ согласится поддаться на предложенія, ему дѣлаемыя, объ отдѣльномъ мирѣ, это даже и въ настоящее время можетъ быть совѣтуетъ ей одна изъ союзныхъ державъ,) особенно же послѣ сильныхъ пораженій претерпѣнныхъ Австрійскими войсками въ Италіи. Эти прискорбныя извѣстія, дошедшія сюда, сильно огорчили Его Императорское Величество; онъ изъявилъ свое чистосердечное прискорбіе и говорилъ объ этомъ какъ вѣрный союзникъ, и какъ о предметѣ весьма близко до него касающемся.

Торговыя отношенія Россіи съ прочими народами, и выводы изъ сдѣланныхъ мною изысканій по этому важному предмету, на основаніи С. Петербургскихъ и Кронштадтскихъ таможенныхъ отчетовъ, суть свѣдѣнія, могущія возбудить вниманіе всѣхъ тѣхъ,

qui peuvent intéresser l'attention de tous ceux qui savent combien son état florissant, en faisant prospérer l'agriculture et les manufactures donne de puissance à un empire. Il résulte par les listes des Douanes de ces deux ports que l'exportation des marchandises dans l'année dernière a surpassé environ de onze millions de Roubles l'importation et que par conséquent il faut calculer d'après cette somme l'activité de leur commerce. Pendant cette année, indépendemment des autres ports de la Russie sur la Baltique, ont mouillé dans ces deux ports presque douze cents bâtimens marchands. En observant que tous ces bâtimens ont une destination directe pour les deux dits ports, et qu'aucun ne vient ici seulement par relâche ou par occasion de passage, l'on verra que leur nombre est en lui-même très-considérable.

Les produits de la Douane ont montés à trois millions cinq cents mille Roubles. Cette activité de commerce ne pouvait manquer d'influer fort utilement sur le cours du change; aussi l'a-t-on vu se soutenir fort avantageusement pour la Russie et augmenter même dans les derniers trois mois de l'année avec l'Angleterre, la Hollande et Hambourg qui ont un change direct avec la Russie.

Parmi les nations qui trafiquent dans la Baltique avec cet Empire, les Anglais sont ceux qui ont plus de part à son commerce tant par le nombre des vaisseaux qui abordent dans les ports de Pétersbourg et de Cronstadt que par les calculs d'importation et d'exportation. Il est à observer ici que

---

которые знають на сколько ея цвѣтущее состояніе, споспѣшествуя земледѣлію и мануфактурамъ, даетъ могущество Государству. Изъ таможенныхъ отчетовъ этихъ двухъ гаваней явствуетъ, что вывозъ товаровъ въ прошломъ году превзошелъ привозъ на одинадцать милліоновъ рублей, а на основаніи этой суммы и слѣдуетъ опредѣлять дѣятельность ихъ торговли. Въ теченіи этого года, кромѣ прочихъ гаваней въ Балтійскомъ морѣ, въ этихъ двухъ портахъ стояло на якорѣ около 1200 торговыхъ судовъ. Принявъ въ соображеніе, что всѣ эти суда прямо отправлялись въ сказанные два порта, и что ни одно не заходитъ сюда по какимъ либо своимъ случайнымъ нуждамъ, или потому что эти порта лежатъ на пути, то число это само по себѣ весьма значительно.

Таможенные доходы достигли трехъ милліоновъ пяти сотъ тысячь рублей. Эта торговая дѣятельность не могла не влiять благотворно на размѣнный курсъ; онъ былъ постоянно весьма выгоденъ для Россіи и въ послѣдніе три мѣсяца года онъ еще болѣе возвышался въ отношеніи Англіи, Голландіи и Гамбурга, имѣющихъ непосредственные расчеты съ Россіей.

Между народами, торгующими въ Балтійскомъ морѣ съ этой Имперіей. Англичане имѣютъ наибольшее участіе. какъ по числу своихъ, судовъ приходящихъ въ Петербургъ и Кронштадтъ, такъ и въ отношеніи привоза и вывоза. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Англичане вывозятъ гораздо болѣе чѣмъ привозятъ и что въ прошломъ году балансъ

les Anglais exportent beaucoup plus qu'ils n'importent et que pour l'année dernière leur passivité vis-à-vis de la Russie dans ces deux ports a été de quatorze millions cinq cents mille Roubles. Il faut conclure de là que ces deux Nations, dont l'une trouve dans ce commerce un débouché si utile pour ses produits et une activité si grande, et l'autre les marchandises dont elle a besoin et augmentent en Angleterre la masse totale de son commerce, seront toujours intéressées à conserver entre elles une entière communication et une parfaite intelligence.

Il est à remarquer aussi que cet apperçu n'est relatif qu'à une partie du commerce de la Russie dans la Baltique dans lequel ne sont pas calculés les résultats commerciaux des autres ports de la Finlande, de l'Esthonie, de la Livonie et de la Courlande. Il faut ajouter tout le commerce que la Russie fait dans les mers du Nord qui est tout actif pour elle et celui qu'elle fait dans la mer Noire et dans la mer Caspienne, et enfin le commerce très-étendu qui a lieu par terres avec les autres empires qui l'avoisinent et forment ses immenses frontières.

Je me flatte que V. A. Em-me daignera regarder ces notions relatives au commerce d'une puissance auprès de la quelle je réside comme une preuve de mon zèle; et si elles peuvent intéresser sa curiosité, comme un objet qui ne sera pas tout à fait étranger dans ma correspondance.

ихъ въ отношеніи къ Россіи по этимъ двумъ портамъ былъ не въ пользу ихъ на четырнадцать милліоновъ пять сотъ тысячъ рублей. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что эти два народа, изъ коихъ одинъ находитъ въ этой торговли столь полезный рынокъ для своихъ произведеній и столь большую дѣятельность, другой же находитъ товары въ коихъ нуждается и которые увеличиваютъ въ Англіи общую массу ея торговли, будутъ постоянно заинтересованы сохранить между собой ненарушимое сообщеніе и согласіе.

Слѣдуетъ также замѣтить, что это обозрѣніе относится только до части Русской торговли въ Балтійскомъ морѣ, въ которой не вычислены результаты торговли въ прочихъ портахъ Финляндіи, Естляндіи, Лифляндіи и Курляндіи. Слѣдуетъ еще прибавить торговлю, ведомую Россіей въ Сѣверныхъ моряхъ, балансъ коей совершенно въ ея пользу, торговлю въ Черномъ море, въ Каспійскомъ, и наконецъ весьма обширную сухопутную торговлю съ другими сосѣдними Государствами, образующими ея пространныя границы.

Я обнадеживаю себя, что Ваше Преимущество благоволитъ видѣть въ этихъ свѣдѣніяхъ относительно торговли Державы, при коей я акредитованъ, доказательство моего усердія и предметъ, не совсѣмъ посторонній въ моей перепискѣ, если это только можетъ возбудить ваше любопытство. [62]

[62] Эти свѣдѣнія не лишены интереса и въ настоящее время, по отсутствію печатныхъ свѣдѣній о торговомъ движеніи до 1802 года; срав. статьи г-на Бунге въ Русскомъ Вѣстникѣ за Октябрь и Ноябрь 1867 года.

Le nouveau Traité de Commerce dont il est actuellement question entre la Russie et l'Angleterre et dont j'ai déjà rendu compte à V. Altesse Em-me n'a pas pu encore être porté à sa fin, vu que dans la discussion des différens projets il y a des articles qui rencontrent quelques difficultés. Le plus difficile à combiner est celui qui a rapport au payement des droits de la Douane pour l'importation, lesquels par une loi générale établie depuis plusieurs années toutes les nations doivent payer en Risdales de Hollande. L'Angleterre demande à présent dans son Traité à stipuler de profiter de l'ancien privilége qu'elle avait d'exécuter tous les payemens pour l'importation en monnaies du pays, ou en toute autre valeur équivalente. Cette condition sur la quelle il est certain que l'Angleterre insistera autant qu'il lui sera possible, est de la plus grande conséquence pour la Russie, vu que l'importation

---

Новый торговый договоръ, о которомъ теперь идетъ рѣчь между Россіей и Англіей и о коемъ я уже доводилъ до свѣдѣнія Вашего Преимущества, еще не доведенъ до окончанія, потому что при обсужденіи различныхъ предположеній находятся статьи, встрѣчающія еще нѣкоторыя затрудненія. Самое трудное соглашеніе относится до уплаты таможенныхъ податей по привозу, которыя въ силу общаго закона, существующаго уже нѣсколько лѣтъ, должны быть всѣми народностями уплачиваемы голландскими рикссталерами. Нынѣ Англія домогается въ своемъ договорѣ установить пользованіе прежняго своего преимущества, дѣлать всѣ платежи по привозной торговлѣ мѣстными деньгами или другими одинаковаго достоинства цѣнностями [63]. Это условіе, на которомъ Англія навѣрно будетъ елико возможно настаивать, весьма важно для Россіи, потому что Англійская привозная торговля самая значительная, и она еще

[63] Бумажками или иностранной золотой и серебряной монетой по курсу, тогда какъ Указомъ 16 Января 1797 года № 17,739. П. С. З., предписывается считать полновѣсный ефимокъ за одинъ рубль сорокъ копѣекъ, по этому же Указу Рижскіе и Курляндскіе порты въ платежѣ пошлинъ остаются на прежнемъ основаніи до изданія новаго тарифа.

Въ таможенномъ регламентѣ Петра Великаго, 31 Января 1724 г.—статьѣ 41—«пошлинныя деньги надлежатъ плачены быть прежде, нежели товары изъ пакгауза хозяинъ возметъ, а въ отпускъ нагруженной корабль не отпускать изъ порта, пока пошлина принята будетъ; а ежели кто ефимковъ не имѣетъ, тогда онъ долженъ вмѣсто того за всякой ефимокъ по 125 копѣекъ заплатить».

Въ объясненіи тарифа того же года за подписью Петра I сказано:

«По сему тарифу брать пошлину какъ съ привозныхъ такъ и отпускныхъ товаровъ полновѣсными ефимками, считая каждый ефимокъ по 50 копѣекъ. А ежели изъ Россійскихъ портовъ на иностранныхъ корабляхъ Россійскіе купцы товары свои въ другіе Государства отпускать будутъ, съ тѣхъ брать равную жъ пошлину противъ иноземцевъ ефимками, токмо вычитать изъ той пошлины земскую пошлину 5 процентовъ; а буде ефимковъ у Русскихъ не будетъ, то брать Россійскими деньгами по 125 копѣекъ за ефимокъ также и вывозную пошлину брать противъ иноземцевъ же. А которые Россійскіе купцы будутъ товары свои на собственныхъ своихъ корабляхъ, какъ построенныхъ въ Россіи, такъ и на купленныхъ иностраннаго дѣла отпускать за море, съ тѣхъ брать только третную пошлину и то Рускими деньгами, считая по 90 копѣекъ за ефимокъ, а съ вывозныхъ изчисляя противъ цѣны отпуска, да сверхъ того прибыли по 25 процентовъ третную жъ ефимками, а у города Архангельска съ отпуска на такихъ же Россійскихъ карабляхъ отъ Россійскихъ купцевъ половинную Россійскими деньгами, а съ вывозу половинную ефимками, зачитая прибыль противъ вышеписаннаго; и что сверхъ того зачету въ вывозѣ будетъ иностранныхъ товаровъ, и съ тѣхъ пошлину по тарифу имать полную ефимками.

anglaise est la plus forte et qu'elle le deviendrait encore d'avantage par une grande partie du commerce étranger que l'on ferait alors sous le pavillon anglais pour profiter de ce grand privilége qui serait accordé exclusivement à cette Nation. En outre cet exemple pourrait fournir une prétention fondée à toutes les autres puissances pour obtenir les mêmes avantages dans le renouvellement de leurs traités respectifs de commerce avec la Russie. Enfin par cette condescendance la Russie perdrait l'avantage qu'elle tire de cette loi qui est celui de faire entrer dans le pays annuellement une nouvelle somme d'argent en effectif que par le refonte augmente la masse des espèces circulantes. Mais il est à prévoir que toutes ces difficultés seront à la fin applanies, l'intérêt mutuel des deux nations y étant et un désir réciproque de faciliter la conclusion de ce Traité.

Le Maréchal Comte de Suvorow si connu par ses exploits et ses succès militaires vient d'obtenir sa démission. En effet ce Commandant n'étant plus à portée par son âge avancé et le délabrement de sa santé de suivre et de faire exécuter toutes les réformes et les changemens que S. M. l'Empereur veut introduire dans ses armées, a cru lui même convenable de demander sa retraite; ce qui lui à été accordé sans la moindre difficulté. Il quittera

---

болѣе увеличится въ слѣдствіе того, что большая часть иностранной торговли будетъ совершаться подъ Англійскимъ флагомъ, для пользованія этимъ важнымъ преимуществомъ, предоставленнымъ исключительно одной націи. Кромѣ того этотъ примѣръ далъ бы поводъ къ основательнымъ домогательствамъ всѣхъ прочихъ державъ, для достиженія тѣхъ же выгодъ, при возобновленіи своихъ торговыхъ договоровъ съ Россіей. Наконецъ подобной уступкой Россія утратила бы выгоду, извлекаемую изъ этого закона, состоящую въ томъ, что ежегодно ввозится въ эту страну новая масса серебра, что по переплавленіи увеличиваетъ массу звонкой ходячей монеты. Можно предвидѣть, что эти затрудненія будутъ окончательно улажены, по взаимнымъ выгодамъ обоихъ народовъ и взаимному желанію облегчить заключеніе этого договора.

Фельдмаршалъ графъ Суворовъ, столь извѣстный своими подвигами и воинскими успѣхами, получилъ нынѣ свое увольненіе. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ начальникъ не находясь болѣе въ состояніи, по своимъ преклоннымъ лѣтамъ и разстроенному здоровью, слѣдить и приводить въ исполненіе всѣ преобразованія и измѣненія, которыя Императоръ желаетъ вводить въ своихъ войскахъ, самъ счелъ приличнымъ просить о своемъ увольненіи; это было ему дано безъ малѣйшаго затрудненія. Въ слѣдствіе этого онъ оставилъ свое мѣсто въ главѣ войска, расположеннаго въ Польшѣ, и полагаютъ, что онъ пріѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ будетъ жить частнымъ человѣкомъ [64].

[64] Бантышъ-Каменскій, съ ссылкой на Московскія Современныя Вѣдомости, приводитъ изъ Именнаго повелѣнія 6 Февраля 1797 года: «За сдѣланный отзывъ (что онъ скучаетъ своимъ бездѣйствіемъ) фельдмаршаломъ графомъ Суворовымъ Его Императорскому Величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, ему дѣлать нечего—онъ отставляется отъ службы».

Депеша графа Литты написана за четыре дня до этого Высочайшаго повелѣнія. По Бантышъ-Каменскому оказывается, что Суворовъ, по удаленіи изъ арміи, жилъ въ Москвѣ и за

par conséquent le commandement de son armée qui était en Pologne; et l'on suppose qu'il se rendra à Pétersbourg où il restera comme simple particulier.

Le Prince de Zoubow à la suite de la démission de tous ses emplois et charges qu'il à reçue, vient d'obtenir la permission pour deux ans de voyager dans l'étranger. Il est déjà parti pour la Pologne, où il restera, dit-on, quelque tems sur ses terres qu'il a dernièrement reçues de la munificence de feue S. M. l'Impératrice, après quoi il profitera de cette permission pour voir d'autres pays. L'on dit que son frère le Général Comte Valérien que l'on attend de retour da la Perse où il avait le commandement de l'armée Russe, l'accompagnera dans ses voyages.

Je suis avec le plus profond respect
Monseigneur de Votre Alt-se Em-me

à St. Pétersbourg ce 2 (13) Février 1797.

№ 64 *.

Monseigneur

Par ma Dépêche № 62 j'ai mandé à V. Alt-se Em-me, que le Prince Poninski avait installé dans la Commanderie Szydlowski Monsr. Joseph

---

Князь Зубовъ, по увольненіи отъ всѣхъ должностей и званій, получилъ позволеніе отправиться на два года за границу. Онъ уѣхалъ въ Польшу, гдѣ говорятъ останется нѣкоторое время въ своихъ имѣніяхъ, полученныхъ имъ недавно отъ щедротъ покойной Императрицы; за тѣмъ онъ воспользуется позволеніемъ, чтобы посѣтить другія страны. Говорятъ, что братъ его, генералъ Валеріанъ, котораго ожидаютъ по возвращеніи его изъ Персіи, гдѣ онъ командовалъ Русскимъ войскомъ, будетъ его сопровождать въ его путешествіяхъ.

Имѣю честь и пр.

С. Петербургъ 2 (13) Февраля 1797 года.

* Переводъ.

№ 64. (Окончанія не достаетъ)

Моей депешей за № 62 я увѣдомлялъ Ваше Преимущество, что князь Понинскій

тѣмъ удаленъ былъ въ деревню, и въ Петербургъ явился лишь въ Февралѣ 1799 г. по приглашенію Императоровъ Россійскаго и Австрійскаго, для принятія начальства надъ арміей. Кретино Жоли (Т. I, стр. 188), въ исторіи принцевъ дома Конде, какъ будто на основаніи писемъ или преданій этого дома, говоритъ, что Суворова возвратили изъ удаленія въ теченіи зимы 1798 года: и «съ первой встрѣчи, Александръ почувствовалъ влеченіе къ герцогу d'Enghien. Онъ его любилъ какъ брата; и восхищался имъ какъ образцемъ. Эта привязанность, которую онъ вездѣ обнаруживалъ, была вѣроятно причиной замѣтнаго нерасположенія Царя. По крайней мѣрѣ, это фельдмаршалъ Суворовъ не опасался давать чувствовать обоимъ Бурбонамъ, сквозь свои расчитанныя странныя выходки. Суворовъ едва возвратился изъ удаленія, коему безъ основанія былъ приговоревъ за свою службу и славу, выставилъ себя, противъ вѣтра и теченія, защитникомъ королевской арміи и ея начальниковъ». Михайловскій-Данилевскій, на основаніи расказа племянника Суворова, князя Горчакова, расказываетъ о пребываніи Суворова въ Петербургѣ въ теченіи 3 или 4 дней, по приглашенію Императора Павла въ Сентябрѣ 1798 г. Объ увольненіи Суворова приведено въ приложеніи 218 къ XIII гл. I-го т. Ист. войны 1799 г. Михайловскаго-Данилевскаго, отношеніе Гр. Ростопчина отъ 14 Февр. 1797 г.

Szydlowski d'après la démission de son père. A la suite de cet acte Mr. Joseph Szydlowski vient de m'écrire pour me demander, s'il y manque quelque formalité ou devoir à remplir sur son investiture à la Commanderie dont son père vient de se démettre en sa faveur. Il est de mon devoir d'observer premièrement, que le Chapitre Provincial qui seul avait droit de procéder à cet acte de jurisdiction, n'était composé que du Prince Poninski, du jeune Commandeur Grabowski, et de Mr. Comelli qui étant passé à l'état conjugal a cessé, suivant les loix, d'être Chevalier de Justice; et enfin avec l'intervention de Mr. d'Albertrandi qui a été élu dernièrement à Varsovie évêque in partibus, personnage très-instruit et de beaucoup de mérite, mais en même tems tout à fait étranger dans notre Ordre. Ainsi ce Chapitre était illégal dans un point essentiel qui est celui du nombre des membres qui le composaient qui doit être, outre le Président, du-moins de trois Chevaliers Profès d'après le Statut XX. tit. du Chapitre., et vu que l'on-n'a pas même suppléè a ce défaut par la convocation de quelques Commandeurs de Famille, comme on aurait dû le faire suivant les privilèges et les facilités accordés par V. A. Em-me et son Sacré Conseil au ci-devant Grand-Prieuré de Pologne.

поставилъ на Шидловское командорство Іосифа Шидловскаго въ слѣдствіе отставки отца его. По этому случаю Іосифъ Шидловскій пишетъ мнѣ, спрашивая соблюдены ли всѣ формальности и обряды для его поставленія въ командоры въ слѣдствіе отреченія отца его въ его пользу. Долгомъ считаю замѣтить во первыхъ, что областный капитулъ, одинъ, имѣвшій право приступать къ этому подвѣдомственному ему дѣйствію, состоялъ лишь изъ князя Понинскаго, молодаго командора Грабовскаго и г. Комелли, вступившаго въ бракъ и тѣмъ лишившагося по законамъ права быть думнымъ кавалеромъ; [65] въ этомъ дѣлѣ принималъ также участіе выбранный недавно въ Варшавѣ въ епископы in partibus Альбертранди, [66] человѣкъ весьма ученый и достойный, но совершенно посторонній въ нашемъ орденѣ. Такимъ образомъ этотъ капитулъ былъ составленъ совершенно незаконно въ противность весьма существенному условію, чтобы число присутствующихъ членовъ состояло, кромѣ председателя, изъ трехъ членовъ, давшихъ обѣтъ [67] на основаніи статута о капитулѣ XX; при этомъ опущеніи не было даже соблюдено созваніе нѣкоторыхъ родовыхъ командоровъ, какъ это над-

[65] Chevalier de Juctice, кавалеръ по старшинству, настоящій кавалеръ, давшій обѣтъ цѣломудрія и имѣющій право голоса въ орденскихъ собраніяхъ—въ противоположность къ кавалерамъ di grazia — по милости, имѣвшіе право носить кресты въ петлицѣ безъ участія въ дѣлахъ ордена и безъ права на полученіе должности. Эти кавалеры могли быть иновѣрцы, женатые, однимъ словомъ отъ нихъ орденъ не требовалъ никакихъ обязанностей, ни обѣтовъ.

[66] Михаилъ Огинскій, въ описаніи благотворнаго вліянія Станислава Понятовскаго на просвѣщеніе и на успѣхи въ наукахъ въ его царствованіи, называетъ Албертранди мужемъ ученымъ и замѣчательнымъ антикваріемъ, отправленнымъ Понятовскимъ въ Стокгольмъ и Римъ для собранія матеріаловъ для польской исторіи. Огинскій говоритъ, что въ архивахъ находилось до ста томовъ рукописей, переписанныхъ его рукой.

[67] Chevalier profès.

Indépendamment de cette illégalité Statutaire il était d'autant plus essentiel de suspendre toute démarche relative au Grand-Prieuré de Pologne (surtout puisque ce retard n'était préjudiciable à personne et était nécessité par les circonstances du moment) que depuis la dissolution totale de ce royaume il fallait du moins attendre de connaître les intentions et la volonté du nouveau Souverain de la Pologne, et de savoir auparavant, si dans le moment que d'après les autorisations légales on vient de faire un nouveau Traité entre les Souverains respectifs, suivant lequel nos intérêts devront être nécessairement réglés à l'avenir, pouvaient avoir encore quelque force ou vigueur les anciens Traités annullés ou-refondus dans la nouvelle Convention que d'autres circonstances ont nécessitée, et les Constitutions qui ne subsistent plus de la ci-devant République de Pologne, maintenant dissoute et anéantie.

J'ai l'honneur d'envoyer ci-jointe la lettre que Mr. de Szydlowski le fils vient de me faire parvenir pour Votre Altesse Em-me. Elle daignera y faire la réponse que V. Em-ce jugera convenable. Mr. de Szydlowski ayant eu recours directement à V. Altesse Em-me, mon respect m'impose le devoir de suspendre de lui donner les avis qu'il me demande là-dessus; et ce délai ne pouvant produire aucun préjudice, je me borne à lui marquer que j'ai eu l'honneur d'envoyer sa lettre à V. Em-ce, et que j'attendrai les ordres qu'Elle me donnera à cet égard.

лежало сдѣлать въ согласіи съ привиллегіями и облегченіями, дарованными Вашимъ Преимуществомъ и Священнымъ Совѣтомъ бывшему великому пріорству Польскому.

Кромѣ этой статутной неправильности, было тѣмъ болѣе необходимо пріостановить всякое дѣйствіе по великому пріорству Польскому (эта остановка не могла никому вредить и была вынуждена обстоятельствами), что со времени совершеннаго разрушенія этого королевства слѣдовало ожидать сообщенія о намѣреніяхъ и волѣ новаго владѣтеля Польши, и знать напередъ могутъ ли, въ то время какъ на основаніи законныхъ полномочій заключенъ новый договоръ между соотвѣтствующими монархами, въ силу коего наши интересы должны быть въ будущемъ устроены, имѣть силу и дѣйствіе прежніе договоры, уничтоженные или вошедшіе въ новую конвенцію, вызванную новыми обстоятельствами, и конституціи, уже не существующія, бывшей рѣчи Посполитой, теперь разсѣянной и уничтоженной.

Честь имѣю представить при семъ письмо сына г. Шидловскаго, препровожденное ко мнѣ для доставленія Вашему Преимуществу. Благоволите дать на это отвѣтъ по вашему благоусмотрѣнію. Г. Шидловскій прямо обратился къ Вашему Преимуществу, я изъ уваженія къ вамъ поставляю себѣ въ обязанность пріостановить сообщеніе ему испрашиваемыхъ имъ указаній по сему предмету; эта отсрочка не можетъ ему причинить никакого ущерба, и я ограничился увѣдомленіемъ его, что я имѣлъ честь отправить письмо къ Вашему Преимуществу и буду ожидать вашихъ приказаній по сему дѣлу.

Mr. Zaluski seigneur Polonais se trouvant ici a déjà fait plusieurs démarches pour être admis, quoi qu'il ne soit pas Chevalier de Malte, dans le nouveau Grand-Prieuré de Russie, et surtout pour en obtenir une Commanderie. S'étant adressé à moi pour en avoir des renseignemens, je lui ai dit qu'étant déjà marié, le moyen le plus propre pour parvenir au but de ce désir était celui de fonder dans l'Ordre une Commanderie de Famille puisqu'il est à même de le faire étant un Seigneur fort riche, et qu'il se trouverait par là avoir la croix de Malte, et le titre de Commandeur. Il m'a paru ne pas trop goûter ce conseil, et il m'a fait entendre qu'il aimait mieux tout obtenir sans faire le moindre sacrifice. Comme il m'a dit qu'il comptait s'adresser directement à V. Altesse Em-me, j'ai l'honneur de l'en prévenir, étant de mon devoir de donner tous les renseignemens qui nous sont relatifs.

Le départ de Mr. le Chevr. O'Hara ayant été retardé par des raisons particulières, j'ai dû faire partir par une autre occasion extraordinaire les dépêches dont je comptais le charger et je les ai adressées à Mr. le Bailli Francone à Naples.

Je prends tous les arrangemens nécessaires pour me transporter à Moscou où je suis obligé d'aller résider pendant le séjour que la Cour y fera,

Г. Залусскій [68], Польскій вельможа, здѣсь находящійся, уже сдѣлалъ нѣсколько попытокъ, хотя онъ и не Мальтійскій кавалеръ, чтобы быть приняту въ новое великое пріорство Русское, преимущественно для полученія командорства. Онъ обратился ко мнѣ для полученія свѣдѣній, я ему сказалъ, что ему, какъ женатому, лучшее средство для достиженія цѣли своихъ желаній было бы учрежденіе въ орденѣ родоваго командорства; что онъ какъ весьма богатый помѣщикъ въ состояніи это сдѣлать, и такимъ образомъ онъ получитъ Мальтійскій крестъ и будетъ командоромъ. Совѣтъ этотъ, какъ кажется, ему не особенно понравился, и онъ мнѣ далъ почувствовать, что онъ предпочитаетъ всего достигнуть, не дѣлая на то ни малѣйшаго пожертвованія. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ намѣренъ обратиться непосредственно къ Вашему Преимуществу, почему я имѣю честь васъ о томъ предувѣдомить, по моей обязанности сообщать вамъ всѣ свѣдѣнія, до насъ касающіяся.

Отъѣздъ кавалера О'Гары былъ отсроченъ по причинамъ частнымъ, и потому я долженъ былъ отправить другимъ необычнымъ путемъ депеши, которыя я былъ намѣренъ ему поручить; я адресовалъ ихъ на имя Бальи Франконе, въ Неаполь.

Я дѣлаю всѣ необходимыя приготовленія для переѣзда въ Москву гдѣ я долженъ оставаться во все время пребыванія двора, по моей должностной обязанности, и

[68] Залусскій, знаменитый составитель библіотеки, послужившей основаніемъ Императорской Публичной Библіотеки въ Петербургѣ, умеръ въ 1774 году. Этотъ Залусскій былъ арестованъ и удаленъ въ Россію Репнинымъ въ 1766 году, а возвратился въ Варшаву въ 1773 г. Залусскій, упоминаемый въ депешѣ, вѣроятно тотъ же, что состоитъ въ спискѣ лицъ, получившихъ въ 1795 году пенсіи отъ Императрицы Екатерины. Пенсія казначею Залусскому была назначена въ 1,000 червонцевъ. (Siewers Denkw., T. IV, стр. 654).

par le devoir de ma place, et par les insinuations que S. M. l'Empereur à fait faire à tout le Corps Diplomatique. C'est là que j'attendrai les ordres de V. A. Em-me et les Ratifications de notre Traité, et j'ai déjà donné à Vienne les instructions nécessaires pour que mon Courrier me soit expédié directement de là à Moscou.

Tous les articles du Traité de Commerce entre la Russie et l'Angleterre étant heureusement combinés, ce Traité a été signé ces jours-ci par les Plénipotentiaires respectifs. Dès que la communication nous sera faite, je ne manquerai pas d'en instruire en détail V. A. Em-me, et surtout de ce qui pourra le plus intéresser sa connaissance.

En attendant, je puis annoncer, que l'on a pris pour base de ce Traité celui qui a été fait avec l'Angleterre en 1776 et qu'il doit durer pendant huit ans, auxquels en ajoutant les deux ans et demi qui restent encore de la Convention de commerce existante, le terme de ce nouveau Traité est de dix ans et demi. Ce que le Ministre d'Angleterre vient d'obtenir, et qu'il regarde comme un avantage essentiel pour les négociates de sa Nation, est que tous procès relatifs devront être jugés à l'avenir dans la Chambre de Commerce de Pétersbourg.

вслѣдствіе сдѣланныхъ внушеній, по приказанію Его Императорскаго Величества всему дипломатическому корпусу. Тамъ я буду ожидать приказанія Вашего Преимущества и ратификаціи нашего договора; я сообщилъ въ Вѣну подлежащія указанія для отправленія оттуда моего курьера прямо въ Москву.

Всѣ статьи торговаго договора Россіи съ Англіей окончены успѣшно, и договоръ подписанъ [69] на дняхъ обоюдными уполномоченными. Какъ скоро намъ будетъ сдѣлано сообщеніе, я не премину въ подробности ознакомить съ онымъ Ваше Преимущество, особенно же по тѣмъ предметамъ, которые могутъ особенно заслуживать ваше вниманіе.

Между тѣмъ я могу васъ увѣдомить, что принять было за основаніе этого договора прежній договоръ съ Англіей 1776 г., срокъ его опредѣленъ на 8 лѣтъ, прибавивъ къ онымъ два года съ половиной, остающихся для существующей комерческой конвенціи, срокъ новаго договора распространенъ на 10 съ половиною лѣтъ. Достигнутое Англійскимъ посланникомъ, и признаваемое имъ существенной выгодой для торгующихъ его соотечественниковъ, заключается въ томъ, что всѣ процессы до нихъ торговли относящіеся должны будутъ впредь судимы въ комерческомъ судѣ въ Петербургѣ.

[69] 10-го Февраля 1798 года №.17,796 П. С. З.

ВЫПИСКА О ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ,

СДѢЛАННЫХЪ

ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ II

съ 1762 по 1769 годъ включительно.

(Сообщено графомъ **А. С. Уваровымъ**.)

Выписка по канцеляріи тайнаго совѣтника Теплова, какія собственно Ея Императорскимъ Величествомъ Государственныя учрежденія отъ возшествія Ея Величества на престолъ сдѣланы.

1762 года.

1) Іюля 14 дня. Надъ Хорватомъ, по многимъ на него жалобамъ, учреждено и окончано слѣдствіе, а потому бывшее многое замѣшательство въ новой Сербіи прекращено, послѣ котораго вся провинція приведена слѣдующими потомъ указами и учрежденіями въ порядокъ.

2) Августа 28 дня. Учрежденное Шведскими королями отъ времени Густава Адольфа постановленіе, чтобъ городъ Рига каждому Государю, при коронованіи Его и при выдаваніи въ замужество Принцессъ королевскихъ дочерей приносилъ въ даръ нѣкоторую сумму денежную; такъ какъ королева Христина и короли Карлъ X и Карлъ XI получили при торжествѣ своего коронованія по 30,000 альбертовыхъ ефимковъ, Ея Императорское Величество отыскать соизволила сіе право, и невзысканныя по таковымъ оказіямъ предкамъ ея деньги, изъ милосердія, пожаловать городу Ригѣ, а взысканныя къ коронаціи Ея Величества 30,000 альбертовыхъ ефимковъ употребить въ пользу коммерціи того же города, съ прибавленіемъ другой знатной суммы на чистку рѣки Двины для проходящяхъ къ городу коммерческихъ судовъ.

3) Ноября 4 дня. По причинѣ, что войско Ея Величества не имѣло прямаго штата и положенія, и департаменты, отъ которыхъ оное содержаніемъ зависитъ, извѣстной на то суммы не знали, Ея Императорское Величество учредить соизволила для того военную коммиссію, дабы сію важную часть

государственную поправить и на мѣрѣ положить, къ чему предписать оной коммиссіи отъ себя соизволила инструкцію въ 33 пунктахъ состоящую, со многими потомъ въ теченіи сего производства сепаратно еще насылаемыми указами, а посему все то, что отъ военной коммиссіи въ разныя времена представлено было, сама соизволила разсматривать и конфирмовать.

4) Ноября 18-го. Многіе содержатели разныхъ горныхъ заводовъ задолжилися не малыми суммами въ казну, которыя надлежало разсмотрѣть и свести съ долгами банковой конторы, о чемъ коммиссія особенная повелѣніемъ Ея Величества была учреждена, отъ которой поданныя мнѣнія Ея Величество разсматривать изволила, и оное дѣло приведши въ порядокъ конфирмовать.

5) Ноября 29 дня. Отъ времени Царя Алексѣя Михайловича начато было помышлять, чтобъ имѣнія духовныя распорядить на богоугодныя дѣла, и всѣми потомъ слѣдующими Монархами не малое прилагаемо было о томъ же попеченіе, какимъ бы образомъ сіе важнѣйшее въ государствѣ дѣло церкви самой и подданнымъ полезное, привести въ распорядокъ; но всѣ принятыя мѣры до самаго возшествія Ея Величества на престолъ оставалися безъ успѣха; а Ея Императорское Величество по многому уваженію къ столь полезному намѣренію учредить соизволила особую у двора своего коммиссію, состоящую изъ духовныхъ и свѣтскихъ персонъ, которой должность предписать соизволила данною отъ себя инструкціею, состоящею въ четырнадцати пунктахъ, и чрезъ цѣлый и болѣе годъ всѣ подаваемыя отъ той коммиссіи представленія сама разсматривать, а наконецъ, въ 1764 году, поднесенные штаты, разсмотрѣвъ, конфирмовала и печатнымъ манифестомъ, Февраля 26 числа, за своимъ высочайшимъ подписаніемъ, обнародовать соизволила.

6) Декабря 6 дня. Увѣдомившися Ея Императорское Величество о нѣкоторыхъ отъ приписныхъ къ горнымъ заводамъ крестьянъ безпокойствахъ, принять соизволила все сіе дѣло въ свое собственное разсмотрѣніе, и потому для усмиренія оныхъ и разсмотрѣнія всѣхъ заводовъ горныхъ посылать отъ себя на тѣ мѣста генерала-квартермейстера, что нынѣ генералъ-прокуроръ, князя Вяземскаго, которому отъ себя давать соизволила инструкцію въ 15-ти пунктахъ, и многіе въ теченіи сего дѣла другіе указы для наставленія, такъ какъ и присылаемые отъ князя Вяземскаго обстоятельные репорты разсматривать и по нимъ дальнія давать резолюціи. Симъ образомъ о горныхъ заводахъ дѣло, во многомъ закрытое, до точнаго свѣдѣнія себѣ Ея Императорское Величество довести соизволила, и напослѣдокъ рѣшительными указами въ Бергъ-Коллегію, Апрѣля 9 дня 1763 года, все касающееся до усмиренія крестьянъ опредѣлить.

1763 года.

7) Января 10 дня. На пользу морской службы Ея Императорское Величество учредить соизволила отправленіе прежде въ Англію, а оттуда въ разныя части свѣта офицеровъ, для обученія практики на корабляхъ, изъ которыхъ нѣкоторые и въ Восточную Индію назначены, которые съ довольнымъ успѣхомъ окончивши свои вояжи оттуда уже и возвратилися.

8) Февраля 11 дня. Учреждены въ малой Россіи засѣвы табаку изъ семянъ Виргинскихъ и Амерсфорскихъ, вмѣсто прежнихъ табаковъ не искусно засѣваемыхъ негодными семѣнами тютюну и бакуну. Оное произращеніе въ малой Россіи во всѣхъ полкахъ, гдѣ прежде никакой табакъ не родился, разведено столь довольнымъ числомъ, что нынѣ безъ нужды можно внутреннія государства фабрики сими новыми плантаціями содержать, а земледѣльцы къ тому приведены такими Ея Величества учрежденіями, которыя безъ всякаго ихъ насилія склонность подали оные завѣсы разводить.

9) Февраля 13 числа. Ея Императорское Величество извѣститься изволила, что заготовляемые корабельные лѣса въ Казани худо сохраняются, и въ отправленіи оныхъ до Петербурга много напрасныхъ расходовъ бываетъ; того ради повелѣть соизволила Адмиралтейской Коллегіи сдѣлать новое учрежденіе.

10) Апрѣля 4 дня. Ея Императорское Величество для исправленія флота учрежденіе изволила сдѣлать, дабы пріискать въ Англіи флагмановъ и морскихъ искусныхъ офицеровъ въ службу россійскую, и оное произведено въ дѣйствіе, о чемъ особенныя даваны были наставленія отъ Ея Величества секретно Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну и въ Иностранную Коллегію.

11) Апрѣля 17 дня. По теченію государственныхъ дѣлъ, часъ отъ часу въ умноженіе приходящихъ, Ея Императорское Величество Сенатъ соизволила распредѣлить на разные департаменты, какъ въ Санктпетербургѣ такъ и въ Москвѣ.

12) Іюня 6 дня. Ея Императорское Величество учредить соизволила, Маія 12 дня, Коллегію Экономіи духовныхъ имѣній и оной дать собственно отъ себя инструкцію въ семнадцати пунктахъ состоящую.

13) Іюля 23 дня. Ея Императорское Величество учредить соизволила особымъ указомъ для принятія челобитенъ, подаваемыхъ къ собственной ея особѣ, трехъ персонъ, которымъ на всегдашнее время и дать отъ себя инструкцію въ 10 пунктахъ. Симъ образомъ каждаго прошенія, принадлежащія къ собственному ея усмотрѣнію путь отверзтый возымѣли, а не принадлежащія—должнымъ порядкомъ доходить стали въ свои судебныя мѣста.

14) Августа 5 дня. Учреждена въ Шлюшенбургѣ новая ситцовая фабрика.

15) Сентября 10 дня. Понеже въ малой Россіи коронныя деревни, называемыя войсковыми, яко не имѣющія о себѣ ни какихъ опекуновъ, расхищаемы были подъ разными предлогами чрезъ судные иски разными малороссійскими помѣщиками; то Ея Императорское Величество учредить соизволила, чтобъ таковыя имѣнія, яко безгласныя, отыскивать, въ случаѣ споровъ, не судомъ но слѣдствіемъ въ силѣ права малороссійскаго, при депутатѣ отъ суда генеральнаго, по примѣру тому какъ Ея же Императорскимъ Величествомъ, Августа 25 дня сего года, о имѣніяхъ выморочныхъ движимыхъ и недвижимыхъ постановлено въ великой Россіи.

16) Сентября 12 дня. Учреждено послѣ пожару въ городѣ Твери строеніе архіерейскаго дому и соборной колокольни съ прочимъ къ тому принадлежащимъ, которое уже и окончано въ два года.

17) Сентября 29 дня. Ея Императорское Величество учредить соизволила для опыту купеческую компанію въ Средиземномъ морѣ, и нарочно построенный фрегатъ, вооруженный, отправляемъ былъ въ Ливорну, который, по учиненіи довольнаго опыта, благополучно оттуда возвратился.

18) Октября 3 дня. Ея Императорское Величество, по учиненному плану города Твери и фасадамъ строеній въ немъ каменныхъ, распоряженіе сдѣлать соизволила, оный городъ послѣ пожару вновь каменнымъ строеніемъ выстроить съ немалымъ на то иждивеніемъ коронным, который по проекту большою частію и выстроенъ.

19) Ноября 12 дня. Ея Императорское Величество учредить соизволила въ государствѣ Медицинскаго факультета Коллегію, раздѣля оную на два департамемта, а именно: на коллегію докторскаго и лѣкарскаго искуства и на канцелярію, отправляющую всю экономію помянутаго факультета. А какимъ быть въ обоихъ сихъ департаментахъ правиламъ, то изображено въ пространной инструкціи данной отъ Ея Величества помянутой коллегіи за собственноручнымъ ея подписаніемъ.

20) Декабря 3 дня. Учреждена при дворѣ Ея Императорскаго Величества коммиссія о коммерціи, въ которую всѣ дѣла касающіяся до распространенія коммерціи вносятся по особливымъ Высочайшимъ Ея Величества повелѣніямъ, и разсмотренныя по всеподданнѣйшимъ отъ той коммиссіи докладамъ самими Ея Величествомъ конфирмуются.

1764 года.

21) Февраля 15 дня. Ея Императорское Величество на прошеніе Братства евангелическаго августанскаго исповѣданія, желающаго поселиться въ

Россіи на свободныхъ земляхъ, повелѣть во перьвыхъ соизволила Синоду разсмотрѣть главныя основанія правилъ и ученія церкви ихъ, а когда отъ Синода всеподданнѣйше донесено было, что ученіе сего общества съ лютеранскимъ, а паче съ реформатскимъ сходствуетъ съ малою только отмѣною, въ обрядахъ же они и честномъ обхожденіи христіанскомъ уподобляютъ себя первенствующимъ христіанамъ и называются обществомъ евангелическимъ; то чрезъ сіе оному, такъ какъ и прочимъ христіанскаго закона людямъ, всемилостивѣйше дозволила приходить къ Ея Величеству въ подданство, и въ имперіи ея селиться, съ такими привилегіями и свободою, о каковыхъ въ манифестѣ Ея Величества, Іюля 22 дня 1763 года, всенародно объявлено.

22) Марта 3 дня. Ея Императорское Величество по собственному своему разсмотрѣнію дѣлъ касающихся до раскольниковъ, отмѣнить соизволила всѣ прежнія чинимыя имъ за ихъ суевѣрство жестокости и притѣсненія, а вмѣсто того, для обращенія ихъ, предписала мѣры человѣколюбивыя и снисходительныя, дабы паче кротостію нежели притѣсненіемъ обратить ихъ неnодоволь на истинный путь православія, и тѣмъ отнять поводъ укрываться отъ переписи; въ слѣдствіе сего и повелѣть соизволила не чинить имъ никакого притѣсненія и принужденія въ бритьѣ бородъ и въ ношеніи указнаго платья. Что же касается до тѣхъ раскольниковъ, которые церкви православной не чуждаются въ догматахъ и правилахъ ея, а остаются только въ нѣкоторыхъ застарѣлыхъ суевѣрныхъ обычаяхъ и веденныхъ между раскольниками, такъ какъ и обратившихся прямыхъ раскольниковъ въ православіе, тѣхъ повелѣть соизволила освободить отъ двойнаго оклада.

23) Мая 5 дня. Въ новостроющемся Санктпетербургскомъ Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ Ея Императорское Величество учредить соизволила воспитывать безпрерывно до двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ, и для того воспитанія разсмотрѣвъ конфирмовать особливый уставъ, который напечатавъ, и публиковать повелѣла во всемъ государствѣ.

24) Іюня 21 дня. Для поощренія къ земледѣлію въ тѣхъ провинціяхъ, изъ которыхъ хлѣбъ привозиться можетъ водянымъ путемъ къ порту Архангельскому, Ея Императорское Величество повелѣть соизволила выпускать изъ онаго порта за море до 200,000 четвертей въ годъ, съ тѣмъ однакожъ предохраненіемъ, чтобъ въ магазейнѣ Архангельогородскомъ для нужды народной всегда оставляема была пятая часть отъ выпускаемаго, и находилося въономъ 50,000 четвертей запаснаго хлѣба.

25) Октября 12 дня. Ея Императорское Величество поднесенный проектъ привилегіи регламента Академіи Художествъ отъ генерала-поручика Бецкаго разсмотрѣть соизволила и оный конфирмовать.

26) Ноября 10 дня. При увольненіи отъ гетманства графа Разумов-

скаго, вмѣсто гетманскаго правленія Ея Императорское Величество въ малой Россіи учредить соизволила Малороссійскую Коллегію, на основаніи коллегій государственныхъ.

1765 года.

27) Января 28 дня. Ея Императорское Величество повелѣть соизволила генералъ-губернатору Рижскому, чтобъ не допускать въ Рижской губерніи никакой чужестранной монетѣ ходить, пока на монетномъ дворѣ внутренняя оной доброта апробована ни будетъ.

28) Февраля 7 дня. Ея Императорское Величество принять соизволила подъ собственное свое распоряженіе Шляхетный кадетскій корпусъ, который потомъ учрежденъ на такомъ основаніи, что обученіе благороднаго въ немъ юношества сопряжено стало съ добрымъ воспитаніемъ, такъ какъ то предписано правилами въ особливомъ уставѣ изображенными.

29) Іюля 18 дня. Для разсмотрѣнія всей системы горныхъ дѣлъ, Ея Императорское Величество учредить соизволила особенную коммиссію, состоящую изъ пяти персонъ, которой предписано изыскивать способы къ поправленію заводовъ, сообразуя народное облегченіе и спокойство съ государственною прибылью, и приводя каждый заводъ въ правосудныя границы. А дабы не возбудить вновь какого либо въ приписанномъ къ заводамъ многочисленномъ народѣ, по его легкомыслію волнованія, въ чаяніи отбыванія ихъ отъ работы, частію непріятной, а частію тягостной; то сіе учрежденіе повелѣть соизволила, сколько возможно утаивать отъ публичнаго свѣдѣнія.

30) Августа 1 дня. Кюменегородская провинція въ Финляндіи отъ завоеванія ея оставалася въ такомъ положеніи, въ какомъ послѣ войны изнуренное ея состояніе опредѣлить заставило. А какъ уже довольное время прошло, въ которое она поправиться могла, то Ея Императорское Величество учредить въ ней соизволила новую ревизію для уравненія съ другими Финляндскими провинціями, предписавъ отъ себя всѣ правила къ тому служащія; въ Кексгольмской же провинціи сѣверную часть, яко необмежеванную и въ шведскія времена, обмежевать повелѣла, такъ какъ и старое межеваніе Выборгской и Кексгольмской полуденной части пересмотрѣть. Къ сему предпріятію дана отъ Ея Императорскаго Величества въ подробность особенная инструкція, по которой и нынѣ дѣйствуется съ успѣхомъ.

31) Октября 31 дня. Взирая на попеченіе и труды къ пользѣ и благополучію отечества Монархини своей, учредилося въ Санктпетербургѣ добровольнымъ согласіемъ Общество Экономическое, къ исправленію въ государствѣ земледѣлія и домостройства, а Ея Императорское Величество, усмотря ихъ между собою взаимное обязательство къ полезнымъ трудамъ, не только

оное покровительства своего удостоить соизволила, но и подкрѣпить ихъ учреждение знатною по временамъ суммою денегъ, какъ на строеніе дому, такъ и на покупку библіотеки и другія нужныя для того собранія издержки.

32) Декабря дня. Ея Императорское Величество усмотрѣть соизволила, что Рижская коммерція требуетъ великаго исправленія, для котораго тамъ же на мѣстѣ учредить соизволила особую коммиссію, по окончаніи которой всѣ тѣ дѣла сама разсматривать соизволила, и напослѣдокъ конфирмовать новый уставъ, по которому коммерція въ Ригѣ съ лучшимъ успѣхомъ противъ прежняго нынѣ отправляется.

1766 года.

33) Января 23 дня. Въ городѣ Деритѣ сдѣлано новое рыночное учрежденіе, которое Ея Императорское Величество сама разсматривать изволила и потомъ конфирмовать.

34) Января 25 дня. Въ Лифляндіи подъ собственнымъ разсмотрѣніемъ Ея Величества учреждены новые малые городки Феллинъ, Вольмаръ, Лемзаль и другіе, для которыхъ предписаны Ея Величествомъ не токмо уставы полицейскіе, но и многіе пункты, въ вѣчный законъ тѣмъ новымъ городкамъ служащіе.

35) Мая 10 дня. Въ слѣдствіе манифеста о поселеніи колонистовъ на пустыхъ земляхъ въ великой Россіи, Ея Императорское Величество усмотрѣть соизволила, что и въ нѣкоторыхъ коронныхъ лифляндскихъ мызахъ находятся такія же пустыя земли; того ради по собственному своему разсмотрѣнію учредить соизволила поселеніе колонистовъ въ мызахъ Гиршенгофъ и Гельфрейхсгофъ.

36) Мая 24 дня. Для государственнаго интереса необходимо было потребно на островѣ Эзелѣ учинить новую ревизію, для которой Ея Императорское Величество предписать соизволила, по собственному своему разсмотрѣнію, особливыя правила и инструкцію, по которой и дѣйствіе нынѣ продолжается съ успѣхомъ.

37) Августа 12 дня. Какъ до сего сочиняемъ былъ въ Россіи тарифъ для коммерціи по одному только произволу опредѣляющихъ на товары пошлину таможенную; а сіе было не малымъ вредомъ для торгу Россійскаго; то Ея Императорское Величество повелѣть соизволила коммиссіи о коммерціи разобрать всѣхъ входящихъ и выходящихъ изъ государства товаровъ свойство, нужду и способность къ торгу, и потому опредѣлить къ наложенію пошлины правила, основанныя на принципіяхъ къ умноженію коммерціи служащихъ; въ слѣдствіе чего поднесенный отъ коммиссіи о коммерціи новый тарифъ съ документами сама Ея Величество разсматривать

изволила, и оный, исправя во многомъ убавками и пополненіями, конфирмовать.

38) Ноября 11 дня. Ея Императорское Величество учредить соизволила, не только на настоящее, но и на будущія времена, строеніе и содержаніе Ревельскаго шлосса на иждивеніи тамошняго земства и мѣщанства.

1767 года.
1768 года.

39) Января 16 дня. Ея Императорское Величество намѣреніе воспріять соизволила древнюю столицу городъ Москву украсить новымъ государственнымъ зданіемъ, какъ для жительства Императорскихъ особъ, такъ и для первыхъ судебныхъ правительствъ; чего ради и опредѣлить соизволила въ городѣ Кремлѣ строеніе великолѣпнаго каменнаго дворца, Сената и Коллегій государственныхъ, назнача къ тому годовую знатную сумму, а къ тому строенію послѣдующими указами учредя особую экспедицію и управляющихъ людей, сама отъ себя дать имъ соизволила инструкцію за своимъ подписаніемъ, по которой назначенные къ отправленію сего дѣла производить должны помянутое строеніе.

40) Мая 10 дня. Въ пополненіе новаго Рижскаго о коммерціи устава, Ея Императорское Величество разсматривать изволила инструкціи для всѣхъ лицентныхъ служителей, такъ же лицентный уставъ и таксы акцизной пошлины, которыя и конфирмованы Ея Величествомъ на пользу Рижской коммерціи.

1769 года.

41) Февраля 12 дня. Отъ временъ Царей Іоанна Алексѣевича и Феодора Алексѣевича дозволеніе дано въ Москвѣ, а при Государѣ Петрѣ Великомъ и въ Санктпетербургѣ, Римско-католицкой вѣры въ Россіи обывателямъ строить свои кирхи, содержать патровъ и отправлять по своей вѣрѣ службу церковную, но между тѣмъ безпрестанныя происходили несогласія и раздоры въ Санктпетербургѣ между прихожанами и патрами ихъ, по содержанію церковныхъ ихъ доходовъ и экономіи, такъ что строеніе кирхи ихъ, начатое предъ многими уже годами, и по сіе время къ концу не приведено. Почему и жалобы многія были принесены къ Ея Императорскому Величеству отъ прихожанъ на патровъ, не токмо въ непорядочномъ употребленіи церковныхъ приходовъ, но и въ присвоеніи на собственныя ихъ патровъ нужды, а не на церковныя. Ея Императорское Величество, разсмотря справедливость ихъ прошеній, дать отъ себя соизволила онымъ прихожанамъ регламентъ, состоящій въ пятидесятъ одномъ пунктѣ, и ту кирху пожаловать такою же при-

вилегіею въ разсужденіи мѣста и строеній ихъ церковныхъ, какъ и лютерская кирха до сего пожалована. Симъ образомъ всѣ споры гражданъ католицкаго закона чужестранныхъ, живущихъ въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ, прекращены и экономіи ихъ церковной порядокъ на будущія времена, къ общему ихъ удовольствію, предписанъ собственнымъ Ея Императорскаго Величества разсмотрѣніемъ.

Григорій Тепловъ.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА ГРИГОРІЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ОРЛОВА.

(Сообщено княземъ **Н. А. Орловымъ**.)

Копія съ прошенія Греческаго народа къ Императрицѣ Екатеринѣ II, отъ 6 Января 1769 года.

Благочестивѣйшіе, Державнѣйшіе, присно Августѣйшіе и непобѣдимые Самодержцы Всероссійскіе, Екатерина и Павелъ, Государи Всемилостивѣйшіе, теплѣйшіе наши заступники, слава повсюду православныхъ, надежда возстановленія падшаго греческаго народа, и утѣшеніе въ безконечныхъ нашихъ печаляхъ.

Какъ солнце освѣщаетъ все, и преподаетъ жизненную теплоту всѣмъ въ мірѣ; такъ непобѣдимая и священная держава ваша на всѣхъ ниспускаетъ свѣтозарные лучи безконечнаго Вашего Императорскаго благоволенія и милосердія. Имѣемъ многочисленные примѣры древніе и новые, изъ которыхъ яснѣе солнца самымъ дѣломъ явствуетъ, что на многихъ чужихъ и иновѣрныхъ изобильно и богатодарно изливалась Императорская помощь праведнымъ и святымъ оружіемъ вашимъ. Вѣдаемъ мы, что недостойны предстать предъ Величество Ваше, однако вышереченные примѣры и вкратцѣ оказать великое упованіе наше воспламенило врожденное въ насъ усердіе и вдохнуло смѣлость горячей ревности нашей непосредственно прибѣгнуть симъ нашимъ смиреннымъ прошеніемъ къ Императорскимъ вашимъ щедротамъ, моля да призритъ и на нещастную братію болѣе нежели на инородныхъ, обылый вашъ промыслъ, и да подастъ руку помощи приснымъ и вѣрнымъ вашимъ рабамъ, и единороднымъ сильное ваше заступленіе, толико чужихъ многократно и многообразно изъ глубины погибели извлекшее; наипаче нынѣ, когда

по достовѣрнымъ извѣстіямъ пагубный змій, разорившій родъ нашъ, началъ изливать смертоносный ядъ свой, давно уже до удобнаго случая скрываемый, и на державное и священное государство ваше. Врожденная къ престолу вашему склонность, послушаніе и благоговѣніе наше не попускаютъ намъ больше остаться безъ дѣйствія, но побуждаютъ насъ предстать предъ Императорскимъ и отеческимъ вашимъ благоутробіемъ и возопитъ: Наставниче ускори! ибо погибаемъ, и надѣемся на всесвятаго Бога, что получимъ сильное и благовременное ваше заступленіе, доколѣ еще въ члѣнахъ нашихъ хранятся силъ остатки, кои хотя и не весьма крѣпки, однако довольны сокрушить во всякое время главу пагубоноснаго змія, есть ли только во укрѣпленіе себѣ получатъ сильную руку вашу. При семъ должны мы объявить, что въ свободной Лаконіи находящіеся мы усердные рабы и воины Вашего Самодержавія никогда не были подчинены погибельному звѣрю, но всегда непримиримую войну съ нимъ имѣемъ. На сухомъ пути, на морѣ не одножды, Богу единому намъ споборяющу, главу его извергающую ядъ мы стерли, и многими опытами дознали, что коликая его дерзость противъ убѣгающихъ, толико въ двое большій страхъ его отъ наступающихъ смѣло. И такъ непрестанно борющися со звѣремъ, яко же три отроки въ пещи, и, яко Даніилъ посреди свирѣпыхъ львовъ, живемъ Богомъ единымъ поддерживаемы свободны до днесь. Число собственнаго нашего всегда готоваго войска простирается болѣе сорока тысячь, не считая неспособныхъ къ войнѣ. Пристаней у насъ пространныхъ довольно, которыя никогда небыли подвержены чужей власти. Но что въ собственной нашей вольности, въ разсужденіи общія православнаго нашего рода гибели? во всемъ Пелопоннисѣ людей способныхъ къ войнѣ щитается, кромѣ насъ, болѣе ста тысячь. Сверхъ сего живущіе въ Елладѣ внѣ Пелопонниса даже до Өессаліи и Химарры, гдѣ православныхъ несравненно больше и храбры, не упоминаемъ о находящихся въ Өессаліи, Македоніи и другихъ мѣстахъ, гдѣ невѣрные, положимъ, равняются числомъ съ вѣрными, но утверждаемъ, что всѣ сіи въ единомысліи съ нами, и всѣ мы намѣрены и готовы пролить и самую послѣднюю каплю крови нашея для службы Благочестивѣйшія Державы Вашея, и для освобожденія православныя братіи нашея. Потому что за нужное почитаемъ чтобъ было извѣстно державному и священному Вашему Величеству все, что касается до съѣстныхъ припасовъ и прочаго земли нашея плодородія и до другихъ нужныхъ и свѣдѣнія достойныхъ вещей, посылаемъ сіе писаніе къ подножію Богомъ хранимаго Императорскаго Вашего Престола, съ вѣрнымъ знающимъ и ревностнымъ рабомъ Вашего Величества, и усердно просимъ Ваше Величество, милостиво его принять и выслушать все, что онъ въ разсужденіи насъ и всего нещастнаго рода нашего представитъ. Паки и многожды про-

симъ будьте намъ избавители и спасители, будьте новая Елена и новый Константинъ вы Екатерина и Павелъ. Клянемся страшнымъ именемъ Святыя и присносущныя Троицы, что мы и дѣти наши до скончанія вѣка всегда пребудемъ благонамѣренными и послушными вашими подданными, со всякою вѣрностію и усердіемъ готовыми пролить кровь нашу по повелѣнію Державнѣйшаго и Священнѣйшаго Вашего Величества и Августѣйшихъ преемниковъ престола вашего. Тако лобызая стопы Императорскихъ ногъ вашихъ просимъ и молимъ со слезами всѣ Царя Христа, да даруетъ вамъ побѣды и одолѣніе на всѣ враги и всѣмъ сердцемъ желаемъ исполненія вашихъ намѣреній и желаній. Пребывая навсегда, какъ призвавъ Бога клятвы нашея свидѣтелемъ, подписуемся 1769 года Генваря 6 дня,

Вашего присно Августѣйшаго и Самодержавнѣйшаго Величества
нижайшіе рабы, вѣрные подданные и ревностные воины,

Воевода Цанетъ Палеологъ въ Лакедемонѣ. (М. П.) Іоаннъ Палеологъ Димитріевъ сынъ Лакедемонянинъ.
Воевода Георгій Палеологъ въ Лакедемонѣ.
Воевода Панагъ Салуфасъ въ Каламатѣ.
Воевода Павелъ Калкантъ въ Монемвасіи.
Воевода Петръ Брулакъ.
Воевода Цанетъ Калкантъ.
Воевода Ѳедоръ Цорцакъ.
Воевода въ Монемвасіи Георгій Калкантъ.
Воевода Димитрій Калкантъ.
Воевода Георгій Мавромихалаки.
Воевода Іоаннъ Карабатъ. (М. П.)
Воевода Николай Скримизисъ.
Капитанъ Михайло Трупакъ.
Капитанъ Афанасій Кумунтуръ,
Капитанъ Георгій Глигораки.
Капитанъ Панагъ Христенекъ.
Капитанъ Маноилъ Кавалер....

Подлинный рескриптъ Императрицы Екатерины II, данный на имя графа Григорія Григорьевича Орлова, отъ 23 Сентября 1771 г.

Божіею милостію, Мы, Екатерина вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералу фельдцейгмейстеру графу Орлову.

Репорты изъ Москвы, отправленные на эстафетѣ 19 сего мѣсяца отъ генерала фельдмаршала графа Салтыкова и генералъ порутчика Еропкина, а препровожденные доношеніемъ вашимъ, мы сей часъ получили. Столь оскорбительное въ Москвѣ произшествіе, не даетъ намъ времени обождать

дальнѣйшихъ отъ туда извѣстій, какъ и свойство оного не дозволяетъ оставить васъ безъ настоящаго снабдѣнія рѣшительными нашими повелѣніями, и потому, получа сей нашъ указъ, и есть ли сверхъ всякаго ожиданія чего между тѣмъ не произошло такого, чтобы уже все здѣсь предписуемое по вашему на мѣстѣ усмотрѣнію не вмѣстно нашлось, имѣйте вы тотъ часъ собрать сенатъ и присоединить къ нему въ особенную генеральную коммиссію, такъ какъ всегда при чрезвычайныхъ преступленіяхъ особенныя слѣдствія и суды производимы бывали въ Имперіи нашей, всѣхъ находящихся въ Москвѣ въ коллегіяхъ и другихъ приказныхъ мѣстахъ персонъ въ классахъ генералитетскихъ и бригадирскихъ, и откомандировавъ такъ же безъ упущенія времени по большинству голосовъ нужное число изъ нихъ людей съ придачею имъ въ помощь нѣсколько изъ членовъ присутственныхъ мѣстъ изъ чиновъ совѣтничьихъ и ассесорскихъ, для обстоятельныхъ и подробныхъ распросовъ пойманнымъ мятежникамъ, произвесть общественное слѣдствіе и судъ въ силу и по точности настоящихъ нашихъ государственныхъ законовъ такожде по большинству голосовъ, и, по заключенной потому сентенціи, приказать безъ отлагательства, кому надлежитъ, учинить надъ осужденными публичное исполненіе, дабы весь народъ могъ увидѣть и наипаче удостовѣриться, что сколь съ одной стороны неусыпно и неутомленно есть Наше попеченіе о его благосостояніи, столь напротивъ Мы не хотимъ попускать такому злодѣйскому возмущенію, колеблющему все общее спокойство.

Для присутствія въ сей генеральной коммиссіи должны быть наряжены такожде отъ дву до трехъ персонъ изъ знатнаго духовенства, изъ тѣхъ, которыхъ по близости скорѣе призвать будетъ можно.

Мы не можемъ окончать сіе наше повелѣніе, не обратя оскорбленную теперь нашу мысль на настоящее общественное бѣдствіе моровой заразы, и для того особенно наисильнѣйшимъ образомъ вамъ рекомендуемъ, при всѣхъ вашихъ и всего наряженнаго симъ судебнаго корпуса новыхъ подвигахъ, принимать и употреблять средства осторожности и предохраненія отъ заразы, между смѣшавшимся народомъ, поелику только разума и силъ человѣческихъ доставать можетъ. Кремль же яко средину города, въ которомъ все правленіе состоять имѣетъ, долженъ быть прежде всѣхъ другихъ мѣстъ особымъ попеченіемъ очищенъ и освобожденъ отъ всякаго заразительнаго опасенія и запертъ для всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ безъ дѣла чрезъ оной. Впрочемъ пребываемъ мы вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ С. Петербургѣ 23 Сентября 1771 года.

(Подписанъ) Екатерина.

Полученъ Сентября 28 дня 1771 года.

Собственноручное письмо Императрицы Екатерины II, къ графу Григорью Григорьевичу Орлову, отъ 3 Ноября 1771 г.

Ноя. 3 ч. 1771.

Графъ Григорій Григорьевичъ. Ваше письмо отъ 28 Окт. я получила третьяго дня къ вечеру, и изъ онаго усмотрѣла съ удовольствіемъ, что болѣзнь благостью господнею и вашими добрыми распоряженіями умаляется. Дай Боже услышать, что она совсѣмъ перестала, чего и надѣюся; но для весны великія надлежитъ брать осторожности, которыя не сумнѣваюсь что вы съ успѣхомъ и установите. Всѣмъ при васъ трудящимся, отъ меня прошу кланяться. Впрочемъ, моля Бога, да сохранитъ васъ невредимъ, остаюсь какъ всегда къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Собственноручное письмо Императрицы Екатерины II, къ графу Григорью Григорьевичу Орлову, отъ 5 Ноября 1771 г.

Ноя. 5 ч., вечеромъ въ девятомъ часу, 1771.

Графъ Григорій Григорьевичъ. Какъ я заблагоразсудила составить наказъ для князя Ми: Волхонскаго, и онъ со всѣми указами (его и къ г. пор. Еропкину) не прежде поспѣлъ, какъ сего числа, то онъ прочтенъ былъ нынѣшной день послѣ обѣда въ Совѣтѣ, а сей часъ я все подписала, и князь Волхонской завтра, съ Божіею помощію, отправится въ путь, а вы уже, по пріѣздѣ его, съ нимъ условится какъ вамъ отъѣхать можно будетъ, я же желаю васъ видѣть скорѣе и въ добромъ здоровьѣ; но признаюсь, что мнѣ кажется, что Князь Волхонской робѣетъ нѣсколько. Богу прошу, да сохранитъ васъ не вредимъ. Какія же посланы съ нимъ ему наставленія, тѣ онъ вамъ покажетъ. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Князя Кауница предложенія о удержаніе гостилитеты во время зимы думаю принять, и симъ воспользоватся въ нынѣшнихъ нашихъ обстоятельствахъ. 6 число, втретьемъ часу заполдень.

Сей часъ князь Мих. Ник. Волхонской со мной простился, онъ сего дня ѣдетъ. Прошу кланяться всѣмъ, при васъ усердно трудящимся.

Собственноручное письмо Императрицы Екатерины II, къ графу Григорію Григорьевичу Орлову, отъ 3 Декабря 1771 г.

Дек. 3 ч. 1771 г.

Графъ Григорій Григорьевичъ. Заблагорасудила я, видя необходимую нужду, съ вами изъясниться по теперешнимъ обстоятельствамъ, и не находя

никакой опасности въ томъ, чтобы вы возвратились сюда, ибо съ вами ничего того, что съ вами было на Москвѣ; а вы сами и вся свита ваша, слава Богу, въ совершенномъ здравіи, и для того посылаю я къ вамъ съ симъ письмомъ г-на Ребиндера съ моими экипажами, дабы вы ѣхали сюда, не мѣшкавъ далѣе, изъ вашего карантина. Впрочемъ, остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Собственноручный рескриптъ Императрицы Екатерины II, къ графу Григорью Григорьевичу Орлову, отъ 4 Октября 1772 г.

Князь Григорій Григорьевичъ. Всемилостивѣйше дозволяемъ мы вамъ принять отъ Римскаго Цезаря, присланной къ вамъ, дипломъ на Княжеское достоинство Римской Имперіи и соизволяемъ впредъ вамъ именоваться по всюду, въ силу онаго диплома, Римской Имперіи Княземъ. Впрочемъ, остаемся какъ всегда, къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Окт. 4 ч. 1772 г.

Копія съ указа Сената, отъ Октября 1772, о дозволеніи Григорію Григорьевичу Орлову принять дипломъ и именоваться Княземъ Римской Имперіи.

I Департамента. *Копія.*

Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской, изъ Правительствующаго Сената.

Сего Октября въ 5 день Правительствующему Сенату генералъ-прокуроръ и кавалеръ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій предложилъ въ подлинникѣ собственноручное Ея Императорскаго Величества къ генералъ-фельдцейхмейстеру и кавалеру князю Григорію Григорьевичу Орлову всемилостивѣйшее повелѣніе о Высочайшемъ Ея Величества дозволеніи принять отъ Римскаго Цесаря присланный къ нему на сіе достоинство Римской имперіи дипломъ, соизволяя впредь ему именоваться повсюду, въ силѣ онаго диплома, Римской имперіи княземъ; при чемъ предложилъ и подлинный, присланный на сіе достоинство отъ Его Величества Римскаго Цесаря дипломъ, и вслѣдствіе того Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, Правительствующій Сенатъ приказали: объ ономъ, для свѣдѣнія, послать во всѣ присутственныя мѣста и въ губерніи, а изъ оныхъ въ провинціи и города указы; въ Московскіе же Правительствующаго Сената департаменты и въ Святѣйшій Синодъ сообщить вѣдѣнія. Октября 4-го дня 1772 года.

Копія съ перевода.

Мы, Францискъ, Божіею споспѣшествующею милостію, избранный Римскій Императоръ, всегда благопоспѣшный, Германскій и Іерусалимскій король, герцогъ Лотарингскій, Барскій и великій герцогъ Етрурскій, Калабрійскій, Гильдрійскій, Твердыя горы въ Силезіи, Тешенскій князь, король Польскій, маркграфъ Муссинонскій и Паменскій, графъ провинціи Вальдемонской, Альбемонской, Зутфанской, Саарверденской, Салмской, Фалкенштейнской, и прочая, и прочая.

На память будущихъ вѣковъ признаваемъ и объявляемъ чрезъ сіе всѣмъ, что мы никогда совершеннаго императорскаго Величества сіянія въ большей свѣтлости не усматриваемъ, какъ токмо въ то время, когда добрыми подвигами заслуги оказавшимъ мужамъ особливыя награжденія щедро воздаются; мы чѣмъ большею священной Римской имперіи честью возвышены, тѣмъ вящее изъявляемъ стараніе предоставлять особое мѣсто какъ врожденной, такъ и пріобрѣтенной добродѣтели и приближать оную высокими достоинствъ знаками къ нашему Императорскому престолу, дабы такимъ образомъ добродѣтель, превосходными честьми украшенная, не токмо предъ прочими просіявала, но паче воспламеняла ихъ къ достиженію толь знаменитыхъ стезей возможною ревностію.

Когда же преизящность священной Римской имперіи произведенныя свои достоинства цѣлому свѣту учинила извѣстными, такъ что блаженные наши предки изъ цесарской щедрости благоволили не токмо въ предѣлахъ Римско-Германской имперіи распредѣлять награжденія, но и простирать оныя до тѣхъ особъ, кои, въ соединенныхъ союзомъ дружбы странахъ, оказали опытъ великихъ дарованій, и соукрашать превосходныя ихъ свойства.

Того ради, мы, благосклонно разсуждая изъ какой знатной крови и древняго Прусско-Польскаго поколѣнія Пресвѣтлѣйшія, Державнѣйшія Императрицы Всея Россіи дѣйствительный камергеръ, генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ и орденовъ Св. Александра Невскаго и Св. Анны кавалеръ, графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ происхожденіе свое имѣетъ, и предки его, переселясь въ Россію, уже отъ пяти колѣнъ храбростію воинскою такъ прославились, что за отличныя и храбрыя ихъ дѣла возведены были на высшія степени воинскихъ достоинствъ, ибо не токмо дѣдъ ихъ Иванъ Орловъ знаменитъ былъ сими дѣлами, но и отецъ его Григорій Ивановичъ изъ первыхъ оказалъ свою ревность, такъ что за отличные въ бывшую тогда Шведскую войну подвиги преславной Всероссійскій Самодержецъ Петръ Первый, въ знакъ всенародной памяти дѣлъ его, почтилъ золотою цѣпью и пожаловалъ генераломъ и Новогородскимъ губернаторомъ; не мень-

ше того и братъ его Николай Ивановичъ Орловъ и многіе изъ сей фамиліи мужи, какъ собственными своими добродѣтелями, такъ и пріобрѣтенными достоинствами предпочтенные, довольно себя прославили, но мы паче разсматривая графа Григорія Григорьевича Орлова отличныя духа его и разума дарованія, кои онъ въ разные случаи засвидѣтельствовалъ опытами и доказалъ между прочими неустрашимость свою въ 1758 году при достопамятной Цориндорфской баталіи полученными тремя ранами и излитіемъ крови и послѣ того толикими свидѣтельствами непоколебимой вѣрности и неустрашимаго духа себя прославилъ, что высокопомянутая Всероссійская Императрица Екатерина Вторая возвела его не токмо на графское, но и на генералъ-адъютантское достоинство, оставимъ позднимъ временамъ изъяснить; какое благоволеніе воздадимъ и мы за оказанную его къ намъ, къ священной Римской Имперіи и къ Августѣйшему нашему дому ревность полагая несомнѣнную надежду, что онъ и впредь не упуститъ случая оную доказывать, и тако мы какъ его, такъ и потомковъ его, желаемъ учинить соучастниками преизящнаго залога нашей цесарской милости.

Чего ради, мы по собственному побужденію и достовѣрному нашему знанію, благоразсужденію и здравому и зрѣлому совѣту, а наче по данной намъ Божіею милостію цесарской силѣ и полной власти, рѣченнаго графа Григорія Григорьевича Орлова, его дѣтей и въ прямомъ колѣнѣ законныхъ потомковъ обоего пола истинными священной Римской имперіи князьями учинили, пожаловали и наименовали и на вышнее званіе и высокое достоинство княжества священной Римской имперіи возвели и возвысили, и ихъ въ число, собраніе и сообщество прочихъ нашихъ и священной Римской имперіи князей приняли и присоединили, яко же силою сего чинимъ, жалуемъ и именуемъ, возводимъ и возвышаемъ, пріемлемъ и присоединяемъ, что не токмо помянутый Григорій Григорьевичъ, но и дѣти его и въ прямомъ колѣнѣ законные потомки обоего пола истинные священной Римской имперіи князья да будутъ, и отъ прочихъ да именуются, поздравляются, пріемлются и почитаются.

Восхотя постановляемъ симъ нашимъ императорскимъ повелѣніемъ, чтобы рѣченный Григорій Григорьевичъ, священной Римской имперіи князь Орловъ, законныя его дѣти и въ прямомъ колѣнѣ потомки обоего пола какъ на словахъ, такъ и на письмѣ, когда только гдѣ ихъ упомянуть должно, священной Римской имперіи князьями именовались и назывались, свободно бы употребляли въ знакъ преимущества принадлежащую прочимъ священной Римской имперіи князьямъ одежду и пользовались всѣми и каждыми правами, честьми, преимуществами, вольностями, отличностями, привилегіями и знаками достоинства въ судѣ и внѣ суда, во всякихъ дѣлахъ, поведеніяхъ и

19*

случаяхъ какъ въ духовныхъ, такъ и мірскихъ, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, безпрепятственно употребляли, пользовались и довольствовались, каковыя и прочія наши и священной Римской имперіи и повсемѣственно употребляютъ, ими пользуются и довольствуются по правилу или по обычаю употреблять, пользоваться и довольствоваться могутъ.

А дабы благоволеніе самопроизвольнаго нашего желанія рѣченному Григорію Григорьевичу нашему и священной Римской имперіи князю Орлову тѣмъ яснѣе объявить то мы ему, законнымъ его дѣтямъ и въ прямомъ колѣнѣ потомкамъ обоего пола титла свѣтлѣйшаго любезнаго и дражайшаго сродника благосклонно пожаловали и позволили, якоже силою сего жалуемъ и позволяемъ.

Мы желаемъ и установляемъ симъ навсегда, съ тѣмъ, чтобъ отнынѣ впредь наши и наши въ священной Римской имперіи преемники правительственныхъ мѣстъ рѣченныя титла свѣтлѣйшаго, любезнаго и дражайшаго сродника, во всякое время приписывали.

Имѣющіеся же до нынѣ у свѣтлѣйшаго нашего и священной Римской имперіи князя Орлова воинскіе знаки мы не токмо по тому же нашему къ нему благоволенію, знанію и нашей власти, какъ выше упомянуто, похваляемъ, признаваемъ и подтверждаемъ, но и для княжества священной Римской имперіи украшаемъ его, его дѣтей и въ прямомъ колѣнѣ законныхъ потомковъ обоего пола гербами, частію личными, частію же случайными и славныя воинскія дѣла изображающими, кои и въ поздпія времена употребляемы да будутъ.

Военный, прямо стоящій на четверо раздѣленный щитъ, въ первомъ и четвертомъ золотыхъ поляхъ изображенъ двоеглавый, золотыми коронами коронованный, черный орелъ, у котораго носы и лапы золотые, съ распростертыми крыльями и голѣнями, съ выставленными языками красными и когтями того же цвѣта; на голубой вершинѣ или на верху того поля россійская императорская корона золотая. Во второмъ и третьемъ красныхъ поляхъ является бодрый и къ сраженію готовый левъ, горностаеваго вида, съ откинутымъ хвостомъ, съ выставленнымъ языкомъ золотымъ и когтями того же металла, носящій на груди щитокъ голубой съ золотымъ крестомъ. Въ срединѣ видѣнъ щитокъ десятикратно испещренный золотомъ и голубымъ цвѣтомъ, на которомъ красный орелъ, съ распростертыми крыльями, съ носомъ и золотыми лапами, съ обращенною на правую сторону главою. Сверхъ всего большаго щита положены три турнирные шлема, обыкновенными золотыми обручами и приличными ихъ клейнодами и цѣпями украшенные, изъ которыхъ средній или первый, равно и вторый съ золотыми вѣнцами, а третій украшенъ голубыми и серебряными косыми полосами. Первый держитъ на себѣ

вышеобъявленнаго двоеглаваго орла: второй шлемъ къ лѣвой сторонѣ украшенъ краснымъ орлинымъ крыломъ, а изъ третьяго возстаетъ левъ, прежде описанный. Боры испещрены къ правой сторонѣ голубымъ и золотымъ, а къ лѣвой краснымъ и золотымъ цвѣтами. Щитъ держатъ два, стальными латами вооруженные и мечами препоясанные воина, имѣющіе въ рукахъ знаки, съ изображенными на нихъ съ правой стороны гербомъ родовымъ, а съ лѣвой вышеописаннымъ львомъ въ такомъ же полѣ и положеніи; весь же щитъ покрытъ епанчею и шапкою или митрою, принадлежащею собственно священной Римской имперіи княжескому достоинству, съ приложенною въ низу на серебряной доскѣ золотыми буквами надписью: *храбростію и постоянствомъ*, — такъ, какъ все сіе, на слѣдующей страницѣ искусствомъ живописца надлежащими красками точнѣе изображенное, зрѣнію представляетъ.

Мы восхотя, установляемъ твердо симъ нашимъ цесарскимъ повелѣніемъ, чтобы онъ свѣтлѣйшій Григорій Григорьевичъ, нашъ и священной Римской имперіи князь и дражайшій сродникъ, его дѣти и въ прямомъ колѣнѣ законные потомки предписанные гербы употребляли во всѣхъ и каждыхъ честныхъ и пристойныхъ дѣйствіяхъ, отправленіяхъ, въ правду и въ шуткахъ, въ играхъ на копьяхъ или въ сраженіяхъ пѣхотныхъ и конныхъ на копьяхъ, войнахъ и во всякихъ дозволительныхъ битвахъ издалека и вблизи, на щитахъ, знаменахъ, палаткахъ, перстняхъ, печатяхъ, зданіяхъ, стѣнныхъ обояхъ и на всѣхъ уборахъ, такожде во всякихъ потребахъ церковныхъ и мірскихъ и на всякихъ мѣстахъ по надобности и собственной волѣ свободно и безпрепятственно имѣть, въ дѣйство производить или оставлять и оные, какимъ бы то образомъ нибыло, употреблять могутъ.

Того ради всѣмъ и каждому нашимъ и священной Римской имперіи курфирстамъ и прочимъ князьямъ церковнымъ и свѣтскимъ, архіепископамъ, епископамъ, маркграфамъ, графамъ, баронамъ, военнослужащимъ, дворянамъ, полководцамъ, намѣстникамъ, судьямъ, совѣтникамъ, герольдамъ, гражданамъ, обществу и наконецъ всѣмъ нашимъ и священной Римской имперіи подданнымъ и вѣрнолюбезнымъ всякаго достоинства, степени, чина и состоянія повелѣваемъ и указываемъ, чтобъ частоупоминаемаго свѣтлѣйшаго Григорія Григорьевича священной Римской имперіи князя Орлова, дражайшаго нашего сродника, его дѣтей и въ прямомъ колѣнѣ законныхъ потомковъ въ достоинствѣ священной Римской имперіи князей и въ титулѣ пребывать и всѣми и каждыми привиллегіями, правами, обыкновеніями, безпечностями, вольностями, отличностями, честьми и преимуществами, въ сей нашей императорской жалованной грамотѣ имъ позволенными, свободно, спокойно и безпрепятственно пользоваться, оные употреблять и ими довольствоваться допускали, и для того во всемъ и каждомъ защищали и охраняли и другимъ чтобъ

въ противность сего не учинили или не умыслили, по силамъ своимъ возбраняли и запрещали, подъ опасеніемъ тягчайшаго нашего и священной Римской имперіи гнѣва и подъ штрафомъ двухсотъ марокъ чистаго золота, изъ котораго половину въ нашу цесарскую казну взято, а другая оскорбленной сторонѣ отдана будетъ, и сколько разъ кто противъ сего нашей и цесарской жалованной грамоты установленія преступить дерзнетъ, столько и штрафованъ будетъ безъ всякаго упущенія. Прочихъ же королей, герольдовъ (sic), князей, церковнаго и свѣтскаго и всякаго чина людей. намъ неподвластныхъ, каждаго, смотря по состоянію, братски благосклонно и милостиво увѣщеваемъ и требуемъ, чтобъ объявленное здѣсь нашего изволѣнія дѣйствіе всякимъ образомъ производить и защищать; чѣмъ самымъ подадутъ намъ наиприятнѣйшій способъ къ взаимному воздацію во всякомъ случаѣ братской любви, склонности благоволенія и нашей цесарской милости.

Во свидѣтельство всего писаннаго, сія жалованная грамота рукою нашею подписана и нашею печатью утверждена. Дана въ Вѣнѣ, 21-го Іюля, лѣта Господня 1763-го, государствованія нашего 18-го года.

Францискъ.

Графъ Коллоредо.

По именному цесарскаго величества указу.

Павелъ Антонъ Гульденъ.

На подлинномъ переводѣ подписано:

Герольдмейстеръ Князь Михайло Щербатовъ.

Переводилъ Сенатскій переводчикъ Василій Матвѣевъ.

Копія съ письма Императрицы Екатерины II, къ Князю Григорію Григорьевичу Орлову, отъ 20 Мая 1773 г., о вступленіи въ отправленіе порученныхъ ему дѣлъ.

Князь Григорій Григорьевичъ! Къ удовольствію нашему, видя, что состояніе вашего здоровья поправилось и желая всегда къ пользѣ имперіи употребить ваши природныя отмѣнныя дарованія, ревность и усердіе къ намъ и отечеству, и для того чрезъ сіе объявляемъ мы вамъ, что наше желаніе есть, чтобъ вы нынѣ вступили паки въ отправленіе дѣлъ нашихъ, вамъ порученныхъ; въ прочемъ остаюсь, какъ всегда, къ вамъ доброжелательная.

У подлиннаго подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.

20 Мая 1773 г.

ЗАПИСКА БАРОНА ДИМСДЕЛЯ

О ПРЕБЫВАНІИ ЕГО ВЪ РОССІИ *.

(Переводъ съ французскаго **К. К. Злобина.**)

Томасъ Димсдель (Dimsdale) родился въ Англіи, въ графствѣ Эссекскомъ, въ 1712 г. Онъ принадлежалъ къ семейству квакерской секты, и дѣдъ его вмѣстѣ съ Вилліамомъ Пенномъ былъ однимъ изъ основателей Пенсильваніи въ сѣверной Америкѣ. Димсдель служилъ сперва военнымъ хирургомъ въ арміи Герцога Кумберлендскаго въ Германіи, потомъ занимался медицинской практикой въ Гертфордѣ. Онъ былъ однимъ изъ распространителей предохранительнаго оспопрививанія въ Англіи и прославился своими успѣхами по этой части. Въ 1768 г. его вызвали въ Россію для привитія оспы Императрицѣ Екатеринѣ Второй и Великому Князю Павлу Петровичу. Въ 1781 г. онъ снова пріѣхалъ въ С. Петербургъ и привилъ оспу Великимъ

---

* Подлинная рукопись, хранящаяся въ государственномъ архивѣ, написана на дурномъ французскомъ языкѣ, до того неправильномъ, что иногда трудно понимать автора.

Указываемъ, кромѣ того, на главныя сочиненія прошлаго столѣтія, заключающія данныя для исторіи введенія оспопрививанія въ Россіи:

1) *A. L. Schlözer*, Von der Unschädlichkeit der Pocken in Russland, und von Russlands Bevölkerung überhaupt. Göttingen und Gotha, 1768.

2) *J. Christ. Grot's* Kanzelvorträge über die Blattereinimpfung, nebst einem Beytrage zur Geschichte derselben in Russland, und einem Anhange über die Tödtlichkeit der Pocken in Petersburg, zur Untersuchung der Frage über ihre Unschädlichkeit in Russland.

3) Nova Acta Acad. Scient. Petrop. VIII, 253 (ст. Академика Крафта).

4) *H. Storch*, historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs am Ende des 18ten Jahrhunderts. Riga 1797, т. I, стр. 419—428, 575, 580—583, 586—587.

Князьямъ Александру Павловичу и Константину Павловичу. Два раза онъ былъ членомъ Великобританскаго парламента и умеръ въ Гертфордѣ 30 декабря (нов. ст.) 1800 г. Его сочиненіе о прививаніи оспы: The present method of inoculating for the small-pox было переведено на французскій языкъ въ 1772 г. (Смотри Biographie universelle, том. XI, стр. 66).

О смертельности оспы безполезно приводить новыя доказательства, послѣ роковаго опыта, который былъ сдѣланъ Россіею *, особенно же Санктпетербургомъ, гдѣ, не смотря на всѣ возможныя предосторожности, никогда почти не прекращается эта болѣзнь, такъ какъ зараза постоянно туда заносится посредствомъ кораблей, прибывающихъ изъ всѣхъ частей свѣта.

При этихъ несчастныхъ обстоятельствахъ болѣзнь, о который мы говоримъ, имѣла въ одномъ случаѣ печальный исходъ. Событіе возбудило сожалѣніе, опасенія увеличились и, кажется, это самое и было поводомъ къ великому дѣлу, составляющему предметъ нашей записки.

Дочь богатаго вельможи, красавица собою, съ привлекательными качествами ума, была помолвлена за одного изъ знатнѣйшихъ дворянъ, занимавшаго высокое мѣсто при Россійскомъ дворѣ. За нѣсколько дней до срока, назначеннаго для брака, она заболѣла оспою, которая оказалась злокачественною и окончилась смертію, къ сожалѣнію для всѣхъ.

Было бы невозможно опредѣлить положительно, какимъ образомъ зараза проникла ко двору, и притомъ никакое розысканіе не принесло бы пользы; но это плачевное событіе доказало, что Императрица и Великій Князь легко могли подвергнуться той же опасности, каждый разъ какъ они показывались народу. По этому весь дворъ крайне безпокоился за жизнь тѣхъ, отъ которыхъ существенно зависѣли безопасность и счастіе Имперіи.

Мнѣ неизвѣстно, что подало поводъ къ предположенію ввести (въ Россіи) прививаніе оспы; всѣмъ ли извѣстныя старанія и усердіе Ея Величества къ сохраненію ея народа, или слухи, дошедшіе нѣсколько времени передъ тѣмъ о счастливыхъ успѣхахъ оспопрививанія, или же всѣ эти причины вмѣстѣ взятыя; но немного спустя послѣ вышеупомянутаго происшествія, эти знаменитыя особы рѣшились дать на самихъ себѣ примѣръ и подвергнуться операціи. Это самое побудило Ея Величество вызвать медика изъ Англіи, гдѣ оспопрививаніе было въ большемъ употребленіи и въ недавнемъ времени значительно усовершенствовалось.

Вотъ какъ и когда я былъ призванъ къ этому дѣлу:

Однажды вечеромъ, въ началѣ Іюля 1768 г., прибылъ ко мнѣ въ Герт-

* Авторъ вѣроятно имѣетъ въ виду кончину Императора Петра Втораго.

фордъ курьеръ. Онъ доставилъ мнѣ письмо отъ его превосходительства господина Мусина-Пушкина, Россійскаго Посла, который извѣщалъ меня, что Императрица желала вызвать искуснаго врача въ С. Петербургъ, съ цѣлію ввести тамъ оспопрививаніе и что, въ слѣдствіе дошедшихъ до него рекомендацій, онъ желалъ видѣться со мною сколь возможно скорѣе.

Тогда я вовсе не думалъ приступить къ этому предпріятію; тѣмъ не менѣе я счелъ долгомъ отправиться къ его превосходительству и изъявить ему мою признательность за честь, которую онъ мнѣ дѣлалъ своимъ предложеніемъ. Такимъ образомъ отправился я въ Лондонъ къ г. Мусину-Пушкину; отъ него узналъ я тогда, что онъ совѣтовался по этому дѣлу съ нѣкоторыми искусными медиками, и что они единодушно говорили въ мою пользу. Его превосходительство присовокупилъ все, что могъ сказать ловкій адвокатъ, съ цѣлію призвать меня къ этой службѣ; онъ увѣрялъ меня, что все будетъ устроено и опредѣлено согласно моему желанію, а именно, мое положеніе, мое жалованье и что мнѣ дана будетъ совершенная свобода возвратиться на родину, когда я разсужу за благо. Впрочемъ, при этомъ свиданіи ничего болѣе не происходило; мнѣ только давали знать намеками, что, кромѣ выгодъ для всей Имперіи отъ этого приглашенія, нѣкоторыя лица самаго высокаго сана будутъ, вѣроятно, предметомъ моей поѣздки.

Безъ сомнѣнія, всѣ эти предложенія имѣли бы много привлекательнаго для самаго даровитаго молодаго человѣка, который не былъ бы еще прочно обезпеченъ въ своей медицинской карьерѣ, но мое положеніе было совсѣмъ не таково. Я былъ счастливъ тѣмъ, что имѣлъ состояніе, соотвѣтствовавшее моимъ желаніямъ, носилъ званіе значительное и выгодное, а болѣе всего — у меня было многочисленное семейство, которое я любилъ, и которому я обязанъ былъ посвятить себя сполна. Всѣхъ этихъ доводовъ было достаточно, чтобы побудить меня отказаться отъ предложенія. Я извинился учтиво и въ тоже время изъявилъ готовность отыскать кого либо другаго, кто по своему искуству, какъ по этой части, такъ и по другимъ отраслямъ своего призванія имѣлъ бы нужныя качества для имѣвшагося въ виду предпріятія.

Дѣйствительно, я приступилъ уже къ исполненію этого порученія, какъ г. Пушкинъ снова пригласилъ меня къ себѣ и при свиданіи увѣдомилъ, что прибылъ второй курьеръ отъ Санктпетербургскаго двора, что это былъ офицеръ съ значеніемъ, отправляемый только въ чрезвычайныхъ случаяхъ; онъ ѣхалъ такъ скоро, что совершилъ путешествіе изъ С. Петербурга въ Лондонъ не болѣе какъ въ шестнадцать дней. Было очевидно, что Императрица и Великій Князь принимали непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ.

Тогда г. Пушкинъ употребилъ самыя сильныя убѣжденія, при содѣйствіи двухъ весьма значительныхъ русскихъ купцовъ (моихъ искреннихъ друзей,

которые присутствовали при свиданіи), чтобы заставить меня согласиться на то, чего они отъ меня требовали.

Теперь я смотрѣлъ на предложеніе уже съ другой точки зрѣнія. Я убѣдился важностію дѣла, особенно соображая неизмѣримую цѣнность жизни обѣихъ значительныхъ особъ, отъ которыхъ зависѣла Россійская Имперія. То, чего отъ меня хотѣли, я считалъ обращеніемъ къ моей чести, и я не могъ отказаться, не сдѣлавъ низости, недостойной англичанина. И такъ я согласился на предложеніе, увѣривъ министра, что со всею возможною скоростію буду приготовляться къ путешествію.

Его превосходительство любезно выразилъ мнѣ сколь онъ былъ доволенъ успѣхомъ своихъ убѣжденій, и попросилъ меня назначить мои условія, прибавляя при томъ, что ему приказано было согласиться на всѣ мои требованія. Корыстныя побужденія имѣли всегда въ моихъ глазахъ мало вѣса, а теперь, когда рѣчь шла о неограниченной ко мнѣ довѣренности, они въ моихъ глазахъ еще менѣе значили. По этому, не колеблясь ни минуты, я отвѣчалъ, что я не могу рѣшиться опредѣлить какое-нибудь условіе о платѣ за мои труды, но что я полагаюсь исключительно на благоусмотрѣніе Ея Императорскаго Величества. Тогда г. Пушкинъ далъ мнѣ ордеръ на тысячу фунтовъ стерлинговъ, объяснивъ при томъ, что это выдавалось только на дорожныя издержки при поѣздкѣ сухимъ путемъ и совѣтовалъ мнѣ избрать этотъ способъ путешествія, какъ болѣе вѣрный для опредѣленія срока моего прибытія въ С. Петербургъ.

Съ цѣлію предоставить мнѣ все, что могло бы мнѣ быть пріятно со времени моего отъѣзда до моего возвращенія, и въ томъ предположеніи, что мнѣ удобно было бы имѣть при себѣ въ этой поѣздкѣ кого-либо изъ моего семейства или моихъ друзей, его превосходительство благосклонно извѣстилъ меня, что всякій, кого бы я ни взялъ съ собою, будетъ принятъ согласно съ моимъ желаніемъ. Безъ сомнѣнія, эта добавочная милость была для меня весьма лестною, и я взялъ себѣ въ помощники одного изъ моихъ сыновей, который нѣсколько лѣтъ былъ студентомъ медицины въ Эдинбургѣ, при случаѣ мнѣ помогалъ и зналъ хорошо мою методу оспопрививанія.

Оставалось только приготовиться къ пути. Я устроилъ свои частныя дѣла со всевозможною скоростію, и мы сѣли на корабль въ Гарвичѣ 28 Іюля 1768 года.

Не стану описывать моего путешествія въ подробности; оно было совершено такъ скоро, что нельзя было сдѣлать какія-либо наблюденія къ стати, и можно легко представить себѣ, что всѣ мои мысли были заняты важнымъ дѣломъ, которое я принялъ на себя, и что я не могъ позволить своему вниманію останавливаться на мелочныхъ предметахъ. По этому не стоитъ

упоминать объ обыкновенныхъ приготовленіяхъ къ дорогѣ; въ псе никто не пустится, не справившись какъ доѣхать. Всего лучше имѣть собственный экипажъ. Мнѣ удалось найти карету со всѣми удобствами, которую одинъ изъ моихъ искреннихъ пріятелей оставилъ въ Амстердамѣ и желалъ доставить обратно въ С. Петербургъ.

Кузовъ долженъ быть крѣпокъ и устроенъ такъ, чтобы въ немъ могла помѣститься провизія. Если предпочитаютъ, какъ это обыкновенно дѣлается, ѣхать днемъ и ночью, необходимо, чтобы сзади кузовъ былъ уклономъ, для удобства.

Рѣдко попадаются воры и встрѣчаются затрудненія или серьозныя опасности, но не мѣшаетъ имѣть при себѣ оружіе, чтобъ внушить другимъ уваженіе и вѣжливость.

Дорога не обойдется безъ мошенничествъ; если онѣ превосходятъ мѣру и сопровождаются наглостію, то нетрудно будетъ найти законную защиту, обратившись къ мѣстному начальству; но лучше будетъ перенести ихъ, какъ дань, платимую вообще всѣми путешественниками. Не должно однако забывать, что изъ всѣхъ провизій, необходимыхъ для пути, особенно ненадобно забывать запаса терпѣнія съ надлежащимъ количествомъ веселости. Мои соотечественники слишкомъ легко досадуютъ, если не находятъ внѣ Англіи того обращенія и тѣхъ удобствъ, къ которымъ они привыкли дома. Они должны умѣрить свои ожиданія въ этомъ отношеніи и чрезъ щедрость, которая для нихъ незатруднительна, стараться пріобрѣсть все, что можно найти въ данной мѣстности и обезпечить себѣ всякое вниманіе къ ихъ требованіямъ.

При достаточномъ запасѣ этихъ качествъ, наше путешествіе было сносно, и мы ѣхали такъ скоро, что домъ, назначенный для нашего пребыванія въ С. Петербургѣ, не былъ совсѣмъ готовъ къ нашему пріѣзду; поэтому намъ отвели отличную квартиру въ Большой Милліонной, одной изъ лучшихъ улицъ въ городѣ, подлѣ дворца, съ красивымъ экипажемъ; всѣ удобства, какія только мы могли желать, были предоставлены въ наше распоряженіе.

Императрица была тогда въ Петергофѣ, около двадцати верстъ отъ С. Петербурга; Великій Князь находился въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ онъ обыкновенно живетъ по причинѣ его прекрасныхъ садовъ и положенія, и гдѣ помѣщается лѣтомъ и самый дворъ.

Мнѣ сообщили, что его превосходительство графъ Панинъ желалъ меня видѣть на другой день по полудни. Я отправился въ его комнаты во дворцѣ, гдѣ онъ всегда имѣетъ помѣщеніе, какъ потому, что онъ воспитатель Великаго Князя, такъ и въ слѣдствіе важныхъ его занятій по званію министра.

Чрезвычайная вѣжливость, съ которою принялъ меня этотъ вельможа, произвела на мой умъ такое впечатлѣніе, что я никогда ее не забуду, и хотя

я не могу передать его слова съ такою выразительностію, съ которою они были произнесены, тѣмъ не менѣе я постараюсь сохранить смыслъ его замѣчаній.

Справившись самымъ обязательнымъ образомъ о моемъ здоровьи, онъ мнѣ сказалъ:

«Милостивый Государь, вы призваны къ дѣлу столь важному, что, может быть, до васъ никому не было поручено ничего подобнаго. По всѣмъ «вѣроятіямъ вашему искуству и вашей добросовѣстности будетъ поручена «драгоцѣнная жизнь двухъ изъ высочайшихъ особъ этого міра. Безопасность, «счастіе и спокойствіе великой Имперіи зависятъ отъ этого въ такой сте«пени, что если бы мы были по какому бы то нибыло случаю лишены той или «другой изъ этихъ особъ, то благоденствіе, которымъ мы наслаждаемся, «уступило бы мѣсто самымъ плачевнымъ бѣдствіямъ и замѣшательствамъ. «Да отвратитъ отъ насъ Всевышній столь ужасныя несчастія, но случайность «зараженія естественною оспою такъ страшна, что на насъ лежитъ обязан«ность испытать предохранительное отъ нея средство. Средство это, такъ ма«ло у насъ извѣстное, уже принято въ Англіи и тамъ употребляется съ со«вершеннымъ успѣхомъ. У насъ есть врачи весьма ученые и весьма иску«сные, но они не имѣютъ достаточной опытности по этой части, и въ слѣд«ствіе того Ея Императорскому Величеству благоугодно было приказать Ея «Министрамъ отыскать и пригласить врача изъ наиболѣе способныхъ, кото«рый по долговременной практикѣ и дознанной честности удовлетворялъ бы «всѣмъ требованіямъ. Вы къ намъ прибыли съ наилучшими рекомендаціями, по«этому во всѣхъ существенныхъ обстоятельствахъ моя довѣренность къ вамъ «не будетъ имѣть предѣловъ; я желаю отъ васъ, милостивый государь, только «одного: чтобы вы дѣйствовали безъ малѣйшаго стѣсненія. Что касается «до того, что Императрица рѣшила по этому дѣлу относительно себя самой, «то я долженъ предоставить Ея Величеству объявить вамъ свои намѣренія, «но на счетъ Великаго Князя могу сказать, что онъ рѣшился на операцію, «если только вы ее посовѣтуете. Онъ желаетъ даже, чтобы она была произ«ведена. По этому, прежде чѣмъ будетъ приступлено къ дѣлу толикой важ«ности, я долженъ просить васъ изслѣдовать предварительно его тѣлосложеніе «и состояніе его здоровья. Его Высочество знаетъ, что вы пріѣхали, хо«четъ васъ видѣть и приглашаетъ васъ кушать съ нимъ завтра. Смѣю увѣ«рить васъ, что Его Высочество будетъ весьма доступенъ и вполнѣ располо«женъ познакомиться съ вами. Будьте съ нимъ сколь возможно больше, на«блюдайте за нимъ во время стола и при его забавахъ изучайте его тѣлосло«женіе. Не будемъ торопиться, но, когда каждое обстоятельство будетъ до«статочно соображено, представьте ваше донесеніе съ полною свободою. Если

«же вы считаете операцію рискованною, или ее не одобряете, то мы будемъ «вамъ одинаково обязаны, и наша признательность за эту поѣздку не уступитъ той, которая была бы послѣдствіемъ совершеннаго успѣха.»

Въ отвѣтъ на эти благосклонныя наставленія передъ операціей, я могъ только увѣрять Его Превосходительство въ моей точности при исполненіи ихъ; я прибавилъ, что онъ можетъ расчитывать на самое вѣрное донесеніе.

На другой день я былъ представленъ Его Высочеству вмѣстѣ съ моимъ сыномъ, который тоже получилъ приглашеніе, и мы имѣли честь обѣдать съ Великимъ Княземъ, который принялъ насъ съ тысячекратными знаками своей доброты; онъ оказывалъ прекрасное расположеніе духа и большую живость. Прощаясь съ нами послѣ обѣда, Его Высочество имѣлъ благосклонность пригласить насъ бывать при его дворѣ такъ часто, какъ только это можетъ быть для насъ удобно.

Императрица въ тотъ же вечеръ прибыла въ городъ; на другой день я получилъ приказаніе явиться къ Ея Величеству въ десять часовъ слѣдующаго утра въ ея загородный дворецъ. Когда насъ ввели, въ комнатѣ были только ихъ превосходительства графъ Панинъ и баронъ Черкасовъ. Баронъ имѣлъ честь быть предсѣдателемъ медицинской коллегіи; онъ учился въ Кембриджскомъ университетѣ и по этому понимаетъ въ совершенствѣ Англійскій языкъ. Этотъ вельможа удостоилъ меня, въ продолженіи нашего пребыванія въ Россіи, столькими знаками своей благосклонности, что я счелъ бы себя весьма счастливымъ, если бы могъ выразить ему мою признательность, соотвѣтственно тому, чѣмъ я ему обязанъ.

Хотя бы мнѣ слѣдовало ожидать многаго отъ превосходнаго разсудка и ласковости Ея Величества, тѣмъ не менѣе ея чрезвычайная проницательность и основательность вопросовъ, ею мнѣ сдѣланныхъ о прививаніи оспы и объ успѣхѣ этой операціи, привели меня въ удивленіе.

Императрица говорила по-французски, и хотя я зналъ этотъ языкъ достаточно для того, чтобы читать на немъ свободно, тѣмъ не менѣе, не имѣя привычки говорить по-французски, я выражался съ большимъ трудомъ, но баронъ Черкасовъ, который присутствовалъ въ качествѣ переводчика, и Ея Величество имѣли благосклонность увѣрить меня, что, послѣ непродолжительнаго упражненія, я буду говорить по-французски довольно хорошо.

Уходя, я имѣлъ честь получить приглашеніе къ столу Ея Величества, и такъ какъ придворный этикетъ не вездѣ одинаковъ, то можетъ быть не лишнимъ разсказать, какъ обѣдаютъ при Санктпетербургскомъ Дворѣ.

Мы сидѣли за длиннымъ столомъ. Императрица одна занимала почетное

мѣсто *; около двѣнадцати дворянъ (nobles) сидѣли за тѣмъ же столомъ. Обѣдъ состоялъ изъ разныхъ превосходныхъ кушаньевъ, приготовленныхъ на французскій манеръ, и съ такимъ послѣ того десертомъ изъ лучшихъ фруктовъ и вареній, что я и не ожидалъ найти ихъ въ этой странѣ. Но имперія Ея Величества простирается по всѣмъ климатамъ, столъ ея снабженъ въ изобиліи яствами изъ самыхъ благорастворенныхъ странъ, и мнѣ сказали, что тутъ были дыни, доставленныя изъ Астрахани—на границахъ Персіи, откуда привозится также виноградъ въ большомъ количествѣ; много яблокъ и грушъ изъ Украйны и Московскихъ дынь. Въ этотъ день подавали также свѣжіе Англійскіе ананасы, и одинъ, вырощенный въ Россіи, хотя маленькій, но очень вкусный. Удовольствіе при этомъ обѣдѣ увеличивалось отъ ласковости и непринужденной снисходительности самой Императрицы. На каждаго изъ гостей обращались ея вниманіе и обходительность; хотя мы не понимали языка, на которомъ говорили, бесѣда шла, по видимому, такъ свободно и весело, какъ можно было ожидать отъ лицъ, равныхъ между собою, а не отъ подданныхъ, удостоенныхъ чести быть въ обществѣ ихъ Государыни.

Слѣдующій день мнѣ было снова приказано быть при Императрицѣ, но не такъ гласно, и тогда Ея Величество соизволила увѣдомить меня, что она рѣшилась подвергнуться оспопрививанію сколь возможно скорѣе. Чтобы не подвергнуться упреку въ чрезмѣрной смѣлости въ дѣлѣ такой важности, я дамъ подробный отчетъ объ этомъ разговорѣ. Я позволилъ себѣ въ это время просить, чтобы мнѣ было предоставлено содѣйствіе придворныхъ врачей при такомъ серьёзномъ дѣлѣ, съ тѣмъ, чтобы я могъ сообщить имъ во всей подробности о каждомъ правилѣ и о каждомъ лѣкарствѣ, но Императрица не хотѣла согласиться на эту консультацію и была впрочемъ такъ снисходительна, что привела слѣдующія причины:

«Вы пріѣхали ко мнѣ съ репутаціей искуснаго и честнаго врача; разго-«воръ, который я имѣла съ вами по этому предмету, показался мнѣ вполнѣ «удовлетворительнымъ и увеличилъ довѣренность мою къ вамъ. Я не имѣю ни «малѣйшаго сомнѣнія на счетъ вашего умѣнья и вашихъ обширныхъ познаній «по этой части медицинской практики. Мои лейбъ-медики, не имѣя опытности, «не могутъ быть искусны въ оспопрививаніи и ихъ участіе скорѣе стѣснитъ «васъ, безъ всякой для васъ пользы. Моя жизнь принадлежитъ мнѣ и я съ «удовольствіемъ совершенно ввѣрюсь вамъ однимъ. О томъ, что относится «собственно до меня, вы не можете отъ нихъ ничего узнать. Я пользовалась, «слава Богу, такимъ отличнымъ здоровьемъ, что никогда не обращалась къ «ихъ совѣтамъ, и я сама вамъ скажу о себѣ все, что вамъ нужно знать. Я

* L'Impératrice seule présidait au haut bout.

«сообщу вамъ также, что я рѣшилась подвергнуться оспопрививанію прежде «Великаго Князя, лишь только вы заблагоразсудите; въ то же время я «хочу, чтобы дѣло это не было гласнымъ. По этому я поручаю вамъ распо-«рядиться такъ, чтобы всѣ были убѣждены въ моемъ намѣреніи не подвер-«гаться пока оспопрививанію. Приготовленія къ этому важному опыту надъ «особой Великаго Князя облегчатъ ваши посѣщенія во дворцѣ, гдѣ же-«лаю васъ видѣть часто для того, чтобы васъ ознакомить вполнѣ съ моимъ «тѣлосложеніемъ и дать вамъ возможность опредѣлить время и вообще всѣ «обстоятельства привитія собственно мнѣ оспы.»

Я обѣщался исполнить волю Ея Величества, съ тѣмъ стараніемъ, котораго нельзя не имѣть при сознаніи всей важности начинаемаго дѣла. Я предложилъ было сдѣлать сперва опытъ надъ нѣсколькими лицами ея пола, ея лѣтъ и ея тѣлосложенія. Императрица соизволила отвѣчать, что если бы эта операція была совершенно неизвѣстна, или если бы оставалось какое сомнѣніе на счетъ моего умѣнья или моей опытности, то эта предосторожность могла бы быть необходима, но такъ какъ Ея Величество не имѣла никакого въ этомъ отношеніи сомнѣнія, то не для чего было медлить.

Съ этою цѣлію и съ самаго этого времени приняли мѣры для введенія оспопрививанія въ Имперіи, къ чему, впрочемъ, было передъ тѣмъ уже рѣшено приступить, и дѣйствительно, еще до моего пріѣзда сдѣланы были для этого нѣкоторыя приготовленія. Запаслись домомъ, столько же удобнымъ, сколько и помѣстительнымъ, который былъ построенъ для барона Вольфа и въ теченіи нѣкотораго времени оставался безъ жильцевъ и безъ мебели. Предложено было снабдить его всѣмъ нужнымъ и сдѣлать изъ него госпиталь. Докторъ Шуленіусъ*, Лифляндскій врачъ, который съ успѣхомъ привилъ уже оспу многимъ лицамъ въ Лифляндіи, былъ назначенъ для присмотра за больными въ этомъ госпиталѣ, вмѣстѣ съ докторомъ . . . . **, его помощникомъ. Въ томъ же домѣ была отведена ему квартира.

Скоро послѣ насъ оба доктора прибыли и первая ихъ забота состояла въ томъ, чтобы снабдить домъ всѣмъ необходимымъ и сдѣлать всѣ перемѣны, нужныя для удобства помѣщенія. Съ этою цѣлію попросили меня съ моимъ сыномъ осмотрѣть домъ (что мы и исполнили) и распорядиться измѣненіями, по нашему усмотрѣнію. Скоро послѣ того оба доктора переѣхали въ новый госпиталь.

Неизбѣжныя приготовленія потребовали нѣкотораго времени; нужно было также отыскать больнаго отъ котораго можно было бы достать свѣжую оспенную матерію. Наконецъ, всѣ обстоятельства оказались благопріятными и тогда

---

* О Шуленіусѣ ср: Gadebusch, livländische Bibliothek. Art. Schulinius, I, 120.

** Въ подлинникѣ пробѣлъ.

рѣшились начать оспопрививаніе съ пяти юныхъ воспитанниковъ кадетскаго корпуса, которыхъ привезли въ оспенный домъ. Такъ какъ мнѣ нельзя было быть при дворѣ, въ то время когда я посѣщалъ больныхъ оспою, было рѣшено, чтобы первое оспопрививаніе было сдѣлано моимъ сыномъ; ему было поручено завѣдывать всѣмъ въ домѣ Вольфа, а мнѣ между тѣмъ назначено оставаться при дворѣ, съ тѣмъ, чтобы тщательно разузнавать о здоровьи Императрицы и Великаго Князя и о всѣхъ обстоятельствахъ, до нихъ относящихся.

Оспа была привита Свитену и Басову двумъ кадетамъ, которые, какъ предполагалось, не имѣли до того натуральной оспы. Я говорю — предполагалось, потому что, какъ это не покажется страннымъ, свойства и признаки болѣзни были тогда почти не извѣстны и на нихъ такъ мало обращали вниманія, что рѣдко кто зналъ на вѣрное, была ли у него прежде оспа или нѣтъ. Обыкновенная метода состояла въ томъ, что искали оспенныхъ знаковъ, и когда ихъ не находили, то заключали, что оспы не было вовсе.

Для обоихъ кадетовъ оспа была взята отъ одного ребенка, сына бѣдныхъ родителей въ предмѣстьи Санктпетербургскомъ. По словамъ моего сына, у ребенка было достаточно оспенной матеріи, и оспенный кризисъ уже приближался. Ребенокъ, по видимому, не подвергался ни малѣйшей опасности, только съ нимъ обращались совсѣмъ не такъ какъ бы слѣдовало; въ комнатѣ гдѣ онъ находился было такъ душно, что сынъ мой въ продолженіи короткаго времени, которое онъ тамъ оставался, едва могъ дышать. Онъ старался всѣми силами уговорить родителей отворить окошко и освѣжить нѣсколько комнату, увѣрялъ ихъ, что въ противномъ случаѣ выздоровленіе ихъ сына сомнительно, но всѣ его слова были даромъ, до такой степени въ то время всѣ были убѣждены, что въ комнатѣ больнаго должно быть сколь возможно жарко, и такимъ образомъ ребенокъ скончался, какъ мы слышали, на слѣдующій день.

Всѣ заботились о томъ, какой будетъ имѣть успѣхъ этотъ первый опытъ надъ кадетами; о всемъ, что обнаруживалось, вели дневникъ, который мой сынъ два раза въ день сообщалъ мнѣ. Этотъ дневникъ переводили и представляли Ея Величеству.

Съ большимъ сокрушеніемъ узналъ я, что Басовъ на другой день послѣ привитія ему оспы заболѣлъ лихорадкою съ тошнотою и рвотою. По розысканію оказалось, что онъ неосторожно обременилъ желудокъ сухими фруктами, и надѣялись, что его болѣзни не было другой причины; но, какъ бы то ни было, онъ заболѣлъ лихорадкою, съ признаками, которые привели меня въ большое безпокойство. Мы были въ городѣ и получали частыя и подробныя извѣстія о ходѣ его болѣзни. Этотъ разъ случилось, что бывало не разъ и со мною, а именно, что оспа, по несчастію, была привита наканунѣ лихорадки,

что разстройство, произведенное такою неожиданною болѣзнію, прервало правильный ходъ оспы и дѣлало сомнительнымъ, чтобы она показалась на рукѣ. Въ настоящемъ случаѣ это неожиданное обстоятельство весьма меня затрудняло.

Извѣстія, которыя мой сынъ мнѣ посылалъ, были вѣрны, и я могъ положиться на его сужденія; но то было худо, что лихорадка продолжалась и сопровождалась тошнотою, что также происходило и отъ робости больнаго; и въ самомъ дѣлѣ хотя кадеты, во время привитія къ нимъ оспы, вели себя съ приличною твердостію, но такъ какъ дѣло было непривычное, то оба они, какъ я узналъ въ послѣдствіи, считали себя жертвами, обреченными на опасный для нихъ опытъ.

Извѣстія, которыя я получилъ на шестой день, были рѣшительно неблагопріятны, и я хотѣлъ уже отправиться въ Вольфовскій домъ, чтобы пособить при врачеваніи больныхъ, но передъ тѣмъ получилъ приказаніе явиться къ Ея Величеству.

Императрица приняла меня такъ снисходительно и столько ободрила меня, что я не могу не разсказать, что происходило при этомъ случаѣ.

Императрица сказала мнѣ: «Ваша печаль мнѣ не нравится. Скажите мнѣ, «въ чемъ дѣло?»

Я отвѣчалъ, что неблагопріятныя извѣстія о больныхъ въ Вольфовскомъ домѣ весьма меня безпокоили.

— «И мнѣ это досадно, но скажите мнѣ правду, отъ чего произошла болѣзнь кадетовъ, отъ оспы, или отъ другой причины?» — «Безъ сомнѣнія, не отъ оспы», отвѣчалъ я; «она началась прежде чѣмъ оспа могла разстроить организмъ и продолжается съ симптомами, которые никогда не сопровождають оспу въ этомъ періодѣ». — «Такъ перестаньте же бояться», сказала Императрица, «я увѣрена вполнѣ, что, съ помощію Божіею, онъ преодолѣетъ болѣзнь и все кончится благополучно. Я должна сознаться, что это дѣйствительно несчастіе, если что нибудь случится, хотя и отъ другой причины; нельзя будетъ убѣдить народъ, что бѣда произошла не отъ оспы; это усилитъ ихъ предразсудки въ самомъ началѣ дѣла и затруднитъ мое предположеніе ввести оспопрививаніе въ моей имперіи. Впрочемъ, развеселитесь, мы не можемъ поступать иначе, какъ прямодушно и справедливо. Я очень довольна вашими поступками и вы можете расчитывать на мое покровительство и на мою поддержку, и, чтобы не случилось съ этимъ молодымъ человѣкомъ, это не измѣнитъ моей рѣшимости, если только вы продолжаете считать полезнымъ, чтобы мнѣ была привита оспа.»

«Я согласна подвергнуться операціи, сдѣланной вашими руками и возстановить репутацію оспопрививанія. Въ настоящее время я одобряю ваше

намѣреніе отправиться въ Вольфовскій домъ, но, судя по времени, мы, можетъ быть, успѣемъ еще получить болѣе благопріятныя извѣстія; такъ подождите до вечера; тогда рѣшимъ, смотря по состоянію больнаго, слѣдуетъ ли вамъ отправиться къ нему или нѣтъ.»

Къ счастію, извѣстія, полученныя вечеромъ, были благопріятнѣе, такъ какъ лихорадка значительно уменьшилась; по этому мое перемѣщеніе въ Вольфовскій домъ было отложено, и съ этого времени никто уже изъ больныхъ не находился въ опасномъ положеніи; симптомы были умѣренные, и у Басова оказались только двѣ или три оспенныхъ болячки, а Свигенъ, у котораго на рукѣ не оказалось никакого признака оспы, продолжалъ оставаться совершенно здоровымъ, со всѣми признаками, что у него была уже натуральная оспа, по этому и было досадно, что случилось такъ.

Покамѣсть мой сынъ занимался больными, какъ выше сего объяснено, я обращалъ все вниманіе на то, чтобы ознакомиться съ моими августѣйшими паціентами и для этого я каждый день, разъ или два, представлялся Государынѣ. Обѣдалъ я обыкновенно за столомъ Великаго Князя и, согласно сдѣланному мнѣ приглашенію, проводилъ большую часть дня съ Его Императорскимъ Высочествомъ. Этимъ способомъ я имѣлъ возможность узнавать все, что мнѣ было нужно о состояніи ихъ здоровья, и такъ какъ я не видѣлъ никакихъ препятствій къ привитію оспы Императрицѣ и Великому Князю, то и было окончательно рѣшено приступить къ этой операціи. О привитіи оспы Великому Князю ходили вообще рѣчи, но я такъ точно исполнилъ волю Ея Величества о храненіи въ тайнѣ ея намѣреній касательно ея самой, что по мнѣнію всѣхъ это предположеніе считалось оставленнымъ.

Въ такомъ состояніи были дѣла, когда я отправился изъ Санктпетербурга къ доктору Шуленіусу и моему сыну, чтобы содѣйствовать успѣшному ходу оспопрививанія въ Вольфовскомъ домѣ. Когда я туда пріѣхалъ, я нашелъ, что, согласно донесенію моего сына, оба кадета были совершенно здоровы. Оставалось одно средство: привить оспу другимъ; съ этою цѣлію выбраны были еще четыре кадета, и послѣ тщательныхъ изслѣдованій нашли въ предмѣстьи города оспу такого свойства, что можно было ее привить. Мы отправились въ домъ, гдѣ былъ больной съ четырьмя кадетами и съ молодою служанкою, которая была при насъ и сама не знала, была ли у ней оспа или нѣтъ. Съ нами былъ одинъ нѣмецкій хирургъ изъ тѣхъ, которые назначены для врачеванія больныхъ изъ бѣдныхъ семействъ. Насъ приняли такъ странно, что расказъ объ этомъ будетъ не безъ интереса для моихъ читателей; они узнаютъ какъ лѣчили прежде эту болѣзнь и какіе были предразсудки въ простонародьи.

Ребенокъ, отъ котораго мы имѣли въ виду взять матеріи, имѣлъ ея до-

волью, она была почти созрѣвшею, но дитя задыхалось отъ жару въ комнатѣ. Входя въ домъ, мы нашли на всѣхъ лицахъ какое то выраженіе страха; но лишь только я подошелъ къ постели больнаго ребенка, чтобъ взять отъ него оспенной матеріи, какъ одна женщина, мать дитяти, бросилась мнѣ въ ноги, лбомъ къ землѣ и положивъ руки на голову по восточному обычаю, сохранившемуся еще въ Россіи. Въ этомъ положеніи она жалобнымъ голосомъ произносила рѣчи, на непонятномъ для меня языкѣ. На лицахъ всего семейства изображался ужасъ, семейство это было многочисленно и всѣ толпились въ маленькой комнатѣ.

Это странное ихъ поведеніе до крайности меня изумляло, и я попросилъ моего нѣмецкаго друга объяснить мнѣ причину этого отчаянія.

«Вы должны знать», сказалъ онъ мнѣ, «что въ этой странѣ преобладаетъ мнѣніе, будто матерія, взятая отъ больнаго, можетъ принести пользу лицу, которому ее прививаютъ, но за то непремѣнно умретъ тотъ, отъ кого она взята. Эта бѣдная женщина—мать больнаго ребенка; она проситъ, чтобы вы пощадили ея сына и утверждаетъ, что ни подъ какимъ видомъ не дастъ вамъ взять отъ него матеріи.» Мысль, что на меня смотрятъ какъ на убійцу, такъ меня поразила, что я содрогнулся, и попросилъ хирурга объявить этой женщинѣ, что я никогда бы не принялся за такое преступное дѣло и не могъ бы рѣшиться отнять жизнь у невиннаго ребенка; что если взять отъ него оспенной матеріи, какъ я имѣлъ въ виду, то это не могло быть для ея сына опасно или вредно, но что если она не хотѣла мнѣ вѣрить, то я уйду и избавлю ее отъ всякаго опасенія. Хирургъ началъ убѣждать все это семейство, и я замѣтилъ одного порядочнаго съ виду человѣка; онъ переговорилъ сначала съ матерью, потомъ обратился къ хирургу, который тогда объявилъ мнѣ, что мать согласна. По этому я привилъ оспенную матерію отъ ребенка къ пятерымъ лицамъ, бывшимъ со мною; но между тѣмъ я замѣтилъ, что женщина продолжала сокрушаться. Въ комнатѣ было такъ жарко, что жизнь ребенка подвергалась опасности, и это тѣмъ болѣе заставило меня безпокоиться, по причинѣ предубѣжденій, о которыхъ мы говорили выше.

Я старался всѣми силами убѣдить ихъ, чтобы они отворили окошко, и тѣмъ дали возможность освѣжить ребенка, что было бы для него очень полезно. Всѣ мои просьбы, всѣ мои доводы были тщетны, до того они были увѣрены въ пользѣ жара; наконецъ имъ предложили рубль и намъ оказали милость: при насъ отворили окошко и обѣщались нѣкоторое время послѣ насъ его не запирать.

Возвращаясь домой, я расспрашивалъ хирурга, почему имѣли успѣхъ его убѣжденія, съ которыми онъ обращался къ матери ребенка; такъ какъ она согласилась, то по видимому она не имѣла болѣе никакихъ сомнѣній. Хирургъ

мнѣ отвѣчалъ, что она оставалась при прежнемъ своемъ мнѣніи. Вы не поняли, сказалъ онъ мнѣ, того, что говорилъ ей мужъ, человѣкъ очень разсудительный. Онъ сперва спросилъ меня, по точному ли приказанію Императрицы мы пріѣхали. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ обратился къ своей женѣ и сказалъ ей: «мой другъ, выслушай меня терпѣливо. Я тоже бы не «согласился пожертвовать своимъ сыномъ для пользы кого бы ни было, но «ты слышала, они пріѣхали по приказанію Ея Величества, и еслибы Ея «Величество приказала, чтобы нашему сыну отрубили голову или ноги, что «было бы хуже смерти, надобно было бы покориться. Покажемъ же, какъ «мы послушны и не станемъ прекословить волѣ Государыни». Тогда только мать согласилась.

Воротившись, мы думали о жалкомъ положеніи этого семейства и о томъ, какъ усилились бы народные предразсудки, если бы ребенокъ не выздоровѣлъ; неразумное обращеніе съ нимъ подвергало его крайней опасности, и по этому къ вечеру я послалъ туда моего сына посмотрѣть на больнаго и, если возможно, пособить ему. Воротившись, онъ увѣдомилъ меня, что ребенокъ заснулъ спокойно, что ему было лучше, но комната была заперта какъ прежде, хотя уже не было такъ жарко. Ребенокъ поправился, но послѣ того жизнь его подвергалась большой опасности вслѣдствіе безразсуднаго съ нимъ обращенія; вотъ что съ нимъ сдѣлали: онъ былъ еще очень слабъ, когда его снесли въ баню, вопреки совѣту хирурга; отъ этого его слабость и опасность увеличились. Впрочемъ, хинный отваръ, который я посовѣтовалъ дать больному, и болѣе благоразумныя мѣры касательно свѣжаго воздуха избавили потомъ ребенка отъ болѣзни.

Пятеро больныхъ, которымъ была привита оспа, были помѣщены въ домѣ Вольфа, ихъ лечилъ я съ сыномъ, при содѣйствіи докторовъ Шуленіуса и Штренге; они имѣли также и другія пособія. Ихъ состояніе очень насъ озабочивало; мы тщательно и часто дѣлали наблюденія надъ ходомъ ихъ болѣзни.

Казалось, къ каждому изъ нихъ привилась оспа, но наружные признаки были совсѣмъ не тѣ, какіе я видѣлъ прежде, потому что на томъ мѣстѣ гдѣ была сдѣлана оспенная ранка показался чирей, изъ котораго скоро потомъ образовалась большая болячка, наполненная желтою матеріею, очень похожей на оспенную, когда она совсѣмъ созрѣла. Такъ продолжалось до седьмаго или осьмаго дня, когда можно было ожидать появленія оспенной сыпи обыкновеннымъ путемъ. Между тѣмъ оспа не показывалось ни на комъ; впрочемъ, я ее и не ожидалъ болѣе; однимъ словомъ, опытъ не удался, какъ будто бы ничего не было сдѣлано. Ранки на рукахъ зажили и мои паціенты продолжали быть совершенно здоровыми.

Трудно описать, какъ я былъ раздосадованъ такимъ событіемъ, это легко пойметъ читатель, если онъ имѣетъ чувство. Къ счастію, я имѣлъ честь и благополучіе состоять на службѣ Государыни, которой свѣтлый умъ былъ приготовленъ ко всему, что могло послѣдовать*. Ея Величество имѣла основательныя причины быть недовольною нашимъ вторымъ опытомъ. Я это видѣлъ, и чувствовалъ все значеніе неудачи; между тѣмъ мнѣ надобно было употребить всѣ усилія чтобъ узнать, отъ чего она произошла и дать себѣ отчетъ въ причинахъ.

Я былъ въ заперти въ госпиталѣ Вольфовскаго дома, и по моей просьбѣ подъ строгимъ карауломъ, столько для того, чтобы согласно волѣ Императрицы сохранить въ тайнѣ привитіе къ ней оспы, какъ и для того, чтобы не допустить распространенія этой прилипчивой болѣзни.

Въ этомъ уединеніи я принялся разсматривать и соображать каждое обстоятельство по журналу, который я велъ, и который я сообщалъ со всею возможною точностію барону Черкасову съ моимъ заключеніемъ о разныхъ видоизмѣненіяхъ въ положеніи паціентовъ. Баронъ Черкасовъ переводилъ его и сообщалъ Императрицѣ.

Обсудивъ всѣ обстоятельства, я составилъ записку для представленія Императрицѣ. Въ ней я излагалъ слѣдующее.

Я откровенно сознавалъ, что весь этотъ опытъ надъ пятью лицами былъ произведенъ подъ моимъ исключительнымъ руководствомъ, что время года, при умѣренной погодѣ, было благопріятно, что, судя по тѣлосложенію этихъ лицъ, не было никакого препятствія къ произведенію надъ ними этого опыта, что въ образѣ ихъ жизни не было ничего, что могло бы привести къ исходу, столь несогласному съ моими ожиданіями и съ тѣми опытами, которые представляла мнѣ практика въ Англіи. Я не могъ допустить, чтобы на нынѣшній мой опытъ имѣли вліяніе постоянное употребленіе бань и сильная ими производимая испарина. По этому я долженъ былъ предполагать, что эти мои паціенты уже имѣли во время ихъ молодости натуральную оспу. Какъ ни покажется это страннымъ, но были лица, которыя сами вовсе не помнили, была ли у нихъ эта болѣзнь или нѣтъ, посторонніе же про то ровно ничего не знали,—впрочемъ, слѣдуетъ вспомнить, что по этому предмету не велось списковъ и не дѣлалось замѣтокъ. И такъ оставалось одно средство узнать была ли на комъ оспа или нѣтъ, а именно: надлежало осмотрѣть, не было ли слѣдовъ

* Для образчика французской грамоты барона Димсделя мы приведемъ подлинный текстъ этой фразы: Heureusement toute fois, j'avais l'honneur aussi bien que le bonheur d'être au service d'une Princesse dont les clartés supérieures la préparait pour tout ce qui pourrait arriver.

на кожѣ, а это средство далеко не вѣрное. По здравому смыслу оставалось заключить, что у моихъ пяти паціентовъ была прежде натуральная оспа, что они о ней не помнили, и что отъ этого только опытъ не имѣлъ успѣха. Я былъ вполнѣ убѣжденъ, что это было такъ, потому что при моемъ способѣ прививать оспу, подтвержденному безчисленными фактами и долговременною опытностію, оспа всегда успѣшно прививалась ко всѣмъ, кто ее не имѣлъ прежде.

Съ цѣлію еще болѣе въ этомъ увѣриться, я предложилъ, чтобы этимъ пяти лицамъ была еще разъ привита оспа по старой методѣ, которой слѣдовалъ еще докторъ С., а именно, посредствомъ взрѣза и вложенія въ ранку корпіи пропитанной матеріею и прикрытой пластыремъ. Я совѣтовалъ также, чтобы они были въ комнатѣ, гдѣ находились больные оспою, даже самою злокачественною, чтобы они дотрогивались до этихъ больныхъ и употребляли всѣ средства для того, чтобы оспа къ нимъ пристала.

Если бы, не смотря на все стараніе, оспа все таки къ нимъ не привилась при этомъ второмъ опытѣ, и они бы остались по прежнему не зараженными, то это послужило бы подтвержденіемъ моему мнѣнію, а именно, это доказало бы, что у нихъ прежде того была натуральная оспа, и что они потомъ уже ее имѣть не будутъ.

Эта записка была представлена Императрицѣ; предположеніе мое было одобрено и приведено въ исполненіе, и оказалось, что хотя и была имъ вновь привита оспа, какъ выше сего было сказано, но что она не принялась и не обнаружила себя никакими признаками. Этотъ второй опытъ еще не былъ приведенъ къ концу, какъ Императрица, не разсудивъ за благо ожидать послѣдствій, утвердилась въ своемъ намѣреніи привить себѣ оспу немедленно, и мнѣ было приказано приготовиться. Съ этою цѣлію я выбралъ трехъ дѣтей здороваго тѣлосложенія и привилъ къ нимъ оспу, чтобъ быть готовымъ, по мѣрѣ возможности, къ тому самому сроку, который былъ заблаговременно опредѣленъ,

О времени и мѣстѣ когда была привита оспа Императрицѣ уже извѣстно, но для читателей будетъ интересно знать всѣ негласныя обстоятельста этой операціи и вообще подробности дѣла, которое имѣло значеніе для всей Европы.

Чрезъ посредство барона Черкасова все было условлено и устроено по волѣ Императрицы, и въ девять часовъ вечера, по предварительному соглашенію, явился въ Вольфовскомъ домѣ нарочный съ приказаніемъ пріѣхать немедленно и привезть съ собою больнаго, отъ котораго можно было бы взять матерію для привитія оспы. О настоящей причинѣ, почему было дано это приказаніе, никто ничего не зналъ кромѣ меня и моего сына, и мы показы-

вали видъ, что мы также какъ и другіе удивляемся этому приказанію, но тѣмъ не менѣе немедленно приступили къ тому, чего отъ насъ хотѣли.

Ребенокъ, котораго я выбралъ для этого, какъ наиболѣе способнаго, и на которомъ оспа начинала уже показываться, въ то время уже спалъ. Мой сынъ взялъ его на руки, закуталъ въ свою шубу и снесъ въ карету. Въ ней, кромѣ насъ, никого не было; насъ подвезли къ большому подъѣзду дворца, къ тому, который ближе всѣхъ къ Милліонной, гдѣ мнѣ отведена была квартира до того времени какъ я переѣхалъ за городъ.

Мы вошли во дворецъ потаеннымъ входомъ, * гдѣ баронъ Черкасовъ насъ встрѣтилъ и провелъ къ Императрицѣ.

Привитіе оспы совершилось скоро; послѣ этого мой сынъ отправился съ ребенкомъ въ Вольфовскій домъ и сообщилъ находящимся тамъ лицамъ, которые очень желали знать, гдѣ мы были, что мною привита была оспа въ домѣ у одного вельможи.

Эту ночь провелъ я въ нашей квартирѣ въ Милліонной, а на другой день меня отвезли въ Царское Село. Сперва въ тамошнемъ дворцѣ не было никого кромѣ обыкновенной прислуги, такъ какъ тамъ сказали, что Императрица поѣхала туда, для распоряженій по нѣкоторымъ передѣлкамъ и что она тамъ останется не долго, но многіе изъ дворянъ скоро потомъ послѣдовали туда за нею, и Императрица замѣтивъ, что между ними были многіе не имѣвшіе, какъ она предполагала, никогда оспы, сказала мнѣ: «Я должна положиться на васъ, что вы мнѣ скажете, лишь только это будетъ возможно, «когда отъ меня можетъ пристать болѣзнь къ другимъ. Я хотѣла бы сохранить «въ тайнѣ это дѣло, но Боже избави, чтобы я скрывала мое положеніе хотя минуту, когда это можетъ быть опасно для другихъ.» И такъ въ пятый день Ея Величеству благоугодно было объявить публикѣ, что къ ней была привита оспа. Правду сказать, едва было возможно, чтобы придворные не догадались въ чемъ дѣло, когда всѣ видѣли меня такъ часто у Императрицы; они знали, что я недавно былъ въ Вольфовскомъ домѣ съ больными оспой. Какъ бы то ни было, объ этомъ меня никто не спрашивалъ.

Въ продолженіе этого времени Императрица изволила участвовать во всѣхъ увеселеніяхъ съ своею обычною привѣтливостію, не показывая ни малѣйшаго безпокойства по поводу того, что было съ ней сдѣлано. Она кушала по прежнему съ другими, оживляя весь дворъ особеннымъ изяществомъ своей бесѣды, — качество, которымъ она отличается столько же, сколько своимъ достоинствомъ и высокимъ саномъ.

* Par un escalier dérobé.

Подробности о ходѣ болѣзни Ея Величества изложены въ другомъ мѣстѣ *.

Привитіе оспы Великому Князю было отложено, потому что Его Высочество имѣлъ въ то время летучую оспу; эта болѣзнь прошла благополучно, и послѣ должныхъ предосторожностей, принимаемыхъ по окончаніи летучей оспы, мы обратились снова къ первому предположенію.

Я часто бывалъ при дворѣ и особенно въ комнатѣ Его Императорскаго Высочества; по этому я могъ удостовѣриться, что здоровье Великаго Князя было превосходно. Впрочемъ, чтобы узнать всѣ нужныя подробности и получить надлежащее пособіе въ теченіи болѣзни, я обратился къ Императрицѣ и просилъ позволенія посовѣтоваться по этому предмету съ придворными врачами. Я ходатайствовалъ также, чтобы имъ приказано было помогать мнѣ въ продолженіи болѣзненнаго состоянія Великаго Князя послѣ привитія оспы. Императрица соизволила согласиться на мою просьбу. По волѣ Ея Величества лейбъ-медикъ докторъ Крузе, который постоянно лѣчилъ Великаго Князя во время всѣхъ его болѣзней, и лейбъ-хирургъ Его Высочества Фуссадье, всегда находившійся при немъ съ самаго его рожденія, получили приказаніе оказывать мнѣ всякое возможное пособіе. Это распоряженіе было для меня вполнѣ благопріятно; съ обоими докторами я успѣлъ уже познакомиться, постоянно встрѣчая ихъ на половинѣ Великаго Князя.

---

* Къ сожалѣнію, этихъ подробностей нигдѣ не отыскано.

Императрица Екатерина II писала по этому поводу, въ письмѣ отъ 16 Ноября 1768 г., къ Лифляндскому Генералъ-Губернатору Броуну слѣдующее: «Gestern habe ich Ihren Brief bekommen worinnen Sie mir gratuliren über den glücklich überstandenen Blattern. Weil Sie mir sagen Herr General, dass bei der Einfropung der Blattern ich Courage nöthig gehabt, so muss ich wohl glauben dass die Sache so ist, sonsten habe ich gedacht dass diese Courage ein jeder Strassenjunge in England besitzt. Der redliche und geschickte Doctor Dimsdale Ihr Landsmann macht einen jeden hier in Petersburg dreist, und es ist kein Vornehmes Haus worin er jetzt nicht einige Patienten von seiner Art hat. Dem Grossfürsten fallen nun auch die Blattern Gott sey Dank ab, und diese Furcht ist auch überwunden.» Т. е. Вчера я получила Ваше письмо, въ которомъ Вы меня поздравляете съ благополучнымъ исходомъ привитія оспы. Вы, Генералъ, увѣряете меня, что съ моей стороны при этой операціи необходима была не малая доля рѣшимости, слѣдовательно, я должна согласиться, что это такъ; а между тѣмъ я полагала, что подобная смѣлость встрѣчается въ Англіи у любаго уличнаго мальчика. Честный и искусный докторъ Димсдель, вашъ землякъ, внушаетъ всѣмъ въ Петербургѣ довѣріе и рѣшимость, и нѣтъ дома вельможи, въ которомъ не находилось бы нѣсколько паціентовъ, отданныхъ на его попеченіе. У Великаго Князя, слава Богу, нынѣ также оспа проходитъ. Такимъ образомъ и этотъ страхъ миновалъ насъ.

(Изъ коллекціи неизданныхъ, собственноручныхъ писемъ Императрицы Екатерины II, къ Лифляндскому Генералъ-Губернатору Броуну. Письма эти (всего 109) напечатаны будутъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Сборника Р. И. Общества.)

Графъ Панинъ, присутствовавшій при первомъ представленіи моемъ Великому Князю, сообщилъ намъ, что рѣшено было привить оспу Его Высочеству. Намъ предоставлено было условиться между собою касательно всѣхъ мѣръ, которыя предполагалось принять какъ прежде привитія оспы, такъ и послѣ. Къ крайней моей досадѣ, докторъ Крузе отказался быть въ этомъ случаѣ моимъ сотрудникомъ; онъ увѣрялъ, что въ случаѣ какой бы то ни было естественной болѣзни, онъ считалъ себя обязаннымъ оказывать всякое пособіе, которое отъ него зависѣло, и при такихъ обстоятельствахъ весьма охотно сталъ бы совѣтываться со мною, но что на прививаніе оспы онъ смотрѣлъ совершенно съ другой точки зрѣнія, чѣмъ я; по этому, такъ какъ нельзя было предполагать, что онъ умѣетъ прививать оспу, то онъ не желаетъ подвергать себя отвѣтственности за послѣдствія. Когда его спросили, находитъ ли онъ, что не слѣдуетъ прививать оспу, онъ отвѣчалъ, съ совершенною откровенностію, что по его мнѣнію оспу привить слѣдуетъ, и именно моимъ способомъ, описаннымъ въ моемъ сочиненіи, но что онъ, Крузе, могъ быть полезнымъ только въ одномъ отношеніи, а именно, сообщить мнѣ во всей подробности все, что онъ успѣлъ замѣтить относительно тѣлосложенія Великаго Князя въ то время когда его лѣчилъ.

Отъ Крузе нельзя было больше ничего добиться и по этому я просилъ, чтобы мнѣ было предоставлено содѣйствіе доктора Вейгора, фрейлинскаго врача. Согласіе на это послѣдовало, и такъ какъ онъ былъ Англичанинъ, то я надѣялся, что онъ не откажетъ мнѣ въ помощи.

Мы говорили объ этомъ въ домѣ Фуссадье. Докторъ Крузе, согласно своему обѣщанію, сообщилъ намъ весьма точно и отчетливо о болѣзняхъ, которыя имѣлъ прежде Великій Князь и о состояніи его здоровья въ настоящее время. Г. Фуссадье тоже представилъ письменное мнѣніе по тому же предмету, но докторъ Вейгоръ отказался отъ всякаго участія, говоря, что дѣло было такъ важно, что онъ не хотѣлъ въ него вмѣшиваться.

Слѣдующее за симъ есть точная копія съ записки Г. Фуссадье *.

Никто, я думаю, не прочтетъ этого отчета, не изумившись, какъ не основательно обращались съ Великимъ Княземъ во время его дѣтства. Г. Фуссадье увѣрялъ, что тому была причиною чрезмѣрная нѣжность покойной Императрицы Елисаветы, которая взяла на свое попеченіе наслѣдника Имперіи съ самаго его рожденія. Хотя она вообще была Государыня весьма осторожная, но къ несчастію она имѣла предубѣжденіе въ пользу нѣкоторыхъ старыхъ дамъ, коимъ она ввѣрила вполнѣ попеченіе о воспитаніи Великаго Князя. Несмотря на всѣ эти непріятныя обстоятельства, я съ радостію убѣ-

* Эта записка не отыскана.

дился, что Великій Князь былъ прекрасно сложенъ, бодръ, силенъ и безъ всякаго природнаго недуга.

Обманувшись такимъ образомъ въ моей надеждѣ получить какое бы то ни было содѣйствіе со стороны врачей, я счелъ за нужное дать мое мнѣніе письменно, и по этому составилъ нижеслѣдующую записку *.

На другой день послѣ консультаціи я имѣлъ честь представить эту записку Императрицѣ. Она изъявила свое согласіе на методу, которая была предложена мною, и приказала приступить къ дѣлу лишь только это будетъ возможно.

Великій Князь продолжалъ быть бодрымъ и желалъ нетерпѣливо, чтобы было приступлено къ опыту надъ нимъ. Какъ это происходило, разсказано уже мною **.

Впрочемъ не надобно забывать, что Императрица, точно также какъ и Великій Князь, дозволили благосклонно, чтобы отъ ихъ особъ была взята матерія для привитія оспы къ многимъ лицамъ, и черезъ это снисхожденіе, которое дѣлаетъ имъ величайшую честь, уничтоженъ былъ совершенно предразсудокъ будто тотъ, отъ кого берется матерія, черезъ это самое пострадаетъ.

Немедленно послѣ выздоровленія Великаго Князя, одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ увѣдомилъ меня о почетной и щедрой наградѣ, которую Императрица назначала мнѣ за мои старанія, а именно, что я буду Барономъ Россійской Имперіи, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, назначенъ лейбъ-медикомъ Ея Величества съ пожизненною пенсіею въ пять сотъ фунтовъ стерлинговъ, которая будетъ уплачиваться мнѣ въ Англіи, наконецъ, что мнѣ пожалуютъ миніатюрные портреты Императрицы и Великаго Князя, съ тѣмъ, чтобы они всегда сохранялись въ моемъ семействѣ въ память заслугъ, мною оказанныхъ Имперіи.

Ея Величеству благоугодно было также изъявить Высочайшее одобреніе службы моего сына и произвесть его въ бароны, сверхъ того она приказала, чтобы ему пожалована была великолѣпная золотая табакерка, осыпанная бриліантами.

Примѣръ, поданный съ высока, оказалъ немедленно сильное дѣйствіе; большая часть изъ дворянства ждали съ нетерпѣніемъ, чтобы подъ моимъ руководствомъ была привита оспа въ ихъ семействахъ; кончивъ счастливо это дѣло, я началъ думать о томъ, чтобы возвратиться въ Англію, но меня удержало новое приглашеніе.

Государынѣ угодно было мнѣ сказать, что многіе изъ дворянъ, живщихъ

* Этой записки тоже не оказалось.

** Тоже не оказалось.

въ Москвѣ, хотѣли пріѣхать оттуда въ С. Петербургъ съ ихъ семействами и отдать ихъ на мое попеченіе. Она изъявляла безпокойство о здоровьи дѣтей, которые въ это суровое время года должны были совершить переѣздъ и въ тоже время изволила повторить свою волю, чтобы я исполнилъ желаніе дворянства передъ моимъ отъѣздомъ въ Англію. Зная волю Ея Величества, было бы непростительно колебаться, по этому я предложилъ отправиться съ моимъ сыномъ немедленно въ Москву и оказать тамъ наши услуги каждому, кто только захотѣлъ бы ими воспользоваться. Императрица была ко мнѣ такъ щедрою, что имѣла право требовать отъ меня всѣхъ зависѣвшихъ услугъ, — тѣмъ не менѣе нельзя не упомянуть или забыть о ея привѣтливости и въ настоящемъ случаѣ. Изъявивъ мнѣ свою признательность за мои старанія и за счастливый исходъ дѣла, для котораго я былъ вызванъ, Императрица прибавила, что она не могла требовать отъ меня такой дальней поѣздки, отъ которой могло пострадать мое здоровье. Такія великодушныя чувства Императрицы побудили меня вновь предложить мои усерднѣйшія услуги какъ въ Москвѣ, такъ и во всякой другой мѣстности ея владѣній, гдѣ только по ея мнѣнію моя дѣятельность могла быть полезною.

Мое предложеніе было принято и я съ большимъ удовольствіемъ думалъ о путешествіи, которое доставило бы мнѣ возможность видѣть этотъ большой и древній городъ Москву. Для пользы Имперіи, впрочемъ, имѣлось въ виду другое — Ея Величество такъ предусмотрительна, что она не пропускаетъ ни одного случая дѣлать добро своимъ подданнымъ.

Въ продолженіе частыхъ бесѣдъ моихъ съ Государынею, она распрашивала меня въ подробности о томъ, какимъ способомъ я прививалъ оспу въ Англіи, съ тѣмъ, чтобы ввести ту же методу въ ея Имперіи; въ тоже время она имѣла въ виду устроить, для помѣщенія больныхъ оспою, особенный домъ въ какомъ нибудь удобномъ мѣстѣ по близости Москвы. Въ случаѣ, если бы это предположеніе состоялось, предполагалось оставить моего сына въ Россіи, для управленія этимъ домомъ.

Мнѣ было поручено объясниться о томъ съ однимъ изъ знатныхъ вельможъ и осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ дома, которые могли бы годиться для предположенной цѣли. Если бы не оказалось готовыхъ или удобныхъ домовъ, было рѣшено выбрать мѣсто, годное для постройки новаго зданія.

Оставалось собраться въ путь; между тѣмъ узнали мы, что въ Москвѣ также какъ въ С. Петербургѣ, принимали всѣ нужныя предосторожности для того, чтобы не дать оспѣ распространяться, и было вѣроятно, что придется потерять много времени прежде чѣмъ сыщется на мѣстѣ больной, отъ котораго можно было бы достать матерію для прививанія оспы.

По этому я обратился къ средству, которое можно счесть довольно

страннымъ; а именно, я рѣшился привить оспу къ одному ребенку, или двумъ въ С. Петербургѣ и взять ихъ съ собою съ тѣмъ, чтобы отъ нихъ уже заимствовать оспенную матерію для Москвы.

Съ трудомъ достали мы двухъ маленькихъ паціентовъ; хотя и кажется, что неограниченная власть Государыни давала намъ возможность располагать по ея Высочайшему повелѣнію всѣми лицами и вездѣ, какъ бы намъ ни вздумалось, тѣмъ не менѣе въ правленіе Екатерины Второй до такой степени преобладаютъ кротость и благодушіе, что никогда не дѣлается никакого принужденія въ этомъ родѣ; напротивъ того, всѣ ея подданные пользуются свободою въ справедливой и разумной мѣрѣ.

Послѣ нѣсколькихъ дней, съ помощію денегъ, намъ достали одного мальчика около шести лѣтъ отъ роду, сына матроской вдовы, и дѣвочку около десяти лѣтъ, дочь оберъ-офицера изъ нѣмцевъ. Отца ея не было уже въ живыхъ, а мать, вступивъ во второй бракъ, уѣхала съ своимъ новымъ мужемъ, оставивъ дѣвочку на попеченіе своей матери, старухи чрезвычайно бѣдной и бывшей не въ состояніи ее содержать. Она заложила свою внучку въ восьми рубляхъ одному дворянину. Сумму эту заплатили кредитору, и обоимъ дѣтямъ привили оспу въ С. Петербургѣ за два дня до нашего отъѣзда. Мы полагали, что для пути достаточно будетъ четырехъ дней, и что въ Москву мы пріѣдемъ на шестой день послѣ привитія оспы нашимъ паціентамъ.

Разстояніе между Москвою и С. Петербургомъ равняется пятистамъ Англійскимъ милямъ. Всѣ приготовленія къ нашему пути были сдѣланы по особенному Высочайшему повелѣнію и мы имѣли всѣ удобства.

Намъ дали карету придворнаго вѣдомства, устроенную такъ, что можно было въ ней ѣхать днемъ и ночью. Спинка ея была откидная и мы могли отдыхать, когда бы намъ ни вздумалось. Въ другой каретѣ ѣхалъ нашъ спутникъ, капитанъ Волчковъ, назначенный намъ въ переводчики. Сзади насъ шли возы для удобства нашей прислуги и для нашихъ вещей; тутъ же были наши провизіи.

Не смотря на то, что срокъ нашего отъѣзда былъ назначенъ заблаговременно, неизбѣжныя препятствія задержали насъ четверо сутокъ. Тогда осмотрѣли мы нашихъ паціентовъ и оказалось, что мальчикъ былъ паршивый. По этому его оставили въ Петербургѣ и мы отправились въ путь съ одною дѣвочкою, которой привили въ четырехъ мѣстахъ оспу, а именно въ двухъ мѣстахъ на каждой рукѣ, съ тѣмъ чтобы имѣть въ ней достаточный запасъ матеріи. Ее выправили, порядочно одѣли, такъ что она была съ виду весьма красивая.

Дорога отъ Москвы до С. Петербурга оказалась весьма плохою, именно была такая пора, что можно было ѣхать на колесахъ и въ саняхъ. Надобно

замѣтить, что даже когда отъ морозу ледъ на рѣкахъ выдерживаетъ ѣзду безъ всякой опасности, все еще проходитъ много времени прежде чѣмъ, установится хорошій санный путь. Всѣ наши экипажи были на колесахъ, и мы должны были ѣхать медленно, брать большее число лошадей; было еще то неудобство, что намъ приходилось ѣхать немедленно въ слѣдъ за войсками, которыя шли этимъ путемъ къ границамъ Имперіи, направляясь къ общему сборному мѣсту въ Украйнѣ. Для ихъ багажа и для нихъ потребовалось много почтовыхъ лошадей, такъ что во многихъ мѣстахъ мы едва находили возможность ѣхать далѣе. Хотя, по видимому, были приняты всѣ мѣры для ускоренія нашего пути, тѣмъ не менѣе всѣ эти препятствія до того насъ задержали дорогою, что мы пріѣхали въ Москву только на седьмой день рано утромъ послѣ нашего выѣзда и въ одиннадцатый день послѣ привитія оспы дѣвочкѣ, тогда какъ часто весь переѣздъ совершается въ трое сутокъ. Эти замедленія меня очень безпокоили, по причинѣ здоровья нашей маленькой больной, которая начала жаловаться, какъ обыкновенно бываетъ на осьмой день, и по видимому сильно страдала отъ лихорадки, которая предшествуетъ появленію болячекъ, тѣмъ не менѣе намъ слѣдовало ѣхать безпрестанно днемъ и ночью безъ всякаго отдыха, исключая того времени, когда перепрягали лошадей на каждой станціи. Оспа высыпала дорогой, и не смотря на всѣ препятствія, которыя намъ слѣдовало преодолѣть, оказалась доброкачественною и по числу оспинъ не слишкомъ обильною.

По прибытіи въ Москву, намъ отвели очень хорошій домъ въ центрѣ города. Узнавъ, что мы пріѣхали, многіе изъ дворянства обратились къ намъ съ просьбою принять ихъ семейства подъ нашъ врачебный надзоръ. Больная, которую мы привезли съ собою, была въ состояніи снабжать насъ оспенною матеріею, и по этому мы начали прививать ее на другой же день. Нашу Аннушку мы возили съ собою изъ дому въ домъ, къ нашимъ различнымъ паціентамъ. Покажется довольно рискованнымъ дѣломъ разъѣзжать по городу съ больною, особенно если вспомнить, что тогда было самое холодное время года, и что стужа была жестокая. Впрочемъ всѣ, кому случалось проводить зиму въ Россіи, знаютъ, что тамъ умѣютъ предохранить себя отъ холода, такъ что отъ мороза нисколько не страдаютъ, какъ бы ни сильна была стужа.

Наша маленькая паціентка была укутана въ шубу; въ каретѣ былъ медвѣжій мѣхъ, такимъ же мѣхомъ были обиты дверцы; для ногъ ея былъ двойной мѣховой мѣшокъ. Съ такими предосторожностями нечего было за нее бояться; оспа высыпала совершенно удовлетворительно; число болячекъ было не чрезмѣрное. По этому ей стали давать болѣе питательное кушанье, и отъ того ей нисколько не сдѣлалось хуже.

Мнѣ можетъ быть не повѣрять, но въ моемъ спискѣ паціентовъ я нахожу, что въ теченіи нѣсколькихъ дней отъ одной этой дѣвочки мы привили оспенную матерію болѣе чѣмъ пятидесяти лицамъ, изъ среды самой знати.

Пока на нашихъ больныхъ не показалась оспа, мы проводили въ Москвѣ время весьма пріятно, осматривая городъ и любопытные въ немъ предметы; ихъ въ самомъ дѣлѣ много и они заслуживаютъ вниманія путешественниковъ; никогда впрочемъ не случалось мнѣ прочесть что нибудь дѣльное о Москвѣ, или попасть на хорошее описаніе этого большаго и знаменитаго города.

Я не считаю себя способнымъ исполнить такое предпріятіе, по этому я и не приступлю къ этому труду; равнымъ образомъ не было бы интересно для нашихъ читателей знать во всей подробности обстоятельства нашего пребыванія въ Москвѣ, касающіяся собственно до насъ. Легко себѣ представить, что лишь только наши больные начали жаловаться, мы посвящали все наше время на попеченіе о столь большомъ числѣ больныхъ, жившихъ такъ далеко другъ отъ друга, что между квартирами ихъ было разстояніе въ четыре или пять англійскихъ миль, по этому можно судить какъ мы были заняты, и какъ обширенъ городъ. Лишь только выздоровѣли первые наши больные, какъ многія другія лица изъявили желаніе, чтобы имъ была привита оспа, и такимъ образомъ мы были постоянно заняты въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Когда всѣ мои паціенты благополучно поправились, я сталъ сбираться въ С. Петербургъ, но меня задержало воспаленіе въ боку, которое меня очень ослабило. Объ этомъ обстоятельствѣ я не упомянулъ бы, если бы оно не давало мнѣ возможность изъявить здѣсь мою благодарность барону Ашу и доктору Далю, которые имѣли о мнѣ попеченіе. Ихъ познанія и ихъ старанія обо мнѣ налагаютъ на меня обязанность изъявить имъ мою живѣйшую привязанность.

Поправившись и собравшись съ силами, и прежде чѣмъ я рѣшился выходить изъ комнаты, я отправился съ моими спутниками обратно въ С. Петербургъ. Былъ хорошій санной путь и мы путешествовали извѣстнымъ изъ разныхъ описаній способомъ; я скажу только, что хотя всѣ эти экипажи и называются санями, но они устраиваются различно, смотря по ихъ назначенію. Въ это время года снимаютъ съ колеснаго хода кареты, коляски и другіе экипажи, потомъ ихъ ставятъ на полозья, и снова съ полозьевъ на колеса, какъ они были прежде, лишь только наступитъ оттепель. Для знати дѣлаютъ особыя сани; они великолѣпныя и стоятъ дорого; вообще они имѣютъ различный фасонъ, и за нихъ платятъ отъ одного рубля до всякой цѣны, смотря по желанію покупщика. Есть сани для одного только сѣдока, есть и для двухъ. Экипажъ, которымъ снабдили меня по уваженію моего болѣзненнаго состоянія, былъ такъ помѣстителенъ, что въ немъ уложился мой матрацъ;

въ немъ я могъ сидѣть и лежать, какъ бы мнѣ ни вздумалось. Для теплоты онъ былъ отвсюду запертъ, но въ немъ были окошки и небольшой фонарь со свѣчею; впрочемъ этотъ фонарь оказался не нужнымъ, потому что сильное и неправильное движеніе экипажа по ухабистымъ дорогамъ скоро погасило свѣчку.

Этотъ разъ мы ѣхали скорѣе чѣмъ прежде. Съ нами была провизія и вино, такъ что мы ѣхали день и ночь, и останавливались только на короткое время для кушанья или для перемѣны лошадей. Стужа была жестокая, такъ что осмотрѣвши на первой станціи наше вино, мы нашли его замерзшимъ, а бутылки лопнувшими. Мы такъ были укутаны шубами, что нисколько не терпѣли отъ холода, хотя бутылка венгерскаго вина, которую графъ Салтыковъ далъ мнѣ какъ укрѣпляющее средство, замерзла не дальше, какъ на разстояніи одного фута отъ моей головы.

Не смотря на то, путешествіе наше было весьма пріятно, и въ четверо сутокъ мы прибыли въ С. Петербургъ. Усталость и разстроенное здоровье побуждали меня желать возвратиться сколь возможно скорѣе домой къ моему семейству. Я сталъ о томъ ходатайствовать, лишь только я получилъ возможность представиться Ея Величеству. Государыня пригласила меня подождать и отдохнуть пока я не соберусь съ силами, но въ то же время предоставила мнѣ располагать временемъ по произволу. Немного спустя послѣ того, доставъ хорошую дорожную карету, я представился передъ отъѣздомъ къ Императрицѣ и къ Великому Князю. Лошади были запряжены, и я прощался уже съ моими пріятелями въ домѣ г. Томсона, когда одинъ изъ придворныхъ, пріѣхавшій туда подъ видомъ учтивости къ намъ, сказалъ мнѣ тихонько, что Государыня нездорова и желала меня видѣть, но что о причинахъ моего возвращенія ко двору не слѣдовало говорить. Я извинился передъ моими пріятелями и отправился прямо во дворецъ. Къ моему сожалѣнію, я нашелъ Императрицу въ постелѣ; она жаловалась на сильную боль въ боку, на кашель, который ее сильно безпокоилъ; однимъ словомъ оказывались всѣ признаки воспаленія.

Императрица изволила мнѣ сказать, что она не охотно замедлила мое возвращеніе на родину, но что она желала, чтобы я ее пользовалъ. Я написалъ моему сыну, чтобы распрягли лошадей, и что по причинѣ легкаго нездоровья Императрицы мое путешествіе отложено; послѣ того я помѣстился во дворцѣ, чтобы въ случаѣ нужды быть тотчасъ готовымъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ мною симптомовъ, я нашелъ, что у Императрицы пульсъ былъ твердый и скорый при большемъ жарѣ, и по этому я посовѣтывалъ пустить кровь изъ руки Ея Величество на это согласилась и приказала г. Русселену, весьма искусному хирургу, къ которому она

имѣетъ большую довѣренность, пустить ей восемь унцій крови; но передъ тѣмъ изъявила желаніе еще разъ меня видѣть. При этомъ случаѣ она сказала мнѣ, что г. Русселенъ не хотѣлъ ей пустить кровь, такъ какъ въ то время она была въ испаринѣ, которую кровопусканіе могло бы остановить, что было бы опасно. Я увѣрилъ Императрицу, что по моему мнѣнію кровопусканіе было необходимо и что не слѣдовало медлить. Государыня рѣшилась, кровь ей пустили въ количествѣ восьми унцій, и весьма скоро она почувствовала значительное облегченіе.

Я не намѣренъ описывать въ подробности ходъ болѣзни, которая сперва привела меня въ живѣйшее безпокойство; я прибавлю только, что Ея Величество охотно исполняла все, что я находилъ для нея нужнымъ, и въ короткое время самые опасные признаки ослабѣли.

Скоро послѣ того какъ Императрица поправилась, и по миновапіи всякой для нея опасности, я снова сталъ приготовляться къ возращенію въ Англію. Для этого путешествія Ея Величество пожаловала мнѣ, какъ новый знакъ своего одобренія, муфту изъ черной сибирской лисицы, мѣхъ—самый дорогой какой только есть въ свѣтѣ, и который получается не иначе какъ въ видѣ ясака, платимаго казнѣ.

Здѣсь я долженъ также упомянуть о формальности, которой непремѣнно долженъ подвергнуться всякій, кто только выѣзжаетъ изъ Петербурга, а именно передъ отъѣздомъ каждый долженъ объявить о томъ за пятнадцать дней впередъ. Съ перваго разу это можетъ показаться нѣсколько стѣснительнымъ, но впрочемъ эта мѣра весьма основательна, потому что никого понапрасну не задерживаютъ. Публикація объ отъѣздѣ дѣлается единственно съ тою цѣлію, чтобы дать каждому кредитору возможность окончить счетъ съ отъѣзжающимъ должникомъ и предупредить обманъ. Впрочемъ, насъ избавили отъ этой формальности и сверхъ того, какъ и прежде, дали намъ офицера, который проводилъ насъ до Риги.

Прежде чѣмъ проститься съ страною, гдѣ мнѣ оказано было столько милостей, я скажу нѣсколько словъ о знаменитыхъ особахъ, которыхъ я имѣлъ честь пользовать. Хотя я не могу исполнить того какъ бы я желалъ, тѣмъ не менѣе, чтобы доставить удовольствіе моимъ читателямъ и удовлетворить любопытству всѣхъ моихъ друзей, я постараюсь отвѣчать на вопросы, которые мнѣ дѣлали нѣсколько разъ объ этомъ.

Екатерина Вторая, Императрица Всероссійская, росту выше средняго; въ ней много граціи и величія, такъ что даже еслибы можно было забыть о ея высокомъ санѣ, то и тутъ ее признали бы за одну изъ самыхъ любезныхъ особъ ея пола. Къ природнымъ ея прелестямъ прибавьте вѣжливость, ласковость и благодушіе, и все это въ высшей степени; при томъ столько раз-

судительности, что она проявляется на каждомъ шагу, такъ что ей нельзя не удивляться. Ея Величество говоритъ по-русски, по-нѣмецки и по-французски въ совершенствѣ, читаетъ также свободно по-итальянски, и хотя она не знаетъ по-англійски столько, чтобы говорить на этомъ языкѣ, но понимаетъ достаточно все, что говорятъ, — это было для меня очень полезно, когда я не могъ довольно ясно выразиться по-французски. Императрица примѣрнымъ образомъ соблюдаетъ обряды Греческой церкви, за столомъ она чрезвычайно умѣренна и употребляетъ въ питье только одинъ или два стакана воды съ виномъ. Она встаетъ очень рано и занимается неутомимо государственными дѣлами; поощреніе и преуспѣяніе свободныхъ искуствъ, благо ея подданныхъ,—вотъ предметы, на которые въ мирное время постоянно и ежедневно были обращены ея великія дарованія. Ея несравненныя умственныя способности много содѣйствовали къ окончанію войны, въ которую, не смотря на благодѣтельныя наклонности Императрицы, была неизбѣжно вовлечена Россія, и я искренно желаю, чтобы эта война скоро прекратилась прочнымъ и выгоднымъ миромъ, чрезъ что Государыня могла бы снова сіять какъ покровительница искуствъ и торговли, и двинуть впередъ общее благосостояніе своихъ обширныхъ владѣній.

Цесаревичъ и великій герцогъ Голстинскій Павелъ Петровичъ, единственный сынъ Ея Величества, росту средняго, имѣетъ прекрасныя черты лица и очень хорошо сложенъ. Его тѣлосложеніе нѣжное, что происходитъ, какъ я полагаю, отъ сильной любви къ нему и излишнихъ о немъ попеченій со стороны тѣхъ, которые имѣли надзоръ надъ первыми годами наслѣдника и надежды Россіи. Не смотря на то, онъ очень ловокъ, силенъ и крѣпокъ, привѣтливъ, веселъ и очень разсудителенъ, что не трудно замѣтить изъ его разговоровъ, въ которыхъ очень много остроумія. Что касается до его воспитанія, то едва ли есть принцъ, которому было бы оказано болѣе справедливости *. Онъ имѣетъ по всѣмъ наукамъ отличныхъ учителей, которые каждый день приходятъ его наставлять, и имъ онъ посвящаетъ большую часть своего времени. Утро проводитъ онъ весьма прилежно съ ними; около полудня онъ отправляется изъявить свое почтеніе Императрицѣ; послѣ того онъ проводитъ нѣсколько времени съ дворянами, которые имѣютъ честь обѣдать за его столомъ. Окончивъ обѣдъ, послѣ кофе онъ отправляется къ своимъ учебнымъ занятіямъ, въ свои внутренніе покои, до самаго вечера.

Я знаю, что этотъ краткій разсказъ есть только несовершенный очеркъ того, что могло бы описать другое, болѣе краснорѣчивое перо; но я имѣю въ виду удовлетворить любопытству общественному съ тѣмъ, чтобы поставить

* Въ подлинникѣ: auquel on a rendu plus de justice.

преграду лживымъ внушеніямъ, которыя, какъ мнѣ сдѣлалось извѣстно, распространяются въ сосѣднемъ * королевствѣ народомъ, преслѣдующимъ своею завистью эти великія личности и благосостояніе ихъ подданныхъ.

Каждому свойственны предубѣжденія противу другихъ націй и противу ихъ обычаевъ; по этому многіе изъ Англичанъ, которые удивляются характеру высокихъ особъ выше сего упомянутыхъ, имѣютъ дурное мнѣніе о дворянствѣ и о народѣ въ Россіи, и даже полагаютъ, что между ними существуютъ остатки варварства. Я не буду говорить о томъ, какими они были прежде, но я прошу замѣтить, что я говорю о времени 1768 и 1769 года: тогда исполненіе моихъ врачебныхъ обязанностей и частыя приглашенія къ столу дворянъ давали мнѣ возможность познакомиться съ ними въ ихъ семействахъ, гдѣ я могъ составить себѣ о нихъ болѣе вѣрное понятіе, чѣмъ черезъ то поверхностное и условленное приличіями знакомство, которое можно сдѣлать въ общественныхъ собраніяхъ. Я могу совершенно удостовѣрить, что знатныя лица вѣжливы, великодушны и честны и, что покажется еще болѣе страннымъ, весьма умѣренны въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ. Легко себѣ представить, что я не былъ въ частыхъ сношеніяхъ съ простымъ народомъ, тѣмъ не менѣе, сколько я могъ замѣтить, онъ былъ всегда очень расположенъ оказывать всѣ услуги, которыя отъ него зависѣли, и во время моихъ прогулокъ, когда я былъ одинъ, имѣлъ случай испытать ихъ обязательность; часто одними знаками могъ я спросить, куда мнѣ идти, и я всегда находилъ, что бѣдные люди были разсудительны и совершенно готовы быть мнѣ полезными.

Собственноручное письмо Императора Петра II-го **.

(Сообщено **К. К. Злобинымъ.**)

Mi domine rogo apud vos ut nobis hodie pergere ad domum ætatis, quia etiam est ibi aliquid ad agendum, rogo dignetur loquere cum princepe.

Peter.

Писано рукою Остермана:

Ut placet Majestati tuæ, sed in scapha.

(Изъ бумагъ Остермана.)

---

* Вѣроятно авторъ имѣетъ въ виду Францію.

** Оба эти документа хранятся въ Государственномъ Архивѣ.

Переводъ съ Латинскаго.

Господинъ мой, прошу у васъ сегодня отправиться въ лѣтній домъ, потому что тамъ есть нѣкоторое дѣло, прошу изволь переговорить съ Княземъ.

Подп. Петръ.

Какъ угодно Вашему Величеству, только въ лодкѣ.

Упражненіе въ чистописаніи Императора Петра Втораго.

Quotiescunque mecum considero quantum recta Imperatoris educatio ad salutem et gloriam universi populi conferat, non possum quin serenissimæ principi, sorori meæ dilectissimæ, immortales gratias agam, quod me salutaribus monitis instruit et prudentissimis consiliis juvat, ex quibus quotidie utilitatem maximam capio, et fideles subditi mei incredibili gaudio afficiuntur.

Quomodo tot ejus erga me merita unquam oblivisci possem? Imo vero, quo felicius aliquando imperium meum erit, eo magis fructum consiliorum ejus agnoscens efficiam, ut me gratum fratrem et Imperatorem sentiat.

(Изъ бумагъ Остермана.)

Переводъ съ Латинскаго.

Каждый разъ какъ я съ собою разсуждаю, сколь много надлежащее воспитаніе Императора содѣйствуетъ къ безопасности и благоденствію народа, не могу не принесть неизмѣнной признательности свѣтлѣйшей княжнѣ, моей любезнѣйшей сестрѣ, которая меня поучаетъ полезными увѣщаніями, помогаетъ благоразумными совѣтами, отъ которыхъ каждый день извлекаю величайшую пользу, а мои вѣрные подданные ощущаютъ живѣйшую радость.

Какъ могу я когда-либо забыть столько заслугъ ко мнѣ? Воистину, чѣмъ счастливѣе нѣкогда будетъ моя Имперія, тѣмъ болѣе, признавая плоды ея совѣтовъ, поступлю такъ, что она найдетъ во мнѣ благодарнаго брата и Императора.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И ПОСЛѢДСТВІЯХЪ МОЕЙ * ПРЕДАННОСТИ

ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II,

ДО КОНЧИНЫ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА.

(Сообщено **А. Х. Бекомъ.**)

Баронъ Фридрихъ Мельхіоръ Гриммъ родился въ Регенсбургѣ 26 Декабря 1723 г. Въ качествѣ наставника дѣтей графа Шомберга, Гриммъ прибылъ въ Парижъ, гдѣ, познакомившись съ Руссо, вошелъ въ сношенія съ Дидеротомъ, д'Аламберомъ и лицами, составлявшими ихъ кружокъ. Въ то время при Французскомъ дворѣ и вообще въ Парижскомъ обществѣ шла война между приверженцами старинной музыки и любителями новой, представителемъ которой былъ Глюкъ, вывезенный изъ Вѣны Маріею Антуанетою. Гриммъ, извѣстный дотолѣ лишь скоро забытою трагедіею Баниза, сдѣлался сторонникомъ новизны и въ защиту своей партіи издалъ брошюру подъ заглавіемъ: «Маленькій пророкъ», обратившую на него всеобщее вниманіе. Между тѣмъ отъ графа Шомберга Гриммъ перешелъ чтецомъ къ герцогу Саксенъ-Готскому, а потомъ секретаремъ, сначала къ графу де-Фризе, а въ послѣдствіи къ герцогу Орлеанскому. Съ 1776 года онъ былъ акредитованъ при Версальскомъ дворѣ герцогомъ Саксенъ-Готскимъ. Съ расширеніемъ связей своихъ, Гриммъ сдѣлался корреспондентомъ нѣсколькихъ владѣтельныхъ особъ. Въ то время, когда журналистика была далека отъ теперешняго ея развитія, лица, интересовавшіяся событіями Французской литературной и политической жизни, имѣли въ Парижѣ корреспондентовъ, постоянно сообщавшихъ имъ новости. Гриммъ и Дидеротъ стояли во главѣ подобныхъ корреспондентовъ; изданная въ послѣдствіи, въ 16 томахъ, переписка

---

* Т. е., барона Фридриха Мельхіора Гримма.

ихъ объемлетъ исторію Французской литературы съ 1753 по 1790 г. и не оставляетъ безъ подробнаго разбора ни одного сколько нибудь замѣчательнаго, изданнаго въ это время, произведенія.

Ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская, женщина большаго ума и высокаго образованія, принадлежала къ числу лицъ, получавшихъ письма Гримма. Пріѣхавъ въ Россію въ 1773 г. по случаю бракосочетанія дочери ея Великой Княгини Натальи Алексѣевны съ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ, Ландграфиня выписала въ Петербургъ и Гримма. Съ этой эпохи начинается помѣщаемый здѣсь автобіографическій разсказъ Гримма; разсказъ этотъ остается лишь дополнить свѣдѣніями о послѣднихъ годахъ жизни его. Будучи назначенъ въ 1795 году Русскимъ посланникомъ при штатахъ Нижне-Саксонскаго округа Св. Римской имперіи, онъ лишился одного глаза, что заставило его покинуть службу. Остатокъ дней своихъ онъ провелъ въ Готѣ, гдѣ и умеръ въ 1807 году.

Въ итогѣ Гриммъ былъ очень умный, образованный, не лишенный дарованія человѣкъ, въ рукахъ коего литературныя занятія давали не одну славу, но и другія болѣе вещественныя выгоды. Но вслѣдствіе этихъ-то свойствъ его и любопытна печатаемая нами здѣсь записка.

Она написана послѣ смерти Императрицы, когда похвалы ей не представляли никакихъ выгодъ, а между тѣмъ, говоря о Великой Государынѣ, самый мелко-разсчетливый Гриммъ проникается тѣмъ благоговѣніемъ, которое невольно внушаетъ всякому высокая мудрость, глубоко человѣколюбивая снисходительность, составляющія отличительныя черты Екатерины II.

Mémoire historique sur l'origine et les suites de mon attachement pour l'Impératrice Catherine II, jusqu'au décès de S. M. I.

I *.

Je vins pour la première fois en Russie au mois de septembre 1773, à la suite de feu Mad. la Landgrave de Hesse-Darmstadt. Je n'étais pas arrivé dans un empire, devenu depuis le commencement du siècle si célèbre et si important dans les affaires de l'Europe, sans quelques notions préliminaires. L'Impératrice régnait depuis 11 ans et il n'en faut pas tant à un esprit

---

* Переводъ.

I. Я пріѣхалъ въ Россію въ первый разъ въ Сентябрѣ 1773 г., сопровождая покойную Ландграфиню Гессенъ-Дармштадскую. Предпринявъ поѣздку въ государство, прославившееся съ начала столѣтія и получившее вліяніе на европейскія дѣла, я конечно запасся, предварительно, нѣкоторыми свѣдѣніями. Императрица царствовала уже одиннадцать лѣтъ, а этого болѣе нежели достаточно, для того, чтобы

réfléchi, pour se former une idée précise sur le caractère et la tournure d'un règne. Sans m'en vanter à personne, j'en avais aussi sur l'esprit et l'âme de son fils. Lié à Paris d'amitié avec le feu Comte Alexandre Golowkine, il m'avait souvent montré de confiance des lettres du Grand-Duc avec lequel il entretenait un commerce régulier.

A ma présentation je fus accueilli par l'Impératrice avec une bonté extrême et tandis que je cherchais à qui m'adresser, pour me présenter à Mgr. le Grand-Duc, S. A. I. s'avança vers moi et me dit qu'elle venait pour se présenter elle-même.

Quelle fut ma surprise, lorsque le lendemain le Général Bauer vint me dire de la part de l'Impératrice que S. M. désirait de m'attacher à son service! C'est de ce moment que date cette reconnaissance juste et profonde qui pendant 23 ans n'a fait que s'accroître d'année en année; mais il me fut impossible de faire aucune réponse à une proposition aussi imprévue.

Ma perplexité dura pendant toutes les fêtes du mariage, et il me semblait que chaque jour la rendait plus grande. La Landgrave me gronda plusieurs fois sévèrement de me voir indécis sur une offre dont ma fortune serait une suite inévitable. L'Impératrice peu préparée à essuyer des difficultés, encore moins un refus de la part d'un homme aussi insignifiant, continuait cependant à me parler le soir à son jeu avec bonté, mais je crus enfin remarquer un peu de froideur.

человѣку мыслящему составить себѣ опредѣлительное понятіе о характерѣ и направленіи царствованія. Не хвалясь о томъ никому, я имѣлъ свѣдѣнія объ умственныхъ и душевныхъ свойствахъ Великаго Князя. Покойный графъ Александръ Головкинъ, съ которымъ я сдружился во время пребыванія его въ Парижѣ, показывалъ мнѣ письма Великаго Князя, съ которымъ онъ состоялъ въ постоянной переепскѣ.

При представленіи моемъ Императрицѣ, я былъ принятъ ею чрезвычайно милостиво, и покуда я раздумывалъ къ кому обратиться для представленія Великому Князю, Его Высочество подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что желаетъ самъ представиться.

Каково было мое удивленіе, когда на другой день генералъ Бауеръ объявилъ мнѣ, отъ имени Императрицы, что Ея Величеству угодно принять меня въ свою службу. Съ этой минуты ведетъ свое начало та справедливая и глубокая благодарность, которая, въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ, росла ежегодно. Мнѣ невозможно было однако отвѣчать на столь непредвидѣнное предложеніе.

Во все время празднествъ, сопровождавшихъ бракосочетаніе, я былъ растерянъ и мнѣ казалось, что моя растерянность ежедневно усиливалась. Ландграфиня нѣсколько разъ бранила меня за то, что я не могъ рѣшиться принять предложеніе, долженствовавшее меня осчастливить. Императрица, непривыкшая встрѣчать затрудненія, а еще менѣе отказъ со стороны такого незначительнаго человѣка, какъ я, продолжала однако милостиво разговаривать со мною по вечерамъ въ то время, когда она играла въ карты. Я почувствовалъ, однако, нѣкоторое охлажденіе.

Vers la fin des fêtes, le Comte Wladimir Orlof vint me demander de la part de S. M. de m'expliquer sur ce que je voulais. Ne désirant point d'avoir d'interprète auprès d'elle, je dis au Comte Orlof que si l'Impératrice voulait m'accorder une audience de 5 minutes, non pas au milieu du cercle où la présence de la cour me gênerait, mais dans son cabinet, je lui ouvrirais mon coeur sans réserve.

Dès le lendemain, S. M. s'étant retirée, le soir après la cour, dans son intérieur, me fit appeler. En entrant, je lui trouvai cet air imposant de dignité qui lui était si naturel, qui n'avait rien de sévère, mais qui me déconcerta. Eh bien, Monsieur, me dit-Elle, vous avez désiré de me parler, qu'avez vous à me dire? Je lui répondis: Madame, si V. M. conserve cet air, il faut que je me retire, parceque je sens que je n'aurais pas la liberté de ma tête, et que j'abuserais en pure perte pour moi, des moments que sa bonté m'accorderait. A ces mots elle reprit son air riant et me dit: Asseyez-vous, et parlons de nos affaires.

Pleinement rassuré par cet air de bonté, autant que j'avais été pétrifié un instant auparavant, je lui dis que si j'avais osé souscrire à sa proposition purement et simplement, je n'aurais prouvé autre chose si ce n'est que j'étais très-disposé à faire fortune; que des hommes de cette trempe, S. M. en trouverait sous sa main tant qu'elle voudrait. Que sa proposition était bien

---

Къ концу праздниковъ, графъ Владиміръ Орловъ, отъ имени Императрицы, просилъ меня объявить чего я желаю. Не желая имѣть посредниковъ, я отвѣчалъ графу, что ежели Государынѣ угодно будетъ назначить мнѣ пятиминутную аудіенцію, только не на придворномъ собраніи, а въ ея кабинетѣ, то я всецѣло откроюсь предъ нею.

На слѣдующій же день, я былъ позванъ къ Императрицѣ, только — что удалившейся, послѣ вечерняго собранія, во внутренніе покои. Войдя въ комнату, я увидѣлъ Государыню съ тѣмъ величавымъ выраженіемъ достоинства, которое въ ней было такъ естественно, — не имѣло ничего строгаго, а между тѣмъ меня смутило. «Ну, чтоже, — сказала она — вы желали переговорить со мною; что имѣете вы сказать?» — «Если Ваше Величество — отвѣчалъ я — сохраните этотъ взглядъ, то я долженъ буду удалиться, потому что чувствую, что голова моя не будетъ свободна, а что слѣдовательно напрасно было бы злоупотреблять минутами, которыя Вамъ угодно мнѣ пожертвовать». Улыбка просіяла на лицѣ ея. «Садитесь, — сказала она мнѣ, — и потолкуемъ о нашихъ дѣлахъ».

Успокоенный такимъ милостивымъ обхожденіемъ столько же, сколько былъ оцѣпенѣнъ предъ этимъ, я высказалъ, что если бы я безусловно тотчасъ согласился принять сдѣланное мнѣ предложеніе, то доказалъ бы этимъ лишь готовность, во чтобы то ни стало, воспользоваться счастіемъ; что подобнаго рода людей у Государыни найдется вдоволь подъ рукою; что предложеніе это вскружило бы голову и покрѣпче моей; что тѣмъ не менѣе оно заставило меня серьезно призадуматься; что

faite pour tourner une meilleure tête que la mienne; que cependant elle avait dû me faire faire de sérieuses réflexions. Que quelque heureux que je dusse me sentir de consacrer le reste de mes jours à son service, toute sa puissance ne pourait empêcher que je n'eusse passé les deux tiers, la meilleure partie de la vie, loin d'elle. Que j'avais 50 ans, que je ne pouvais plus me flatter d'apprendre le Russe et que je n'avais jamais compris comment on pouvait se rendre utile dans un pays dont on ignorait la langue. A cela l'Impératrice me répondit que s'était son affaire de m'employer d'un manière convenable à son service.

Je lui représentais ensuite qu'ayant passé ma vie dans la plus heureuse obscurité, je ne m'étais jamais trouvé dans le chemin de personne et que personne ne m'ayant rien à envier, je n'avais jamais eu d'ennemis. Que j'avais ouï dire que les cours étaient remplies d'intrigues, de cabales, d'écueils. Que moins je serais en état de justifier par mon mérite, la faveur qui m'aurait élevé, plus elle me ferait d'envieux. Que je pourrais me trouver ainsi sur la fin de mes jours, lancé dans une arène, où, à chaque pas, je ferais preuve de gaucherie et de maladresse. S. M. me répondit à cela, en riant, qu'elle n'entendait rien aux quintessences.

Au fond je parlai contre ma conscience et me faisais violence, en résistant au penchant qui m'entraînait déjà vers le service de l'Impératrice. Ce n'était ni mon âge et l'impossibilité d'apprendre la langue, ni la cour et ses dangers, ni la crainte de mes faux-pas, qui m'empêchaient de souscrire à la volonté

какъ бы я нибылъ счастливъ посвятить ея службѣ остатокъ дней своихъ, тѣмъ не менѣе, даже и ея всемогущество не можетъ измѣнить того, что я двѣ трети своего существованія провелъ вдали отъ нея; что мнѣ было уже за 50 лѣтъ, и что я не вправѣ надѣяться изучить Русскій языкъ; что, по моему убѣжденію, нельзя быть полезнымъ дѣятелемъ, не зная языка того края, которому служишь. Императрица возразила мнѣ, что ея дѣло дать мнѣ службу, на которой я бы могъ быть полезенъ.

Я представилъ ей, что, проведя жизнь въ неизвѣстности, я никогда не стоялъ ни на чьей дорогѣ, и такъ какъ мнѣ не въ чемъ было завидовать, то у меня не было и враговъ; что я слыхалъ, будто интриги, происки, подкопы зачастую встрѣчаются между придворными; что чѣмъ менѣе я буду въ состояніи достоинствами своими оправдать свое возвышеніе, тѣмъ болѣе у меня будетъ завистниковъ; что такимъ образомъ, подъ конецъ дней своихъ, я вступлю на новое поприще, гдѣ на каждомъ шагу буду дѣлать промахи. Ея Величество, улыбаясь, отвѣчала мнѣ, что не понимаетъ такихъ утонченностей.

Въ сущности я говорилъ противъ совѣсти. Я боролся съ чувствомъ, влекшимъ меня на службу Императрицы. Не лѣта мои, не невозможность изучить русскій языкъ, не дворъ, съ окружающими его опасностями, не страхъ ошибокъ удерживали меня отъ исполненія столь лестной и счастливой для меня воли Государыни; меня

souveraine, si glorieuse et si propice pour moi; c'était l'appréhension qu'une fortune si brillante ne pût être durable. Je préférais sa privation totale et certaine, à la chance, au risque pour le moins incertain, de la perdre. Voilà le coeur de l'homme. Il peut être assez sage pour redouter un bien hors de sa portée, mais non, pour s'en détacher, lorsqu'il en a connu les attraits. Il veut bien ne pas monter, mais une fois élevé, il ne peut plus se résoudre de redescendre. Le plus modéré, le moins ambitieux perd la possibilité de reprendre paisiblement sa première et heureuse obscurité.

Cette audience de 5 minutes dura plus d'une heure et demie. L'Impératrice me combla de bonté et me renvoya, sans s'en douter, plus perplexe et plus vacillant dans mes résolutions qu'auparavant.

Depuis ce jour S. M. me faisait fréquemment appeler, après son jeu, dans son appartement. Elle travaillait à quelqu'ouvrage de main à sa table, me faisait asseoir vis-à-vis d'elle, et me gardait jusqu'à dix heures et demie, onze heures, suivant le degré d'intérêt que la conversation avait pris.

Bientôt ces séances devinrent journalières et étaient précédées tantôt d'une, tantôt de deux dans la journée; l'une avant l'autre après le diner de S. M.

Je passais ainsi régulièrement depuis 11 heures du matin jusqu'à 11 heures du soir à la Cour et en présence de l'Impératrice, soit en public,

---

удерживало опасеніе, что столь блестящая перемѣна въ службѣ моей не можетъ быть продолжительна. Я предпочиталъ полное лишеніе предлагаемаго, невѣрной возможности его потерять. Таково человѣческое сердце. Въ немъ хватаетъ благоразумія, чтобы опасаться обладанія благомъ, стоящимъ вдали отъ насъ, но недостаетъ твердости, чтобы отрѣшиться отъ этого блага, познавъ его прелесть. Мы готовы не подниматься, но разъ поднявшись, не можемъ рѣшиться снизойти обратно. Человѣкъ наиболѣе умѣренный, наименѣе честолюбивый, теряетъ способность вернуться къ своей мирной первобытной неизвѣстности.

Моя пятиминутная аудіенція продлилась болѣе полутора часа. Императрица осыпала меня милостями и отпустила, сама того не подозрѣвая, болѣе прежняго разстроеннымъ и поколебленнымъ въ своихъ намѣреніяхъ.

Съ этого дня Государыня часто призывала меня въ свои покои по окончаніи карточной игры. Она сидѣла предъ столомъ за какимъ либо рукодѣльемъ, приказывала мнѣ садиться насупротивъ ея и оставляла меня часовъ до десяти съ половиною или одиннадцати, смотря потому, въ какой степени интересенъ дѣлался разговоръ.

Скоро засѣданія эти сдѣлались ежедневными и бывали предшествуемы то однимъ, то двумя свиданіями, — одно предъ обѣдомъ, другое послѣ обѣда Ея Величества.

Такимъ образомъ я постоянно проводилъ время отъ 11 часовъ утра, до 11 часовъ вечера, въ присутствіи Императрицы, то въ публикѣ, то приватно. Дома я бывалъ лишь послѣ обѣда, отъ 4 до 6 часовъ.

soit en particulier. Je n'étais retiré chez moi que l'après diner, depuis 4 jusqu'à 6 heures.

L'hiver de 1773 à 1774 s'écoule ainsi, pour moi, dans une ivresse continuelle. Les bontés de l'Impératrice semblaient s'accroître de jour en jour et avec elles, sa confiance. La mienne était telle que j'entrais dans son appartement avec la même sécurité que chez l'ami le plus intime, sûr de trouver dans son entretien un fond inépuisable du plus grand intérêt, sous la forme la plus piquante. J'y trouverai aussi le courage et la facilité de dire tout ce qui s'offrait à ma pensée et quoique dans la chaleur de la conversation, l'expression ne s'adapte pas toujours à la pensée avec la correction et la précision qu'on est en droit d'exiger d'un écrivain, l'Impératrice possédait un talent rare que je n'ai jamais connu à personne au même degré. C'était de saisir toujours juste la pensée, de n'entendre jamais que ce qu'on avait voulu dire, par conséquent de ne jamais prendre le change sur une expression inexacte ou hazardée, encore moins de s'en formaliser.

Vers le printemps de 1774 je fus attaqué d'une fièvre double tierce très violante et très-opiniâtre. Les médecins jugèrent enfin qu'un changement d'air pouvait seul m'en délivrer. Mon départ fut fixé au mois d'avril. J'avais passé près de 2 mois sans pouvoir faire ma cour à l'Impératrice. Le Général Bauer eut ordre de me sonder de nouveau sur mes premières résolutions; et si j'eus le courage de m'y tenir, ce ne fut pas sans m'engager de revenir une seconde fois en Russie, après avoir fait le voyage d'Italie. Ce voyage m'avait

---

Такъ зима съ 1773 на 1774 годъ протекла для меня въ постоянномъ опьянеии. Доброта и довѣріе Императрицы относительно меня возрастали ежедневно. Съ своей стороны, я входилъ въ Императрицыны покои, какъ къ самому задушевному пріятелю, будучи увѣренъ, что въ разговорѣ съ нею найду неистощимый запасъ свѣдѣній преинтересныхъ и представленныхъ въ своеобразной формѣ. Разговаривая съ Государынею, я находилъ и мужество и способность высказывать все, что мнѣ приходило въ голову; выраженіе не всегда отвѣчало мысли столь правильно и точно, какъ бы можно было того требовать отъ писателя, но Императрица обладала рѣдкимъ талантомъ, въ такой степени, въ какой мнѣ неудавалось его никогда встрѣтить; талантъ этотъ заключался въ томъ, что она всегда вѣрно схватывала мысль своего собесѣдника, такъ что не точное или смѣлое выраженіе никогда не вводило ее въ заблужденіе, а тѣмъ менѣе не рисковало показаться ей неуважительнымъ.

Къ веснѣ 1774 года я захворалъ упорною лихорадкою. Доктора пришли къ заключенію, что одна перемѣна воздуха могла меня вылечить. Я провелъ два мѣсяца, не являясь ко двору. Генералу Бауеру приказано было разузнать, остаюсь ли я при прежнемъ моемъ рѣшеніи. Если я имѣлъ твердость остаться ему вѣрнымъ, то потому, что обѣщалъ вернуться въ Россію, окончивъ путешествіе по Италіи. Путешествіе это постоянно было любимою моею мечтою и раза два уже непреодолимыя препятствія

toujours tenu au coeur et deux ou trois fois sur le point de l'entreprendre, des obstacles insurmontables m'avaient forcé d'y renoncer. Je ne voulais pas mourir sans avoir parcouru cette terre classique. Ce pélérinage devait aussi me rendre plus digne du commerce de l'Impératrice.

A mon départ S. M. m'ordonna de lui donner de mes nouvelles; me dit qu'elle serait exacte à répondre et arrangea la manière dont je devais lui adresser et faire tenir mes lettres. Ce trait de bonté manquait à mon accablement; mais désespérant de donner à mes lettres le moindre degré d'intérêt, je calculai que cet excès de faveur ne pourrait durer au delà de quelques mois. Elle dura cependant cette correspondance, toujours également vive et pressée, de part et d'autre, depuis 1774 jusqu'en 1796 et n'eut d'interruption que pendant la durée de mon second séjour à Pétersbourg.

J'y revins, comme je me l'étais promis, après avoir fait le voyage d'Italie, au mois de septembre de 1776 au moment du second mariage de l'Empereur glorieusement régnant. Accueilli avec la même bonté avec laquelle j'avais été congédié, je passai jusqu'en août 1777, une année presque entière, auprès de mon auguste protectrice, la voyant, comme à mon premier voyage, tous les jours, du matin au soir, en public; en particulier souvent deux ou trois fois, mais au moins une fois par jour; passant pour l'ordinaire deux ou trois, quelquefois quatre et une fois jusqu'à sept heures de suite, tête-à-tête avec elle, sans que la conversation tarît un instant. C'était, puisqu'il faut dire

---

разстроивали мои приготовленія. Мнѣ не хотѣлось умереть, не видавъ этой классической страны. Странствованіе это должно было также содѣлать меня болѣе достойнымъ находиться въ сношеніяхъ съ Императрицею.

При отъѣздѣ моемъ, Государыня приказала мнѣ писать ей; сказала, что будетъ отвѣчать аккуратно и укажетъ мнѣ какимъ путемъ я долженъ буду доставлять ей свои письма. Столько милостей окончательно меня уничтожило; но отчаявась въ томъ, чтобы письма мои были занимательны, я разсчитывалъ, что такой избытокъ снисхожденія не могъ продлиться далѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Переписка эта, всегда одинаково съ обѣихъ сторонъ оживленная, продолжалась съ 1774 по 1796 годъ и прерывалась лишь во время втораго моего пребыванія въ Петербургѣ.

Я вернулся туда, какъ предполагалъ, окончивъ путешествіе по Италіи, въ Сентябрѣ 1776 года, къ самому торжеству втораго брака нынѣ благополучно царствующаго Императора. Пріемъ былъ столь же милостивъ, какъ и отпускъ; я провелъ почти годъ, до Августа 1777 года, вблизи отъ Августѣйшей своей покровительницы; я видалъ ее, какъ въ первое свое путешествіе, ежедневно съ утра до вечера при публикѣ, и ежедневно иногда два или три раза, но, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ не оффиціально; обыкновенно бесѣда наша, съ глазу на глазъ, продолжалась часа два или три, иной разъ четыре, а однажды семь часовъ, не прерываясь не минуты. То было, — скажу вещь, которая покажется всякому невѣроятною, — изліяніе двухъ

ce qui ne pourra jamais se croire, un commerce d'épanchemens entre deux amis qui se rendaient compte réciproquement de ce qui les avait occupés, intéressés dans la journée, de ce qui les occuperait le lendemain. Ce n'était pas une conversation par sauts et par bonds, où le désoeuvrement fait parcourir une galerie d'idées sans suite, où l'ennui fait quitter successivement les objets pour en effleurer vingt autres. C'étaient des causeries où tout se tenait souvent par des fils imperceptibles, mais d'autant plus naturellement que rien de ce qui devait être dit, n'avait été amené à dessin, ni préparé d'avance. Ordinairement le premier mot dit fortuitement, décidait de l'enchaînement des idées de toute la soirée; quelquefois aussi la conversation se trouvait en un clin d'œil loin du point d'où elle était partie, parceque le premier mot avait réveillé une idée de côté et ouvert à l'improviste une route qu'on n'avait pas projeté d'enfiler, mais qui menait par des chemins variés à d'autres résultats également intéressants. Il faut avoir vu dans ces momens cette tête singulière, ce composé de génie et de grâce, pour avoir une idée de la verve qui l'entrainait, des traits qui lui échappaient, des saillies qui se pressaient et se heurtaient, pour ainsi dire, en se précipitant les unes sur les autres comme les eaux limpides d'une cascade naturelle. Que n'a-t-il été en mon pouvoir de coucher littéralement par écrit ces causeries! Le monde aurait prossédé un fragment précieux et peut-être unique pour l'histoire

---

друзей, сообщавшихъ свои впечатлѣнія о вчерашнемъ днѣ, свои думы о завтрешнемъ. То была не болтовня, перескакивающая съ одного предмета на другой, когда праздность вытягиваетъ рядъ лишенныхъ связи мыслей, когда скука отбрасываетъ одинъ предметъ, чтобы слегка коснуться двадцати другихъ. То были разговоры, въ которыхъ все крѣпко держалось нитями, часто едва примѣтными, но тѣмъ болѣе естественными, что все сказанное не было подведено намѣренно, или приготовлено ранѣе. Обыкновенно первое, случайно произнесенное слово, опредѣляло предметъ разговора на весь вечеръ; иной разъ слово мгновенно переносилось вдаль отъ первоначальнаго предмета обсужденія, потому что первыя слова приводили на память какую нибудь мысль, открывали путь, въ который не было предположено пуститься, но который разнообразными дорогами велъ къ другимъ результатамъ, одинаково занимательнымъ.

Надо было видѣть въ такія минуты эту необычайную голову, эту смѣсь генія съ граціею, чтобы понять увлекавшую ее жизненность; какъ она своеобразно схватывала, какія острыя, проницательныя замѣчанія падали въ изобиліи одно за другимъ, какъ свѣтлыя блестки водъ природнаго водопада. Отчего не въ силахъ моихъ снять письменный снимокъ съ этихъ бесѣдъ! Свѣту досталась бы драгоцѣнная, можетъ быть единственная страница исторіи ума человѣческаго. Воображеніе и разумъ были одинаково поражаемы этимъ орлинымъ взглядомъ, обширность, быстрота коего могли быть уподоблены молніи. Да и возможно ли было уловить на лету эту толпу свѣтлыхъ движеній ума, движеній гибкихъ, мимолетныхъ! Какъ перевести ихъ на бумагу?

de l'esprit humain. L'imagination et l'entendement étaient également frappée par ce coup d'oeil d'aigle profond et rapide dont la portée immense passait comme un éclair. Et comment dans ce passage subit saisir au vol cette foule de traits lumineux, déliés, fugitifs? Comment les fixer sur le papier? Je quittais S. M. pour l'ordinaire tellement ému, tellement électrisé que je passais la moitié de la nuit à me promener à grand pas dans ma chambre, obsédé, poursuivi par tout ce qui avait été dit, et me désolant que tout cela ne fût que pour moi et dût rester perdu pour tout le monde. Mon refrain de tous les soirs était: Quelle étrange étoile que la mienne! Le sort me conduit deux fois en Russie, et c'est pour y passer ma vie avec l'Impératrice et pour trouver dans son commerce journalier, malgré la distance du rang suprême au rang le plus obscur, les douceurs de la confiance et de l'intimité réservées à l'égalité et à l'amitié! *L'Impératrice* à la vérité ne fut jamais un seul instant absente dans ces tête-à-tête; mais elle n'y fut pas non plus jamais de trop. L'art de conserver la dignité qui lui était naturelle, au milieu de l'aisance, de la familiarité même, dont elle aimait à rencontrer les traces dans la conversation, était un de ses secrets et des charmes magiques de sa société.

Au mois de février 1777, j'eus un troisième et dernier assaut à soutenir. Sans doute par un excès de bonté, S. M. avait imaginé de me donner le change sur mon inutilité absolue, parceque je lui avait dit quelquefois, qu'une faveur gratuite sans exemple ne contentait pas le coeur d'un honnête homme; qu'il ambitionnait encore de la mériter, en se rendant utile de quelque ma-

---

Покидая Императрицу, я бывалъ обыкновенно до того разстроенъ, наэлектризованъ, что половину ночи, большими шагами. разгуливалъ по комнатѣ; меня мучило, преслѣдовало все мною слышанное, я скорбѣлъ, что все это доставалось мнѣ одному и оставалось потеряннымъ для свѣта. Каждый вечеръ у меня былъ тотъ же припѣвъ: странна моя звѣзда! говорилъ я себѣ. Судьба дважды приводитъ меня въ Россію, для того, чтобы проводить жизнь въ обществѣ Императрицы; чтобы вкушать въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ нею, — не смотря на разстояніе, существующее между самымъ высокимъ и самымъ темнымъ положеніемъ, — сладость довѣрія и задушевности, составляющихъ удѣлъ равенства и дружбы! Правда, что *Императрица* никогда не изчезала въ нашихъ бесѣдахъ, но никогда также она небывала и лишнею. Уменье сохранять прирожденное ей достоинство, при непринужденности, или даже безцеремонности, кои она любила встрѣчать въ разговорѣ, составляло таинственную особенность Государыни, содѣлывало общество ея обязательнымъ, очаровательнымъ.

Въ Февралѣ 1777 года мнѣ пришлось выдержать третій приступъ. Вѣроятно въ избыткѣ добросердечія, Императрица придумала обмануть меня относительно полной моей безполезности, такъ какъ я говаривалъ ей, что незаслуженная, хотя и безпримѣрная милость, не можетъ удовлетворить чувству честнаго человѣка, стремящагося

nière. Mr. Rogerson vint donc me proposer de me charger du ministère de direction des écoles que l'Impétatrice projetait d'établir et qui devaient rester sous ses ordres immédiats. S. M. m'avait souvent parlé sur cet objet. Je connaissais Ses vues, elle m'avait permis de lui dire les miennes; elle me les avait même demandées quelquefois par écrit. Mais de ces conceptions il y avait loin à la surveillance et à la capacité nécessaires pour les diriger avec succès, et je n'eue point de peine à prouver à Mr. Rogerson que l'ignorance de la langue m'y rendait absolument inhabile.

Jamais je ne fus plus tenté de me jeter aux pieds de l'Impératrice et de la supplier de me garder au nombre de ses chiens: mais la funeste idée que plus ma faveur augmentait, moins elle pouvait durer, et que sa diminution, son moindre décroissement, imperceptible même, me plongeraient dans une douleur mortelle, en me remplissant l'imagination de sinistres et effrayans présages, ne me permettait que d'écouter en tremblant les voeux de mon coeur.

Je persistai donc dans mes pénibles résolutions et en témoignant à S. M. le désir de me retrouver dans ma cellule avant le retour de la très-mauvaise saison, je la suppliais de me garder pendant le cours de cette année tout le tems qu'elle voudrait bien me souffrir. Surquoi l'Impératrice, le 28 juin 1777, jour anniversaire de son avènement, m'accorda un titre à son service avec 2000 roubles d'appointemens annuels. J'eus toute la peine du monde à ne pas fondre en larme, en lui balbutiant le soir quelques mots sur

---

заслужить даруемое ему, сдѣлавшись полезнымъ. Рожерсонъ предложилъ мнѣ принять управленіе училищами, которыя Императрица намѣревалась учредить и оставить подъ непосредственнымъ своимъ завѣдываніемъ. Ея Величество не разъ говорила мнѣ объ этомъ предположеніи. Я узналъ ея предположенія и имѣлъ позволеніе высказывать свои мысли, которыя иногда даже Государыня требовала отъ меня письменно. Но отъ этихъ соображеній далеко до способностей, нужныхъ для наблюденія и успѣшнаго управленія, и мнѣ не трудно было доказать Рожерсону, что незнаніе русскаго языка дѣлало меня окончательно неспособнымъ.

Больше, чѣмъ когда либо мнѣ хотѣлось броситься къ ногамъ Императрицы, умоляя ее сохранить меня въ числѣ собакъ ея; но мысль, что чѣмъ болѣе мнѣ посчастливится, тѣмъ менѣе счастье это будетъ надежно, а что самое незначительное, даже незамѣтное умаленіе моего счастья, повергнетъ меня въ смертельную горесть, наполняя воображеніе мое самыми ужасными опасеніями, несчастная эта мысль позволяла мнѣ лишь съ трепетомъ внимать влеченіямъ моего сердца.

Я упорствовалъ въ своемъ тяжеломъ рѣшеніи и, выражая Ея Величеству желаніе добраться до своей келіи прежде наступленія глубокой осени, упрашивалъ ее сохранить меня въ теченіе того года, сколько ей будетъ угодно. Въ отвѣтѣ на это Государыня, 28 Іюня 1777 года, день восшествія своего на престолъ, — приняла меня въ службу, съ жалованьемъ 2000 рублей. Я съ трудомъ удержался отъ слезъ,

un bienfait si inattendu. Je lui reprochai, toutefois d'avoir agi contre nos conventions formelles, suivant lesquelles je devais être et rester le Rien de S. M.

Le Roi de Suède Gustave III, vint cette année en Russie. J'avais eu l'honneur de voir ce Prince quelques années auparavant en France où il se trouva lors de la mort de son père et d'où il partit pour monter sur le trône. Me voyant près de mon départ, il voulut que je m'en retournasse en France par la Suède et employa, pour m'y déterminer, le crédit de l'Impératrice qui me dit un soir qu'elle ne croyait pas que je pusse m'en dispenser.

Je quittai donc la Cour de Russie bientôt après le départ de S. M. Suédoise pour me rendre par la Finlande à Stockholm. En m'arrachant des pieds de l'Impératrice, il me semblait que je m'arrachais à ma propre existence. Ne plus la voir, ne plus l'entendre, me paraissait le plus grand des malheures, impossible à soutenir seulement pendant 8 jours, et cependant je la quittai! C'est sans doute la première fois depuis que le monde existe, que la crainte de perdre un bien dont on ne put se passer, ait déterminé un homme à hâter cette perte, et l'ait porté à renoncer volontairement à sa possession avant d'en avoir joui.

Je ne me flattais nullement qu'une fois éloigné de sa présence, je puisse conserver longtems un commerce de lettres qui devait me consoler de tous mes sacrifices, quoique l'extrême exactitude avec laquelle S. M. avait entre-

---

прошептавъ вечеромъ нѣсколько словъ благодарности за столь неожиданное благодѣяніе. Я упрекнулъ ее впрочемъ въ несоблюденіи формальнаго, между нами заключеннаго, договора, по которому я долженъ былъ на всегда остаться *ничто* Ея Императорскаго Величества.

Въ этомъ году Густавъ III, король Шведскій, пріѣзжалъ въ Россію. Я имѣлъ честь видать этого Государя во Франціи, гдѣ онъ находился во время смерти отца своего, откуда и уѣхалъ для восшествія на престолъ. Узнавъ, что я на отъѣздѣ, король выразилъ желаніе, чтобы я вернулся во Францію чрезъ Швецію, и чтобы уговорить меня, прибѣгнулъ къ вліянію Государыни, которая разъ вечеромъ сказала мнѣ, что, по ея мнѣнію, я не могу отказаться отъ этой поѣздки.

Вслѣдъ за отъѣздомъ короля Шведскаго, я покинулъ Русскій дворъ и, чрезъ Финляндію, отправился въ Швецію. Отрываясь отъ стопъ Императрицы, я, казалось, отрывался отъ собственнаго своего существованія. Не видѣть ея болѣе, не слышать ея голоса, представлялось мнѣ величайшимъ несчастіемъ, котораго не пережить и недѣли, а между тѣмъ я все-таки уѣхалъ. Конечно то было въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, что опасеніе утратить благо, безъ коего обойтись невозможно, заставило человѣка приблизить эту утрату, и побудило его добровольно отказаться отъ этого блага, не насладившись имъ.

Я нисколько не ожидалъ, что письменныя сношенія будутъ служить мнѣ въ отдаленіи утѣшеніемъ въ моихъ пожертвованіяхъ, хотя чрезвычайная, со стороны Государыни, аккуратность въ перепискѣ со мною, за время перваго и втораго моихъ пу-

tenu ce commerce pendant les deux ans et demi qui s'étaient écoulés entre mon premier et mon second voyage en Russie, eût dû me prouver le contraire et me rassurer. A tout événement, je me croyais plus en état de soutenir, loin d'elle, la perte progressive et enfin l'extinction totale de cette correspondance, que d'essuyer dans sa Cour et près d'elle, la plus legère variation dans son regard, dans sa bonté, dans sa bienveillance.

C'est cependant cette correspondance qui, depuis ce moment, n'a pas cessé ni langui un seul instant, que sa bonté a entretenue avec une suite sans exemple, c'est cette correspondance qui est devenue le seul bien, l'unique ornement de ma vie, le pivot de mon bonheur, tellement essentiel à mon existence que la respiration me paraissait moins nécessaire à sa conservation que l'arrivée des paquets de l'Impératrice et l'envoi des miens à S. M.

A mesure que la certitude de conserver ses bontés toute ma vie, prenait racine dans mon coeur, je me reprochais sans doute plus d'une fois amèrement de l'avoir quittée, de n'avoir pas connu à tems la suite qu'elle mettait dans les plus petites comme dans les plus grandes affaires, d'avoir sacrifié mon bonheur à des craintes chimériques, mais j'étais parvenu enfin à surmonter ces regrets tardifs et inutiles et à me créer, loin d'elle, une espèce de religion qui n'avait pour objet qu'elle et le culte que je lui rendais. Son idée m'était devenue tellement habituelle, qu'elle ne me quittait plus ni le jour ni la nuit et que toutes mes pensées s'y confondaient. Partout où j'exi-

---

тешествіи, должна была служить мнѣ успокоительнымъ доказательствомъ противнаго. Я думалъ, что, во всякомъ случаѣ, мнѣ легче будетъ выдержать вдали отъ нея постепенную потерю и наконецъ совершенное прекращеніе этой переписки, чѣмъ перенести, вблизи отъ нея, при дворѣ ея, малѣйшее измѣненіе въ ея взглядѣ, въ ея благорасположеніи.

А между тѣмъ эта самая корреспонденція, благодаря добротѣ Государыни, не ослабѣвая ни минуты, продолжалась, съ безпримѣрнымъ постоянствомъ, и сдѣлалась единственнымъ моимъ богатствомъ, единственнымъ украшеніемъ моей жизни, основою моего счастья, до того необходимою для моего существованія, что дыханіе казалось мнѣ менѣе существеннымъ, чѣмъ полученіе пакетовъ отъ Императрицы и отсылка ихъ Ея Величеству.

По мѣрѣ того, какъ мысль о сохраненіи ея благорасположенія на всю жизнь укоренялась въ моемъ сердцѣ, я часто раскаявался горько въ томъ, что покинулъ ее, не познавъ своевременно послѣдовательность, отличавшую ее какъ въ мелкихъ, такъ и въ важныхъ дѣлахъ, я упрекалъ себя въ томъ, что принесъ свое счастье въ жертву воображаемымъ опасностямъ; наконецъ мнѣ удалось превозмочь эти позднія и безполезныя сожалѣнія, создавъ вдали отъ нея нѣчто въ родѣ религіи, имѣвшей предметомъ исключительно ее, служеніе ей. Мысль о ней сдѣлалась для меня до того обычною, что не покидала меня ни днемъ, ни ночью, сосредоточивая всѣ мои

stais, dans la solitude, dans le tourbillon du monde, j'avais toujours l'Impératrice à côté de moi. Marchant, voyageant, séjournant, assis, couché, relevé, je ne faisais plus qu'une chose: Ne pouvant plus lui parler, je lui écrivais des volumes dans ma tête; et la moitié des nuits qui était consacrée d'habitude à coucher mes idées sur le papier et à lui écrire effectivement, ne pouvait lui transmettre que la moindre partie d'une correspondance si interminable. Plus j'avais grossi mes paquets et plus il me restait à lui dire; plus d'une fois je lui avais mandé que mon malheur était la certitude où j'étais de mourir avant qu'elle connût la vingtième partie de ce que je lui avais écrit sans pouvoir le mettre par écrit.

Il fallait bien que S. M. attachât une sorte d'intérêt à ce commerce, puisque peu d'années après mon dernier départ de Pétersbourg, elle me manda qu'elle ne voulait plus m'écrire par la poste, mais qu'elle m'enverrait tous les trois mois un courier qui me porterait ses paquets et qui resterait à ma disposition pour lui rapporter les miens. Elle contracta de cette manière l'habitude propice pour moi, de m'écrire presque journellement, en mettant toujours exactement la date en tête, et lorsque son paquet avait acquis en 2 ou 3 mois un volume suffisant ou que quelque objet pressant le demandait, S. M. le faisait partir. Je suivis la même méthode, et ne restai pas en arrière du côté du volume.

L'envoi de ces courriers exerça souvent l'imagination des curieux et

---

мысли. Гдѣ бы я ни жилъ въ уединеніи ли, въ вихрѣ ли свѣта, Императрица всегда была предо мною. Расхаживая, путешествуя, или живя на мѣстѣ, сидя, лежа, что я дѣлалъ? — лишь одно: лишенный возможности говорить съ нею, я мысленно писалъ цѣлые томы; половина ночи проходила въ письменномъ изложеніи моихъ мыслей, а между тѣмъ эта нескончаемая переписка передавала лишь частицу того, что я думалъ. Чѣмъ толще были отправляемые мною пакеты, тѣмъ болѣе мнѣ оставалось сказать; не разъ я писалъ ей: я несчастливъ тѣмъ, что умру, увѣренный въ томъ, что она не узнаетъ и двадцатой части написаннаго мною ей, но написаннаго лишь въ душѣ и невыразимаго на бумагѣ.

Отношенія эти, вѣроятно, сколько нибудь интересовали Государыню, потому что чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ отъѣзда моего изъ Петербурга, она увѣдомила меня, что не хочетъ болѣе писать по почтѣ, но что каждые три мѣсяца я буду получать курьера, который, привезя отъ нея пакеты, будетъ ждать изготовленія моихъ отвѣтовъ. Такимъ образомъ она пріобрѣла счастливую для меня привычку писать мнѣ почти ежедневно, аккуратно выставляя всякій разъ число; по истеченіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ, когда томъ пріобрѣталъ извѣстную величину, или когда представлялось что либо спѣшное, то курьеръ былъ отправляемъ. Я слѣдовалъ тому же порядку и не отставалъ въ размѣрахъ своего писанія.

Ѣзда этихъ курьеровъ часто занимала воображеніе любопытныхъ и чѣмъ болѣе

22

plus je pouvais assurer de bonne foi, que ce commerce n'influerait pas sur le système politique de la Cour de Pétersbourg ni sur la situation respective des Cabinets de l'Europe, moins on était disposé à me croire. Les voyageurs Russes, qui venaient passer quelque temps à Paris, avaient quelque fois assez de présomption pour croire que je n'écrivais à l'Impératrice que pour lui rendre compte de leurs liaisons et de leur conduite; peut-être même les Ministres de S. M. en France n'étaient ils pas toujours exempts de quelque inquiétude sur cette correspondance et me prenaient-ils pour un contrôleur caché et incommode. Les grands politiques de Paris, de leur côté, me croyant quelques connaissances sur la France, acquises par un long séjour, me faisaient l'honneur de me regarder comme un homme bien intéressant pour l'Impératrice sous ce rapport et bien dangereux pour la France. Ils croyaient qu'à Paris ou à Versailles, il ne pouvait se passer rien d'important, de remarquable, de curieux, de frivole même, sans que S. M. en fût aussitôt instruite par moi dans le plus grand détail et avec la dernière précision. S'ils avaient pu prendre connaissance de cette correspondance volumineuse, ils eussent été bien étonnés de n'y trouver aucun des noms qu'ils y auraient cherchés ni rien de ce qu'ils imaginaient devoir en faire la substance. Ne me connaissant pas comme l'Impératrice ils ne pouvaient savoir à quel point j'avais en horreur de me mêler de ce qui ne me regardait point. Je puis dire hardi-

---

я съ полною искренностью утверждалъ, что эти сношенія не имѣютъ вліянія ни на политическую систему Петербургскаго двора, ни на взаимныя отношенія кабинетовъ Европы, тѣмъ менѣе мнѣ вѣрили. Русскіе путешественники, пріѣзжавшіе погостить въ Парижѣ, иной разъ бывали столь высокомѣрны, что предполагали будто я исключительно описываю Императрицѣ ихъ связи и похожденія; можетъ быть Русскіе посланники при Французскомъ дворѣ не всегда бывали спокойны относительно моей переписки, принимая меня за тайнаго и непріятнаго контролера. Великіе Парижскіе политики, съ своей стороны, предполагая, что проживъ долго во Франціи, я ее хорошо знаю, удостоивали меня чести думать, что я вслѣдствіе того могъ быть интереснымъ для Императрицы и очень опаснымъ для Франціи. Они думали, что ни въ Парижѣ, ни въ Версалѣ не могло случиться ничего важнаго, замѣчательнаго, любопытнаго, даже пустаго, безъ того, чтобы Императрица не была увѣдомлена мною немедленно, со всѣми подробностями и величайшею точностью. Если бы они могли ознакомиться съ этою объемистою перепискою, то очень удивились бы, не найдя ни одного изъ тѣхъ именъ, которыхъ искали бы. Они не знали меня, какъ Императрица, и потому имъ не могло быть извѣстно мое отвращеніе къ вмѣшательству въ дѣла, до меня не касавшіяся. Могу смѣло сказать, что ея Величество слишкомъ уважала меня, чтобы унизить меня, до обязанностей доносчика, и что тотъ, кто писавши ей постоянно, не успѣвалъ высказать и половину того, что она ему внушала, не вздумалъ бы искать, внѣ своей головы и сердца, матеріаловъ для наполненія своихъ пакетовъ.

ment, que S. M. m'estimait trop pour m'abaisser au métier de rapporteur et que celui qui, en lui écrivant continuellement, ne parvenait pas à lui dire la moitié de ce qu'elle lui inspirait, ne devait pas être tenté de chercher hors de sa tête et de son coeur les matériaux de ses paquets. Je puis dire hardiment que jamais il ne m'est arrivé de lui dire du mal d'aucun de ses sujets; que je ne prononçais jamais le nom d'aucun de ceux dont, à mon jugement, je ne pouvais lui dire du bien, et que lorsqu'il arrivait à S. M. de me parler défavorablement de quelqu'un, je m'appliquais constamment à chercher le côté par lequel il pouvait être ou justifié ou du moins excusé. Quant à la France, avant que par sa révolution elle se fût rendue digne, pour son malheur, de devenir un objet d'attention universelle, il se passait des mois, quelquefois des années, sans qu'elle figurât dans ce commerce; les niaiseries dont s'occupait Paris, n'étaient assurément pas un aliment à offrir à un esprit tel que celui de l'Impératrice; et un homme qui vivait par goût dans une retraite habituelle, uniquement occupé de l'objet auguste de son culte, n'était pas même à portée de les connaître. Lorsqu'il arrivait à S. M. de me demander un éclaircissement sur quelque point dont elle ne croyait pas avoir une notion précise, je le lui donnais avec toute la clarté possible et tout le développement nécessaire et à moins d'être interpellé de nouveau, je n'y revenais plus. Je dois aux Ministres de Louis XVI la justice de dire que jamais ils n'ont conçu le moindre ombrage de cette allée con-

---

Могу смѣло сказать, что никогда мнѣ не случалось дурно отозваться о комъ либо изъ ея подданныхъ; что я не произносилъ именъ тѣхъ лицъ, о коихъ, по моему мнѣнію, я не могъ сказать что либо лестное, и что если Государынѣ случалось невыгодно говорить о комъ либо, то я постоянно старался выставить ту сторону, съ которой онъ могъ быть оправданъ или, покрайней мѣрѣ, извиненъ. Что касается до Франціи, то прежде, чѣмъ несчастія революціи сдѣлали это государство предметомъ всеобщаго вниманія, случалось, что проходили мѣсяца и годы, въ теченіе коихъ имя Франціи не упоминалось въ нашей перепискѣ; пустяки, занимавшіе Парижъ, конечно не представляли пищи, достойной высокаго ума Екатерины II; при томъ человѣкъ, по врожденной склонности проводившій жизнь въ уединеніи, исключительно занятый августѣйшимъ предметомъ своего поклоненія, не былъ даже въ состояніи знать эти пустяки. Когда Ея Величеству случалось требовать разъясненія о чемъ либо, то я отвѣчалъ съ возможною ясностью и обстоятельностью и за тѣмъ не возвращался болѣе къ этому предмету, не бывъ спрошенъ вновь. Я долженъ отдать министрамъ Людовика XVI ту справедливость, что присылавшіеся ко мнѣ курьеры не возбуждали въ нихъ подозрѣній или выраженіе какого либо безпокойства. Напротивъ, я до того внушалъ имъ довѣріе, что они постоянно сообщали мнѣ сущность своихъ переговоровъ съ министрами Императрицы и наставленій, посылаемыхъ Французскимъ посланникамъ въ Петербургѣ; но всѣ эти свѣдѣнія я оставлялъ для себя одного, не упоминая

tinuelle de courier; jamais ils n'en ont marqué la plus légère inquiétude. Leur confiance au contraire dans ma discrétion était telle qu'ils me tenaient constamment au courant de ce qui se passait entre eux et les Ministres de l'Impératrice et des instructions qu'ils donnaient au Ministre de France à Pétersbourg; mais je gardais ces notions pour moi, et ne me permettais point d'en dire un mot dans ma correspondance: tant il me paraissait important de ne jamais croiser la marche ministérielle d'une affaire quelconque. Quoique rarement, il arrivait cependant à l'Impératrice de me charger parfois d'une insinuation à faire au Ministère de France, qu'elle ne jugeait pas à propos de faire passer par le canal ministériel; mais dans ces occasions jamais le nom de S. M. ne fut compromis et je prêchais mon texte comme le fruit de mes propres réflexions fondées sur la connaissance que je pouvais avoir des principes et de la façon de penser de l'Impératrice. Les Ministres de Louis XVI de leur côté, me pressaient assez souvent de me charger de choses qu'eux aussi ne voulaient pas faire arriver par le canal ordinaire. Je leur observais préliminairement qu'avant tout j'étais Russe; que s'ils ne voulaient pas parler vrai ni agir conformément à ce qu'ils annonçaient, ils avaient grand tort de s'adresser à moi; qu'en m'inspirant une fausse confiance en eux, ils ne donneraient pas une minute le change à l'Impératrice sur leurs véritables dispositions. En rendant ensuite mon compte à S. M. de ces ouvertures, je lui exposais fidèlement la manière dont tout s'était passé, ce qui m'avait été dit, ce que

---

о нихъ въ своей перепискѣ, до того мнѣ казалось важнымъ не путать министеріальный ходъ какого бы то ни было дѣла.

Хотя и рѣдко, тѣмъ не менѣе случалось, что Императрица, считая неудобнымъ обыкновенный министерскій порядокъ сношеній, поручала мнѣ дать уразумѣть что либо Французскому Министерству, но въ этихъ случаяхъ имя Императрицы оставалось въ сторонѣ и я возвѣщалъ лишь плодъ личныхъ моихъ разсужденій, основанныхъ на познаніи коренныхъ убѣжденій Государыни. Министры Людовика XVI равнымъ образомъ заставляли меня довольно часто принимать порученія по такимъ дѣламъ, которыя они хотѣли изъять изъ общаго теченія. Я замѣчалъ имъ, что я прежде всего Русскій; что ежели они намѣрены были говорить неправду, или дѣйствовать противно словамъ своимъ, то напрасно обращались ко мнѣ, потому что еслибы имъ и удалось внушить мнѣ ложное довѣріе, то и въ такомъ случаѣ имъ не удастся ни минуты обмануть Императрицу, относительно настоящихъ ихъ намѣреній. Отдавая Ея Величеству отчетъ объ этихъ переговорахъ, я съ точностью излагалъ порядокъ, въ которомъ все происходило, содержаніе вопросовъ и отвѣтовъ, присовокупляя и личное мое мнѣніе; сообщая мнѣ свой взглядъ, Императрица постоянно одобряла мое поведеніе. Я долженъ отдать ту справедливость Французскому Министерству, что оно никогда меня не обманывало, я помню, что именно въ негоціаціяхъ съ Портою объ уступкѣ Тавриды, Министерство въ точности исполнило все, что было мнѣ объявлено,

j'avais répondu et enfin quelle était mon opinion personnelle: et l'Impératrice, en me marquant la sienne, ne manquait jamais d'honorer ma conduite de Son approbation. Je dois aussi rendre la justice au Ministère de France que jamais il ne m'en a imposé sur rien et je me rappelle que nommément dans les négociations avec la Porte pour la déterminer à la cession de la Tauride, il remplit exactement ce qu'il m'avait annoncé, et ce qui dans ce tems là n'était pas si aisé à croire, et prévint alors par son influence à Constantinople la rupture entre les deux Empires.

C'est particulièrement depuis 1780 que chaque paquet de S. M. me prouvait par des symptômes infaillibles, un accroissement sensible de bonté et de confiance et que la certitude de les conserver toute ma vie était entrée dans mon âme. Il en résulta cette religion pour elle, qui par un culte toujours actif réussit à me consoler de mon éloignement et à réparer les malheurs de l'absence. Dominé par le prestige d'une puissante et magique illusion, j'étais parvenu à fondre, pour ainsi dire, mon existence dans la sienne, à passer ma vie avec elle au pied de la lettre et quoique j'en vécusse séparé à une distance immense, à m'en rendre vraiment inséparable. J'aurais donc pu être cité comme le parfait modèle d'un des hommes les plus heureux de la terre, si un sort propice eût voulu trancher le fil de ma vie pendant la longue durée de ma prospérité.

En 1786 l'Impératrice m'envoya, à ma grande confusion, la grande croix de l'ordre de St. Wladimir de la 2e classe, et m'annonça cette grâce impossible à prévoir, en ces termes: Je Vous envoie les statuts de l'ordre de St. Wladimir. Quand Vous les aurez lus, Vous verrez que je ne puis me dispen-

---

и что казалось не совсѣмъ правдоподобнымъ въ то время; своимъ вліяніемъ Французское правительство предотвратило разрывъ между двумя Имперіями.

Въ особенности съ 1780 года всякій пакетъ Императрицы осязательно показывалъ мнѣ чувствительное увеличеніе милости и довѣрія ко мнѣ; увѣренность сохранить ихъ до конца дней начинала проникать въ мою душу. Такимъ образомъ возникло поклоненіе, которое, поддерживаясь дѣятельнымъ служеніемъ, сдѣлалось для меня въ удаленіи утѣшеніемъ среди несчастій отсутствія. Подъ вліяніемъ обаятельной, магической иллюзіи, я достигъ до того, что такъ сказать слилъ свою жизнь съ жизнію Императрицы; я проводилъ время буквально въ ея присутствіи, я былъ неразлученъ съ нею, хотя огромное разстояніе отдѣляло меня отъ нея. Я бы могъ почесться счастливѣйшимъ изъ людей на землѣ, если бы счастливая судьба прекратила нить жизни въ продолжительное время моего благополучія.

Въ 1786 году Императрица, къ крайнему моему смущенію, прислала мнѣ орденъ Св. Владиміра 2-го класса и объявила мнѣ милость эту въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Посылаю вамъ статуты ордена Св. Владиміра. Прочитавъ ихъ, вы увидите, что я

ser de Vous en envoyer la décoration. Mettez la croix sur Votre poitrine et l'étoile sur Votre coeur et que Dieu Vous bénisse.

Bientôt après et peu de tems avant son voyage de la Tauride, S. M. ayant su, je ne sais par quel hazard, que je recevais mes appointemens de 2000 roubles au cours du change, ordonna que son Cabinet me bonifiât à chaque remise le cours du change, comme c'est l'usage à l'égard de ses Ministres employés en pays étranger et depuis ce moment ce bienfait a toujours subsisté.

Ce long voyage ne dérangea pas un instant la correspondance. L'Impératrice m'écrivit, sans aucune interruption, tout le long de la route, dans tous ses séjours, même voyageant sur l'eau. Ses courriers m'arrivèrent avec plus de ponctualité et ses paquets plus volumineux, que lorsqu'elle était sédentaire à Pétersbourg.

Enfin la révolution française éclata en 1789 et mon bonheur disparut avec celui de la France. L'Impératrice ne fut pas longtems à démêler l'infernal génie qui présidait à cette révolution. Elle prévit et me manda tous les désastres qui en seraient la suite, si l'on ne se hâtait d'écraser l'hydre dans sa naissance; et dès l'évènement de la nuit du 5 au 6 octobre, elle regarda la monarchie française comme perdue. Je l'avais jugée ainsi deux mois plutôt, sans prévoir les horribles forfaits qui déshonoreraient et ensanglanteraient cette terre de malédiction; son arrêt me paraissait prononcé après cette nuit fatale où un tas d'avocats et de jeunes insensés de la Cour qu'on appelait alors enragés, s'étaient avisés, à moitié ivres, d'abolir et de proscrire

---

не могу не послать его вамъ. Возложите крестъ на грудь вашу, а звѣзду на сердце, и да благословитъ васъ Богъ».

Вскорѣ послѣ того, не задолго до Крымскаго путешествія, Государыня, узнавъ какъ-то, что свое двухтысячное жалованье я получаю по вексельному курсу, приказала переводить мнѣ эти деньги на томъ же основаніи, какъ это дѣлалось для лицъ Русскаго дипломатическаго корпуса. Благодѣяніемъ этимъ я пользовался съ тѣхъ поръ постоянно. Продолжительное ея путешествіе ни сколько не разстроило ея переписки. Императрица писала мнѣ непрерывно во всю дорогу, со всѣхъ остановокъ, даже во время путешествія по водѣ. Курьеры прибывали еще аккуратнѣе, а пакеты были еще объемистѣе, чѣмъ во время пребыванія Государыни въ Петербургѣ.

Въ 1789 году вспыхнула революція и счастіе мое изчезло вмѣстѣ съ счастіемъ Франціи. Императрица скоро разгадала адскій геній этой революціи. Она предвидѣла и сообщила мнѣ всѣ бѣдствія, долженствовавшія послѣдовать, если гидра не будетъ задавлена при рожденіи; узнавъ событія ночи съ 5-го на 6-е Октября, она почла Французскую монархію погибшею. Я пришелъ къ этому заключенію уже два мѣсяца предъ тѣмъ, не предвидя ужасныхъ преступленій, обезчестившихъ и окровавившихъ эту землю проклятія; Франція казалась мнѣ осужденною послѣ той пагубной ночи, когда

une foule de droits qui subsistaient depuis des siècles. Placé près de la machine infernale qui se construisait alors dans les ténèbres, il n'y avait plus moyen de se fasciner les yeux sur les sinistres projets de ceux qui méditaient le renversement de l'ordre public.

Bientôt après ce fatal 6 octobre, l'Impératrice aperçut la pente rapide qui entraîne le crédit national vers sa ruine, et sachant que toute ma petite fortune se trouvait placée en France, je crains, me dit-elle un jour, que Vous n'ayez du souci; si cela est que n'en parlez Vous à Vos amis?

Je lui répondis: Pour du souci, je n'en ai nul. Depuis que l'assemblée déloyale m'a mis trois fois sous la sauve-garde de la loyauté française, je n'ai plus aucun doute qu'elle ne me fasse banqueroute. Mais lorsque ce moment sera arrivé, n'ai-je pas une protectrice toute-puissante? Je lui demanderai alors une petite place qui me donne du pain, soit en Allemagne, soit en Italie dont le climat est si favorable aux vieillards. Dans cette place, je continuerai à lui être aussi utile que par le passé, c'est-à-dire, bon à rien, mais j'acheverai de vivre paisiblement, en parlant de tems en tems au nom de l'Impératrice ma Souveraine et en bénissant ce nom auguste.

Sur quoi S. M. me riposta sur le champ: Pour cette place, Vous l'aurez quand Vous voudrez; mais en attendant, prenez toujours de mon argent ce qu'il Vous faut pour Vos besoins. Je viens aussi de placer pour Vous une

---

толпа адвокатовъ и молодыхъ придворныхъ безумцевъ, прозывавшихся сорванцами (enragés), осмѣлились, полупьяные, отмѣнить и уничтожить множество правъ, существовавшихъ искони. Стоявшимъ вблизи отъ созидавшейся адской машины, не возможно было не видѣть угрожающіе замыслы тѣхъ, кои мечтали о ниспроверженіи общественнаго порядка.

Скоро послѣ гибельнаго 6-го Октября, Императрица, замѣтивъ стремительное уничтоженіе національнаго кредита и зная, что все мое достояніе помѣщено во Франціи, говорила мнѣ: «я боюсь, что вы въ хлопотахъ; если такъ, то почему вы ничего не скажете друзьямъ своимъ».

Я отвѣчалъ: «хлопотъ у меня нѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ безчестное собраніе три раза ручалось мнѣ Французскою честью; я не сомнѣваюсь въ томъ, что буду обманутъ. Но когда моментъ этотъ настанетъ, то развѣ у меня нѣтъ всемогущей покровительницы? Я попрошу изъ за насущнаго хлѣба мѣстечко гдѣ нибудь въ Германіи, или въ Италіи, климатъ коей такъ благодѣтеленъ для стариковъ. Тамъ я буду продолжать быть столько же полезенъ, какъ прежде, т. е. нисколько, но доживу спокойно, держа иногда рѣчь во имя своей Императрицы и благословляя это августѣйшее имя».

На это Императрица немедленно отвѣчала мнѣ: «мѣсто получите когда захотите, но покамѣстъ берите изъ моихъ денегъ сколько вамъ понадобится. Я положила также на ваше имя сумму въ Московскій опекунскій совѣтъ, которою можете располагать;

somme d'argent sur la maison des enfans trouvés à Moscou, dont Vous disposerez, et je Vous assure que si je connaissais en Europe un placement plus solide, je lui aurais donné la préférence.

J'avais toujours, il est vrai, des fonds à S. M. en caisse, que j'employais, d'après ses ordres, soit en Italie, soit en France, soit en Allemagne, mais il n'était pas en moi de m'en appliquer la plus petite portion sur une permission aussi vague. Si S. M. a conservé les comptes que je lui ai régulièrement rendus depuis 20 ans, on pourra voir que ni à cette époque ni à aucune autre, je n'ai jamais employé une obole de ses fonds à mon usage. Quant à la somme placée pour moi sur les enfans trouvés de Moscou en 1789, personne ne m'en a jamais parlé et depuis cette première ouverture, il n'en a plus été question entre S. M. et moi.

Cette année je tombais dangereusement malade, et fus hors d'état de quitter Paris; mais en 1790 et 1791, je passai l'été en Allemagne et aux Pays-Bas. Je reçevais là les courriers de l'Impératrice qui ne se souciait plus d'en faire aller à Paris et j'y avais aussi plus de tranquillité d'esprit pour lui écrire: vers l'hiver je m'en retournais en France. Les affaires empiraient de jour en jour, à vue d'oeil; mais j'avais fait mon plan d'avance de voyager en été et de passer l'hiver à Paris, tant que le Ministre de l'Impératrice resterait à son poste.

Dans le courant de l'été de 1791, S. M. prit de l'inquiétude pour sa correspondance et ses papiers, et exigea de moi de les livrer aux flammes

---

увѣряю васъ, что если бы я знала въ Европѣ помѣщеніе вѣрнѣе, то отдала бы ему предпочтеніе».

Правда, что у меня постоянно находились деньги, принадлежавшія Императрицѣ, согласно приказаніямъ ея расходовавшіяся то въ Италіи, то въ Германіи или Франціи, но пользоваться ими, на основаніи столь неопредѣленнаго позволенія, было у меня не въ обычаѣ. Ежели сохранились отчеты, постоянно представлявшіеся мною въ теченіе 20 лѣтъ, то можно убѣдиться, что я ни въ эту, ни въ какую другую эпоху, не воспользовался лично ни полушкою. Что касается капитала, помѣщеннаго на мое имя въ Московскій Опекунскій Совѣтъ въ 1789 г., то я ни отъ кого о немъ не слыхалъ и между мною и Императрицею никогда болѣе объ этомъ не было рѣчи.

Въ этомъ году я захворалъ и былъ не въ состояніи выѣхать изъ Парижа, но въ 1790 и 1791 г. я провелъ лѣто въ Германіи и Нидерландахъ. Тамъ я получалъ курьеровъ отъ Императрицы, нежелавшей болѣе посылать ихъ въ Парижъ; оттуда я могъ писать ей съ большимъ спокойствіемъ духа. Дѣла примѣтно ухудшались, но я заранѣе рѣшился путешествовать лѣтомъ, а зимою жить въ Парижѣ, доколѣ въ немъ будетъ оставаться Русскій посланникъ.

Въ теченіе лѣта 1791 г. Ея Величество стала безпокоиться объ участи своихъ бумагъ и потребовала отъ меня сжечь ихъ безъ изъятія. Я съ грустью высказалъ ей

sans réserve. Je lui fis sentir doulonreusement, combien ce sacrifice était au dessus de mes forces. Je revins à Paris en octobre 1791 non pour les brûler, mais pour les faire sortir de France. J'étais sans doute tenté de sauver en même tems bien des choses précieuses pour moi; mais les tems étaient déjà tellement difficiles qu'il était aisé de prévoir qu'au moindre déplacement d'effets, le premier ballot qui sortirait de ma maison serait arrêté, fouillé et peut-être pillé dans la rue, sous prétexte d'une conspiration contre la liberté. J'étais déjà dénoncé dans les sections et dans les comités, comme entretenant une correspondance très étroite avec l'Impératrice qu'on supposait très peu favorable aux principes de la révolution; je ne pouvais me flatter d'échapper aux effets de cette malveillance, que par une extrême circonspection, par une immobilité parfaite. J'abandonnai donc toute idée de remuement chez moi et puisque j'avais répondu à S. M. de la sûreté de ses papiers, je regardais comme un devoir rigoureux de sacrifier tout le reste à cette considération.

A force de précautions, je réussis à faire sortir ce dépôt précieux clandestinement de chez moi, à lui faire dépasser la frontière de la France et à le mettre, à l'insu de tout le monde, en sûreté en Allemagne.

En 1792 au mois de février, je le suivis et quittai Paris immédiatement après le départ du Ministre de l'Impératrice, laissant ma maison, mes papiers, mes affaires, ma fortune, tout ce que je possédais au monde, sous la sauvegarde

---

до какой степени эта жертва была выше силъ моихъ. Въ Октябрѣ 1791 года я вернулся въ Парижъ не для того, чтобы сжечь ихъ, а для того, чтобы вывезти ихъ изъ Франціи. Конечно, мнѣ хотѣлось одновременно спасти многіе дорогіе для меня предметы, но времена были уже до того тяжки, что легко было предвидѣть, что при переноскѣ, первый вынесенный изъ дому узелъ будетъ задержанъ, досмотрѣнъ, можетъ быть разграбленъ на улицѣ, подъ предлогомъ заговора противъ свободы. Въ отдѣленіяхъ и комитетахъ были уже на меня доносы за усиленную переписку съ Императрицею, которую почитали нерасположенною къ принципамъ революціи; я не могъ избѣгнуть послѣдствій ненавистныхъ ко мнѣ чувствъ иначе, какъ помощью чрезвычайной осторожности, совершенной неподвижности. Я отложилъ мысль о какомъ либо передвиженіи у себя дома и, поручившись Императрицѣ за безопасность ея бумагъ, счелъ строгою обязанностью пожертвовать этому соображенію всѣмъ остальнымъ.

Вслѣдствіе усиленныхъ предосторожностей, мнѣ удалось тайно вывезти изъ своей квартиры это сокровище, переправить его чрезъ французскую границу и скрыть въ безопасномъ мѣстѣ въ Германіи.

Въ Февралѣ 1792 г. я послѣдовалъ за нимъ и покинулъ Парижъ тотчасъ по выбытіи Русскаго посланника, оставивъ свой домъ, бумаги, дѣла, состояніе, всю свою собственность подъ охраною хваленаго французскаго благородства, считая себя

de la loyauté française tant vantée, me croyant du moins suffisamment garanti par le droit des gens, par ma qualité de Ministre étranger et surtout par ma nullité, de toute violence nationale.

L'Impératrice, depuis le commencement de la révolution, sans approuver en plusieurs occasions décisives, les mesures et la conduite du Roi et de la Reine de France, n'avait cessé de me parler de leur situation avec l'intérêt le plus touchant. J'avais quelquefois dit à S. M. que cet intérêt généreux, s'ils pouvaient le connaitre, ne manquerait pas de leur être d'une grande consolation; mais que je n'osais rien risquer à cet égard, parcequ'ils étaient tellement environnés d'espions et de traîtres, que dans un moment où tant de fripons prenaient près d'eux le masque du zèle et de la fidélité pour les trahir d'autant plus sûrement, je n'avais qu'à m'adresser mal et, qu'au lieu d'une consolation que je désirais de leur procurer, je pouvais leur causer de grands chagrins et des peines très réelles.

L'Impératrice me parut cependant souhaiter que la Reine fût instruite de la part qu'elle prenait à sa situation, et peu avant mon départ, le hasard me servit à cet égard. J'étais lié depuis environ 20 ans avec une personne qui avait longtems joué un rôle dans une petite Cour d'Allemagne, limitrophe de la France et qui ne manquait pas d'entregent. Elle venait tous les ans passer quelques mois à Paris, pour cultiver des amis et les liaisons qu'elle avait à Versailles avec la Reine et avec les Ministres. Depuis le 6 octobre 1789 que la Reine était prisonnière à Paris avec le Roi et toute sa famille,

---

достаточно защищеннымъ отъ народнаго насилія международнымъ правомъ, званіемъ посланника и въ особенности своимъ ничтожествомъ.

Съ самаго начала революціи, не одобряя, во многихъ рѣшительныхъ случаяхъ, поведеніе Людовика XVI и Маріи Антоанеты, Императрица не переставала отзываться мнѣ о нихъ положеніи съ самымъ трогательнымъ участіемъ. Я нѣсколько разъ говорилъ Государынѣ, что если бы это великодушное участіе могло сдѣлаться извѣстнымъ Королю и Королевѣ, то несомнѣнно послужило бы имъ великимъ утѣшеніемъ, но что въ этомъ отношеніи я не осмѣливался рисковать, такъ какъ при множествѣ окружавшихъ ихъ шпіоновъ и предателей, прикидывавшихся преданными, чтобы тѣмъ вѣрвѣе обмануть, достаточно было ошибиться въ выборѣ лица, чтобы вмѣсто утѣшенія навлечь большое горе и весьма существенныя бѣды.

Мнѣ показалось, однако, что Императрицѣ угодно было, чтобы Королева знала объ участіи, пріемлемомъ въ ея положеніи, и незадолго до моего отъѣзда представился къ тому счастливый случай. Лѣтъ около двадцати я состоялъ въ дружбѣ съ лицемъ, долго игравшимъ роль при одномъ изъ Германскихъ дворовъ, смежныхъ съ Франціею. Человѣкъ этотъ не имѣлъ недостатка въ рѣшительности (entregent). Онъ ежегодно пріѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ во Францію повидаться съ друзьями, поддержать связи свои въ Версалѣ съ Королевою, съ министрами. Съ 6-го Октября

elle voyait dans ses voyages cette Princesse infortunée de temps en temps en particulier, dans la chambre d'une de ses femmes de chambre affidées, quand elle pouvait se dérober à ses surveillans, ce qui ne lui réussissait pas toujours. Un jour cette personne étant sur son départ pour retourner en Allemagne, vint me voir et comme elle avait vu la Reine la veille pour prendre congé d'elle, elle me parla longtems de sa déplorable situation. Elle serait bien touchée, lui dis-je, si elle savait à quelle point l'Impératrice en est occupée. Celle qui m'écoutait regretta infiniment de ne l'avoir pas su la veille. Peu de tems avant mon départ, cette personne étant revenue à Paris, eut une nouvelle entrevue avec la Reine qui, en pleurant beaucoup sur l'abandon où la laissait son frère, l'Empereur Léopold, en prit occasion de parler avec une grande sensibilité de la conduite de l'Impératrice envers la France. Alors cette personne lui dit qu'un de ses amis recevait continuellement sur cela les preuves les plus touchantes. Lors qu'elle m'eut nommé, la Reine lui confia que sa soeur, cette angélique Madame Elisabeth, avait eu une entrevue avec moi d'une heure et marqua un grand désir de me voir en particulier, mais finalement y renonça, disant qu'elle ne pouvait le risquer, sans se compromettre et moi aussi. En revanche, elle me fit sonder si j'étais disposé à lui communiquer ces fragments précieux. Je passais trois nuits à tirer de ma correspondance de deux ans et demi, tout ce qui regardait le Roi et la

---

1789 г., съ того времени, какъ Король и все семейство были узниками въ Парижѣ, мой пріятель видывалъ несчастную Королеву тайкомъ, въ комнатѣ одной изъ ея горничныхъ, когда ей удавалось обмануть бдительность наблюдавшихъ за нею, что удавалось не всегда. Предъ самымъ возвращеніемъ въ Германію, лице это навѣстило меня и, простившись съ Королевою наканунѣ, долго говорило мнѣ о печальномъ ея положеніи. Она была бы весьма тронута, если бы знала въ какой степени это положеніе занимаетъ Императрицу, сказалъ я. Слушавшій меня выразилъ сожалѣніе, что не зналъ этого наканунѣ. Не задолго до моего отъѣзда, человѣкъ этотъ снова вернулся въ Парижъ, имѣлъ свиданіе съ Королевою, которая, проливая слезы о томъ, что ее покидаетъ ея братъ Императоръ Леопольдъ, съ большою чувствительностью упомянула о поведеніи Императрицы относительно Франціи. Тогда мой пріятель сказалъ ей, что одинъ изъ его друзей постоянно получаетъ самыя трогательныя въ этомъ отношеніи доказательства. Когда онъ назвалъ меня, то Королева довѣрила ему, что сестра ея, этотъ ангелъ, принцесса Елисавета, имѣла со мною свиданіе, продолжавшееся часъ времени, и выразила желаніе видѣть меня частнымъ образомъ. Но подъ конецъ она отказалась отъ этой мысли, говоря, что сдѣлать это невозможно, не рискуя окомпрометировать и ее и меня. Вмѣсто того она поручила освѣдомиться расположенъ ли я довѣрить ей эти драгоцѣнные отрывки. Три ночи я провелъ за извлеченіями изъ двухъ съ половиною годовой своей переписки, всего касавшагося лично короля и королевы, откидывая все, относившееся до революціи и до преступныхъ

Reine personnellement, laissant de côté tout ce qui n'était relatif qu'à la révolution et aux coupables artisans des malheurs de la France. Je remis ce paquet à un homme de la première confiance que la Reine m'envoya pour le prendre. Il revint le lendemain me dire que le Roi et la Reine me conserveraient une reconnaisance éternelle de cette communication; que si j'y consentais, le Roi se chargeait de garder ce paquet sous sa clef, et qu'il m'en répondait dans tous les cas. Je consentis à tout. Peu après je partis. Arrivé à Bruxelles, je rendis compte à l'Impératrice de tout ce qui s'était passé; je sus aussi que le Roi et la Reine lui avaient écrit. Quant à la sûreté, l'infortuné Monarque me tint parole; du moins il n'a jamais été question de ces fragments pendant et après sa catastrophe.

Je m'arrête accablé sous le poids de tant de souvenirs, aujourd'hui si douloureux, dont la millième partie n'est cependant pas consignée ici, quoique cet écrit excède déjà des trois quarts les bornes que j'espérais lui fixer. Ce qu'il me reste à dire sur ma situation, se complique à l'époque où je suis arrivé, tellement avec la situation d'une famille particulièrement protégée par l'Impératrice, que je suis forcé de fondre la suite de mon histoire dans la sienne.

II.

Un livre d'éducation intitulé les Conversations d'Emilie qui parut il y a environ 18 ans, attira fortuitement la protection de l'Impératrice à Emilie, fille

виновниковъ несчастій Франціи. Пакетъ этотъ я передалъ присланному ко мнѣ отъ королевы, пользовавшемуся крайнимъ ея довѣріемъ. Онъ вернулся ко мнѣ на слѣдующій день сообщить, что Король и Королева сохранятъ мнѣ вѣчную благодарность за это сообщеніе; что если я соглашусь, то Король берется хранить этотъ пакетъ подъ своимъ ключемъ и что онъ отвѣчаетъ мнѣ за нихъ во всякомъ случаѣ. Я согласился на все. Вскорѣ послѣ того я уѣхалъ. По пріѣздѣ въ Брюссель я донесъ Императрицѣ о всемъ происшедшемъ; я узналъ также, что Король и Королева писали ей. Что касается безопасности этихъ бумагъ, то несчастный Монархъ сдержалъ мнѣ слово; по крайней мѣрѣ ни во время, ни послѣ его катастрофы, объ этихъ отрывкахъ никогда не было рѣчи.

Останавливаясь, изнемогая подъ гнетомъ стольких, нынѣ столь тяжкихъ, воспоминаній, коихъ и тысячная доля не вошла въ эту записку, хотя записка эта уже въ три раза превосходитъ первоначально назначенные мною ей предѣлы, то, что мнѣ остается сказать, въ эпоху, до которой я дошелъ, до того смѣшивается съ судьбою семейства, пользовавшагося покровительствомъ Императрицы, что мнѣ приходится слить свою исторію съ исторіею этого семейства.

II.

Книга о воспитаніи, озаглавленная: разговоры Емиліи, изданная лѣтъ 18 тому назадъ, случайно удостоилась покровительства Императрицы Емилію, дочь виконта де-

du Vicomte de Belsunce, d'une très ancienne famille de le Navarre où elle était née. Ce livre plut à S. M. Son projet était de le faire traduire en Russe. Elle y avait trouvé, me dit-elle, un grand fonds de naturel et de bon sens, pas une phrase entortillée ni alambiquée, pas une idée louche ou fausse. Ce que S. M. aimait particulièrement, c'était l'emploi de la méthode socratique qui, à la place des lieux communs dont on a coutume de remplir les jeunes têtes, apprenait comment il fallait développer dans chacune le germe de ses propres idées, les rectifier ensuite, au besoin, à l'aide de leurs propres réflexions et les conduire à la maturité par les degrès insensibles d'une culture sage et conforme à la marche de la nature. Ce jugement favorable de l'Impératrice fut confirmé, quelque tems après, par celui de l'Académie française, qui, ayant pour la première fois à prononcer en 1782 sur un prix destiné au meilleur ouvrage, publié dans l'année, le décerna à la nouvelle édition des Conversations d'Emilie.

J'appris alors à S. M. que cette Emilie n'était pas un être chimérique mais une Emilie réelle, élevée de cette manière par une grand'mère, malade depuis 10 ans, qui avait fait cet ouvrage au milieu d'habituelles souffrances. C'est de ce moment que date l'intérêt de l'Impératrice pour Emilie de Belsunce.

Elle avait deux frères plus âgés qu'elle, à une distance respective d'un et de deux ans. Ses parents n'étaient pas riches. La fortune très-bornée de sa grand'mère avait considérablement souffert par ses longues maladies et par les

---

Бельзёнсъ, родомъ изъ Новарры, гдѣ родилась и сама Емилія. Книга понравилась Ея Величеству. Государыня намѣревалась издать ее въ русскомъ переводѣ. Она нашла въ этой книгѣ, по собственному ея отзыву, большой запасъ естественности и здраваго смысла, ни одной запутанной, напыщенной фразы, ни одной сомнительной или ложной мысли. Императрица всего болѣе любила употребленіе сократическаго метода, который, вмѣсто общихъ мѣстъ, коими обыкновенно набиваютъ молодыя головы, научаетъ какимъ способомъ развивать въ каждой головѣ зачатки собственныхъ мыслей, выправлять ихъ, въ случаѣ надобности, при помощи собственныхъ разсужденій и доводить ихъ до зрѣлости, по нечувствительнымъ ступенямъ развитія здраваго и согласнаго съ ходомъ природы. Это выгодное сужденіе Императрицы подтвердилось чрезъ нѣсколько времени отзывомъ Французской академіи, которая, въ 1782 г., впервые назначая премію за лучшее, изданное въ теченіе года, сочиненіе, присудила эту премію вновь изданнымъ «разговорамъ Емиліи».

Я довелъ тогда до свѣдѣнія Императрицы, что Емилія — существо не воображаемое, а дѣйствительное, воспитанное такимъ порядкомъ своею, десять лѣтъ хворающею, бабкою, написавшею это сочиненіе среди обычныхъ страданій. Съ этого времени началось расположеніе Императрицы къ Емиліи де-Бельзёнсъ.

У нее было два брата, старше ея однимъ и двумя годами. Родители ея были небогаты. На весьма ограниченномъ состояніи бабки ея значительно отозвались продол-

vicissitudes continuelles aux quelles le Ministère des finances paraissait alors condamné. Chaque Ministre avait son système. Ce que l'un accordait, son successeur le supprimait, le successeur de celui-ci ordinairement le rétablissait, mais en faveur de ses créatures, et ces Ministres se succédant avec rapidité, le mal particulier qu'ils faisaient par des réformes violentes, n'eut presque jamais le tems d'opérer le bien public qui d'abord avait servi de prétexte peur les entreprendre.

M-e d'Epinay avait conservé un petit intérêt dans les Fermes du Roi. Il lui avait été originairement accordé pour la dédommager d'une place qu'on avait assez arbitrairement ôtée à son mari. Mr. Necker, par un arrangement général, supprima tous ces intérêts et n'accorda aucun dédommagement à ceux qui en jouissaient, excepté toute fois aux personnes assez puissantes à la Cour pour lui forcer la main. La grand'mère d'Emilie n'était pas de ce nombre. Il sentit cependant l'excessive dureté d'un tel procédé à l'égard d'une femme dans un état de santé si déplorable, qu'il réduisait à l'indigence. Au lieu de 12 à 15 mille livres de rente qu'il lui avait enlevées, il lui fit donc accorder par le Roi une pension de 4000 livres, et comme la suppression avait précédé cette grâce de plusieurs mois et qu'il en était résulté une grande détresse, il se détermina à venir à son secours, en lui faisant délivrer provisoirement du Trésor Royal une somme de 8000 livres, mais sur laquelle il oublia ou négligea de prendre les ordres du Roi.

жительныя ея болѣзни и постоянные перевороты, на которые осуждено было въ то время министерство финансовъ. У всякаго министра была своя система. На что одинъ соглашался, то уничтожалось его преемникомъ и возстановлялось обыкновенно заступавшимъ мѣсто послѣдняго, но возстановлялось въ пользу его креатуръ. Эти министры быстро смѣняли другъ друга; частное зло, причинявшееся насильственными преобразованіями, почти никогда не успѣвало привести къ общему благу, первоначально служившему предлогомъ для реформъ.

Г-жа д'Епине сохранила маленькое участіе въ королевскихъ откупахъ. Участіе это было ей предоставлено въ возмездіе за мѣсто, нѣсколько произвольно отнятое у ея мужа. Г. Неккеръ общимъ распоряженіемъ уничтожилъ всѣ подобнаго рода участія, не назначивъ никакого вознагражденія, пользовавшимся ими, за исключеніемъ, однако, лицъ, пересилившихъ его, благодаря значенію своему при дворѣ.

Бабка Емиліи не принадлежала къ числу ихъ. Онъ почувствовалъ, однако, чрезвычайную жесткость подобной мѣры въ отношеніи женщины столь слабаго здоровья, доводимой имъ до нищеты. Вмѣсто 12 или 15 тысячъ ливровъ, отнятыхъ у нея, онъ назначилъ ей, отъ имени Короля, пенсію въ 4000 ливровъ, а такъ какъ отнятіе предшествовало нѣсколькими мѣсяцами этой милости и повлекло за собою крайнюю нужду, то Неккеръ рѣшился временно выдать изъ Королевскаго казначейства 8000 ливровъ, причемъ забылъ испросить на это королевское соизволеніе.

Six mois après, il perdit sa place, et son successeur ne trouvant pas le don de cette petite somme autorisé par le bon du Roi, la fit redemander à cette femme malheureuse. Moyennant cette restitution exigée, la pension accordée devenait absolument illusoire, parcequ'il était clair, et l'événement le prouva, que celle qui devait en jouir, n'avait pas deux ans à vivre. Je m'adressai à Monsieur de Vergennes pour lui faire sentir la rigueur d'un procédé aussi dur que mesquin. Il me voulait du bien, mais il ne put faire entendre raison à son collègue, le Ministre des finances.

Je me vois forcé d'entrer dans ces détails si indifférents, si étrangers en apparence, à cet écrit, si je ne veux pas renoncer à donner une juste idée de cette bonté incompréhensible, avec laquelle l'Impératrice prenait part à tout ce qui m'intéressait directement ou indirectement. On y reconnaitra bien les soins de l'amitié la plus attentive et la plus active; mais qui pourra croire que ces soins pour un homme tel que moi, occupaient sans relâche la Souveraine du plus vaste empire, et dont le règne fixait les regards de toute l'Europe?

A peine instruite de ces détails, S. M. me mande: Laissez moi faire, je dirai tant de bien au Ministre de France des Conversations d'Emilie que sur le rapport qu'il en fera dans ses dépêches, ils auront honte de faire cette lésinerie à l'auteur. Mais le Ministre des finances ne se piquait pas apparem-

---

Чрезъ шесть мѣсяцевъ онъ лишился мѣста и преемникъ его, не усматривая, чтобы денежная эта выдача была разрѣшена Королемъ, потребовалъ эти деньги обратно отъ несчастной женщины. Вслѣдствіе этого обратнаго требованія, пожалованный пенсіонъ дѣлался мечтательнымъ, такъ какъ очевидно было, какъ это и доказали событія, что пенсіонеркѣ не оставалось двухъ лѣтъ жизни. Я обратился къ г. де-Верженнъ *, желая дать ему почувствовать тяжесть столь суроваго и мелкаго требованія. Онъ былъ хорошо ко мнѣ расположенъ, но ему не удалось переубѣдить своего товарища по части финансовъ.

Я принужденъ входить въ эти, по видимому, пустыя и неидущія къ дѣлу подробности, потому что не хочу отказаться отъ намѣренія вѣрно изобразить ту необъяснимую доброту, съ которою Императрица принимала участіе во всемъ, прямо или косвенно до меня относящемся. Въ этихъ подробностяхъ всякій увидитъ, конечно, попеченія дружбы самой внимательной и самой дѣятельной; но кто повѣритъ, чтобы эти попеченія и о такомъ человѣкѣ какъ я, занимали безпрестанно Государыню обширнѣйшаго государства, царствованіе которой привлекало взоры всей Европы? Едва извѣстившись объ этихъ подробностяхъ, Ея Величество увѣдомила меня: «предоставьте мнѣ распорядиться, я такъ расхвалю французскому посланнику разговоры Эмиліи, что въ рапортѣ, который онъ пошлетъ въ своихъ депешахъ имъ будетъ совѣстно поскупиться предъ авторомъ. Но министръ финансовъ, вѣроятно, не воображалъ себя ве-

---

* Верженнъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

ment d'être grand politique, l'éloge de l'Impératrice d'un livre d'éducation ne lui fit pas plus d'impression que les sollicitations de Mr. de Vergennes et la restitution des 8000 livres fut définitivement exigée.

S. M., voyant son crédit échoué, m'écrivit: 8000 livres sont assurément une grande misère pour tout trésor quelconque. Donnez de ma part à M-e d'Epinay deux fois 8000 livres, comme un don, comme un prêt, enfin, pour ménager sa délicatesse, sous quelle forme qu'elle voudra le recevoir. Vous ferez ensuite faire mon chiffre en diamants et Vous le donnerez en mon nom à Emilie. Cet ordre m'arriva au commencement de l'année 1782; Emilie avait alors 14 ans. Je répondis à S. M. que je craignais qu'Elle n'y eût pas assez réfléchi, puisque par ce don elle créait une demoiselle d'Honneur.

Tant de bienfaits si généreux, assaisonnés de tant de délicatesse, étaient évidemment autant de grâces que la bonté Souveraine répandait sur moi. Personne ne s'y méprenait, comment mon coeur aurait-il pu s'y tromper? Et comment accablé sous le poids de ma reconnaissance, aurais-je pu guérir de la passion profonde, de l'invincible attachement que j'avais apporté de la Russie?

En 1783 Emilie perdit sa grand'mère. Ce ne fut pas sans beaucoup de peine que je parvins à empêcher ses parents de l'emmener dans leur terre à l'extrêmité du Royaume, sur la frontière d'Espagne, où elle était née, mais où l'on ne parlait pas même le français et où son éducation et son établissement futur eussent été à peu près également impossibles. On se rendit enfin

---

ликимъ политикомъ; похвалы Императрицы подѣйствовали на него не болѣе просьбъ Верженна и 8,000 ливровъ были рѣшительно потребованы обратно.

Ея Величество, видя, что вліяніе ея оказалось недостаточнымъ, написала мнѣ— «8,000 ливровъ, конечно, бездѣлица для всякаго казначейства. Передайте отъ меня г-жѣ д'Епине дважды 8,000 ливровъ въ видѣ подарка или займа, словомъ, чтобы поберечь ея деликатность, въ какой бы формѣ она не захотѣла ихъ принять. Затѣмъ закажите мой вензель изъ брилліантовъ и отдайте его отъ моего имени Емиліи». Приказаніе это я получилъ въ началѣ 1782 года. Емилія была тогда 14 лѣтъ. Я отвѣчалъ Ея Величеству, что боюсь, достаточно ли она подумала о томъ, потому что этимъ подаркомъ она жалуетъ даримую во фрейлины.

Столько щедрыхъ благодѣяній, оказанныхъ съ такою деликатностію, были очевидно милостями, которыя изливала на меня доброта Государыни. Никто не ошибался въ этомъ, могло-ли обмануться мое сердце? Да и какъ, изнемогая подъ тяжестью моей признательности, могъ-бы я излечиться отъ той глубокой страсти и непобѣдимой привязанности, которыя я вывезъ изъ Россіи?

Въ 1783 г. Емилія лишилась своей бабки. Не безъ большаго труда удалось мнѣ убѣдить ея родителей, чтобы они не отвозили ее въ свое помѣстье въ отдаленные предѣлы королевства, на границу Испаніи, гдѣ она родилась, но гдѣ не говорили по французски и гдѣ, какъ воспитаніе ее, такъ и устройство ея будущности были бы

à la raison, et pour achever son éducation, on la mit à Paris, sous ma surveillance, au couvent de St. Antoine dont une Pincesse de Beauvau était Abbesse. L'Impératrice avant que j'eusse pu lui parler de ces événemens, m'écrivit: Je sais que vous n'avez pas dû être heureux depuis quelque tems et que Madame d'Epinay n'existe plus; dites moi ce qu'est devenue Emilie. C'est ainsi qu'à l'exemple de la Providence, elle ne perdait jamais un instant de vue ceux qu'elle avait pris sous sa protection.

En 1784 S. M. me voyant peu d'espérance de la marier convenablement à sa naissance, à cause de la médiocrité de sa fortune, m'écrivit: Vous en avez fait ma demoiselle d'Honneur, il faut bien que je lui donne sa dot; et m'envoya douze mille roubles.

En 1785 je confiai à S. M. que malgré un bienfait si imprévu et si éclatant, auquel les parents d'Emilie me promettaient d'ajouter de leur côté une dot de cent mille livres ce qui à une fille de condition faisait un fonds très suffisant pour être bien mariée, je désespérais de lui trouver un bon parti, parceque ma vie retirée et solitaire m'éloignait de tous les moyens de nouer et de conduire à bien une affaire de ce genre.

Sur quoi l'Impératrice, pour toute réponse, me copia de sa main un billet qu'elle avait écrit dans la matinée au Comte de Ségur, Ministre de France auprès d'elle, dont le père avait le Département de la guerre. Ce billet portait

---

почти одинаково невозможны. Наконецъ благоразуміе восторжествовало, и Емилія, для окончанія ея воспитанія, была помѣщена въ Парижѣ, подъ моимъ наблюденіемъ въ монастырь Св. Антонія. гдѣ княгиня Бове была настоятельницею. Прежде чѣмъ я успѣлъ сообщить Императрицѣ объ этихъ событіяхъ, она писала мнѣ — «я знаю, что съ нѣкотораго времени вы не были счастливы и что г-жа д'Епине не существуетъ; скажите мнѣ, что сталось съ Емиліею.» Такъ она, подобно провидѣнію, не теряла ни на минуту изъ виду тѣхъ, которыхъ она приняла разъ подъ свое покровительство.

Въ 1784 г. Ея Величество замѣчая, что у меня мало оставалось надежды выдать Емилію замужъ, прилично ея рожденію, вслѣдствіе ограниченности ея состоянія,— писала мнѣ: «Вы сдѣлали изъ нея мою фрейлину, нельзя же мнѣ не дать ей приданаго,» — и выслала мнѣ 12,000 рублей.

Въ 1785 г. я увѣдомилъ Императрицу, что не смотря на неожиданное и блестящее благодѣяніе оказанное ею, и къ которому родители Емиліи обѣщали мнѣ прибавить съ своей стороны приданое въ 100 т. ливровъ, что, для дѣвицы ея званія составитъ уже состояніе весьма достаточное, чтобы составить приличную партію, но что, тѣмъ не менѣе я отчаяваюсь найти ей партію, потому, что моя тихая и уединенная жизнь лишаетъ меня всякой возможности успѣть въ подобномъ предпріятіи.

Въ отвѣтъ на это Императрица собственноручно написала копію съ записки, написанной ею въ то утро Сегюру, французскому при ней посланнику, отецъ котораго

que l'Impératrice priait Mr. le Comte de Ségur, de recommander de sa part à Mr. le Maréchal, son père, Emilie de Belsunce qu'elle avait dotée. Que l'Impératrice désirerait que le Roi voulût charger le Baron de Grimm de lui trouver un époux, lequel, agréé ensuite par S. M., pût être susceptible de quelque grâce en faveur de ce mariage, protégé par le Roi.

En m'envoyant la copie de ce billet sur un petit chiffon de papier, l'Impératrice se contenta d'ajouter au bas, qu'elle désirait qu'il eût mon approbation et que je fusse content d'elle. Je restai pétrifié et du moyen infaillible que sa bonté avait imaginé, et de la tournure par laquelle elle en assurait le succès et surtout de cette prévoyance unique par sa délicatesse qui me réservait le choix de l'époux: afin d'empêcher qu'un des Ministres du Roi ne disposât légèrement de la jeune personne en faveur d'un de ses protégés dont il aurait fait la fortune, sans trop s'embarrasser peut-être, si les qualités personnelles de l'époux répondaient suffisamment du bonheur de sa femme. N'est-on pas tenté de croire que l'Impératrice n'avait d'autres affaires au monde, que de faire réussir celles qui m'intéressaient.

Sa généreuse intervention fit son effet sur le champ. Les deux frères d'Emilie, placés au service depuis quelque temps, étaient déjà notés comme deux sujets d'espérance, et par conséquent bien traités à la Cour où ils venaient en hiver. Le Roi, ainsi favorablement disposé pour le nom de Belsunce, s'em-

---

завѣдывалъ военнымъ департаментомъ. Записка эта гласила, что Императрица проситъ графа Сегюра отрекомендовать отъ ея имени г. маршалу, отцу графа, Емилію де-Бельзёнсъ, получившую приданое отъ Государыни, что Императрица желала бы, чтобы король поручилъ Барону Гримму прінскать этой дѣвицѣ супруга, который, одобренный Его Величествомъ, могъ бы быть удостоенъ какой либо милости, по случаю женитьбы, покровительствуемой королемъ.

Посылая мнѣ копію этой записки на клочкѣ бумаги, Императрица приписала лишь внизу, что она желаетъ, чтобы письмо ея было мною апробовано и чтобы я остался доволенъ ею. Я былъ пораженъ безошибочностію средства, придуманнаго ея добротою, оборотомъ дѣла, обезпечивавшихъ успѣхъ его, и, въ особенности же единственною, по деликатности, предусмотрительностію, по которой предоставлялся мнѣ выборъ супруга, во избѣжаніе того, чтобы кто изъ министровъ короля не распорядился необдуманно молодой особой, въ пользу кого либо изъ покровительствуемыхъ имъ лицъ, судьбу котораго онъ бы устроилъ, безъ особенной, можетъ быть, заботы о томъ, достаточно-ли гарантируется счастіе жены личными качествами мужа. Можно было подумать, что у Императрицы не было другихъ дѣлъ на свѣтѣ, кромѣ заботы объ успѣхѣ того, что интересуетъ меня.

Великодушное вмѣшательство подѣйствовало немедленно. Оба брата Емиліи, состоявшіе нѣкоторое время на службѣ, были на счету подававшихъ надежды и согласно съ этимъ съ ними обходились хорошо при дворѣ, куда они появлялись зимою. Король расположенный къ имени Бельзёнса спѣшилъ отвѣчать Императрицѣ. Мнѣ было по-

pressa de répondre à la demande de l'Impératrice. Je, fus chargé de la recherche et du choix de l'époux. C'était alors l'usage en France de conférer les régimens à de jeunes colonels d'un nom ancien et connu à la Cour. Il fallait cependant, si je ne me trompe, avoir 23 ans, et par conséquent 8 ans de service militaire, pour parvenir au grade de colonel et avoir atteint l'âge de 28 ou de 30 ans avant de pouvoir aspirer à un régiment. Cet usage n'était pas peut-être ce qu'il y avait de plus admirable dans la constitution militaire de la France; mais une discipline d'ailleurs ferme, uniforme et stable en aurait aisément corrigé les inconvéniens. Quoiqu'il en soit, le terme de l'ambition de toute la jeunesse de la Cour était d'obtenir un régiment. Il m'en fut promis un en faveur de ce mariage, si je pouvais proposer un sujet susceptible de cette grâce par sa naissance et ses services. Dès que cette nouvelle transpira, je n'eus plus que l'embarras du choix.

Je le fixai sur le Comte de Beuil, jeune officier aux gardes françaises dont on me rendit dans son corps les témoignages les plus favorables. Il avait perdu son père et sa mère au sortir de l'enfance. Seul et sans guide en entrant dans le monde, abandonné à lui-meme au milieu d'un corps d'officiers si nombreux dont tous n'étaient pas des modèles de conduite et de sagesse, il avait su se préserver de tous les écarts de jeunesse et se faire remarquer comme un excellent sujet. Sa fortune consistait en terres situées à 25 lieues de Paris. Le revenu de ses terres n'était pas immense; mais la

---

ручено пріискать и выбрать жениха. Въ то время во Франціи существовало обыкновеніе назначать полковыми командирами молодыхъ полковниковъ изъ старинныхъ и извѣстныхъ при дворѣ фамилій. Но, чтобы дослужиться полковничьяго чина, нужно было, если не ошибаюсь, имѣть 23 года и слѣдовательно 8 лѣтъ военной службы, и не ранѣе 28 или 30 лѣтъ можно было добиваться командованія полкомъ. Обычай этотъ не былъ, можетъ статься, наилучшимъ въ военной организаціи Франціи; но недостатки его исправлялись твердой, неизмѣнной и прочной военной дисциплиной. Полученіе полка составляло, во всякомъ случаѣ, предѣлъ честолюбія всей придворной молодежи. Оно было мнѣ обѣщано въ пользу устройства этой женитьбы, если я представлю кандидата, достойнаго этой милости по своему рожденію и своимъ заслугамъ. И какъ скоро слухи о томъ распространились, мнѣ уже не предстояло другаго затрудненія, кромѣ выбора.

Я остановился на графѣ де-Бейль, молодомъ гвардейскомъ офицерѣ, о которомъ я получилъ самые лестные отзывы въ его полку. Онъ съ ранней молодости лишился отца и матери; вступая въ свѣтъ одинъ безъ поддержки, предоставленный самому себѣ среди многочисленнаго общества офицеровъ, изъ коихъ не всѣ отличались примѣрнымъ поведеніемъ и благоразуміемъ, онъ съумѣлъ предостеречь себя отъ заблужденій молодости и отличался какъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ людей. Состояніе его заключалось въ помѣстьяхъ, расположенныхъ въ 25 льё отъ Парижа. Доходы съ

passion du propriétaire pour l'agriculture et l'économie rurale, promettait une administration sage de son bien et l'avait déjà amélioré d'année en année. La médiocrité et la modération, sa compagne, ayant toujours eu mon suffrage, je lui donnai encore en cette occasion la préférence sur des fortunes plus brillantes, mais dont les chances pour le bonheur futur de la jeune personne me paraissaient moins assurées.

Le mariage se fit au printemps de 1786. Le Roi ne voulant pas rester en arrière du côté de la générosité avec laquelle l'Impératrice avait doté une jeune française, accorda aux deux époux une pension annuelle de 4000 livres, réversible au survivant. Leur fortune réunie formait un revenu de trente mille livres suffisant pour vivre heureux dans leur terre et passer les mois d'hiver à Paris et à la Cour; mais elle devait devenir considérable avec le tems. Le mari ne pouvait manquer l'héritage de plusieurs terres dans le voisinage de la sienne, possédées par ses oncles paternels, âgés, infirmes et sans enfans et la jeune femme, indépendemment de ce qui pouvait lui revenir encore de l'héritage de ses parens, devait hériter de moi un revenu annuel de 15 à 20 mille livres. C'est ainsi que l'Impératrice par sa protection et sa générosité sans exemple avait fondé une famille et l'avait entourée de bonheur et de prospérité.

Il naquit de ce mariage trois enfans. L'ainée, une fille, obtint naturellement l'honneur d'être la filleule de l'Impératrice. S. M. y consentit et comme c'était

---

этихъ земель не были огромны; но страсть владѣльца къ земледѣлію и сельскому хозяйству, обѣщала разумное управленіе имѣніями, улучшавшимися изъ года въ годъ. Посредственность состоянія, соединенная съ умѣренностью желаній, заслуживали всегда мое одобреніе, поэтому я отдалъ и теперь графу де-Бейль предпочтеніе предъ другими лицами съ болѣе блестящими состояніями, но представлявшими, какъ мнѣ казалось, менѣе положительныхъ шансовъ къ будущему счастію молодой дѣвушки.

Свадьба послѣдовала весною 1786 г. Король, не желая отстать отъ щедрости, съ которою Императрица надѣлила приданымъ молодую француженку, назначилъ супругамъ годовую пенсію въ 4 т. ливровъ съ правомъ передачи оной пережившему супругу. Состояніе ихъ въ сложности состояло изъ 30 т. ливровъ дохода, достаточнаго для того, чтобы жить счастливо въ деревнѣ, проводя зиму въ Парижѣ и при дворѣ; но со временемъ оно должно сдѣлаться значительнымъ. Мужъ долженъ былъ получить въ наслѣдство нѣсколько смежныхъ съ его помѣстьями земель, принадлежавшихъ дядьямъ со стороны отца, престарѣлымъ, болѣзненнымъ и бездѣтнымъ. Молодая жена, независимо отъ того, что должно было достаться ей отъ родителей, должна была получить въ наслѣдство отъ меня годовой доходъ, отъ 15 т. до 20 т. ливровъ. Такъ покровительство и безпримѣрная щедрость Императрицы, положили основаніе семейству, окруженному счастіемъ и довольствомъ.

Отъ этого брака родилось трое дѣтей; старшая дочь естественно удостоилась чести быть крестницею Императрицы. Ея Величество согласилась, но существую-

l'usage en France, de donner à une fille deux marraines et un parrain, elle permit que Madame la Grande-Duchesse Hélène Pawlowna et Monseigneur le Grand-Duc Alexandre Pawlowitz lui fussent associés. L'enfant fut baptisée Catherine — Hélène — Alexandrine, et existe depuis dix ans qu'elle est au monde sous le nom de Katinka. Un frère étant venu après elle, S. M. pour porter bonheur à un garçon, permit encore qu'il fût son filleul, et il reçut le nom de Catherine-Henri. Une seconde fille succédant à ce frère, ne put aspirer à la gloir d'un baptême aussi illustre: mais depuis l'articulation de la première parole, elle se joignait à son frère et à sa soeur pour célébrer une marraine à qui ils devaient l'existence. Son nom auguste était béni tous les jours dans ce fortuné manoir. L'Impératrice eut la bonté de jouir de Son ouvrage.

Cette famille fut donc pendant trois ans une des plus heureuses de la terre, lorsque la révolution éclata et en fit une des plus malheureuses.

Le frère ainé de la jeune Comtesse de Beuil en fut, peu de semaines après la prise de la Bastille, une des premières et des plus déplorables victimes. Un nouveau règlement du Ministre de la guerre avait inventé le grade de major en second pour ceux des jeunes gens de la Cour qui devaient ensuite devenir colonels et obtenir les régiments. Le Comte de Beuil et son beau-frère, le jeune Vicomte de Belsunce avaient été placés en même temps dans cette qualité, l'un au régiment du Maine alors en Corse, l'autre au régiment de

---

щему во Франціи обычаю, назначить дѣвочкѣ двухъ крестныхъ матерей и одного крестнаго отца, она дозволила чтобы Великая Княжна Елена Павловна и Великій Князь Александръ Павловичъ были вмѣстѣ съ нею воспріемниками. Ребенокъ былъ окрещенъ именами: Екатерины — Елены — и Александры и существуетъ на свѣтѣ теперь ужъ 10 лѣтъ подъ именемъ Катеньки. Родившійся послѣ нея братъ, сдѣлался, съ согласія Императрицы, и на счастіе ребенка, также ея крестникомъ и названъ: Екатерина—Генрихъ. Слѣдовавшая за тѣмъ вторая дочь не могла уже претендовать на столь знатныя крестины; но, съ первымъ произнесеннымъ ею словомъ, стала вмѣстѣ съ братомъ и сестрою восхвалять крестную мать, которой они обязаны средствами существованія. Августѣйшее имя ея было ежедневно благославляемо въ этомъ счастливомъ жилище. Императрица была такъ добра, что наслаждалась плодами своихъ попеченій.

Въ теченіе трехъ лѣтъ семейство это было счастливѣйшимъ на землѣ, покуда разразившаяся революція не сдѣлала его однимъ изъ самыхъ несчастныхъ.

Старшій братъ графини де-Бейль сдѣлался, чрезъ нѣсколько недѣль послѣ взятія Бастиліи, одною изъ первыхъ и самыхъ плачевныхъ жертвъ. Новое распоряженіе военнаго министра установило чинъ секундъ-маіора, для тѣхъ изъ придворныхъ молодыхъ людей, которые за тѣмъ должны были сдѣлаться полковниками и получать командованіе полкомъ. Графъ де-Бейль и его шуринъ, молодой Виконтъ де-Бельзёнсъ, одновременно получили эту должность, одинъ въ Майнцкомъ полку, находившемся

Bourbon, en garnison à Caen en Normandie. Les scélérats qui avaient formé le projet de bouleverser la France, employaient deux moyens également efficaces puis qu'on les laissait faire; l'un de soulever par tout la populace, l'autre de séduire et débaucher les corps militaires. Ils eurent besoin pour leurs vues criminelles d'un soulèvement à Caen. Le régiment de Bourbon les gênait, ils voulurent le débaucher. Il n'y eut pas moyen; ce régiment fut inaccessible à la corruption. Les soldats affectionnaient beaucoup leur jeune major en second qui s'était logé avec eux aux casernes et qui ne les quittait ni jour ni nuit. On sentit qu'il fallait se défaire et du régiment et de l'officier qui avait tant de crédit sur lui. Celui-ci fut donc accusé, suivant l'usage alors à la mode, de conspirer contre le salut du peuple et tandis qu'on l'avait conduit à la municipalité pour s'y justifier, le commandant de la province qu'on tenait à peu près prisonnier dans la citadelle, fut forcé de signer un ordre qui enjoignait au régiment de quitter immédiatement la ville. Il ne fut pas difficile au jeune Vicomte de Belsunce de détruire des accusations aussi vagues qu'absurdes; mais au lieu de le rendre à son corps qui s'était formé hors de la ville pour l'attendre, on le conduisit en prison, sous prétexte de le préserver de l'effervescence du peuple, à laquelle on espérait, disait-on, de le soustraire pendant la nuit. Bientôt cette prison se trouva forcée par une populace furieuse: la victime en fut arrachée, tuée à coups de fusil, déchirée en lambeaux et mangée par des furieux, ivres de sang et de carnage.

въ Корсикѣ, другой въ Бурбонскомъ полку, стоявшемъ гарнизономъ въ Канѣ, въ Нормандіи. Изверги, замышлявшіе разрушеніе Франціи, употребляли для этого, такъ какъ никто имъ въ томъ не препятствовалъ, два средства одинаково дѣйствительныя: одно — возмущеніе черни, и другое — подкупъ солдатъ. Ихъ преступные виды нуждались въ востаніи въ Канѣ. Бурбонскій полкъ мѣшалъ имъ; они захотѣли развратить его, но это имъ не удавалось; полкъ этотъ былъ неподкупенъ. Солдаты были преданы своему молодому секундъ-маіору, поселившемуся съ ними въ казармахъ и непокидавшему ихъ ни днемъ ни ночью. Злодѣи понимали, что нужно было отдѣлаться и отъ полка и отъ пользовавшагося такимъ кредитомъ офицера. По заведенному въ то время обычаю, его обвинили въ заговорѣ противъ народнаго благоденствія и покуда онъ находился въ городской думѣ для оправданія, начальникъ провинціи, котораго держали почти плѣнникомъ въ цитадели, принужденъ былъ подписать приказъ объ удаленіи полка изъ города. Не трудно было молодому Виконту де-Бельзёнсъ опровергнуть неопредѣленныя и безсмысленныя обвиненія; но, вмѣсто того, чтобы возвратить его полку, который въ ожиданіи того построился за городомъ, его отправили въ тюрьму, подъ предлогомъ спасти отъ народнаго бѣшенства, надѣясь, какъ говорили, освободить его ночью. Вскорѣ въ тюрьму нахлынула разъяренная чернь; жертва была исторгнута, умерщвлена ружейными выстрѣлами, разтерзана на куски и съѣдена разсвирѣпѣвшими злодѣями, опьянѣвшими отъ крови и грабежа.

Il est plus aisé d'imaginer l'état de sa malheureuse soeur et de son malheureux frère que d'en donner une idée. L'Impératrice daigna y prendre la part la plus généreuse, et voyant les affaires journellement empirer pendant les années 1790 et 1791., au point de rendre la France absolument inhabitable pour les honnêtes gens, S. M. ne cessa de me presser de tirer la jeune Csse. de Beuil avec son mari et ses enfans de ce gouffre.

C'était bien aussi ma pensée. Il n'était que trop prouvé qu'on ne pouvait plus exister sur cette terre de désolation. Le projet était formé de longue main d'en rendre à force d'avanies et de persécutions, le séjour insupportable à la noblesse, d'ouvrir d'un autre côté avec la plus grande facilité toutes les barrières à l'émigration, afin d'en faire avec le temps un crime de lèse-nation, pour dépouiller les émigrés de leurs propriétés. Mais plus ce projet était insidieux et perfide, moins je crus qu'il fût permis de donner des conseils. Dans une crise aussi violente et dont personne ne pouvait calculer les suites, chacun ne pouvait plus prendre conseil que de son propre coeur et ne devait se conduire que d'après ses principes et sa conscience. Je ne parlai donc au Comte de Beuil ni de l'opinion de l'Impératrice, ni de la mienne; c'est lui qui après s'être consulté avec sa femme, vint me déclarer que son parti était pris de quitter la France et il exécuta ce projet vers la fin de l'année 1791. Ce parti devait lui coûter plus qu'à personne, car il aimait l'héritage de ses pères avec passion et ses paysans qui l'ado-

---

Легче вообразить, чѣмъ описать состояніе несчастныхъ — сестры и брата. Императрица соблаговолила принять въ этомъ событіи самое милостивое участіе, видя, что въ теченіи 1790 и 1791 гг. дѣла ежедневно ухудшались до того, что дѣлали Францію совершенно неудобною для жительства честныхъ людей, Ея Величество не переставала настаивать, чтобы я извлекъ изъ этой пропасти молодую графиню де-Бейль съ мужемъ и ея дѣтьми. Это было также и моею мыслію. Не нужно доказывать, что не было никакой возможности долѣе существовать на сей землѣ отчаянія. Уже давно составленъ былъ проектъ, чтобы съ одной стороны притѣсненіями и преслѣдованіями содѣлать пребываніе невыносимымъ для дворянства; а съ другой,—открыть всѣ преграды, для легчайшаго эмигрированія, дабы со временемъ можно было обвинить ихъ въ преступленіи нарушенія народныхъ правъ, и чрезъ то лишить эмигрантовъ собственности, Чѣмъ коварнѣе и безчестнѣе былъ этотъ проектъ, тѣмъ менѣе, думалось мнѣ, имѣлъ я право подавать совѣты. Въ такомъ насильственномъ кризисѣ, послѣдствій котораго предъугадать было невозможно, никто не долженъ искать совѣта иначе, какъ только въ собственномъ сердцѣ, и поступать не иначе, какъ по своимъ правиламъ и совѣсти. Вслѣдствіе этого, я не говорилъ графу де-Бейлю ни о мнѣніи Императрицы, ни о своемъ мнѣніи; графъ самъ объявилъ мнѣ, что по совѣщаніи съ своею женою, онъ рѣшился покинуть Францію, и привелъ въ исполненіе это около конца 1791 года. Такое рѣшеніе было ему тяжелѣе чѣмъ всякому

raient, le conjuraient de rester et s'engageaient à le défendre jusqu'à la dernière goutte de leur sang.

Sa femme alla avec ses trois enfans habiter successivement Tournay, Bruxelles et vers l'été de 1792 Aix-la-Chapelle; toutes ces villes regorgeaient d'émigrés. Lui, de son côté, se rendit à Coblence pour faire la campagne. Il trouva le Prince de Nassau qui, n'ignorant pas la protection de S. M. I., m'offrit de le prendre pour son aide de camp. Sur le compte que j'eus rendu à l'Impératrice, S. M. permit au Comte de Beuil de porter l'uniforme Russe, puisque son service le fixait auprès d'un officier général de ses armées.

Ma santé m'avait obligé d'aller au printems de 1792 à Carlsbad. Je revins à Francfort au moment du couronnement de l'Empereur François II, et me rendis ensuite à Aix-la-Chapelle, retrouver ma pupille et ses enfans. Depuis leur émigration, j'étais devenu leur unique ressource. Le peu que son mari avait pu emporter de France, n'avait pas suffi pour son mince équipage et pour le mettre en état de faire la campagne. L'Impératrice m'avait accordé au commencement de cette année une somme de 6000 roubles pour ses protégés, mais partout où les émigrés se montraient, tout devenait dans l'instant hors de prix pour eux; partout ils étaient rançonnés sans pudeur et sans pitié, vexés, dépouillés, et j'eus le chagrin de voir ce bienfait s'éva-

---

другому; потому что онъ страстно любилъ наслѣдіе своихъ предковъ; преданные ему крестьяне, заклинали его остаться и обѣщали защищать до послѣдней капли крови.

Жена его съ тремя дѣтьми проживали послѣдовательно въ Турнэ, Брюсселѣ и лѣтомъ 1792 года въ Аахенѣ; всѣ эти города были переполнены эмигрантами. Самъ графъ отправился въ Кобленцъ, чтобы участвовать въ походѣ. Принцъ Нассаускій который зналъ о покровительствѣ, оказываемомъ ему Ея Императорскимъ Величествомъ, предложилъ мнѣ принять графа въ число своихъ адъютантовъ. Вслѣдствіе поданнаго мною Императрицѣ отчета, Ея Величество дозволила графу де-Бейлю носить русскій мундиръ, такъ какъ онъ состоялъ при одномъ изъ генераловъ ея арміи.

Здоровье мое принудило меня весною 1792 года отправиться въ Карлсбадъ. Я вернулся оттуда во Франкфуртъ во время коронованія Императора Франца II, и тотчасъ же отправился въ Аахенъ отыскивать мою питомицу и ея дѣтей. Со времени ихъ эмиграціи я сдѣлался ихъ единственною надеждою; то не многое, которое удалось мужу ея вывести изъ Франціи, было недостаточно для его скудной экипировки и для того, чтобы имѣть возможность отправиться въ походъ. Въ началѣ этого года Императрица пожаловала мнѣ сумму въ 6,000 рублей для покровительствуемыхъ ею; но вездѣ, гдѣ появлялись эмигранты, тотчасъ-же всё дорожало; вездѣ съ нихъ брали поборы, безъ стыда и милосердія, вездѣ они были притѣсняемы и обираемы; съ горемъ видѣлъ я, что благотвореніе это уходитъ на посторонніе расходы; по большимъ до-

porer en faux frais, sur les grands chemins, dans les auberges, sans procurer aucun bien réel à mes enfans infortunés.

L'issue désastreuse de la campagne, mit le comble à leur détresse, comme à celle de tous les émigrés. Aux désastres de la Champagne, succéda la conquête rapide des Pays-Bas par les Français, devenus républicains. Dans la plus mauvaise saison de l'année, il fallut se sauver avec précipitation d'Aix-la-Chapelle où le Comte de Beuil était revenu nous joindre, précédé et suivi d'une nuée d'émigrés, renvoyés des armées. Le grand chemin d'Aix-la-Chapelle à Dusseldorf était couvert de fugitifs, et les frais pour s'y transporter, pour y subsister à peine à l'abri des injures de l'air et des besoins physiques, s'élevaient à des sommes hors de toute proportion et de toute croyance.

En peu de semaines il m'en coûta 10,000 livres de France, pour être à peine logé, chauffé et nourri avec ma petite famille. C'était à peu près tout ce qui se trouvait dans ma caisse, et pour surcroît de bonheur, il me fut mandé de Paris qu'un voleur avait trouvé le moyen de se glisser dans ma maison, d'y forcer le secrétaire de mon gardien en son absence et de m'emporter une somme de 10,000 livres en assignats qu'on l'avait forcé de recevoir pour moi la veille, malgré lui.

Cette situation était trop violente pour la soutenir longtems. Les émigrés français étaient à peu près partout proscrits en Allemagne; mais l'uni-

---

рогамъ и въ гостинницахъ не доставляя никакихъ существенныхъ удобствъ моимъ несчастнымъ дѣтямъ.

Несчастный исходъ похода довершилъ ихъ бѣдствія, такъ же какъ и всѣхъ эмигрантовъ. За пораженіями въ Шампаньи, послѣдовало быстрое овладѣніе Нидерландами со стороны французовъ, сдѣлавшихся республиканцами. Въ самое дурное время года нужно было, опрометью бѣжать изъ Аахена, куда и графъ де-Бейль прибылъ, чтобы соединиться съ нами, предшествуемый и преслѣдуемый толпами эмигрантовъ, уволенными изъ армій. Большая дорога изъ Аахена въ Дюссельдорфъ была покрыта бѣглецами; расходы на переправленіе туда равно и существованіе ихъ тамъ, едва защищенными отъ суровости воздуха и обезпеченными въ своихъ нуждахъ, доходили до суммъ выше всякой соразмѣрности и всякаго вѣроятія.

Въ нѣсколько недѣль я истратилъ 10 т. франц. ливровъ, на плохое помѣщеніе, отопленіе и пропитаніе моего маленькаго семейства. Это было почти всё, что заключалось въ моей кассѣ, и къ бо̀льшему несчастію, меня увѣдомили изъ Парижа, что какой то воръ нашелъ возможность пробраться въ домъ мой, взломилъ конторку въ отсутствіе моего сторожа и похитилъ сумму въ 10 т. ливровъ ассигнаціями, которые тотъ былъ вынужденъ взять для меня, наканунѣ ихъ похищенія.

Положеніе было слишкомъ ужасно, выносить его долѣе не было никакой возможности. Французскіе эмигранты были почти повсюду изгоняемы изъ Германіи; но

forme que le Comte de Beuil avait la permission de porter, et le chiffre dont sa femme était décorée, fournissaient un puissant prétexte en leur faveur pour une heureuse exception de la rigueur de cette règle. Je pris donc la résolution de les faire partir avec leurs enfans, au milieu du mois de décembre par un tems et des chemins effroyables, pour Gotha, où le Duc les accueillit avec la plus généreuse hospitalité, et où je les rejoignis en février 1793.

Le commencement de cette année funeste fut marqué par le plus horrible régicide. Peu de mois après, on me manda de France que le Département de Paris, une des autorités constituées, avait fait mettre le scellé dans ma maison. C'était une infraction violente contre le droit des gens, et cependant ceux à qui j'avais laissé à mon départ, mes pleins pouvoirs pour soigner mes affaires pendant mon absence, étaient déjà tellement intimidés qu'au lieu de réclamer en mon nom contre cette invasion dans mon bien et mes droits, ils prétendirent me la faire envisager comme une mesure conservatoire de ma propriété, dont je devais me féliciter, puisqu'elle la mettait à l'abri des voleurs, à la vérité, lorsque ceux-ci avaient fait leur coup. Ils laissèrent en conséquence paisiblement s'installer chez moi un gardien à mes frais et dépens.

Le but de cette mesure conservatoire se développa six mois après, vers l'automne, au moment où le crime exécrable de l'assassinat de la Reine fut

---

мундиръ, который графъ де-Бейль имѣлъ право носить и шифръ, которымъ жена его была украшена, представляли сильный предлогъ, для счастливаго исключенія изъ этого строгаго правила въ пользу ихъ. Я рѣшился отправить ихъ съ дѣтьми, въ половинѣ Декабря мѣсяца, въ ужаснѣйшую погоду и по ужаснѣйшимъ дорогамъ въ Готу, гдѣ герцогъ оказалъ имъ самое радушное гостепріимство, и я прибылъ къ нимъ туда же въ Февралѣ 1793 г.

Начало этого пагубнаго года было ознаменовано самымъ ужаснѣйшимъ изъ цареубійствъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, меня увѣдомили изъ Франціи, что Парижскій Департаментъ, одно изъ административныхъ учрежденій того времени, наложилъ печати на домъ мой. Это было насильственнымъ нарушеніемъ народнаго права; между тѣмъ тѣ, которымъ при отъѣздѣ я передалъ свои полныя права, чтобы они заботились о дѣлахъ моихъ во время моего отсутствія, были уже такъ напуганы, что, вмѣсто всякаго сопротивленія противъ этого нашествія на мое имущество и права мои, они вздумали увѣрить меня же, будто бы это мѣра охранительна для моей собственности, и что я долженъ радоваться тому, такъ какъ имущество мое ставится такимъ образомъ въ безопасность отъ воровъ, — т. е. послѣ того какъ они обдѣлали уже свое дѣло. Вслѣдствіе этого они преспокойно дозволили поселиться сторожу въ моемъ домѣ, на мой счетъ и иждивеніе.

Цѣль этой охранительной мѣры обнаружилась чрезъ шесть мѣсяцевъ, около осени,

ajouté à celui du Roi. Après avoir été pendant 18 ans, de notoriété publique, Ministre étranger, accrédité près de Louis XVI, on vint un matin, sans autre formalité, faire une descente dans ma maison, enlever les scellés, s'emparer de tout, en notifiant à mes gens, j'ignore encore aujourd'hui par l'autorité de qui et en vertu de quelle loi, que j'étais déclaré émigré. J'avais passé 45 ans de ma vie en France, j'y avais placé de bonne foi toute ma fortune; je n'avais pas un écu ailleurs. On saisit mes capitaux, mes rentes, tout mon revenu, au profit de la république. On enjoignit, sous peine de la vie, à tous ceux qui pouvaient avoir quelque chose à moi, de le déclarer sans délai et de le livrer aux autorités établies pour me dépouiller. Non seulement les gens d'affaires que j'avais chargés, en partant, des miennes, et les banquiers dépositaires de ma fortune, furent obligés de se soumettre à cette loi, mais de même que tous ceux avec qui j'avais conservé des relations en France, ils me firent insinuer par des voies indirectes, qu'une seule lettre de ma part à leur adresse, quelqu'en fût le contenu d'ailleurs, leur coûterait infailliblement la tête. Aussi depuis cette époque n'ai-je pas écrit une ligne en France.

Dans ma maison on mit d'abord dehors, sans les payer, les domestiques que j'avais laissés. Une personne qui était à la tête, depuis 15 ans, fut seule retenue pour fournir tous les éclaircissemens qu'on lui demanderait.

въ то время, когда гнуснѣйшее преступленіе — убійство королевы, — было присоединено къ убійству короля. Въ одно утро приходятъ ко мнѣ, бывшему завѣдомо всѣмъ мѣстнымъ властямъ, въ продолженіи 18-ти лѣтъ иностраннымъ дипломатическимъ лицемъ, аккредитованнымъ при Людовикѣ XVI, и безъ всякихъ формальностей, дѣлаютъ обыскъ въ моемъ домѣ, снимаютъ печати, захватываютъ всё, извѣщая при этомъ моихъ людей, что я — не знаю еще и по сіе время чьею властью, и въ силу какаго закона—объявленъ эмигрантомъ. Я прожилъ 45 лѣтъ моей жизни во Франціи; я помѣстилъ въ ней съ полнѣйшимъ довѣріемъ всё свое состояніе, и не владѣлъ ни одной копѣйкой внѣ ея предѣловъ. И вотъ, завладѣли моими капиталами, всѣми моими доходами, въ пользу республики. Отдано еще приказаніе, подъ опасеніемъ смертной казни, всѣмъ, у которыхъ могло быть что нибудь отъ меня, чтобы объявили о томъ, не медля, и выдали властямъ, учрежденнымъ для моего ограбленія. Не только повѣренные по дѣламъ, которымъ я поручилъ дѣла свои при отъѣздѣ, но и банкиры, хранители моего имущества, были вынуждены подвергнуться этому закону; а всѣ тѣ, съ которыми я сохранилъ нѣкоторыя сношенія во Франціи, сообщали мнѣ косвенными путями, что одного письма, адресованнаго къ нимъ отъ меня, какого бы содержанія оно ни было, будетъ не минуемо стоить имъ головы. За то, съ этого времени, я и одной строчки не писалъ во Францію.

Изъ дома моего, прежде всего, выгнали, не заплативъ ничего, прислугу, которую я оставилъ тамъ. Удержана была только одна личность, бывшая во главѣ всей про-

Elle se trouva d'autant plus exposée, que, bornée chez moi aux détails du ménage, elle n'avait nulle connaissance des mes affaires et ne put rendre compte de rien, ce qui dans ces tems atroces était déjà regardé comme un crime capital. Il ne tenait qu'à elle de se tirer de ce danger et même de se faire récompenser, en me dénonçant comme un monstre conspirant auprès de l'Impératrice contre la république. Tout ce qui aurait coloré tant soit peu la violence qu'on s'était permise, aurait procuré à la dénonciatrice la couronne civique avec une bonne part au vol; mais toutes ces insinuations ne lui firent aucune impression. Avertie sans cesse qu'elle risquait la vie en ne répondant pas, elle souffrit ce supplice pendant trois semaines que dura cette inquisition, et pendant cette longue agonie, elle s'exposa encore davantage, en réclament continuellement avec un courage et une intrépidité au dessus de son sexe, contre les procédés injustifiables qu'on se permettait envers moi. Les plus humains de ces déprédateurs l'avertissaient que ses propos la conduiraient à l'échaffaud, d'autres lui disaient par dérision que si j'étais Ministre étranger, il fallait m'avertir sans perte de tems de ce qui se passait chez moi, afin que je pusse faire mes réclamations et me faire rayer de la liste des émigrés. J'étais alors à 200 lieues de Paris et il ne leur fallut pas trois semaines pour démeubler et déménager toute ma maison. Mon mobilier en entier, habits, linge de corps et de ménage, meubles en bois d'acajou,

---

чей прислуги, и то для того, чтобы давать всѣ требуемыя отъ нея показанія. Положеніе этой личности была тѣмъ опаснѣе, что, будучи занята въ домѣ моемъ лишь подробностями по хозяйству, она не знала нисколько о моихъ дѣлахъ и не могла давать въ нихъ никакого отчета; а это было уже капитальнымъ преступленіемъ въ то ужасное время. Отъ нея зависѣло, конечно вполнѣ, чтобы выпутаться изъ этой опасности и даже быть вознагражденной, донести на меня какъ на чудовище, замышляющее при (Русской) Императрицѣ противъ республики. Все, чѣмъ бы только они не прикрасили это насиліе, которое они себѣ дозволили, доставило бы доносчицѣ вѣнецъ гражданскій, съ нѣкоторою доброю частью украденнаго; но всѣ эти внушенія на нее нисколько не подѣйствовали. Постоянно предостерегаемая тѣмъ, что она рискуетъ своею жизнію не отвѣчая имъ; она переносила эту пытку три недѣли, въ продолженіи которыхъ длилась эта инквизиція, и во время этой длинной агоніи, она подвергала себя опасности еще тѣмъ болѣе, что требовала постоянно правды, со смѣлостью и неустрашимостью, не свойственною ея полу, противъ неправедныхъ поступковъ въ отношеніи меня. Самые кроткіе изъ этихъ грабителей предупреждали её, что такія рѣчи ея доведутъ до эшафота; другіе же говорили ей въ насмѣшку,—если я былъ дѣйствительно иностраннымъ дипломатическимъ лицемъ, то слѣдовало извѣстить меня, не теряя времени, обо всемъ происшедшемъ здѣсь, дабы дать мнѣ возможность протестовать и устроить такъ, чтобы меня вычеркнули изъ списка эмигрантовъ. — Я былъ въ то время за 200 льё отъ Парижа, а имъ, чтобы

dont la plupart venaient de la manufacture de Neuwied, provisions de toute espèce, vaisselle, tableaux, bustes, bijoux et effets précieux, parmi lesquels un grand nombre de médaillons en or, successivement reçue de l'Impératrice; une bibliothèque amassée pendant toute ma vie, car j'avais, en arrivant en France, porté avec moi mes livres d'université et d'étude; toutes mes correspondances, mes manuscrits, beaucoup des papiers que des amis avaient mis en dépôt chez moi et qui ne m'appartenaient pas, tout fut enlevé et transporté je ne sais où, ou vendu à l'enchère, ou soustrait par ceux qui étaient préparés à ce pillage déloyal. J'ignore si l'on a fait un inventaire de mes effets, mais personne ne s'y étant trouvé de ma part, chacun de ces pillards était bien le maître d'en distraire sans autre forme de procès ce qu'il voulait s'approprier. C'est ainsi qu'en peu de jours je perdis le fruit, j'ose dire, de la sagesse de toute ma vie, ma fortune entière et me trouvais détroussé, nu comme j'étais venu au monde.

J'avais indépendamment de la valeur de mon mobilier, plus de 40,000 livres de rente, y compris les 10,000 livres ou 2000 roubles que je tenais de la munificence de l'Impératrice; il n'en resta pas vestige et si l'on avait pu m'enlever aussi ce bienfait de S. M., j'étais réduit à demander l'aumône. Ce qu'il y eut de plus pénible pour moi, c'est que quelques uns de mes amis en Allemagne, voulant placer, avant la révolution, une partie

---

вывезти мебель и весь мой домъ, не нужно было и трехъ недѣль. Все движимое имущество, платье, бѣлье, мебель краснаго дерева, большею частію съ фабрики Нейвида, всякаго рода запасы, посуда, картины, статуи, драгоцѣнныя вещи, между которыми большое количество золотыхъ медальоновъ, послѣдовательно полученныхъ отъ Императрицы; библіотека, собираемая во всю мою жизнь, (ибо, по прибытіи во Францію, я привезъ съ собою свои университетскія и учебныя книги); всю мою переписку, мои рукописи, много бумагъ, которыя друзья мои сложили у меня и которыя не принадлежали мнѣ, — все было расхищено и перенесено — куда, мнѣ неизвѣстно, или продано съ публичнаго торга или выкрадено тѣми, которые были приготовлены къ этому грабежу. Я не знаю, была ли сдѣлана опись моимъ вещамъ, но при этомъ съ моей стороны никого небыло; всякій изъ этихъ грабителей имѣлъ право присвоить себѣ, безъ дальнихъ церемоній, то, чѣмъ желалъ завладѣть. Вотъ такимъ то способомъ я потерялъ въ нѣсколько дней плоды всей, смѣю сказать, разумно проведенной жизни, всё свое имущество и былъ обобранъ до гола, какъ только что родившійся на свѣтъ.

Независимо отъ моего движимаго имущества я имѣлъ болѣе 40 т. ливровъ дохода, считая и 10 т. ливровъ или 2 т. рублей, получаемыхъ отъ щедротъ Императрицы; слѣда ихъ даже не осталось и если бы могли отнять также у меня и благотвореніе Ея Величества, я былъ бы вынужденъ просить милостыню. Самымъ тягостнымъ было для меня то, что нѣкоторые изъ моихъ друзей въ Германіи, пожелавшіе,

de leur fortune dans les fonds de France et se fiant comme moi, sur l'inviolabilité de mon caractère, m'avaient prié de placer leurs fonds, comme les miens, sous mon nom, afin d'échapper à toutes les formalités embarrassantes pour des absens. Ils se trouvèrent ainsi enveloppés dans ma proscription, et la loyauté républicaine, non contente de m'avoir dépouillé, fit encore de moi un banqueroutier.

Tandis que mes fondés de procuration, glacés par la terreur, n'osaient risquer la plus légère réclamation, d'autres citoyens, de leur propre mouvement, sans aucune autorisation de ma part, comme je l'ai appris depuis, avaient tenté d'arrêter ou de faire réparer par leurs remontrances un procédé aussi inique de la République. Le citoyen Barthélemy avait écrit plusieurs fois de Bâle à Paris contre une mesure aussi violente. J'avais connu Mr. Barthélemy sous l'ancien régime, estimé au bureau des affaires étrangères sous Mr. de Vergennes et Mr. de Montmorin; mais je n'avais certainement pas fait solliciter le citoyen Barthélemy de s'employer pour moi. Ses démarches restèrent sans effet, mais il faut toujours lui en savoir gré, puisque sous le règne de Robespierre, elles suffisaient pour l'exposer au plus grand danger. Un certain Maret que je n'ai jamais vu et qui fut depuis enlevé par les Autrichiens avec Semonville et sa séquelle, sur les confins de l'Italie, avait été aussi plusieurs fois de la part du Ministre des affaires étran-

---

до революціи, помѣстить часть своего состоянія во французскіе фонды, и довѣряя также какъ и я въ неприкосновенность моего званія, просили меня помѣстить ихъ капиталы, вмѣстѣ съ моими, подъ моимъ именемъ, дабы избѣгнуть всѣхъ затруднительныхъ для отсутствующихъ формальностей. Они содѣлались также включенными со мною въ опалу, и республиканская честность, не довольная тѣмъ, что ограбила меня, сдѣлала изъ меня еще и банкрута.

Между тѣмъ какъ, уполномоченные мною довѣрительными письмами, оцѣпенѣлые отъ ужаса, не осмѣливались сдѣлать малѣйшей протестаціи, другіе граждане пытались, какъ я узналъ потомъ, по своему побужденію, безъ всякаго полномочія съ моей стороны, остановить или исправить своими увѣщаніями столь неправедные поступки республики. Гражданинъ Бартелеми писалъ нѣсколько разъ изъ Базеля въ Парижъ противъ столь насильственной мѣры. Я зналъ, что г-на Бартелеми еще при прежнемъ правленіи уважали въ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ, во время управленія ею Г-дами де-Вержена и Монморена; но я, конечно, не домогался его ходатайства. За старанія его, хотя и оставшіяся безъ послѣдствій, всё-таки я обязанъ ему благодарностію, такъ какъ въ правленіе Робеспіера, было того достаточно, чтобы подвергнуть себя величайшей опасности. — Нѣкто Маре, котораго я никогда не видалъ и котораго потомъ схватили съ Семонвилемъ и его свитою австрійцы, на границѣ Италіи, дѣлалъ также нѣсколько разъ представленія, чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ Парижскому департаменту, убѣждая его остановить столь гнусное нарушеніе

gères, faire des représentations au Département de Paris, pour l'engager à surseoir à une violation aussi odieuse du droit des gens; mais il est de l'essence de l'égalité que les autorités respectives du Gouvernement n'aient aucune déférence les unes pour les autres, encore bien moins peut-il être question de subordination dans un tel système. Le concert et la réunion de plusieurs autorités se trouveront toujours aisément pour faire le mal, jamais pour l'empêcher. En conséquence le Département de Paris envoya promener le citoyen Maret avec ses représentations et lui demanda de quel droit le Ministre des affaires étrangères se mêlait de celles du Département.

L'Impératrice apprit cette opération républicaine vers la fin de l'année 1793, et S. M. se regarda comme la cause première de cette catastrophe. La vérité ne me permit pas d'en disconvenir avec elle; mais sous ce point de vue mon désastre me paraissait un titre de gloire. Ce n'était pas sans doute le Ministre insignifiant du Duc de Saxe-Gotha qui pouvait s'attirer l'attention et exciter la convoitise des brigands qui gouvernaient la France; mais l'homme connu pour être honoré depuis tant d'années de la correspondance directe de l'Impératrice, ne pouvait manquer de leur être suspect. De toutes les puissances liguées contre le monstrueux gouvernement de la France, la plus éloiguée leur paraissait la plus redoutable, c'était celle qu'ils haïssaient le plus. En se décidant à cette violence envers moi, ils espéraient trouver de quoi la

---

народныхъ правъ; но сущность равенства состоитъ именно въ томъ, чтобы власти правленія не имѣли взаимно никакого уваженія однѣ къ другимъ, еще того менѣе, могъ бы быть вопросъ о подчиненности въ такой системѣ. Согласіе и единомысліе нѣсколькихъ властей достигалось всегда и очень легко на то, чтобы сдѣлать зло, но никогда, чтобы воспрепятствовать ему. Вслѣдствіе этого Парижскій департаментъ отстранилъ гражданина Маре съ его представленіями, спросивъ при этомъ, по какому праву министръ иностранныхъ дѣлъ вмѣшивается въ дѣла департамента.

Императрица узнала объ этой республиканской операціи около конца 1793 года; Ея Величество считала себя главною причиною этой катастрофы. Истина же не дозволяла мнѣ не признаться въ этомъ Государынѣ; но съ этой точки зрѣнія бѣдствія мои казались заслугой къ славѣ. Безъ сомнѣнія, малозначущій посланникъ герцога Саксенъ-Гота не могъ бы привлечь на себя вниманіе и возбудить алчное желаніе разбойниковъ, управлявшихъ Франціею; но человѣкъ извѣстный, удостоенный быть въ прямой перепискѣ съ Императрицею въ продолженіи столькихъ лѣтъ, не могъ не быть имъ подозрителенъ. Изъ всѣхъ державъ, соединившихся противъ чудовищнаго правленія Франціи, самая отдаленная казалась имъ самою опасною, и ее то они ненавидѣли болѣе всѣхъ. Рѣшаясь на это насиліе противъ меня, они надѣялись найти тутъ же, чѣмъ бы могли и оправдать себя, перехвативъ переписку или скандалезно-аристократическую или совершенно злоумышляющую противъ французской свободы.

justifier par la saisie d'une correspondance ou scandaleusement aristocratique ou directement conspiratrice contre la liberté française. Leur fureur fut à son comble de ne trouver chez moi que des portraits de l'Impératrice et de la famille impériale, et pas une ligne de S. M., pas une des miennes adressées à cette auguste Princesse. Dans un premier accès de rage les portraits furent déchiquetés et mis en pièces et leur espérance trompée, comme il arrive, au lieu de les radoucir, les exaspéra contre moi.

La preuve qu'ils n'en voulaient pas à un Ministre de la maison de Saxe, c'est qu'avant, pendant et longtems après mon pillage, durant tout le règne affreux de Robespierre, l'habitation du Comte de Salmour, Ministre de l'Electeur, resta intacte, tandisque les troupes de son maître se battaient tous les jours sur le Rhin, et qui pis est, avec distinction, contre les républicains. On ne mit point de scellés chez lui; sa maison, ses gens qu'il y avait laissés, ses effets, tout fut scrupuleusement respecté. Toutes les semaines il recevait des nouvelles de son homme d'affaires, et y répondait sans gêne. Cette sûreté ne peut qu'avoir augmenté depuis deux ans.

Un cas bien plus remarquable est celui du Comte Mercy Argenteau, Ambassadeur de la Cour de Vienne en France, où il avait acheté des terres considérables et bâti à Paris un superbe hôtel pour son habitation. Il avait d'ailleurs une fortune immense dont sûrement une grande partie était placée

---

Бѣшенство ихъ достигло высшей степени, когда, кромѣ портретовъ Императрицы и Императорской фамиліи, они не нашли у меня ни одной строчки отъ Ея Величества ко мнѣ, также и отъ меня адресованныхъ къ ея августѣйшей особѣ. Въ первомъ припадкѣ бѣшенства портреты были разрѣзаны и разорваны въ куски, а ихъ обманутая надежда, какъ это часто бываетъ, вмѣсто того, чтобы успокоить, раздражила ихъ до крайности противъ меня.

Доказательствомъ тому, что они не злоумышляли противъ повѣреннаго Саксонскаго двора, было то, что до моего разграбленія, во время и послѣ онаго, и въ продолженіе всего ужаснаго царствованія Робеспіера, жилище графа Салмура, повѣреннаго по дѣламъ Курфирста, оставалось не тронутымъ, между тѣмъ, какъ войска его повелителя сражались противъ республиканцевъ всякій день на Рейнѣ, а что еще хуже, отличались въ сраженіяхъ съ ними. Печатей у него неприкладывали; домъ его, прислуга, которую онъ тамъ оставилъ, вещи его, все было тщательно сберегаемо. Каждую недѣлю онъ получалъ извѣстія отъ своего повѣреннаго по дѣламъ и отвѣчалъ ему, не стѣсняясь. Безопасность эта не могла иначе какъ увеличиваться въ теченіе двухъ лѣтъ.

Еще болѣе замѣчательный случай представляется съ графомъ де-Мерси-Арженто, посланникомъ Вѣнскаго двора во Франціи, который накупилъ тамъ значительныя земли и построилъ въ Парижѣ великолѣпный отель, для своего жилища. Кромѣ того, онъ имѣлъ огромное состояніе, изъ котораго, по всѣмъ вѣроятіямъ, большая часть

en France, puisqu'il comptait, comme moi, y achever sa vie. Au milieu de la guerre la plus sanglante et de toutes les injures scandaleuses prodiguées à la maison d'Autriche, on n'a touché à aucune des propriétés de son Ambassadeur, et il m'a été assuré que depuis sa mort, loin de rien confisquer, on a fermé les yeux sur toutes les aliénations et toléré sans difficulté le transport et la sortie de ses effets.

Enfin, le Nonce du Pape, aujourd'hui Cardinal de Dugnani, éprouva à peu près en même tems que moi, la même violence, mais il y a plus de deux ans que la République lui a fait offrir la réparation du mal souffert à cette occasion. Les effets qui existaient encore, on les a restitués. Le Nonce a été le maître d'évaluer lui même la perte qu'il avait essuyée par le pillage de sa maison, vaisselle etc. et on lui a remboursé la somme demandée, non en assignats ou chiffons de papier sans valeur, mais en lettres de change payables à Rome en deniers comptans. Il n'y a donc que moi, faible roseau auprès de ces chênes, qui suis resté écrasé.

Immédiatement après avoir eu connaissance de mon désastre, l'Impératrice m'envoya vers le commencement de l'année 1794 dans une de ses lettres confiées à la poste, pour 20,000 roubles de lettres de change, en me mandant qu'il était pressant de faire aller la marmite, et que dans le courant de l'année, elle m'enverrait encore 50,000 roubles pour les employer à l'acquisition soit d'une maison à Vienne, soit d'un bien de cam-

---

была помѣщена во Франціи, такъ какъ онъ, подобно мнѣ, расчитывалъ покончить въ ней свою жизнь. Во время войны самой кровопролитной и всякихъ скандалезныхъ оскорбленій, расточаемыхъ Австрійскому двору, ничего изъ собственности его посланника не тронули, и, какъ меня увѣряли, послѣ его смерти, не только ничто не было конфисковано, но дозволили отчужденіе его наслѣдства и безъ затрудненій допустили переноску и вывозъ его вещей.

Наконецъ папскій нунцій, нынѣ кардиналъ де-Дуньяни, испыталъ почти въ одно время со мною одинаковое насиліе, но уже болѣе двухъ лѣтъ, какъ республика предложила ему удовлетвореніе за понесенные при этомъ случаѣ убытки. Вещи, которыя оставались еще, были возвращены. Нунцій самъ могъ опредѣлить стоимость потери, которую онъ претерпѣлъ отъ разграбленія дома, посуды, и проч.; требуемая сумма была ему уплачена, не ассигнаціями или не имѣвшими цѣны клочками бумаги, но векселями на Римъ, уплачиваемыми наличною монетою. Только я, слабая трость предъ этими дубами, остался раздавленнымъ.

Тотчасъ по полученіи извѣстія о моемъ бѣдствіи, Императрица прислала мнѣ въ началѣ 1794 года по почтѣ, въ одномъ изъ ея писемъ, вексель въ 20 т. рублей, увѣдомляя меня, что надо поторопиться устроиться хозяйствомъ, а что въ теченіе года, она вышлетъ мнѣ еще 50 т. рублей на покупку или дома въ Вѣнѣ, или имѣнія по близости этой столицы, или въ какой угодно, по моему выбору, странѣ. Въ тоже

pagne à la proximité de cette capitale ou dans tout autre pays à mon choix. En même tems S. M. me défendit expressément de parler à personne de ce bienfait et ce ne fut pas sans une peine extrême que je me soumis à cet ordre.

J'observai à S. M. dans ma réponse que de tout tems sa bonté avait pourvu à faire aller la marmite; que son bienfait annuel de 2000 roubles, que les brigands régicides n'avaient pas pu, m'enlever, serait plus que suffisant pour cela, si le sort ne m'avait chargé de veiller à la subsistance de cette famille malheureuse dont elle avait été créatrice et qui, dépouillée, avant moi, de toute sa fortune, se trouverait, sans sa protection, réduite à la dernière misère; que bien loin d'employer un bienfait si considérable à faire aller ma marmite, ma conscience m'avertissait qu'il ne m'était accordé que pour le placer au profit de ces infortunés, seul emploi digne des vues bienfaisantes de leur auguste Protectrice. Effectivement, après avoir bouché les brêches que les fuites et calamités de toute espèce de l'année 1792 avaient faites à mon pitoyable trésor épuisé, je parvins à consigner environ 30 m. florins de l'empire à une maison de banque de Francfort qui les plaça dans les emprunts publics, principalement de Russie et une petite portion aussi dans ceux de Vienne et de Londres. Voilà tout ce qui me reste au monde depuis mon naufrage, et tout ce que je puis laisser après moi à cette famille éperdue. Quant aux 50 m. R. que la bonté Souveraine m'avait

---

время Ея Величество именно запретила говорить кому бы то не было объ этомъ благодѣяніи, и я, не безъ крайняго прискорбія, подчинился этому приказанію.

Въ отвѣтѣ своемъ я замѣтилъ Ея Величеству, что она по добротѣ своей постоянно озабочивалась объ устройствѣ моего хозяйства; и что ежегодно получаемые отъ ея щедротъ 2 т. рублей, которыхъ разбойники-цареубійцы не могли у меня отнять, были бы слишкомъ достаточны на это, если бы судьба не поручила мнѣ пещись о существованіи несчастнаго семейства, созданнаго ею, лишеннаго всего своего состоянія еще прежде меня, и которое безъ ея покровительства повергглось бы крайней бѣдности; вмѣсто того, чтобы употребить это значительное благотвореніе на устройство моего хозяйства, совѣсть указала мнѣ, что оно и было пожаловано съ тѣмъ, чтобы употребить ихъ въ пользу этихъ несчастныхъ; употребленіе единственно достойное благотворительныхъ видовъ августѣйшей покровительницы ихъ. И дѣйствительно, по уплатѣ нѣкоторыхъ долговъ, надѣланныхъ въ 1792 году, вслѣдствіе бѣгства и всякаго рода бѣдствій, изъ жалкой истощенной казны моей, мнѣ удалось отдать на сохраненіе одному банкирскому дому въ Франкфуртѣ около 30 т. имперскихъ флориновъ, помѣстившему ихъ въ государственные фонды по преимуществу Русскіе, и въ небольшой части въ Вѣнскіе и Лондонскіе. Вотъ все, что я могу оставить послѣ себя этому безнадежному семейству. Объ обѣщанныхъ мнѣ 50,000 руб., не было болѣе рѣчи, равно какъ и о суммѣ, помѣщенной въ Московскомъ воспитательномъ домѣ въ 1789 г.

annoncés, il n'en fut plus question, et comme de la somme placée sur les enfans trouvés de Moscou en 1789, je n'en entendis plus parler.

Cependant, la ressource de deux mille roubles qui me restait pour subvenir à mes besoins et à ceux de mes enfans adoptifs, devint de jour en jour plus insuffisante, à cause de l'excessive cherté que la guerre avait causée en Allemagne et dont les progrès devenaient de mois en mois plus effrayants. Malgré la pénurie dont je voyais les approches, je regardais comme un devoir indispensable de sacrifier tout pour l'éducation des trois enfans, devoir d'autant plus cher à mon coeur, que leur heureux naturel donnait les plus belles espérances.

An commencement de 1795 Katinka, âgée de 8 ans, eut l'audace d'écrire à son auguste marraine une lettre de nouvelle année. Cet enfant annonce, avec une figure distinguée les plus heureuses dispositions. Douée d'une grande vivacité, d'un coup d'oeil juste et pénétrant, s'occupant par goût et par besoin depuis le matin jusqu'au soir, elle fait, sous des maîtres, mêmes médiocres, des progrès rapides dans tout ce qu'elle entreprend. Elle a appris l'Allemand en peu de semaines sans s'en douter. Elle le parle, le lit, l'écrit, comme sa langue maternelle. Elle calcule avec une facilité étonnante. Elle a une très belle main. L'Impératrice me parla de sa lettre et de son écriture, avec cette bonté et cet intérêt qui n'appartenaient qu'à elle. Dès ce moment Katinka se regarda comme copiste brevetée par S. M. Lorsque j'avais

---

Но между тѣмъ, 2 т. рублей, оставшихся на покрытіе моихъ и моихъ пріемныхъ дѣтей нуждъ, становились съ каждымъ днемъ все болѣе недостаточны, вслѣдствіе чрезвычайной дороговизны, причиняемой войною въ Германіи, принимавшей ежемѣсячно все болѣе ужасающіе размѣры. Не смотря на приближающуюся бѣдность, я считалъ необходимою обязанностію пожертвовать всѣмъ на воспитаніе троихъ дѣтей, обязанность тѣмъ болѣе дорогую моему сердцу, что рѣдкія ихъ способности подавали самыя лучшія надежды.

Въ началѣ 1795 года, Катенька, 8-ми лѣтъ, возимѣла смѣлость написать своей августѣйшей крестной матери поздравительное, съ новымъ годомъ, письмо. Ребенокъ этотъ проявляетъ, при благородной наружности, самыя счастливыя предрасположенія. Одаренная большою живостью, вѣрнымъ и проницательнымъ взглядомъ, занимаясь по собственной охотѣ и по необходимости съ утра до вечера, она дѣлаетъ, даже при посредственныхъ учителяхъ, быстрые успѣхи во всемъ, за что она берется. Она выучилась по нѣмецки въ нѣсколько недѣль, сама того не замѣчая. Она говоритъ, читаетъ и пишетъ на немъ, какъ на своемъ природномъ языкѣ. Она считаетъ съ удивительною легкостью. Почеркъ ея прекрасный. Императрица упоминаетъ мнѣ о ея письмѣ и ея почеркѣ, съ добротою и участіемъ, свойственными только ей. Съ этого времени Катенька сдѣлалась привилегированною переписчицею Ея Величества. Когда мнѣ приходилось пріобщать къ моимъ пакетамъ копіи съ французскихъ и нѣмецкихъ

des pièces en français et allemand à ajouter à mes paquets, c'est elle qui les copiait, en mettant toujours au bas, Katinka, copiste de S. M. I. scripsit, et l'Impératrice ne manquait jamais de me charger de douceurs pour sa filleule sur la beauté et la correction de ses copies.

Plus ces détails m'attachaient à ces enfans et à leurs malheureux parens, plus je me sentis de trouble et d'inquiétude sur le sort qui les attendait après moi. Les affaires publiques ayant progressivement empiré, et l'espérance d'un changement favorable pour l'Europe m'ayant entièrement abandonné, je fus saisi dans le courant de cette année 1795, d'angoisses tellement violentes sur le sort de cette famille, qu'il ne me fut plus possible de les dérober à la confidente auguste de toutes mes peines comme de toutes mes jouissances. Je lui confiai donc que touchant au terme de la vie, et pouvant disparaître de la scène de ce monde, d'un moment à l'autre, j'avais besoin, pour fermer les yeux avec tranquillité, de lui léguer formellement une famille qui lui devait son existence; que le père portait son uniforme depuis 3 ans et n'aspirait qu'à mériter cette grâce; que la mère était décorée de Son chiffre depuis 13 ans; que les enfans étaient ses filleules et répondraient certainement à l'éducation que Sa bonté daignerait leur faire donner. Que quoiqu'il ne fût jamais entré dans mes projets de me rapprocher du séjour auguste, dont je m'étais arraché avec tant de peine il y a 18 ans, ni de revoir celle, qu'on y révère, depuis que j'étais parvenu à passer ma vie avec elle sans

---

документовъ, она всегда переписывала ихъ, выставляя при этомъ внизу,—Катенька, переписчица Ея Императорскаго Величества, scripsit — и Императрица никогда не пропускала случая передавать свое благоволеніе крестницѣ, за ея прекрасныя и правильныя копіи.

Чѣмъ болѣе подобныя мелочи привязывали меня къ этимъ дѣтямъ и ихъ родителямъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ я себя озабоченнымъ и безпокойнымъ объ участи, ожидающей ихъ послѣ меня. Общественныя дѣла прогрессивно ухудшались, и я потерялъ всякую надежду на благополучное для Европы измѣненіе ихъ; въ продоженіе 1795 года мною овладѣла тоска, до того сильная, объ участи этого семейства, что мнѣ невозможно было болѣе скрывать, ни всѣхъ моихъ горестей ни радостей, отъ августѣйшей покровительницы. Я довелъ до ея свѣдѣнія, что съ приближеніемъ къ концу жизни моей, чтобы закрыть глаза спокойно, мнѣ необходимо было формально завѣщать Государынѣ это семейство, обязанное ей своимъ существованіемъ; отецъ — носилъ уже три года мундиръ ея и не добивался ничего болѣе, какъ того, чтобы быть достойнымъ этой милости; мать — была пожалована ея шифромъ уже 13 лѣтъ тому назадъ; дѣти — ея крестники, будутъ навѣрное соотвѣтствовать тому воспитанію, которое доброта ея удостоитъ дать имъ. Хотя въ планы мои никогда не входило, ни приблизиться къ августѣйшему ея мѣстопребыванію, изъ котораго я вырвался съ такимъ трудомъ 18 лѣтъ тому назадъ, ни увидѣть вновь ту, которую тамъ обожаютъ, съ тѣхъ поръ, какъ я достигъ того,

avoir besoin de sa présence ou plutôt de la passer toute entière en sa présence sans la moindre importunité pour elle, j'étais cependant résolu de donner la dernière marque de tendresse à ces infortunés enfants, enles conduisant moi même et les déposant avec leurs parens aux pieds de leur unique, mais puissante protectrice, où je pourrais ensuite expirer moi-même de reconnaissance et finir ainsi au comble du bonheur; ou bien, si mon espérance était trompée et ma vie prolongée contre mon voeu, je retournerais quelque part en retraite, pour achever de vivre solitairement loin d'elle et toutefois toujours avec elle.

L'Impératrice me répondit sans délai: Qu'elle acceptait le legs que je lui faisais; qu'elle avait toujours regardé la Comtesse de Beuil et ses enfans comme chose à elle appartenante, mais que l'année était trop avancée pour songer à un si long voyage: qu'il fallait le renvoyer au printems prochain; qu'alors je débarquerais avec ma caravane à Czarskoé Sélo et que pendant ce séjour et la belle saison, nous aurions le tems d'arranger son sort.

Lorsque cependant vers l'automne de cette année, l'irruption des républicains en Allemagne de ce côté-ci du Rhin compromit, à l'improviste, jusqu'à la sûreté de mon asyle, S. M. à peine instruite de ces évènemens, m'écrivit qu'ayant le dos libre, je ne devais me trouver dans aucun embarras, puisqu'à l'approche du danger, je n'avais qu'à me retirer tout doucement en arrière et m'acheminer vers le nord avec ma caravane; que cela serait toujours autant de gagné sur la route de l'année prochaine. En même tems,

---

чтобы проводить жизнь свою съ нею, не имѣя нужды въ ея присутствіи, нисколько не докучая ей; но я рѣшился дать послѣднее доказательство нѣжной любви этимъ несчастнымъ дѣтямъ, проводивъ ихъ лично и повергнувъ вмѣстѣ съ родителями къ ногамъ ихъ единственной, но могущественной покровительницы, гдѣ и я тотчасъ-же могъ бы умереть отъ признательности и покончить такимъ образомъ свое существованіе, достигнувъ блаженства, или, — если моя надежда меня обманываетъ и жизнь моя продолжится противъ моего желанія долѣе, — возвратиться въ какое нибудь убѣжище, чтобы покончить жизнь уединенно, вдали отъ нея, и однако всегда съ нею.

Императрица, не медля, отвѣчала мнѣ, что она согласна на дѣлаемое мною завѣщаніе, и что она всегда считала графиню де-Бейль и дѣтей ея предметами, принадлежащими ей, но что теперь уже слишкомъ позднее время года, чтобы можно было думать о такомъ дальнемъ путешествіи; отправить же ихъ нужно будетъ слѣдующею весною, и тогда я со своимъ караваномъ отправлюсь въ Царское Село и во время пребыванія тамъ и хорошаго времени года, намъ будетъ можно устроить судьбу ихъ.

Но когда около осени этого года, внезапное вторженіе республиканцевъ въ Германію по сю сторону Рейна сдѣлало не безопаснымъ мое убѣжище, Ея Величество, только что извѣстясь объ этихъ происшествіяхъ, написала мнѣ, что, имѣя тылъ свободнымъ, я не могу затрудняться въ отступленіи, и что при приближеніи опасности, мнѣ слѣдуетъ понемногу отступать и направляться къ сѣверу съ своимъ караваномъ,

S. M. m'envoya dix mille roubles pour être employés aux frais du voyage. J'avais effectivement fait à la hâte beaucoup de dépenses en préparatifs de ma fuite; mais finalement l'Allemagne en deçà du Rhin se trouva préservée cette année par les armes Autrichiennes.

Quoique la fluctuation continuelle des événemens n'offrît à l'âme aucun appui, aucun motif de tranquillité et que j'eusse perdu la mienne depuis longtems, l'acceptation formelle de mon legs par l'Impératrice me la rendit entièrement et je dis plus d'une fois à mes enfans adoptifs, que ce qui pouvait actuellement leur arriver de plus heureux, serait que je vinsse à finir ma pénible carrière, parceque j'avais toujours remarqué dans l'Impératrice, un penchant si religieux à remplir le voeu des mourants, que dans ce cas ils pourraient regarder leur sort comme assuré bien au delà de leurs espérances.

Mais S. M. étendit sa bonté plus loin encore. J'avais réussi vers la fin de cette année à faire sortir de France cette Antoinette Marchais qui avait été surintendante de ma maison à Paris; à qui son nom de baptême était déjà reproché comme un crime, parcequ'il était celui de la plus malheureuse des Reines et qui lors du pillage de ma maison n'avait échappé à l'échafaud que par miracle. Heureux de l'avoir tirée du gouffre où elle dépérissait, je ne pus m'en taire à S. M., mais le sort que je lui avais destiné après moi, avait été détruit avec ma fortune. Avant la révolution, le bonheur de ma

---

такъ какъ такимъ образомъ выгадывается часть пути слѣдующаго года. Въ тоже время Ея Величество выслала мнѣ 10 т. рублей на путевыя издержки. Приготовляясь на скорую руку къ моему бѣгству, я сдѣлалъ дѣйствительно большіе расходы; но наконецъ Германія, по ту сторону Рейна, была обезопасена въ этомъ году австрійскими войсками.

Хотя постоянное движеніе событій не представляло душѣ никакой поддержки и никакого побужденія къ спокойствію, котораго я лишился уже давно; но формальное принятіе моего завѣщанія Императрицею возвратило мнѣ мое спокойствіе совершенно, и я говорилъ не разъ моимъ пріемнымъ дѣтямъ, что самое благополучное, могущее съ ними случиться теперь, было бы, если бы я покончилъ свою многотрудную карріеру, такъ какъ я всегда замѣчалъ въ Императрицѣ религіозную наклонность, выполнять желаніе умирающихъ, и что въ этомъ случаѣ онѣ могутъ разматривать судьбу свою, обезпеченною свыше ихъ надеждъ.

Ея Величество распростерла доброту свою еще далѣе.—Около конца этого года мнѣ удалось увести изъ Франціи Антуанетту Марше, бывшею главною надзирательницею моего дома въ Парижѣ; ей ставили уже въ преступленіе ея имя, принадлежавшее также самой несчастной изъ королевъ, и которая, послѣ разграбленія дома моего, по какому то чуду, избѣгла эшафота. Я былъ счастливъ, что мнѣ удалось исторгнуть ее изъ пропасти, въ которой она погибала, я не могъ умолчать объ этомъ предъ Ея Величествомъ; но участь, которую я ей готовилъ послѣ себя, была раз-

vie consistait à penser que la Comtesse de Beuil hériterait de moi de 15 à 20 mille livres de rente; que j'avais pourvu au sort d'Antoinette Marchais, en lui assurant un revenu de trois mille livres; qu'enfin tous mes domestiques, les vieux surtout, seraient mis à l'abri du besoin par un traitement suffisant. Mon testament subsistait; mais la fortune dont il disposait, avait disparu.

L'Impératrice n'oublia pas dans ses lettres Antoinette Marchais: Si Vous venez l'année prochaine, me dit-elle, Vous l'amenerez avec Vous; si elle ne vient pas, Vous me direz ce que je dois faire pour elle.

S. M. était instruite dequis plus d'un an que le Comte de Beuil avait été placé dans le régiment de Castries à la solde d'Angleterre. Ce corps ayant rétrogradé avec le reste de l'armée alliée depuis la Hollande jusqu'à l'embouchure de l'Elbe, devait enfin passer en Angleterre dans la plus mauvaise saison, vers la fin de l'année 1795, et avait effectivement fait son trajet pendant cette longue tempête qui avait jeté plusieurs bâtimens de transport anglais avec des émigrés sur les côtes de France. Ce trajet ne pouvait manquer de nous inquiéter et de nous faire craindre d'apprendre à tout moment un nouveau désastre personnel, mais il ne pouvait pas certainement me passer par l'esprit d'entretenir l'Impératrice de nos appréhensions; c'est elle qui ayant remarqué ces malheurs, dans les gazettes peut-être, eut la bonté de me marquer de l'inquiétude sur le Comte de Beuil et de me demander si j'étais

---

рушена вмѣстѣ съ моимъ состояніемъ. До революціи, счастіе моей жизни состояло въ мечтахъ, что графиня де-Бейль наслѣдуетъ отъ меня отъ 15 т. до 20 т. ливровъ дохода; что Антуанеттѣ Марше я назначалъ доходъ въ 3 т. ливровъ; и что наконецъ вся моя прислуга, въ особенности старики, будутъ поставлены внѣ нужды достаточнымъ содержаніемъ. — Завѣщаніе мое существуетъ; но состояніе которымъ оно распологало, изчезло.

Императрица не забыла въ своихъ письмахъ Антуанетту Марше: «когда вы пріѣдете въ будущемъ году,» писала она мнѣ, «привезите ее съ собою; если же она не захочетъ пріѣхать, укажите мнѣ, что я должна сдѣлать для нея.»

Ея Величество извѣстилась уже съ годъ, что графъ де-Бейль былъ помѣщенъ въ полкъ де-Кастри, на жалованьи отъ Англіи. Корпусъ этотъ, отступая, со всею остальною соединенною арміею, изъ Голландіи до устья рѣки Эльбы, долженъ былъ наконецъ отправиться въ Англію, въ самое дурное время, около конца 1795 года дѣйствительно переѣздъ былъ совершенъ во время той продолжительной бури, выбросившей нѣсколько англійскихъ транспортныхъ судовъ съ эмигрантами на берегъ Франціи. Переѣздъ этотъ не могъ не безпокоить насъ, заставляя опасаться услышать во всякую минуту еще о новомъ, личномъ для насъ, бѣдствіи. Мнѣ не приходило, конечно, и въ голову сообщить Императрицѣ о нашихъ опасеніяхъ, но она сама-узнавши, вѣроятно, изъ газетъ объ этомъ несчастіи, была такъ добра, что выказала свое сочувствіе о графѣ де-Бейль, и спросила меня, спокоенъ ли я на счетъ его

tranquille sur sa navigation. Voilà comme un ami peut pressentir et deviner le souci de son ami; mais je ne pense pas que jamais un tel commerce ait eu lieu d'un Souverain à un particulier.

Le Comte de Beuil avait bien échappé aux dangers de son orageuse navigation, mais il n'avait débarqué en Angleterre que pour y voir réformer le second bataillon de son régiment où lui-même était placé. C'était depuis 1792 la troisième tentative que j'avais faite pour le mettre à portée de servir la cause de son Roi. Toutes les trois, dont aucune ne s'était faite sans de grands efforts de dépense pour mes moyens, eurent la même issue. La seule satisfaction que je recueillis dans cette dernière occasion, fut le regret que me témoigna le Duc de Castries, chef très rigide et très difficile à contenter en fait de service, de perdre un officier de l'espèce du Comte de Beuil. Celui-ci rejoignit sa famille à Gotha au printems de 1796 et l'Impératrice lui permit expressément de reprendre l'uniforme Russe.

Dès le premier passage du Rhin tenté par les Républicains en 1795, l'idée de me voir exposé à quelque déplacement subit rendit à S. M. sa sollicitude pour sa correspondance. Elle fit renaître cette autre idée fatale, non d'exiger, comme elle en était parfaitement la maitresse, mais de me conseiller, en amie, la brûlure de toute sa correspondance, de peur de quelque accident imprévu dans un tems si fécond en accidens impossibles à

плаванія.—Только другъ можетъ такъ предчувствовать и предугадывать заботы своего друга; но я не думаю, чтобы когда нибудь такое отношеніе существовало между монархомъ и частнымъ лицемъ.

Хотя графъ де-Бейль избѣгнулъ удачно опасностей своего бурнаго плаванія, но высадился онъ въ Англіи лишь ко времени преобразованія тамъ 2-го баталіона своего полка. Эта была третья дѣлаемая мною съ 1792 года попытка, чтобы дать ему возможность служить дѣлу короля. Всѣ три попытки, изъ которыхъ не одна не обошлась безъ большихъ пожертвованій изъ моихъ средствъ, имѣли одинаковый исходъ. Единственное удовлетвореніе, полученное мною при этомъ послѣднемъ случаѣ, было сожалѣніе, выраженное мнѣ герцогомъ де-Кастри, начальникомъ очень строгимъ и очень взыскательнымъ въ дѣлѣ службы, о потерѣ такого офицера, какъ графа де-Бейль. Графъ присоединился къ семейству своему въ Готѣ, весною 1796 г. и Императрица разрѣшила ему опять надѣть русскій мундиръ.

Съ перваго же покушенія республиканцевъ перейти Рейнъ въ 1795 г., Ея Величество, предвидя необходимость какого нибудь внезапнаго для меня перемѣщенія, озабочивалась на счетъ своей переписки со мною. Въ ней возродилась снова несчастная мысль, опасеніе за нашу кореспонденцію, но она не требовала, на что имѣла полное право, но дружески совѣтывала мнѣ сжечь всю ея переписку, на случай какого либо непредвидѣннаго происшествія, въ столь обильное, на непредвидѣнныя происшествія, время. Я воспротивился, также какъ и прежде, этой мысли, столь па-

prévoir. Je combattis, comme autrefois, cette idée si funeste aux intérêts de mon coeur. Je fis part à S. M. de toutes les mesures de sûreté que j'avais prises pendant ma vie, pour préserver mon trésor de toute mésaventure, et en cas de mort, pour qu'il lui parvint intact. J'ajoutai qu'alors même il n'appartiendrait plus ni à elle ni à moi, parceque je comptais le léguer par mon testament à Monseigneur le Grand-Duc Alexandre Pawlowitz, sous la condition de ne l'ouvrir et de n'y jeter les yeux que dix ans après mon décès, par la raison que tout monument avait besoin de la consécration du tems. J'ajoutai aussi que si après tous ces motifs de tranquillité, S. M. persistait à exiger de moi cette destruction, j'etais prêt à lui faire aussi ce dernier sacrifice, et à compléter le catalogue de toutes mes pertes par la plus douloureuse de toutes. L'Impératrice me répondit avec la bonté à laquelle elle m'avait accoutumé: «Eh bien, puisque Vous y tenez si fort, gardez Votre trésor et n'en parlons plus». J'osai me flatter que le secret si religieusement respecté par moi pendant plus de vingt ans, n'avait pas peu contribué à cette détermination favorable.

Vers la fin de 1795 il me fut envoyé de Paris une espèce de panier avec quelques pièces de mousseline et trois paires de manchettes de dentelles, accompagné d'une facture où les pièces de mousseline étaint marquées, les unes de 24000 livres, les autres de 30000 livres, d'autres enfin de 36000 livres;

губной интересамъ моего сердца. Я увѣдомилъ Ея Величество о всѣхъ мѣрахъ предосторожности, принимаемыхъ мною, для охраненія своего сокровища отъ всякихъ случайностей, въ теченіе моей жизни, и для доставленія его ей неприкосновеннымъ въ случаѣ моей смерти. Я присовокупилъ, что даже и тогда, когда переписка эта не будетъ уже принадлежать ни ей, ни мнѣ, я предполагалъ оставить ее по завѣщанію Его Высочеству Великому Князю Александру Павловичу, съ условіемъ не вскрывать и не разсматривать ранѣе 10-ти лѣтъ послѣ моего погребенія, на томъ основаніи, что всякій памятникъ освящается лишь временемъ. Я присовокупилъ еще, что если послѣ всѣхъ этихъ успокоительныхъ доказательствъ Ея Величеству угодно будетъ настаивать на уничтоженіи переписки, то я готовъ сдѣлать ей и это послѣднее изъ моихъ пожертвованій и пополнять ихъ списокъ утратой, самой для меня прискорбной. Императрица, съ добротой ей свойственной, и къ которой она меня пріучила, отвѣчала мнѣ: «ну хорошо, такъ какъ вы очень дорожите вашимъ сокровищемъ, то и храните его и не будемъ болѣе говорить объ этомъ.» Я утѣшалъ себя, что тайна, хранимая столь свято въ продолженіе 20-ти лѣтъ, не мало способствовала этому благосклонному рѣшенію.

Въ концѣ 1795 г. мнѣ прислали изъ Парижа что-то въ родѣ корзины съ нѣсколькими кусками кисеи и тремя парами кружевныхъ нарукавниковъ, съ приложеніемъ счета, въ которомъ эти куски кисеи были означены: одни — въ 24 т., другіе — въ 30 т. и наконецъ еще другіе въ 36 т. ливровъ; три же пары нарукав-

les trois paires de manchettes ne coûtaient que 90000 livres. Autrefois elles auraient coûté 25 à 30 louis et dans le fait elles n'avaient pas changé de prix; mais toutes les marchandises s'étaient élevées à Paris à un taux aussi extravagant, parceque la monnaie de la république, les assignats, étaient avilis au point que pour 100 livres en papier, on recevait quelques sols en cuivre. J'appris avec une extrême surprise par cette facture que ce panier m'apportait toute la fortune que j'avais possedée en France, celle que la République m'avait enlevée et qu'elle me restituerait. Rien ne ressemblait mieux à un tour de Scapin. Voici la clef de cette énigme étrange.

Sous le règne du farouche Robespierre, ce qu'on appelait alors le gouvernement, peu avant ou après m'avoir nationalement volé, avait aussi mis le séquestre, dans un de ses accès frénétiques, sur le bien de tous les étrangers établis en France. Après la chûte de ce monstre, ce décret, pas plus violent ni plus atroce que cent, que mille autres qui subsistent, avait été révoqué. On avait, en conséquence, prononcé la levée du séquestre et la restitution des biens saisis, à leurs légitimes possesseurs. Cette levée coïncida avec le moment où l'assignat de cent livres valait depuis 7 à 8 jusqu'à 15 ou même 18 sols. C'est avec des assignats de cette valeur que la République remboursait les étrangers établis en France qu'elle avait spoliés, en donnant, en payement, à leur taux nominatif, des chiffons de papier qui d'heure en heure perdaient encore

---

никовъ стоили не болѣе 90 т. ливровъ. Прежде они стоили бы 25 или 30 луидоровъ, и на самомъ дѣлѣ, они и не мѣнялись въ цѣнѣ; но всѣ товары въ Парижѣ возвысились до такой сумасбродной цѣны, потому что монета республики, ассигнаціи, упали до такой степени, что за 100 ливровъ бумажками, получали всего нѣсколько мѣдныхъ су. Я, къ крайнему удивленію узналъ по этому счету, что корзина эта представляетъ все мое состояніе, которое я имѣлъ во Франціи, которое республика у меня похитила, и которое она мнѣ возвращаетъ обратно. Ничто болѣе не могло походить на выходку Скапена. Вотъ ключь этой странной загадки.

Въ царствованіе суроваго Робеспіера, — то что называлось тогда правительствомъ (не много прежде или послѣ моего разграбленія во имя народа), въ одномъ изъ его неистовыхъ припадковъ, наложило секвестръ, на имущества всѣхъ иностранцевъ, поселившихся во Франціи. Послѣ паденія этого изверга, постановленіе это, ни самое жестокое, ни самое ужасное изо ста или тысячи существующихъ другихъ, было отмѣнено. Вслѣдствіе этого, было объявлено о снятіи секвестра и возвращеніи отнятыхъ имуществъ законнымъ ихъ владѣльцамъ. Снятіе это случилось въ то время, когда ассигнація въ 100 ливровъ стоила отъ 7 и 8 до 15 и даже до 18 су. Ассигнаціями подобной цѣнности республика расплачивалась съ поселившимися во Франціи иностранцами, которыхъ она ограбила, давая въ уплату, по номинальной цѣнѣ лоскутки бумагъ, терявшіе съ часу на часъ свою ничтожную цѣнность и подвергавшіеся въ короткое время совершенной утратѣ всякой цѣнности. Въ такомъ су-

de leur chétive valeur et risquaient de n'en avoir plus aucune sous très peu de jours. Dans cet état convulsif, une frénésie générale avait saisi les habitans de Paris, de convertir leurs assignats en marchandises et en les payant à des prix chimériquement outrés, on croyait avoir sauvé quelque chose du naufrage: lorsqu'on donnait pour un louis en or, dix, douze et jusqu'à vingt mille livres en assignats, il était bien simple qu'une pièce de mousseline coutât 30 ou 40 m. livres.

Mais qu'avais-je de commun avec tout cela? La loi rendue pour ou contre les étrangers établis en France, ne me regardait sous aucun rapport. Je n'y avais jamais possédé un pouce de terre. Je n'avais pas été un étranger établi en France et sujet à la police du pays; javais été Ministre étranger, résidant en France sous la sauvegarde du droit des gens. Il était aussi inique de me rembourser en mon absence de cette manière mes capitaux confisqués, que de les avoir précédemment saisis. Qui d'ailleurs pouvait se croire autorisé à recevoir un remboursement pour mon compte? Les pouvoirs et procurations que j'avais laissés à mon départ, avaient certainement été annulés par le fait de ma proscription. Dès que ceux qui avaient eu une portion de mon bien en dépôt, avaient été forcés de la livrer à mes spoliateurs, leur rôle et leurs pouvoirs avaient cessé, et a moins que d'en avoir demandé et reçu de nouveaux de ma part, ils ne pouvaient rentrer en activité, ni reprendre qualité pour se mêler de mes affaires. Quoiqu'il en soit, cette

---

дорожномъ состояніи, жителями Парижа охватило всеобщее бѣшеное увлеченіе превратить свои ассигнаціи въ товары; уплачивая за нихъ баснословно преувеличенными цѣнами; думали спасти тѣмъ кое что отъ всеобщаго бѣдствія: въ то время, когда давали за одинъ луидоръ золотомъ, 10 т., 12 т. и даже 20 т. ливровъ ассигнаціями, становилось очень естественно, что кусокъ кисеи стоилъ 30 или 40 т. ливровъ.

Но что я имѣлъ общаго со всѣмъ этимъ? Законъ, изданный за или противъ иностранцевъ, поселившихся во Франціи, до меня ни въ какомъ случаѣ не касался. Я никогда не владѣлъ ни однимъ вершкомъ земли; я не былъ иностранцемъ, поселившимся во Франціи и не подчинялся ея полиціи; я былъ иностраннымъ дипломатическимъ повѣреннымъ, жительствующимъ во Франціи подъ защитой народнаго права.— Возвращать мнѣ, такимъ способомъ, и въ отсутствіе мое, конфискованные мои капиталы, было также незаконно, какъ и завладѣть ими передъ тѣмъ. Впрочемъ, кто могъ считать себя вправѣ получать расплату за меня? Власть и полномочіе, данныя мною при моемъ отъѣздѣ, вѣроятно были уничтожены моимъ изгнаніемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ только тѣ, которымъ была дана часть моего имущества на сохраненіе, были принуждены выдать ее моимъ грабителямъ, значеніе и власть ихъ кончились; не могли же они вступить въ дѣйствіе и возстановить права свои, чтобы вмѣшиваться въ дѣла мои, безъ того, чтобы не испросить и не получить вновь отъ меня полномочіе. Какъ бы то не было, загадка эта осталась по сегодня неразгаданною, а за неимѣніемъ сооб-

énigme est restée jusqu'à ce jour indéchiffrable et par le défaut de communication, insoluble. Il n'en est pas moins constant que tous les capitaux que j'avais placés soit en actions de la caisse d'escompte, soit en actions de la Compagnie des Indes et dont la République s'était emparée, m'ont été remboursés je ne sais ni par l'autorité ni par l'instigation de qui, moyennant quelques pièces de mousseline et trois paires de manchettes de dentelles. J'ignore aussi par quel hazard ce fait a été porté à la connaissance de l'Impératrice S. M. me demanda s'il était vrai qu'on m'eût remboursé 60 m. livres de mon bien aves trois paires de manchettes. Je répondis qu'on avait trompé S. M., que mes trois paires de manchettes ne me coûtaient pas 60 m. livres mais 90 m. livres et que ce rapport infidèle était une nouvelle preuve combien il était difficile à la vérité de percer jusqu'au trône.

Enfin l'année 1796 tant désirée arriva. Elle devait mettre fin à mes longues et pénibles inquiétudes. Elle me tint parole, mais c'est en comblant ma misère et celle de tout ce qui m'entourait.

Soutenu par l'espérance de toucher incessamment au port, je ne m'étais plus permis d'excéder l'Impératrice par les tristes détails de mes misères; mais dès le commencement de l'année, je m'empressai de lui demander ses derniers ordres pour le voyage de ma caravane vers la terre promise sous la conduite de son patriarche. Malheureusement mon paquet resta sur ma table, parcequ'il ne me vint point de courrier ni en janvier ni en février, et lors-

---

щеній — неразрѣшенною. Тѣмъ не менѣе вѣрно, что всѣ капиталы, которые я помѣстилъ — либо въ акціяхъ заемной кассы, либо въ акціяхъ Индѣйской компаніи, присвоенные республикой, были мнѣ возвращены, незнаю, властями-ли, чьимъ либо настояніемъ, посредствомъ нѣсколькихъ кусковъ кисеи и трехъ паръ кружевныхъ нарукавниковъ. Я не знаю по какому случаю событіе это было доведено до свѣдѣнія Императрицы. Ея Величество спросила меня, — правда-ли, что мнѣ возвратили 60 т. ливровъ моего имущества тремя парами нарукавниковъ? Я отвѣчалъ, что Ея Величество обманули, что мои три пары нарукавниковъ стоили мнѣ не 60 т. а 90 т. ливровъ, и что это невѣрное донесеніе было новымъ доказательствомъ, какъ трудно правдѣ проникнуть до трона.

Наконецъ столь желаемый 1796 годъ наступилъ. Онъ долженъ былъ покончить мои долгія и тяжкія безпокойства. Такъ и сбылось: годъ этотъ переполнилъ чашу бѣдствій моихъ и всѣхъ меня окружающихъ.

Поддерживаемый надеждою достигнуть въ скоромъ времени цѣли, я не дозволялъ себѣ болѣе возмущать Императрицу скучными подробностями моихъ бѣдствій; но въ самомъ началѣ года, я поспѣшилъ испросить послѣдняго приказанія ея, касательно путешествія моего каравана въ обѣтованную землю, подъ надзоромъ его патріарха. Пакетъ мой, къ несчастію, оставался на столѣ моемъ, потому что, ни въ Январѣ, ни въ Февралѣ, мнѣ не присылали курьера, и когда наконецъ въ Мартѣ ко мнѣ при-

qu'au mois de mars il m'en arriva coup sur coup jusqu'à trois avec les paquets de S. M. ils me trouvèrent grièvement malade d'une fièvre catarrhale suffocatoire, contre laquelle j'eus deux mois entiers à lutter.

Je ne pus donc réexpédier le premier de mes courriers qu'au commencement de mai et je sollicitai d'autant plus vivement une prompte résolution Impériale sur mon paquet du mois de janvier, que la saison était déjà plus avancée qu'il ne l'aurait fallu et qu'il n'y avait pas un instant à perdre pour recevoir à tems les ordres de S. M. Mais instruite de ma maladie à laquelle mon silence et le retard de ses courriers l'avaient déjà préparée, elle me manda qu'il n'était pas sage dans l'état d'où je sortais, de songer à entreprendre un aussi énorme voyage pour arriver vers l'arrière-saison dans un climat rigoureux, et qu'il fallait avant tout ne m'occuper que du rétablissement de ma santé et d'abord, aller aux eaux de Carlsbad, après quoi nous verrions le reste. S. M. ajouta qu'elle avait ordonné qu'on me remit des fonds, parcequ'elle était sûre qu'elle me devait de l'argent. Je répondis à ce dernier article qu'il était vrai qu'elle me devait quelque argent déboursé pour son service depuis l'envoi de mon dernier compte arrêté le 30 septembre 1795, mais qu'elle ne pouvait savoir combien; et puisque je n'avais pas mis sous ses yeux, depuis ce moment le tableau de ma gestion, elle ne pouvait pas payer ses dettes avant de les connaître.

были трое одинъ послѣ другаго съ пакетами отъ Ея Величества, они застали меня тяжко больнымъ, катарральной удушливой лихорадкой, противъ которой я долженъ былъ бороться цѣлыхъ два мѣсяца.

Вслѣдствіе этого, я не могъ отправить обратно перваго своего курьера ранѣе начала Мая и тѣмъ съ большею горячностью испрашивалъ скорѣйшаго Высочайшаго разрѣшенія на мой Январскій пакетъ, что время года быстро подвигалось впередъ и слѣдовательно, нельзя было терять одной минуты, чтобы во время получить приказаніе Ея Величества. Предувѣдомленная о моей болѣзни, къ которой она была приготовлена моимъ молчаніемъ и замедленіемъ ея курьеровъ, Императрица извѣстила меня, что не благоразумно, находясь въ томъ состояніи, отъ котораго я только что освободился, думать предпринимать такое чрезмѣрное путешествіе, чтобы пріѣхать осенью въ такой суровый климатъ, и что, прежде всего, надо позаботиться о возстановленіи моего здоровья и затѣмъ ѣхать на воды въ Карлсбадъ, а потомъ увидимъ, что дѣлать. Ея Величество присовокупила, что она приказала выдать мнѣ деньги, такъ какъ она увѣрена, что она мнѣ ихъ должна. На сей послѣдній пунктъ я отвѣчалъ ей, что дѣйствительно, она должна мнѣ нѣсколько денегъ, истраченныхъ мною на службу ей, съ тѣхъ поръ какъ я послалъ послѣдній мой покончeнный расчетъ 30-го Сентября 1795 года, но что ей не могло быть извѣстно сколько именно; а такъ какъ я не представлялъ ей съ тѣхъ поръ отчета по управленію, то она и не могла платить своихъ долговъ, не зная ихъ напередъ.

Malgré l'opposition de l'Impératrice à mon voyage, il me restait une lueur d'espérance, parce qu'avant de recevoir sa réponse, je lui avais renvoyéson second courrier et calculant avec anxiété tous les moments qui s'écoulaient, je lui avais demandé la permission de m'embarquer avec ma petite colonie à Lubeck et d'arriver par mer au port de notre salut, observant à S. M. que si elle daignait me répondre sur le champ, je pourrais avoir ses ordres le 15 juillet nouv. style au plus tard, être rendu à Lubeck, et même me trouver en mer avant la fin de ce mois, j'ajoutai que ce parti abrégerait beaucoup les fatigues du voyage. La réponse arriva à point nommé; mais S. M. me dit: Comment pouvez Vous songer à un voyage par mer, après les vomissements que Vous avez eus pendant Votre maladie et dans une saison où nous faisons rentrer nos vaisseaux de guerre dans les ports, pour les préserver des bourrasques? Elle finit par me prêcher avec bonté la soumission aux événemens et par me recommander les soins indispensables de ma santé, afin d'être en état d'entreprendre mon voyage le printems suivant avec pleine sécurité.

Il fallut bien se résigner à cet arrêt, puis que pendant cette correspondance très serrée, mais à une distance si éloignée, l'été s'était déjà éclipsé en partie, et que je sentis, autant que S. M., l'impossibilité ou du moins l'incongruité d'entreprendre vers l'arrière saison avec une caravane d'enfans, un aussi énorme voyage. Me voilà donc de rechef éloigné du terme de mes

---

Не смотря на сопротивленіе Императрицы моему путешествію, мнѣ оставался еще лучъ надежды, такъ какъ до полученія ея отвѣта, я отправилъ обратно къ ней втораго курьера; считая съ безпокойствомъ всѣ проходящія минуты, я просилъ позволенія ея сѣсть съ маленькой своей колоніей на корабль въ Любекѣ и прибыть уже моремъ къ убѣжищу нашего спасенія; я замѣтилъ Ея Величеству, что если она соблаговолитъ тотчасъ же отвѣтить мнѣ, то я могу имѣть ея приказаніе не позже 15 Іюля новаго стиля, прибыть въ Любекъ и даже быть въ морѣ еще до конца этого мѣсяца, и что такимъ образомъ уменьшатся во многомъ затрудненія путешествія. Отвѣтъ пришелъ во время; но Ея Величество отвѣчала мнѣ: «какъ можете вы думать о морскомъ путешествіи послѣ того, какъ вы, въ продолженіе всей вашей болѣзни, страдали рвотою и въ такое время года, когда наши военныя суда входятъ въ гавани, для предохраненія отъ сильныхъ бурь?» Она кончила тѣмъ, что благосклонно увѣщевала меня покориться обстоятельствамъ и совѣтовала мнѣ принять необходимыя попеченія о моемъ здоровьи, чтобы быть въ состояніи предпринять путешествіе мое будущею весною съ полною безопасностію.

Надо же было покориться этому приговору, потому что въ продолженіе этой переписки, хотя и краткой, но на такомъ далекомъ разстояніи, лѣто уже отчасти прошло, и я усматривалъ, на столько же, какъ и Ея Величество, невозможность, или по крайней мѣрѣ, неудобство предпринять осенью съ караваномъ дѣтей, такое

peines! Pour comble de malheur, je reçus cet arrêt au moment où les républicains français, ayant fait avec plus de succès une nouvelle irruption en Allemagne, se trouvaient avec leurs armées dévastatrices à 12 lieues de Gotha. Il fallut emballer en toute diligence, faire filer mon bagage en arrière et me tenir prêt, avec ma caravane, jour et nuit, afin de pouvoir nous enfuir d'ici à la première alerte. Ces préparatifs forcés devinrent une nouvelle source de ruine. Lorsque je m'enfuis, il y a quatre ans, des bords du Rhin, pour me mettre à une grande distance du théâtre de la guerre, j'étais loin de prévoir que la même scène de désolation m'atteindrait dans le coeur de l'Allemagne.

L'Impératrice eut à peine connaissance de la prise de Francfort et de ses suites, que sans m'en parler, elle fit prier le Prince d'Anhalt-Bernbourg de m'offrir un refuge, et ce Prince m'invita de la manière la plus polie à venir m'établir chez lui.

L'arrêt sur mon voyage de Russie à remettre provisoirement fut précédé et accompagné de deux remises chacune de 10000 roubles que les banquiers m'annoncèrent par ordre du Cabinet Impérial sans autre éclaircissement. Je le demandai itérativement à S. M. qui me répondait chaque fois, que c'était de l'argent qu'elle me devait, et qu'elle savait bien ce qu'elle disait.

J'observai alors à ma bienfaitrice, qu'elle daignait s'occuper de ma

---

длинное путешествіе. Вотъ я снова нахожусь далеко отъ конца моихъ заботъ и огорченій! Къ довершенію несчастія, я получилъ приговоръ этотъ въ то время, когда французскіе республиканцы сдѣлали, съ большимъ успѣхомъ, новое вторженіе въ Германію, и находились съ ихъ опустошительными арміями въ 12 лье отъ Готы. Надо было со всею поспѣшностію укладываться, провести тихонько мой багажъ послѣ себя и быть день и ночь на готовѣ съ моимъ караваномъ, чтобы бѣжать при первой тревогѣ. Усиленныя приготовленія эти сдѣлались новымъ источникомъ къ раззоренію. Когда четыре года тому назадъ бѣжалъ я съ береговъ Рейна, чтобы удалиться на бо̀льшее разстояніе отъ театра войны, я далеко не предвидѣлъ, что подобная сцена отчаянія ожидала меня среди Германіи.

Едва узнала Императрица о взятіи Франкфурта и его послѣдствіяхъ, она, не сказавъ мнѣ ничего, послала просить принца Ангальтъ-Бернбургскаго предложить мнѣ убѣжище, и этотъ принцъ пригласилъ меня со всевозможною вѣжливостью поселиться у него.

Рѣшеніе о моемъ путешествіи въ Россію, которое предварительно откладывалось, было предшествуемо и сопровождаемо двумя посылками, состоявшими каждая изъ 10 т. рублей, о которыхъ банкиры увѣдомили меня, по приказу Императорскаго кабинета безъ всякихъ поясненій. Я снова спрашивалъ о томъ Ея Величество и она отвѣчала мнѣ каждый разъ, что это изъ тѣхъ денегъ, которыя она мнѣ должна и что она очень хорошо знаетъ, что говоритъ.

santé beaucoup trop; qu'il ne pouvait et ne devait plus être question de moi que pour me tolérer jusqu' à la fin; que le sort d'un homme qui touche au terme de la vie, devenait chaque jour un objet moins digne d'attention. et que nommément tout coin de terre, ici, en route ou sur les bords de la Newa, était également bon pour le recevoir. Mais qu'il n'en était pas de même des infortunés qui m'entouraient; qu'une longue, obscure et effrayante carrière restait ouverte devant eux; qne j'avais espéré de les conduire cette année au port de leur salut et que je les voyais avec douleur rejetés dans une mer de calamités et d'incertitudes. Que quant aux remises que sa bonté me faisait faire, je ne pouvais les regarder que comme des bienfaits que sa pitié répandait sur eux et nullement comme à moi appartenantes; mais que ces bienfaits si considérables, tout en m'attendrissant, ajoutaient encore à ma désolation puis que, loin de pouvoir les placer dans la convulsion où se trouvait l'Allemagne, et les faire tourner à quelque avantage permanent et solide pour ses protégés, j'étais à peu près dans le cas de ne pouvoir ni les confier ni les garder avec sûreté et qui pis est, réduit à les jeter sur les grands chemins, à les voir disparaitre en faux frais, au moment où d'après mes espérances, cette famille devait se trouver loin des orages révolutionnaires et en pleine sécurité sous sa puissante égide.

Entraîné ou plutôt surmonté par le poids du malheur, je conjurai S. M.

Я замѣтилъ тогда моей благодѣтельницѣ, что она слишкомъ много заботится о моемъ здоровьи; что обо мнѣ не должно быть иной рѣчи, какъ развѣ о томъ, какъ перенесть мое существованіе; что участь человѣка, приближающагося къ концу жизни, дѣлается съ каждымъ днемъ предметомъ менѣе достойнымъ вниманія, и что каждый именно уголъ на землѣ: здѣсь ли, на дорогѣ или на берегахъ Невы, будутъ одинаково хороши для принятія его. Но совсѣмъ другое ожидаетъ несчастныхъ окружающихъ меня; передъ ними осталась долгая, темная и страшная карьера. Я надѣялся привести ихъ въ этомъ году къ спасительной пристани и съ горестью вижу ихъ брошенными въ бездну несчастій и неизвѣстности. Что касается до посылокъ, которыя она была такъ добра прислать мнѣ, я не могъ принять ихъ иначе, какъ за благодѣяніе, которое ея милосердіе излило на нихъ, а не какъ принадлежащія мнѣ; но благодѣянія эти, столь значительныя, тронувъ меня, увеличивали мое тогдашнее отчаяніе, потому что, вмѣсто того, чтобы помѣстить и обратить ихъ къ какой нибудь постоянной и прочной выгодѣ для ея покровительствуемыхъ, я былъ во время волненій въ Германіи, почти не въ состояніи ни довѣрить ихъ въ стороннія руки, ни сберечь самъ, и, что всего хуже, принужденъ былъ растрачивать ихъ по большимъ дорогамъ и видѣть ихъ изчезающими на безполезныя издержки; въ ту минуту, когда надѣялся, что семейство это будетъ находиться далеко отъ всѣхъ революціонныхъ волненій и въ полной безопасности подъ ея могущественной защитой.

Увлеченный или скорѣе одолѣваемый тяжестью несчастій, я заклиналъ Ея Ве-

de m'oublier et de fixer uniquement un regard de pitié sur cette famille malheureuse; de considérer qu'il ne s'agissait pas de lui faire une fortune, mais simplement de la sauver de l'indigence. Que je ne désirais plus de la mener à Pétersbourg où nos haillons et notre misère qui faisaient nos titres d'honneur, ne pourraient qu'étrangement contraster avec la Cour la plus magnifique et la plus brillante de l'Europe. Que je ne sollicitais qu'un asyle; qu'en accordant au Comte de Beuil un coin de terre quelconque dans quelque partie de l'Empire, S. M. le rendrait à sa passion première, à son occupation favorite, l'agriculture et l'économie rurale; que ce serait alors son affaire de pourvoir à la subsistance de sa femme et de ses enfans, à qui le malheur avait appris depuis longtems à renoncer à toute autre ambition que celle d'exister paisiblement et ignorés. Que, comme officier, S. M. en avait par milliers dans ses armées, qui ne le surpasseraient pas en zèle, mais à coup sûr, du côté du talent militaire et de l'expérience, mais que comme cultivateur, il pouvait devenir un citoyen fort utile et fort distingué de l'empire. Que le désir violent et naturel de préserver ses enfans de la misère lui aurait déjà fait franchir les mers pour chercher en Amérique un terrain à défricher et à mettre en valeur, s'il avait eu de quoi fournir aux premiers frais, tant du voyage que d'un commencement quelconque d'établissement,

---

личество забыть меня и обратить свой милостивый взглядъ исключительно на это несчастное семейство; принявъ въ соображенiе, что дѣло идетъ не объ обогащенiи а единственно о спасенiи его отъ нищеты. Я не желалъ бы болѣе привести ее въ Петербургъ, гдѣ наше рубище и наша нищета, составлявшiя всю нашу славу, были бы только странными противуположностями съ дворомъ, самымъ великолѣпнымъ и блистательнымъ въ Европѣ. Я ходатайствовалъ только объ убѣжищѣ; пожаловавъ же графу де-Бейлю какой нибудь клочекъ земли, въ какой нибудь части Имперiи, Ея Величество возвратила бы его къ первой страсти и любимому занятiю, — земледѣлiю и сельскому хозяйству и тогда уже его обязанностью будетъ заботиться о существованiи жены и дѣтей, которыхъ несчастiе давно уже прiучило отказываться отъ всѣхъ желанiй, исключая тихой и уединенной жизни. Ея Величество имѣла тысячами въ своихъ армiяхъ подобныхъ ему офицеровъ, которые бы не превзошли его въ усердiи а еще тѣмъ болѣе въ военномъ талантѣ и въ военной опытности; но, что какъ земледѣлецъ онъ могъ бы сдѣлаться гражданиномъ весьма полезнымъ и весьма извѣстнымъ въ Имперiи. Его сильное и естественное желанiе предохранить дѣтей своихъ отъ нищеты, заставили бы его переправитьсн черезъ моря, чтобы отыскать въ Америкѣ землю, вспахать ее и тѣмъ придать ей цѣнность; если бы онъ владѣлъ средствами на первыя издержки, — на дорогу и на начало какого либо обзаведенiя, — но что я не могъ рѣшиться употребить, даже малую долю изъ благодѣянiй Ея Величества, на предпрiятiе столь рискованное, которое, если бы не удалось, разрушило бы наши послѣднiя средства.

mais que je ne pouvais me résoudre à employer la petite portion de bienfaits de S. M. à une entreprise aussi hasardeuse, laquelle manquée, détruisait jusqu'à notre dernière ressource.

Cette explosion de désespoir fut reçue avec indulgence. S. M. me répondit: Vous me dites des choses qui n'ont pas de raison. J'aurais bien envie de vous laver la tête; il ne me manque pour cela que le tems et dès que je l'aurai, je n'y manquerai pas. Je croyais que depuis que vous m'aviez légué vos enfans, vous n'aviez plus de soucis.

Il y avait certainement un calmant bien efficace dans ces paroles. Les succès de l'Archiduc Charles avaient en même tems éloigné les hordes républicaines de nos frontières et assuré la tranquillité de nos quartiers d'hiver à Gotha; mais pour ne pas manquer de malheur, la Comtesse de Beuil apprit que le seul frère qui lui restait avait été à St. Domingue la proie de la fièvre jaune avec la presque totalité des officiers du corps de Rohan dont il était. Il laissait sans aucune ressource une veuve, deux enfans au berceau et un père de 74 ans à Brunswic et une mère émigrée en Espagne.

Pendant la correspondance si vive de cet été, j'avais aussi envoyé à l'Impératrice mon testament, tel que je l'avais fait en France au commencement et avant les forfaits de la révolution. Je désirais que S. M. connût les dispositions que j'avais faites de ma fortune, avant qu'elle fût perdue. Je désirais aussi lui faire connaître le bilan de cette fortune qui y était annexé, du moins

---

Эта вспышка отчаянія была принята снисходительно. Ея Величество мнѣ отвѣчала: «рѣчи ваши неразумны. Я очень бы желала намылить вамъ голову, но для этого у меня не достаетъ времени, когда же я буду распологать имъ, то не премину исполнить это. Я думала что съ тѣхъ поръ, какъ вы завѣщали мнѣ вашихъ дѣтей, вамъ нечего было заботиться о нихъ.»

Конечно въ этихъ словахъ было дѣйствительное успокоеніе. Въ тоже время успѣхи Эрцгерцога Карла удалили отъ нашихъ границъ орды республиканцевъ и утвердили спокойствіе въ нашихъ зимнихъ стоянкахъ въ Готѣ; но, въ дополненіе ко всѣмъ неудачамъ, графиня де-Бейль узнала, что единственный ея братъ сдѣлался въ Стъ Доминго жертвою желтой горячки, почти со всѣми офицерами корпуса Рогана, въ которомъ онъ находился. Онъ оставилъ безъ всякихъ средствъ къ жизни вдову, двухъ дѣтей въ колыбели, 74-хъ лѣтняго отца въ Брауншвейгѣ и мать, переселившуюся въ Испанію.

Въ продолженіе столь горячей переписки этого лѣта, я тоже переслалъ Императрицѣ мое завѣщаніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно было написано мною во Франціи передъ разгаромъ революціи. Я желалъ, чтобы Ея Величество знала, какія я сдѣлалъ распоряженія касательно моего имущества, до его потери. Я желалъ тоже, чтобы она знала итогъ этого имущества, который тутъ же былъ приложенъ, по крайней мѣрѣ, что касается капиталовъ и процентовъ; потому что никто не вздумаетъ представить

quant aux capitaux et aux rentes; car personne ne s'avise de donner celui de son mobilier dans un pays policé et gouverné par des lois qui garantissent la propriété. Puisque S. M. était persuadée que mon attachement pour elle m'avait attiré cette catastrophe en France, je me flattais qu'elle ne dédaignerait pas un jour la faire réparer, quand même je ne serais plus du nombre des vivans. Il fallait bien qu'à cette horrible guerre succédât avec le tems une pacification quelconque. Or une pacification ne pouvait pas avoir lieu sans une influence très-prépondérante de l'empire de Russie. Je dis donc à S. M. que ce moment arrivant tôt ou tard, si elle daignait se souvenir de moi et prendre sous sa protection mes intérêts si indignement violés par une nation spoliatrice, il ne lui en coûterait qu'un mot pour opérer la restitution de mon bien avec tous les dommages et intérêts exigibles, dont S. M. disposerait ensuite en faveur de la Comtesse de Beuil et de ses enfans. Qu'à la vérité la République ou un Gouvernement légitime rétabli en France ne pouvait plus me dédommager du pillage que pour un équivalent et que sur plusieurs articles il était au-dessus de leur pouvoir de m'offrir un dédommagement valable; que quand il me serait offert aujourd'hui 800 mille livres, cette somme ne réparerait pas le tort qui m'a été fait; et suivant les lois d'une justice rigoureuse, cette somme s'accroîtra nécessairement chaque année de tout mon revenu violemment retenu et de tous les dommages et intérêts qui en résultent, tant que la restitution ne sera pas effectuée.

его относительно остальнаго движимаго имущества въ странѣ просвѣщенной и управляемой законами, которые обезпечиваютъ собственность. Такъ какъ Ея Величество была увѣрена, что моя привязанность къ ней навлекла на меня испытанный во Франціи переворотъ состоянія; я льстилъ себя надеждой, что она не откажется исправить его послѣдствія когда нибудь, хотя бы въ то время меня не было уже въ числѣ живыхъ. За подобной страшной войной, должно же было слѣдовать со временемъ какое либо спокойствіе. Спокойствіе это однако не могло водвориться безъ особаго весьма сильнаго вліянія Россійской Имперіи. И такъ, я говорилъ Ея Величеству, что время это, рано или поздно, прійдетъ, и если она соблаговолитъ вспомнить обо мнѣ, и взять подъ свое покровительство мои интересы, столь гнусно нарушенные хищическою націей, ей будетъ стоить всего одного слова, чтобы содѣйствовать къ возвращенію моего имущества и вознагражденію понесенныхъ мною всѣхъ потерь, чѣмъ всѣмъ Ея Величество могла бы распологать въ пользу графини де-Бейль и дѣтей ея. По истинѣ, республика-ли или какое другое законное правленіе, возстановленное во Франціи не могло бы меня удовлетворить за разграбленіе, иначе какъ деньгами, а по нѣкоторымъ статьямъ было бы въ невозможности предложить мнѣ вознагражденіе равноцѣнное; если бы даже они бы предложили мнѣ сегодня 800 т. ливровъ, то и эта сумма, всетаки, не исправила бы сдѣланнаго мнѣ зла; а по законамъ строгаго правосудія, сумма эта должна необходимо возрастать съ каждымъ годомъ

J'avoue que depuis que l'Empereur a daigné me confirmer dans un poste public, et m'accorder la perspective de mourir à son glorieux service, j'emporterai cette espérance consolante avec moi au tombeau. S. M. I. sera toujours suffisamment écoutée, lorsqu'il s'agira de redresser un tort aussi manifeste, essuyé par un de ses sujets, et sa véritable bonté, guidée par une justice éclairée, ne regardera pas comme au-dessous d'elle le soin de faire réparer une infraction aussi criante contre le droit des gens, dont un de ses serviteurs a été l'objet et la victime. La restitution partielle de mes capitaux, moyennant des mousselines et des manchettes, n'est qu'une insulte de plus. Si l'on peut me délivrer d'une main mes capitaux et de l'autre me retenir mes revenus et rentes, mes manuscrits, ma bibliothèque, ma vaisselle, tout mon mobilier, la nation a donc le droit de m'imprimer pour les trois quarts la qualité d'émigré et de m'accorder pour le quatrième celle d'étranger réhabilité.

Enfin, mon voyage et celui de ma triste caravane se trouvant définitivement remis au printems de l'année 1797, il m'arriva dans la matinée du 16 septembre 1796 trois paquets de l'Impératrice qui changèrent ma situation de la manière du monde la plus imprévue.

Dans sa première lettre du 5 août, expédiée par la poste, S. M. m'apprit

---

всѣми насильственно удержанными у меня доходами, всѣми отъ нихъ произошедшими вредомъ и убытками, до тѣхъ поръ пока возвратъ имущества не будетъ выполненъ окончательно.

Признаюсь, съ тѣхъ поръ какъ Императоръ соблаговолилъ утвердить меня въ общественной должности и дозволилъ мнѣ умереть на его славной службѣ, утѣшительную надежду эту я унесу съ собою въ могилу. Его Императорское Величество всегда заставитъ себѣ повиноваться, когда дѣло коснется возстановленія столь явной несправедливости, претерпѣнной однимъ изъ его подданныхъ; его истинная доброта, руководимая просвѣщеннымъ правосудіемъ, не станетъ смотрѣть какъ на недостойное его заботливости на возстановленіе столь вопіющаго противъ народныхъ правъ нарушенія, предметомъ и жертвою котораго былъ одинъ изъ его слугъ. Возвращеніе части моихъ капиталовъ посредствомъ кисеи и нарукавниковъ, есть конечно, ничто иное какъ повторенное оскорбленіе. Если одною рукою возможно возвратить мнѣ мои капиталы, а другою задержать мои доходы, мои рукописи, мою библіотеку, мою посуду, всю мою мебель, то слѣдовательно нація имѣетъ право объявить меня въ три-четверти эмигрантомъ, а четвертою — возстановленнымъ въ прежнихъ правахъ иностранцемъ.

Наконецъ, путешествіе мое также какъ и моего печальнаго каравана было окончательно отложено до весны 1797 года; утромъ же 16-го Сентября (1796 г.) прибыло ко мнѣ отъ Императрицы три пакета, которыми положеніе мое измѣнялось самымъ непредвидѣннымъ образомъ.

qu'elle avait donné ordre pour qu'on me cherchât une maison à Pétersbourg qui pût me recevoir l'année prochaine avec toute ma caravane: car, ajouta S. M., accoutumé comme vous devez être de vivre avec cette famille, vous devez bien penser qu'il n'a jamais pu entrer dans mes projets de songer à vous séparer d'elle.

La seconde lettre, aussi arrivée par la poste, était du 13 août. Ce n'était pas une lettre mais un prétendu bulletin de nouvelles en 3 ou 4 articles, écrit de la main de l'Impératrice. La première nouvelle, c'est qu'on disait que j'étais nommé au poste de Hambourg à la place de feu Mr. de Gross. La seconde, qu'on disait que les Comtes de Haga et de Vasa arrivaient ce soir à Pétersbourg. La troisième et quatrième n'étaient pas les moins importantes; le bulletin finit par: On dit que vous en verrez bien d'autres; il ne s'agit que de vivre. Ma première réflexion sur le premier article de ce bulletin était naturellement que la résolution de S. M. de me confier ce poste avait été prise tout à coup et subitement, puisque huit jours avant la date du bulletin elle n'y avait nullement pensé.

Je n'avais pas encore achevé la lecture de ces deux lettres, que je vis entrer chez moi un courrier de S. M. qui me remit d'abord un paquet de sa part, et puis un autre, du Collége des affaires étrangères, renfermant mes instructions, mes lettres de créance et toutes les pièces relatives au poste

---

Въ первомъ своемъ письмѣ отъ 5-го Августа, отправленнымъ по почтѣ, Ея Величество увѣдомила меня, что она отдала приказъ отыскать мнѣ домъ въ Петербургѣ, который могъ бы принять меня со всѣмъ моимъ караваномъ въ слѣдующемъ году: «такъ какъ», присовокупила Ея Величество, «вы должно быть привыкли жить съ этимъ семействомъ, то должны быть увѣрены, что мысль разлучать васъ съ нимъ, не могла придти мнѣ въ голову».

Второе письмо, тоже прибывшее по почтѣ, было отъ 13 Августа. Это не было письмо, но нѣчто въ родѣ бюллетеня въ трехъ или четырехъ пунктахъ, писаннаго собственноручно Императрицей: первою новостью была та, что говорили, что я назначенъ на Гамбургскій постъ, вмѣсто покойнаго г. Гросса; второю — толкуютъ, что графы Гага и Ваза прибудутъ сегодня вечеромъ въ Петербургъ; третья и четвертая — были не менѣе важны; бюллетенъ кончался слѣдующимъ: говорятъ, что васъ ждутъ другія неожиданности; чтобы испытать ихъ нужно только жить. Первое мое размышленіе, касательно перваго пункта этого бюллетена, было естественно такое, что рѣшеніе Ея Величества о порученіи мнѣ сей должности, было принято ею вдругъ и внезапно, такъ какъ восемь дней до бюллетеня, она нисколько объ этомъ не думала.

Я не окончилъ еще чтенія этихъ двухъ писемъ, какъ увидѣлъ входящаго ко мнѣ курьера отъ Ея Величества, который передалъ мнѣ сначала одинъ пакетъ отъ нея, а затѣмъ другой изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, заключавшій въ себѣ ин-

de Hambourg, de sorte que je n'avais qu'à partir et en prendre possession. La lettre de S. M. commençait par ces mots: Vous verrez par l'expédition que vous fait le Collége des affaires étrangères, ce qui vous est arrivé ces jours passés chez nous de bien ou de mal, suivant le goût que vous y trouverez. Après cela S. M. reprend sa correspondance réglée et ne dit plus un mot sur cet objet.

Mon premier mouvement ne pouvait être qu'un mouvement d'orgueil et de reconnaissance; l'idée d'être publiquement avoué par celle à laquelle depuis 23 ans mon existence entière était consacrée, absorba toute autre réflexion. Une seconde réflexion me fit bien sentir que le sort de mes pauvres enfans n'en était pas plus assuré et restait toujours dans le vague; mais accoutumé de tout tems à en agir avec l'Impératrice comme avec la Providence bienfaisante à laquelle on s'abandonne en toute confiance, sans lui prescrire la manière dont elle doit régler notre destinée, j'étais bien résolu de ne plus lui parler de celle qui pesait depuis tant d'années si cruellement sur la mienne et bien sûr, qu'elle saurait la régler dans sa sagesse mieux que je ne pouvais le lui indiquer.

Tout ce qui me paraissait clair dans cette décision si inattendue de mon sort, c'est que la volonté Souveraine était que mes enfans le partageassent et me suivissent à Hambourg, du moins provisoirement. Les notions générales que j'avais sur cette résidence n'étaient à la vérité rien moins

---

струкціи, мои кредитивныя грамоты и всѣ документы, относящіеся до Гамбургскаго поста, такъ что мнѣ оставалось только ѣхать и вступить въ управленіе. Письмо Ея Величества начиналось такими словами: «вы увидите изъ отправленія, сдѣланнаго вамъ Коллегіею Иностранныхъ дѣлъ, что у насъ, на этихъ дняхъ, приключилось для васъ, смотря по вашему вкусу, худое или хорошее». Далѣе Ея Величество продолжаетъ свою обычную переписку, и уже ни слова болѣе не говоритъ объ этомъ предметѣ.

Первое мое движеніе не могло быть инымъ, какъ побужденіе гордости и благодарности; мысль быть оффиціально признаннымъ тою, которой, въ продолженіе 23-хъ лѣтъ, посвящалъ я все свое существованіе, поглащала всякое другое размышленіе. Второе размышленіе дало мнѣ почувствовать, что участь моихъ бѣдныхъ дѣтей не становилась обезпеченною болѣе прежняго, а оставалась все еще неопредѣленною; но привыкши постоянно и во всемъ относиться къ Императрицѣ, какъ къ благотворительному Промыслу Божію, на который полагаешься съ полною увѣренностію, не предписывая ему путей рѣшенія судьбы нашей, я вполнѣ рѣшился не говорить ей болѣе о судьбѣ, которая въ теченіе столькихъ лѣтъ столь жестоко тяготѣла надо мною и былъ вполнѣ увѣренъ, что, по премудрости своей, она съумѣетъ устроить все лучше, чѣмъ бы я могъ указать ей.

Но мнѣ казалось яснымъ въ этомъ неожиданномъ рѣшеніи моей участи, что по желанію Императрицы дѣти мои должны были сопутствовать мнѣ въ Гамбургъ хотя

que favorables à ce projet. Les bouleversemens et les malheurs de tant de pays avaient fait de Hambourg un des séjours les plus chers et les plus dispen dieux de l'Europe, en y faisant refluer de toutes parts un monde prodigieux. Je ne voyais pas bien clairement la possibilité de pourvoir à la subsistance de cette famille, de continuer à soigner l'éducation des enfans et de trouver encore dans mes moyens de quoi soutenir la décence de mon nouvel état et la dignité de ma représentation; mais mon coeur me disait: abandonne toi à celle qui a veillé jusqu' à présent et continuera à veiller sur toi et sur ceux qu'elle a si constamment protégés.

Plein de cette juste confiance, je serais parti tout de suite pour ma destination, si je n'avais eu à faire une course à Leipzig pour le service de S. M. et si tous les avis qui me venaient de Hambourg ne se fussent réunis, non pas sur la difficulté, mais sur l'impossibilité absolue de trouver un gîte, un abri quelconque et sur les prix des logemens d'auberge, hors de toute proportion croyable. Je pris donc le parti d'envoyer d'ici un homme intelligent, pour aviser sur les lieux aux possibilités d'établissement qui pouvaient rester, et ce n'est que depuis quelques jours que je sais qu'il m'a arrêté, à un loyer excessivement cher, une maison insuffisante pour me loger avec tout mon monde, que cependant je n'ai pu obtenir qu'en achetant en même tems pour plus de 400 louis de meubles dont cette maison se trouve garnie, sans avoir les plus nécessaires. Je reçois de Hambourg à ce sujet

---

на время. Общія понятія, которыя я имѣлъ объ этой резиденціи, были правда неблагопріятны этому проекту. Перевороты и злополучія стольмногихъ странъ, усиливъ до чрезвычайности притокъ населенія въ Гамбургъ, сдѣлали его однимъ изъ самыхъ дорогихъ и убыточныхъ мѣстопребываній въ Европѣ. Я не сознавалъ возможности пещись о существованіи моего семейства, продолжать заботиться о воспитаніи дѣтей, и сверхъ того поддержать имѣющимися у меня средствами достоинство моего сана и моего представительства; но сердце подсказывало мнѣ, предоставить все той, которая заботилась до сихъ поръ, и будетъ продолжать заботиться о тѣхъ, которымъ она постоянно покровительствовала.

Преисполненный этого справедливаго довѣрія, я бы тотчасъ отправился къ мѣсту моего назначенія, если бы мнѣ не предстояла необходимость поѣздки въ Лейпцигъ по дѣламъ службы Ея Величества, и если бы всѣ доходившія до меня извѣстія изъ Гамбурга, не свидѣтельствовали не только о трудности, но даже и о совершенной невозможности найти тамъ какой либо пріютъ и убѣжище, и о высокихъ, свыше всякаго вѣроятія, цѣнахъ помѣщеній въ тамошнихъ гостинницахъ. Наконецъ, я рѣшился послать туда смышленаго человѣка, чтобы осмотрѣть на мѣстѣ возможность пристроиться въ остающихся помѣщеніяхъ, и узналъ нѣсколько дней тому назадъ, что онъ удержалъ за мною квартиру чрезвычайно дорогую, домъ совершенно недостаточный для помѣщенія всѣхъ насъ, и который между тѣмъ я не могъ иначе получить, какъ купивъ въ тоже время болѣе чѣмъ на 400 луидоровъ мебели, которою

beaucoup de félicitations d'avoir fait, non pas une bonne affaire, mais la moins mauvaise possible.

J'étais occupé de cet établissement embarrassant, lorsque la plus funeste nouvelle est venue m'écraser avec la promptitude de la foudre. De tous les malheurs, la possibilité de celui-là seul ne s'était jamais offerte à mon imagination. Né dans le dernier quartier de l'année 1723, ayant par conséquent une avance de 5 ans et demi, comment pouvais-je craindre de survivre à celle pour laquelle je vivais uniquement depuis si longtems? Toutes mes pensées, au contraire, s'étaient concentrées dans celle de ma fin prochaine, comme d'un repos-propice après un long voyage, dont les trois-quarts avaient été tellement heureux que si j'avais fini à propos, il aurait fallu me compter au nombre des hommes les plus fortunés, mais dont le dernier quart si cruellement pénible devait se terminer par le coup mortel qui m'a trouvé sans défense.

Lorsque je reçus le 11/22 novembre la dernière lettre de mon immortelle Protectrice datée du 20/31 octobre, c. à d. 17 jours avant son assomption, elle n'était déjà plus du nombre des vivans. Cette lettre commençait par ces mots: J'ai reçu hier et avant-hier vos paquets par Kalyschkine et Jacovleff. Je n'ai pas le temps d'y répondre etc. etc. Elle me parlait ensuite avec une force et une énergie familières à sa plume, des pensées qui l'occupaient en ce moment, et après avoir tracé par cette explosion un long sillon de

---

домъ этотъ былъ уже наполненъ, хотя между нею не имѣлось самыхъ необходимыхъ вещей. Я получилъ изъ Гамбурга много поздравленій объ устройствѣ этого дѣла, которое находили если не очень выгоднымъ, то и не самымъ плохимъ.

Я былъ еще занятъ этимъ затруднительнымъ устройствомъ, когда пришло самое роковое извѣстіе, поразившее меня съ быстротою молніи. Изъ всѣхъ несчастій, только возможность этого не представлялась никогда моему воображенію. Родившись въ послѣдней четверти 1723 года и будучи слѣдовательно 5-ю съ половиною лѣтъ старше, могъ ли я опасаться пережить ту, для которой одной я жилъ столь долгое время? На противъ, всѣ мысли мои сосредоточивались на близкой моей кончинѣ, какъ на счастливомъ отдыхѣ послѣ долгаго странствованія, изъ котораго три четверти были такъ счастливы, что еслибъ я скончался во время, меня могли бы считать въ числѣ людей самыхъ счастливыхъ; послѣдняя же столь жестоко тягостная четверть, должна была покончиться смертельнымъ ударомъ, встрѣтившимъ меня совершенно беззащитнымъ.

Когда 11 (22) Ноября я получилъ отъ моей безсмертной покровительницы послѣднее письмо, написанное 20 (31) Октября, т. е. 17 дней до кончины, ея не было уже болѣе въ живыхъ. Письмо это начиналось словами: «я получила вчера и третьяго дни ваши пакеты черезъ Колышкина и Яковлева. Мнѣ не досугъ отвѣчать на нихъ и проч.» Она излагала мнѣ затѣмъ, съ свойственною ея перу силою и энергіею, мысли, занимавшія ее въ ту минуту, и озаряя все своимъ свѣтлымъ взглядомъ, она кончала письмо свое этими словами: «прощайте, будьте здоровы. Я

lumière, elle finissait sa lettre en ces termes: Adieu, portez-vous bien. Je vous ai dit ce qui est venu se placer au bout de ma plume. Il est bon que vous sachiez ma manière de penser et d'envisager les choses. Que je fus loin de penser que cet adieu était le dernier, qu'il était éternel!

La certitude que j'en eus peu de jours après, me plongea dans une agonie où je serais resté sans doute, si l'Empereur n'avait daigné me rappeler à la vie. En recevant la nouvelle que six jours après son avènement, S. M. I. m'avait confirmé dans mon poste, un mouvement d'attendrissement et de reconnaissance, en me brisant le coeur, me rendit le sentiment de la vie et me fit en même tems répandre les premières larmes sur ma perte. Qu'au milieu de mon malheur, mon sort serait digne d'envie, si l'Empereur daignait aussi jeter un regard de commisération sur cette famille si constamment protégée par l'Impératrice et aujourd'hui néanmoins délaissée sans ressource. S'il daignait la regarder comme un héritage transmis à sa bienfaisance par sa mère immortelle et lui accorder ce refuge, ce coin de terre, objet de mes dernières sollicitations! Délivré alors du fardeau dont mon coeur est oppressé, je bénirais le ciel, lorsqu'il m'a condamné à d'éternels regrets, de terminer mes jours par le doux et profond sentiment de la reconnaissance pour le fils auguste de mon immortelle Protectrice.

Gotha, ce 17/28 février 1797. Grimm.

выразила вамъ то, что вылилось изъ подъ моего пера. Вамъ нужно знать мой образъ мыслей и какъ я смотрю на вещи.» — Какъ далекъ я былъ отъ того, чтобы думать, что это «прощайте» было послѣднее, и что оно было на вѣки!

Извѣстіе о смерти Императрицы, полученное мною нѣсколько дней спустя, погрузило меня въ скорбь, которая меня конечно свела бы въ могилу, еслибъ Императоръ не удостоилъ призвать меня къ жизни. Получивъ извѣстіе, что чрезъ шесть дней послѣ возшествія на престолъ, Его Императорское Величество утвердилъ меня въ моей должности, я въ чувствѣ умиленія и благодарности, тронутый до глубины моего сердца, возвратился снова къ жизни и въ то же время пролилъ первыя слезы о моей утратѣ. Среди моего несчастія участь моя была бы завидною, если бы Императоръ удостоилъ также бросить взглядъ состраданія на семейство, такъ постоянно покровительствуемое Императрицей и, за всѣмъ тѣмъ, оставленное въ настоящее время безъ всякихъ средствъ. Еслибъ онъ удостоилъ видѣть въ немъ наслѣдство, переданное незабвенною его матерью его благотворительности и далъ бы этому семейству то убѣжище, тотъ клочекъ земли, который былъ предметомъ моихъ послѣднихъ просьбъ! Освободившись тогда отъ бремени, которымъ угнетено сердце мое, я бы благословлялъ небо, присудившее меня къ вѣчному горю и покончилъ бы дни въ сладкомъ и глубокомъ чувствѣ благодарности къ августѣйшему сыну моей незабвенной покровительницы.

Гота, 17 (28) Февраля 1797 г.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ КОММИССІЯ ПРИ ПЕТРѢ II.

1728 г.

(Статья **Д. В. Полѣнова.**)

Намѣреніе объ улучшеніи нашихъ законовъ не было упущено изъ виду и въ кратковременное царствованіе Императора Петра II. При немъ также учреждена была законодательная коммиссія, которая въ ряду прочихъ была четвертая.

Въ это царствованіе управленіе государствомъ отъ имени Императора, сосредоточено было въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, учрежденномъ еще при Императрицѣ Екатеринѣ I.

14 Мая 1728 года * Верховный Тайный Совѣтъ далъ Сенату указъ**, въ которомъ повелѣно было дополнить прежнее Уложеніе, принявъ для сего

---

* Въ подлинныхъ бумагахъ находится копія съ этого указа, и на ней выставлено 27 Мая. Но это число невѣрно. Во второмъ указѣ, состоявшемся по этому же предмету, сдѣлана ссылка на первый указъ и тамъ упомянуто, что этотъ послѣдній данъ 14 Мая. Въ Полн. Собр. Зак. (т. VIII, № 5287) указъ объ учрежденіи этой Коммиссіи помѣщенъ подъ числомъ 14 Іюня. Причина этой не вполнѣ строгой точности объяснена ниже.

** Форма этихъ указовъ была такая же, какая нынѣ употребляется только въ Высочайшихъ манифестахъ и нѣкоторыхъ грамотахъ. Въ началѣ писался малый титулъ: Божіею Милостію, Мы, Петръ Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и пр. и пр. Нашему Сенату, или Нашей такой-то Коллегіи. За симъ слѣдовало содержаніе указа. Въ концѣ означалось: Данъ въ Нашемъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, — число и годъ. Онъ подписывался однимъ изъ членовъ Совѣта и скрѣплялся оберъ-секретарёмъ и другими младшими чинами Совѣта.

за основаніе порядокъ, постановленный въ указѣ Петра Великаго отъ 15 Іюня 1714 года.

Въ семъ послѣднемъ было сказано: «всѣ дѣла дѣлать по Уложенью, а новоуказныя статьи и сепаратные указы отмѣнить, кромѣ тѣхъ, которые учинены не въ противность, а въ дополненіе къ Уложенью; по тѣмъ же предметамъ, о которыхъ въ Уложеньи не упомянуто, а существуютъ разные указы, то послѣдніе разсмотрѣть въ Сенатѣ, избрать изъ нихъ приличные къ истинѣ и сдѣлать на всякій предметъ одинъ указъ». Но какъ этого, сказано въ указѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, по нынѣ еще не учинено, то и подтверждалось означенный указъ 1714 года привести въ исполненіе. Къ распоряженіямъ, заключающимся въ этомъ указѣ, присовокуплено, чтобы всѣ указы и новоуказныя статьи разобрать и тѣ, которые будутъ слѣдовать въ дополненіе къ Уложенію «или что еще потребно сверхъ того пополнить», представлять въ Сенатъ, а въ Сенатѣ слушать ихъ немедленно. Когда же объ нихъ состоится надлежащее постановленіе, то вносить ихъ въ Верховный Тайный Совѣтъ на утвержденіе, а потомъ ихъ напечатать и пріобщать къ приличнымъ главамъ Уложенія.

Для разбора указовъ и подведенія ихъ къ статьямъ Уложенія, главнѣйшей въ этомъ дѣлѣ работы, — тѣмъ же указомъ повелѣвалось: «выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи и Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ, за выборомъ отъ шляхетства, и конечно ихъ выслать Сентября къ 1 числу нынѣшняго 1728 года безъ всякаго отлагательства».

Высокій Сенатъ, какъ онъ тогда назывался, постановивъ послать въ подлежащія губерніи указы о исполненіи сего Высочайшаго повелѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ Верховному Тайному Совѣту, что по его указу, данному еще въ 1726 году, велѣно быть у сочиненія Уложенія духовнымъ, гражданскимъ, воинскимъ и изъ купечества по два человѣка. Но какъ изъ нихъ никто еще не былъ опредѣленъ къ сему дѣлу, то Сенатъ спрашивалъ разрѣшенія, кому находиться при сочиненіи того Уложенія, особымъ ли членамъ и кому именно, или тѣмъ, которые назначались по послѣднему указу.

Изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта прямаго на сіе разрѣшенія дано не было, а состоялся новый Высочайшій указъ отъ 10 Іюня, въ которомъ сдѣлано было дополнительное постановленіе, чтобы выбраннымъ для сочиненія Уложенія лицамъ производить каждому по полтинѣ въ день, въ теченіе полугода. Деньги для сего назначено было заимствовать въ губерніяхъ изъ неокладныхъ доходовъ, т. е. изъ тѣхъ, которые въ штатъ не положены, а въ Москвѣ выдавать изъ Камеръ-Коллегіи изъ тѣхъ же доходовъ.

Хотя Сенатъ, по первому Высочайшему указу, опредѣлилъ послать не-

медленно указы въ губернію, но это, какъ видно, не было исполнено за сдѣланнымъ имъ представленіемъ Верховному Тайному Совѣту. Теперь Сенатъ выслушалъ оба Высочайшіе указа вмѣстѣ и согласно съ ними постановилъ 14 Іюня новое опредѣленіе, дополнивъ прежнее распоряженіемъ о жалованьи и прибавивъ въ заключеніе слѣдующее: «а къ сочиненію Уложенія дать съ сего (опредѣленія) копію* и подтвердить, чтобъ по силѣ онаго Его Императорскаго Величества указа до пріѣзда назначенныхъ офицеровъ и дворянъ всѣ указы и новоуказныя статьи и прочее были разобраны и къ слушанію изготовлены»**.

Указы Сената посланы были 20 Іюня въ слѣдующія восемь губерній: Московскую, Новгородскую, Бѣлогородскую, Воронежскую, Нижегородскую, Казанскую, Архангельскую и Смоленскую. Въ теченіе Іюля мѣсяца губернскія канцеляріи, соотвѣтствовавшія нынѣшнимъ губернскимъ правленіямъ, донесли Сенату о полученіи его указовъ и о предписаніи подвѣдомственнымъ имъ провинціальнымъ воеводствамъ выполнить сообщенный имъ Высочайшій указъ. Нѣкоторыя изъ губернскихъ канцелярій, передавая провинціямъ этотъ указъ, дополнили его частными распоряженіями. Такъ напримѣръ, Московская присовокупила, что она предписала воеводствамъ выбрать людей самыхъ добрыхъ и которые могли бы означенное дѣло править.

Наступило 1-е Сентября, и ни одного изъ дворянъ и офицеровъ въ Москву не прибыло. Только 4 Сентября Сенатъ получилъ изъ Великолуцкой провинціи донесеніе, въ которомъ она увѣдомляла, что Великолуцкіе и Торопецкіе дворяне выбрали къ сочиненію Уложенія дворянина Ивана Чирикова, и выборъ его засвидѣтельствованъ собственноручными подписями

---

* Здѣсь подъ словами «къ сочиненію Уложенія» должно разумѣть особое присутствіе, которое трудилось надъ сочиненіемъ Уложенія. Изъ этого видно, что занятіе имъ не прекращалось и слѣдовательно третья коммиссія, учрежденная Императоромъ Петромъ Великимъ въ 1719 — 20 годахъ, въ которой предположено было соединить Русскіе законы со Шведскими, продолжала свое существованіе. Но что она во все это время дѣлала, объ этомъ никакихъ документовъ еще не найдено. Подтвержденіемъ ея существованія служитъ и самый указъ 1726 года о назначеніи въ оную, для усиленія или ускоренія ея дѣятельности, по два лица изъ духовныхъ, гражданскихъ, воинскихъ и изъ купечества.

** Выше замѣчено было, что въ Полн. Собр. Зак. указъ объ учрежденіи этой коммиссіи помѣщенъ подъ числомъ 14 Іюня (т. VIII, № 5287). Это число соотвѣтствуетъ дню, въ который состоялось послѣднее опредѣленіе Сената, и собственно говоря въ Полн. Собр. Зак. помѣщено это опредѣленіе, въ которое, по принятому порядку вошли дословно оба Высочайшіе указа. Передъ заголовкомъ этого постановленія сказано: «Сенатскій, въ слѣдствіе имяннаго, состоявшагося въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ».

дворянъ. Чириковъ отправленъ въ Москву 20 Августа и получилъ жалованье на полгода, т. е. по 19 Февраля 1729 г. 91 р. 50 коп.

Въ слѣдствіе сего Сенатъ приказалъ, ежели Чириковъ уже находится въ Москвѣ, то сыскавъ его, велѣть ему явиться въ Сенатъ и объявить указъ, чтобы онъ до пріѣзда другихъ никуда изъ Москвы не выѣзжалъ. Вмѣстѣ съ симъ Сенатъ постановилъ послать вновь указы въ губерніи о высылкѣ въ Москву офицеровъ и дворянъ въ теченіе Сентября мѣсяца и донести почему они не были высланы къ назначенному сроку.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ явились въ Москву весьма немногіе, и Сенатъ 30 Сентября вновь подтвердилъ губернскимъ канцеляріямъ о немедленномъ исполненіи объявленнаго имъ Высочайшаго повелѣнія. Изъ этого образовалась довольно пространная переписка. Губернскія канцеляріи въ оправданіе свое нашли нужнымъ не разъ доносить Сенату въ подробности, какъ о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ, такъ и о разныхъ случаяхъ, препятствовавшихъ скорому исполненію указовъ Сената.

Изъ числа прибывшихъ въ Москву и явившихся въ Сенатъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ были Московской губерніи, Суздальской провинціи царедворецъ Александръ Сіяновъ и Ярославской провинціи капитанъ Θедоръ Суриновъ. Послѣдній подалъ о себѣ донесеніе Московской губернской канцеляріи; Сіяновъ же представился безъ всякой бумаги. Сдѣлали спрявку и оказалось, что онъ явился «самъ собою». Тогда Сенатъ послалъ въ губернскую канцелярію формальный объ немъ запросъ. Канцелярія донесла, что посланный изъ Ярославской провинціи капитанъ Θедоръ Суриновъ, прибывъ въ Москву, записалъ о своемъ пріѣздѣ и представилъ донесеніе изъ своей провинціи и выборъ за помѣщиковыми руками. Объ Сіяновѣ же она присовокупила, что по ея мнѣнію онъ къ тому дѣлу не заобыкновененъ, потому что къ оному велѣно опредѣлять такихъ людей, которые бы удостоились быть выбранными помѣщиками тѣхъ городовъ, откуда они присылаются. На основаніи сего отзыва Сенатъ приказалъ Сіянову у сочиненія Уложенія не быть, а на его мѣсто выбрать и прислать другаго.

Въ послѣдствіи изъ той же губерніи были присланы въ Сенатъ 24 Октября выбранные изъ Костромской провинціи маіоръ Тимоѳей Норинъ; изъ Владимірской — отставной капитанъ Григорій Ширяевъ; изъ Юрьевской — маіоръ Яковъ Сытинъ. Накопецъ послѣдній прибылъ (22 Ноября) изъ Переславской провинціи жилецъ Иванъ Кобяковъ.

Новгородская губернская канцелярія донесла Сенату, отъ 12-го Сентября, что для отправленія въ Москву выбранъ изъ дворянъ Новгородскій помѣщикъ Иванъ Скобельцынъ, и что за нимъ посланы въ уѣздъ солдаты

уже въ третій разъ, но не смотря на то, онъ оказался ослушенъ и въ Новгородъ не поѣхалъ.

Тогда губернская канцелярія послала за нимъ подъячаго и трехъ солдатъ съ приказаніемъ, ежели онъ укроется, то взять жену его и привести въ Новгородъ подъ карауломъ, а если и она тоже будетъ укрываться, то за преслушаніе движимое и недвижимое ихъ имѣніе отписать на Государя и людямъ ихъ и крестьянамъ ни въ чемъ ихъ не слушать. Это распоряженіе имѣло свое дѣйствіе. Скобельцынъ явился въ губернскую канцелярію 20-го Сентября и въ тотъ же день отправленъ въ Москву съ солдатомъ. При отправленіи его взятъ съ него реверсъ и выдано ему жалованье по положенію. Онъ прибылъ въ Москву только 27 Октября.

Другой выборный изъ Новгородской губерніи былъ Псковской дворянинъ Иванъ Ушаковъ. Псковская провинціальная канцелярія, сообщивъ объ этомъ губернской канцеляріи, присовокупила, что для высылки его въ Новгородъ и для взятія отъ него реверса въ объявленіи ему указа, посланъ былъ нарочный разсыльщикъ. Послѣ того Псковская канцелярія донесла, что за Ушаковымъ посланы были разсыльщики два раза, но они, не отыскавъ его, привезли въ Псковъ двухъ человѣкъ дворовыхъ людей, которые показали, что помѣщикъ ихъ, еще до прибытія разсыльщиковъ, выѣхалъ въ Петербургъ для отчета. Привезенные же во Псковъ люди его оставлены тамъ подъ карауломъ.

Губернская канцелярія предписала 3 Сентября Псковской канцеляріи, чтобы она, если Ушаковъ дѣйствительно выѣхалъ въ Петербургъ до полученія объ немъ указа, распорядилась назначеніемъ вмѣсто его другаго достойнаго и прислала бы сего послѣдняго съ выборомъ (т. е. съ документами о выборѣ), дабы онъ могъ поспѣть въ Москву къ сроку. Въ противномъ случаѣ, присовокупляла губернская канцелярія, взыскано будетъ на воеводѣ полковникѣ Давыдовѣ съ товарищами, ибо такого, за которымъ есть дѣло, безъ надлежащей справки, выбирать не слѣдовало. Воевода Давыдовъ отвѣчалъ на это, что Ушаковъ точно отправился въ Петербургъ для отдачи отчета по бытности его въ Нарвѣ въ рентмейстерахъ. Спустя же нѣсколько времени, этотъ же воевода увѣдомилъ Новгородскую канцелярію, что Ушаковъ, какъ объявилъ въ засѣданіи маіоръ Кожевниковъ, нынѣ проживаетъ въ другой своей усадьбѣ, въ Кобыльскомъ уѣздѣ. Кожевниковъ же самъ былъ при выборѣ Ушакова и къ выбору руку приложилъ. На основаніи этаго показанія за Ушаковымъ посланъ былъ въ ту усадьбу третій разсыльщикъ. Наконецъ 9 Октября Псковская провинціальная канцелярія донесла Новгородской канцеляріи, что Ушаковъ умеръ. Хотя на его мѣсто и былъ выбранъ изъ дворянъ Иванъ Квашнинъ-Самаринъ, но онъ тутъ же въ присутствіи

показалъ, что онъ находится на службѣ пограничнымъ коммиссаромъ отъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Тогда выбранъ былъ помѣщикъ Лаврентій Офросимовъ. Онъ отправленъ изъ Псковской канцеляріи 10-го Октября съ подпискою, чтобы явиться въ Сенатъ къ 20 числу того же мѣсяца, для чего и жалованье ему выдано.

Кромѣ Великолуцкаго дворянина Чирикова, который, какъ выше было сказано, явился въ Сенатъ первымъ, изъ приписныхъ къ Новгородской губерніи провинцій былъ выбранъ отъ Бѣлозерской провинціи прапорщикъ Иванъ Десятый. Давъ подписку 25 Іюля подъ штрафомъ по военному артикулу, что онъ явится въ Сенатъ къ положенному сроку, онъ получилъ слѣдующееее ему жалованье за полгода и отправился въ Москву 20 Августа. Въ Сенатъ же явился 23-го Сентября.

Отъ Тверской провинціи первоначально выбранъ былъ Старицкій помѣщикъ, стольникъ Дмитрій Сытинъ; его также долгое время не могли отыскать, и вмѣсто его, уже въ Январѣ слѣдующаго года, назначенъ Ржевскій помѣщикъ Ѳеодосій Толстой. Тверская канцелярія, отправивъ его въ Москву въ концѣ Января, обязала его явиться въ срокъ по регламенту. Жалованье ему выдано, «изъ акцизныхъ сборовъ за положеніемъ платежа въ Адмиралтейскую коллегію».

Бѣлогородская губернская канцелярія на второй указъ Сената донесла, 30 Сентября, что еще по первому его указу послано было отъ нея по восьми указовъ къ воеводамъ въ провинціи Сѣвскую и Орловскую и въ города Курскъ и Старый Осколъ. Но воеводы изъ этихъ городовъ никого не прислали къ сроку. Хотя послѣ того и было прислано нѣсколько лицъ, но они были не способны къ предположенному дѣлу, потому что по осмотру одни оказались глухіе и хромые, а другіе стары и дряхлы. Всѣ они были отправлены обратно и къ воеводамъ посланы нарочные разсыльщики съ приказаніемъ выслать выборныхъ въ самомъ скоромъ времени.

Не прежде 7 Ноября Бѣлогородская канцелярія донесла Сенату, что 2-го этого мѣсяца отправились въ Москву изъ Сѣвской и Орловскій провинціи дворяне: Василій Давыдовъ, Степанъ Левшинъ, Иванъ Спѣшневъ и Григорій Константиновъ. По случаю наступившей глубокой осени велѣно имъ явиться въ Сенатъ къ 30 Ноября, въ чемъ они подписались подъ отнятіемъ движимаго и недвижимаго ихъ имѣнія. Пятый выбранный былъ Рыльскій дворянинъ Еремей Арсеньевъ. Объ немъ еще прежде было донесено, что онъ уже высланъ и долженъ былъ явиться въ губернскую канцелярію къ 1 Октября; но какъ онъ и до сего времени не прибылъ, то губернская канцелярія предписала Сѣвской провинціи имѣніе Арсеньева отписать на Его Императорское Величество.

Къ этому Бѣлогородская канцелярія присовокупила, что дворяне Давыдовъ и Константиновъ, не желая находиться при сочиненіи Уложенія, объявили, что они состояли у сборовъ денежной казны — Давыдовъ съ 1721 по 1727 г. коммисаромъ въ Орлѣ, а Константиновъ въ 1720 году въ этомъ же званіи въ Сѣвскѣ, потомъ у рентмейстерскихъ дѣлъ, а въ 1722 по 1724 въ Каменномъ Недригайловѣ коммисаромъ же и наконецъ въ 1725 году въ земской конторѣ у камерирскихъ дѣлъ. Хотя книги по симъ должностямъ представлены ими куда слѣдуетъ, но до сего времени они не были считаны. Однако же это заявленіе, какъ видно, не было принято во вниманіе и Давыдовъ и Константиновъ отправлены были въ Москву вмѣстѣ съ прочими. Въ Сенатъ они явились 27 Ноября.

Воронежская губерская канцелярія послала предписанія о высылкѣ въ Москву дворянъ и офицеровъ въ провинцію Шацкую, Тамбовскую и Елецкую. Въ Бахмутскую провинцію, за неимѣніемъ въ ней дворянъ и офицеровъ, не было послано предписанія. Въ первый разъ отправлены были, отъ Воронежской провинціи, дворянинъ Маркъ Плотниковъ, а отъ Елецкой—дворянинъ Сергѣй Павловъ. Имъ велѣно явиться въ Сенатъ къ 25-му Октября. Павлову назначено жалованье изъ Елецкой провинціальной канцеляріи, а Плотникову изъ губернской. Но какъ въ нихъ наличныхъ денегъ, не положенныхъ въ штатъ, не было, то онѣ взяты были заимообразно въ Раненбургской троицкой ярмаркѣ съ квасной продажи и съ торговой бани. Донося о семъ Сенату, отъ 17-го Октября, Воронежская губернская канцелярія присовокупила, что такъ какъ къ воеводамъ Тамбовской и Шацкой провинцій послано было по пяти указовъ (11 Іюля, 5 и 22 Августа 27 Сентября и 5 Октября) со многимъ подтвержденіемъ, и за всѣмъ тѣмъ отъ нихъ по сіе число никого не было прислано, то губернская канцелярія положила взять съ этихъ воеводъ штрафъ по 50 рублей, для взысканія котораго посланы нарочные офицеры.

Въ концѣ Ноября мѣсяца губернская канцелярія донесла, что прибылъ въ Воронежъ отъ Тамбовской провинціи отставной капитанъ Онисифоръ Татариновъ. Ему выдано жалованье изъ того же источника, какъ и предъидущимъ, и велѣно явиться въ Сенатъ къ 15-му Декабря. Наконецъ отъ Шацкой провинціи присланы были отставные маіоры Семенъ Вышеславцевъ и Григорій Свищовъ. Они отправлены были въ Москву 13 Декабря съ обязанностію явиться въ Сенатъ къ 1-му Января 1729 года.

Нижегородская губернская канцелярія отъ 25 Сентября довела до свѣдѣнія Сената, что она послала въ провинціи Алатырскую и Арзамасскую по три указа и хотя изъ первой присланы были дворяне, но всѣ они оказались малопомѣстными, а потому и не были отправлены въ Москву. Только въ поло-

винѣ Октября прибыли въ Нижній Новгородъ изъ Алатырской провинціи по выбору отъ Курмышскихъ помѣщиковъ подполковникъ Кипріанъ Дубенской и отъ Нижегородской провинціи изъ помѣщиковъ маіоръ Иванъ Вельяшевъ и поручикъ Ѳеодоръ Аракчеевъ. Всѣмъ имъ велѣно явиться въ Сенатъ къ 25 Октября. Жалованье имъ выдано по 91 рублю 8 алт. и 2 деньги.

Въ Казанской губерніи первый указъ Сената полученъ былъ 6 Іюля, въ бытность тамъ губернаторомъ генералъ-маіора Зотова. Но какъ указъ этотъ былъ присланъ на имя вновь назначеннаго туда губернаторомъ Артемія Волынскаго, то Зотовъ, не сдѣлавъ по оному ни какого исполненія, выѣхалъ изъ Казани 14 Іюля и по отъѣздѣ своемъ поручилъ губернское управленіе секретарямъ. Дѣйствительно, двое изъ нихъ Василій Второвъ и Петръ Богдановъ 24 Іюля послали въ Сенатъ за своими подписями донесеніе, въ которомъ писали, что помянутый указъ Сената объявленъ собравшемуся въ то время въ Казани шляхетству, и что по выборѣ ими дворянъ и офицеровъ сіи послѣдніе будутъ посланы въ Москву немедленно. Дворяне были созваны въ Казань по случаю учрежденія особой коммиссіи о подушномъ сборѣ, для подачи мнѣнія о удержаніи бѣглыхъ (вѣроятно крестьянъ). По отъѣздѣ же губернатора Зотова, дворяне, за отбытіемъ главнаго начальника, не приступая къ выбору кого либо изъ своей среды къ сочиненію Уложенія, самовольно разъѣхались изъ Казани.

Волынскій донесъ Сенату, отъ 30 Октября, что къ мѣсту своего назначенія онъ послалъ нарочныхъ съ указами для выбора требуемыхъ пяти человѣкъ и что вслѣдствіе сего были выбраны изъ Казанской провинціи Наумъ Бараковъ и Никита Бѣлавинъ, изъ Свіяжской Василій Тверитиновъ, изъ Пензенской Автономъ Облязовъ и Григорій Соловцовъ. Къ этому Волынскій присовокупилъ, что Бѣлавинъ еще въ Іюнѣ мѣсяцѣ отпущенъ по своимъ дѣламъ въ Москву по 1 Января 1729 г., а потому къ нему посланъ указъ, чтобы по полученіи его, онъ явился бы въ Сенатъ немедленно. Бараковъ и Тверитиновъ отправлены въ Москву съ приказаніемъ явиться въ Сенатъ на срокъ по регламенту, въ чемъ съ нихъ взята подписка. Такъ какъ выбранные изъ Пензенской провинціи дворяне еще не прибыли, то къ тамошнему воеводѣ послано съ нарочнымъ потвержденіе, чтобы онъ выслалъ ихъ въ Казань съ тѣмъ же нарочнымъ, подъ карауломъ.

Архангелогородская губернская канцелярія, во исполненіе перваго указа Сената, предписала Галицкой (Солигалицкой) и Вологодской провинціямъ, чтобы онѣ распорядились высылкою дворянъ къ сочиненію Уложенія — первая трехъ человѣкъ, а вторая двухъ. Дворянство Галицкой провинціи, избравъ для этого дѣла Галицкихъ помѣщиковъ, капитана Петра Лермонтова, поручика Григорія Нелидова и поручика Максима Бартенева, дало на

нихъ за своими руками выборъ. Этимъ дворянамъ объявленъ былъ указъ Его Императорскаго Величества, выдано жалованье и они отправлены въ Москву 19-го Августа. Обо всемъ этомъ губернская канцелярія донесла Сенату отъ того же числа. Но до 11 Сентября ни одинъ изъ означенныхъ дворянъ не пріѣхалъ въ Москву. Сенатъ далъ о семъ знать губернской канцеляріи, которая донесла, что она послала въ обѣ помянутыя провинціи повторительные указы, предписавъ мѣстнымъ воеводамъ, чтобы въ случаѣ, ежели который либо изъ тѣхъ дворянъ окажется въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, то, взявъ ихъ, выслать непремѣнно въ указный срокъ по регламенту и за поруками. Если же они и не будутъ находиться въ своихъ помѣстьяхъ, то не смотря на сіе людей ихъ и крестьянъ держать подъ караломъ до тѣхъ поръ пока помянутые дворяне не явятся въ Сенатъ. На указъ Сената отъ 30 Сентября, въ которомъ онъ предписывалъ выслать въ скорѣйшемъ времени изъ Галицкой провинціи дворянъ, которые еще не прибыли въ Москву, губернская канцелярія вновь донесла о сдѣланномъ ею распоряженіи держать людей ихъ и крестьянъ подъ карауломъ и въ заключеніе присовокупила, что если они и за симъ не будутъ высланы въ Москву, то «всеконечно штрафованы будутъ, яко преступники указа» и никакія отговорки ихъ не будутъ приняты въ уваженіе. Должно полагать, что упоминаемые дворяне вскорѣ послѣ того явились въ Сенатъ, хотя точнаго указанія объ этомъ и нѣтъ въ бумагахъ; но переписка объ нихъ прекратилась.

Вологодская провинціальная канцелярія отъ 17 Августа донесла Сенату прямо отъ себя, что тамошнее дворянство выбрало капитана Андрея Венгерскаго и дворянина Афанасія Денисова. Имъ выдано жалованье по 91 руб. 25 коп., считая съ 22 Августа, и велѣно явиться въ Сенатъ отъ сего числа въ указный срокъ по регламенту. Они прибыли въ Москву 13 Сентября.

Смоленская губернія, относительно внутренняго ея управленія, еще находилась въ то время въ исключительномъ положеніи. Тамошнее шляхетство имѣло у себя въ качествѣ своего представителя и начальника особаго генералъ-маіора. По этому Смоленская губернская канцелярія, получивъ первый указъ Сената о присылкѣ въ Москву дворянъ для сочиненія Уложенія, сообщила его для исполненія бывшему тогда генералъ-маіору отъ шляхетства Потемкину. Имъ опредѣленъ былъ для этого дѣла стольникъ Петръ Азанчеевъ. Губернская канцелярія распорядилась и съ своей стороны назначеніемъ отставнаго поручика Петра Богдановича. По выдачѣ имъ жалованья они отправлены изъ Смоленска 23 Августа съ повелѣніемъ явиться имъ въ Сенатъ къ положенному сроку; въ чемъ и взяты отъ нихъ подписки подъ штрафомъ. 31 Августа присланъ былъ изъ Вязьмы съ выборомъ за руками отъ

шляхетства жилецъ Потапъ Ледицкій. Ему велѣно явиться въ Сенатъ въ первыхъ числахъ Сентября. Наконецъ 19 Сентября отправлены въ Москву, по назначенію генералъ-маіора Потемкина, Михаилъ Станкевичъ и Михаилъ Фроловскій. Хотя съ нихъ также взяты были подписки подъ штрафомъ, въ скоромъ прибытіи ихъ въ Москву, но они явились не прежде какъ 30 Ноября.

Между тѣмъ 23 Ноября въ Сенатѣ составленъ былъ списокъ прибывшимъ въ Москву дворянамъ и офицерамъ. Ихъ оказалось на лице только 24; неявившихся было 16 человѣкъ. Это замедленіе побудило Сенатъ еще разъ подтвердить главнымъ мѣстнымъ начальствамъ, чтобы они въ возможной скорости выслали въ Москву остальныхъ дворянъ и офицеровъ, которые были назначены для сочиненія Уложенія. Въ теперешнемъ указѣ, посланномъ 27 Ноября, уже самъ Сенатъ вынужденъ былъ употребить угрозу, что помѣстья и вотчины тѣхъ, которые въ скоромъ времени не явятся, будутъ отписаны на Государя.

9 Декабря секретарь Верховнаго Тайнаго Совѣта Володиміровъ явился предъ собраніемъ Сената и словесно предложилъ приказаніе Совѣта, представить ему, въ будущую середу, на смотръ офицеровъ и дворянъ, которые высланы изъ губерній къ сочиненію Уложенія, съ вѣдомостію о ихъ лѣтахъ и съ означеніемъ сколько за каждымъ изъ нихъ состоитъ деревень.

11 Декабря представленъ изъ Сената въ Верховный Тайный Совѣтъ слѣдующій списокъ означеннымъ дворянамъ и офицерамъ.

Изъ Московской губерніи: маіоръ Яковъ Сытинъ 56 лѣтъ, въ Костромскомъ, въ Галицкомъ, въ Юрьевскомъ, въ Арзамасскомъ, въ Пензенскомъ и въ Алатырскомъ уѣздахъ 50 дворовъ; маіоръ Тимоѳей Норинъ 60 лѣтъ, въ Костромскомъ уѣздѣ 1 дворъ; капитанъ Ѳедоръ Суриновъ 61 года, помѣщенъ въ Ярославскомъ уѣздѣ, а крестьянъ не имѣетъ; капитанъ Григорій Ширяевъ 43 лѣтъ, въ Муромскомъ уѣздѣ 1 дворъ; жилецъ Иванъ Кобяковъ 53 лѣтъ, въ Рязанскомъ и въ Ряжскомъ уѣздахъ 7 дворовъ.

Новгородской губерніи: дворянинъ Иванъ Чириковъ 52 лѣтъ, въ Великолуцкомъ уѣздѣ 13 дворовъ; дворянинъ Иванъ Скобельцынъ 57 лѣтъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ 15 дворовъ; дворянинъ Лаврентій Офросимовъ 55 лѣтъ, въ Пусторжевскомъ и въ Великолуцкомъ уѣздахъ 8 дворовъ; прапорщикъ Иванъ Десятого 61 года, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ 1 дворъ; дворянинъ Ѳедоръ Тыртовъ, неозначено.

Бѣлогородской губерніи: жилецъ Василій Давыдовъ 57, лѣтъ въ Орловскомъ, въ Бѣлевскомъ и въ Можайскомъ уѣздахъ 10 дворовъ; стольникъ Степанъ Левшинъ 70 лѣтъ, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ 12 дворовъ; жилецъ Иванъ Спѣшневъ 60 лѣтъ, въ Болховскомъ уѣздѣ 2 двора; капитанъ Григорій Константиновъ 60 лѣтъ, въ Путивльскомъ уѣздѣ 15 дворовъ.

Воронежской губерніи: дворянинъ Маркъ Плотниковъ 50 лѣтъ, дворовыхъ 5 душъ испомѣщены въ Воронежскомъ и въ Землянскомъ уѣздахъ; дворянинъ Сергѣй Павловъ 50 лѣтъ, въ Медынскомъ и въ Лебедянскомъ уѣздахъ 29 душъ; дворянинъ Онисифоръ Татариновъ 60 лѣтъ, въ Ряжскомъ и въ Рязанскомъ уѣздахъ 5 дворовъ; маіоръ Семенъ Вышеславцевъ 57 лѣтъ, въ Шацкомъ уѣздѣ 89 душъ; маіоръ Григорій Свищовъ 68 лѣтъ, тамъ же 1 дворъ.

Нижегородской губерніи: подполковникъ Купріанъ Дубенскій 60 лѣтъ, въ Арзамасскомъ и въ Курмышскомъ уѣздахъ 22 двора; маіоръ Иванъ Вельяшевъ 61 года, въ Нижегородскомъ уѣздѣ 29 душъ; поручикъ Ѳедоръ Аракчеевъ 64 лѣтъ, тамъ же 5 дворовъ; дворянинъ Иванъ Мертваго и прапорщикъ Петръ Кологривовъ, неозначено и о выборѣ ихъ и отправленіи въ Москву никакого документа въ дѣлѣ не находится.

Казанской губерніи: царедворецъ Наумъ Бараковъ 69 лѣтъ, въ Яранскомъ уѣздѣ 7 дворовъ; царедворецъ Григорій Соловцовъ 49 лѣтъ, въ Курмышскомъ и въ Терскомъ уѣздахъ 17 дворовъ; дворянинъ Василій Тверитиновъ 48 лѣтъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ 8 дворовъ; жилецъ Автономъ Облязовъ 60 лѣтъ, не показано.

Архангелогородской губерніи: капитанъ Петръ Лермантовъ 51 года, въ Галицкомъ и въ Ярославскомъ уѣздахъ 60 дворовъ; капитанъ Андрей Венгерскій 55 лѣтъ, въ Вологодскомъ уѣздѣ 45 душъ; поручикъ Максимъ Бартеневъ 42 лѣтъ, крестьянъ 10 дворовъ, не показано гдѣ; поручикъ Григорій Нелидовъ 57 лѣтъ, въ Галицкомъ уѣздѣ 25 дворовъ; дворянинъ Аѳанасій Денисовъ 48 лѣтъ, въ Вологодскомъ уѣздѣ 7 дворовъ.

Смоленской губерніи: стольникъ Петръ Азанчеевъ 52 лѣтъ, въ Смоленскомъ и въ Рославскомъ уѣздахъ 500 душъ; поручикъ Петръ Богдановичъ 48 лѣтъ, въ Дорогобужскомъ и въ Бѣльскомъ уѣздахъ 8 дворовъ; жилецъ Потапъ Ледицкій 56 лѣтъ, въ Волоколамскомъ уѣздѣ 2 двора; шляхтичь Михаилъ Станкевичъ 31 года, крестьянъ 16 дворовъ, безъ означенія мѣстности; шляхтичь Михаилъ Фроловскій 31 года, въ Рославскомъ уѣздѣ 5 и въ Смоленскомъ 21 дворъ.

Очевидно, что списокъ этотъ составленъ позднѣе 11 Декабря. Въ немъ показаны лица, которымъ еще на мѣстѣ назначено было прибыть въ Москву къ 1 Января 1729 года, между тѣмъ какъ они внесены въ списокъ явившимся. Этимъ спискомъ оканчивается производство дѣла въ Сенатѣ о высылкѣ дворянъ и офицеровъ къ сочиненію Уложенія. Подробности произведеннаго въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ осмотра означеннымъ лицамъ, неизвѣстны. Только изъ указа 16 Мая 1729 года (Полн. Собр. Зак. т. VIII, № 5412), объявленнаго Сенату Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, видно,

что всѣхъ этихъ офицеровъ и дворянъ велѣно отпустить по домамъ, а на мѣсто ихъ приказано губернаторамъ выбрать другихъ знатныхъ и добрыхъ людей изъ каждой губерніи по два человѣка, которые къ тому дѣлу, т. е. къ сочиненію Уложенія, были бы достойны. Изъ этаго распоряженія можно по крайней мѣрѣ заключить, что высланные въ нынѣшній разъ оказались къ дѣлу неспособными.

О дальнѣйшемъ послѣдствіи исполненія по сему послѣднему указу свѣдѣній не найдено.

Не смотря на то, что учрежденіе этой законодательной коммиссіи, въ самомъ началѣ своемъ, было безъуспѣшно и что она наконецъ вовсе не была осуществлена, она замѣчательна, во первыхъ потому, что въ ней проявилось въ первый разъ выборное начало, которое спустя сорокъ лѣтъ получило широкое и болѣе правильное развитіе въ знаменитой Екатерининской коммиссіи. Другая сторона, которая въ коммиссіи 1728 года обращаетъ на себя вниманіе та, что въ ней совершенно устранено было иноземное начало, которое намѣревался ввести въ наши законы Императоръ Петръ Великій, установленіемъ коммиссіи 1720 года. Онъ, какъ извѣстно, повелѣлъ ей составить такое уложеніе, въ которомъ были бы помѣщены и шведскіе законы. Указъ 14 Мая 1728 г. не только обходитъ коммиссію 1720 года, но ставитъ на первый планъ намѣреніе Петра Великаго привести въ болѣе правильное состояніе Русское уложеніе.

ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

ГРАФУ ИВАНУ ЧЕРНЫШЕВУ.

(Сообщено княземъ **П. А. Вяземскимъ.**)

Прилагаемый здѣсь отрывокъ, заключающій въ себѣ пророчество, шутку, назовите, какъ угодно — носитъ на себѣ какъ и все, что озаглавлено именемъ, мыслью и почеркомъ Екатерины II, свѣтлую печать остраго и глубокомысленнаго ума. Личность Императрицы выказывается и высказывается во всѣхъ Ея поступкахъ и словахъ. Кто-то сказалъ, что въ ней была особенная прелесть благоразумія. Рано начала она мыслить — въ такомъ возрастѣ и въ такомъ положеніи, когда мышленіе, изученіе людей и событій могли-бы казаться еще преждевременными. До старости своей сохранила она свѣжесть мысли и ясновидѣніе внутренняго зрѣнія.

Списокъ съ сего собственноручнаго отрывка данъ мнѣ былъ лѣтъ 30 и болѣе тому Оберъ-Шенкомъ Графомъ Григоріемъ Ивановичемъ Чернышевымъ, сыномъ того самаго Графа Чернышева, который получилъ эту статью изъ рукъ самой Екатерины.

При чтеніи этого отрывка, этой программы будущаго, можно было-бы удивиться, какъ ускользнули отъ прозорливости и дальновидѣнія Екатерины событія, которыя, лѣтъ десять спустя, должны были потрясти и ниспровергнуть Францію отъ вершины до подошвы и вмѣстѣ съ тѣмъ отозваться такимъ сильнымъ сотрясеніемъ во всей Европѣ.

Можно было-бы сказать, что она именно *слона*, т. е. революціи, и не замѣтила.

Во первыхъ, легко можетъ статься, что Императрицѣ не хотѣлось въ такой бѣглой, шуточной статьѣ коснуться жгучаго вопроса, если онъ и представлялся ей въ большемъ или меньшемъ отдаленіи.

Ея предсказанія ничего не предсказываютъ опредѣлительнаго: какъ вообще бываютъ и должны быть всѣ предсказанія человѣческой мудрости,

они не должны были наводить страхъ и ужасъ на слушающихъ и тѣмъ самымъ сдѣлать огласку. Къ тому-же французская революція не явилась внезапно во всеоружіи, какъ баснословная Минерва изъ головы Юпитера.

Эта, хотя историческая, но въ полномъ смыслѣ — *Лже-Минерва*, воспрянувшая изъ больного мозга французскаго народа, вооружалась постепенно и мало-по-малу, хотя и съ изумительной быстротой. Цѣлыя бездны отдѣляютъ 89-ый годъ отъ 93-го и за нимъ слѣдующихъ. Эти бездны должны были быть завалены всевозможными обломками стараго порядка и залиты потоками крови, чтобы Франція могла перейти чрезъ нихъ къ новому строю.

Всѣ чувствовали во французской атмосферѣ какое-то особенное присутствіе электричества: запахъ горючихъ стихій, который носился въ воздухѣ, что-то обѣщалъ, чѣмъ-то грозилъ. Но не было причины думать, что всѣ эти примѣты непремѣнно разразятся всеобщимъ землетрясеніемъ и всеобщимъ катаклизмомъ.

Русскіе въ Парижѣ и сама Императрица въ Петербургѣ не пребывали въ слѣпомъ увѣреніи, что во Франціи все состоитъ благополучно. Броженіе французскихъ умовъ казалось имъ ненадежнымъ и не безопаснымъ. Тому доказательство находится между прочимъ и въ письмахъ, которыя также имѣю въ рукахъ, и которыя также истекаютъ изъ того-же источника, на который указано выше. Еще въ 1778 году Графъ Иванъ Чернышевъ доводилъ до свѣдѣнія Императрицы о пребываніи Франклина въ Парижѣ, о впечатлѣніи, которое онъ производилъ на Дворъ, на публику и собственно на Королеву, нѣсколько поднимавшую на-смѣхъ республиканскую простоту американскаго посла, доктора Франклина. «Votre Majesté» пишетъ онъ, «verra l'intérêt que prend ici le ministère aux affaires de l'Amérique, et combien il doit lui coûter de millions pour entretenir cette effervescence du cabinet de Versailles — au reste tous les esprits ici sont montés au plus haut degré, et l'on ne peut guère prévoir par quoi cette fermentation finira; l'explosion peut-être terrible. La légèreté nationale est à son comble, il est difficile de donner un terme à son impulsion qui pourrait fort bien devenir un torrent auquel rien ne résistera.

Въ отвѣтъ на это письмо Императрица говоритъ: «Je n'aime pas que Mme Marie Antoinette rie tant et sur tout. Il est vrai qu'elle est femme, et très femme! Je le suis aussi un peu, mais à sa place et dans ses circonstances, je craindrais qu'on ne me dise: «Rira bien qui rira le dernier.» Tâchez de savoir ce qu'en pense le vieux papa de Maurepas!» *

---

* Морепа былъ Министромъ при Людовикѣ XV и XVI. Въ то время, когда Екатерина писала о немъ, ему было 80 лѣтъ.

Въ нижеслѣдующей статьѣ выраженіе Екатерины объ Англіи можетъ возбудить нѣкоторое недоумѣніе: что́ именно подразумѣвала она подъ *фанатизмомъ Англіи:* «L'Angleterre! Le fanatisme l'a élevée, le fanatisme la soutient, le fanatisme la détruira.» Указывается-ли здѣсь на отношенія Англіи къ Ирландіи, въ которой много превышающее большинство народонаселенія принадлежитъ, по исповѣданію Римской Церкви, а между тѣмъ Государственною церковью въ Ирландіи признается одна — церковь Англиканская и содержится Ирландскими деньгами. Признаетъ-ли Императрица *фанатизмомъ* политическое самоуваженіе, самохваленіе, доходящее въ Англіи до крайности, особенно въ отношеніи ея къ другимъ державамъ и къ другимъ народностямъ. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, есть что-то не христіанское, а часто какая-то суровая сила римскаго паганизма. Впрочемъ, трудно рѣшить это недоумѣніе.

При этомъ пророчествѣ можно вспомнить и позднѣйшее пророчество Хомякова въ прекрасномъ стихотвореніи его «Островъ»:

«Островъ пышный, островъ чудный
Ты краса подлунной всей,
Лучшій камень изумрудный
Въ голубомъ вѣнцѣ морей!»

Далѣе онъ также угрожаетъ Англіи, что она поплатится за славу свою:

«Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда;
Но за то, что церковь Божью
Святотатственной рукой
Приковала ты къ подножью
Власти суетной, земной:
Для тебя, морей царица,
День придетъ — и близокъ онъ —
Блескъ твой, злато, багряница,
Все пройдетъ, минетъ, какъ сонъ:
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ,
Перестанетъ мечь сверкать,
И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли ясной благодать.

Есть еще другое поясненіе пророчеству Екатерины. Вотъ что говоритъ одинъ изъ читателей записки Екатерины: «Въ 1780 году, въ маѣ мѣсяцѣ, лордъ Георгій Гордонъ возбудилъ въ Лондонѣ чернь противъ католиковъ.

Нѣсколько дней дрались на лондонскихъ улицахъ. Католическія капеллы министровъ Баварскаго и Сардинскаго были чернью разорены и преданы огню. То-же было и съ тюрьмами и нѣкоторыми домами частныхъ лицъ.» Можетъ-быть, подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія и написаны строки Императрицы, подлежащія нынѣ нашему сомнѣнію.

Billet de l'Impératrice Catherine II au Comte Ivan Czernicheff *.

Comte Ivan! Je vous envoie ce que vous m'avez demandé hier, tel que je vous l'ai lu. Vous avez beau dire que je devrais le continuer, je n'en ai ni l'envie, ni le temps!... D'ailleurs il nous est trop aisé, à nous autres Oints du Seigneur de prophétiser, pour le faire avec quelque satisfaction pour l'amour-propre. Nous savons à peu près ce que chacun veut! Nous savons de plus ce que chacun peut! Avec ces données, un prophète ne devient presque qu'un charlatan. Si je voulais parler sur l'avenir, je crois bien que j'étonnerais toute l'Europe! mais je la crois déjà assez de me voir à ma place, et je me tais! Adieu, à ce soir, rappelez-moi de ce que j'ai à vous dire par rapport à la personne dont nous avons parlé hier.

NB. Ce billet contenait le papier qu'on va lire, également écrit de Sa main, *avec tout plein de corrections et de ratures.*

---

* Переводъ.

Графъ Иванъ! Посылаю вамъ то, что вы у меня вчера просили, въ томъ видѣ въ какомъ оно вамъ прочитано было мною. Что вы ни говорите, будто я должна продолжать это писаніе, у меня нѣтъ на то ни охоты, ни времени!... При томъ нашему брату, помазаннику Господню, такъ легко пророчить, что оно не можетъ льстить самолюбію, мы приблизительно знаемъ, чего всякій хочетъ! Знаемъ, что всякій можетъ. При этихъ данныхъ пророкъ становится почти шарлатаномъ. Если бы я вздумала говорить о будущемъ, то, пожалуй, удивила бы всю Европу! Но я считаю ее уже достаточно озадаченною видѣть меня на томъ мѣстѣ, которое занимаю, и я молчу! Прощайте, до сегодняшняго вечера, напомните мнѣ о томъ, что я должна сказать вамъ объ особѣ про которую мы говорили вчера.

Записка эта содержала бумагу, здѣсь прилагаемую, равнымъ образомъ писанную рукою Государыни.

Ma foi! sur l'avenir bien fou qui se fiera;
Tel qui rit vendredi dimanche pleurera!...

Le début de la comédie des *Plaideurs* de Racine peut selon moi s'appliquer à tout! à commencer par les Souverains, et à finir par les sujets!... Je le prouve!... Chaque nation occupe tour à tour la scène de ce bas monde!... Maintenant toutes les puissances sont dans leurs crises! Elles éprouvent alternativement ces convulsions passagères, qui ébranlent, renversent, ou élèvent les empires. Buffon a prédit qu'un jour une comète devait dans sa course accrocher et entraîner notre globe! Je crois qu'elle sera dirigée de l'occident à l'orient. Quoiqu'il en soit, je prédis en attendant, que la France, l'Autriche, la Prusse et la Russie s'entre-choqueront pendant quelque temps, se feront réciproquement de profondes blessures, se guériront l'une par l'autre et monteront toutes quatre au plus haut degré de gloire! L'Autriche sera la première dont les plaies se rouvriront, elle bravera trop sa convalescence et voudra tromper son médecin.

La Turquie respire un peu, malgré de gros bobos et un abcès interne qui se forme. La Pologne s'accoutumera à sa destinée chancelante! L'Italie attend et espère! Venise s'attriste, la Suisse se lasse de sa prospérité, l'Amérique se forme!

L'Angleterre! le fanatisme l'a élevée, le fanatisme la soutient, le fanatisme la détruira!

«По истинѣ, безумно довѣряться будущему.
Кто въ пятницу смѣется, тому придется плакать въ воскресенье».

Начало комедіи Расина: «тяжущіеся,» по моему мнѣнію, можетъ относиться ко всему! Начиная съ Государей и кончая подданными!... Я доказываю это!... Каждый народъ поочередно занимаетъ сцену на этомъ свѣтѣ!... Въ настоящее время всѣ государства переживаютъ кризисъ! Онѣ попеременно испытываютъ тѣ переходныя конвульсіи, которыя потрясаютъ, рушатъ или превозносятъ царства. Бюффонъ предсказалъ, что комета на пути своемъ зацѣпитъ и увлечетъ нашъ земный шаръ! Я полагаю, что она будетъ направляться отъ запада къ востоку. Какъ бы то ни было, покамѣстъ я предсказываю, что Франція, Австрія, Пруссія и Россія придутъ въ столкновеніе, нанесутъ другъ другу глубокія раны, взаимно излечатся и достигнутъ всѣ четыре высшей степени славы! Прежде другихъ снова откроются раны Австріи, она понадѣется на свое выздоровленіе и захочетъ обмануть своего доктора.

Турція дышетъ по немногу, не смотря на значительныя язвы и образующійся внутренній нарывъ. Польша привыкнетъ къ шаткости судьбы своей! Италія ждетъ и надѣется! Венеція грустить, Швейцарія тяготится своимъ благосостояніемъ, Америка образуется!

Англія! фанатизмъ возвысилъ ее, фанатизмъ ее поддерживаетъ, фанатизмъ ее погубитъ.

L'Espagne, le Portugal, la Hollande, le Danemark, la Suède, paraîtront, disparaîtront et reparaîtront comme des balles d'escamoteur. Le plus habile à s'en servir, pourra en étonner l'Europe! On peut aussi les comparer à des pilules pour aider à une purge qui n'aurait pas fait tout l'effet qu'on en attendait.... Malgré ces demi-vérités sur les sorts des puissances, il faut en revenir aux *Plaideurs* de Racine, et dire avec lui.:

«Ma foi! sur l'avenir bien fou qui se fiera;...»

On peut avoir de l'esprit, du talent, des moeurs, de la vertu, de la raison impunément; mais non de la gloire, des succès, de la fortune et surtout de la faveur!... Remporter une victoire, n'est rien; une terre, c'est quelque chose; de l'argent, c'est tout!... Les riches ont un très étonnant empire sur l'espèce humaine, puisque les rois même finissent par respecter ceux qui se sont enrichis!...

Les moralistes travaillent à corriger les abus; mais est-il bien sûr que les hommes soyent susceptibles d'une certaine perfection? Ils ont tout épuré! les connaissances, les arts, la nature même; mais l'homme est toujours demeuré au même point! Homère a peint Ulysse, Agamemnon, Calchas, Thersite! ne semble-t-il pas que la peinture est d'avant-hier!!! d'autres nous ont parlé des Titus, des Néron, des Lucrèce, des Messaline, etc. Hélas! Les originaux sont encore vivants et ne mourront jamais!

De cette immutabilité ne pourrait-on pas conclure, que l'homme n'est

---

Испанія, Португалія, Голландія, Данія, Швеція будутъ появляться, исчезать, снова появляться какъ шары фокусника. Кто сумѣетъ половчѣе съ ними управиться, тотъ можетъ удивить Европу..... Ихъ можно сравнить еще съ пилюлями, назначенными содѣйствовать не вполнѣ удавшемуся дѣйствію лекарства.....

Несмотря на эти полуистины относительно судьбы государствъ, нельзя не вернуться къ Расиновой комедіи и не сказать вмѣстѣ съ нимъ:

«По истинѣ, безумно довѣряться будущему!»

Можно безнаказанно быть умнымъ, талантливымъ, нравственнымъ, добродѣтельнымъ, но нельзя безнаказанно достигнуть славы, успѣховъ, счастья и въ особенности удачи!.... Одержать побѣду — ничто; добыть землю — нѣчто; нажить деньги.... все. Богачи имѣютъ изумительное вліяніе на человѣческій родъ, самые государи кончаютъ тѣмъ, что уважаютъ обогатившихся.

Моралисты трудятся надъ искорененіемъ злоупотребленій; но достовѣрно ли, что родъ людской способенъ усовершенствоваться? Они все улучшали, познанія, искусство, самую природу; но человѣкъ остался на той же точкѣ. Гомеръ изобразивъ Улисса, Агамемнона, Калхаса, Терсита! не кажется ли, что описанія эти сдѣланы вчера!!! Другіе говорили намъ о Титахъ, Неронахъ, Лукреціяхъ, Мессалинахъ и пр. Увы! Оригиналы еще живы и не умрутъ никогда! Не надлежитъ ли изъ этой неизмѣняемости вывести то заключеніе, что человѣкъ неспособенъ передѣлывать себя ни

pas susceptible de changement tant au moral, qu'au physique. et qu'il ne peut pas plus acquérir une vertu, ou un vice, qu'un sixième sens.... Au cas qu'il n'en ait que cinq!... Est-il bien sûr encore, qu'il y ait cette différence réelle entre nos qualités et nos défauts? Qui se vantera, par exemple, de tracer la ligne de démarcation entre l'orgueil et l'estime de soi-même?... la modestie et la timidité?... l'indulgence et la faiblesse? la fermeté et l'entêtement? etc. etc. etc.

Mais malgré ces dernières vérités sur les hommes il faut en revenir aux *Plaideurs* de Racine, et dire avec lui:

«Ma foi! sur l'avenir bien fou qui se fiera»!...

NB. Sur le manuscrit original de cette pièce, il est écrit de la main du Cte I. Czernicheff: reçu ce matin 17 juin, 1780, à Tsarsko-célo, de la part de S. M. I.

нравственно ни физически, и что онъ не можетъ усвоить добродѣтель или порокъ точно также какъ не можетъ пріобрѣсти шестое чувство... Впрочемъ въ томъ случаѣ, что рѣшительно всего пять чувствъ!... Да еще вѣрно ли и то, что между нашими добродѣтелями и пороками есть такая существенная разница? Кто напримѣръ можетъ похвалиться, что проведетъ черту разграниченія между надменностью и самоуваженіемъ? между скромностью и застѣнчивостью? снисходительностью и слабостью? твердостью и упрямствомъ? и пр. и пр.

Но не смотря на эти послѣднія истины о людяхъ, все таки надо вернуться къ «тяжущимся» Расина и сказать съ нимъ:

«По истинѣ, безумно довѣряться будущему!»

На оригинальной рукописи рукою Гр. И. Чернышева отмѣчено: получено сегодня 17 Іюня 1780 г., въ Царскомъ Селѣ отъ Е. И. В.

МНѢНІЕ АДМИРАЛА Н. С. МОРДВИНОВА

ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ ПУБЛИЧНЫХЪ БИБЛІОТЕКЪ ВЪ РОССІИ.

(Сообщено **Е. М. Ѳеоктистовымъ.**)

Милостивый Государь,

Арсеній Андреевичъ!

Зная изъ многихъ случаевъ, что народное просвѣщеніе, а съ нимъ вмѣстѣ и народная, въ особенности же земледѣльческая промышленность весьма много замедляются у насъ въ своихъ успѣхахъ, отъ коихъ зависитъ усовершеніе общежительности и возрастаніе народнаго богатства, — недостаткомъ по Россійскимъ губерніямъ средствъ къ полученію основательныхъ о наукахъ и искуствахъ разнаго рода свѣдѣній, ибо таковыя средства находятся до селѣ только въ С. Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, гдѣ заведены публичныя библіотеки для чтенія и гдѣ всякій небогатой человѣкъ можетъ по крайней мѣрѣ за небольшую плату пользоваться всѣми сочиненіями и журналами, на Россійскомъ и иностранномъ языкахъ, Императорское Вольное Экономическое Общество, пекущееся о усовершеніи народной промышленности, поручило мнѣ отнестись къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою, не изыщете ли вы средствъ, чрезъ сношенія съ начальниками губерній и предводителями дворянства къ заведенію публичныхъ библіотекъ, въ коихъ бы всѣ жители оныхъ могли пользоваться чтеніемъ книгъ, выходящихъ по крайней мѣрѣ на Россійскомъ языкѣ, и въ коихъ бы могли составляться общія подписки на полученіе Россійскихъ литературныхъ и ученыхъ журналовъ, подобно тому какъ сіе заведено въ Одессѣ. Общество обѣщаетъ съ своей стороны, для положенія основанія таковымъ библіотекамъ доставить въ оныя по два экземпляра всѣхъ изданныхъ имъ до селѣ сочиненій и переводовъ безденежно, да и впредь доставлять такимъ

же образомъ всѣ печатаемыя имъ книги. Оно не сомнѣвается, что примѣру его послѣдуютъ и всѣ прочія Россійскія ученыя общества и даже многіе частные сочинители и издатели, какъ это доказано уже примѣромъ Одесской библіотеки.

Для начальнаго обзаведенія таковыхъ библіотекъ помѣщеніемъ, мебелью и другими потребностями безъ сомнѣнія потребуются не большія суммы, кои дворянскія и градскія общества неукоснятъ пожертвовать на пользу общую.

Я увѣренъ, что ваше высокопревосходительство, по любви вашей ко всему полезному для отечества, не оставите безъ уваженія сіе желаніе Вольнаго Экономическаго Общества: ибо исполненіе онаго чрезвычайно много можетъ способствовать народнымъ улучшеніямъ во всѣхъ родахъ и будетъ безъ сомнѣнія не только эпохою въ семъ отношеніи, но и великимъ памятникомъ счастливаго и благодѣтельнаго царствованія Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя нашего и памятникомъ исполнителей благихъ намѣреній его.

Извѣстно, что богатые люди у насъ большею частію почти ничего нечитаютъ и не слѣдуютъ за успѣхами наукъ и промышленности, а средняго состоянія и недостаточные граждане не имѣютъ возможности пользоваться книгами и періодическими сочиненіями, кои бы знакомили ихъ съ ходомъ и успѣхами просвѣщенія; ибо при теперешнемъ положеніи городовъ нашихъ, всякой долженъ покупать для себя книги и журналы, ежели хочетъ пользоваться ими, а сіе требуетъ въ годъ болѣе 500 руб. издержекъ даже на однѣ Россійскія сколько нибудь замѣчательныя книги, издержки же сего рода для немногихъ возможны. Съ учрежденіемъ публичныхъ библіотекъ не только прекратится препятствіе народному просвѣщенію, ибо всякой за пожертвованіе на содержаніе библіотеки одного рубля, или даже гораздо менѣе, въ состояніи будетъ пользоваться полезнѣйшими и Россійскими и даже иностранными сочиненіями и журналами, но и откроются многіе другіе способы къ народнымъ улучшеніямъ.

Съ симъ учрежденіемъ: *во первыхъ*, возродится въ городахъ нашихъ духъ общественности и взаимныхъ совѣтовъ у жителей, кои нынѣ не имѣютъ общаго мѣста для встрѣчи и разсужденій о дѣлахъ касающихся успѣховъ просвѣщенія и промышленности; *во вторыхъ*, откроется большій сбытъ для хорошихъ сочиненій по части наукъ и промышленности, кои до селѣ у насъ почти не имѣютъ хода, а чрезъ то многіе изъ ученыхъ людей обратятся къ изданію полезныхъ книгъ; *въ третьихъ*, откроются мѣста, въ кои могутъ посылать для обнародованія сочинители, изобрѣтатели машинъ и усовершенствованныхъ способовъ промышленности и предприниматели разныхъ нововведеній свои проекты, разсужденія, программы, описанія, модели и рисунки

разныхъ изобрѣтеній, *въ четвертыхъ*, откроется возможность чрезъ мѣста сіи собирать разныя статистическія свѣдѣнія, коихъ недостатокъ столько чувствителенъ въ Россіи и проч. и проч.

Всѣ сіи выгоды столь важны въ государственномъ отношеніи, что, мнѣ кажется, сіе дѣло совершено быть можетъ однимъ усердіемъ дворянскихъ и градскихъ обществъ, ежели начальники губерній примутъ въономъ должное участіе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть,

Вашего Высокопревосходительства
Милостивый Государь
покорнѣйшимъ слугою
Подписалъ: Н. Мордвиновъ.

Вѣрно:
№ 222.
23 Апрѣля 1830 года.
Его Высокопревосходительству
А. А. Закревскому.

На основаніи вышеприведеннаго мнѣнія адмирала Мордвинова, министръ внутреннихъ дѣлъ, А. А. Закревскій, обратился съ циркуляромъ къ издателямъ журналовъ и многимъ литераторамъ. Только двое изъ нихъ, Полевой и Булгаринъ, отвѣчали подробными письмами, которыя при семъ прилагаются подъ №№ 1 и 2.

1.

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь.

Удостоясь чести быть увѣдомленнымъ чрезъ письмо ваше о предположеніи заведенія публичныхъ библіотекъ по губернскимъ городамъ, долгомъ считаю принести глубокую благодарность вашему высокопревосходительству за приглашеніе и меня участвовать по силамъ въ семъ предпріятіи. Пользы онаго очевидны и неоспоримы. Отъ васъ, достойнаго вельможи обажаемаго нами Монарха, всѣ мы, и всегда, ожидали споспѣшествованія отечественному просвѣщенію: ожиданія наши исполняются.

Желая доказать готовность мою къ дѣлу патріотическому, я покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство позволить мнѣ принести въ даръ каждой изъ губернскихъ библіотекъ, сколько ихъ будетъ, по одному экземпляру всѣхъ изданныхъ, и издаваемыхъ мною книгъ. Для сего отдѣляю я— 50 экземпляровъ Исторіи Русскаго народа, въ 12 томахъ (изъ коихъ 1-й уже изданъ, а остальные будутъ незамедлительно издаваемы).

50 экземпляровъ повѣстей и анекдотовъ, въ 6 частяхъ (изъ коихъ 4 уже изданы, а остальныя печатаются).

50 экземпляровъ Рѣчи о невещественномъ капиталѣ.

Издаваемаго мною журнала: *Московскій Телеграфъ*, на сей годъ, по причинѣ распродажи, я не имѣю въ распоряженіи ни одного экземпляра; но съ будущаго 1831 года готовъ представить также 50 экземпляровъ съ обязанностію жертвовать ежегодно такое количество, пока Телеграфъ будетъ издаваемъ.

Охотно принося что могу, осмѣливаюсь просить ваше высокопревосходительство, чтобы пересылку сихъ книгъ на мѣста, произвесть уже не на счетъ мой, назначивъ мнѣ, куда долженъ я доставить оныя въ С.-Петербургъ, или кому отдавать здѣсь въ Москвѣ, ибо пересылка по почтѣ составитъ значительный счетъ, который, при моемъ состояніи, былъ-бы для меня обременителенъ.

Пользуясь счастливымъ для меня случаемъ изъявить вашему высокопревосходительству чувства сердечнаго почтенія моего къ Особѣ Вашей—Вельможи-Патріота и Споспѣшествователя просвѣщенія, съ истиннымъ, глубочайшимъ высокопочитаніемъ, честь имѣю быть,

Вашего Высокопревосходительства
Милостиваго Государя
покорнѣйшій слуга
Николай Полевой.

Іюля 17 дня 1830 года.
Москва.

2.

Милостивый Государь
Арсеній Андреевичъ!

Зная вашу любовь къ истинѣ и совершенное безпристрастіе въ дѣлахъ, осмѣливаюсь отвѣчать на благосклонное письмо вашего высокопревосходительства со всею откровенностью стараго солдата и съ полною довѣренностью человѣка преданнаго вамъ душею. Благоволите выслушать!

О заведеніи публичныхъ библіотекъ въ губернскихъ городахъ, помышляла еще Великая Екатерина, но не исполнила сего намѣренія, по недостатку суммъ, требующихся на сей предметъ. По сей причинѣ не только Императорская Публичная библіотека, но и библіотеки казенныхъ учебныхъ заведеній весьма неполны и вовсе не соотвѣтствуютъ своей цѣли, не имѣя сочиненій изданныхъ въ XIX вѣкѣ, въ которомъ науки приняли другое направленіе. Если предположить, что публичныя библіотеки въ губернскихъ городахъ будутъ наполняться только Русскими книгами, (по дороговизнѣ иностранныхъ и невозможности имѣть столь много комплектныхъ библіотекъ), въ такомъ случаѣ, сіи заведенія могутъ принесть одну существенную пользу, а именно могутъ содѣйствовать *нѣсколько* книжной промышленности, покупая ученыя сочиненія, мало читаемыя публикою. Но содѣйствовать сильно распространенію просвѣщенія, библіотеки не въ состояніи, ибо во первыхъ надлежитъ стараться имѣть достаточное число литераторовъ и ученыхъ, тру-

дящихся къ упроченію наукъ и словесности въ отечествѣ, а послѣ собирать ихъ творенія, такъ точно какъ сперва должно имѣть рабочихъ и матеріалы, а послѣ строить домъ. Нынѣ литература наша бѣдна. Литераторовъ весьма мало, и именно потому что учеными трудами невозможно пропитаться. Истиннымъ Патріотамъ, радѣющимъ о распространеніи просвѣщенія въ отечествѣ, прежде всего надлежало бы подумать, какимъ образомъ доставить литераторамъ средства имѣть жизнь независимую. Это одно возвыситъ словесность и распространитъ просвѣщеніе въ Россіи. Должно, чтобъ умъ и трудолюбіе составляли капиталъ и питали трудящихся на пользу общую. Но если бѣдные литераторы должны будутъ безвозмездно наполнять библіотеки своими кровавыми трудами, то кончится тѣмъ, что не будетъ ни читателей, ни библіотекъ! Россійскимъ вельможамъ предлежитъ похвальный подвигъ жертвовать, отъ избытковъ своихъ, на поддержаніе гибнущей Русской Литературы и по примѣру Англіи, Франціи и даже бѣднаго Царства Польскаго, составить общество для печатанія классическихъ твореній и продажи оныхъ по самой низкой цѣнѣ, для покупки сочиненій у нуждающихся авторовъ и, въ слѣдствіе всего этого, для заведенія библіотекъ. Николаю Семеновичу Мордвинову легко составлять проекты или возобновлять устарѣлые планы, а еще легче жертвовать на пользу общую чужимъ добромъ! Ваше высокопревосходительство благоволили увѣдомить меня, что Николай Семеновичъ жертвуетъ трудами Вольнаго Экономическаго Общества, которое имѣетъ огромные капиталы отъ щедротъ Августѣйшихъ Монарховъ и печатаетъ свои труды на счетъ казны общества. Книги сіи пріобрѣтаются единственно желающими получить званіе члена общества а въ книжныхъ лавкахъ продаются на вѣсъ. Подобная жертва не раззоритъ ни общество, ни президента онаго! Но еслибъ мы, частные люди, вздумали пожертвовать нашими журналами въ библіотеки, то съ перваго разу лишились бы ежегодно пяти тысячь рублей, а считая на каждый экземпляръ по пяти подписчиковъ, мы потеряли бы болѣе 30,000 руб., что составитъ гораздо болѣе половины всего дохода, получаемаго редакціею. Уважая патріотизмъ Николая Семеновича Мордвинова, объявляющійся въ многоразличныхъ мнѣніяхъ, ходящихъ по рукамъ, мнѣ однакожъ неизвѣстно чтобы онъ когда либо пожертвовалъ на пользу отечества такою суммою какая требуется нынѣ отъ насъ, бѣдныхъ литераторовъ. Положеніе наше можетъ казаться, со стороны, блистательнымъ, если кто захочетъ сосчитать число журналовъ, поступающихъ на почту. Но издержки наши по изданію столь велики, что мы едва можемъ жить нашими доходами, трудясь денно и нощно, теряя здоровье и получая безпрерывныя непріятности. Кромѣ того, мы дѣлимся доходами нашими со многими литераторами и раздаемъ до 300 экземпляровъ безденежно какъ просвѣщеннымъ людямъ, скупо на-

дѣленнымъ дарами фортуны, такъ и учебнымъ заведеніямъ, неимѣющимъ суммъ на выписку журналовъ. Мы съ нашей стороны дѣлаемъ все, что возможно, на поддержаніе упадающей литературы, но лишить себя послѣдняго куска хлѣба даже не имѣемъ права, ибо кромѣ Греча и меня, въ редакціи нашихъ журналовъ участвуютъ нѣсколько литераторовъ, съ правомъ собственности, по соединеніи нѣсколькихъ журналовъ въ два изданія.

Мнѣ весьма больно, что я, будучи душевно преданъ вашему высокопревосходительству, не могу исполнить вашего желанія, которое объявлено вами единственно по недостатку свѣдѣній о положеніи редакціи журналовъ, въ которыхъ я учавствую. Повѣрьте мнѣ, что одна только невозможность могла удержать меня отъ исполненія вашей воли! Когда приходитъ къ тому, что должно лишиться самому и лишить многихъ насущнаго хлѣба, тогда изчезаютъ всѣ приличія. Это законъ природы. Редакція же наша лишась ежегодно 30,000 рублей, не могла бы держаться и одну недѣлю. Дастъ Богъ, поживемъ, увидимъ какую жертву принесетъ на алтарь отечественнаго просвѣщенія, самъ почтенный изобрѣтатель проекта, любимецъ фортуны, Николай Семеновичъ Мордвиновъ! Тогда, слѣдуя его великодушному примѣру, каждый гражданинъ пожертвуетъ частію своего достоянія на учрежденіе публичныхъ библіотекъ по губерніямъ.

Изъ письма вашего высокопревосходительства, вижу я, что библіотеки въ губернскихъ городахъ заводятся для распространенія полезныхъ свѣдѣній по части наукъ и искусствъ, слѣдовательно онѣ должны вмѣщать классическія творенія и ученые журналы. Мы же издаемъ журналы политическословесные, которые не есть принадлежность библіотекъ, а есть уже роскошью познаній и служитъ болѣе къ отдохновенію послѣ ученыхъ трудовъ, нежели къ распространенію учености. Слѣдовательно, журналы вовсе несоотвѣтствуютъ той цѣли, съ какою заводятся библіотеки.

Простите мнѣ смѣлость мою и откровенность. Это несомнѣнный знакъ любви, преданности и глубочайшаго высокопочитанія съ коими честь имѣю пребыть

Дерптъ.
19 іюля 1830 года.

Вашего Высокопревосходительства
Милостиваго Государя
покорнѣйшимъ слугою
Ѳаддей Булгаринъ.

На письмѣ г. Булгарина сдѣлана слѣдующая собственноручная отмѣтка министра внутреннихъ дѣлъ А. А. Закревскаго: «не ожидалъ отъ него таковаго отвѣта, а тѣмъ болѣе съ укоризною другихъ; могъ просто отказаться, и тѣмъ дѣло кончено, но давать нравоученія не его дѣло. Очень сожалѣю, что къ нему писалъ. 25 іюля, 1830 года».

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

по дѣлу капитана Голохвастова въ заключеніи его въ острогъ Новгородскимъ губернаторомъ Сиверсомъ.

(Сообщено графомъ **А. С. Уваровымъ.**)

Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской.

Отъ Сената всеподданнѣйшій докладъ.

Въ 1774 году Декабря 30, по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, прислано въ Сенатъ на разсмотрѣніе отъ опредѣленнаго къ принятію на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества имя челобитенъ статскаго совѣтника Пастухова прошеніе, вѣдомства коллегіи экономіи казначея капитана Голохвастова, коимъ онъ приносилъ жалобу на бывшаго тогда Новгородскаго губернатора, что нынѣ въ должности Вашего Императорскаго Величества намѣстника Тверскаго, Новгородскаго и Псковскаго генералъ порутчика и кавалера Сиверса, въ заключеніи и содержаніи имъ его Голохвастова неповинно и безъ отвѣта его въ тюремномъ съ разбойниками острогѣ, и тѣмъ его во обруганіи; а Генваря 3-го 1775 года получено жъ и отвѣтное генералъ порутчика и кавалера Сиверса письмо, писанное къ тайному совѣтнику и кавалеру Стрекалову, по какимъ причинамъ оной Голохвастовъ на шесть часовъ въ острогъ имъ посаженъ былъ; которые прошеніе и отвѣтъ отъ 26 онаго жъ Генваря при указѣ изъ Сената отосланы были въ Юстицъ Кантору, съ тѣмъ, чтобы она на основаніи законовъ, приступя къ сему и разсмотря, представила Сенату со мнѣніемъ.

Вслѣдствіе того Юстицъ Канторою сіе дѣло произведено, и нынѣ въ Сенатъ со мнѣніемъ представлено, которое состоитъ въ слѣдующемъ: капитанъ Голохвастовъ въ помянутомъ данномъ Вашему Императорскому Величеству своемъ прошеніи написалъ, якобы Новгородской губернаторъ Сиверсъ, имѣя внутреннія на него Голохвастова по нанесеннымъ отъ многихъ клеветамъ злобы, и къ тому по случаю произшедшаго отъ обретающагося при Опеченской пристани генералъ-маіора и Мстинскихъ пороговъ главнаго командира Муравьева на него Голохвастова, за вступаніе имъ по должности къ защищенію отъ обидъ его Муравьева экономическихъ крестьянъ, не праваго представленія, якобы онъ Голохвастовъ чинитъ ему поношеніи, да будто бы и противъ его губернатора дѣлаетъ противности, съ котораго де времяни онъ Голохвастовъ отъ него губернатора наиболѣе гонимъ находился, и пригнавъ ему Голохвастову въ вину для чего у него рекруты въ здачу, якобы непорядочно идутъ, и не принявъ отъ него въ чемъ его состоитъ непорядокъ и проступки отвѣта, въ 1772 году Декабря 18 дня онъ губернаторъ въ губернской канцеляріи, призвавъ къ себѣ караульнаго при острогѣ офицера, приказалъ его Голохвастова со всякимъ при томъ ругательствомъ, сорвавъ шпагу, вести въ острогъ и посадить къ разбойникамъ, куды онъ и посаженъ былъ, и содержался болѣе шести часовъ, и потомъ по приказу его жъ губернатора, изъ того острога выпущенъ безъ всякой журнальной записки, за какую погрѣшность онъ такому наказанію подвергнутъ былъ, и тѣмъ чрезвычайно обруганъ; напротивъ того генералъ порутчикъ и кавалеръ Сиверсъ въ предписанномъ отвѣтѣ изъяснялся, что по бытности онаго капитана Голохвастова въ экономическихъ вотчинахъ казначеемъ по многимъ на него Голохвастова отъ экономическихъ крестьянъ жалобамъ, а особливо въ притѣсненіяхъ по рекрутскому набору, что онъ, защищая богатыхъ и семейныхъ, привлекалъ къ жеребью таковыхъ семей до коихъ очередь не доходила, и протчихъ непорядкахъ, за оные ему Голохвастову отъ него генералъ порутчика чинены были частые выговоры, а какъ де изъ одной большой вотчины (званія которой онъ уже не помнитъ) дошли до него на онаго Голохвастова многія жалобы о не очередномъ вопреки мірскаго приговора представленіи рекрутъ, по которымъ въ разные дни были ему Голохвастову за непорядки отъ него генерала порутчика выговоры жъ, и о сохраненіи впредь порядка подтвержденіи, но и за тѣмъ онъ Голохвастовъ въ таковой же несправедливости обличенъ оригинальнымъ мірскимъ приговоромъ, то онъ генералъ-порутчикъ уже не зналъ какъ его Голохвастова, презирающаго его выговоры и подтвержденіи, воздержать и другимъ встрахъ приказалъ его отвести въ острогъ, гдѣ онъ нѣсколько часовъ и содержанъ былъ, и потомъ по приказанію его освобожденъ, а при томъ де онъ Голохвастовъ почти слезно его

генералъ порутчика просилъ, чтобъ потому дѣлу письменнаго производства не имѣть, котораго и не было; послѣ того онъ же генералъ порутчикъ въ Юстицъ Кантору сообщеніемъ далъ знать, что до свидѣтелей касается которыми бъ онъ то, что Вашему Императорскому Величеству отвѣчалъ, доказать могъ, то съ его стороны хотя губернская канцелярія полна была людей всякаго рода, и тотъ покой гдѣ оное происходило наполненъ былъ дворянами, во всѣ тѣ дни ему генералъ порутчику памятно быть не можетъ, и хотябъ кого и примѣтилъ, то онъ ни котораго благороднаго человѣка трудить о подтвержденіи его показанія не желаетъ; потомъ сообщеніемъ же объявилъ и еще о происходимыхъ у него генералъ-порутчика на того жъ казначея Голохвастова жалобахъ по разнымъ десяти дѣламъ; но оной Голохвастовъ въ Юстицъ Канторѣ во всѣхъ предписанныхъ якобы его непорядкахъ, какъ и въ просьбѣ о не произведеніи о томъ его наказаніи письменно, не признался, а утверждалъ, что то въ острогѣ содержаніе ему произошло единственно только отъ гоненія его онымъ генералъ-порутчикомъ Сиверсомъ; на требованіе жъ во оную Юстицъ Кантору изъ Канторы Экономіи сообщено, что изъ показанныхъ десяти дѣлъ, четырехъ во оной канторѣ по справкѣ не оказалось, изъ прочихъ же за тѣмъ шести разныхъ крестьянскихъ дѣлъ, нѣкоторыя въ той конторѣ производимы были при бывшихъ прежде его Голохвастова казначеяхъ, и до него Голохвастова непринадлежатъ, а кои производились хотя въ бытность и его Голохвастова казначеемъ, но по онымъ несправедливыхъ и противныхъ законамъ его Голохвастова поступокъ, какъ отъ Канторы Экономіи не показано, такъ и оною Юстицъ Канторою не найдено, а въ данномъ ему Голохвастову изъ Канторы Экономіи аттестатѣ и именно показано, что онъ Голохвастовъ, въ бытность его въ вѣдомствѣ той конторы съ 1768 года въ Великихъ Лукахъ и въ Боровицкомъ уѣздѣ въ экономическихъ вотчинахъ 1773 г. Марта по 1-е число (то есть по смѣну по прошенію его за болѣзнію) велъ себя добропорядочно, и никакихъ худыхъ поступокъ за нимъ не присмотрено, ни въ какихъ штрафахъ и подозрѣніяхъ не бывалъ, тако жъ и отъ крестьянъ ни отъ кого и ни въ чемъ на него жалобъ нѣтъ.

Даннаго отъ Вашего Императорскаго Величества въ 1764 году губернаторамъ наставленія въ статьяхъ предписано: въ 1-й, «Губернаторъ, какъ «повѣренная отъ Вашего Императорскаго Величества особа, и какъ глава и «хозяинъ всей врученной въ смотреніе его губерніи состоять имѣетъ подъ соб- «ственнымъ Вашего Императорскаго Величества и Сената вѣденіемъ»; въ 4-й, «губернаторъ недремлющимъ окомъ въ губерніи своей взираетъ на то, чтобъ «всѣ и каждый по званію своему исполнялъ съ возможнымъ радѣніемъ свою «должность, содержа въ ненарушимомъ сохраненіи указы и узаконенія Ва- «шего Величества, чтобъ правосудіе и истина во всѣхъ судебныхъ подчинен-

«ныхъ ему мѣстахъ обитали, и буде нерадивыхъ о должности своей или порочныхъ людей примѣтитъ, то можетъ онъ понуждать и исправлять ихъ разными «въ законахъ изображенныхъ образы, а въ случаѣ безнадежнаго исправленія «имѣетъ власть отрѣшить отъ мѣста, и представя въ Сенатъ понудившія его «къ такому дѣйствію пороки отрѣшеннаго, требуетъ на то мѣсто достойнѣйшаго человѣка, а Сенатъ, разсмотря, опредѣляетъ другаго, но есть ли отрѣшенный неправедно къ тому отъ него осудится, и можетъ доказать что по «нападкамъ или по какому нибудь пристрастію губернаторъ такъ поступилъ «съ нимъ, то имѣетъ право приносить справедливые свои жалобы Сенату, «который въ томъ представляетъ со мнѣніемъ своимъ Вашему Императорскому Величеству».

Протчими жъ законами повелѣно: указомъ 1714 года Апрѣля 4-го, «для «лучшаго порядку какъ въ Сенатѣ такъ въ войскахъ и губерніяхъ всѣмъ «дѣламъ чинить протоколы, когда какое дѣло рѣшить, или указъ куды послать, или что вновь постановить, а безъ того отнюдь не дерзать никому «ктобъ какой саржи ни былъ, но чинить по изображенному въ томъ указѣ «порядку;» Генеральнаго Регламента 6-ю главою, «когда въ Коллегіи по «порядку дѣламъ предложеніе учинено будетъ, то одно по другомъ чрезъ «нотаріуса записывать въ протоколъ и потомъ во всей Коллегіи каждое дѣло «обстоятельно разсуждать и вершеніе чинить, и оное явственно въ протоколъ вносить; 54-ю, чтобъ подчиненные служители Коллегіевъ, Канцеляріей «и Канторъ надлежащее послушаніе вышнимъ своимъ чинили, а сіи бъ противъ того яко своими въ чинѣ помощники и служители по каждому характеру и почтенію поступали, и не соизволяется чтобъ наипослѣдніе служители «въ Коллегіяхъ непристойнымъ поступкомъ побоями и другимъ непорядочнымъ образомъ, но по приговорамъ и правамъ трактованы были; воинскаго устава 50 главы во второмъ пунктѣ, надлежитъ по ближайшимъ «пунктамъ къ каждому преступленію осуждать, выписывая оные въ приговорахъ къ преступленію виннаго, и на кого не точію наказывать, ниже «штрафовать безъ фергирунга и воинскаго суда; воинскимъ же 152 артикуломъ, ежели кто другаго неодумавшись съ сердца или неопамятовався «бранными словами выбранитъ, оный предъ судомъ у обиженнаго Христіанское прощеніе имѣетъ чинить и просить о прощеніи, и ежели гораздо жестоко бранилъ, то сверхъ того наказаніемъ денежнымъ и сноснымъ заключеніемъ наказанъ будетъ.»

По содержанію сихъ законовъ, Юстицъ-Кантора, внесеннымъ въ Сенатъ мнѣніемъ генералъ-порутчика и кавалера Сиверса, во учиненномъ имъ посаженіемъ помянутаго бывшаго казначея капитана Голохвастова безъ взятья отъ него противъ, якобы приносимыхъ отъ крестьянъ и рекрутъ на него

Голохвастова жалобъ и просьбъ письменнаго отвѣта, и безъ произведенія надлежащаго суда, да и безъ всякой же о томъ протокольной записки въ тюремномъ острогѣ (въ которомъ содержатся разбойники и тому подобные преступники) заключеніемъ и содержаніемъ тамъ обще съ оными подъ карауломъ, съ силою тѣхъ законовъ несогласномъ поступкѣ, и чрезъ то оному Голохвастову, какъ дворянину и имѣющему оберъ-офицерскую честь въ нанесенной обидѣ и безчестье обвиняя, присуждаетъ по силѣ вышеозначеннаго воинскаго 152 артикула ему генералъ-порутчику и кавалеру просить у онаго Голохвастова въ присутственномъ мѣстѣ предъ судомъ христіанскаго прощенія, а сверхъ того, въ разсужденіи что дворянину и оберъ-офицеру заключеніе безъ суда въ тюрьму и обще съ колодниками и самое малое время подъ карауломъ содержаніе, весьма огорчительнѣе бранныхъ словъ, за безчестіе ему жъ генералъ-поручику и кавалеру удовольствовать его Голохвастова по окладу годоваго армейскому капитану жалованья деньгами, а о непорицаніи его Голохвастова тѣмъ что онъ содержанъ былъ обще съ разбойниками въ острогѣ, дать ему съ прочетомъ указъ.

Сенатъ, разсматривая сіе дѣло и взнесенное отъ Юстицъ-Канторы мнѣніе, хотя и находитъ оное основаннымъ на вышедонесенныхъ законахъ, но чтобъ генералъ-порутчикъ Сиверсъ къ таковому поступку приступилъ по злобѣ на него Голохвастова, или за что изъ мщенія, того не видно, а произошло оное какъ изъ обстоятельствъ дѣла познается, только отъ скорости, которой могло быть причиною желаніе по возложенной на него какъ на губернатора должности, исправить поспѣшно безъ изслѣдованія и безъ всякаго письменнаго производства такого подчиненнаго, которой казался ему быть виновнымъ, и по сему исполнилъ толь строгое надъ нимъ Голохвастовымъ наказаніе не согласно съ законами, коими предписано не токмо никого безъ суда не наказыватъ но и не признавать виновнымъ, а посему Сенатъ хотя и не можетъ Вашему Императорскому Величеству инаго представить какъ соглашенія своего съ мнѣніемъ Юстицъ-Канторы, но въ разсужденіи примѣчаемаго въ семъ поступкѣ вышедонесеннаго губернаторскаго усердія къ службѣ, отъ коего и сіе происшествіе по скорости начало свое взяло, также и того что генералъ-поручикъ Сиверсъ по Высочайшей довѣренности Вашего Императорскаго Величества удостоенъ нынѣ править должность Государева Намѣстника, при каковомъ званіи Юстицъ-Канторское мнѣніе чтобъ предъ судомъ публично просить ему у Голохвастова христіанскаго проценія, не только бы было оному званію не совмѣстно, но и предразсудительно; то и осмѣливается Сенатъ сверхъ присужденнаго денежнаго штрафа вмѣсто полагаемой просьбы о христіанскомъ прощеніи, велѣть Юстицъ-Канторѣ дать только Голохвастову съ прочетомъ указъ о его невинности.

Что жъ касается до показанія помянутаго Голохвастова на Генералъ-Маіора Муравьева, въ обидахъ отъ него якобы здѣланныхъ экономическимъ крестьянамъ, о чемъ Юстицъ-Канторою еще недослѣдовано, то Сенатъ поручилъ оное окончить и буде подлинно они были обижены въ доставленіи удовлетворенія, возложилъ на попеченіе Коллегіи Экономіи; почему и сію часть дѣла опредѣлилъ отослать изъ Юстицъ-Канторы въ оную Коллегію.

Все сіе Сенатъ подвергая Высочайшему Вашего Императорскаго Величества соизволенію, ожидаетъ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа.

(Подписали) Князь Петръ Трубецкой.
Степанъ Ушаковъ.
Николай Неплюевъ.
(Скрѣпилъ) Оберъ-Секретарь Федоръ Гордеевъ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
2	8	16-гэ Ноября	6-го Ноября
2	14	1672	1660
39	28	Толь	Толль
52	25	обстоятельствъ	столкновеній
85	34	Лудовикѣ XVI	Людовикѣ XVI
101	16	совѣт	совѣт-
108	31	Петровскій заводъ	Петровскій дворецъ
116	18	локуля	Локуля
123	30	Велькнеръ	Вёльнеръ
131	33	Скіадина	Скіадана
145	16	Владиміра Ивановича Лупина	Владиміра Игнатьевича Лукина
155	21, 23, 27	Подходяшинъ	Походяшинъ
156	9	Н. Е.	И. П.
165	38	орденовъ	орденовъ
165	40	документовъ	документовъ,
184	33	Инокентія	Иннокентія
190	35	1706	1796 г.
192	40	пр. 36	прим. 28 и 39
203	34	прим. 20	прим. 23
205	40	прим. 21	прим. 24
206	38	прим. 36	прим. 28 и 39
208	42	1796	1805 г.
230	37	прим. 20	прим. 23
232	38	прим. 12	прим. 23 и 26
260	36	Лизаря	Лазаря
270	41	расказа	разсказа
288	23	Богу	Бога
289	35	4-го	5-го
294	11	дли	для
337	33	ботѣе	болѣе